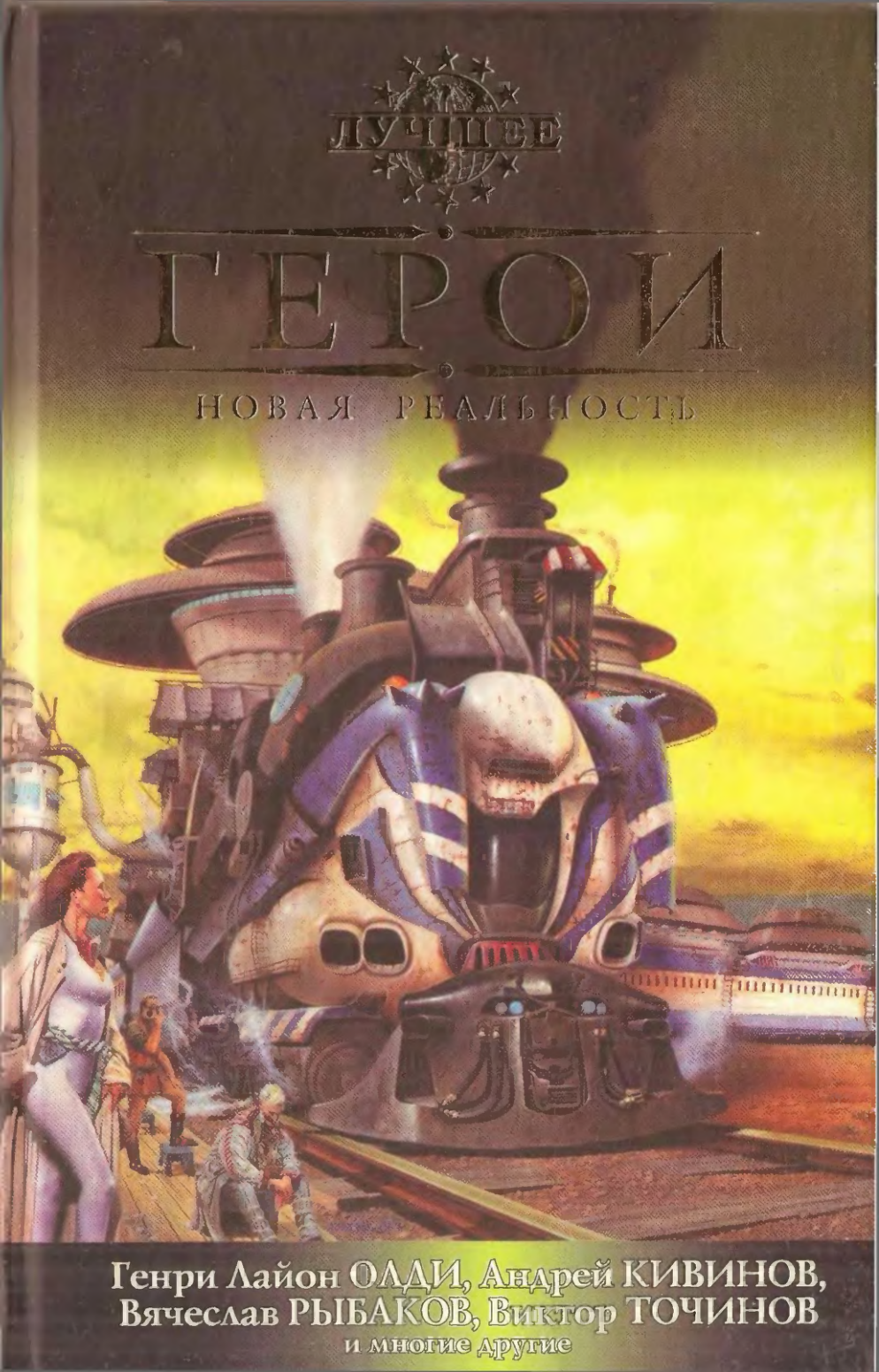
ЛУЧШЕЕ
ГЕРОИ
НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
Генри Лайон ОЛДИ, Андрей КИВИНОВ,
Вячеслав РЫБАКОВ, Виктор ТОЧИНОВ
и многие другие

ГЕРОИ

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Санкт-Петербург
Издательская Группа «Азбука-классика»
2010

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Г 39

Оформление Александра Золотухина

Г 39 **Герои**. Новая реальность: Антология. — СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. — 640 с.
ISBN 978-5-9985-0755-7

В 2008 году антология «Герои. Другая реальность» была признана лучшим тематическим сборником по версии журнала «Мир фантастики». История продолжается: ведущие писатели России и зарубежья развивают тему на страницах новой книги. Генри Лайон Олди и Андрей Кивинов, Вячеслав Рыбаков и Далия Трускиновская, Виктор Точинов и Лев Гурский — эти имена давно знакомы и заслуженно любимы поклонниками фантастического и детективного жанров. Писатели предлагают свои версии развития событий, знакомых нам по произведениям Толкина и Стругацких, Олеши и Чехова, Конан Дойла и Свифта. Добро пожаловать во вселенную литературной игры, вселенную «альтернативной классики»!

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

© В. Владимирский, составление, предисловие, 2010
© Т. Алёшкин, В. Арсеев, Н. Батхен, Я. Веров, Л. Гурский, М. Дробкова, А. Кивинов, Д. Клугер, И. Минаков, М. Назаренко, Г. Л. Олди, Вяч. Рыбаков, В. Точинов, Д. Трускиновская, В. Щепетнёв, 2010
© ООО «Мединна», концепция и название сборника, 2010
© Издательская Группа «Азбука-классика», 2010

ISBN 978-5-9985-0755-7

От составителя

Вышедшая в 2008 году антология «Герои. Другая реальность» под редакцией Натальи Резановой и Виктора Точинова не только собрала хорошую прессу и была отмечена редакцией журнала «Мир фантастики» как лучший российский тематический сборник сезона. Прежде всего, она оказалась неожиданно тепло принята читателями. В чем же привлекательность концепции «альтернативной классики», тонкая прелесть повестей и рассказов, в которых действуют герои Мелвилла и Свифта, Чехова и Олеши, Ефремова и Толкина, причем действуют, как правило, в весьма непривычном для нас амплуа? Каким образом постмодернистская литературная игра смогла привлечь благосклонное внимание широкой аудитории? Сложно ответить на этот вопрос однозначно. Пожалуй, главный секрет кроется в узнаваемости: подавляющее большинство персонажей, представленных на страницах «Героев», знакомы нам, что называется, со школьной скамьи — и многими, что бы ни говорили о вреде преподавания классики в школе, искренне любимы. Кто откажется узнать, как бы повели себя в иных, непривычных обстоятельствах Андрей Болконский и Том Сойер, Ромео и капитан Блад, Шерлок Холмс и Родион Раскольников? Этот эффект, к слову, не первый год активно используют многие популярные авторы — достаточно вспомнить опыт Бориса Акунина, творчески переосмыслившего чеховскую «Чайку».

Сейчас, когда вы держите в руках второй выпуск антологии, самое время сказать несколько слов о том, чем

она отличается от первой, — ну, кроме фигуры составителя, разумеется. Во-первых, книга стала значительно толще, объемнее почти на треть, это сразу бросается в глаза внимательному читателю. Во-вторых, разнообразнее стал состав: на сей раз вас ждет встреча не только с литературными героями, но и, например, со штандартенфюрером СС Штирлицом из культового телесериала советских времен «Семнадцать мгновений весны». Наконец, пестрее стал авторский состав: помимо писателей-фантастов (именитых, как Генри Лайон Олди, Далия Трускиновская, Вячеслав Рыбаков, Даниэль Клугер и Виктор Точинов, и многообещающих, но куда менее известных отечественному читателю), «за нашу сборную» в этом тайме играют два представителя другого жанра: Андрей Кивинов, приобретший известность благодаря сериалам «Менты» и «Улицы разбитых фонарей», и Лев Гурский, автор иронических детективов «Убить президента», «Перемена мест», «Траектория копья» и так далее.

Надеюсь, эти нововведения пойдут на пользу проекту в целом, тем более что мы постарались и в новой книге сохранить в неприкосновенности лучшие черты, которые характеризовали первых «Героев»: остроумие, неожиданность сюжетных ходов и, конечно же, безусловное уважение к текстам оригинальных произведений. Последнее, если вдуматься, совершенно логично — только человек, искренне любящий и ценящий текст классика, возьмется за продолжение, рискуя вызвать шквал негодования со стороны пуристов. Хочется верить, что литературная игра, которую мы затеяли, придется вам по душе и подарит не меньше положительных эмоций, чем ее участникам. Добро пожаловать во вселенную «альтернативной классики»!

Василий Владимирский

ВИКТОР ТОЧИНОВ

Не стреляйте в демонов моря

(Маленький печальный триллер)

В глубине, в самом сердце океана, плывет Белый Кит.

Потоки окружают его, и все волны и воды проходят над ним. Мощь его сотрясает море — волны рождает он, а волны рождают ветер.

Имя ему — Левиафан. Служение его — быть Демоном Моря. Волны — любимые дети его; волны, что питаются людьми и кораблями.

И несется над водами шхуна неистового капитана Ахава, китобоя из Нантаккета. Капитан ее страшен и яростен, ничто и никогда не остановит его. Белого Кита он зовет Моби Диком — и поклялся убить Демона Моря.

Где-то и когда-то столкнутся они, и сила разобьется о ненависть, и мощь поглотит ярость. Разве можно убить Демона? Не вернется в Нантаккет капитан Ахав...

Так говорят романтики, так писал великий из них — Герман Мелвилл.

Скептики и практики возражают: да, бывают белые киты. Цвет кожи такой — пигмента не хватает. Да, редки — и нелегко найти в безбрежном океане кита-альбиноса. Но бессмертный дух стихии, Демон Моря? — не смешите, любого кита можно убить. Если подойти на верный выстрел. Убить, и накачать сжатым воздухом, и отбуксировать к плавбазе, и втащить по наклонному пандусу на ее палубу, и...

Хорошо.

Можно.

Но тогда послушайте, как оно было...

1. О вреде всеобщей грамотности

Конечно, тот факт, что большинство граждан умеет читать и даже писать, сам по себе не вреден. Весь вопрос в том, *что* люди читают и какие из этого делают выводы.

Например, правоохранительные органы многих стран проклинают тот день и час, когда англоязычный писатель Фаулз задумал свой роман «Коллекционер».

Интересная вроде книжка и написана мастерски, да вот беда: кинулись народные массы опробовать изобретенную и подробно описанную автором методику — как добиться любимой, но равнодушной к тебе женщины: оборудовать в глухом местечке звукоизолированный подвальчик, запастись хлороформом и т. д.

В ход пошли самые разные сооружения: секретные комнаты в городских домах, подвалы, тайно выкопанные в сельских коттеджах, частные бомбоубежища, возведенные во множестве в ожидании Третьей мировой. Один американский типчик, не мудрствуя, оборудовал под каземат купленную по дешевке и зарытую в землю емкость из-под горючего. Но того женщины не интересовали — заманив соседа на презентацию нового погреба, полгода с детским энтузиазмом играл в тюремщика, пока полиция штата и ФБР сбивались с ног в поисках пропавшего...

Но рекорд в этих постлитературных играх принадлежит, конечно, нашей стране. Два индивида, выкопав под гаражом в Подмосковье многокомнатный бункер, заселили его заманенными из окрестных общаг молодыми и одинокими лимитчицами. А для самоокупаемости гаремчика заставили заниматься пошивом халатов и наволочек. Подпольный, в прямом смысле слова, кооператив приносил неплохую прибыль до самой его принудительной ликвидации. Ну и кто там говорит, что рабский труд непроизводителен? Это, граждане, смотря как поставить дело.

А все началось с книжечки в мягкой обложке...

Прежде писатели поаккуратнее были. В старые времена за подобные штучки запросто можно было сгореть на костре из собственных творений. При этом подходе у пишущей братии такой внутренний редактор развивался —

любой Главлит обзавидуется. Каждую свою фразу по семь раз отмеряли. Но зато и создавали шедевры. На века.

Сейчас, конечно, цензуры никакой. Писатель что в голову пришло, то и пописывает, читатель почитывает, издатель денежку гребет...

Но это сейчас, а порожденная прочитанной книжкой история, которую я хотел рассказать, началась гораздо раньше, в незабвенное Потерянное Время — время фанфарно-звонких побед везде и во всем: в тайге и в тундре, на Земле и в Космосе, на суше и в океане... Побед, обернувшихся одним большим поражением.

2. Хочу кита

Сергей Викторович Рогожин, директор НИИ океанологии, профессор, доктор биологических наук и лауреат Государственной премии СССР, тоже, понятное дело, умел читать. И на беду себе и окружающим прочел одну интересную книжицу — «Моби Дик» называется. История белого кита, сиречь Демона Моря.

Причем прочитал он ее даже дважды. Первый раз — в школе, когда будущий лауреат и профессор учился в шестом классе и жутко обижался на кличку Рожа-Рогожа. Книжка вышла в серии «Мир приключений», и Рогожа, весьма уважавший приключения вкупе с детективами и фантастикой, цепко ухватил ее с библиотечной полки.

Но неведомый автор с нерусской фамилией Мелвилл грубо насмеялся над чистой тягой юноши к знаниям: приключений в объемистом томе оказалось мало. Зато нашлось много философских сентенций и рассуждений, лирических отступлений, аллюзий и намеков на вещи, о которых Рожа-Рогожа не слыхивал. Всю эту словесную дребедень он пролистывал не читая, пока не убедился, что книжка приближается к концу, а вожделенные приключения все не начинаются. Возвращавший роман в библиотеку Рогожа был крепко обижен на Германа Мелвилла...

Второй раз «Моби Дик» попался в руки Сергея Викторовича пятнадцать лет спустя, когда свежеиспеченным

кандидатом биологических наук участвовал он в экспедиции на НИС[1] «Звезда».

Ах, что это было за время!

Ветер романтики шестидесятых годов развевал густую еще шевелюру Сержа, все казалось по плечу, все задачи были решаемы и все проблемы преодолимы, а полное и окончательное счастье виделось совсем рядом, буквально в двух кабельтовых к норд-весту...

Молодой ученый выглядел тогда как живая иллюстрация к балладам Визбора: шкиперская бородка, толстый свитер со стоячим воротником, прокуренная трубка и потертая гитара с набором р-романтических песен.

Мечтатель и идеалист, он принимал даже неистребимое тресковое амбре «Звезды» (в девичестве — рыболовецкого траулера) за аромат дальних странствий и незнаемых берегов. И конечно, будущий открыватель великих тайн океана во втором знакомстве воспринял философию Мелвилла уже совсем по-другому — как отражение своих, любовно выношенных мыслей о себе и окружающем мире.

Белый кит отныне стал для него средоточием тупой и хаотичной Природы, могучей и бессмысленной одновременно. И Сергей дал клятву, как Герцен на Воробьевых горах: пронзать гарпуном научного познания эту стихийную и опасную силу до полного ее покорения в интересах грядущего всеобщего счастья.

Время шло. Романтический настрой испарялся, как талые лужи оттепели. Идеалы тускнели. Но мысль загарпунить Белого Кита, уже не символ агрессивных природных сил, а вполне реальное животное, глубоко засела в мозгу делавшего стремительную карьеру океанолога. Превратилась в своего рода навязчивую идею.

Разные бывают у людей мании. Эта, прямо скажем, еще относительно безобидная.

* * *

Сергей Викторович Рогожин, профессор, доктор и т. д. (см. выше) ликовал. И основания тому имелись.

---

[1] *НИС* — научно-исследовательское судно.

Вчера украсился последней разрешающей подписью проект строительства нового здания НИИ. И Сергей Викторович, развернув на необъятном директорском столе большой, сорок восьмого формата, лист, снова и снова любовался грядущим общим видом своего любимого детища.

Он ведь во многом был соавтором готовившей проект группы архитекторов. Более того, считал себя главным творцом развернувшейся на листе красоты. Наследники Воронихина и Растрелли казались Рогожину всего лишь мелкими техническими исполнителями его дерзновенных фантазий.

Особую гордость директора вызывал громадный холл-вестибюль грядущего дворца науки. Сергей Викторович строил глобальные планы относительно огромного зала, украшенного на эскизе колоннами и зимним садом. Он хотел разместить там кита. Здоровенный костяк кита, на зависть питерскому Зоологическому музею.

Причем — кита белого.

Конечно, по скелету масть этой громадины не больно и угадаешь. Но такое упущение должно было возмещаться *наличием в том же зале большой, три на десять, картины.* Или мозаичного панно — с техникой исполнения шедевра Рогожин еще не определился. Художественное произведение изображало бы охоту на огромного разъяренного Моби Дика. Белое чудовище, по замыслу профессора и лауреата, дробит гигантскими челюстями китобойный вельбот с вопящими от ужаса людьми. Чуть поодаль виднеются среди волн обломки другой лодки и головы тонущих неудачников. А на переднем плане гордый мускулистый китобой на носу третьего вельбота заносит над головой смертоносный гарпун. И так заносит, что любому ясно — настал для кита-убийцы судный час. Что там Делакруа с его львами...

Китобой, между прочим, предполагался несколько похожим на самого Сергея Викторовича. Не на пышнего, полысевшего и растолстевшего, но на того, молодого, энергичного парня с НИС «Звезда».

А вечерами, по приезде важных гостей или после удачных защит, зал превращался бы в небольшой приватный ресторанчик под неформальным названием «Чрево кита». В мечтах Рогожину уже виделись крахмальные скатерти на

составленных буквой «П» меж гигантских ребер столиках; столовские работницы в белоснежных передниках и наколках, подающие разные вкусные вещи; и венчающий вечер десерт — огромный торт в виде обмазанного белым кремом кита. Рогожин очень любил вкусную и здоровую пищу.

...Оторвавшись от приятных размышлений, директор с сожалением свернул эскиз и вызвал секретаршу — диктовать приказ об отбытии собственной персоны на Дальний Восток.

3. Директорское сафари

На Тихоокеанской китобойной флотилии институт океанологии и лично его директора любили и жаловали.

Ведь именно контора Рогожина производила учет китового поголовья и принимала прямое участие в определении норм добычи, в свою очередь напрямую связанных с зарплатой китобоев. Посланцев института принимали самым радушным образом, в лучших традициях дальневосточного гостеприимства. Для желающих выйти в море на судах флотилии с какими-либо научными целями тоже всегда находились места с вполне комфортабельными условиями — по меркам китобойного судна, естественно.

Океанологи с трудом тащили по возвращении редкие деликатесы и деликатесные редкости — от икры и крабов до совсем уж экзотичных маринованных осьминогов по-китайски. Понятное дело, квоты на добычу никогда не подводили чаяний гостеприимных хозяев. Рука руку мост, как выразился однажды светлейший князь Потемкин, получив от благодарной императрицы чуть не миллион десятин чернозема в свежезавоеванной Тавриде.

А считать китов можно всяко, у них номера на спинах не проставлены. И плавают туда-сюда совершенно бестолково — глупые, одним словом, животные.

Кстати, всеобщее убеждение о разумности китообразных произошло в основном от их внешнего вида. И мало соответствует действительности.

У дельфинов, одно время произведенных чуть не в братья по разуму, за высоким сократовским лбом мозгов, извините, нет. Там у них огромный жировой пузырь — орган

ориентировки и равновесия. Сам мозг значительно дальше и из себя совсем даже небольшой относительно размеров тела. Малоразвитый. А что они в бассейнах через обруч прыгают — так с голодухи за ставридку и не такое покажешь...

Прочим представителям их семейства, китам с косатками, отсутствие излишних извилин тоже плавать не мешает.

А подлинные интеллектуалы моря, как доподлинно известно океанологам, — крупные осьминоги, порой даже использующие примитивные орудия для извлечения моллюсков из раковин. В одной из своих ранних работ Рогожин особо подчеркивал, как эти головоногие подтверждают мысль Энгельса о глубокой связи в развитии мозга и конечностей. Правда, на партбюро его по-товарищески покритиковали. Объяснили, что Энгельс никак не мог иметь в виду щупальца подобных скользких и классово чуждых тварей.

...На китовое сафари Сергей Викторович отправился, бросив родной институт без малейших угрызений совести. Надо было спешить. Хотя строительство нового здания не подошло даже к нулевому циклу, о ките следовало позаботиться заранее. Имелась причина.

Продажные западные политиканы, подстрекаемые движениями набирающих силу «зеленых», все чаще ставили во всех международных организациях вопрос о запрете китового промысла. О полном запрете — по крайней мере до конца века. Нудили о восстановлении популяций, не принимая во внимание пятилетних планов партии и правительства.

И в самых верхах ходили слухи, что соответствующие конвенции будут-таки вскоре подписаны. Поскольку «зеленые» не только китов охраняют, но и весьма даже нужными делами порой занимаются — то пикетируют и блокируют вражьи военные базы, то на дурацких надувных лодочках мешают плавать опять же вражьим боевым кораблям... И ссориться с этими придурковатыми «Гринписами» не с руки, а вот выступить защитниками братьев меньших от хищнического истребления международным капиталом — наоборот, политически правильно.

* * *

Знаменитый капитан Ахав был дилетантом — с современной точки зрения.

Приколотил к мачте золотой дублон, пообещав его тому из команды, кто высмотрит на горизонте белого кита. И бедные морячки неделями пялились в безбрежные морские просторы... Причем без уверенности, что в каком-либо порту этот пробитый ржавым гвоздем дублон им разменяют.

Теперь все проще.

Если уважаемая организация сообщает: для научных целей нужен кит-альбинос, — то у пышнейшего Моби Дика возможностей ускользнуть не больше, чем у карпа в рыбном магазине шансов спастись от сачка продавщицы.

...К делу подключили авиаразведку, при нужде могли привлечь и космическую — связи у Рогожина имелись. Но хватило и самолетов. Дважды засеченные белые объекты оказывались на деле стадами белух, но на третий раз радиограмма подтвердила: найден, дескать, недалеко от острова Кетой потребный экспонат.

Готовьте банку с формалином.

Сергей Викторович, грызший ногти от нетерпения на материке, немедленно вылетел вертолетом на китобойную плавбазу, вокруг которой как мухи вились маленькие и юркие суда-китобойцы. Командовал плавучей базой старый знакомец Рогожина...

* * *

— Эх, Серега, разве теперь киты пошли... Так, мелочь одна.— Флагман-капитан китобойной флотилии Савва Матвеевич Погорин вздохнул и плеснул себе и Рогожину еще коньяка из пузатой зеленой бутылки.

Легкое волнение в предназначенной для самых почетных гостей каюте плавбазы «Уссурийск» почти не ощущалось. В углу раздавалось сладострастное постанывание и прочие охи-вздохи — на видео крутилась гонконгская порнушка. Сергей Викторович порой поглядывал на сплетение смуглых тел, но капитан принципиально сидел к экрану спиной. Включал, похоже, заморскую игрушку только для важных визитеров.

Савва Матвеевич с сомнением посмотрел на свою стопку, плеснул коньяка еще на два булька и продолжил:

— Вот, помню, в начале тридцатых мы на Командоры ходили, за сивучем. Так вода от планктона прямо зеленая,

и киты — ну натурально как коровы на пастбище. До сотни фонтанов за раз насчитывали. А промыслом-то китовым тогда не занимались, не было ни судов подходящих, ни пушек, ни специалистов знающих. Вот они, киты, совсем рядом, здоровенные, — а не взять. Бывало, пальну от бессилия из винтовочки зверобойной в эту тушу — а он ну хоть бы дернулся... А теперь-то, конечно, не те киты пошли. Теперь, чтобы план выполнить, по всем четырем океанам мотаться приходится... Вот, помню, Серега, в прошлом году в Южной Атлантике, недалеко от Фолклендов...

Тут Рогожин мягко, но настойчиво прервал старика, переведя разговор на интересующую его проблему. За минувшие пять дней он досыта наслушался историй из неистощимого запаса ветерана, начинавшихся неизменным: «Вот, помню...» Но Савва Матвеевич был непреклонен:

— Нет, Серега, всю флотилию я к Кетою гнать не могу. Нет резона. Беляк твой – одинец, других в том районе не видели. Там и Сашка Березин на «Комсомольце» отлично справится. Через день-другой небо откроют, Сашка его возьмет, никуда он не денется... Накачает воздухом и притащит на буксире. Мариную.

Морской волк почесал изжелта-седую бороду и снова завел о своем, наболевшем:

— Кит нынче больно мелок пошел, Серега. И вот ведь фортель какой: план нам дают в тоннах, а нормы добычи — в штуках. Как нам, грешным, с такой мелкотой план выполнять? Уходят, уходят куда-то зверюги... Говорят, в Австралии на отмели береговые постоянно выбрасываются. Но сто голов, но двести... Сколько же добра пропадает... Ты бы посодействовал насчет норм, Серега? А уж мы отработаем, хоть тебе кита, хоть косатку, хоть еще какую диковинку...

Рогожин помолчал. По прибытии он постеснялся сказать старику про свое затаенное желание — самолично загарпунить белое чудо природы. И поначалу надеялся, что случай такой подвернется.

Но неведомый Саша Березин, готовый вступить в схватку с Моби Диком в ста милях к норд-осту, похоже, не оставлял Сергею Викторовичу надежд воплотить своими руками детскую мечту. Чтобы отвлечься, Рогожин стал рассказы-

вать флагман-капитану о разрабатываемой в его институте системе. Методика была действительно интересной и обещала превратить китобойный промысел просто в китоводство.

— Понимаете, Савва Матвеевич, все очень просто: каждого китенка метим радиобуйком. Крепление — штырек с зазубринами — находится в жировом слое, боли кит не чувствует. И четыре раза в сутки докладывает нам о своем местоположении.

— А кто батарейки в твоем буйке-...ке менять будет? — недоверчиво поинтересовался китобой. — Опять нам, грешным, придется?

— Батареек нет. Источник тока — прямоточная турбинка. Кит плывет, энергия накапливается, раз в шесть часов разряжается через передатчик. Геостационарные спутники берут координаты, передают на компьютер. А в нем все данные на кита, вплоть до ориентировочного веса. Мелочь добывать больше не придется, наводить будем только на крупных. Надежная система должна получиться, вроде заграничного КОСПАС-САРСАТа.

— Ох уж этот КОСПАС-САРСАТ... Один знакомец мой иностранный, шкипер Роджерс, так он тот КОСПАС просто всей душой ненавидит. И есть за что. Я, говорит, лучше уж по старинке тонуть буду, отстучав SOS морзянкой. С ним через САРСАТ довольно поганая история приключилась...

4. Кораблекрушение в ванной (история, рассказанная Саввой Матвеевичем)

Мы, Серега, с этим шкипером Роджерсом сезонов пять подряд южнее Дурбана встречались. Он тоже плавбазой командовал, английской. Там поля планктонные богатейшие, китов много подходит, хватало обоим.

Чтобы из-под носа друг у друга китов не стрелять, сразу договаривались: вот линия на карте, справа — твои, слева — мои. И даже соревнование с ним устраивали, социалистическое, — кто больше добудет в расчете на один китобоец. Или капиталистическое, это с какой стороны взглянуть. А приз, вместо переходящего красного знамени, — ящик виски.

Сначала лишь по рации общались, потом и в гости друг к другу ходить начали... Он по-русски только «мир, дружба, водка», но я-то на американском китобойце начинал, больше года стажировался, по-ихнему еще помню, так что общались запросто, без переводчика. (Савва Матвеевич, очевидно вспомнив подробности неформального общения, мечтательно причмокнул и плеснул еще коньяку себе и Рогожину.)

Парторг мой, правда, поначалу стойку делал, но тут пошла разрядка, разоружение и сплошные Хельсинкские соглашения. Брежневу, значит, в Америку можно, а мне обменяться опытом с зарубежным коллегой-китобоем уж и нельзя? Присмирел парторг, перестал катать телеги.

Так вот, говорит мне как-то приятель мой закордонный: мол, все, Савва Матвеевич, последний сезон охочусь, заработал пенсию, списываюсь на берег. Вот ведь они, англичане, — в сорок семь лет на пенсию, а?

(По тону Саввы Матвеевича Рогожин не понял, осуждает он эти буржуазные странности или наоборот.)

Его хозяева уговаривали остаться, но он уперся — двадцать пять лет отплавал, баста, хочу на берег. Ну ладно, закончили сезон, проставил Роджерс отвальную, распрощались.

Списался на берег, купил на заработанные коттедж приличный в Шотландии, на отшибе в предгорье; соседи хоть и в трех милях, но люди хорошие; пенсия большая, живи и горя не знай. Так нет ведь, не сиделось ему что-то, не хватало чего-то. Моря ему, Серега, не хватало. Я вот ведь плавать буду, пока на медкомиссии за бутылку виски чужую кардиограмму в карточку подшить можно. Нечего мне на берегу делать, сотки-огурчики-помидорчики поздно осваивать...

Так Роджерс яхту себе купил. Решил по заливам и фиордам своей Шотландии попутешествовать. Яхта восьмиместная, не новая, но машина и оснастка в порядке, в кругосветку не пойдешь, а для шотландских заливов сгодится... Вот.

Арендовал пенсионер Роджерс место на стоянке при яхт-клубе Глазго, поставил туда посудину и пошел по толкучке прогуляться. А толкучка в порту Глазго, чтоб ты знал, Серега, место совсем особое. Там на распродажах много чего из морского имущества прикупить по дешевке

можно. По сроку списанного, но в дело вполне пригодного. И королевский ВМФ запасы распродаст, и частные судовладельцы...

Так вот, ходит пенсионер по толкучке, кое-какие мелочи для яхты присматривает. И вдруг видит спасательный радиобуй системы КОСПАС-САРСАТ. Потертый слегка, но, продавец клянется, вполне в рабочем состоянии. И просит за эту красоту всего пятнадцать фунтов. Роджерс подумал и купил. Фиорды и заливы — дело коварное, у берегов чаще тонут, чем в океане.

На яхт-стоянку возвращаться не стал, загрузил буй в машину, домой поехал. А дома, в коттедже, его вдруг сомнения одолели. Бэушный радиобуй это тебе не бэушный спасательный круг, проверить надо бы. Отколупнул пластинку защитную, кнопочку красную надавил. Запищал буй громко, как положено, лампа наверху замигала ярко. Работает, понятное дело. Роджерс скорей питание вырубает, пока сигнал не пошел на спутник, буй в шкаф прячет, до первого путешествия. А сам отправляется принять ванну.

Но надо сказать, Серега, англичане эти — люди не простые. Они вот такие вот люди... (Тут указательный палец Саввы Матвеевича описал направленную вверх спиралевидную кривую, призванную изобразить, какие люди эти англичане.) И радиобуйки у них не простые, с подвывертом. Их, буйки, включить легко, а потом хрен выключишь. И если источник питания вырубается, он, зараза, на запасную батарею переходит. Та послабее — мигалка со звуком отключаются. Но передатчик работать продолжает.

Так вот, плавает Роджерс в ванной, расслабляется после трудового пенсионерского дня. А буек стоит тихо в шкафу и шлет себе сигнал. Прямо на КОСПАСовские спутники. И завертелась система. Спутники коттедж пеленгуют и быстренько гонят сообщение на Бермуды, в штаб-квартиру САРСАТа. Там компьютер его расшифровывает, прикидывает треугольник ошибок к карте, опознает кодовый шифр буйка и выдает диспетчеру: на реке Литл-Крик, притоке Клайда, терпит бедствие грузо-пассажирское судно «Принц Уэльский», порт приписки Абердин. На борту, по данным четырехдневной давности, сто четырнадцать душ экипажа и пассажиров.

Ну, перерегистрировать буй на свою яхту Роджерс просто не успел. А Литл-Крик у него за домом действительно протекал. В основном весной протекал, летом там и хомяку, чтобы утопиться, долго бы глубину искать пришлось... Электроника, блин... Правильно, Серега, товарищ Сталин говорил в свое время: «Нэ может машина быт умнээ чэловэка».

Так эта же машина не только диспетчеру сообщение выдала, она его переслала, опять же по спутнику, через океан на ближайшую к месту крушения САРСАТовскую точку. А это база королевских ВВС в Монторуэлле. На базе играют полный аларм — сто четырнадцать человек тонут, не шутка. Поднимают два звена вертолетов, чтобы при случае всех разместить, включают свои пеленгаторы на КОСПАСовскую частоту и летят спасать. Подлетают, сигнал все сильнее, но судна на ручейке никакого не видят, только коттедж на берегу приткнулся.

Так вот, Роджерс еще и голову намылить не успел, вдруг на лужайке перед домишком его четыре боевых вертолета приземляются — двигатели ревут, стекла вылетают, цветочки в палисаднике в кашу, спасатели в оранжевых комбинезонах к коттеджу бегут, Роджерса спасать...

Ну, спасли его из ванной, понятно. И буек заглушили. А потом за оказанные услуги выставили счет. На тридцать две с половиной тысячи фунтов стерлингов. Тут никакой капитанской пенсии не хватит. Продал он яхту, и осенью мы опять южнее Дурбана встретились...

Причем китов он стал бить прямо с каким-то остервенением. Вот, помню, однажды у него... (Тут повествование было прервано срочным сообщением вахтенного. О дальнейшей судьбе незадачливого шкипера Рогожин так никогда и не узнал.)

5. Директорское сафари (окончание)

Вахтенный сообщил неожиданное, но радостное известие: в восьми милях к норду с «Краскома Шадрина» замечен белый кит. Оторвавшийся от обмишулившегося Саши Березина, капитана «Комсомольца Приамурья», Моби

Дик, на свою беду, полным ходом влетел в негостеприимные объятия главных сил эскадры Погорина.

Началась охота.

Совсем не хочется описывать, как наводили гарпунную пушку на обреченного белого гиганта, как полетел в цель смертоносный гарпун, снаряженный гранатой и полуметровыми лапами-зазубринами, как забился на прочнейшем нейлоновом лине властелин морей, повинный единственно цветом кожи. Не хочется. Противно...

Тем более что убил кита безымянный (для нашей истории) гарпунер с «Шадрина». Рогожина на китобоец Савва Матвеевич не отпустил, сказав, что ввиду усиливающегося волнения на болтающееся щепкой суденышко ни катером, ни вертолетом не добраться.

А посему перейдем сразу к событиям дня следующего.

...Юношеская мечта Рогожина лежала на просторной палубе «Уссурийска» грудой мертвого мяса. Сергей Викторович, экипированный в новую штормовку, подошел поближе. Моби Дик при внимательном рассмотрении оказался не таким уж и белым. Так, желтоватый с легкой прозеленью...

В душе было абсолютно пусто, ни малейшей эмоции. Подлец Мелвилл обманул Рожу-Рогожу еще раз. Охота закончилась, а приключения так и не начались. Брезгливо пнув тушу сапогом, директор и лауреат развернулся, сдвинул набекрень зюйдвестку, сделал мужественное лицо и взмахнул над головой старинным ручным гарпуном, хранившимся в качестве талисмана у Саввы Матвеевича. Сверкнула фотовспышка. Фотограф помудрил с объективом, отбежал подальше, щелкнул еще раз...

Надо сказать, получившиеся фотографии Рогожин никому никогда не показывал. На первой толстенький человек в нелепом маскарадном одеянии стоял на фоне не пойми чего, больше всего напоминающего вагонную простыню, проделавшую долгий путь Москва—Владивосток. На второй кит выглядел прилично, но вот доктор наук казался каким-то мелким, каким-то очень незначительным, даже насекомообразным каким-то.

Дальше начались будничные хлопоты: проследить, чтобы аккуратно расчлененный скелет (мясо и сало пошли на

нужды народного хозяйства) погрузили в строгом порядке в заранее подготовленные ящики; составить схему сборки-разборки этого гигантского конструктора; организовать отправку груза на материк и, уже железной дорогой, в институт... Рутина.

* * *

А может, и правы последние романтики, утверждающие, что белый кит — воплощение Демона Моря, дух изменчивой и чуждой человеку стихии? И что держаться от него лучше подальше. Демон ты или нет, с сидящей в гарпуне тротиловой гранатой особо не потягаешься. Только вот духи, такое дело, гораздо долговечнее бренного тела, даже китового. И имеют пакостную привычку мстить убийцам этого тела. Так ли это, или последовавшие странные события — лишь цепь житейских случайностей, решайте сами.

6. Первая жертва

Первой жертвой загробной мести Моби Дика стал институтский запойный грузчик Потапыч, бывший технический гений.

Когда-то, очень давно, Потапыч был инженером и заведовал опытно-производственной базой института. Причем инженером Буданов (сейчас фамилию Потапыча помнили лишь отдел кадров да несколько старожилов НИИ) был в самом старорежимном смысле этого слова, разительно отличаясь от мало что знающих и умеющих выпускников технических институтов. Потапыч поднялся к пику своей карьеры из простых рабочих и уже старшим техником, на излете четвертого десятка, заочно закончил вуз.

И руки, и голова у Потапыча работали одинаково хорошо — в технике он мог и умел все. Яйцеголовые деятели науки могли весьма невразумительно объяснять, что им, собственно, нужно — и больше ни о чем не заботиться. А Потапыч-Буданов выдавал им к нужному сроку необходимый прибор, зачастую не имеющий аналогов в обозримой части Вселенной. И еще четверть века назад сам великий Ширшов, корифей, академик и основоположник, го-

ворил, похлопывая Буданова по плечу: «Ну, Алексей Потапыч, ты — гений!»

Зря говорят, что все гении в *той* стране были непризнанны. По крайней мере, гениальность Потапыча заметили и вознаградили. Правда — скромно, по-советски. Чтобы не возгордился и не оторвался от народа. Но премии, грамоты с вымпелами, благодарности в приказах и путевки в Крым получал гений регулярно. Имел целый ряд авторских свидетельств на свои технические решения и даже был представлен к ордену «Знак Почета»...

Однако орден не получил, да и вообще карьера Потапыча пошла под уклон после одного злополучного изобретения.

А дело было так. Задушевный друг-приятель, в семейном бюджете которого повышение цены на главный продукт страны с трех шестидесяти двух аж почти до четырех с полтиной пробило ощутимую брешь, попросил сделать ему домашний микроспиртозавод. В просторечии — самогонный аппарат.

Ни с теорией, ни с практикой производства спиртов малопьющий Буданов не был знаком, но взялся за задачу с присущей ему обстоятельностью. Может быть, если бы приклепал он на скорую руку змеевик к бачку из нержавейки, так и катилась бы его жизнь по прежней колее, получил бы свой «Знак Почета», затем «Заслуженного изобретателя», вышел бы на пенсию, окруженный всеобщим уважением...

Но привык Потапыч делать все, за что брался, лучше, чем кто-либо до него. Теоретически задача была проста: температура кипения этилового спирта 83,7 градуса Цельсия. Увеличить ее — в выходящей смеси будет слишком много воды, чуть уменьшить — недопустимо увеличится процент ядовитых сивушных масел. Вопрос лишь в том, как удерживать с большой точностью заданную температуру при постоянно изменяющемся объеме кипящей жидкости. Не на шутку увлекшийся инженер проводил вечера за все более усложняющимися опытами.

Меченый борец с алкоголем тогда и в мыслях не приближался к главному креслу страны, отираясь на дальней периферии звездоносного генсека. Соответственно, не рыс-

кали по лестницам домов наряды с собаками-алкоголичками, делающими стойку на тянущийся из-за двери знакомый запашок, — трудам Потапыча никто не мешал.

Уже друг-приятель, удовлетворившись одной из промежуточных конструкций, давно переводил на эликсир веселья пуды дешевых карамелек-подушечек, а технический гений все продолжал свои поиски, заменяя хорошее на лучшее. Параллельно он проводил глубокие исследования в областях рецептуры и очистки.

Зримый и весомый результат наступил два года спустя — гости на дне рождения, отведав в целях эксперимента из двух поставленных перед каждым стопок казенной водки и огненной воды Потапыча, дружно обозвали самогонкой продукцию ликеро-водочного завода.

Дерзания конструкторской мысли привели к рождению сразу двух чудо-машин. Одна из них, замаскированная под холодильник и даже издающая приличествующие этому агрегату звуки, при работе на полную мощность могла выдать в сутки до полутора кубометров первоклассного спирта. Другая, снабженная электронным блоком управления на четырнадцати микросхемах и цифровой индикацией, была портативной и размещалась в небольшом дипломате. При отсутствии поблизости розетки дипломат мог до двух часов работать на автономном источнике питания, исправно снабжая владельца живительной влагой.

За годы поисков, находок и дегустаций Потапыч стал великим специалистом по гидролизу и ректификации, по виноделию и производству крепких напитков. Мог с лету ответить, чем отличается технология приготовления ямайского рома от кубинского. Освоил наиболее экономичные способы производства конечного продукта из четырех десятков видов сырья...

А кроме того — просто спился.

Что делать, таковы традиции старых русских инженеров и ученых. Построил мост — так и стой под ним при испытаниях, изобрел вакцину — так и коли ее себе первому. Это только нынешние все, что придумают, на нас испытывают.

На работе Потапыча поначалу ласково журили, с пониманием относясь к присущей многим русским талантам

слабости. Но затуманенный регулярными вечерними дегустациями мозг гения все чаще давал сбои при работе над темами, не связанными с алкогольным производством.

Однажды, изготовляя термостат-инкубатор, он вместо заданной температуры по привычке запрограммировал агрегат на роковые 83,7, загубив уникальную глубоководную микрофлору, опыты над которой требовались для докторской диссертации заместителя директора.

Это был Рубикон. Вместо премий на жертву науки посыпались выговоры, строгие выговоры и понижения в должности. Прежнее начальство, из уважения к былым заслугам, еще держало его на инженерной работе. Но произошедшая смена поколений в руководстве отечественной океанологией привела Потапыча обратно в техники. Потом, опускаясь все ниже и ниже с каждым кадровым приказом, он постепенно добрался до грузчика.

Из грузчиков его бы тоже уволили за постоянные нарушения трудовой дисциплины, но никогда не скупящийся на угощение коллегам Потапыч имел на них громадное влияние. Большее, чем комсорг, профорг и парторг, вместе взятые. Отдел кадров обоснованно опасался, что вслед за чемоданчиком уволенного бывшего гения, как за волшебной дудочкой Гаммельнского крысолова, покинут пределы института все грузчики, разнорабочие, слесари и электрики...

* * *

Октябрьским утром, когда в поросшем бурьяном углу обширного двора НИИ разгружали наконец прибывшие из Владивостока трофеи директорской охоты, Потапыч опять опоздал на работу.

Он медленно продвигался в сторону толпы в спецовках, облепившей огромный ящик с устрашающей надписью «ПРАВЫЕ РЕБРА» на боку. Две проблемы занимали мозг слабо реагирующего на эту суету гения: как разместить новую модель аппарата в корпусе карманных часов и что предпринять в затянувшейся войне с начальником институтской ВОХРы. Начальник всерьез вознамерился реквизировать легендарный дипломат, и его гнусные поползновения, переходящие в откровенную слежку, все больше тревожили Потапыча.

Очнулся от творческих раздумий изобретательный грузчик только в тот момент, когда понял, *куда* собираются поставить его коллеги грандиозный ящик.

Днище саркофага Моби Дика нацелилось прямо на любовно устроенный тайник, оберегающий волшебный чемоданчик от алчных домогательств ВОХРы. Секретное вместилище было замаскировано под небольшую, поросшую жухлой растительностью кочку и вполне могло выдержать вес взрослого человека. Но что сверху шлепнется не пойми откуда взявшийся кит... Такого, понятно, никакой гений не предусмотрит.

Бурный спринт Потапыча, мгновенно оценившего ужасную опасность, перешел в стелющийся над землей прыжок, достойный любого из прославленных футбольных голкиперов. Может, бедняга и успел бы выдернуть свое сокровище из сокращавшегося пространства под днищем ящика, если бы действовал молча.

Но рвущийся из глубин потрясенной души вопль заставил вздрогнуть напрягающих мышцы тружеников. У кого-то от неожиданности соскользнули пальцы с нижнего угла ящика, груз качнулся вниз, резко увеличив нагрузку на прочих атлантов. И с криком «Берегись, бросаю!» они попрыгали в стороны. Из-под рухнувшего ящика раздался мерзкий хруст...

А в следующий момент толстые доски обшивки вступили в столкновение с носовой частью человека-снаряда Потапыча, завершающего стремительный полет.

Вышедший присмотреть хозяйским оком за разгрузкой Рогожин увидел странное зрелище: три первых ящика стояли ровным рядком, а четвертый как-то криво и к тому же был забрызган каплями крови. Рядом кучка рабочих окружала бригадира, торопливо оказывающего первую помощь пострадавшему.

Хотя повреждения получил только кровоточащий орган обоняния Потапыча, бригадир накладывал тугую, виток к витку, повязку начиная с самой макушки горестно стонущей жертвы, издалека приближаясь к пораженному месту. Отчего несчастный постепенно приобретал вид, настойчиво взывающий о немедленной отправке в реанимацию.

В воздухе витал тот пронзительно-печальный аромат алкоголя, какой бывает над вынесенной из двухчасо-

вой очереди и неосторожно грохнутой об асфальт поллитровкой.

И это стало лишь началом...

7. События развиваются

Алла Эдуардовна была жутко недовольна.

Жильцы соседней девятиэтажки выжили ее из небольшого сквера под своими окнами. Сквер давно был облюбован Аллой Эдуардовной и другими окрестными собачниками для прогулок со своими любимцами. Но жильцы попались все какие-то нервные и склочные, что вполне объяснимо — аромат собачьих экскрементов физическое и моральное здоровье совсем не укрепляет.

Борьба за скверик — длительная, как Столетняя война, и так же изобилующая всевозможными стычками, обходными маневрами и военными хитростями — завершилась как раз сегодня полным поражением собаководов.

К двинувшейся привычным маршрутом со своим ненаглядным Гектором Алле Эдуардовне подошел их участковый и предложил малоприятный выбор: либо немедленно изыскать другое место для прогулок, либо прогуляться — но уже с ним и в отделение — на предмет составления протокола и уплаты штрафа. Судя по отсутствию прочих собаковладельцев в это популярное (шестой час вечера) для прогулок время, хозяйка Гектора стала не первой жертвой милицейского произвола.

И вот теперь она влачилась тропинкой по дальнему, за полторы остановки, пустырю, вдоль неосвещенного забора какого-то НИИ, и вокруг было холодно и очень неуютно. Правда, хулиганов и прочих таящихся в темноте опасностей Алла Эдуардовна не боялась — Гектор, здоровенный кудлатый пес неизвестной науке породы, служил вполне надежной защитой. Он, купленный четыре года назад своей одинокой хозяйкой под видом карликового (!) пинчера, бодро трусил по тропинке, явно довольный сменой надоевшего маршрута.

И тут с небес раздался страшный звук, и часть ярких осенних звезд оказалась закрытой большим предметом очень экзотичной формы.

Но Алла Эдуардовна, увлекающаяся в свободное от работы время летающими тарелками, снежными людьми, телепатией и прочей мистикой, заинтересоваться этим аномальным явлением толком не успела.

Потому что в следующую секунду неопознанный летающий объект совершил весьма жесткую посадку на ее ондатровую шапку-боярку. В терминах уфологии -- контакт второго рода. Незадачливая контактерша рухнула на подернутую октябрьским инеем траву. Напуганный Гектор рванулся, но не сумел ни сдернуть с руки намертво захлестнутый поводок, ни сдвинуть упавшую поперек тропы грузную хозяйку.

И он завыл, обратив морду в сторону проходившего невдалеке проспекта...

* * *

Если бы тренеры по легкой атлетике добровольного спортивного общества профсоюзов «Буревестник» имели странное обыкновение прогуливаться по темному двору института оксапологии, желательно вооружившись прибором ночного видения, их, тренеров, ждал бы в этот вечер приятный сюрприз.

Дело в том, что по темным закоулкам двора продвигался уверенным шагом хорошо изучившего дорогу человека разнорабочий четвертого разряда Пряжкин. На плечах его смутно виднелся здоровенный предмет вытянутой формы.

Этот Пряжкин задумал грандиозное дело — спереть из института кость от передней правой конечности Моби Дика. Путем перебрасывания через окружающий территорию четырехметровый бетонный забор. Похититель, не зная о наличии у Рогожина точнейшего списка и подробной схемы сборки, был уверен, что никто не заметит пропажи одного из бесчисленных мослов, разложенных для просушки на стеллажах институтского склада.

А зачем, спросит недоверчивый читатель, простому советскому пареньку-пролетарию этакая костяшка?

Да она вроде и ни к чему, но вот был у Пряжкина знакомый коллекционер всяких морских редкостей. Скромный такой коллекционер, сидевший по выходным на птичьем рынке за столиком, украшенным крупными раковинами, су-

шеными крабами и морскими звездами, а также надписью: «КУПЛЮ — ПОМЕНЯЮ.»

Невинное хобби этого гражданина не привлекло внимания ни представителей преступного мира, ни, как следствие, стражей правопорядка. И те и другие больше интересуются собирателями картин, монет и антиквариата. Упомянутые граждане обеих категорий весьма сильно бы удивились, узнав, что один западный немец (с проходившего в рогожинском НИИ конгресса гидробиологов), с большим трудом заманенный натуралистом-любителем в набитую редкостями квартирку, с лету предложил приобрести коллекцию для своего института за сто двадцать тысяч марок...

Пряжкин, подцепленный коллекционером в соседствующей с институтом пивной, тоже внес свою лепту в формирование столь высоко оцененного собрания, вынося помаленьку из НИИ кое-какие диковины. Услышав краем уха о крайней редкости и научной ценности прежнего владельца этого колоссального супового набора, то есть белого кита, он на свой страх и риск решил порадовать знакомого уникальным экспонатом. Небезвозмездно, конечно.

Боюсь, господа, что вам трудно оценить весь дерзостный полет замысла Пряжкина. Но все же попробуйте. Для начала представьте себе извлеченную из куриной ноги косточку. Представили? А теперь увеличьте ее, опять же мысленно, в двадцать раз по каждому из габаритов. Причем прошу отметить, что вес косточки после такой операции вырастет в *восемь тысяч* раз!

Теперь вообразите бетонный забор высотой четыре метра. Да-да, почти два с половиной ваших роста. Накиньте еще метр на идущие по гребню этой фортеции стойки с натянутой проволокой, отойдите от получившегося укрепления метров на десять-двенадцать (ближе нельзя, земля выстлана тонкой, но крепкой стальной путанкой). Затем попробуйте, все еще мысленно, перескинуть через это хозяйство нашу любовно выращенную куриную косточку... Что, не получается?

Лицам, напрочь лишенным воображения, предлагаю спуститься во двор и попробовать закинуть простое двухметровое бревно на свой или соседский балкон второго этажа. И заранее снимаю с себя ответственность за возможные жертвы и разрушения.

Богатырь земли Русской Алеша Пряжкин уже несколько лет тайком тренировался в метании через забор разнообразнейших материальных ценностей. Техника этого дела была доведена у него до полного совершенства, ни одна клетка могучих мышц не работала впустую.

Окажись-таки в тот момент у забора вышеупомянутые тренеры, и карьера Алеши круто изменила бы направление, еще раз прославив на международной арене советскую школу метателей молота. Но тренеров не было. И никто не видел, как раскрученная живой катапультой чудовищная кость со свистом исчезла в ночном небе...

* * *

Старшина милиции Чернорук в последующих рассказах не слишком расцвечивал свою роль в этой истории героическими красками.

Не утверждал, например, что заглянул на пустырь, привлеченный подозрительными звуками и имея целью пресечь возможные злоумышления. Но и тот факт, что привела его на это поле чудес банальная физиологическая надобность, возникшая после двух выпитых по окончании дежурства бутылок пива, Чернорук тоже старался не афишировать.

Как бы то ни было, обогнувший угол институтского забора старшина остановился, прикованный к месту фантастическим зрелищем.

Поперек тропинки лежала кость невероятных размеров, слабо белея в свете далеких фонарей. Над костью возвышался здоровенный пес, глаза которого зловеще светились во мраке.

Ни дать ни взять — ужас Девоншира болот, Баскервильская собака.

Причем только что дочиста обглодавшая очередного несчастного сэра Баскервиля. Сэр ей явно попался на редкость крупный... Потрясенный милиционер помотал головой, пытаясь отогнать кошмарное видение. Видение не исчезло. Собака рванулась в сторону старшины Чернорука и дико завыла.

Не мудрствуя лукаво, тот повторил известный прием попавшего однажды в схожую беду беглого каторжника Селдена: развернувшись, с истошным воплем понесся в сторону освещенного проспекта. Будучи лет на двадцать постарше

Алеши Пряжкина, олимпийских рекордов Чернорук в этом спринте не побил, но вполне доказал свое право на выступление за сборную ветеранов МВД...

Институтские вохровцы, в караулку которых бросился за спасением от прожорливого чудовища старшина, сначала весьма логично заподозрили у него белую горячку. Но настойчиво повторяемое: «В-вот т-т-такая к-к-кость!» в сочетании с широко разведенными руками заставило вспомнить о недавно поступившем экспонате. Чернорук решился показать место происшествия только после того, как старший смены вручил ему обшарпанный наган взамен оставленного на службе табельного оружия. Спешно составленная поисковая экспедиция выступила.

Тем временем вой и настойчивое дерганье Гектора вернули в чувство погребенную под костью Аллу Эдуардовну. Ничего не понимая, она попыталась встать из лужи, в которой до сих пор пребывала, не замеченная старшиной Черноруком. Встала, но сильнейшее головокружение вновь опустило ее на четвереньки. Пес вырвал поводок из ослабившей хватку руки и радостно умчался во тьму.

Когда старшина, вторично вывернувший из-за угла во главе процессии охранников, увидел, что кошмарная собака превратилась в стоящую на четвереньках над все той же костью растрепанную и довольно грязную женщину, он просто сел в заросли бурьяна, закрыл руками лицо, выронил в лужу казенный наган и перестал на что-либо реагировать. Так, с прижатыми к лицу руками, его в «скорую» и загрузили. А с ним и злополучную собачницу с сильным сотрясением мозга. Бедняга Гектор пополнил ряды бездомных собак.

Русский богатырь Пряжкин, наблюдавший за финалом действия с безопасного расстояния, тяжело вздохнул и пошел к трамвайной остановке. По пути он размышлял, не надежней ли прорыть туннель под проклятым забором...

8. Комиссия по улучшению

Неприятности росли со скоростью снежного кома. Получивший моральную и физическую травму Потапыч, сильно контуженная собачница, ставший заикой милиционер —

случаи хоть и неприятные, но все же единичные. Сейчас же трясло и лихорадило весь огромный коллектив института. Дело в том, что с исполинскими костями Моби Дика произошло то, что обычно и происходит с любыми останками: они засмердели.

Дело житейское, весь вопрос в масштабах.

Здесь масштабы были огромными. Подспудно процесс начался еще две недели назад, во время долгого железнодорожного путешествия костей из Владивостока, и вскрывавшие ящики работяги брезгливо морщили носы. Затем, в полном соответствии с законами диалектики, произошел качественный скачок — запах стал нестерпимым. Ночной осенний морозец еще как-то ослаблял убойную силу потрясающего воображение зловония, но дневное солнышко вновь доводило его до невыносимых для человеческого организма концентраций. Ситуация усугублялась тем, что сушить детали скелета необходимо было в проветриваемом помещении, то есть с открытыми воротами склада.

Работоспособность океанологов стремительно упала фактически до нуля.

Сотрудники торопливо брали отпуска за свой счет, отгулы и бюллетени, наконец — просто прогуливали. Всей душой рвались в местные и дальние командировки, и даже, редкий случай, на сбор подмерзшей картошки с колхозных полей. Хоть какая-то возможность для полезной деятельности сохранилась лишь у счастливчиков, страдавших в тот момент насморками. Но и они жаловались на сильную резь в глазах.

Ударный субботник по досрочному заклеиванию окон (большинство его участников трудились одной рукой, второй крепко стиснув ноздри) не принес желаемых результатов. Отвратительная вонь просачивалась через все мыслимые отверстия, в первую очередь через вентиляцию. Все жгуче завидовали начальнику ГО института, гордо приходившему на рабочее место в командирском противогазе.

Удушливое облако постепенно накрыло микрорайон, жители окрестных домов писали жалобы во всевозможные инстанции. Но являющиеся с проверками официальные лица, менее выносливые, чем слегка притерпевшиеся аборигены и океанологи, просто не могли добраться до эпицентра газовой атаки.

Серьезно пострадал и международный престиж НИИ — прибывшая было делегация шведских гидрографов трусливо развернула автобус от ворот пахучей конторы. Институт погибал на глазах, требовались срочные меры по спасению.

И Рогожин пошел путем всех руководителей, не желающих нести единоличную ответственность за свои просчеты: создал комиссию. Причем не написал в приказе открыто и честно, что создана она для борьбы с вонью. Сформулировал длинно и уклончиво: «Комиссия по улучшению условий хранения биологических экспонатов».

* * *

Комиссия собралась в хорошо кондиционируемом директорском кабинете.

Сильно ослабленные миазмы прорывались и сюда, но изнасилованным носам, прошедшим зловонный ад, они казались благоуханным воздухом альпийских лугов. Это было последнее заседание в полном составе — Рогожин внезапно обнаружил, что дела в Мурманском филиале института требуют его неотлучного присутствия, и завтра вылетал в командировку. Обязанности председателя комиссии в его отсутствие должен был исполнять Петр Николаевич Семага, заместитель директора по экспедиционной работе.

Заседание началось с длинных речей, изобилующих ссылками на постановления съездов и пленумов, на мудрые решения партии во главе лично с генсеком, на насущные задачи института в их руководящем свете. Пересказывать подобную тягомотину так же скучно, как и слушать. Поэтому, пока они там словоблудствуют, я лучше познакомлю вас с некоторыми членами комиссии по улучшению воздуха...

9. Невезучий Семага

Петр Николаевич пришел в океанологию из моряков-подводников довольно извилистым путем. Закончив училище командного состава подводного флота, молодой лейтенант Петя Семага делал стандартную карьеру морского офицера: Северный флот, база в Гремихе, достаточно случайная женитьба в первом же отпуске, отличные аттеста-

ции, трое детей-сциногрызов, очередные повышения в звании и отвратительные условия быта.

Все так и шло, пока он не получил под командование свой первый корабль — только что построенную дизельную подлодку. Через неделю он утопил ее со всем экипажем и членами приемной комиссии в тридцати метрах от стапеля. Это было пробное погружение на малую глубину, приборы показывали, что все клапаны и вентили закрыты. Как выяснилось, один из датчиков безбожно врал — через клапан приема воздуха внутрь ворвалась мощная струя воды. Кормовой отсек стал затопляться.

Позднейшее расследование показало, что все решения Семаги в эти минуты были единственно верными. Он успел эвакуировать людей из не слишком быстро затопляемого отсека (глубина и, соответственно, давление были небольшими), успел задраить водонепроницаемый люк и жестко пресек первые намеки на панику. В принципе, необходимое для подъема лодки оборудование находилось в сотне-другой метров, но Семага принял решение спасаться своими силами. С затопленным отсеком продул балластные цистерны, так что нос вставшей под углом сорок пять градусов лодки показался над поверхностью, и вывел всех через аварийный люк торпедного отсека.

Лодку довольно быстро подняли, введя в строй с опозданием всего на месяц. Но командовал ею уже не Семага. Полностью оправданный, он вдруг обнаружил, что просто не может плавать под водой. Ни командиром, ни кем-либо еще. Такая вот фобия.

Но пусть попрекнут его те, кто бывал на дне моря в заливаемой водой лодке, неся при этом полную ответственность за шестьдесят душ экипажа. Не желая обманывать себя и начальство, Петр Николаевич написал рапорт о переводе в надводный плавсостав и после четырех месяцев переподготовки вступил в командование сторожевиком.

Корабль был не новый, спущенный в конце сороковых. Командовал им Семага успешно, но не очень долго — восемь с небольшим месяцев. Беда пришла на очередных учениях. Задержавшийся из-за неисправности машины сторожевик никак не успевал выйти к сроку в заданный квадрат. Семага решил спрямить путь, пройдя проливом, которым

никто обычно не ходил по причине сложного фарватера и сильного течения. Для успешного прохождения на большой скорости требовался трудный, прямо артистичный маневр, и Петр Николаевич его с блеском совершил, пройдя впритирку с нависшими над левым бортом отвесными скалами. Но тут же, на выходе из пролива, вспорол днище о подводные камни...

Погубила злополучный С-113 ошибка в лоции. Вернее, опечатка — лишняя единица в указанной глубине. В лоциях обычно опечаток не бывает, нет на свете другой книги, которую проверяли бы так тщательно. И поначалу громы и молнии расследовавшей происшествие комиссии обрушились на сотрудников выпустившего том издательства.

Но те перевели стрелки, предъявив экземпляр лоции, по которому готовилось издание. В нем стояли те же, роковые для корабля Семаги цифры. Члены комиссии продолжили поиск. Постепенно, переходя от одного издания к другому, они нашли виновных. Ими оказались наборщики и корректоры экземпляра 1869 года выпуска...

Погиб хоть небольшой и старый, но все же боевой корабль. Погибли двое матросов из машинного отделения. Ситуация требовала наказания виновных, и, ввиду недоступности главных из них, пострадал Семага. Потерял звездочку и был переведен командовать буксиром «Академик Курчатов»...

Буксир этот оказался довольно могучим суденышком, легко таскавшим атомные левиафаны по бухте Гаджиева. Шторма, подводные камни и прочие неприятности в спокойных водах бухты буксиру не грозили.

Теперь у Семаги было два варианта дальнейшей службы. Либо он проплавает на «Академике» до самой пенсии, либо кто-то из старых друзей, поднявшись к начальственным высотам, вытащит его с этой малопочетной должности.

Но судьба-злодейка приготовила Семаге третий, совершенно неожиданный вариант — он утопил «Курчатова».

На самой середине бухты неказистый буксир-трудяга напоролся на... Нет, не на айсберг, как легендарный «Титаник». И не на ржавую, принесенную течением мину Второй мировой. Даже не на «заблудившуюся» натовскую подлодку. Корабль умудрился врезаться скулой в бочку из-под

кваса. Огромное количество ее близнецов-братьев стояло по городам и весям Союза, оделяя жаждущих граждан большой кружкой пенистого напитка за шесть копеек, а маленькой — за три.

Где и как смыло эту емкость в воды Мирового океана и каким неведомым ветром занесло на базу Гаджиево — навсегда останется загадкой истории. Но таинственная одиссея бочки явно подходила к концу. Почти заполненная водой, она выступала над поверхностью всего на несколько сантиметров, совершенно неразличимая среди легкого волнения.

Теоретически, крепчайший, не боящийся толстых льдов корпус буксира должен был сплющить залетную бочкотару как яичную скорлупу. И без особых для себя последствий. На деле же получивший пробоину «Академик» стал стремительно терять плавучесть. Но Семаге было не привыкать к кораблекрушениям. Сбавив ход до самого малого и включив на полную мощность аварийные насосы, он настойчиво пытался дотянуть буксир до ближайшего берега.

Не хватило сотни метров: «Курчатов» сел на дно на прибрежном мелководье, — мачты и верх надстроек сиротливо торчали над водой. Жертв не было. Позже выяснилось, что принявший удар коварной квасной емкости стальной лист имел неразличимый глазом дефект — в его толще змеилась незаметная изнутри и снаружи внутренняя трещина, образуя почти замкнутое кольцо неправильной формы. Это был брак даже не корабелов, а сталепрокатчиков, обнаружить который без ультразвуковой дефектоскопии, не применявшейся во времена строительства кораблика, было невозможно.

Попавшая с годами в трещину забортная вода усугубила дело процессом коррозии. А замерзая зимой — углубила и расширила предательский дефект.

Случившийся в очередной комиссии специалист по морской статистике подсчитал на досуге: вероятность появления дрейфующей квасной бочки равнялась примерно одной миллионной. Вероятность появления вышеописанного дефекта примерно такая же. Возможность их пересечения в одной точке пространства и времени вообще выражалась смешной цифрой — полстраницы нулей и в конце сиротливая единичка.

Вывод был однозначный: невезучий Семага привлекал к себе «неизбежные на море случайности», как притягивает молнии одиноко стоящее дерево...

Формальных поводов для обвинения не было, и Семаге дружески посоветовали написать рапорт об отставке, пообещав взамен пристроить на хорошее место в Москве или Ленинграде. Чувствовавший вину за свою неудачливость Семага согласился.

А тут как раз открылась вакансия у океанологов. Надо сказать, военные моряки и океанологи давно и тесно сотрудничали. НИИ ведь не только изучал рыб, китов и прочих креветок, но и выполнял в ряде своих лабораторий абсолютно секретные заказы ВМФ. Отсюда и высоченный забор с полосой препятствий, и многочисленная ВОХРа, и постоянно встречающиеся в коридорах люди в черной морской форме.

И вот уже четыре года Семага руководил работой институтских научно-исследовательских судов, опираясь на свой богатый негативный опыт. Лично, впрочем, в море не выходил. Однажды, отправившись с семьей в Петродворец, посадил жену с отпрысками в «Ракету» на подводных крыльях, а сам — по берегу, электричкой. Так надежнее.

Но что удивительно, на институтских НИСах с приходом Семаги не то что крушений — серьезных поломок не случалось.

10. Комиссия по улучшению (продолжение)

Теперь Семага по-военному четко и внятно докладывал комиссии и Рогожину о результатах своих переговоров с проектировщиками.

Дело в том, что кит, попавшийся Рогожину, был чуток крупноват. Его гигантская пасть самую малость не помещалась между двумя колоннами, запроектированными поддерживать крышу в институтском чудо-зале. И Рогожин просил архитекторов их немного раздвинуть.

Но доклад Семаги был неутешителен. Весь проект основывался на использовании железобетонных деталей стандартных размеров — раздвинутые колонны рассыпали его,

как карточный домик. В качестве альтернативы проектировщики предложили разместить кита наоборот -- хвостом к парадному входу. Тогда, по их расчетам, он вставал идеально.

Рогожина подобный вариант не устраивал. Ведь при таком раскладе все входящие попадали во «Чрево кита» не через пасть, а как бы через диаметрально противоположное отверстие. Но менять всю утвержденную, подписанную и оплаченную проектную документацию было уже поздно. Рогожин утешился только тем соображением, что, выходя встречать важных визитеров, он будет проходить через благородные челюсти, ну а они... Это, в общем, их проблемы.

Ирина Разгуляева не принимала участия в китово-архитектурной дискуссии. Главная задача Ирины: заполучить на строительство дачного домика отличные доски от многочисленных ящиков из-под позвонков и ребер Моби Дика -- была успешно выполнена еще на первом заседании комиссии. Сейчас Ирину занимали другие заботы, исключительно личного плана.

Этим утром муж предъявил ей ультиматум...

11. Роковые яйца Ирины Разгуляевой

Ирина принадлежала к типу общественно активных женщин, очень точно изображенному Рязановым в бессмертной комедии. Помните: «...когда-то давно ее выдвинули на общественную работу и до сих пор не могут обратно задвинуть...» Образ, созданный классиком, верен -- ни прибавить, ни убавить.

Но проблемы Ирины имели к ее общественной активности лишь косвенное отношение. Началось все три месяца назад, еще до появления на горизонте Моби Дика, и совсем на другом конце города, в Сестрорецком районе.

Хваткие ребята из ОБХСС накрыли на курортном побережье залива летнее кафе, бойко реализующее блюда и напитки мимо кассы. Расследование выяснило, что один из питавших кафе ручейков неучтенных продуктов брал начало в столовой института океанологии. Грянула ком-

плексная проверка. Естественно, участвовала в ней и Ирина Разгуляева, не то как понятая, не то как представитель профсоюза.

Заведующая столовой была битой и матерой волчицей, зубами и когтями завоевавшей свою экологическую нишу в джунглях общепита. К ней так просто не подступишься — бумаги в порядке, количество продуктов соответствует накладным, контрольное взвешивание блюд соответствует раскладкам.

Вот и доказывай теперь, что она предупреждена подельниками, а не является кристальной чистоты торговым работником. Ну а всякие неподсудные мелочи, обнаруженные проверяющими, часто в таких случаях для них на виду и оставляют, дабы не чувствовали себя дармоедами, вкушая бесплатный обед и принимая причитающиеся презенты.

Так бы они и ушли ни с чем, когда бы не наблюдательная Ирина.

Задержавшись на кухне столовой, она остановилась, привлеченная действиями одной столовской работницы, известной как тетя Паша. Та стояла у огромной сковороды, предназначенной специально для жарки яиц. Может, видели — дно состоит из множества слегка вогнутых кружочков, чтобы подаваемые жареные яйца имели идеально круглый вид.

...Руки тети Паши производили весьма страшные манипуляции. Вообще-то это надо видеть, но попробую описать. Значит, так: в левой руке, между большим и указательным пальцами, зажато крупное куриное яйцо. А между двумя пальцами правой — бритвенно-отточенный нож. Сильный взмах, сильнее обычного, рассекает яйцо пополам, сверху донизу, и свободные пальцы правой руки быстро ухватывают за скорлупу, разламывая мгновенно на две равные части. Результат: в двух ячейках сковороды жарятся *две* порции яичницы-глазуньи, обе с аккуратным зрачком желтка посередине.

Заинтригованная быстрой и филигранной работой тети Паши, Ирина пригласила взглянуть и полюбоваться сотрудника ОБХСС. Тот, мгновенно оценив кулинарное новшество, вцепился в тетю Пашу, как изголодавшийся лесной клещ в невезучего грибника.

Выдумка действительно была гениальная. Яйцо — товар штучный, нигде и никем не взвешивается, в раскладке так и пишут: мясо — 80 г, рис — 100 г, яйцо — 1 шт. И если из тысяч сотрудников института, посещающих в течение дня огромную столовую, человек пятьсот закажут весьма популярное блюдо «Бифштекс с гарниром и яйцом», то в конце месяца автор придумки получит сумму, соответствующую окладу полного академика.

А если сосчитать тех, кто закажет яичницу?

Заведующую зацепили. Остальное было делом техники — ОБХСС не сомневался, что в загашнике у нее есть еще пара-тройка подобных трюков. Но речь не о ней, а о Ирине Разгуляевой.

Поставив где надо свои автографы, по дороге домой она долго размышляла об увиденном. Придя, решительно достала из холодильника купленный накануне десяток яиц и вооружилась огромным кухонным ножом...

Пришедший с работы муж с удовольствием употребил огромную яичницу-глазунью с ветчиной и помидорами, слегка удивляясь, что его всегда аккуратная супруга размазала желтки по всей сковородке. А после ужина, вместо традиционного телевизора, был командирован на кухню хорошенько наточить ножи.

На следующий день Ирина купила яиц уже два десятка. И опять потерпела фиаско: отточенные ножи помогали мало, желток либо оставался единым, либо позорно размазывался, скорлупа тоже не хотела разрезаться на две идеальные половинки, как у тети Паши. Содержимое изведенных яиц экспериментаторша аккуратно слила в кастрюльку.

На четвертый день Ириниых опытов муж, доедая омлет, осторожно намекнул, что яйца он любит и ничего против них не имеет, но для разнообразия не возражал бы отведать и жареной картошки. Ирина испекла в воскресенье для умиротворения супруга вкусный пирог (пять яиц в тесто, одно — в начинку) и в понедельник побежала в столовую, на поклон к тете Паше.

Тетя Паша, ничего не знавшая о махинациях увезенной ОБХСС заведующей и свято верившая, что ее манипуляции экономят ценный продукт государству, охотно пока-

зала свой фокус. Вроде все было как в неудачных попытках Ирины, но последнюю операцию тетя Паша выполняла мгновенно и неразличимо для глаза. Разгуляева пожаловалась на свои трудности и попросила показать помедленнее, разбивая движение на фазы. Тетя Паша показала, в результате чего выпустила на фартук содержимое яйца и больно порезала отточенным ножом палец. После чего рассердилась и выгнала Разгуляеву из пищеблока.

Ира и сама понимала, что все это блажь и ерунда, недостойная взрослой и серьезной женщины. Не понимала только того, что это где-то в глубине ее души, замурованный сборами взносов и проведением мероприятий, заседанием в различных комиссиях и жеребьевкой продуктовых наборов, — где-то там глубоко бьется неугасший родничок живой мысли, желающий пробовать и ошибаться, искать и разочаровываться, бороться и находить...

Возвращаясь домой, она купила уже три десятка яиц...

А сегодня муж решительно заявил, что она оставляет ему только два выхода: или обрасти перьями и закукарекать, или развестись с нею. Если даже Ирина мужа и не любила (точно она и сама не была уверена), то, по крайней мере, ценила и уважала, привыкнув за двенадцать лет супружеской жизни. И вопреки удалой фамилии изменяла крайне редко и очень осторожно.

Даже к подругам не пойти было поплакаться — сама осложнила в последний месяц отношения, приходя в гости и, рассказав забавный этот случай, предлагая поэкспериментировать на кухне.

Ирине было тоскливо...

12. Комиссия по улучшению (окончание)

Тем временем комиссия, всячески обсудив варианты размещения Моби Дика, наконец перешла к главному — к вопросу, как привести останки к виду, не тревожащему обоняние.

Слово передали Васе Скворушкину. Этот младший научный сотрудник, распределенный четыре года назад в НИИ,

чем-то сразу не понравился Рогожину. И был сослан на абсолютно бесперспективное место — в институтский музей флоры и фауны. Скворушкин по роду службы часто имел дело с Центральной лабораторией таксидермии АН СССР (откуда и вернулся перед заседанием комиссии) и теперь докладывал о проработке там вопроса по превращению груды зловонных костей в красивый и гигиеничный скелет, достойный украсить новое здание.

Ясноглазый Вася краснел и запинался, впервые выступая перед корифеями НИИ. Но доходчиво изложил суть переговоров с таксидермистами и представил проект договора и смету расходов. Рогожин, ухватив машинописный листочек договора, стал быстро пробегать его глазами, стараясь скорее добраться до главного — до сроков и общей стоимости работы. Листок со сметой изучал Семага.

— Ты что мне принес? — загремел вдруг Рогожин на засмущавшегося Васю. С младшими научными сотрудниками директор не слишком выбирал выражения. — Они что там, вконец охренели? Двести семьдесят тысяч рублей! Да кто нам даст столько на такое дело?

Действительно, гигантское строительство грозило в ближайшие годы пожрать все свободные средства НИИ.

— А что это за гвозди такие, по сорок семь рублей за штуку? — подал голос вскочивший Семага. — Золотые они, что ли? Да еще швейцарской фирмы «Матисс» — у нас что, своих гвоздей не хватает? И почему эти гвозди трехлопастные? Это же гвоздь, а не вентилятор!

Защищая отечественных гвоздепроизводителей, Семага вошел в такой раж, что, сев, ухватился вместо своего дипломата за коленку Ирины Разгуляевой, торчащую из-под мини-юбки.

— Эти гвозди, скобы и штифты, Петр Николаевич, не золотые, а титановые, почти полметра длиной, — терпеливо стал объяснять Вася Скворушкин. — И предназначены для скрепления частей скелета. Не клеем же БФ их клеить.

БФ Вася использовал для мелкого ремонта экспонатов.

Семага недовольно фыркнул. Судя по всему, он доверял БФ больше, чем заграничной фирме «Матисс».

— Саботажники вы все, — грустно сообщил комиссии Рогожин. История с китом раздражала его все больше. —

Ничего доверить нельзя, любое дело прогадите. Придется самому звонить Гринбергу.

И позвонил.

Илья Исаевич Гринберг заведовал Центральной лабораторией таксидермии, проще говоря, работал главным чучельником страны. Ответил он Рогожину ласково:

— Но, милейший Сергей Викторович, разве ваш сотрудник... э-э-э... Вася, все не объяснил? Здесь необходимы довольно сложные процессы по замене органических веществ в костях неорганическими. Ввиду размеров вашего... э-э-э... экспоната наши ванны для вымачивания не годятся. Придется использовать американскую технологию, с американскими же реактивами; все за валюту, сами понимаете.

Рогожин не знал, что сказать. И вдруг из глубин памяти всплыла спасительная мысль.

— А тюлень, а как же тюлень-то? — обрадованно вскричал он.

Действительно, скелет ископаемого гигантского тюленя, привезенный из Умбы пять лет назад, был обработан лабораторией за сумму, совершенно смехотворную по сравнению с нынешней. Тюлень, конечно, поменьше кита, но рост цен на порядок опережал рост размеров.

— Сергей Викторович, дорогой, — заворковал Гринберг. — Ведь тот тюлень был ископаемый, пролежал семьдесят тысяч лет в осадочных породах. И органика у него окаменела, естественным порядком заменилась минеральными солями. Вы закопайте своего кита на подходящий срок — и все в порядке, нам только глянец навести останется...

— На семьдесят тысяч лет? — мрачно поинтересовался Рогожин. Такой срок его никак не устраивал.

— Помилуйте, Сергей Викторович! Если оптимально подобрать pH и минеральный состав почвы, то потребуется, э-э-э, лет пятнадцать, не более. Ну, для полной гарантии — восемнадцать. И оставшиеся работы станут вам не особо дороже тюленя.

После короткой дискуссии на том комиссия и порешила. Других вариантов не было, да и стройка займет немалую часть этих пятнадцати лет. Рогожин улетел дышать свежим морским воздухом в Мурманск. Семага, одев на следующий день морскую форму с кортиком и всеми рега-

лиями, отправился трстировать «Севзапгеологию», допытываясь о местоположении почв с заданными характеристиками. Вася мотался по районам области, выясняя, что, собственно, на этих почвах расположено. Разгуляева тайком продолжила яичные эксперименты — она была уверена в близком успехе.

Окружающую атмосферу комиссия так и не улучшила. Только Вася Скворушкин проявил деловую хватку. Перед выездом на рекогносцировку он привез от таксидермистов три канистры с эмульсией и, вооружившись садовым опрыскивателем и респиратором, обработал зловонный костяк. Напрочь запаха это не отбило, но позволило хотя бы проводить погребальные работы без изолирующих противогазов.

13. Погребение

Похоронный кортеж получился внушительным.

Впереди неспешно катила милицейская машина с включенной мигалкой. За ней, осторожно объезжая ямы и выбоины, медленно ехал бортовой КамАЗ, нагруженный деталями скелета. Следом цистерна, заполненная ядовитой химией с непроизносимым, пятнадцатисложным названием. Гринберг уверял, что эта гадость, вылитая в приготовленный котлован, весьма ускорит процесс минерализации. Семага решил на всякий случай за грибами в те края больше не ездить. Далее, по порядку, следовали: ПАЗик с рабочими; автокран; институтская «Волга» с Семагой и Васей; еще одна милицейская машина.

Во избежание нездорового ажиотажа у местных жителей хоронить решили ночью, и замершие безмолвные улицы добавляли торжественности траурной процессии. Правда, венков с черными лентами, Шопена и орденов на подушечках не было.

Выбранное Васей место находилось недалеко, в окрестностях города-спутника Всеволожска.

Но катить пришлось через весь город, к тому же очень медленно, приноравливаясь к осторожничающему КамАЗу. Хорошо хоть не надо было тащить с собой технику для заравнивания загодя вырытого котлована — Вася подрядил

бульдозер в местном совхозе. Директора совхоза Скворушкин по дороге ругал изобретательно и нецензурно.

Этот сельхозруководитель оказался представителем местной малой народности — вепсов. Вася был немало удивлен, узнав, что малые нации, оказывается, обитают не только на Крайнем Севере и Дальнем Востоке, но и под самым носом, в Ленинградской области.

Директор, достойный сын младшего брата в дружной семье советских народов, злонамеренно прикидывался простаком-аборигеном, этаким добродушным дитем природы, плохо понимающим русский язык и не могущим взять в толк, что от него хотят. Дело спасла бутылка дефицитной «Посольской» водки, с бою взятая Васей Скворушкиным в огромной очереди и любовно сберегаемая к ноябрьским праздникам.

«Посольская» совершила с директором чудо. Непутевый сын малого народа мгновенно освоил язык межнационального общения и проник в суть проблемы, уверенно ткнув мозолистым пальцем в край заштрихованного на карте овала с нужными почвами.

Заверяя Васю, что на указанной пустоши можно захоронить сотни полторы китов без малейшего ущерба для земледелия и животноводства, прозревший вепс лихо и молодцевато вскочил за руль совхозного уазика, решив самолично отвезти упиравшегося Васю на осмотр местности. О подробностях этой веселой поездки (ноль семьдесят пять «Посольской» уже были употреблены директором по прямому назначению) обычно вежливый Скворушкин рассказывал малоцензурно.

— Да-а-а, знаю я эти малые народности, — прокомментировал Семага, оторвавшийся от тянувшегося за окном ночного пейзажа. — У меня вот тоже случай вышел лет десять назад с одним дитем гор...

14. Иностранный легионер (история, рассказанная Семагой)

Попал к нам на лодку, Вася, один матрос с Кавказа. Не совсем обычно попал. Его милиция отловила на вокзале в Пятигорске. Проводили рейд с проверкой документов и за-

мели здоровенного парня, грязного, нестриженого и голодного. Документов нет, по-русски не говорит. Попробовали несколько других местных языков – тоже бесполезно. Но милиционеров это не удивило. На Кавказе, Вася, этих языков и наречий – как разновидностей вируса гриппа. Бывает, на языке каком-нибудь говорит один-единственный аул высоко в горах. И больше никто в целом свете. А то и половина аула, а другая – на другом. Тут переводчиков не напасешься.

Ну, паренька помыли, подстригли, накормили, с трудом имя выяснили. Думают, что дальше делать. Проверили по ориентировкам – никто с такими приметами в розыске не числится. Подумали еще и отправили в военкомат – на вид парню лет двадцать, возраст призывной, а в армии явно не служил. После армии по-русски хоть немного, да кумекают. А в военкомате на медкомиссию – здоров как бык, и – призвали. Определили на флот, пусть послужит подольше, не шляется по вокзалам. А поскольку человек южный – на Северный флот, чтоб служба сахаром не казалась.

Так вот и попал он на лодку, где был я старпомом. Вообще-то в подводники всегда старались славян брать, причем желательно городских, со среднетехническим – те технику легче осваивали. Но в шестьдесят седьмом с личным составом очень напряженно было – «нерожденное поколение», может, слышал, Вася, такой термин? Призываться должны были дети тех миллионов, что в войну полегли... (Семага вздохнул. Война зацепила его своим краем – детство прошло в Молдавии, под румынской, затем немецкой оккупацией. Но повоевать Петя не успевал, даже сыном полка. А в мирное время ему, как вы знаете, не везло.)

Так что гребли тогда всех. И сразу призывников на корабли определяли, никаких тебе учебок по шесть месяцев. Попал наш горный орел в БЧ-3, к старлею Колыванову. Посмотрел старлей на этот подарок военкомата, выматерился от души и отдал парня старослужащим на воспитание. Те, конечно, Сухомлинского с Макаренкой не читали, но делать из салаг справных матросов умеют замечательно. Через полгода кавказец уже сносно объяснялся на русском, правда в основном в области мата да технических терми-

нов. Но служба заладилась, обязанности свои освоил, старшего матроса ему присвоили...

Так уж получилось, что с лодки мы уходили почти одновременно, даже я чуть раньше — на повышение, свою лодку принимать... (Тут Семага снова вздохнул.) Ну а парень — на дембель. Форму подготовил соответствующую, альбом ему дембельский салаги нарисовали, все как положено. Уволился и отправился в штаб дивизии за документами на проезд к месту жительства. Но вернулся пустым — не дают документов, нет у них сведений о родном его селении Мадаркесе, а ни района, ни области парень не знает. Знает одно — вокруг горы были, на горах снег лежал...

Колыванов с подчиненными крутоват бывал, но в обиду никому никогда не давал, тем более береговым штабистам. Взял толстенный подробнейший атлас мира, даже нежилые деревушки указаны — и сидит, изучает Кавказ, ищет Мадаркесе. И нашел-таки в горах недалеко от советско-турецкой границы. Но — с турецкой стороны.

Колыванов бегом к командиру лодки, кавторангу Поддубному. Так, мол, и так, уволившийся от нас старшина 2-й статьи Гарджулиев Гарджули Нуржаланович (так в военкомате бормотание призывника расшифровали) желает проследовать к месту рождения, а родился в Турции. Какие будут указания?

Ну, Поддубный указаний никаких не дал, а для начала перевернул всю базу в поисках переводчика — со словарным запасом старшины 2-й статьи ситуацию не выяснишь. И нашел в батальоне береговой охраны парнишку подходящего, из советских курдов. Гарджули как его услышал, сразу на шею бросился — три с лишним года родного языка не слышал. Но тот к нему не слишком ласково — там у них свои сложности, роды всякие, клапы, кто-то с кем-то враждует... Но перевел все исправно. Интересная история выплыла, Вася.

Был парень действительно курдом. Турецким. Пас себе высоко в горах отару овец. Ночью в тумане сам не заметил, как умудрился перемахнуть вместе с отарой на нашу сторону. Утром огляделся — места чужие. Попробовал обратно — едва ушел от пограничников, бросив отару. Ночью попробовал еще раз, налегке — опять чудом ноги унес. Без

овец дома сму ничего хорошего не светило, и двинул парень в глубь нашей территории. Занялся было знакомым делом — пас овец у каких-то местных богатеньких буратин, но те его по окончании сезона обманули, ничего не заплатили: иди, мол, жалуйся.

Откочевал этот голодный иммигрант с гор в долины — бомжевал по всему Кавказу, ночевал на вокзалах, подворовывал, побирался... И попал к нам.

А ты зря, Вася, улыбаешься. Ситуация хреновей некуда. Подумай сам — три года служил человек на лодке, с секретным оборудованием дело имел, в отличники боевой подготовки вышел... Подписок на нем понавешено, за границу невыездной лет пять минимум... И тут вдруг выясняется, что это гражданин иностранной державы. Да не просто державы, а участницы агрессивного блока НАТО. Три года по боевому кораблю вероятный противник шастал... Тут погоны могли полететь, как листья осенью.

Можно было, конечно, выписать парню проезд до ближайшей деревушки и забыть этот разговор с переводчиком. Но слушок по базе уже пополз, да и помполит с Поддубным не очень ладил, тут же настучал в штаб дивизии. Ему же первому хвост и накрутили. Где было, говорят, чутье твое классовое, как не распознал чуждого элемента? Беседы с ним проводил? Проводил, не отпирайся, вон отчетов целая пачка. Так что пакуй, голуба, чемоданы, есть у нас корабли поменьше и точки посевернее.

А потом комдив, каперанг Фролов, к нам прибывает и самолично за Поддубного берется. Та же песня: как допустил, отчего проглядел, почему не выявил...

Но Поддубный мужик крутой был. Войну в сорок первом юнгой начал, всех не воевавших командирами считал довольно условно... Так он, не вступая в споры, вызывает из кубрика трех матросов, все с Кавказа. Вот, говорит, товарищ каперанг, один из них наш вероятный противник Гарджулиев. Распознайте и определите, пожалуйста. Получится — готов идти под любой трибунал. За то, что из присланного военкоматом пещерного горца приличного матроса сделал.

Фролов аж позеленел от такого предложения. Но красней тут или зеленей, а решать проблему теперь ему, ком-

диву. Больше всего хотелось Фролову упечь парня лет на пять дисбата — как раз и срок подписки кончится. Но тот вроде человек уже гражданский, да и если вдуматься, был ли военным? Присягал-то ведь как гражданин Союза, имеет ли силу такая присяга? Сплошной юридический казус.

И пошла эта проблема наверх, до самого штаба флота. Там в паренька контрразведчики вцепились — не матерый ли это шпион, турецкий Штирлиц? А под пастуха неграмотного, мол, косил для маскировки.

По всему получалось, что сидеть парню свой червонец за нелегальный переход границы, а командирам его новые погоны покупать, на каких звезд поменьше.

Но тут приехали столичные гэбэшники и забрали парня. А нам, чтоб слухи не бродили, объяснили под подписку на закрытой информации, что никакой это не потенциальный противник, а представитель братского, но угнетенного курдского народа. И что станет он вести борьбу с турецкими империалистами в составе фронта национального освобождения. Выучка же наша боевая ему лишней в этой борьбе совсем не будет. Даже поблагодарили и руку пожали...

А ты говоришь — вепсы...

15. Погребение (окончание)

Много еще морских баек рассказал Васе впавший в ностальгические воспоминания Семага за долгую дорогу. Он весело, порой цинично шутил о бывших коллегах, уверенный, что навсегда распрощался с военной службой. Семага не знал, что ему придется еще раз покомандовать боевым кораблем. С вполне предсказуемыми, впрочем, последствиями.

* * *

Весна 92-го года стала критической для Приднестровской республики. Бои шли на окраинах Дубоссар, истекали кровью Бендеры. Кадровых офицеров среди дравшихся насмерть ополченцев (вчерашних рабочих, трактористов, виноградарей) не хватало катастрофически. Пятидесятисе-

милетний Семага, воевавший к тому времени в батальоне «Днестр» командиром взвода, принял под команду бронекатер, спешно переделанный из скромного речного работяги серии «Тайга». Восьмиместный легкий катер «Тайга» совсем не предназначен воевать. Его дело — развозить грузы и пассажиров в расположенные по притокам отдаленные поселки. Но выбирать было не из чего...

...Третий выстрел из гранатомета прошил, как фольгу, семимиллиметровую «броню» и разнес двигатель, покончив с надеждами Семаги сняться с предательской мели. Рассветало.

— Плыви, Гриша... — прохрипел Семага и сплюнул. Плевок расплылся кровавой кляксой. Чтобы не упасть, Семага ухватился за рукоятки ДШК, установленного в носовой полубашенке. Головы остальных четырех членов экипажа медленно перемещались в сторону далекого левого берега. Слишком медленно — вода в Днестре была ледяная, а течение быстрое.

Гриша молча покачал головой и залег на палубе, пристраивая к пробоине фальшборта АКС с двумя магазинами, перехваченными синей изолентой. Он вообще был немногословен, этот парень из-под Черкасс, прошедший к тридцати своим годам Афган и рижский ОМОН.

Семага не стал спорить. Напряженно щурясь — очки валялись на палубе сиротливой кучкой золоченных проволочек и битых стекляшек, — он пытался понять, двоятся ли в его глазах кочки на берегу, или же это пятнистая форма молдавских полицаев — «румынов», как звали их приднестровцы. Стрельба пока прекратилась. Может, кончились выстрелы к РПГ, а может, румыны хотели захватить кораблик, прославившийся в последний месяц отчаянными ночными рейдами.

Но там, на берегу, были не кочки — рассветный туман вспороли автоматные очереди. Били не по катеру, фонтанчики от пуль потянулись по воде к плывущим. Семага закусил губу и выпустил первую гулкую очередь. Потом еще и еще. ДШК — пулемет устаревший, но его крупнокалиберные пули, с палец толщиной каждая, страшное оружие на полутора сотнях метров. Они разносили в мелкую щепу остатки деревянного причала, разбитые прибрежные камни разлетались во все стороны смертоносными осколками. Иногда

пуля находила фигуру в камуфляже. Тогда у воссоединения с Румынией становилось одним сторонником меньше — бронежилеты на таком расстоянии не спасали. Когда ревущий ДШК делал паузу, были слышны скупые очереди автомата Гриши.

Через час после рассвета румыны, осатаневшие от сопротивления обреченной посудины, подтащили установку и саданули ПТУРСом. Попали с первого раза — в небо ударил столб пламени и металла, воды и крови...

...В День Военно-Морского Флота, приняв по первой и по второй за семь футов под килем и за славные былые победы, прежде чем спеть про гордый «Варяг» — поднимите молча сто фронтовых грамм и за капитана третьего ранга Семагу. Заслужил.

* * *

Бульдозер сбросил первые кубометры земли на разложенные в идеальном прижизненном порядке кости (Скворушкин не слишком верил в долговечность нанесенных черной нитрокраской сборочных номеров и решил подстраховаться).

— А знаешь что, Вася,— задумчиво сказал Семага, машинально снявший фуражку.— Пусть он так здесь и лежит. Не надо Рогожину его откапывать. Кости в земле лежать должны. Негоже им среди живых людей, совсем негоже...

Это было надгробное слово Моби Дику...

Эпилог

Прошли годы. Не пятнадцать и не восемнадцать — двадцать три. Последние десять из них НИИ океанологии медленно, но неуклонно шел на дно, погружался этакой неторопливой Атлантидой. Рогожина, правда, это уже не касалось. Рогожин за минувшее время стал членкором, а потом и академиком, получил Героя Социалистического Труда и, наконец, уже в годы перестройки был избран защищать интересы советской науки на первый Съезд народных депутатов СССР.

Став народным избранником, Сергей Викторович примкнул к ярым демократам и стал делать политическую карьеру с тем же напором, с каким раньше делал научную. В те странные годы, когда одни профессора запросто становились мэрами многомиллионных городов, а другие обещались обуть-одеть, накормить и развлечь огромную страну всего за каких-то пятьсот дней, — в это странное время восхождение Рожи-Рогожи к вершинам политического Олимпа никому ничего хорошего не сулило.

Спасла страну от очередного горе-реформатора скоропостижная смерть академика в девяностом году. Злые языки болтали, что инфаркт случился вследствие не яростных словесных баталий на съезде, но неумеренного чревоугодия усопшего...

За год до смерти Рогожин успел уволить Семагу, публично обозвавшего его «горбачевской подстилкой».

Савва Матвеевич, добродушный убийца китов, тоже умер. Причем как и мечтал — в море.

Потапычу-Буданову встреча с Моби Диком, наоборот, пошла на пользу. От полученного морального и физического шока Потапыч бросил пить. Абсолютно. Эмигрировав в сумятице перестроечных лет во Францию, занялся там любимым делом — работал на одном из заводов концерна «Смирнофф». И даже написал и издал книжку с простым названием «Самогон», в юмористических тонах повествующую о его алкогольных приключениях. Некоторые главы из этого мемуара печатал у нас журнал «Изобретатель и рационализатор»; многочисленные технические описания, впрочем, в редакции вырезали, опасаясь за судьбы отечественной ликеро-водочной промышленности...

Ирина Разгуляева по-прежнему трудилась в НИИ — до пенсии осталось два года, по совместительству подрабатывала в коммерческом ларьке. Даже слово «яйца» в ее чудом сохраненной семье находилось под запретом. Когда кто-либо из сослуживцев начинал чистить принесенное на завтрак крутое яйцо (столовую давно упразднили) — Ирина вставала и выходила из комнаты. Такая вот странная аллергия.

Любимое детище покойного Рогожина — новое здание НИИ превратилось в обыкновенный постсоветский дол-

гострой, регулярно замораживаемый из-за отсутствия финансирования. Достроили его в конце концов на деньги частных инвесторов, которые и заняли под бизнес-центр большую часть площадей.

Несмотря на журчащий ручеек арендных денег, институт бедствовал. Едва хватало на зарплату сильно поредевшей армии самых стойких сотрудников. Фундаментальных исследований не велось, суда ржавели на причале или тоже сдавались в аренду. Иногда подкидывали какой-нибудь сугубо практический заказ чилийцы или южные корейцы, но и эти деньги уходили как вода в песок.

В бесплодных попытках найти еще что-нибудь, не проданное и не сданное в аренду, новое руководство НИИ вспомнило о ките. Вернее, вспомнил Вася Скворушкин. Впрочем, он был давно не Вася, а Василий Александрович — защитился, остепенился, заматерел, заведовал в институте отделом, дела в котором шли на общем фоне не так уж и плохо.

О мечте Рогожина — украсить китом достроенный вестибюль-переросток — речь не шла. Там уже размещался ночной клуб — не оглушительно-молодежный, но для солидных людей: с рулеткой, стриптизом и прочими атрибутами хорошей жизни...

Задумка была попроще: продать белого кита за границу, подпитав валютной выручкой умирающее учреждение. На сей предмет уже прошли с потенциальными клиентами предварительные переговоры.

Необходимо было проверить состояние товара.

* * *

Василий Александрович Скворушкин двигался в сопровождении четырех своих сотрудников по сильно пересеченному сельскому рельефу, напряженно пытаясь восстановить в памяти изрядно подзабытое местоположение гробницы Моби Дика. В правой руке он держал самодельную карту, на которой жирным крестом было обозначено захоронение. Плетущийся за ним практикант сгибался под тяжестью здоровенного диска двухсотметровой полевой рулетки. На плечах еще двух сотрудников возлежали колья с флажками, коими следовало отметить место будущих раскопок. Рядом

семенила Елена Руслановна Хандова, последняя могиканша вымирающего племени научных энтузиастов.

Со стороны вся компания напоминала пиратов Джона Сильвера, рыщущих по острову Сокровищ в поисках золота Флинта.

Привязка карты к местности давалась Скворушкину с трудом. За двадцать лет сухие некогда лощинки заболотились, ровные полянки поросли противным мелколесьем. Продравшись через густой кустарник, он наконец увидел деревянные столбы линии электропередач, поднимавшейся на небольшой пригорок.

— Вот оно. На другом склоне этого холмика мы с Семагой тогда его и зарыли,— оповестил Василий Александрович запыхавшихся коллег.

Повеселевшие океанологи бодрой трусцой потянулись вверх по сухому склону. Но погубленный морской гигант приготовил им еще одну посмертную месть.

На обратной стороне холма стоял поселок, не отраженный ни на карте, ни в памяти Скворушкина. Двух- и трехэтажные особнячки из красного кирпича, витражные окна, красивые ограды...

— Но как же так, как же так,— запричитала Хандова.— Здесь ведь ничего не должно быть, ни в одном плане застройки не указано...

Скворушкин не отвечал, отсчитывая третий от вершины столб и возясь с компасом. Отдельные участки пустовали, на других виднелись только штабеля кирпича и прочих стройматериалов. Кит вполне мог быть под одним из незастроенных владений.

Напрасная надежда.

Стальная змея рулетки на шестьдесят восьмом метре уперлась в чугунную литую ограду, окружавшую стилизованное под замок детище новорусского барокко. Башенку замка венчал позолоченный флюгер в виде русалки с гипертрофированно развитой грудью. Вокруг лужайка с идеально подстриженной травой — никаких парничков и грядок.

Аккуратный альпинарий был украшен бронзовым бюстом. Вглядевшись, Скворушкин с удивлением узнал слегка шаржированное изображение президента Клинтона. Мони-

ки на обозримом пространстве не наблюдалось. Ну разве что русалка...

Нажатие кнопки звонка на воротах вызвало, как джинна из бутылки, мордастого и весьма упитанного организма, ведущего на коротких поводках двух ротвейлеров. Организм шествовал в футболке яркой попугайской расцветки и тренировочных штанах, поддерживаемых на круглящемся брюшке широкими, с ладонь, подтяжками. Штаны, хотя и потертые, и вытянутые на коленях, в первозданном виде явно стоили не меньше месячного жалованья Елены Руслановны.

Сообщение о том, что под его участком зарыт ценнейший научный экспонат — белый кит, владелец грудастой русалки воспринял как самую веселую шутку в своей жизни. Его заливистый смех перемежался повизгиваниями, похрюкиваниями и похлопываниями по животу оттянутыми подтяжками. Хандова, раздраженная таким физиологическим весельем, повысила тон и пыталась предъявить институтское удостоверение. Она наивно полагала, что интересы науки превыше всяких особняков, русалок и альпинариев.

У мордастого было другое мнение. Шутка уже перестала смешить, и он потянулся к карабину на поводке ротвейлера, давая понять, что считает диспут законченным...

* * *

Случись такое в Потерянное Время, *можно было бы* поставить на этом точку. Пошли бы печально интеллигенты-очкарики писать бесплодные жалобы и плакаться чиновникам, подкупленным Мордастым.

Но Василий Александрович Скворушкин был российским ученым новой формации. Он, среди прочего, владел несколькими коммерческими фирмами, в свое время активно выкачивавшими деньги и материальные ценности из зашатавшегося НИИ, а теперь уверенно рассекавшими океан рыночной экономики. Одна из этих фирм и должна была посредничать в продаже Моби Дика. Понятно, с немалым для Скворушкина доходом. А крыша у него имелась надежная, уж всяко не хуже, чем у Мордастого.

Поиграв кнопками извлеченного из кармана мобильника, Скворушкин обменялся несколькими фразами с неве-

домым, но, судя по всему, весьма авторитетным собеседником. Затем, жестко выговаривая слова, сообщил Мордастому, где, когда и в чьем присутствии они будут разговаривать.

* * *

Второй раунд переговоров прошел в ресторане «Кочубей», что на Конногвардейском бульваре. Осознав свою ошибку в оценке незваных гостей, Мордастый был настроен миролюбиво. Он даже сам предложил разумный компромисс: в домике том живет он недавно, привыкнуть не успел, к тому же супруге место не нравится, ей хочется поближе к заливу. Короче, пусть Скворушкин забирает недвижимость, возместив ее стоимость плюс десять процентов за переезд и хлопоты.

Стриженные личности, наблюдавшие с обеих сторон за тем, чтобы переговоры оставались в рамках понятий, посовещались и решили, что предложение Мордастого справедливо.

Скворушкин и сам так считал. Его лишь возмутила непомерность цифры. Два года назад он приобрел гораздо более крутую дачку в соседней Финляндии за треть запрошенной суммы. Но тут же сделанные в агентства по недвижимости звонки подтвердили: да, примерно столько такие коттеджи в тридцатикилометровой зоне от Питера и стоят. С учетом стоимости раскопок и предпродажной подготовки гешефт получался убыточный.

В общем, не договорились.

Утеряв интерес к реализации Моби Дика, Скворушкин занялся другими делами — наклевывался жирный грант для института от зарубежных экологических фондов. Надо было провести исследования, доказывающие, какую смертельную угрозу для экологии Мирового океана представляют остатки Российского военно-морского флота...

Мордастый же (носящий, кстати, в определенных кругах образованное от фамилии прозвище Клинтон), расслабляясь в теплой компании, любил прихвастнуть приятелям, что под домом его зарыты кости древнего монстра, стоящие немеряных бабок. И если дела, тьфу-тьфу-тьфу, пойдут вдруг плохо, он, Клинтон, сам вооружится штыковой лопатой и предпримет в подвале раскопки...

Приятели не слишком верили — Клинтон был не дурак соврать, известное дело.

* * *

Пройдут годы. Пройдут века. Может быть, пройдут тысячелетия.

Время, стершее с карты великую страну, сотрет мимоходом и краснокирпичные новорусские поселки. Археологи грядущих эпох будут с благоговением извлекать из культурного слоя обломки финских унитазов, японских стереосистем и прочие раритеты конца XX века. И натолкнутся на останки Моби Дика. Какой-нибудь ученый муж защитит на этом факте диссертацию о возможности обитания гигантских китообразных в пресноводных водоемах Карельского перешейка...

Может быть, найдется в будущем свой Рогожин и решит украсить белым гигантом новый храм науки, опять позабыв, что костям лучше лежать в земле...

А океан будет так же неторопливо катить свои волны — что ему людская суета и мелкие заботы. Но только не надо будить Демонов Моря...

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В БЕЛЫХ КИТОВ, ГОСПОДА!

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

Бедные рыцари

Все было очень плохо.

Рожь и ячмень, не тронутые градом, вовсю колосились, ни один теленок не подох, грибницы приносили из леса полные корзины хороших грибов и сушили их под навесами. Зрели яблоки, зрели груши, вообще все зрело и наливалось, прямо трескалось от хмельного золотого сока, а зачем?

Этой осенью в деревне решительно некого было женить и выдавать замуж.

Вернее, были и парень, и девушка почти подходящего возраста, но — брат и сестра. К тому же девушка старше парня на два года, а для деревенского жителя жена, которая старше, — неприемлемое диво, вроде коровьего седла или башмаков для зайца.

Об этой беде и толковали тетки у колодца, когда самая глазастая увидела вдали на дороге всадников.

— Проклятая фея... — пробормотала она. — Кума Пруденция, беги-ка домой и прячь своих!

— Пусть в лесу укроются! — кричали вслед убегавшей куме соседки. — В старый колодец пусть залезут! На пасеку пусть бегут, на пасеку!..

Пруденция, плотная и краснощекая, как и полагается крестьянке, все лето работающей на свежем воздухе и получающей на ужин миску каши наравне с самым здоровым мужчиной, оставила ведра и понеслась домой так, как не бегала и девчонкой.

Ее старшая, семнадцатилетняя Марция, чистила хлев. У низких дверей лежала куча свежего торфа для подстил-

ки, и старший из сыновей, Гай, как раз выгружал тачку. За торфом ходили на старое болото, использованный же складывали на краю огорода, чтобы весной вывезти на поля. Там росла куча — такой ширины и высоты, что ею можно было гордиться. Ни у кого в деревне больше не было столь знатной и пышной навозной кучи.

— Дети, дети, бросайте все! В лес, на болото, живо! — приказала Пруденция. — Дочка, давай сюда вилы, я сама встречу эту чертову фею!

Марция вышла из хлева.

Это была крепкая и румяная крестьянская девица на выданье, очень злая из-за того, что в деревне для нее не было жениха.

— Да хоть к фее, хоть к болотным чертям, лишь бы не сидеть тут с вами! — заявила она. — Наломаешься по уши в навозе, а что проку?

— А вот пошла бы к отцу Тибурцию грамоте учиться, давно бы тебя в девичью обитель взяли, — отрубила мать. — В Уэльсе вон, слыхано, построили новую, так сестры живут лучше, чем в раю, и кормят их знатно, и все в шерстяных рясах ходят, в теплых суконных плащах!

— Да не хочу я ни в какую обитель...

— Пошла, пошла отсюда! Стану я еще слушать, чего ты хочешь, чего не хочешь!

Но Марция не унималась, и, когда прибежал, бросив тачку на огороде, Гай, она уже ревмя ревела от двух крепких материнских оплеух. А рука у Пруденции была тяжеленная.

Гай, такой же коренастый, как мать и сестра, выглядел как раз на свои пятнадцать — руки-ноги уже выросли, как у взрослого, плечи и туловище за ними не поспевали. Густые и жесткие рыжеватые волосы были полны мелкого сора — не причесываться же лишний раз, хватит того, что вечером мать даст гребень и присмотрит, чтобы из-за уха не торчали сухие еловые иголки.

— Бери сестру, бегите в лес, — приказала Пруденция. — Фея, того гляди, нагрянет! Живо, живо, живо!

Гаю было всего пятнадцать, о женитьбе он не задумывался и повода для ссор с матерью пока не имел. Взяв рыдающую Марцию за руку, он потащил девицу прочь со двора, да всё скорее, всё скорее — так что через луг они

уже бежали во весь дух. А лес был прямо за лугом — если забраться на скамью у ворот, то видна опушка.

Пруденция вздохнула с облегчением и подняла брошенные дочкой вилы. Хозяйство у них с мужем было хорошее, крепкое — три лошади, две коровы и телочка, десять овец, свинья с поросятами, да еще птица — гуси, куры, утки. Обычно нанимали работников. Сейчас работники вместе с супругом, Юнием Брутом, повезли в господский замок хворост из леса, сено и гуссй в клетках.

В хлеву уже был вычищен целый угол, и Пруденция взялась за следующий. Скотину пасли младшенькие, и она хотела до вечера, до возвращения своих пастушков, повыкидывать из хлева всю старую подстилку, лежавшую толстым плотным слоем в полфута, не меньше.

Скоро ее окликнули со двора.

Она неторопливо вышла. Так и есть — фея Моргана, верхом на сером коне, в сопровождении придворной дамы и двух пажей. Невзирая на жару — в алой бархатной мантии, прикрывающей конские бока и почти достающей до копыт. Темные кудри ниспадали на мантию из-под золотого венчика, белоснежные руки уверенно держали нарядные фестончатые поводья, но в этой благородной красоте было нечто пугающее.

— Где твои дети, Пруденция? — звучно спросила фея.

— А я их отослала, милостивая госпожа, — бойко отвечала крестьянка.

— Куда же ты их отослала?

— К родственникам, в Корнуэлл.

Огромные синие глаза феи прищурились весьма выразительно.

— И для чего, позволь спросить?

— А для того, что тут для Марции жениха нет, да и Гая учить надобно. Пусть поживут у родни, наберутся ума...

— А ведь ты врешь, Пруденция.

— Отослала детей, — мрачно повторила крестьянка.

— Не хочешь, чтобы они мне в замке служили?

Ответа не было.

— Ну что же вы за люди такие? Плохо ли вам живется? Разве не в замке покупают все, что у вас есть на продажу, и платят хорошие деньги?

— Вы всех в замок забираете... мы не для того детей рожаем...

— Разве им там плохо?

— А никто не знает! Вы же, госпожа, их оттуда не выпускаете! Сколько парней и девиц забрали из деревни — никто еще не вернулся! И отцы в замке сколько бывали — ни разу никого не встречали!

— Вам не угодишь, — возразила фея Моргана. — Сразу же был договор: замок покупает у вас все, что дают хлев, птичник, поле и огород, а за это дети служат в замке и живут там на всем готовом. И нет нужды возить зерно на ярмарку в Северный Уэльс, чтобы на обратном пути разбойники отобрали у вас кошельки и лошадей!

Пруденция могла возразить лишь одно: зато тогда дети жили при родителях и в деревне каждую осень справляли свадьбы. Но фея Моргана вдруг подняла руку в богато расшитой перчатке. Это был знак: молчи, дура, не до тебя...

А другой знак был дан свите, и он означал: за мной!

Фея, ее придворная дама и оба пажа поскакали к лугу, через луг — к опушке, и скрылись среди деревьев.

Пруденция так и осталась стоять, разинув рот.

Меж тем к ее двору приближалась странная процессия.

Первым ехал шагом на крошечном осле карлик в пестрейшем наряде: одна штанина желтая, другая лиловая, блио с гербом — всех известных Марции цветов, правый рукав зеленый и по локоть, левого нет вовсе, а плащ — серый, дорожный, и оторочен потертым мехом.

В поводу этот карлик вел рыцарского коня — обычного коня в конской броне. А вот в седле сидел человек в доспехах, без шлема (шлем висел у седельной луки) и с завязанными глазами.

Далее ехала дама в глубочайшем трауре — даже черная вуаль была двойной. Ее сопровождали два оруженосца.

— Скажи, поселянка, далеко ли до Змеиного леса? — так обратился к Пруденции карлик.

— Три мили вдоль речки, потом взять вправо, там будет развилка, и от развилки десять миль, — подумав, доложила Пруденция.

Рыцарь с завязанными глазами достал из кошеля и наугад бросил ей золотую монету. После чего карлик повел

его коня дальше, и процессия миновала ворота крестьянского двора.

Пруденция, покопавшись в грязи, подобрала монету, и вовремя — один из оруженосцев уже скакал к ней, причем дурное намерение было у него написано на роже такими крупными буквами, как в большом церковном молитвеннике.

— А шиш тебе, — сказала Пруденция, выставляя вперед навозные вилы. — Разлетелся!

— Дура, был же уговор!

— Знать не знаю никаких уговоров.

— Твой муж подписал условие...

— Вот с Юнием Брутом и разговаривай, а я знать ничего не знаю. Пошел вон отсюда, а то закричу!

Рыцарь с завязанными глазами еще не так далеко убрался, чтобы не услышать вопля здоровой глотки, привычной на лугу перекликаться с косарями, а на озере — с рыбаками.

— Допросишься, — сердито пообещал оруженосец и поскакал догонять свою процессию.

Пруденция долго еще не опускала свои вилы.

Монета пришлась кстати — Марцию и впрямь следовало бы отослать к родне. В семнадцать лет девица должна быть замужем — и все тут. А золотой — это два красивых платья, две пары башмаков, зимняя накидка и много прочих вещей, необходимых невесте для полного счастья. Будут эти вещи — глядишь, и жених найдется.

* * *

Марция и Гай далеко от опушки не убежали — стояли тут же за березками и смотрели на луг.

— А я тебе говорю — что мы тут хорошего видим? Что, кроме навоза? — спрашивала, еще всхлипывая, Марция. — И всю жизнь будем в этом хлеву торчать, и помрем в этом хлеву, и в навозной куче нас закопают!

— Тихо ты, дура, — отвечал ей на это брат. — Нудишь и нудишь... нудишь и нудишь... и замуж тебя никто не возьмет...

— Так некому же!.. А ты — дурак! И никто за тебя замуж не пойдет!

— Больно надо! А ты сметану ночью воруешь!

— Сам ты сметану воруешь!

Они отвлеклись от наблюдения и не заметили, что через луг проскакала на сером своем жеребце фея Моргана, а за ней — свита. Тропинка вывела всадников как раз туда, где стояли брат с сестрой.

Гай и Марция могли бы хоть пригнуться, но им было не до материнских наказов — они дрались. Сестра дала братцу поцечину, брат заехал ей в плечо кулаком. Фея придержала коня и строго приказала прекратить безобразие.

— А что он?!. А что она?!. — услышала в ответ фея.

— Вы со двора Юния Брута?

— Да, госпожа.

— Так это вас не хотят отпускать на службу в замок?

Гай еще только собирался сказать что-то умное, а Марция уже бросилась на колени прямо под конские копыта.

— Возьмите меня с собой, госпожа! — воскликнула она. — Я полы мыть буду, простыни стирать, я умею! Я и большую печку топить умею, и за скотом ходить, только заберите меня отсюда!

— Вот так-то лучше, — сказала фея. — Заберу, конечно. Что тебе тут делать? Громерта, возьмите девицу на круп своего коня.

Марция, поднявшись с колен, направилась было к придворной даме, но ей сказал: «Сюда, милочка!» рыжеволосый паж, и она с изумлением поняла, что паж — переодетая девушка, немногим ее старше.

— Так не пойдет, госпожа! — возразил Гай. — Мать не хочет, чтобы мы шли служить в замок!

— По уговору, замок покупает у деревни все, что дают хлев, птичник, поле и огород, а деревня отправляет парней и девушек на службу в замок, — отвечала фея. — Твоей матери это не нравится, но твой отец Юний Брут подписал уговор. Так что я забираю девицу, а ты передай матери, что через два года и твой черед настанет. Слышишь? И не серди меня!

Гай попятился. О могуществе феи Морганы рассказывали всякое. И смотрела она так грозно, что впору под землю провалиться.

Марция меж тем взобралась на конский круп и крепко обняла фальшивого пажа.

— Скажи им всем, что я больше никогда не вернусь! — крикнула она и добавила из чистой вредности: — А ты дурак, дураком останешься и помрешь на навозной куче!

Гай кинулся стаскивать сестру с коня, но хлыст феи Морганы коснулся его плеча — и парень окаменел. Он лишился не только движения, но и голоса.

Несколько минут Гай мог лишь смотреть, как всадники уезжают по лесной опушке. Потом тело стало оживать.

Сестру увезли уже довольно далеко, когда он окончательно пришел в себя.

Конечно, можно было вернуться к матери, все ей рассказать — и получить знатный нагоняй. Если бы Марция при всех не назвала его дураком, он бы так и сделал. Но его оскорбили при знатных девицах — и он сильно разозлился.

Крестьяне — и вообще-то упрямый народ, а Гай был к тому же сыном Юния Брута, самого норовистого в деревне хозяина, и жену взявшего себе под стать. Поэтому парень без лишних рассуждений отправился в погоню. Всадники были уже далеко — но он их видел, и этого ему пока было довольно.

* * *

Марция редко выезжала из деревни. Пресловутый уговор был заключен еще до ее рождения, и потому она даже на больших ярмарках не побывала. В замок феи Морганы — и то ни разу не сходила, хотя замок стоял неподалеку, в двенадцати милях от дома. А что такое двенадцать миль для крестьянской девицы? Да она их и не заметит, особенно если будет на ходу, как принято у пастушек, плести поясок.

Поэтому Марция вертелась на конском крупе и наслаждалась новым миром, открывшимся перед ней так внезапно.

За полями и рекой был лес, дорога прямо приглашала следовать по ней и часть пути проехать лесом, но въезжать в лес фея Моргана не пожелала, и всадницы, свернув с пути, обогнули его по опушке, разве что около полумили проехали молодой рощицей. Марция догадалась, что это либо Змеиный лес, либо лес Трех Великанов, либо, на худой конец, лес Ночных Свистунов. Вот родители — те зна-

ли, где какой, и, когда странствующие рыцари забредали в деревню, всегда умели их направить в нужную сторону. А Марция знала только один большой лес неподалеку от дома, да и тот — безымянный. Ходить туда приходилось с опаской — в уговоре было сказано, что деревенские жители могут собирать грибы и ягоды только на опушке.

Наконец добрались до замка. Девица-паж Громерта протрубила в рожок, ей ответили с надвратной башни, опустился мост, и всадницы въехали в замковый двор.

Марция сползла с конского крупа и стояла, озираясь по сторонам. Выходит, здесь ей теперь предстояло жить, в каменных башнях с небольшими окошками... Но здесь все ходят в башмаках — это она приметила первым делом. Женщины, проходившие через двор с корзинами, и женщины, принимавшие коней, и женщины, развешивавшие по стенам какие-то разрисованные полотнища, — все были обуты! Опять же, и одежда у них была добротная, и выкрашена не травками и корнями, а городскими красками, потому такая яркая. Марции захотелось жить тут, с этими женщинами, красиво одеваться, знать все новости здешней жизни, особенно про женихов.

— Лота, отведи Марцию к Балиане, пусть выдаст ей рабочее платье да подгонит по фигуре, — распорядилась фея Моргана. — Она девица статная, вот только руки... тут нужно что-то придумать...

Действительно, широкая исцарапанная и загорелая ручища Марции мало была похожа на белоснежную и изысканную кисть феи.

— Пойдем, — сказала девица Лота. — Мы до вечера должны с тобой управиться.

— Я работы не боюсь, — отвечала Марция, — и переодеваться незачем. Вот эта юбка у меня рабочая, и эта рубаха тоже. Где тут что надо делать?

— До ужина ничего делать не придется, — успокоила Лота. — Я научу тебя ходить и кланяться. А Балиана приготовит платье.

— Кланяться-то зачем?

— В королевском замке на каждом шагу поклоны, а ты будешь в свите дежурной дамы, — объяснила Лота.

— Я — в свите дамы?!

Но этот восторг несколько минут спустя уступил место иному восторгу: Марция увидела свое рабочее платье. Оно было бирюзовое, с длинными и широкими рукавами, с накладным воротником, утыканным позолоченными бляшками и большими круглыми камнями, красными и зелеными, а главное — оно было до пола, не то что крестьянский праздничный наряд, из-под которого чуть ли не весь чулок видно. Выдали ей и мягкие кожаные башмаки с завязками.

— Рукава укорачивать не будем, — деловито сказала Балиана. — А то лапы у нее — как вареные раки. Ну-ка, пройдись... ох, нет, кто же так ходит? Ты ступай ровненько, спинку выпрями...

Марция понятия не имела, что ходит неправильно и что можно ходить как-то иначе. Лота с Балианой гоняли ее немилосердно, показывая правильную поступь и тыкая Марцию кулачками то в поясницу, то в загривок, так что и сами взмокли от усилий. Наконец вроде стало получаться.

— Сядь, — велела Балиана и приладила к ее голове две длинные накладные косы невозможного цвета — почти белые, собственные же волосы Марции убрала под шапочку и еще накрыла сверху вуалью. — Ну, сойдет в полумраке, если не слишком приглядываться.

— Сейчас поедим и в дорогу, — сказала Лота. — Ты, главное, молчи и смотри в пол. Жди меня в трапезной, я скоро...

Она действительно обернулась быстро и пришла в таком же бирюзовом платье, как у Марции, и с такими же сомнительными косами. Более того — в трапезную явились и присели с края длинного стола еще две особы, одетые точно так же, и в одной Марция признала девицу-пажа Громерту.

Ужин был прескверный — не миска каши с поджаренным салом, как привыкла Марция, а какие-то жалкие хлебцы, кусочки сыра, мелко порезанные травки и отвар шиповника.

— Этак я не наемся и работать не смогу, — предупредила крестьянская девица.

— Сможешь, — строго сказала ей Громерта. — А будешь много разговаривать — госпожа уста замкнет.

— Лучше бы сразу замкнуть, — посоветовала Лота. — Вставай, Марция...

Подошла дама в белом наряде, с удивительно белым лицом, каких на свете не бывает. Издали она показалась Марции дивной красавицей. А вблизи оказалось, что ее лицо словно вылеплено из белой глины. Выделялись только красные губы, которые, когда красавица заговорила, почти не двигались.

— Собирайтесь, девы, телега уже подана, — сказала эта странная особа и удалилась, неся свое белоснежное лицо с превеликой осторожностью — как бы от избыточного движения бровей или уст с него не полетели комки белой глины.

Четыре одинаково одетые девицы вышли из трапезной, а потом и из замка. Большая телега стояла уже за подъемным мостом. Дама в белом, госпожа Риона, забралась туда с помощью кучера. Марция пригляделась — и кучер тоже был переодетой женщиной.

— Помажь за ушами, да только не слишком много, — шепнула Лота, вжимая в ладонь Марции стеклянный пузырек.

— А я не оглохну?

— Нет, это для приятного запаха.

Телега тронулась с места, Марция, приноравливаясь к ее колыханиям, вынула притертую пробку, понюхала — и ей стало безумно жарко. Слезы хлынули ручьем, в носу засвербело, звонкий чих сотряс все ее тело, и другой, и третий.

— Этого еще недоставало! — воскликнула дама Риона. — Откуда только привозят таких несчастных дур?

Достав из-за пояса палочку в палец длиной и с шариком на конце, она забормотала и ударила этим шариком Марцию по носу. Чих, готовый вылететь наружу, застрял где-то внутри и принялся буянить. Слезы так и текли. Марция перепугалась до полусмерти, и в голове было одно: бежать, бежать отсюда!

Она соскочила с телеги, но Громерта бросилась следом и поймала ее.

— Пошла назад! Не будешь слушаться — отдадим дракону! — пригрозила она и для убедительности оскалилась и защипела.

Марция уставилась ей в лицо, но лица уже не было — а была чешуйчатая морда, зеленая с черными пятнами, с крас-

ными ноздрями, с прижатыми острыми ушами, с длинными змееобразными усами — четыре справа, четыре слева. Марция ахнула и ноги ее подкосились...

* * *

Неподалеку от леса Гай потерял из виду фею Моргану со свитой. Некоторое время он шагал, не беспокоясь, потому что деваться им было некуда — дорога шла все прямо и прямо, без развилок и перекрестков. Наконец парень оказался на опушке.

Дорога вела в лес, и он преспокойно углубился в чащу, опять же, не испытывая никакого страха. Во-первых, днем хищники отсыпаются, во-вторых, на поясе широкий нож, в-третьих — если тут разъезжают дамы на лошадях, значит, место совершенно безопасное.

Не прошел он и сотни шагов, как увидел стрелку, вырезанную на коре большой ольхи. Стрелка указывала на почти незаметную тропинку. Решив, что такая тропинка — не для конных, и непохоже, чтобы по ней только что прошли четыре лошади, Гай двинулся дальше.

Шагов он, конечно, не считал и не мог бы сказать, на каком расстоянии от стрелки дорога раздвоилась. На развилке стоял большой валун, обычный серый валун, какие порой вылезают прямо из глуби земной посреди пашни. Но этот был перемазан в красном. Гай присел на корточки и разобрал снизу несколько кривых букв. Прочие были смыты дождем.

Буквы сложились в слово «подвиг».

В отличие от сестры, Гай учился грамоте две зимы. Внятно написанное слово он мог прочитать без большого труда. А вот слово, в котором недоставало букв, особенно в начале, было для него непреодолимо и потому страшновато.

Гай отошел от камня и задумался. Следовало выбирать дорогу, и надпись определенно давала какие-то советы, но поди ее теперь разбери.

Тут послышался скрип колеса. Гай обрадовался — теперь хоть будет у кого спросить о замке феи Морганы. Но когда он увидел, кто сидит на краю тележки, правя крупным ослом, то спрашивать уже не пожелал, а, наоборот, — отступил и забрался в малинник.

Деревенский житель прост и боится вещей непонятных и некрасивых. Неизвестно, кто и для чего сотворил карликов, ростом человеку чуть выше пояса, неизвестно, кто их снабдил такими страшными рожами, а главное — для чего им рот от уха до уха. И это бы еще полбеды — а вот почему их держат при себе знатные господа, наряжая лучше, чем родных деток, совершенно непонятно.

Карлик остановил осла, сполз с тележки, снял ведро и поставил у камня. Макая туда тряпку, он смыл остатки букв, протер камень насухо другой тряпкой, взял горшок с краской и кисть, приценялся списывать с пергаментного клочка слова. Камень был шершав и неровен, зеленые буквы ложились как попало, но карлика это мало беспокоило.

— «Сей подвиг уготован рыцарю, — шепотом прочитал Гай, — который разгадает загадку».

И далее карлик вывел такие слова: «Кто в черном царстве красный рыцарь?»

Гай даже рот разинул: все деревенские дети скажут, что это морковка. Что же за рыцарь должен прочитать загадку — новорожденный, что ли?

Карлик сунул кисть в горшок, забрался на тележку и заставил осла развернуться.

— Камень подновили, дракона покормили, с озером разобрались, черного рыцаря навестили... Ну, поехали домой, Серенький, — приказал он. — Живо, живо!

Осел все понял и перешел на довольно шуструю рысь.

С тележки слетело что-то белое, но упало не на дорожку, а на куст, совершенно беззвучно, так что карлик не заметил пропажи.

Гай подождал немного и выбрался из малинника. Теперь он хоть знал, какая из дорог ведет к замку феи Морганы. Кто, кроме нее, будет держать карликов и посылать их кормить дракона?

То, что своей тяжестью промяло густой куст почти до земли, оказалось отрубленной чуть выше локтя рукой в белом парчовом рукаве.

От рукава тянулись какие-то веревочки с железными штуковинами вроде шутовских бубенцов на концах.

Ужаснувшийся Гай, сам не ведая для чего, подошел поближе. Он впервые в жизни видел отрубленную руку,

его трясло от возбуждения, но неведомая сила влекла его разглядеть получше эту страшную находку. Он нагнулся над кустом и задел ветку.

Тонкие веточки под рукой разошлись и она тяжко упала на землю. Тут и обнаружилась, что рука-то живая!

Длинные белые пальцы сгибались и разгибались, словно шаря в воздухе незримую добычу.

Гай попятился и кинулся бежать без оглядки. Ему казалось, что рука по воздуху летит следом и собирается оборвать ему уши — и это в лучшем случае. Наконец он споткнулся и упал.

— Ты кто такой? — спросил густой мужской голос. — Откуда ты взялся?

Гай приподнялся на локте и увидел склонившегося над ним черного рыцаря.

— Я Гай Брут... сын Юния Брута... — пробормотал он. — Спасите меня, господин рыцарь! Там — рука!

— Рука — и что же?

— Рука! Мертвая рука! И шевелится!

— Мертвая рука шевелится? Любопытно... Ты у нас новенький, дружок? Вроде слышал я, фея говорила, что хочет посадить в лесу еще одного дракона. Или великана? А ты часом не сынок тетки Пруденции?

Рыцарь поднес к прорезям забрала нечто, скрытое до поры в железной перчатке.

— Пуфф... — сказал он.

Из шлема прямо в лицо Гаю вылетело облачко серого дыма...

* * *

Марция были лишена почти всего — дара речи, способности двигать руками, обоняния и желаний. Она могла только переступать ногами и выполнять приказы, глядя при этом в пол. Это был каменный щербатый пол галереи, опоясывавшей двор совершенно незнакомого замка, куда прибыли уже в полной темноте.

— Дайте ей край мантии, — сказала дама Риона. — А с тобой, Громерта, я потом поговорю.

— А что Громерта? Велите Громерте делать что-нибудь одно, а не дергайте ее — сегодня в лес на дежурство, я еще

днем должна была Бомейну сменить, завтра с рыцарем в странствие, послезавтра большая стирка! — огрызнулась девица-паж. — А заклятие-то отменять никто не станет!

— Бомейна должна дождаться рыцаря. Ты его так не встретишь, как она. Который год служишь — с огнем обращаться не умеешь, — упрекнула дама Риона. — Подавайка мантию живее!

Мантия оказалась десяти футов в длину, из белой парчи с голубым подбоем. Громерта накинула ее на плечи даме Рионе, застегнула на шее пряжку, затем очень осторожно развернула ткань, а Лота, подведя Марцию, вжала ей в кулак тесемку, пришитую к краю.

— Держи и не смей выпускать.

Затем все построились: впереди маленький паж с факелом, за ним дама Риона с подносом, на котором был водружен рыцарский шлем, за ней попарно девицы, несущие мантию. Женщина-кучер достала из приколоченного спереди к телеге ящика рог и протрубила сигнал.

Минуту спустя прозвучал ответ — такой же скрипучий и срывающийся в писк.

— Идем, — велела дама Риона.

Марцию подтолкнули — она и пошла.

Процессия неторопливо процессировала по галерее, свернула в арку, пересекла небольшой зал со щитами на стенках и встала перед огромной двустворчатой дверью.

Дверь охраняли двое мужчин в доспехах.

— Доложите его величеству, что пришла дама, угнетенная несчастьями и страждущая! — скорбным и звучным голосом потребовала дама Риона.

Дверь распахнулась.

— Дама, угнетенная несчастьями и страждущая, к его величеству! — доложил герольд.

Марция, получив пинок от Лоты чуть ниже спины, побрела в зал.

Если бы она подняла голову, то увидела бы помещение, убранное, на деревенский взгляд, роскошно: стены в огромных тканых гобеленах, изображающих охоту; камин — такой, что туда на телеге въехать можно, и в нем полыхает настоящий пожар; главное же — стол посреди зала, величиной с ток для молотьбы, причем круглый.

За этим столом сидело человек пятьдесят рыцарей, все длинноволосые и кудрявые, и они разом повернулись к двери, а один встал и медленно погладил ладонью седеющую бороду.

— Прекрасная дама, что привело вас к моему двору? — спросил этот мужчина. — И что означает шлем, который вы принесли сюда?

— Этот шлем я ношу как знак моей вечной скорби, — отвечала дама Риона. — Я не смогу освободиться от него, пока не найду рыцаря, весьма доброго в своих делах и мыслях, без греха, измены или злых помыслов, который сможет надеть этот шлем на голову и совершить великие деяния. При многих дворах я побывала, но никто не сумел надеть шлем, и я надеялась, что в Логрии, при дворе короля Артура, найду хотя бы одного истинного рыцаря.

— А что за приключение связано с этим шлемом? — полюбопытствовал бородатый мужчина.

— Тот, кому шлем придется впору, на рассвете выедет из замка в одиночестве, и отправится искать лес Зачарованного озера, и въедет в лес, и окажется на берегу озера, и там он увидит, как сражаются два призрака, белый и черный. И если рыцарь сумеет победить черный призрак, то перед ним откроется дорога, ведущая к замку, где ждет освободителя юная дева, и дева скажет ему, что он еще должен совершить, чтобы низвергнуть зло и взять ее в жены, — объяснила дама Риона.

Рыцари за столом загалдели.

— Пусть это будет мое приключение! Нет, я слишком долго ждал этого приключения! У меня уже два года ни единого приключения! — слышала Марция хриплые голоса, но поднять голову и хоть раз взглянуть на рыцарей — не могла. Все ее способности сейчас сосредоточились на одном — не выпустить из рук край роскошной мантии.

— Доблестные рыцари, приключение уготовано тому, кто сможет надеть шлем! — повторила дама Риона. — Коли угодно, пытайтесь, а коли нет — я пролью слезы и пойду искать дальше рыцаря, который освободит мою несчастную дочь...

Тут за круглым столом стало тихо — сотрапезники осознали, что дама в белом собирается стать кому-то из них тещей.

— Позвольте одному из моих рыцарей надеть этот шлем, — сказал бородатый хозяин застолья. — Сэр Гарайн! Вы уже три года мечтаете о подвиге...

Немолодой рыцарь выбрался из-за стола и без особой охоты подошел к даме Рионе. Взяв с подноса шлем, он попытался надеть его, но голова не проходила в отверстие, казалось бы, достаточное и для пивного бочонка.

— Нет нужды и в половине этих усилий, рыцарь, шлем предназначен иному. — С тем дама Риона, поставив поднос на табурет, сняла с сэра Гарайна шлем, и он с явным облегчением вернулся на место.

Еще несколько рыцарей поочередно примерили шлем. Марции немного полегчало, она стала прислушиваться к речам, поглядывать на мужчин и вскоре сообразила, что бородатый хозяин — король ее страны Логрии, Артур, прочие же — его друзья и вассалы, о которых рассказывают дивные истории — как они отгоняют от границ Логрии великанов, драконов, злых полководцев и колдовские наваждения.

Правда, она не сразу в такое диво поверила. Вся деревня знала, что Логрия огромна, что столица Камелот с королевским дворцом и знаменитым Круглым Столом — как раз посередке и до нее добираться по меньшей мере две недели. А тут — к вечеру доехали до замка Фси Морганы, а незадолго до полуночи уже прибыли в Камелот? Колдовство колдовством, но телега же не по воздуху летела, а, наоборот, перемещалась довольно медленно и даже весьма тряско.

Дурочкой Марция не была, просто деревенская жизнь не давала большого простора уму. А вот как пришлось рассуждать о чем-то более возвышенном, чем навозная куча, так и оказалось, что ей даже нравится вспоминать подробности и сопоставлять всякие сведения.

А еще ее внимание привлек стол, накрытый для рыцарского пира. Она отродясь не видела столько жареного мяса сразу. Его должно было бы хватить для целой армии, и Марция, которая дома видела мясо далеко не каждый день, сглотнула слюнки и возмечтала: вот бы эти знатные господа догадались угостить гостью с ее свитой...

Наконец к даме Рионе подошел юный и очень взволнованный рыцарь. Похоже, он был за столом самым млад-

шим — да и самым красивым тоже. Дама взяла двумя руками шлем, рыцарь преклонил колено, все замолчали — вдруг стало понятно, что именно сму этот судьбоносный шлем придется впору.

Медленно, так медленно, что рыцари от нетерпения приподняли зады над дубовыми стульями и вытянули шеи, дама Риона опустила шлем на голову юного рыцаря и...

И ничего не получилось.

Вернее, получилось точно то же, что и с сэром Гарайном, и с прочими господами: край горловины шлема достиг бровей, а дальше — ни-ни! Дама Риона покрутила его вправо-влево, даже встряхнула — никакого толку, шлем упорно не желал наползать на голову юного рыцаря.

Дама Риона вернула шлем на поднос.

— Неужели за Круглым Столом нет ни единого рыцаря, достойного столь замечательного и достославного подвига? — горестно вопросил король Артур. — Не испытать ли и мне судьбу?

Он выбрался из-за стола и пошел к даме Рионе, чуть прихрамывая, и, когда он был уже совсем близко, Марция услышала его дыхание. Король был немолод и страдал одышкой — какие уж там странствия в зачарованном шлеме, если для него обойти собственный стол — нелегкая задача?

Дама Риона достала из-за пояса палочку с шариком на конце, провела ею перед собой, изобразила в воздухе круг, забормотала, ткнула в середку этого круга засветившимся шариком — и в зале настала полнейшая тишина.

Рыцари окаменели, а король Артур застыл, не опустив на пол поднятую ногу в домашнем мягком башмаке.

— Держи,— сказала Громерта и дала Марции свой край парчовой мантии. — Госпожа, вас же предупреждали!

— Скорее, скорее! — приказала дама Риона.

Громерта сунула руку вовнутрь шлема, что-то там нашарила, пискнула, оцарапавшись, и вытащила маленький металлический шпенек.

— Я же говорила, что нарезка сорвана!

— Теперь он наденется? — спросила дама Риона.

— Теперь наденется,— подкручивая железную головку снаружи шлема, отвечала Громерта. — Погодите, я только мантию возьму.

Дама Риона изобразила в воздухе круг и произнесла невнятное заклинание.

Король Артур поставил ногу на пол и хмыкнул. Он явно не понимал, как здесь оказался.

— Вы должны собственноручно надеть шлем на голову самому достойному из юных рыцарей и благословить его на приключение, память о коем останется в веках! — подсказала дама Риона.

Король взял шлем, коленопреклоненный рыцарь подставил голову, и все совершилось в наилучшем виде.

— Встань, рыцарь Зачарованного Шлема, — повелела дама Риона, — и готовься совершить подвиг, равного которому не было в анналах Круглого Стола!

Рыцари загремели бокалами и тяжелыми деревянными кружками для пива.

— Да, шлема, пожалуй, еще не было, — согласился король Артур. — Были зачарованное копье, зачарованный меч, зачарованный щит, зачарованные шпоры... Где еще столько найдется магических зачарованных доспехов, как не в Логрии? Писец!

— Записываю! — отозвался из угла седовласый дедушка, преогромным пером царапающий страницу толстенной книги. — Только помедленнее, сэр, я не поспеваю...

— А теперь позвольте мне удалиться, — сказала дама Риона.

— Благодарю вас, прекрасная дама, — произнес король примерно так, как поблагодарил бы мажордома, велевшего внести блюдо с жареным кабаном и отпускающего слугу восвояси.

— А ужинать? — тихонько спросила Марция.

Ее подтолкнули, и она пошла прочь из зала, уже совершенно ничего не понимая.

* * *

Гай стремглав несся через лес. Он не оборачивался, но знал — за ним гонятся все силы ада. Наконец тропинка вывела его на озерный берег.

Гай встал, тяжело дыша, и огляделся по сторонам.

Озерцо было небольшое, настоящее лесное озерцо в ложбинке, в сумрачный день даже немного страшноватое —

лишь малая его часть освещалась солнцем, почти все оно было укрыто густыми древесными кронами. На берегу лежал здоровенный, Гаю по пояс, камень, рядом с ним стоял горшок краски, из горшка торчала кисть. Но ни единого слова на шершавом каменном боку еще не было.

Противоположный берег был довольно крут, и над самой водой виднелась большая темная дыра — очевидно, вход в пещеру, занятую семейством драконов. Гай задумался — куда же дальше бежать-то?

Тут над головой у парня затрещало, зашелестело, он посмотрел наверх и увидел ноги. Эти ноги в зеленых чулках и стоптанных башмаках поочередно шарили по стволу в поисках то ветки, то удобного изгиба. И сразу же сверху рухнула к подножию дерева какая-то железная штуковина, обвязанная веревкой.

Гай на всякий случай отступил и спрятался за валун.

С дерева спустилась хорошенькая девочка лет четырнадцати, не более. Ее золотые волосы были собраны в узел, но узел разлохматился, в нем застряли веточки и всякая древесная шелуха. Одета девочка была как городской мальчик — хотя довольно неряшливый мальчик, и Гай подумал еще, что городские вряд ли так ловко карабкаются по деревьям.

— Бабуля! Бабуля! — закричала девочка и даже замахала рукой.

Из пещеры появилась пожилая дама в большом грязном переднике, как будто она там принимала роды у коровы или у кобылы.

— Хорошо закрепила? — громко спросила она.

— Да, обоих призраков выдержит!

— Ну, неси сюда веревку, да не забудь пропустить через блок вон там! — Дама показала вверх.

— А откуда черный призрак вылетит? — полюбопытствовала внучка.

— Как всегда — из пещеры.

Внучка побежала к указанному дереву, а бабушка, напротив, двинулась в обход озера к валуну. Там она вытянула кисть из горшка, подумала — и стала писать.

— Бабубя, бабуля! — зазвенело в вышине. — Веревки не хватает!

— Сейчас принесу еще моток!

Бабушка поспешила к пещере, а Гай высунулся из кустов. Надпись на валуне была сделана большими голубыми и очень разборчивыми буквами.

— «Сей подвиг уготован рыцарю Зачарованного Шлема», — прочитал Гай.

Он подошел бы к бабушке с внучкой — расспросить о дороге хотя бы, но побоялся связываться со старухой, которая командует призраками и выпускает их полетать из пещеры. Поэтому Гай тихонько стал отступать и оказался на скрещении тропинок.

Он уже понемногу стал осваиваться в этом колдовском лесу и не побежал куда глаза глядят, а изучил перекресток и обнаружил, что на нем есть тайные знаки. На коре вырезана стрелка — это раз. Другая стрелка выложена прямо на тропе мелкими камушками — это два. На ветке навязана красная ленточка — это три. Молодое деревце опоясано золотистой ленточкой — это четыре.

Подумав, Гай решил идти в направлении, указанном каменной стрелкой. И шел по меньшей мере четверть часа, внимательно изучая окрестности. Тропинка показалась ему не совсем прямой — а скорее закрученной, как свежая стружка из-под рубанка. И по дороге попадались еще какие-то знаки. Но Гай решил не сворачивать — в конце концов, по какой-то дороге ведь увезли Марцию в замок феи Морганы, и может статься, что именно по этой, она достаточно широка для всадника на лошади.

Широкая тропинка вывела на поляну, посреди которой громоздилась здоровая куча бревен и хвороста. Перед ней была вытоптанная площадка такой величины, чтобы повозке развернуться.

Вроде бы Гай на ходу не слишком шумел, однако был услышан.

— Это ты, Громерта? — прозвучал девичий голосок из самой середины страшной кучи. — Сколько же можно? Тебе полагалось сменить меня еще в полдень, я тут сижу, жду — никого! И рыцарь этот несчастный не притащился! Я же говорила, что он заблудится! Надо было два камня ставить — и на опушке, и на том пригорке, где выворотень.

Гай молчал.

— Преобразуйся и полезай в берлогу, а я — домой! — продолжал загадочные речи нежный голосок. — Мне еще сегодня нужно за дамой Рионой мантию нести, потом петь тоскливую песню в старой башне, потом еще куча всяких дел! Огонь я тебе приготовила, ты только не выбрасывай его весь сразу.

Куча зашевелилась, затрещала, оттуда полезло что-то огромное и неуклюжее.

Гай так удивился, что окаменел и даже не попятился, когда явилась на свет красно-лиловая чешуйчатая морда с коровьими рогами, зевнула и встряхнулась, избавляясь от мелкого хвороста.

И говорили же старшие, что в лесу водятся драконы!..

Гай понял, что настал его смертный час. Такая огромная и страшная скотина питается людьми — это уж точно! И нет поблизости доблестного рыцаря, чтобы проткнуть ее копьем и спасти бедного Гая Брута...

— Это ты, Гай Брут? — уставившись на парня огромными зелеными глазами, спросил дракон. — Ох ты, вот так встреча! Не узнаешь? Я Бомейна... Ох, нет, не Бомейна, Антония Квинта! Ромулус Квинтус Постум — батька мой! Теперь вспомнил? Да что ты стоишь, как деревянный болван для доспехов? Погоди, сейчас преобразуюсь...

* * *

Марция понемногу приходила в себя. Очевидно, наведенный на нее морок, мешавший двигаться, говорить и даже чихать, нуждался в постоянной поддержке. В телеге ей стало уже совсем хорошо.

Дама Риона и Громерта препирались о сломавшейся не вовремя железке, которая, как поняла Марция, мешала надеть шлем, сдвигая внутри него какой-то хитрый ободок, а в нужную минуту, наоборот, этот ободок раздвигала.

— И мне давно пора сменить Бомейну, — завершила спор Громерта. — Сидит она в лесу голодная...

— Ее давно уже нашел и прикончил рыцарь Аграмейн,— возразила дама Риона. — И она вернулась в замок и отдыхает от трудов своих...

— Знаю я этого рыцаря Аграмейна! Он ведь двоюродный брат моего Аграмора! Этот рыцарь в собственной спаль-

не кровать не найдет! Надо было послушать совета и дать ему в провожатые карлика Гонемана, иначе он будет кружить по лесу до второго пришествия...

— У нас всего два карлика, а Гонеман умеет чинить механические устройства. И хватит тебе кричать, Громерта. Иначе обо всем будет доложено фее.

— Ну как же! Чем бы вы еще могли удержаться на своем месте, дама Риона, как не доносами?

Слушая эту склоку, Марция все яснее понимала, что мать была права — в замке феи Морганы честной крестьянской девушке не место. Умнее всего было бы сбежать, пока на нее не обращают внимания, и, переночевав в каком-нибудь стогу, утром найти дорогу домой.

Марция подобралась к краю телеги, бесшумно соскользнула на дорогу и присела на корточки за кустом. Дама Риона и Громерта продолжали браниться, вмешались Лота, Персивелла и Герейна. Теперь им было не до Марции — и пропажу они бы заметили не скоро.

Девушка не боялась ночного леса. Во-первых, она переобулась — правый башмак на левую ногу, левый — на правую, благо мягкая кожаная обувь была изготовлена так, что позволяла эти переобувания. Во-вторых, она стащила с себя платье и надела наизнанку. Теперь ей не был страшен даже ночной охотник Рогатый Хорн, который шастает по тропам со своими призрачными гончими. Рогатый Хорн, к тому же, покушается лишь на женщин, а Марция — девица. Что же касается волков, медведей и прочих опасных тварей, то на поясе всякой дамы висит острый нож — был он и на поясе у Марции, да и слишком обжитым показался ей лес — вряд ли тут водилось хоть что-то пострашнее ежа.

Собственно, ей почти не пришлось идти лесом — она очень скоро оказалась на открытом месте, и это был необходимый ей луг после сенокоса. Свежее сено уже сметали в стога, и Марция могла выбирать любой. Правда, страшно хотелось есть.

Днем она бы уж нашла чего пожевать, а во мраке все травки — на одно лицо, так что Марция смирилась и стала разгребать стог.

Но заснуть ей не удалось.

Сперва в одну сторону пронеслась копытная топотня, потом в другую, запел рожок, кто-то заорал не своим голосом — ощущение было, будто началась война. А когда Марция, высунув голову из стога, увидела, что вдали мельтешат факелы, то поняла: так оно и есть!

На войне главное — поскорее прибиться к своим, иначе пропадешь. Марция знала это по рассказам стариков, которые хвалились тем, что потому лишь и выжили. Всякая семья должна в опасный час собраться вместе, иначе так размстает — может, только в какой-нибудь Норвегии и очнешься.

Марция в Норвегию не хотела, но вылезать из стога и бежать куда глаза глядят побоялась.

Суета укатилась куда-то за лес, стало тихо, и Марция уже поверила было, что обошлось, но ждал ее еще один подарочек судьбы.

Когда она почти заснула, сено зашуршало.

Мышам в стогу заводиться было еще рано — это могла быть змея. Вообще деревенский житель со змеями в ладу — он их не трогает, они его не трогают. Но это в лесу или на поляне, где можно обойти друг дружку за полмили. А оказаться в одном стогу со змеей — приятного мало.

Марция взвизгнула и выскочила из сена. Тут же на правой ее руке оказался железный браслет неимоверной тяжести, так что она покачнулась и шлепнулась обратно в стог.

Вот теперь следовало бы заорать во всю глотку, но что-то больно ударило Марцию по губам, и она во второй раз за недолгое время утратила дар речи.

А потом она услышала голос.

Это был мужской голос, негромкий и весьма внушительный.

— Если ты, девица, будешь буянить, превращу в лягушку,— произнес он.— Или даже в жабу. И будешь жить на болоте.

Марция замычала как можно выразительнее. Она уже поняла, что в окружении феи Морганы встречаются самые удивительные дарования и чары. Всю жизнь проквакать на болоте ей вовсе не хотелось.

— А ты ведь крепкая и выносливая деревенская девица,— задумчиво сообщил голос.— Какая удача... Да, именно

удача. Они полагают, что теперь легко со мной справятся. Да, я не умею летать по воздуху — тут они правы. Да, способность делаться незримым тут бесполезна — проклятая Моргана видит незримое так же ясно, как зримое. Но они не могли предвидеть, что я встречу тебя, любезная девица. После того как все окончится благополучно, я щедро расплачусь с тобой и отдам тебя замуж за лучшего из рыцарей Круглого Стола. А сейчас не обессудь и поднимайся.

Железный браслет дернул руку вверх, и Марция встала. Рядом с ней оказался мужчина, закутанный в плащ с капюшоном. Это было еще страшнее змеи в стогу — всякий чужой мужчина представляется деревенским девицам губителем их невинности, а тут кричи не кричи — прибежать на помощь с навозными вилами некому.

Но странно начались опасные и похотливые действия чужого мужчины. Он отпустил руку Марции и, бормоча, крепко шлепнул ее по заду. Девица от неожиданности подпрыгнула, и тут у нее прорезался голос.

Но не человечий это был голос, и не на две ноги она приземлилась — заржав тонко и жалобно, Марция опустилась на четыре копыта.

— Славная кобылка! — сказал мужчина. — Ну, стой смирно. Седло я сделаю из своего кошеля, уздечку с поводьями — из пояса... Стой, тебе говорят! Они дорого мне заплатят за свои безобразия...

Марция ощутила спиной седло, животом — подпругу, в углы рта вжалась, передавив язык, узда. И тут же на новоявленную кобылу вскочил зловредный волшебник.

— Поехали! — тихо приказал он. — Вперед, в Камелот!

* * *

— И вот привезли меня в замок феи Морганы, — рассказывала Бомейна, она же Антония Квинта, сидя на бревне, — и первым делом поставили в свиту. Когда знатная дама отправляется ко двору, у нее должна быть свита из благородных девиц, чтобы нести мантию. Тихо... вроде идет кто-то?

Гай, сидевший рядом, прислушался.

— Нет, это белка шишку уронила. А дальше что? — спросил он.

— А потом стали учить. Ты же сам знаешь — нас в деревне учат только по хозяйству управляться. А я тут всего три года — и знаешь сколько всего усвоила? Я лучше всех пламя выбрасываю, показать?

— Не надо!

Гай набрался страху уже тогда, когда дракон преображался в соседку Антонию Квинту. По огромному телу, покрытому крупной чешуей, пошли волны, оно исказилось, поплыло, внутри зародился и раскрутился бешеный смерч, а когда опал — перед Гаем стояла молодая женщина в красно-лиловом платье. Судя по белому головному убору — замужняя.

— Ну, как знаешь... — Соседка даже обиделась.

Гай помнил, как ее забирали из деревни. Он был еще мальчишкой и не понимал, почему так негодует дядька Ромулус Квинтус: дочку берут в замок феи Морганы, она там станет одеваться в городские наряды, каждый день есть пироги и спать на меховых покрывалах. Разумеется, дядька не знал, что его любимая доченька будет преображаться в дракона и выпускать изо рта языка пламени, иначе еще не так бы ругался.

— А для чего это все нужно? — спросил Гай.

— Ты понимаешь... — Антония Квинта призадумалась и махнула рукой: — Ох, все равно не поймешь... Я тоже не могла понять, пока замуж не вышла. Одно только скажу — хоть я здесь и на виду у феи Морганы, хоть и сама леди Нимуэ мне благоволит, и муж меня любит, и дама Риона хвалит, а разумнее было бы остаться в деревне. Жалко, не могла я дать знать Марции, пока она фее не попалась...

— Больно бы она тебя послушалась!

— Тихо! Едет!

— Да никто там не едет, тебе мерещится.

— Ага, мерещится! А как подъедет незаметно, а я преобразиться не успею?

— А кого ты, Антония, тут ждешь в таком страхолюдном виде? — спросил наконец Гай.

— Кого-кого, рыцаря... А он где-то заблудился... Слушай, Гай, а не пойдешь ли ты его поискать? Он ведь где-то поблизости.

— Найду, а дальше?

— Ты вот что, ты ему скажешь, что убегаешь от страшного дракона Змеиного леса, который сторожит сокровище, — деловито заговорила Антония Квинта. — И ты не сразу соглашайся его ко мне привести, а пусть сперва даст хотя бы одну золотую монетку...

— Так это Змеиный лес?

Антония Квинта несколько замялась.

— Ну, Змеиный... А когда приведешь, я быстренько огонь выкину, хворост подожгу, рыцарь в меня копьем ткнет, я зареву — и за кучу, и тут же преобразуюсь, чтобы ему сокровище вынести. Тяжеленное, будь оно неладно!

— А что за сокровище?

— Портрет зачарованной девы, на медной доске всякими красками написан, а в придачу — большой кубок, лошадей из него поить впору. И он с этим портретом дальше поедет, подвиг у него такой. А мы с тобой пойдем в замок...

— Мне-то в замок зачем?

— А куда же еще?

— Я фее Моргане служить не хочу, — твердо сказал Гай. — Насмотрелся уже! Тот рыцарь, который дым извергает, тоже ведь ей служит?

— Да, это сэр Орингл, он на Ривалине женат, весьма почтенный и здравомыслящий сэр. Хоть глупостями не занимается...

— А ты за кем замужем?

Антония Квинта только рукой махнула.

— Он что, тебя бросил? — в простоте своей спросил Гай.

— Да лучше бы бросил! Вижу я его — раз в месяц! Ох, кто бы меня, дуру, предупредил — не иди за рыцаря, толку не будет! Так нет же — пообещали, что буду дамой, что шелковое платье дадут, я и обрадовалась! — чуть не плача, стала рассказывать Антония Квинта. — Посадили меня на скале, под скалой Громерта, в дракона преобразившись, там же озеро с рукой. Сижу — веришь ли, Гай, сердце замирает! И тут вижу сверху — едет мой суженый! Ну, сперва он — к озеру, там рука из воды высунулась, ему меч подала... А знаешь, как трудно ее наладить, чтобы она в воде двигалась? Все время чинить приходится...

— Ага... — мрачно произнес Гай. — Знаю я эту руку...

— Ну, Громерта — она опытная, бой провела по всем правилам, а потом заревела и в озеро свалилась — все как полагается. А он — ко мне! Я, говорит, твой жених, благородная девица! И перед собой на лошадь посадил и в Камелот повез! А меня фея предупредила — ты, говорит, дочь короля Периглота с Кровавых Пустошей, и кто бы чего ни спросил, именно так и отвечай. Дракон, говорит, тебя похитил, и как домой возвращаться, ты не знаешь. А я и рада — рыцарь-то был такой красавчик...

Антония Квинта вздохнула, ахнула, и слезы полились по ее румяным щекам.

Гай покосился на рыдающую соседку. И без того тошно — в Змеиный лес угодил, на каждом шагу — ужасы и страсти, драконы кишмя кишат, тут еще Антония Квинта реветь собралась, а у женщин это надолго.

— И свадьбу сыграли... — сквозь слезы продолжала соседка. — И комнату нам в замке дали большую, круглую... в южной башне... Платье мне сшили... А он!.. Каждую ночь сидит за этим самым Круглым Столом, приходит под утро, на ногах не держится!.. Три года, Гай Брут, три года на рассвете приходит!.. К обеду выспится, начинает вспоминать... вспоминает, кто чего рассказывал... Тихо! Вот теперь точно — рыцарь! Беги отсюда, я преображаться буду!

Гай вскочил с бревна и скрылся в кустах. Он думал, что ему уже по горло хватило здешних чудес. Но далеко он не убежал — любопытство все-таки проснулось.

Когда он вернулся на драконью поляну, бой как раз завершился. Рыцарь в закопченных доспехах, спешившись, пытался разворошить бревна, под которыми было скрыто сокровище. А дракон лежал в сторонке, не двигаясь. Из его пасти торчало сломанное копье.

Гаю это сильно не понравилось. Он на четвереньках подобрался к огромной драконьей башке и пощекотал прутиком черную ноздрю.

— Гай Брут... — прохрипела Антония Квинта. — Беги скорее... преобразиться не могу... приведи кого-нибудь... скажи — Бомейна...

— Держись, соседка, — шепнул Гай. — Сейчас раздобуду лекаря.

Как все деревенские ребята, он был неплохим наездником и мог управиться даже с неоседланным конем, этот же имел и седло, и стремена, и поводья. Вскочив на коня, Гай тут же развернул его и погнал по тропинке, мало сообразуясь с ленточками и стрелочками. Ему нужно было найти хоть кого-то из слуг феи Морганы.

Рыцарь гнался за ним, ругаясь, шагов двести или даже больше — сколько позволили доспехи. Ругался он так, что комары на лету дохли.

* * *

Марция бежала по ровной дороге без ухабов, и всадник явно знал, куда держит путь. Правда, то и дело он останавливал Марцию и слушал ночные звуки.

— Потерпи, моя кобылка, — сказал он вскоре. — До Камелота меньше мили. А там я верну тебе прежний вид.

Марция, обрадовавшись, пошла рысью, но вдруг встала, шевеля ушами. Всадник тоже услышал голос. И это был голос Гая Брута.

— Ну что ты за скотина проклятая?! — спрашивал Гай незримого собеседника. — Такую скотину волкам и медведям скормить надобно! Ну вот какого черта ты меня туда тащишь? Нам с тобой там делать нечего! Ничего там хорошего нет!

Марции так хотелось окликнуть Гая, что она не сдержалась — и заливистое ржание огласило лесную опушку, и ячменное поле, и дорогу меж ними.

— Молчи, чертова кобыла! — в отчаянии прикрикнул на Марцию всадник, и тут прозвучало ответное ржание.

Марция, будучи девицей человеческого рода-племени, в кобыльем облике стала понимать некоторые вещи, человеку недоступные, и даже чувствовать не совсем по-человечьи. Ответное ржание было голосом сильного, уверенного в себе, норовистого и очень красивого вороного жеребца, Марция же была рыжей кобылкой, весьма изящной, и тут же у нее в голове родилась совершенно лошадиная мысль: вороной жеребец был бы вполне подходящим кавалером для рыжей кобылки...

Она ударила копытом оземь, словно предупреждая всадника: ты в наши любовные дела не лезь. Жеребец заржал

снова, она радостно откликнулась. И, невзирая на ругань, на удила и поводья, даже на удары пятками по брюху, жеребец и кобылка поскакали друг дружке навстречу.

Но волшебник, превративший Марцию в кобылу, сразу опомнился и пустил в ход свое мастерство. В самый миг встречи оба возлюбленных встали как вкопанные, глаза их закрылись и они заснули стоя — как и полагается спать породистым лошадям.

— Спасибо, добрый сэр! — воскликнул Гай. — Я уж думал, что эта скотина меня угробит! Как это вам удалось их успокоить?

— Это еще наименьшее из моих умений, — отвечал волшебник. — Кто ты, юноша, и почему разъезжаешь ночью на жеребце, который не признает в тебе хозяина?

— Зовусь я Гай Брут, сын Юния Брута, а конь мне достался случайно, — вывернулся, и не солгав, и правды не сказав, Гай. — Я хотел доехать до замка феи Морганы, чтобы рассказать про Антонию Квинту, которая в Змеином лесу ждет лекаря, а заодно забрать оттуда мою сестру Марцию, которую в замок хитростью заманили. Но проклятый конь идет не туда, куда я его посылаю, а куда ему самому угодно, и я с самого заката езжу тут кругами.

— Он хочет вернуться на свою родную конюшню, — объяснил волшебник.

— Я знаю, что у лошадей есть такая блажь, да мне-то туда не надо! А бедняжка Антония Квинта...

— Погоди, юноша, не кричи, дай мне подумать хорошенько, — приказал волшебник.

Гай и замолчал.

Он понимал, что незнакомец — человек в годах, а деревенским детям с детства внушают почтение к старости. К тому же это была весьма бодрая и деятельная старость — человек, ночью разъезжающий верхом по проселочным дорогам, не из тех, кто с раннего утра вылезает на лавочку у ворот греться и рассказывать всем мимоидущим про свои подлинные или воображаемые хворобы.

— Слушай меня, Гай Брут. Тебе нужно попасть в замок феи Морганы, а мне нужно попасть в Камелот к королю Артуру. В замке феи ты ровно ничего не добьешься — разве что Моргана со злости превратит тебя в барана или даже

в каменного болвана для украшения трапезной. Если же ты поедешь вместе со мной в Камелот, мы там вместе найдем средство одолеть Моргану и заставим ее вернуть тебе сестру. Заодно и лекаря там раздобудем. А коли сомневаешься — вот тебе доказательство, что я на многое способен.

Всадник поднял руку — и на его правой ладони созрел светящийся шар с хорошее яблоко величиной. Одновременно он шлепнул левой рукой по шее рыжую кобылку, и она открыла глаза.

— Я вижу, добрый сэр, что вы великий и славный волшебник! — воскликнул Гай. — Конечно же, я поеду с вами! Только скорее бы — а то Антония Квинта, чего доброго, помрет. Ежели еще не померла... А Марция пусть побудет до утра у феи Морганы. Может, поумнеет...

Марция хотела было возмущенно заржать, но у нее ничего не вышло — волшебник благоразумно оставил ей лишь способности смотреть, слушать и двигаться, прочие же приберег до лучших времен.

— Ты благоразумный юноша, — похвалил волшебник. — Едем же, а по дороге я объясню тебе, каких козней и злодейств нужно ждать от феи Морганы, хотя она и родная сестрица короля Артура...

— И ничего удивительного, — сказал Гай. — Вот у меня родная сестрица Марция — и что же? Из-за нее одни неприятности.

Марция промолчала.

— Слушай же, юноша. Прекрасная Игрейна была отдана замуж за герцога Горлуа из Корнуэлла и родила ему трех дочерей — Моргуазу, Элейну и Моргану. И полюбил Игрейну король бриттов Утер Пендрагон, и тайно пробрался к ней, и родился после того младенец, и был он спрятан от недоброжелателей. А потом Утер Пендрагон объявил войну герцогу Горлуа, и одолел его, и женился на прекрасной Игрейне. Обе ее старшие дочери к тому времени были уже замужем, а младшую, Моргану, отослали в монастырь, но там она каким-то загадочным образом приобщилась к черной магии. Но недолго правил после того Утер Пендрагон — предатель отравил его, и началась междоусобица, и рыцари сражались друг с другом, и саксы, видя, что у бриттов нет вождя, захватывали их земли.

— Да, мне дед рассказывал, — подтвердил Гай.

— А между тем сын Утера и Игрейны, Артур, был спрятан в замке у доброго рыцаря Эктора, и рос там, и вот ему исполнилось шестнадцать лет...

Гай слыхал и историю о мече, зажатом между каменной плитой и железной наковальней, и историю о том, что на самом деле короля Артура воспитывали феи на острове Авалон, и про осаду города Карлиона — он только не знал, что все эти истории как-то между собой связаны. И, слушая, он ехал рядом с разглагольствующим волшебником, пока на ночном небе не обозначились зубцы высоких башен Камелота.

— Они не ждут меня здесь, они думают, что я отступил и скрылся... — прервав на полуслове историю о рыцаре Зверя Рыкающего, пробормотал волшебник. — Сейчас, юноша, мы с тобой станем незримы, а наши кони обретут голоса столь выразительные, что стражники откроют ворота и введут их в Камелот. Держись и ничем себя не выдай.

Оказалось, что обретение незримости — дело малоприятное. Кожа Гая, решительно во всех местах, чесалась и свербела. Но он терпел, пока на конское ржание и стук копыт не выглянула стража, не посовещалась и не послала человека ввести двух приблудных лошадок через особую калитку, которая служила, чтобы выпускать и принимать гонцов.

Оказавшись в Камелоте, волшебник тут же напустил на парня, что держал конские поводья, морок, соскочил с кобылки, молча велел спешиться Гаю и повел его за собой по лестницам и переходам, показывая прекрасное знание местности.

Наконец они вошли в зал.

Это был тот самый зал, посреди которого стоял пресловутый Круглый Стол. Сейчас за ним сидело человек двадцать, и все — сильно навеселе. Возглавлял застолье сам король.

— А теперь твой черед, благородный сэр Мелиот, — сказал он.

— Которую историю рассказать? — спросил благородный сэр, приподнимая голову над столом. К его правой щеке прилипла обглоданная куриная кость.

— Любую.

— У меня их две. Как рыцарь Мелиот победил дракона в Зловещем лесу и как рыцарь Мелиот освободил трех рыдающих дев в Мрачном лесу у пещеры Злых духов.

— Про дракона сегодня уже было, — вспомнил пожилой рыцарь с такой роскошной седой гривой, что более походил на старого льва, чем на человека.

— Пусть расскажет про дев, только правду, а не так, как в последний раз насочинял, — вмешался маленький рыцарь зловредного вида, едва торчащий из-за края стола. — Сперва, когда он только совершил подвиг, дев было две. Потом у него в истории откуда-то взялась еще третья дева. Теперь он вообще повадился рассказывать, как освободил пять рыдающих дев. Они у него в той пещере Злых духов плодятся и размножаются!

— Помолчите, сэр Кей, — приказал Артур. — Довольно вам язвить, подумайте о своей репутации. У вас у одного нет ни единого настоящего подвига, и я не понимаю, что вы вообще делаете за Круглым Столом.

— У меня нет ни единой истории о подвиге, драгоценный король, — возразил сэр Кей. — А вот о подвигах многих рыцарей я мог бы порассказать кое-что любопытное... да не стану!

— Он хочет сказать, что в моей истории о моем неповторимом подвиге что-то не так? — взревел рыцарь, похожий на старого льва. — Сэр король, этот недостойный рыцарь вечно портит нам застолье! Мы рассказываем свои славные истории, а он из зависти утверждает, будто у нас одни только эти истории и остались, а подвигов нет никаких! Сэр король, призовите его к ответу!

— Так я и думал... — пробормотал волшебник.

— И какой пример он подает молодежи? — продолжал возмущенный львинообразный рыцарь. — Сегодня мы чили за будущий подвиг юного рыцаря Зачарованного Шлема, а что он сказал? Невозможно повторить за столом то, что сказал этот ваш ненаглядный родственник сэр Кей! А что он еще скажет, если его не остановить?

— Да, что он еще скажет? — поддержал собрата сэр Мелиот. — Мы три дня как проводили на подвиг благородного сэра Гарлиана, а он хоть бы одно доброе слово сказал. А ведь история о том, как сэр Гарлиан убил огнедышащего дракона

и добыл портрет прекрасной дамы, должна стать одной из лучших наших историй! Послушать сэра Кея — так мы должны сидеть за Круглым Столом молча, а все истории забыть навеки!

— Так я и думал... — мрачно повторил волшебник.

Рыцари загалдели, и король Артур тщетно призывал их к порядку. Сэр Кей выскочил из-за стола и побежал прочь из зала, но налетел на незримое препятствие.

— Тревога! В Камелоте злые силы! — заорал он, барахтаясь в объятиях волшебника.

— Тихо! — гаркнул волшебник. Облако ослепительных искр возникло вокруг него, Гая Брута и сэра Кея, а когда угасло — все незримые стали видны и, более того, — дивно преобразились.

Волшебник был в золотой мантии, в венце из переплетенных золотых ветвей, с посохом, в рукоять которого был вделан светящийся кристалл. Гай обнаружил, что одет в легкие рыцарские доспехи и даже подстрижен на рыцарский лад. Сэр Кей вырос по меньшей мере на фут, но его наряд остался прежним — впопыхах волшебник не подумал о такой мелочи.

— Тихо, благородные рыцари! Я вернулся!

И действительно настала тишина.

Король Артур опомнился первым.

— Да это же Мерлин! — воскликнул он. — Мерлин вернулся с острова Авалон!

— Ну, достанется сейчас кому-то на орехи, — ехидно сказал неугомонный сэр Кей.

* * *

Круглый Стол был начисто вымыт, вытерт и застелен чистыми простынями, а на них лежал предмет, Гаю незнакомый: гобелен не гобелен, посередке выткано большое зеленое пятно, состоящее из многих пятен разных оттенков, и по ним написаны буквы, но не по линейке, как учат в школе, а вкривь и вкось.

— Вот это и есть Логрия, — сказал Мерлин, обводя пальцем пятнышко чуть поболее отпечатка сжатого кулака. — Из конца в конец на добром коне за день проехать можно. Все, что осталось.

Рыцари понуро молчали.

— Значит, драконов побеждаем? Дев освобождаем? Женимся на них? А потом десятилетиями рассказываем, как именно воткнули в дракона копье? — сурово спросил Мерлин. — Хороши, нечего сказать! И где же ваши жены? Ведь каждый кого-то освободил от дракона и на ком-то женился! Сэр Элейн!

— Живет она со мной, — уныло сообщил сэр Элейн. — Только зарок на ней. Три дня в неделю проводить в Восточном лесу на вершине высокой скалы, иначе опять в змею обратится.

— И где у нас в Логрии высокая скала? С вами все ясно. Сэр Бламур Болотный!

— Моя три дня в неделю на болоте проводит, в лягушачьем виде, иначе... иначе... она что-то объясняла, да я забыл.

— А историю о том, как победили дракона и завоевали невесту, помните?

Не стоило Мерлину задавать этого вопроса. Сэр Бламур Болотный встал, расправил плечи и заговорил зычным голосом, посылая звук в известное всем рыцарям Круглого Стола место под самыми сводами зала, откуда этот звук отражался мощно и царственно.

— Был великий пир, и все рыцари собрались за Круглым Столом в ожидании нового приключения, и мы ждали, что произойдет нечто удивительное и чудесное. И тут распахнулась дверь и в зал вбежала белая собачка неведомой породы...

— Порода известная — терьер, — возразил сэр Кей. — Только не белая, а рыжая.

— Болонка это была, мальтийская болонка, — сказал сэр Сомер. — У моей жены как раз такая накануне пропала, а потом опять нашлась.

— Собачка неведомой породы, — повторил сэр Бламур Болотный. — Что вы вмешиваетесь в мою историю? Свои бы как следует заучили! Вбежала собачка, сэр Мерлин, а за ней въехал на вороном коне рыцарь с опущенным забралом. Рыцарь подхватил собачку, посадил ее перед собой на седло и уехал. И сразу в зал на белой лошади въехала прекрасная дама и громко закричала, обращаясь к королю Артуру...

— Весело вы тут живете! Мало того что чужие собаки забегают в зал Камелота, так туда еще и запросто въезжают верхом какие-то проходимцы, — заметил Мерлин. — И вы не приказали слугам прогнать палками незваных гостей?

— Это же было приключение! — вразнобой ответили рыцари.

— Вы сами, сэр Мерлин, перед отъездом держали перед нами речь о необходимости опасных рыцарских приключений, — напомнил король Артур.

— О необходимости защищать границы Логрии я вам тоже говорил, — хмуро сказал волшебник. — Вообще с этой Логрией какие-то чудеса творятся. Вы, прекрасный сэр, сразили летучего змея в Заповедном лесу, вы, прекрасный сэр, гоняли драконов в лесу Черного Озера, вы, юный сэр, собрались добывать невесту в лесу Зачарованного озера, еще я слышал тут про лес Одноглазых Великанов, про Суровый лес, про лес Рыкающего зверя, так что почудилось мне, будто кругом на сто сотен миль — сплошные дремучие леса, как в Гиперборее. Но вот она — Логрия, и большой лес в ней остался только один, да и тот — безымянный!

— Вы подозреваете нас во лжи, добрый сэр? — спросил, задыхаясь от возмущения, король Артур.

— Я подозреваю, что все вы ездили по одному и тому же лесу, истоптав его вдоль и поперек, и не осталось там ни единой кочки, за которой не сидел бы дракон!

— Значит, и все наши истории — ложь?!

— Успокойтесь, сэр король, в том-то и беда, что ваши истории — правда... К историям у меня никаких претензий нет...

— Так в чем же дело, сэр Мерлин? — спросил тогда король. — Мы совершаем подвиги и рассказываем о них за Круглым Столом — все именно так, как вы желали.

— Не того я желал... Велите, сэр король, открыть ворота — к нам едет фея Моргана.

— Мне будет позволено досказать свою историю? — И сэр Бламур Болотный, не дожидаясь никаких позволений, заговорил, красиво разводя руками и в нужных местах поднимая к потолку указательный перст: — И дама закричала: о господин король, не дайте ограбить меня, ибо мне принадлежит собака, которую этот рыцарь увез с собой! И тут же

в зал въехал огромный рыцарь на гнедом коне и силой увез даму с собой, не слушая ее громких криков и жалоб...

— А все рыцари сидели и смотрели на это безобразие? — перебил Мерлин.

— Но это же было приключение, и мы выбрали рыцаря, который поехал вызволять из беды даму, и это был сэр Бламур Болотный, — терпеливо растолковал король Артур. — Сперва ей полагалось попасть в беду, потом... А ворота отворять незачем! Я решительно не желаю видеть сестру.

— Зато я желаю ее видеть.

Мерлин обвел взглядом Круглый Стол и всех рыцарей, за ним сидевших, старых и молодых, красивых и не слишком. Затем, вздохнув, он сделал знак Гаю, и они вместе вышли из зала.

— Сейчас, юноша, тебе придется послужить мне необычным способом, — сказал Мерлин. — Ты обратишься в целый отряд рыцарей и будешь охранять меня при беседе с феей Морганой. Ничего делать не придется — только стоять, не двигаясь, ибо каждое твое движение тут же повторит весь отряд.

— Если это вроде незримости, то я не смогу, — честно предупредил Гай. — До сих пор лодыжки чешутся!

— Мыться иногда тоже не вредно, — отрубил Мерлин. — Ничего, это недолго.

Гай в восторг от обещания не пришел. Он догадывался, что беседа у Морганы с Мерлином выйдет куда как длиннее воскресной проповеди.

Стражник, который привел во двор Камелота вороного жеребца с рыжей кобылкой, так и стоял в оцепенении. Может, даже видел сны с открытыми глазами. Кобылка повесила голову, а вороной жеребец, напротив, приплясывал, пытаясь выдернуть поводья из рук стражника, но ничего у него не получалось — кулак закаменел.

— Садись, — велел Мерлин. — Нехорошо будет, если фея — в седле, а мы — пешком. Нет, на жеребца сяду я, так будет достойнее. А теперь приготовься. Это не больно, только немного кружится голова.

Голова-то покружилась и перестала, зато перед глазами все плыло и мельтешило — Гай видел одни и те же предметы с двадцати точек, а это с непривычки весьма утомительно.

— А мы в воротах не застрянем? — спросил он дружным хором.

Ворота меж тем отворились.

— Молчи, ради всего святого! Я сам вас проведу через ворота. — И Мерлин замахал рукавами мантии, как-то так устраивая, что компания Гаев Брутов выехала из Камелота гуськом.

Гай в количестве двадцати персон и Мерлин очень вовремя оказались на эспланаде перед замком. Кавалькада всадниц, возглавляемая феей Морганой, леди Нимуэ и дамой Рионой, уже приближалась к Камелоту.

— А ведь почти не постарела, — сказал, вглядываясь, Мерлин. — Есть надежда, что старость не озлобила ее. Но разговор будет нелегкий, слышишь, юноша?

Двадцать конных рыцарей разом кивнули.

Фея Моргана дала своей свите знак остановиться и направила коня к Мерлину.

— Здравствуй, старый друг, — сказала она, вложив в простые слова несказанную задушевность.

— Здравствуй, прекрасная дама, — отвечал Мерлин. — Ты все так же хороша и очаровательна. Мне весьма странно было, что ты не желала видеть меня и даже выслала слуг, чтобы не подпустить меня ни к своему замку, ни к Камелоту. Я думал, что ты не желаешь показаться тому, кто знал тебя в расцвете молодости и красоты.

— Прежде всего, сойди с коня, друг мой Мерлин, ибо это не конь, а человек, который служит мне, и ему вредно столько часов подряд пребывать в конском облике.

— Но ему не вредно задуматься о том, кому и для чего он служит. Кроме того, твои слуги, пытаясь изгнать меня из пределов Логрии, лишили меня моего коня, который конь природный и натуральный, так что ты и должна возместить мне эту потерю, а чем — меня мало беспокоит.

Фея Моргана явно разозлилась, и Гай подумал, что сражение между волшебниками может плохо кончиться для зрителей. Но бросить Мерлина он не мог.

— Старый друг, — уже не столь нежно и проникновенно произнесла Моргана. — Мы должны побеседовать наедине. Ты давно не был тут и не понимаешь, что происходит, и не можешь разумно объяснить себе...

— ...такого диковинного и чудовищного нагромождения вранья! — подхватил он. — В то время как на границах Логрии собираются вражеские полчища, король и рыцари бегают по лесу, как детишки, играющие в битвы с великанами и драконами. Воистину, без объяснений прекрасной дамы тут ничего не понять!

Тут подъехала златокудрая леди Нимуэ и подняла руку. Мерлин замолчал.

— Позвольте мне побеседовать с сэром Мерлином, сестрица, — сказала она негромко, весьма приятным голосом.

— Не вижу повода для беседы, — отрубил Мерлин. — Лучший мой замысел вы изуродовали, превратили в потеху для детишек! Мне следовало, уезжая, заточить вас в подземную тюрьму! Что вы сотворили с Круглым Столом?!

— Сэр Мерлин, все сие произошло от нашей великой любви к мужьям и братьям, а затем и к сыновьям. Давайте все же побеседуем, — опять предложила кроткая, но настойчивая леди Нимуэ.

— Убереги меня Господь от подобной любви, — буркнул Мерлин. — Хорошо, говорите. Но кратко!

* * *

Леди Нимуэ и Мерлин ехали по ночной дороге, удивительно светлой, по одну сторону которой был благоухающий шиповник, по другую — зеленый луг.

— Логрия процветала, никто не осмеливался приблизиться к границам, и они тосковали — и сэр Артур, и сэр Мелиот, и даже сэр Кей. Все началось с безобидной шутки, поверьте мне, сэр Мерлин! Мы видели, что нашим мужчинам скучно, и захотели их развлечь. Я велела своей служанке переодеться в богатое платье, закрыть лицо вуалью, прийти в Камелот и пожаловаться на лютого дракона. Мы просто не ожидали, что они так обрадуются! Они заспорили, кому ехать на бой с драконом... это была шутка, мы хотели потом во всем им признаться...

— Где взяли дракона?

— Преобразили одного из конюхов, это оказалось совсем несложно. В лесу есть овражек, на дне его озеро, совсем крошечное, и пещера, в которой не поместится и лошадь. Мы все рассчитали — дракон должен был с ревом

спрятаться в пещере и преобразиться обратно в конюха и выйти и сказать, что дракон держал его там в заточении. Видите, сэр Мерлин, это была безобиднейшая в мире шутка, розыгрыш! Дамы же имеют право шутить над рыцарями, то есть подшучивать... Мне, право, неловко, что все так получилось...

И голосок, и глазки леди Нимуэ были такие жалобные, такие виноватые, что Мерлин поневоле стал смягчаться.

— Но почему же шутка так затянулась? — спросил он.

— Ах, сэр, случилось то, чего мы не ждали. Убивать дракона отправился сэр Карадос, и он ударил дракона копьем и загнал его в пещеру... все именно так и было задумано! Но мы полагали, что он хотя бы заглянет в пещеру, чтобы убедиться в драконовой погибели... Всякая женщина заглянула бы, сэр Мерлин!..

— Ладно, ладно, речь не о женщинах.

— Даже не удостоверившись, что дракон мертв, он весело поскакал в Камелот с моей служанкой на крупе своего коня и стал рассказывать об этом приключении. Сэр Мерлин! Я готова была убить его! Он так складно повествовал о своем странствии по лесу, о загадочном реве в пещере, о зубах и когтях дракона, о первом наскоке, оказавшемся неудачным, что все рыцари Круглого Стола слушали, замирая от восторга. Мы не могли сразу же выйти и сказать, что это было лишь шуткой, — это убило бы сэра Карадоса!

— Остался бы жив... — пробормотал Мерлин.

— Его бы подняли на смех, а смех убивает... во всяком случае, настоящего благородного рыцаря смех убивает! И он потребовал, чтобы его немедленно обвенчали с моей служанкой, а та, разумеется, возражать не стала и прямо на нем повисла. Ах, сэр Мерлин, как трудно в это испорченное время воспитывать служанок, если бы вы знали!..

Мерлин промолчал. У него было свое понятие о воспитании женщин — и он сейчас горько оплакивал день, когда не дал этому понятию воплотиться в жизнь.

— А потом началось нечто страшное, — продолжала леди Нимуэ. — Каждый вечер сэр Карадос рассказывал, как он поразил дракона и спас невинную деву. Причем дракон рос прямо на глазах. У него уже было шесть лап, чешуя

величиной с блюдце, рога вдвое больше коровьих, а бился с ним сэр Карадос с восхода до заката. Мы сперва думали, что очень скоро прочие рыцари Круглого Стола призовут сэра Карадоса к порядку. Ничуть не бывало — они слушали, замирая от восхищения, верили каждому слову, и, сэр Мерлин... вы не поверите, но они сгорали от зависти!..

— Оттого, что не им посчастливилось убить дракона? Так это для мужчин естественно, — снисходительно произнес волшебник.

— О нет! От зависти, что у них нет в запасе таких же замечательных историй! И что нам оставалось делать?.. Мы не могли спокойно смотреть, как они прямо на глазах чахнут, слушая эту ужасную историю, мы обязаны были им помочь! Сэр Мерлин, поверьте, это было невыносимо!

Волшебник вздохнул.

— Мы нарисовали план леса, — чуть не плача, продолжала леди Нимуэ. — Мы проложили новые тропинки, приказали их протоптать, работники вырыли пещеры, приволокли с полей большие валуны... да еще углубили и расширили озеро... Лес — наша гордость, сэр Мерлин! По нашим тропинкам можно пересечь его семнадцать раз из конца в конец, и всякий раз это будет иной, совершенно неузнаваемый лес!

— Ага, Змеиный лес, Лягушачий лес, Жабий лес... лес Зачарованного пня, лес Зачарованной коряги!.. И что — отдали всех своих служанок замуж за рыцарей Круглого Стола? За рыцарей, которые могли бы жениться на королевских дочерях! Нет, леди, слушать это выше моих сил. Взрослые мужчины попались в такую нелепую ловушку! Вы обязаны были сказать им правду!

— Но ведь подрастали наши мальчики... Сэр Мерлин, вы же знаете, в шесть лет мальчика благородного рода передают из женских рук в мужские руки. Наши сыновья и племянники выросли на этих историях о великанах и драконах! Мы не могли лишать их мечты: ну на что это будет похоже, если отец убил трех великанов, а сын — ни одного? У нас даже есть тропинка для самых маленьких — там нужно разгадывать загадки...

— В человеческих языках нет слова, чтобы назвать это безобразие. Злейший враг бы не придумал такого — а вра-

гов у Логрии хватает. Я поразился — уезжая, я оставил большое и сильное королевство, вернувшись, вижу, что все соседи отщипнули себе по изрядному куску королевства, так что остался один этот дурацкий лес! Лес Зачарованных Дураков — вот что такое теперь наша Логрия! И ведь сорока лет не прошло...

— О сэр Мерлин!.. Разве мы, женщины, умеем оборонять границы?..

Слезы потекли по ухоженному очаровательному личику леди Нимуэ.

Но это сильное средство на волшебника совершенно не подействовало.

— Завтра же, леди, с утра, как только они придут в чувство, мы соберем их за Круглым Столом и вы с феей Морганой расскажете им всю правду, всю — и без этих ваших нежностей.

— Нет, добрый сэр, о нет! — вскричала леди Нимуэ. — Они не переживут такого утра и такой правды! Они столько лет знали, что сильны, и отважны, и победоносны, и красноречивы!.. И вдруг — какая-то поплая правда, преображенные конюхи, дочери несуществующих королей!.. Нет, нет, о добрый сэр! Если у них не будет этих подвигов и этих историй, что с ними станется? Проще всего — отобрать у них...

— Хватит, прекрасная дама, я все понял.

— Если они узнают правду — они умрут!

— Мужчины не настолько хрупкие создания, как вы вообразили, леди. И не мешайте мне думать.

Мерлин поторопил коня, леди Нимуэ, напротив, придержала своего. И обернулась.

Она знала, что где-то рядом, в ночном мраке, присутствует и тонко настросенным колдовским слухом ловит беседу с волшебником фея Моргана. Знала она также, что фея Моргана в глубине души — на стороне Мерлина, просто теперь уже невозможно что-то изменить.

Они обе прекрасно видели, к чему все идет. И обе понимали, что имеется один-единственный выход из положения. Но думать о нем решительно не хотели.

Потому что было до боли жаль этих больших и бородатых младенцев, этих хвастунов и поэтов, живущих един-

ственно Круглым Столом и тем сводом историй, которые уже обрели, слившись вместе, некое новое качество и пропитали собой пол, стены и потолок вокруг Круглого Стола. Любой человек со стороны, будь он хоть крестьянским подростком, уже на третий день ощутил бы неловкость, слушая о смертоносных взмахах меча и отрубленных головах, великанских и драконьих. Но сами рыцари, их оруженосцы и юные пажи не замечали ни малейшей несообразности, и более того — они словно бы каждое утро заново рождались на свет, готовые слушать историю, прозвучавшую за Круглым Столом, раз триста, как совершенно новую, только что приключившуюся. Это была уже не человеческая, а какая-то иная жизнь — и леди Нимуэ с феей Морганой знали, увы, какому миру она более свойственна.

Мир этот был довольно далеко от Логрии.

* * *

Гай Брут в виде двух десятков юных рыцарей сидел в седле совершенно неподвижно и внимательно наблюдал за темнокудрой феей Морганой.

Моргана сильно волновалась. Ее свита понемногу отступала да отступала от нее, пока фея не оказалась в полном одиночестве. Она сидела в седле прямо, прислушиваясь к беседе между Мерлином и леди Нимуэ. Несколько раз она пыталась послать копя вперед, чтобы прийти на помощь подруге, но сдерживала благой порыв. Наконец фея Моргана тяжко вздохнула.

— Ну что же, дамы и девицы, мы потерпели поражение... Если смотреть правде в глаза, то это — поражение. Дама Риона, поезжайте с Громертой, подготовьте все необходимое.

— Как вам будет угодно,— отвечали дама Риона и Громерта, обе на удивление тихие и печальные. Затем они разом ударили коней хлыстиками и скрылись во тьме.

Фея Моргана обернулась к своей свите.

— Все, кого я приняла на службу по уговору с деревней, могут вернуться домой, я не держу вас более... Уговор расторгается!

Человек двадцать спешилось. Это были главным образом девицы, но среди них — и несколько парней.

— Люций Секунд! — закричал Гай, узнав двоюродного брата. — Ариция Секунда! Юлия Веррина!

Получилось внушительно — родственники даже шарахнулись, услышав такой громкий хор молодых и здоровых глоток.

— Ах, вот оно что! Старый хитрец обвел меня таки вокруг пальца, — сказала фея Моргана. — Ничего, я тоже приготовлю ему подарочек.

Ее волшебный жезл налился светом, обрел радужный ореол, полетели искры — и Гай ощутил, как одна огромная искра впивается ему в глаза и прожигает дорогу до сердца.

Это был краткий миг огня — и тут же мир перед глазами стал отчетлив. Гай вновь был один на рыжей кобылке.

— Ну что же вы? — крикнула свите фея Моргана. — Ступайте прочь! К утру вы дойдете до своей грязной деревни и вернетесь к своим навозным кучам! Все, все ступайте!

— Госпожа! Не прогоняйте меня! — раздался единственный хриплый голос, и дама с забинтованным горлом подбежала к серому коню феи. — Я не могу покинуть своего мужа!

— Отстань, Бомейна, какой он тебе муж? Это была игра... игра кончилась... Ступай домой, Бомейна.

— Нет, он мне муж перед Богом. Я остаюсь, — сказала Антония Квинта. — В радости и в беде... как говорила под венцом... вот так, госпожа...

— Дурочка, — только и могла ответить фея. — Бедная дурочка. Ладно бы рыцари... ты-то за что держишься?..

Она ссутулилась в седле, и Гай испытал острую жалость к женщине, которая проиграла.

Донесся топот копыт — негромко и вразнобой. В полной тишине подъехали Мерлин и леди Нимуэ. И неизвестно, кто из них был печальнее.

— Логрия обречена, останутся одни истории... — произнес Мерлин. — Этого ли вы добивались? И мужчины ваши обречены.

— Мы заберем их на Авалон, — ответила фея Моргана. — Я уже послала за своим кораблем. К вечеру он войдет в устье реки. Мы заберем их всех — и Круглый Стол опустеет навеки.

— Бедные рыцари, — произнес Мерлин и вздохнул. — Авалон — это ведь не жизнь и не смерть, а каждый день одно и то же, одно и то же...

— Бедные рыцари, — повторила фея Моргана. — Не отнимай у них последнего, старый друг. Не отнимай у них того единственного, что осталось, — их прекрасных историй. Позволь нам увезти на Авалон своих мужей, братьев, сыновей и племянников.

— Но ведь они здоровые крепкие мужчины! Они еще могут встать на границе и защитить Логрию!

Этот возглас Мерлина был исполнен отчаяния — волшебник и сам не верил, что такое возможно.

— Нет, они уже не приживутся в мире, где нет драконов и великанов, а Логрию окружают враги, которые не станут падать замертво от одного взмаха рыцарского меча. Видишь — я не боюсь смотреть правде в глаза, — сказала фея Моргана.

— Значит, бегство?

Леди Нимуэ и фея Моргана переглянулись.

— Ну что же, забирайте их, спасайте их, как умеете.

— И меня! — воскликнула Антония Квинта.

— Тебя-то за что? — спросил Мерлин, спеша.

— Где мой муж, там и я. Пусть Авалон... я слово дала... — И Антония Квинта, подойдя к серому коню, ухватилась за стремя своей госпожи.

— Всех ли я отпустила? — спросила фея Моргана. — Нет, не всех. Еще остался конюх Септимий.

Вороной жеребец заржал в ответ.

— Ах, вот ты где... Что же ты до сих пор не преобразился?

Жеребец, сердито оскалившись, мотнул головой в сторону Гая — и проделал это очень красноречиво.

— Благородная госпожа, я не виноват! — воскликнул Гай. — Я хотел отвести жеребца к вам в замок, но он-то туда вовсе не желал! И он таскал меня по лесу, не слушая узды, как сам дьявол!

— Конюх Септимий хотел попасть в Камелот, потому что там его стойло, а в стойле висит старая уздечка, необходимая для преобразования. Только она может сделать его опять человеком, а при нужде — преобразить из

человека в жеребца. Но эту уздечку я сама заговорила, так что...

Фея Моргана сплела пальцы странным образом, губы ее беззвучно зашевелились, и конь встал на дыбы. Поплясав на задних ногах, он заржал, и одновременно вокруг него закрутился черный смерч сухой земли, скрыв его из виду.

Точно такое же диво стряслось и с рыжей кобылкой.

Когда же оба смерча опали, взорам явились парень лет двадцати, плечистый и статный, с грубоватым добродушным лицом, и семнадцатилетняя девица в нарядном бирюзовом платье.

И тут свершилось чудо куда более прекрасное, чем превращение жеребца в человека.

Марция уставилась на Септимия, разинув рот. Он тоже первым делом отыскал глазами ту, которая полюбилась ему в образе рыжей кобылки. И они, как зачарованные, пошли друг дружке навстречу, молча взялись за руки — и им уже ни до кого не было дела.

— Прощайте, мои дорогие, — сказала леди Нимуэ. — Вы славно нам послужили. Ждут вас нелегкие испытания, ждет вас война, и мы уже ничем не сможем вам помочь. Спешите домой к родителям! Забирайте ценное имущество, угоняйте скот, пока не поздно. Логрия обречена, но есть и другие страны. Спешите, торопитесь, а я... а мы...

Она ударила коня хлыстом и ускакала.

Фея Моргана направила коня к воротам Камелота.

— Я уведу их сонными, и весь путь до корабля они проведут в блаженной дреме, а на Авалоне будет их ждать иной Круглый Стол, — громко сказала она Мерлину. — Наслаждайся же зрелищем опустевшего Камелота — и пусть совесть твоя онемеет!

— Красиво сказано, — заметил Мерлин. — Прожил я триста лет, а лишь теперь начал понимать разницу между мужской и женской совестью.

Он неторопливо подошел к Гаю Бруту.

— Ты все слышал, юноша?

— Я ничего толком не понял, — честно признался Гай. — Но если надо воевать, я пойду. Пусть только меня научат. В свою деревню я никого не пущу. Скорее умру.

Волшебник взял его за плечи, а чтобы повнимательнее заглянуть в глаза, подвесил в воздухе голубоватый огонек.

— Умрешь за деревню — а за Логрию?

— Так это же теперь одно и то же. Только она и осталась.

— Идем, — сказал Мерлин.

* * *

Они шли по каким-то мрачным коридорам. Неизвестно откуда в руке у Мерлина взялся факел. Наконец распахнулась последняя дверь — и они оказались в большом и темном зале.

— Это — оружейный зал Камелота. Тут хранятся доблестные мечи, которые должны были служить своим хозяевам... да что уж говорить... Выбирай любой.

Гай, беспредельно взволнованный, пошел вдоль стены, на которой поверх гобеленов висело оружие. Мерлин сопровождал его светом факела, ложившимся как раз туда, куда глядел Гай, неровным желтым пятном.

— Вот, — сказал Гай. — Этот. Большой, правда, но ведь с маленькими на войну не ходят, так, добрый сэр?

— Да, это большой меч, — согласился Мерлин. — И на первый взгляд он тебе не по руке. Но если он согласится стать твоим — Логрию, может быть, еще удастся спасти. Это, видишь ли, тот самый Экскалибур...

И поскольку имя ничего не сказало Гаю, Мерлин добавил:

— Прославленный волшебный меч короля Артура. Долго он тут висел без дела...

— Тогда не надо! — воскликнул Гай. — Мне бы чего попроще! Нет ли тут меча простого латника?

— Бери и не бойся ничего, — приказал Мерлин. — Артуру, когда он впервые прикоснулся к этому мечу, тоже было пятнадцать. Хороший возраст, чтобы стать взрослым...

Гай неуверенно протянул руку к крестообразному эфесу.

Меч в ножнах шевельнулся. И рукоять, словно стосковавшись по делу, сама потянулась к чумазой мальчишеской ладони.

МИХАИЛ НАЗАРЕНКО

Остров Цейлон

(Из путевых записок)

Памяти Бориса Штерна

Люди на Северный полюс все-таки ездят.
Сомерсет Моэм. Искусство рассказа

I

Окутанное парусиной тело погружается в океан, с каждой саженью ускоряя падение. Вода прозрачна, и до залежей глубинной тьмы путь неблизкий; течение сносит мертвеца все дальше от мгновенного взлета кружевной пены, уже затерявшейся среди волн, сквозь белесую зыбь, к неизбежному мраку.

Полосатые рыбешки стаей проплывают мимо, замирают на миг, стрелами несутся прочь и тотчас возвращаются, а следом из голубого сумрака, где за три аршина видно лишь колыхание теней, проявляется тулово акулы. Рыбы-лоцманы, соразмеряя движение с падением бесформенной добычи, указывают путь белесому хищнику, а тот лениво переворачивается на спину и словно бы нехотя открывает пасть.

Парусина долго и беззвучно рвется, из нее выпадает железный колосник, едва не задевая акулу; в то же мгновенье глухой удар сотрясает океан, и рыбы бросаются врассыпную.

Не разлом коры, не извержение подводного вулкана; не выстрел (война здесь начнется не скоро — однако начнется); но шевеленье, но неупокой, но пробуждение: там, внизу. Пробуждение, не замеченное почти никем — лишь китами, акулами и левиафанами; да еще теми, кто следил и ждал.

II

Жара стекала по листьям пальм и магнолий, расплескивалась белыми пятнами по брусчатке набережной, пере-

ливалась в бесконечном потоке коричневых тел. Люди отсюда были неразличимы, хотя вблизи невозможно спутать хрупкого сингалеза в длинном саронге, малайца, разящего бетелем, рыжебородого афганца в мягких сапогах, широком бешмете и огромном тюрбане, круглолицего тамила, вечно озирающегося в поисках соплеменников. И даже отсюда, из гостиничного номера «Галле фэйс», кое-кто был виден отчетливо — например, китайцы, собравшиеся возле джонок и по-птичьи машущие рукавами, — но жара, выбелив до полной зеркальности камни маяка в конце Квинс-стрит, туманила взгляд.

— ...И наконец — сапфир в две рати, надколотый с краю, — сказал он, не оборачиваясь. Он знал, что не ошибся ни разу.

Не самым разумным из его подчиненных казалось, что лишь азарт да неизбывная ирландская спесь (странная в человеке, ни разу в жизни не покидавшем субконтинента) заставляют «черного сахиба», как его звали за глаза, ежедневно тратить время на Игру Драгоценностей. Но он-то знал, что выигрывает раз за разом именно потому, что не пропускает ни одного дня; более того — лишь благодаря этому он еще жив: ведь не все его экспедиции заносились в отчеты ведомства этнологической разведки... официально.

Впрочем, двадцатилетний Адам Стрикленд не задумывался над поступками своего начальника, веря, что всякие причины есть всегда, — непростительная наивность, свойственная большинству субалтернов, ежегодно отправляемых на восток от Суэца. Те из них, с кого шелуха слетает в первый год службы, приучаются брать на себя ответственность и выходят в отставку в чине комиссара округа; прочие пускают пулю в лоб и удостаиваются эпитафии «неосторожное обращение с оружием». И те и другие знают, что память о них сохранится только в подшивках «Гражданской и военной газеты».

У Адама были основания для веры — если не слепой, то, во всяком случае, весьма глубокой: те несколько слов, которые произнес отец, узнав, под чьим началом он будет служить. Их было достаточно: Стрикленд-сахиб никогда не говорил зря.

Человек, стоящий у окна, обернулся. Он и вправду был очень темен: такой оттенок смуглости отличает лишь «чер-

ных ирландцев», много лет проживших в тропиках Ост- или Вест-Индии. Кремовый костюм европейского покроя был выбран словно для того, чтобы подчеркнуть смуглость кожи и черноту волос; кроме того, он очень удобно скрывал узоры, нанесенные на кожу весьма прочной краской,— свидетельство принадлежности к касте ловцов черепах северной лагуны. Ведьма, рисовавшая узор, сказала, что это *пакка джаду* (надежное колдовство), и не солгала: отмыться не удавалось уже вторую неделю по возвращении из ночной прогулки, следствием которой стало... Но довольно сказать, что держатели опиумных курилен оказались чрезвычайно обеспокоены.

— Невероятно! — сказал субалтерн. Его взгляд все еще метался по столу, пытаясь рассортировать все, что там лежало.— Мистер О'Хара, вы же только... вам одного мига хватило!.. Двенадцать предметов...

Смуглый сердито мотнул головой.

— Тринадцать, Адам, тринадцать,— заметил он сухо.— Двенадцать удержит в памяти кто угодно. Я занимаюсь Игрой Драгоценностей с пятнадцати лет. У меня были хорошие наставники в школе Святого Ксаверия... и за ее стенами. Как и у вас, Адам. Если это могу я — и любой факир на базаре, — если ваш отец умел это задолго до моего рождения,— можете и вы. Но к делу, мистер Стрикленд. Меня интересует «Петербург». Когда он прибывает?

Адам встал из-за стола и оказался на добрую голову выше начальника.

— Вероятно, уже через час он станет на рейде. Е.23-й сообщил, что русский агент,— Адам щегольнул выражением, вычитанным у Р. Л. Стивенсона,— «пошел на корм рыбам».

— Вряд ли Е.23-й выразился именно так,— одернул его О'Хара.— Полагаю, он был более конкретен.

Адам покраснел ушами.

— Он сообщил, что некто Гусев, бессрочноотпускной рядовой, умер на третий день после отплытия из Сингапура от остановки сердца... официально.

Это словечко Стрикленд успел подхватить из местного жаргона, и О'Хара усмехнулся — краешком губ.

— Так и есть?

— Вне сомнений. Если подушку достаточно долго прижимать к лицу, то сердце рано или поздно остановится.

— Понятно. Кто это сделал, конечно же, неизвестно.

— Неиз... Но откуда вы?..

— Е.23-й не предполагает (потому, кстати, он и Е.23-й). Он или знает, или нет; если бы знал, вы бы мне уже сообщили. Итак: ваши соображения?

Адам подобрался. Прежде ему нечасто предлагали делать собственные выводы, теперь же приказывали чуть ли не каждый день, к тому же никогда не говорили, прав он или нет. Адам кашлянул и начал говорить, совершенно не зная, чем закончит:

— Вряд ли... вряд ли даже русские сами убрали бы своего агента, если только он не переметнулся. Мы знаем, что это не так. Тем более что Гусев, видимо, должен был встретиться с цейлонским резидентом... если он существует.

— Значит, русских вычеркиваем. Какое облегчение. Они не умеют играть спортивно.

— Вам виднее... Во-вторых,— Адам все оттягивал,— мы этого тоже не делали.

— Иначе Е.23-й не замедлил бы в этом отчитаться.

— Значит... — Адам замолчал. — Но это же бессмысленно.

— А именно? — О'Хара стал совершенно серьезен, что означало: он откровенно забавлялся.

— Некая третья сила убирает Гусева, чтобы... — Он понял, что ответ очевиден и был очевиден с самого начала.— Чтобы нанести удар по русской агентуре и помешать нам выйти на оставшихся.

О'Хара помолчал. Он не просчитывал варианты; скорее всего, выбирал — осадить Адама немедленно или чуть попозже.

— Вероятнее всего, Стрикленд. Но вы должны запомнить — еще до того, как овладеете навыками Игры Драгоценностей, — что в нашем деле наиболее вероятное не обязательно будет верным. Отбросьте невозможное, и то, что останется, каким бы очевидным оно ни казалось, скорее всего окажется абсолютной и непреложной ошибкой.

Адам закусил губу и упрямо сказал:

— Есть еще один русский.

— На русском корабле? Как неожиданно.

Адам разозлился вконец.

— Он врач. Он сидел с Гусевым целый день перед его смертью. И это не все. Он не только врач, он инспектировал каторгу — якобы как частное лицо, однако начальник главного управления тюрем дал секретную телеграмму с приказом о всяческом содействии. Этот врач провел на каторжном острове перепись. У него аналитический ум. Знаю, это сомнительно, и все же...

— Е.23-й собрал эти сведения? — быстро спросил О'Хара.

Адам вскинул голову.

— Он только упомянул врача. Я навел справки сам.

— Очень хорошо, Адам,— сказал О'Хара без улыбки.— Вот этой сомнительной версией я и займусь... Нет, Стрикленд,— остановил он субалтерна,— займусь я. Вы уже сделали довольно. Если вы обратили внимание на то, что пропустил Е.23-й... значит, скоро вы сможете сами войти в Большую Игру.

III

Люди на пароходе умирали так часто, что было даже досадно. Вообще вредно жалеть людей, врачам и писателям в особенности. Теряешь квалификацию, упускаешь симптомы.

Он уже не был уверен, что и себе поставил правильный диагноз.

Еще один сырой день — даже без шторма, какой измучил его на пути из Гонг-Конга в Сингапур,— и опять пойдет горлом кровь, зловещая, как зарево; в рассказе метафора была бы дурна, а для письма издателю сойдет. Как назло (или как знаменье), пока Цейлон медленно разворачивался перед кораблем, подставляя взгляду зеленые холмы, по которым пробегала зыбкая тень одинокого облака,— все долгое утро у борта корабля плыла широкая кровавая полоса, качаясь на волне. Говорят, какие-то инфузории, что ли,— размножаются в пору юго-западных муссонов, а все остальное — суеверия, обычные туземные суеверия, какие-то рыбные боги, нечего забивать себе голову: так посоветовал судовой врач, человек странный и — с того времени, как в воду упало первое тело,— непросыхающий.

Главное, не волноваться и не угрожать литературе «еще одной потерей». Сибирские полгода, кажется, основательно его укатали; но сегодня, верно, обойдется — солнце прокалит всё. А впрочем, кто его знает, что там, на берегу.

Остров остановил вращение и начал приближаться; палило нещадно. К пароходу осторожно приблизилась трехсаженная долбленка с высокими бортами и очень узкая: белый человек в пробковом шлеме (хочу такой) сидел, заложив ногу за ногу, а иначе не помещался. Лоцман-англичанин поднялся на борт и начал скучным голосом давать указания рулевому; челн, с неожиданной живостью развернувшись, помчался в гавань, сообщать новости.

«Петербург», негромко пыхтя, осторожно прошел мимо волнолома, и Коломбо (город, как всё на востоке, любит неожиданные эффекты) возник внезапно и сразу весь: ослепительно-белый форт уступами взбирался на холм, слева от него к морю спускались ряды палаток, а вокруг, там и сям, из-под листвы казали себя туземные окраины.

Чем ближе, тем сильнее расплывался берег: так бывает, если долго всматриваться. Дубки и джонки забили добрую треть гавани, и не видно было, где начинается пристань, которая к тому же вся оказалась застроена какими-то хибарками — видимо, лавками. И лодки, и лавки — об этом капитан предупредил заранее — сбывают грошовый товар, который туземцам ни к чему, колонизаторам смешон, а вот заезжим туристам в самый раз. Торг неизбежен: если тебе предлагают «настоящий рубин с острова рубинов» за восемьдесят рупий, цену можно сбить до одной монеты, но покупать все равно не следует: ничего, кроме цветного стекла европейской работы, на берегу не подсунут, нужно идти на базар, но и там быть поосторожнее. Вот оно, происхождение «колониальных товаров» из отцовской лавки.

Крик над гаванью стоял страшный; лодчонки, успевшие прорваться к трехсотфутовому пароходу первыми, ударялись о борта, и если не тонули, то болтались днищами кверху, неудачники хватались за долбленки конкурентов и получали веслами по пальцам; отстающие, ухватив товар обеими руками, прыгали с лодки на лодку, получали веслами по коленям и присоединялись к первым.

— Дикари, — сказал мичман с музыкальной фамилией Глинка. — Никакого понятия не имеют. Вот англичанка ими и вертит, как хочет.

Глинка не упускал случая — особенно во время стоянок в портах — высказаться об «англичанке», которая, как известно, «гадит». Надо бы ему ответить: дороги, водопровод, христианство, словом, цивилизация, — но плыть еще не меньше месяца, отношений портить не хочется, и вообще — доводы нужно приберечь для путевых заметок, а лучше — для рассказа. Пусть столкнутся лбами два спорщика, а читатель, если не дурак, и сам поймет, кто прав; хотя какая из точек зрения дойдет в рассказе до нелепости, еще не выяснилось. Может, и обе.

Чем ближе к экватору, тем более откровенна полуприкрытая нагота; народы, близкие к природе, знают, как этим пользоваться. Коломбо севернее Сингапура, но все-таки... Девки тут должны быть хороши, а доступны — как в любом порту. Пять ночей на берегу, вся Москва завидовать станет.

«Пстербург» наконец остановился. Если верить Суворину, Достоевский собирался отправить Митю Карамазова в Сибирь не пешком по Владимирке, а кругом Азии на таком вот каторжном пароходе — оттуда побег, Америка, и проч., и проч. Самого Достоевского бы сюда, на Цейлон; вот был бы сюжет. Впрочем, у него все романы цейлонские — по экзотическому неправдоподобию. Длинно, нескромно, много претензий.

Старух-процентщиц не убивают из идеи, идиоты не проповедуют всеобщее счастье (они его устраивают), а если в трактирах и обсуждают мировые вопросы — это сколько угодно, — то без зачитывания поэм в прозе. На Руси только живут с идеей — не самой приглядной, такой, что иначе как в пьяном угаре никому и не скажешь, — а убивают «на дурняк», как говорят хохлы. Ни на Цейлон, ни в Америку ездить нет нужды.

Он, однако, на Цейлоне: сошел в шлюпку и направился к берегу, с интересом крутя головой.

Кроме привычных уже китайцев в лодках прыгали и кричали по меньшей мере два несхожих народа: одни покрыты темным коричным загаром, другие и вовсе черны, цвета пере-

жаренного кофе; первые в таких длинных... вроде юбок... на вторых — только набедренные повязки; первые протягивают всякую снедь, вторые — побрякушки из «драгоценных камней» и резного дерева. Жаль, что ни с кем здесь не знаком: так и придется ходить истоптанными тропами, поглядывая на «такое большое дерево» или «забавных таких туземцев», тогда как на самом деле это малабарцы расположились табором в роще каучуковых деревьев. На пароходе энциклопедии не оказалось, а дома пролистать не додумался.

Берег.

На острове, по первым впечатлениям, оказалось неплохо: недаром говорят, что именно здесь и цвели сады эдемские. Пахло нефтью и молотым кофе. Ближайшая лавка выставила из-под волнистой крыши пузатый прилавок, и гладкие, словно лакированные черепаховые гребни сверкали на солнце. Бедные черепашки. Инстинкт гонит их сюда размножаться — или что там у них назначено природой в цейлонских лагунах,— а у длинноволосого торговца, который уже всучил мне гребешок и, верно, содрал втридорога,— тоже инстинкт, человеческий: чем ему еще жить? Не опиум же продавать исподтишка.

А вот и «англичанка»: чернявый мальчишка, субалтерн (я худо-бедно выучился различать колониальные мундиры), кого-то высматривая, пробирается через толпу. Лавочник тут же накрыл гребни серой дерюгой и, сплюнув через плечо, ушел в темноту двери. Ну вот, и здесь полицейские поборы, да как рано мальчик-то начал. Имперское воспитание, готовят с малолетства.

Из портового лабиринта выскочил рикша — бронзовый старик, чьи длинные (соль с перцем) волосы были собраны на затылке в узкий пучок и блестели, смазанные маслом. Хватая рукав, он забормотал на том ломаном языке, который чужд всем народам, но всеми отчего-то считается единственно внятным для иноземцев. Понять было решительно ничего невозможно, отцепиться тоже; оставалось только сесть в узкую коляску с откидным верхом, тут же хлипко закачавшуюся, и скомандовать, как учил капитан:

— В «Голь-фэс».

Замелькала зеленая тень, рикша выбежал на лишенную тени эспланаду, и солнце ударило, как бичом.

IV

— Почему он? Почему этот?

Из темноты послышался голос, безысходно мрачный; казалось, сама Бездна вещает им. Да! Так и было! Бездна, древнее всех помыслов человеческих, властно влекущая к безумию всякого, — Бездна избрала его своим глашатаем на этом проклятом острове.

— Он избран, — молвила тьма, — ибо найден достойным дара; нет, не Хозяевами нашими, но тем, кто знает! Человек на корабле хотел получить *это* для своего господина, царя Северной Державы; он не получит, ибо ушел к Хозяевам! Да свершится же!

— Да свершится! — ответил хор.

— Маловерным, — прибавила темнота с угрозой, — будет подан знак; этой же ночью! Знак несомненный и рокочущий!

— Но как он попадет туда, где будет одарен? — опять вопросил первый, склоняясь со всей почтительностью. — Как узнает?

Воцарилась неимоверная тишина, ужаснувшая более, нежели страшные пророчества, возглашенные прежде; и пал ответ, как закутанное в парусину тело падает с борта океанского парохода:

— Э-э-э...

Во тьме просвистали бескрылые птицы, и все содрогнулись.

V

Он проснулся — и думал, что от кошмара.

Каждый раз, проваливаясь в болезнь, он узнавал об этом в ночь накануне, когда температура только начинала ползти. Верные признаки: просыпаешься каждый час, а неглубокая муть полузабытья выносит на склизкие серые камни, под которыми шевелятся то ли черные раки, то ли бесформенное удушье; бежишь, сбивая пальцы на голых бревнах, кем-то брошенных на берегу, падаешь в стылую ноябрьскую во-

ду. Самое мерзкое — даже не заливаемая водою склизь, но вдруг прояснившиеся во мраке кладбищенские ворота: столбы давно обвалились, а земство и губернатор все никак не решат, кому платить за ремонт, — родина. Кого-то хоронят; в толпе одни лишь гимназические учителя, все в одинаковых плащах и с зонтиками, и все говорят по-латыни. В гробу, точно в футляре, лежит — каждый раз кто-то новый: кого пришлось хоронить наяву.

Коля.

Смерть страшна — но разве не страшнее было бы жить вечно? Так же трудно, как всю жизнь не спать.

И тут же старый, сродный кошмар сменяется новым: кладбищенская грязь оборачивается топкой томской дорогой, ночь — предрассветным сумраком, почтовая тройка несется гоголевским аллюром навстречу тарантасу, оба экипажа сворачивают в одну сторону, и черная грязь бросается в лицо, залепляет нос, лезет в рот, дыхание перехватывает болото, и последнее, что слышно, — это глухая, лютая брань откуда-то сверху — с небес, — но что страшнее всего, отчего останавливается сердце и пропускает удар, другой, третий, и вместо него тикают, уже наяву, часы на прикроватной тумбочке, — страшнее всего одна мысль, потому и ставшая кошмаром, что днем он заслонялся от нее: один; совершенно один; сгинуть в томском болоте — хоть не под забором, вопреки пророчеству одного критика, — нелепая смерть, как у всех в семье, как у Николая, туберкулезника, пропившего все, талантом начиная и жизнью заканчивая; в одиночестве.

Хороший был писатель, но не Толстой.

Как будто убежишь от такого.

Но рухнул не тарантас, подминая чемоданы и узлы, — грянуло за окном, и ударилась о стену приоткрытая балконная дверь.

Вспыхнуло фиолетовым, и в бесконечный миг уложилось все: черные лапы пальм, белое небо — слепящее зарево, словно выросшее из океана дерево, — удивленный циферблат, распавшийся на блеск и тени, и белая лапа — гребень волны, поднявшейся ко второму этажу; и отчетливее всего — медленное вращение расшитой комнатной туфли в огромной луже, захлестнувшей ковер.

Дерево погасло, и разом, тысячью барабанов, зарокотали гром и ливень.

В цветастом халате (гонг-конгский якобы шелк), на каждом шагу хлюпая мокрыми туфлями, он спустился в приемный зал, мраморный и темный. Ночной портье, человек положительный, в ливрее и с прокуренными рыжими усами, отложил книгу (на обложке мизерный человечек убегал от огромного пса, почему-то светящегося), подкрутил газовый рожок, чтобы светил поярче, и чуть приподнял бровь.

— Гуд найт, — сказал постоялец. — Май рум из вери... вет. — И, подумав, прибавил, озаренный вспышкой: — Нау.

Портье что-то сказал, но его заглушило новое падение неба.

— Сорри, бат ай кэн нот хиар, вуд ю рипит, плиз?

Опять фотографический блеск, и снова грохот.

Портье закончил ответ и замолчал.

Беседа все более напоминала цирковое представление: два клоуна, мокрый (белый) и сухой (рыжий) обмениваются вскриками без складу и ладу, большой барабан в сопровождении визгливой трубы то и дело подает свои реплики, а за кулисами фокусник и дрессировщик режутся в карты на битой молью львиной шкуре.

— Вы русский? — спросили из-за спины с чрезвычайно сильным акцентом.

Разговор в восточном порту, даже с чистильщиками обуви, всегда начинался с этого детского изумления: оказывается, русские не выдумка — и даже сздят за границу; удивление не пропадало с каждым новым вопросом, каждым новым русским. В России иногда спрашивали, не татарин ли он — но вряд ли о таком народе слыхали на Цейлоне.

Он обернулся.

Перед ним стоял невысокий, очень смуглый молодой человек, лет на пять его младше, в светлой ситцевой сорочке и светлых же штанах (молнии делали его альбиносом в черном: идеальный негатив). Улыбка была не дежурной, но и не вполне искренней: так смотрят на ребенка, дикаря и того, кто схож с обоими, — на путешественника, не знающего языка. Лицо показалось знакомым: да, точно,

вчера он что-то втолковывал другому портье, медленно и строго. Ну, слава богу, хоть объясниться смогу.

— Да, я русский, с парохода «Петербург». Видите ли, мою комнату залило, и я...

— А что он говорит? — спросил смуглый, кивая в сторону портье.

— Я никак не могу расслы...

Теперь заглушило его самого.

Грохот едва улегся, перейдя в ворчание, а незнакомец (фу, еще сказал бы «таинственный незнакомец»; заменить) уже очень быстро говорил с дежурным — судя по тону, отдавал приказания; портье только вставлял международное «э-гм».

— Все уложено... улажено, — поправил себя смуглый, улыбаясь от души. — Ваши вещи перенесут в другой номер, на сухой стороне. Более или менее сухой. Такие бури нечасто, но бывают, и ничего тут не поделать. В ближайшие... — он так зыркнул на человека за стойкой, что тот немедленно исчез, — полчаса. А пока что, прошу, посидите у меня, согрейтесь. В такое время ночи и в такую погоду советовал бы виски.

— Благодарю за приглашение, но вас затруднит...

Смуглый решительно повел рукой:

— Совсем не затруднит. Кроме того, я, в некоторой степени, представляю администрацию. Нет, не отеля, а колониальной службы. Ведомство этнологической разведки. — Короткий наклон головы.

Конечно, этот знает, как обходиться с дикарями.

— Но вы не англичанин?

— Все спрашивают, — ухмыльнулся смуглый. — А вас, наверное, не русский ли. Я ирландец. Как у нас говорят, *native-born*. — Он протянул руку. — О'Хара. Кимбол О'Хара.

— Антон Чехов, врач.

Мистер О'Хара оказался удивительно приятным, а главное — неназойливым человеком: сразу видно англичанина, даром что туземнорожденный ирландец. Когда Чехов выразил желание (а он выразил? — во всяком случае, О'Хара так его понял) переселиться в другую гостиницу, этнолог сразу же послал коричного мальчишку, торчащего у входа,

с запиской в «Гранд ориенталь» и распорядился о перевозке вещей.

Наутро шторм как будто решили вычеркнуть из природы: потрепанные пальмы за окном приглаживали вымытую листву ветром с холмов, немногие темные пятна стремительно исчезали на темно-красной, почти лиловой брусчатке. Мастер сцены убрал декорации пролога, и на подмостках осталась залитая солнцем повседневность — верно, так же прискучившая местным обитателям, как величественная картина вечного покоя — дьячку стоящей над обрывом церквушки.

У входа в «Голь-фэс» (трехэтажное белое здание, не уступающее иным дворцам, с нелепым псевдогреческим портиком) они расстались, договорившись встретиться завтра — посетить базар, без чего ни один турист не покидает Коломбо. «Петербург» отбывал в Европу вечером пятого дня, времени на местные красоты оставалось вдоволь.

— Да, чуть не забыл, — сказал Чехов негромко и закашлялся.

О'Хара обернулся на ходу, а вернее — замер на полушаге и за миг опять стоял рядом. Опасная плавность; хорошо же учат этнографов. И жара ему нипочем, ни капли пота на лбу.

— Два вопроса, если позволите.

О'Хара молча кивнул.

— Откуда вы так хорошо знаете русский?

— Лет десять... да, десять лет назад я был проводником в Гималаях у одного русского.

— Пржевальский? — живо спросил Чехов. Не так давно он написал некролог славному путешественнику и хотел бы узнать подробности.

— Вряд ли: такую фамилию я ни повторить, ни запомнить не смогу, но точно узнал бы. Вот тогда я и начал учить язык; а я имею привычку все дела доводить до конца.

Прозвучало едва ли не с угрозой, хотя отчего бы?

— Сколько же вам было тогда?

— Совсем мальчишка, только закончил школу. Это была моя первая взрослая работа. Ну а второй вопрос?

— Вы недавно на Цейлоне?

— Здесь, вероятно, я должен спросить: «Но как вы догадались, Холмс?»

— «Догадались» — кто?

— Ах да, вряд ли повести мистера Дойла успели перевести на русский. Я хотел сказать: частный сыщик, выдающийся литературный герой.

— Я всего лишь врач.

— Мистер Дойл тоже. Так как вы догадались, доктор Чехов?

— А как иначе вы бы оказались в гостинице глубокой ночью? Мне успели объяснить, что англичане почти сразу снимают бунгалоу.

— Господин Чехов,— веско ответил О'Хара,— ваше правительство совершенно зря не зачисляет врачей в разведку. Я прибыл на остров позавчера, а сегодня, как и вы, переселяюсь. Итак, до завтра. Я зайду за вами ровно в девять часов утра. В Индии пунктуальны только поезда и этнологи. Имейте хороший день. — Он хмыкнул, показывая, что так обойтись с идиомой может только в шутку. — Да, и еще,— сказал Кимбол О'Хара.— В сказках полагается задавать три вопроса. Последний за вами.

Он кивнул и, толкнув тяжелую вращающуюся дверь «Голь-фэс» (ох уж этот акцент; запомни наконец: «Galle Face»), исчез.

Навстречу доктору Чехову по эспланаде уже бежали наперегонки рикши, лоснясь на солнце.

VI

О'Хара назначил молодому Стрикленду встречу под белым парусиновым навесом в кафе «Фонтаны рая»: южная сторона маленькой площади, в центре которой журчал фонтан со скульптурой, изображавшей свидание Рамы с Ситой. В самом кафе все обстояло благочинно, и джентльменам заходить сюда было не зазорно, название же и скульптура намекали на то, что за углом начинается улица не столь строгой репутации.

Час был самый жаркий; О'Хара любую погоду принимал равнодушно, а вот у Адама гудела голова — он еще не привык к тропикам. Кофе здесь подавали крепкий и горький до сведенных челюстей. Адам не выдержал и по-

просил сахару и молока; слуга-парс поклонился и заказ выполнил, но Стрикленд знал, что его репутация здесь погублена.

— Адам, — начал О'Хара, — я не могу понять, были вы правы или нет. И не смотрите на меня так. Размешайте сахар и пейте.

Адам отхлебнул из чашки, еле заставив себя отвести взгляд. Он готов был признать, что сморозил чушь, — кому и знать, как не мистеру О'Харе, — но что шеф окажется в недоумении, этого он не мог ни предвидеть, ни принять.

— Очень непростой человек, Адам. Очень. Доброе лицо, хорошая улыбка и жесткие глаза. Не холодные, именно жесткие. Да, конечно, опытные врачи все такие... но есть в нем что-то еще: он не просто смотрит, он запоминает, мысленно описывает — это ни с чем не спутать. — О'Хара сделал небольшой глоток и откинулся на спинку плетеного кресла. — Я играл, особо не таясь. Если он и вправду агент, ему придется выходить на своих, так пусть уж считает, что перехитрил недалекого этнолога. Но. Я не могу понять, какую игру ведет он. Поэтому мне опять нужна ваша помощь, Адам. Сейчас я расплачусь и уйду, вы спокойно, *спокойно* допьете кофе — кстати, рекомендую здешнюю сдобу, — и пойдете на Райскую улицу.

Адам заморгал.

— Вы хороший мальчик, — продолжал О'Хара, искоса поглядывая на него, — но и хорошие мальчики посещают Райскую улицу, так что не хлопай длинными ресницами, о губитель сердец. — (Последние слова были сказаны на хинди.) — Найдете дом госпожи Ханифы — третий слева, под знаком лотоса, его содержит слепая старуха, уроженка Лакхнау.

Конечно, Адам ее знал. И не потому, что... словом, не только потому, что... словом, всем было известно, что шеф год назад помог ей с обустройством заведения в благодарность за какую-то давнюю услугу.

— Закажете на час — простите, Адам, на два часа — девицу по имени Цветок Услады. Мне все равно, как она этого добьется, но: когда мистер Чехов постучится в любой из домов на Райской улице, отворить ему должна Цветок. Допрос с пристрастием, потом она немедленно идет в лесное бунгало, где ее ждем мы. Все ясно, мистер Стрикленд?

— Но... — Конечно, Адам видел на улицах Коломбо невысокую метиску, но не мог и подумать, чтобы... да и не по карману. — Но вы уверены, что Чехов пойдет на Райскую?

— Уверен. Не знаю, что он помнит из наших ночных посиделок, — никогда не пейте неразбавленный скотч в таких количествах, — но он поделился очень теплыми воспоминаниями о публичных домах во всех портах следования. Даже если это «легенда», он позаботится о том, чтобы ее подтвердить. А скорее — просто «русская душа»: сразу рассказать о себе чужаку что похуже — пускай тот потом не разочаруется. Деликатность, в своем роде. — О'Хара пододвинул тарелку со сладкими аппами. — Прекрасный здесь кофе, однако не мешало бы добавить корицы. В Калькутте...

VII

Если зажать левой рукой рот, а правой полоснуть по горлу, крови будет много, а шума чуть. Тело можно бросить в лагуну к черепахам и крокодилам, а можно оставить там, где его найдут поутру — и поймут намек.

VIII

Проституция — социальное зло (порок без сознания вины и надежды на спасение); однако неизбежное. Не надо брезговать жизнью, какой бы она ни была.

Если ты потерял невинность в тринадцать лет в дешевом таганрогском борделе, некоторые привычки останутся надолго. Всегда получать ту, кого ты хочешь; больше не брать ту, с которой тараканился; говоря о женщинах, цитировать кого-то: «низшая раса», да и думать так.

А когда и если встретишь ту, которая окажется слишком близка, чтобы так говорить о ней, — завести роман с двумя актерками разом (у одной прозвище «Жужелица», у второй даже прозвища нет), запутаться в этих трех соснах и сбежать.

Не главная, но причина.

Проституция хороша тем, что честна; казалось бы, Толстому это должно нравиться — и нравилось, судя по всему, пока силы были. А если покупное тараканство еще и чисто — чего желать? Уж не семейной жизни.

Эта была чиста, точно как та японка в Благовещенске. Восточное обыкновение. Черна, конечно, как смертный грех, и днем, наверное, кожа отливает синью; роста немалого — глаза в глаза. И тем еще хороша, что иностранным языкам не обучена, — а нынешний ее клиент не так хорошо знает английский, чтобы вести с ней личные разговоры.

Поэтому больше объяснялись жестами — даже уговариваясь о цене; она, не выдержав, полезла в его портмоне, достала две не такие уж мелкие купоры, помахала ими и положила обратно: после, после. Не ломалась, не жеманилась — ни в чем.

А теперь молчали.

Прибылая, почти круглая луна висела между ветвями; огромный крылан картинно пересек ее диск: даже летучие мыши прониклись духом здешней слишком театральной природы. Бамбук, распушенный перьями, будто нарисован, светляки разлетаются искрами пиротехники, и орет за сценой хор древесных лягушек.

Она привела его под своды огромной смоковницы. Местная порода, не чета неплодной палестинской тезке: корни, мочалом спускавшиеся с ветвей, год за годом утолщались, пока не стали новыми стволами, опорой библейского шатра. Крупные, мясистые листья: немудрено, что ими прикрыли свой срам прародители, егда отверзошася очи обема, — совсем недалеко, на Адамовой горе, в самом сердце острова.

Возвращенный рай: наги и не стыдимся.

— Когда я состарюсь и буду помирать, — сказал он в шутку, с трудом подбирая английские слова, — обязательно скажу сыновьям: сукины дети, на Цейлоне я.. прекрасную женщину, в тропической роще, в лунную ночь. А вы что?

Она тихо засмеялась, прикрывая рот свободной рукой.

— Ты долго будешь здесь? — спросила она. — Ты еще будешь со мной?

— Четыре дня, — сказал он. — Буду, наверное.

— Наверное? Тебе не нравится? Ты уезжаешь?

— Куда? — Он не понял вопроса и тут же резко вдохнул. — Уплываю через четыре дня, а пока здесь, в Коломбо.

— Никуда не поедешь? — Она удивилась так, что даже остановилась. — Остров большой, красивый, есть что посмотреть. Например... — Говорила скучно, словно по заученному. Неужели ей платят за рекламу красот?

— Ни-ку-да, — прервал он и опрокинул ее на спину. — Разве только...

Она засмеялась.

Потом она сказала:

— Ты правда расскажешь об этом детям? Правда?

Он не ответил.

Бывает такая боль, которая не убивает, но и — врет немец — не делает сильнее. Просто отмирает часть души, затянувшаяся память покрывается сухой коркой, которую время от времени с достоевским сладострастием отдираешь, и тогда снова кровит.

Когда он узнал, что бесплоден, то сперва не поверил, как не верил до сих пор, что у него чахотка. Не то чтобы он так уж стремился обзавестись семьей — да и жениться не собирался, — но сидело, значит, в нем стремление к продолжению рода: на биологию наслоилась мужская гордость.

Глупо, конечно; «книги и дети делаются из одного материала» — кто это сказал? Флобер? Бальзак? Глупый француз: сколько детей у графа Толстого? А байстрюков? Или он и в этом идет против общих правил?

Оно и к лучшему, пожалуй: что бы я успел, виси на мне, кроме родной семьи, еще и чужая?

Вот оно что: любая семья для меня будет чужой, а своя — тошная, постылая, но своя. И уж она-то никуда не денется, если я на полгода уеду в другое полушарие.

А вот эта черная девица, она расскажет своим детям (если после подобных занятий сможет их вы́носить) — или умолчит, станет почтенной матроной, какие никогда не выглядывают из паланкинов и велят слугам расчищать дорогу от всякого сброда? Пожалуй что и расскажет: на востоке такого не стыдятся, как не стыдились и в Греции. Гейши, гетеры. Никаких «надрывов», все так, как и должно быть, честно и чисто. Она не сопьется, не умрет после подпольного аборта, не сгниет от сифилиса, и худшее, что может

случиться, — шепот за спиной: «Славная куртизанка, но до Нана далеко». Говорят, Золя читают и в Индии, на горе местным б...ям.

— Не уезжай, — настойчиво сказала она. Странно, ведь только что хвалила... бог знает какую достопримечательность, прослушал. — Не уезжай. Эти дни будь со мной.

— Нет, — быстро сказал он.

Вот так оно: уже предъявляет права. Хоть на неполную неделю, но отхватить, присвоить, приставить к себе.

Луна пошла на закат, пальмы потемнели. Сыро становится.

Он не видел ее лица — только очерк, смутный овал, более памятный губам и рукам, чем глазам.

— Орхидеи начинают отцветать, — сказала она непонятно.

Вот и еще одно различие между нашими и местными: эти не уговаривают — словами, по крайней мере, — но тут она опять потянулась к нему, и, теряя себя, он успел подумать: а будь я параноиком, решил бы, что ее подослал непростой, ох какой непростой мистер О'Хара.

Никогда не узнать мыслей другого... другой... все равно. Так стоит ли мучаться, придумывая «психологию», если можно описать взгляд, движение, неясное слово, проблеск — и все будет ясно, или не ясно ничего; но не в этом ли цель искусства?

Это он поймет после, много после — но что-то же думал он и в такое время, когда не думает никто? Я не знаю. Да и он не знал.

IX

— Нет-нет-нет, мистер О'Хара, — упрямо говорил Адам. — Мы, люди цивилизованные, не должны делать ни малейших уступок. Я готов признать силу гипноза, ясновидение — да, может быть, — но все прочее только суеверия.

— Один из моих наставников, — весело сказал О'Хара, — очень любил читать Спенсера — но, проходя мимо ведьмы, всегда делал крюк, потому что она, как известно, может ухватить душу за ее тень.

— Еще одно суеверие, — пожал плечами Адам.

Он нетерпеливо ходил из угла в угол полупустой комнаты на втором этаже бунгало, стоящего у края болот. Удобное расположение: никто не будет прогуливаться рядом от нечего делать, и достаточно близко к Форту, чтобы два глупых англичанина могли заплутать неподалеку... или назначить там встречу Цветку Услады.

(На углу площади сидел безногий — якобы безногий — нищий. Когда Адам кинул ему монетку в три аны, он пробормотал, что русский явился на Райскую улицу и больше не показывался: или там остался, или прошел ее насквозь.)

Уже стемнело, жара, не отступая, все же перестала давить. О'Хара зажег масляную лампу, что поблескивала на кривоватом столе, и пристроился у стены — по-местному, на корточках: так он мог сидеть, не шевелясь, часами. Адам знал, что это означает доверие; шеф никогда не позволил бы такого перед теми, кто мог, фыркнув, сказать: «Совсем отуземился». Мало где в Империи стена между белыми и «ниггерами», особенно европеизированными, так высока и прочна, как на Цейлоне; но не Адаму — сыну человека, который прошел весь Северо-Запад, переодевшись саисом, — осуждать Кимбола О'Хару. В такие минуты шеф говорил протяжно, чаще вставлял в речь местные слова — и становился похож на черного божка с туманной, неподвижной улыбкой прирожденного мастера загадок и обманов.

— Простите, мистер О'Хара, — медленно проговорил Адам, — но вы что же, верите во все, что рассказывают на базаре? В зеленую пилюлю бессмертия? Спящего рыбоголового бога? Тайный орден Управителей, которые поклоняются Единому в образе Маятника?

— Считайте меня *агностиком*. — О'Хара выделил чужое слово голосом. — Пока что я не берусь выносить суждение по этим вопросам. Есть то, что происходит у нас в голове, — продолжал он, растягивая гласные. — Когда в первый день я заставил вас принять разбитый кувшин за целый, вы могли — повторяю, *вы могли* — увидеть черепки и лужу на полу. У вас не получилось — это другое дело. Но если прокаженный насылает на белого проклятие, сдва коснувшись его одежд, и тот ближайшей же ночью превращается в зверя и воет, катаясь на полу; если двое, не сговариваясь, видят одно

и то же — скажем, собрание богов, решающих судьбы народов; если человек вспоминает, что в прошлой жизни он был ростовщиком, и вот, он идет в прежний свой дом, убивает новых хозяев (он сам рассказал мне это в тюрьме) и выкапывает из угла запечатанный горшок, полный золотых монет, — это не наваждение, это явь; а не считаться с явью — дело опасное. *Декха, бара-сахиб?* — Он поднял голову на точно рассчитанный угол и посмотрел прямо в глаза Адаму. — Нужно знать, как избавляться от наваждений. Как раскалить на огне ружейный ствол и заставить прокаженного снять проклятие. Важнее — отличить наваждение от яви. А еще важнее, — он усмехнулся невесело, — знать, что и явь — лишь наваждение, чья-то выдумка; и тогда ты пробуждаешься.

Адам присел на корточки подле, хоть и знал, что ноги с непривычки затекут через минуту. Он и так жался от неловкости, нависая над О'Харой, а уж теперь, когда собирался нарушить один из главных запретов англо-индийского общества — не задавать личных вопросов... В горных фортах, отдаленных поселениях, тесных сеттльментах узлы затянулись слишком давно и крепко, чтобы разрубать их, спрашивая о чем-то напрямик.

Он решился.

— А правду говорят, что вы...

— Правду, — отрезал О'Хара.

Адам замолчал пристыженно. За окном резко прокричала майна.

Когда субалтерн уже подобрал от стыда пальцы в ботинках, О'Хара сказал тихо:

— Десять лет назад я освободился от Колеса. Знали бы вы, Адам, как это трудно — видеть мир таким, каков он есть, и как прекрасно. Видеть Спицы, идущие от Ступицы к Ободу, видеть, как восходят и нисходят по ним... Понимать, как и для чего существует все, идущее Большим Путем.

— Но тогда, — спросил Адам столь же тихо, — что вам Большая Игра, если вы видите Большой Путь?

О'Хара неожиданно рассмеялся — негромко и не шевелясь; только чуть подрагивали его не по уставу длинные волосы.

— А что делаете вы, Адам? Ведь не потому вы торчите в этой дыре, выполняя мои странные поручения, что решили пойти по отцовским стопам?

Адам замялся. Он знал, почему, но сказать не мог: в школе «Вестворд Хо!» речи о Бремени Империи набили такую оскомину, что повторять их всерьез было невозможно; а новых слов еще никто не нашел — впрочем, один новый поэт, из туземнорожденных...

— Вы не можете сказать, — кивнул О'Хара. — Первый шаг — отказ от слов. Но вы *знаете*; знаю и я.

Они замолчали. Тень от оконной решетки ползла по комнате, переплетаясь с тенями, которые бросала чадящая лампа. Адам неловко пошевелился.

— А вот доктор Чехов, которого мы разрабатываем... — О'Хара поморщился. — Не знаю, как объяснить. Я не умею рисовать Колесо; мой Учитель умел, одним из последних во всем Бхотияле и, может быть, последним в Индии. Он выучил двух англичан — куратора лахорского музея и его сына, журналиста... жаль, я не успел поговорить: года полтора тому они вернулись в Европу. Я не умею — но Чехов умеет. Есть такие люди, которые накрепко прикованы к Колесу, но при этом видят его изнутри и могут — иногда — менять его ход. Они плохие политики, плохие игроки, но хорошие пророки. Когда они видят ясно — никто не видит лучше их; когда ошибаются — их ви́дение вплетается в узор и переходит к другим. «Как называется сон, который видят сразу многие?»

Ответа он не получил: заскрипел гравий на дорожке, и даже Адам понял, что шаги не женские.

X

Бронзовый Шива утаптывал чернильный прибор и пялился на стопку бумаги — пока что пустую, лишь несколько отрывочных замет на верхнем листе. Гостиничный «бой» (неопределенного возраста, но с проседью) постучался почти неслышно, бочком прошел через комнату и мягко опустил на стол поднос с завтраком. Разумеется, вечное азиатское карри, только от порта к порту разнятся добавки и специи.

«Бой» ушел не сразу — на пароходе предупреждали о несносном любопытстве местных слуг, — краем взгляда он ухватил полуисписанный лист и, кажется, даже потянулся к нему, но тут постоялец приподнялся в кровати, продирая глаза, и «бой» исчез.

Просыпаться после давешнего оказалось трудно до чрезвычайности, и только мысль о добросовестности этнологической разведки согнала с постели. Несмотря на ранний час, за окном опять жарило; прохлада воды в расписном кувшине казалась намеком и увещеванием: зачем отсюда уходить? Карри: приправа на сей раз незнакомая, но очень горячительная; а еще — дольки апельсинов и чуть ли не икра. День не обещал сюрпризов — да и откуда им взяться на цивилизованном острове, — до тех пор, пока Чехов не обул левую туфлю.

Длинный мраморный холл «Гранд ориенталя» был обширен и прохладен. Подумать страшно о том, чтоб выйти на дрожащий от жары воздух; впрочем, давил низкий потолок. Мистер О'Хара, одетый в светлый костюм с некоторой претензией на щегольство, лениво прогуливался вдоль огромного, во всю стену окна с видом на порт. Типичный европеец: минуты мы не можем усидеть на месте, словно шаги взад-вперед хоть немного, а приблизят нас к цели. Улыбка этнолога опять стала несколько натянутой: что же случилось такого со вчерашнего дня? Неприятности по службе, видимо; но пришел, как обещал, и даже чуть раньше назначенного.

(А случилось вот что.

— Мертва? — спросил О'Хара. Ночь слой за слоем стирала с него европейское воспитание Святого Ксаверия, пока не остался только базарный мальчишка, тринадцать лет назад взятый в оборот Большой Игрою.

Четверо стояли над полузатопленной промоиной на краю южного болота. Солнце еще не взошло, но утренние птицы перекликались вовсю: серое время, смутное время.

— Очень грамотно, — сказал констебль Уиггинс, связной О'Хары: еще один мальчишка, прошедший лондонскую уличную выучку, а потом прокаленный цейлонским солнцем; человек добродушный и даже чувствительный — но не на службе. — Китайский бишоу, от уха до уха.

Китайцев на острове много, подумал Адам, и бишоу может купить кто угодно; но доктор Чехов по пути заглянул в Гонконг. Только это было явно Опрометчивое Суждение.

Как странно: убита женщина, с которой еще вчера я... которая... а я думаю, сделал ли это какой-то русский, или он ни при чем, а зарезали ее те же, кто задушил незнакомого Гусева... Только так и можно остаться живым и в здравом рассудке: никого не жалеть, но твердо знать, что право, а что нет, и поступать как должно. Наверное, и у врачей так. Выучиться нельзя, только привыкнуть.

— Когда? — спросил О'Хара.

Все трое посмотрели на врача — сухого шотландца с проседью в редких усах, весьма недовольного тем, что его подняли ночью и погнали на болото.

— Более двух часов, — сказал он. — Менее двенадцати. И вероятно, ближе к девяти-десяти.

— Ближе к девяти, — пробормотал Адам. — Всего через два часа после того, как я...

— Жалко, — сказал О'Хара пустым голосом. — Утром зайду к Ханифе.

И тут до Адама дошло то, что шефу, конечно же, пришло в голову сразу: если Цветок убита — с кем же был Чехов?)

— Ну что, готовы к экспедиции?

— Готов и предвкушаю.

Солнце еще не добралось до зенита, но в зеленой тени было парко. О'Хара свистом подозвал двуколку; праздные рикши под навесом вскочили было, но тут же снова опустились на землю, прислонясь спинами к почернелым колесам. Маленькая мохнатая лошадь, почти пони, пофыркивая, остановилась у щербатых колонн крыльца: она не была расположена куда-то спешить, а кучер и не собирался гнать. Он подождал, пока Чехов и О'Хара усядутся на кожаные сиденья, проеденные влагой и насекомыми, поднял откидной верх, неторопливо уселся на козлы и что-то спокойно сказал лошади. Та переступила с ноги на ногу, постояла еще немного и начала неспешный обход площади, стараясь не выходить из тени.

— На базар, — приказал О'Хара, двуколка сделала еще полкруга, и лошадь затрусила по узкой улице, застроенной двух-трехэтажными оштукатуренными домами с наглухо закрытыми бурыми ставнями.

— Как вам понравилась новая гостиница? — спросил этнолог.

— Всем хороша, — признал Чехов. — Нету этого, знаете, показного великолепия, которое говорит только о глубоком упадке — гостиницы, страны или вкуса. В «Галле фэйс» я даже окно не мог притворить, и пахнет там сыростью. Одно странно: с моими туфлями продолжаются приключения.

— Что такое? — спросил О'Хара с равнодушной вежливостью.

— В «Галле фэйс» комнатная туфля — правая — чуть не уплыла за балконные перила, а теперь вот в левой...

— Тоже комнатной?

— Нет, вот этой. — Чехов, насколько позволили борта повозки, вытянул длинные ноги и пошевелил носком вправо-влево: прочная тупоносая туфля коричневой кожи, свеженатертая «боем». — Ну-с, так: выставляю я их вечером... — (Соврал: почти под утро.) — Выставляю за дверь, перед выходом надеваю и чувствую — что-то нога не входит до конца. Засунул руку — оказалось, записка: извольте видеть. — Он достал из портмоне мятый листок. — И не записка даже, а... Что скажете? Какой-то местный обычай?

О'Хара небрежно принял листок.

— Бумага местного производства, — заметил он. — Водяной знак цейлонской фабрики. Дешевый сорт. Теперь...

Перед ним была «не записка даже»: на бумагу как по линейке наклеили три слова, вырезанные из газеты или книги:

GO TO KANDY

— Клей тоже дешевый, такой есть в каждой гостинице, — определил О'Хара. — Вторая полоса «Коломбо гэзетт»...

— По шрифту опознали? — поразился Чехов. Ему всегда нравились люди, достигшие высокого мастерства в своем деле.

— Да, главным образом. И по бумаге. Газета, видимо, вечерняя: там как раз была заметка о завтрашнем параде в Канди.

— А где это и что это?

О'Хара откинулся на сиденье, но листок не отдал, а сложил вдвое и сунул в нагрудный карман безукоризненно-белой сорочки.

— Плохо же вы подготовились к путешествию, доктор. Канди — это на северо-восток от Коломбо, одно из самых почитаемых мест Цейлона... и кто-то хочет, чтобы вы ему поклонились. В этом городе хранится *Далада* — зуб Будды; если хотите, одолжу вам несколько брошюр.

— Благодарю, было бы любопытно. — Чехов глядел по сторонам, на мешанину коричневых, красных и зеленых пятен. Люди, одежды, деревья даже при медленной езде сливались воедино — они и были одним: Цейлоном. — Конечно, никуда я не поеду, но... — Он закашлялся, прикрывая рот платком.

(Гусев был не жилец. Он кашлял час за часом, надрывая душу и горло, то и дело отхаркивая. Но с такими симптомами, даже усиленными горячкой, можно протянуть не один год, — Чехов знал это прекрасно, и внезапная, глухая смерть отставного солдата поразила его. Освидетельствовать покойника ему как постороннему не дали, а судовой врач только бормотал спьяну. Он словно боялся чего-то, не понять чего.

В последний свой день Гусев, блестящий в свете фонаря капельками пота, хватал за руку, тянул к себе и с настойчивостью злого бреда шептал:

— Зуб, зуб... ты к зубу ехай... Я не смогу, ты ехай к зубу... потом отдашь, отдашь потом, это не тебе... Зуб...)

— Приехали, — сказал Кимбол О'Хара. — И, если позволите совет... побывайте в Канди. Там интересно и очень красиво. А от кого эта записка, я выясню.

Чехов видел разные торговые ряды — приморские, в Таганроге и Одессе; московский Хитров рынок, куда и полиция ходит только сам-четверт; Гостиные дворы обеих столиц, где не так-то просто вырваться из рук лавочни-

ков — даже сыну лавочника, знакомому со всеми уловками; назойливые дальневосточные базары — на взгляд чужака, избыточные до бессмысленности.

Здесь было все — сверкающие камни, драгоценные ли, бог весть; раковины, плоские и спиралевидные, серебряные цепочки, пляшущие боги, вяленые акулы и мерцающие золотом шкуры пантер; снулые рыбы и еще живые крабы — все огромные и причудливо глазастые; пирамиды кокосов и связки бананов, корзины и циновки, китайские коробочки и простые, ничем не украшенные палочки — зачем они? — и палочки курящиеся; статуэтки, слишком мелкие, чтобы разобрать детали,— слоны, демоны, будды; сквасившееся по жаре молоко, горький дух шоколада; проволочные клетки, из которых мангусы, замерев, с ненавистью смотрели на исконного врага: кобру выманивала из тыквы-долбленки флейта ахикунтакайи, «очарователя змей»; подвешенные над головами рулоны тканей время от времени сами собой разворачивались и тяжелыми цветистыми складками закрывали проходы вглубь лавок. Кривые проходы изредка выводили к узким, но прямым улочкам, которыми тянулись запряженные горбатыми волами крытые арбы, не ускоряя хода и не замедляя его. В воздухе стояла взвесь из пыли, запахов (мускус, бетель, навоз), криков (попугаи, рикши, торговцы, полисмены) — и ропот океана оставался общим фоном.

Здесь было все, что ожидал увидеть иностранец, а значит, не было главного: той простой, скудной, будничной жизни, которая прячется за прилавками и дивными видами, всюду одна и та же. Только одни страны, в уничижении паче гордости, выставляют ее напоказ — вот мы каковы, и не стесняемся, а если что и прячем, то за тоскливым забором; в других же землях принятый людьми и природой наряд — чопорный ли, беспорядочно ли пестрый — защищает и своих, и чужих от безысходной, безнадежной серости: вдруг кто обманется и поверит. Но и пальмы скоро надоедают — особенно вон те, низкие и пузатые, что лезут из земли, точно репа.

О'Хара объяснял значение амулетов, показывал, как отличить фигурку Будды, сработанную недавно, от старой, хоть и плохонькой, и аляповатой; рассказывал, как обходиться со множеством разноцветных каст, обитателей бесчисленных закоулков, чтобы получить скидку, а то и со-

хранить жизнь; и почему джат в ответ на обращение «погонщик ослов» рассмеется, а раджпут вытащит нож. В этом краю вместо неба — переплетение ветвей, хранящее от солнца; и вечное движение нескончаемо, словно колесо.

Чехов и О'Хара остановились на косом перекрестке, у клетки, в которой бесновались черно-серые мангусы и пальмовые кошки — Чехов никак не мог отличить одних от других. Владелец зверьков, густо-сизый сингалез в фиолетовом саронге, начал обхаживать европейцев на ломаном английском, но, когда О'Хара прервал его на местном наречии, на миг онемел, а потом заговорил быстро, голосом, похожим на мангусово щелканье. Он то размахивал руками, показывая нечто огромное — змею, наверное, — то замирал, и тогда на его правом запястье становилась отчетливо видна багряная татуировка: то ли рогатый одноглазый человечек, то ли странной формы маятник.

Чехов отступил в сторону, готовясь достать кошелек, почти опустелый; возница, не покинувший своих клиентов, тащил пальмовую корзину, полную бессмысленных сувениров, отобранных на подарки; бессмысленных, потому что никогда и ничего они не скажут тому, кто не узнал их на ощупь здесь, в цейлонском парном месиве. Надо купить мангусов; заказал же он для Суворина яванского пони.

Из-за угла выскочил плосколицый китаец, чье канареечное ханьфу даже среди здешней пестроты казалось вызывающе-ярким: так в африканской сказке леопард, еще не запятнанный, был заметен среди желто-зелено-черного подлеска Туземной Флоры. Китаец двигался быстро, легко и бесшумно; короб с выпечкой ровно плыл перед ним — пока не натолкнулся на долговязого русского.

Китаец ахнул, пошатнулся, и печенье полетело в утоптанную пыль; ахнул и Чехов.

— Я жалкая личность! — закричал китаец по-английски, кланяясь в пояс. — Я толкнул уважаемого гостя! Я причинил ущерб!

— Простите... — бормотал Чехов, пытаясь ухватить торговца за рукав и остановить равномерные поклоны. — Мне так неловко... Я заплачу...

— Большая ошибка, — бросил О'Хара, которого явно забавляло происшествие.

Китаец застыл, но закричал еще громче:

— Никакой платы! Низкорожденный Сун Ло Ли почтет за счастье угостить высокодостойного своим жалким печеньем! Судьба говорит бесплатно!

— Это печенье-гадание,— пояснил О'Хара, подходя. Сун Ло Ли глядел на него безмятежно.— У вас есть такие? Разломать, а внутри предсказание на каждый случай. Бывает забавно.

— Выбирайте, уважаемый господин,— сказал торговец, склонившись так низко, что совершенно закрыл собою короб. Выпрямился и поглядел выжидающе.

Чехов очень не любил разного рода лотереи, рулетки и прочая: и так ясно, что не всерьез, что выигрыш исключен — не для того все выдумывалось,— но каждый раз ощущал легкое касание надежды, мгновенную анестезию души; а выпадает опять выигрыш заведения.

Он с неохотой взял круглое печенье, позажаристей, которое тут же раскрошилось, и на ладонь выпал узкий, точно телеграфная лента, листок.

Китаец склонился снова. Он походил на балерину, которая, выйдя на аплодисменты, грациозно поникает.

— Читайте,— сказал О'Хара серьезно.— Узнаете судьбу.

Цепочка иероглифов — и следом английский перевод: «Прислушайтесь к добрым советам».

XI

— Мало времени, Адам! Мало времени. Я еду за ним — неофициально; вы остаетесь на хозяйстве. Пока я еще здесь: досье на Сун Ло Ли — полное, помимо того, что есть в участке. Сводка происшествий в Канди за последний месяц — мне на стол. Там готовится парад Армии спасения — кто о нем объявил, когда, нет ли связи. Что я упустил?

— Мистер О'Хара, я навел дополнительные справки об этом человеке. Оказывается, он не только врач, но и писатель. Сначала сочинял юморески для журналов вроде «Панча», а теперь — рассказы в духе Мопассана о русской тоске. Лауреат престижной премии.

— Ну-ну. Очень хорошо, Адам, я что-то такое и предполагал. До вечера, мистер Стрикленд. Жду отчета.

XII

— Да свершится! Вечным будет владычество Хозяев наших!

— Да свершится!

XIII

«В Индии пунктуальны только поезда и этнологи»: О'Хара (отговорившийся от поездки в Канди множеством дел), как всегда, оказался прав. Ужин в гостинице, даром что английской, задержали на добрые полчаса, зато невыносимо ранний поезд, пофыркивая, как давешняя лошадка, въехал под вокзальный навес точно по расписанию. Дым вознесся к железным небесам, и молчаливый черный табор, сидевший на узлах и по углам, мигом вскочил, загалдел, помчался в оба конца платформы.

Чехов осторожно пробирался сквозь толпу, жестами и бормотанием отваживая носильщиков. Только дойдя до своего вагона, он понял, как ошибся — или как его надули в кассе: вагон оказался не первого, а второго класса, для смешанной публики. Вот она, чаемая нашими литераторами возможность узнать жизнь простого народа — без О'Хары, правда, не очень осуществимая: видеть, не понимая, для писателя губительно. Но еще хуже — понимание мнимое: видишь только то, что увидеть и ожидал: себя, в конечном счете, а не других. Колбасники немцы, пьяницы (богоносцы) русские, англичане — просвещенные мореплаватели, у которых каждый обучен боксу: что еще нужно знать? Литератор, между тем, должен быть объективен, как химик.

Цейлонцы, дети природы, без опаски и со сноровкой, выдающей привычку, лезли в вагоны: немыслимое сочетание, казалось бы. А между тем очень скоро «настоящие» тунгус, русский, сингалез и т. д. останутся только напоказ туристам, в самой глуши, да и туда проведут электричест-

во для освещения кафешантанов. Это и есть прогресс: когда в зубы бьют реже, ездить удобнее, а человек становится частью человечества.

Вагон, вопреки толчее на платформе, оказался удивительно малолюден: в своем купе Чехов ехал один, в соседнем тоже оказался лишь один пассажир (если правильно запомнились объяснения О'Хары — садху), полуголый, раскрашенный охрой, с длинными пепельно-серыми волосами; на плечи его был наброшен драный цветастый ситец. Припухшие глаза — верный знак того, что недавно он принял опиум,— рыскали, ни на чем не останавливаясь, и на соседа по вагону он внимания не обратил.

Откуда он, зачем едет в Канди — никогда не узнать.

Поезд с лязгом дернулся и пошел ровно. Сначала пейзаж за окном менялся стремительно: проскользнули опоры вокзала, похожие на баньяны, сменились баньянами настоящими (на миг вспомнилась ночная девица; встретиться еще, как вернусь, пожалуй), мелькнула зеленая муть лагуны, и однообразное переплетение зелени потянулось ровной стеной. За стуком колес терялись все звуки, которые придают приятное разнообразие тропическому лесу. Вопреки господам жюльвернам и прочим любимцам гимназистов, ни приключений, ни сюрпризов он не обещает; леопарда встретить на тропе — так, докука, много их тут ходит.

Чехов вздохнул и достал записную тетрадь.

Раз уж праздному г. читателю так интересны далекие острова, я напишу о самых далеких и экзотических: «Остров Сахалин» и «Остров Цейлон». Только не будет там приключений — одна повседневность, и серый сахалинский ужас, и пестрая цейлонская обыденность. Место приключений займет статистика, ибо наш мир устроен так, что правила важнее исключений.

XIV

Я был в аду, каким представляется Сахалин, а теперь в раю, т. е. на острове Цейлон. Всю дорогу, от Гонг-Конга до Коломбо, мои спутники россияне бранили англичан за эксплоатацию инородцев. Я думал: да, англичанин эксплоатирует китайцев, сипа-

ев, индусов, но зато дает им дороги, водопроводы, музеи, христианство, вы тоже эксплоатируете, но что вы даете? В электричестве и паре любви к человеку больше, чем во всех рассуждениях о добродетели и воздержании от мяса. Вот чему можно выучиться на Цейлоне, но прибывают сюда совсем за другим.

Ни один местный проповедник, вероятно, не говорит с таким жаром, как заезжие европейцы, о том, что иллюзии и желания погружают человека в бездну страданий. Мы никак не можем решить, быть ли нам фанатиками (и какого бога) или атеистами, и выбираем буддизм как религию, которая дает человеку всё (в том числе превосходство над ближним, не причастным к тайне Востока), не требуя ничего. Что говорят об этом сами буддисты, мне, полагаю, еще представится случай узнать, поскольку поезд везет меня в г. Кэнди. О состоянии цейлонских путей сообщения я напишу особо.

NB Добавить: еще недавно дороги тут не было, ни железной, ни обычной (когда построили?), одни тропы, раскисавшие в сезон дождей, и т. п.

Кэнди, или Маха-Нувара, бывшая столица острова, ныне известна главным образом тем, что в этом городе хранится величайшая святыня Цейлона — «datha dhatu» (О'Г. говорил как-то иначе, проверить). Так называют зуб Будды, одну из немногих телесных частиц Просветленного, которые сохранились до сего дня. Зуб (левый глазной) нашли в пепле погребального костра. За две с половиной тысячи лет он много раз менял владельцев и становился причиной ожесточенных религиозных войн. Один из князей поклялся его уничтожить и чуть не исполнил свое намерение, но некая супружеская пара перевезла святыню на Цейлон, где она и пребывает в безопасности под охраной монахов уже полторы тысячи лет. Легенда говорит, что так будет продолжаться еще десять веков, а что дальше — неизвестно. Везде неопределенность.*

* Историческими и этнографическими сведениями об острове я обязан любезности м-ра О'Гара, сотрудника департамента этнологической разведки, — человека удивительно разностороннего.

10 лет назад очередные искатели восточной мудрости посетили святилище г. Кэнди. Вероятно, многое о русском на-

циональном характере скажет следующая история. Наша бывшая соотечественница г-жа Блаватская была удостоена чести увидеть святыню воочию. Она, хоть и ожидала получить озарение от созерцания реликвии, такового не обрела, после чего разочарованно заявила, что зуб, по видимости, принадлежит крупному аллигатору. Как обычно бывает, человек (русский в особенности), не имея сил и желания пройти поле между верой и неверием в ту или другую сторону, довольствуется тем, что разрушает чужую веру или создает свою, попроще и поудобнее. Самый величественный и оттого самый яркий пример — проповедь гр. Л. Н. Толстого. Поскольку г-жа Блаватская высказалась громко и по-английски, паломники зароптали в негодовании, так что для успокоения собравшихся ее спутник, г-н Олькотт, высказался в примирительном духе: зуб, точно, принадлежит Будде, но в одном из его прошлых воплощений, когда Всесовершенный явился на Землю в облике тигра.

До важнейшей из местных церемоний остается еще 9 месяцев. В августе ларец, хранящий реликвию, вывозят из храма на слонах, сопровождая шествие пением и фейерверками. Буддистские авторитеты полагают это идолопоклонством, однако поделать ничего не могут: традиция! Поток паломников не ослабевает в любое вре

XV

Ему снятся рыбоголовые боги, спящие на первобытном дне океана, не живые и не мертвые.

Ему снится варение зелий в горной пещере — дело долгое, рассчитанное по звездам и лунам, которые медленно ходят над неподвижной землею.

Снится мир, в котором нет законов и правил, кроме тех, что создаются на время и в любое мгновение могут быть изменены.

Снится то, чего не может быть, потому что не было никогда. И никогда не будет, Бога ради.

Бессмысленность мира сдавила его, и он проснулся; поезд подходил к Канди, по коридору пробежал китаец, в соседнем купе заворочался садху.

Он откашлялся в платок; снова увидел кровь. Достал портсигар и, зло чиркнув спичкой, закурил.

XVI

Впереди шли девушки в национальных костюмах, но головы, по завету апостола Павла, были прикрыты вполне европейскими монашескими накидками; из-под каждого покрова сверкали солнечными зайчиками очки в металлических оправах. Полумонахини пели что-то дикое, видимо гимн.

За ними следовал мужской оркестр: белые полотняные костюмы и соломенные шляпы. Первый ряд наяривал на губных гармониках, дальше сомкнутым строем шли гитаристы. Черные мальчишки в набедренных повязках бежали рядом, свистя и прыгая, и все время налетали на музыкантов. Огромный негр в красной куртке замыкал процессию: неподвижно глядя перед собой, он бил в барабан и заглушал всех.

Так Армия спасения проповедовала воздержание, умеренность и милосердие; из того, что Чехов успел узнать о восточных празднествах и парадах, этот и впрямь был умеренным.

> На Цейлоне 805 христианских школ и 4 буддистских. А поскольку для приема на государственную службу необходима справка об образовании... К тому же законными признаются только христианские браки. В итоге — то ли повальная христианизация, то ли всеобщее лицемерие, не разберешь. Туземцы, выучившие английский язык, от своих отстали, к чужим не пристали: все хотят работать в колониальной администрации, так что предложение превышает спрос. Точно то, о чем предупреждал Даль: грамотный крестьянин сразу решает, что работа в поле не для него и т. п. Только местным и вовсе некуда податься.

Он не хотел уподобляться тем туристам, которые на все смотрят с деланым равнодушием, только что не сплевывая через губу: это пошло, да и Цейлон ему нравился. Путеше-

ствие оказалось увлекательнее, чем он предполагал: после первых однообразных миль виды за окном менялись с каждой минутой. Горы то прятались в низких облаках, то вновь являли зеленые склоны в переливах света и тени. Отвесные голые скалы сверкали серебром, а вблизи оказывались серо-желтыми и снова блестели вслед поезду.

Долина Канди оказалась недурна: горы замкнули ее кольцом, беззаконное буйство леса сменилось регулярностью рисовых и чайных плантаций, а посредине искрился аккуратный квадрат бирюзового озера; невысокий, похожий на пагоду храм с красной крышей был виден издалека.

Однако сам город скучен: ровные улицы вдоль сторон квадрата, от них под прямыми углами расползаются переулки. Старых зданий вовсе нет, кроме бывшего дворца и храма, спрятанных за рвом и стеной; хижины сингалезов, нечастые бунгалоу, кое-где — открытые лавки. Форта нет, зато серым кубом торчит острог. Да и по ту сторону рва интересного мало: сырой одноэтажный дворец пропах древней плесенью, и недавний европейский ремонт делу не помог. Что же до храма... Всезнающий О'Хара мог бы разъяснить значение бесконечных геометрических фигур и орнаментов, на фоне которых посетителю улыбались равнодушные будды или скалились демоны, — но гостю они были непонятны и вскоре приелись. Зуба он так и не увидел: предмет поклонения хранился в реликварии — огромном сундуке красного дерева, украшенном каменьями и золотыми цепями; больше всего он походил на кухонную стойку, да и назывался как-то похоже.

Приторно и удушливо пахли цветы, невнятно шептались паломники, конус света медленно смещался по дощатому полу, и золоченные спиральные колонны вспыхивали поочередно. Больше всего храм напоминал церковь где-нибудь на окраине Москвы — не бедную, но в будни полупустую; старухи и младшие приказчики приходят туда поставить свечку Пресвятой-Троице: Иисусу-Христу, Богородице и Николе-Угоднику. Язычество везде одно и то же, а веры нигде не найдешь.

Он вышел из храма и, щурясь, стоял под козырьком. Горы удваивались в отражении, пахло свежим навозом, слонов было не видать. Тут-то и загремела умеренная процессия, точно по отмашке. Закончилась она столь же вне-

запно, как и началась; в ветвях магнолии закричала незнакомая птица, будто молоточком стучала по каблуку.

Чехов посмотрел на часы: до обратного поезда оставалось часов пять; можно пообедать в английском ресторане и обойти озеро. Или сначала обойти, а потом пообедать, иначе вконец разморит и развезет. Заодно расспросить о жизни местных крестьян: на кого они работают, сколько получают, сколько тратят. О'Хара предоставит официальные таблицы по первой же просьбе, так ведь то официальные... На Сахалине Чехов провел перепись (десять тысяч опросных карт), здесь, конечно, ничего не успеет, но все-таки. Он уже понимал, что «Остров Цейлон» окажется куда ближе к традиционным «путевым запискам», чем «Сахалин»; пожалуй, даже с комическими интермедиями — вроде плавающей туфли и таинственной записки. Жаль будет, если О'Хара, как обещал, выяснит, чьих это рук дело: пусть так и остается загадкой. Сговор лакея и железнодорожного кассира: заманить простака-иностранца, а потом содрать за билет второго класса как за первый...

Монах возник неизвестно откуда.

Высокий — выше даже десятивершкового Чехова, — узколицый, короткие седые волосы и длинные черные усы, вислые, как гречневая лапша. Очки в толстой черепаховой оправе чуть расширяли узкие глаза; бурая ряса, перехваченная поясом с ташкой, висела мешковато; ноги, обутые в кожаные сандалии, не загребали пыль, словно ступали, подобно миражу, чуть выше земли.

— Здравствуй, — сказал он.

В груди что-то оборвалось, стало тепло и тесно, в ушах зашумело, только успел подумать: как-то неловко умирать при чужих.

XVII

Здравствуй, ответил он.

Ты умрешь, сказал он. Но не сейчас.

Я знаю. Но не верю. Это не чахотка.

Это чахотка. Тебе осталось тринадцать с половиной лет.

Много.

Много. Во что ты веришь?

Не в Бога: эту веру из меня выбили в детстве. В человека — трудно, да и в кого тут верить. Религия порядочного человека — равнодушие. Я бы пошел в монахи, если бы принимали неверующих и не заставляли молиться.

Кого ты любишь?

Никого. Полюбить кого-то — значит выйти из-за стены, а я ее слишком долго строил. Есть нечто большее, чем любовь: сознание долга и его выполнение, остальное приложится. Я знаю, чем обязан семье — и еще немногим,— и возвращаю долги. Как примут то, что я делаю, мне все равно.

Кого ты любишь?

Я не люблю, я влюбляюсь, а потом не могу развязаться: так же как не умею завязывать и развязывать галстук. Ничего я не умею любить, кроме своего писания, а муза холодна и бесплодна, как я сам: задери подол и увидишь плоское место.

Ты виноват?

Ни подвигов, ни подлостей — такой же, как большинство. С нравственностью мы квиты. Леность, чревоугодие, блуд — все это личное, никому не вредит и никого не касается. Закрыто.

Страшен же мир, в котором ты живешь.

Но другого нет.

Чего ты хочешь?

Изменения. Чтобы жизнь стала такой, какой должна быть,— полной, умной и смелой, свободной от силы и лжи,— какой все знают, что она должна быть, но не делают ничего. А если это невозможно — я знаю, что невозможно,— пусть остается как есть и следует своим законам. Пусть люди трудятся, любят, страдают и надеются, что когда-нибудь, через двести лет, через триста... Пусть остается надежда.

Ты веришь в бессмертие?

Как медик — нет; как человек — сомневаюсь. Если же правда то, что обещают Будда, Кант и граф Толстой,— слияние с бесформенной студенистой массой,— такое бессмертие мне не нужно, я не понимаю его и боюсь.

Тогда... — сказал он, предлагая.

Нет-нет, ответил он испуганно. Только не это. Слишком страшно. Слишком не по-человечьи.

Человечество мечтало об этом веками.
Я — не человечество. Я не смогу.
Возьми. Возьми, пусть будет у тебя.

XVIII

Садху в грязно-белой рванине, жилистый человек с красными глазами (он снова принял катышек опиума), сидел в тени шипастого кораллового дерева, покачиваясь взад-вперед. Он не сводил глаз с высокого иностранца (не он один); видел, как тот рассеянно наблюдал марш Армии спасения, как покачнулся; как бурый монах подскочил к нему и, поддержав непривычного к цейлонской погоде человека, сунул ему в руку сандаловую коробочку.

Чехов выпрямился, потер виски, машинально положил коробочку во внутренний карман, огляделся.

Монах стоял неподвижно, склонив голову набок и улыбаясь.

Чехов что-то сказал ему — кажется, поблагодарил — и поплелся к озеру.

Монах подошел к нагахе, железному дереву, сел у корней и поставил перед собой миску для подаяний.

Садху неторопливо поднялся и, внезапно сорвавшись с места, подскочил к нему.

— Ты дал ему это? — спросил Кимбол О'Хара; о буром монахе он знал только по смутным россказням, но понимал, какой вопрос нужно задать. — Дал ему *это?* Зачем? Отчего именно ему?

Монах медленно поднял голову.

— Потому что он никогда этим не воспользуется.

XIX

Кажется, Гёте, указывая тростью на звездное небо, говорил: «Вот моя совесть!»

Моя совесть — далекие огни: на том ли берегу широкого озера, по обе ли стороны бегущего поезда. И это не просто детское удивление — «всюду жизнь!» — которое охватывает

людей, выдернутых из привычного уклада. Когда я смотрю на дальнее гипнотическое мерцание, то понимаю, как мало значит то, что происходит со мной, с Вами, со всеми по отдельности. Не спешите окрестить мое настроение «пессимизмом» или «хандрой»; для меня оно, быть может, вернейший знак того, что существует нечто большее, чем каждый из нас: так и кладбище, покойное (дурной каламбур) под лунным светом, — залог вечной жизни. Она есть, несомненно есть, но никому из нас не дано увидеть ее иначе нежели сквозь тусклое стекло.

А главное в дальних огнях и дальних людях — то, что они не ближние и думать о них можно лишь от случая к случаю.

XX

О'Хара встретил его на привокзальной площади (садху выпрыгнул из вагона раньше Чехова, рысью направился в уборную, и через десять минут оттуда вышел смуглый, несколько вальяжный европеец, хозяин страны).

— Рад видеть, — сказал О'Хара искренне, протягивая руку. — Как съездили?

Чехов пожал плечами.

— Красиво, что сказать. Для здоровья, правда, не очень — котловина, испарения. Меня, представьте, чуть солнечный удар не хватил.

— Да, в этом отношении Коломбо предпочтительнее, хотя в Канди прохладнее: ветер с гор.

Стараясь держаться в тени навесов и карнизов и только один раз выйдя на ослепительную брусчатку, они прошли в кофейню: кофе местных сортов здесь подают отменный, посулил О'Хара.

— А вы что же, все поезда встречаете? — спросил Чехов, размешивая деревянной ложечкой тростниковый сахар.

— Ну что вы, — засмеялся О'Хара и пригубил из фарфоровой чашки; на миг замер, оценивая вкус. — Я жду моего подчиненного, он сейчас занимается бытом китайских кварталов — правда, не столько с этнографической, сколько с юридической точки зрения... Мистер Стрикленд!

Высокий молодой полицейский в пробковом шлеме, крутивший чернявой головой на другой стороне площади, в ар-

каде старого голландского дома, обернулся и, встряхнувшись, как собака, выходящая из воды, побежал к начальству по самому солнцепеку. Его круглое лицо с робкими усиками было чем-то знакомо — но не более того.

С утра Чехов успел осмотреть знаменитые Сады Корицы (ничего особенного — белоснежный кварцевый песок, в который там и сям натыканы кусты), а потом весь день, пока не спала жара, сидел в гостиничном номере, записывая дорожные впечатления. С О'Харой условились на вечернюю прогулку: любой город, а чужой в особенности, можно узнать, лишь пройдя по нему *в сумерках* (О'Хара чуть подчеркнул голосом последние слова, и Чехов мысленно усмехнулся: уж конечно, этнолог не знал заглавия сборника его рассказов).

А Коломбо вечером и впрямь оказался чудесен, не похож на себя дневного: Чехов понял это еще третьего дня, а теперь уверился окончательно. Они с О'Харой переходили из кафе в паб и снова в кафе, где толстые белые свечи стояли под стеклянными колпаками, о которые билась мошкара, и завсегдатаи знали, на каком расстоянии сесть, чтобы лица не растворились в полумраке, а мошки, взметнувшись, не облепили руки и лицо (кофе с корицей был восхитителен); и снова в паб, для контраста — отнюдь не самый изысканный, где за квотер наливали стакан виски. О'Хара пил, не пьянея, и глаза его оставались пронзительно-ясны. Чехову смутно помнилась ночная беседа в номере «Галле фэйс», поэтому он только пригубливал, наблюдая зыбкое соединение затуманенного стеклом дробного пламени свечей, ровного света масляных фонарей и переливчатого мерцания древесных вершин, где устроились светляки, вздымаясь и вновь опадая. Черные деревья заслоняли зеленое небо, и крупно, размашисто рассыпáлись звезды.

— Скажите, мистер О'Хара, — спросил Чехов. Они сидели на балконе двухэтажного каменного дома; словно бабочкино крыло, дышала китайская циновка, которую, сидя за стеной, не доходящей до потолка, раскачивали невидимые слуги. — Как вы различаете... нет, я не говорю — сингалезов и тамилов или китайцев и афганцев, — здесь все

ясно. Но эти бесчисленные касты, мелкие народности, их обычаи — как вы запоминаете? Тренировка?

— И тренировка тоже. — О'Хара повертел в руке полупустой янтарный бокал. — Но главное в другом. Обычно мы смотрим на человека — и что видим? Особые приметы, говоря языком протоколов. Моя задача — увидеть не человека, а сумму... как бы сказать... всего, что сделало его тем, чем сделало. Происхождение, родина, каста, профессия — всё. Если угодно, считайте это доказательством, что цельного «я» вовсе не существует. Мне было легче прочих: я вырос на лахорском базаре, для меня все началось с игры: переодеться, скажем, в ученика факира — значит принять на время его платье и душу. А потом вернуться.

— Стало быть, существует такое «я», к которому вы возвращаетесь?

О'Хара негромко рассмеялся и осушил бокал.

— Вы слишком европеец. А как работает врач?

Теперь улыбнулся Чехов.

— Да, пожалуй, так же. Нужно знать каждую мелочь в устройстве организма и определять, из-за какой суммы неполадок возникает болезнь. Но перевоплощения не требуется.

— Другими словами, мне нужно отделиться от своего «я», а вам — от чужого.

— Именно: нет человека, есть пациент. Поэтому так трудно лечить своих. Интересно, как мыслят политики? Нет людей, даже стран — есть интересы и влияния?

— В подобном духе можно разобрать все профессии. Как думают писатели? А шпионы?

— Так же, как мы, — ответил Чехов и снова чуть улыбнулся. — Но каждое обобщение — условность. Среди врачей есть, к примеру, диагносты и практики.

— Среди этнологов тоже. — О'Хара встал, положил на стол купюру и жестом остановил Чехова, который полез за кошельком. — Я практик. Пойдемте.

У входа в ресторан было людно и шумно; О'Хара сделал шаг в сторону — и они оказались в ярко освещенном, но совершенно пустом переулке. Тени колыхались на матовой брусчатке.

— Какой ухоженный город, — сказал Чехов. — Но есть же тут и трущобы?

— Трущобы? — переспросил О'Хара.

— Бедные, опасные для чужаков районы. — Чехов с интересом следил за тем, как этнолог помещает новое слово в мысленную картотеку: едва ли не был слышен щелчок каталожного ящика.

— Есть, конечно. В одном из них вы даже были: Черный город, где базар. Хотите посмотреть ночью? Думаете, имеет смысл?

— Молодой человек, — с шутливой строгостью сказал Чехов, — я пешком обошел самый большой российский каторжный остров.

О'Хара подумал, кивнул, чуть приподнял правую руку, и из рукава с еле слышным шуршанием выскочил небольшой револьвер.

— Если вы готовы к прогулке, — сказал он, — то и я тоже.

Келани — река узкая и глубокая, но возле устья ее можно перейти не замочив ног — так плотно стоят у берегов барки, груженные рисом и чаем; дальше вглубь острова берега заболачиваются, и Келани становится крокодильим садком. Черный же город лежит на полдороге между этими крайностями: уже видна густая темная вода, но берега еще не заросли манграми — на реку выходят тылы складов, хибар, дешевых харчевен; и промежутки между фонарями все длиннее.

Только теперь Чехов понял смысл вопроса О'Хары: этнолог знал, что по вечерам здесь не увидишь ничего и никого: всё прячется, заползает в глиняные мазанки, а уж какая жизнь идет там, ведают лишь местные — и не говорят.

Чехов вышел на темные мостки, скрипящие под ногой; подошел к самому краю. О'Хара остался на берегу.

Впереди не было ничего, только беспросветная вода и сомнительный огонек; потух. Символ, навязчивый до банальности: такова и жизнь человеческая. Если бы моя закончилась здесь, у реки, — то что? что? Он прислушался к себе. Не было ни страха, ни смирения — только черное, как эта чужая, дальняя река, желание сделать еще один шаг.

Если он умрет здесь и сейчас, думал О'Хара, то что? что? Он умирает и так, сколько я видел чахоточных — ошибиться нельзя. Одна пуля в основание черепа — смерть бы-

страя, аккуратная и, говорят, безболезненная. А для него — еще и благодатная, взамен долгой муки, ему уготованной. И то, что он об этом не узнает, не меняет ничего.

А он думал: еще один шаг.

Еще один шаг.

Шорох позади: револьвер лег в ладонь.

Вот так: даже выбор остался не за мной. Спасибо и на этом: писательское самоубийство — такая пошлость. Он наклонил голову и ждал.

Волосы на затылке были пострижены аккуратным полукругом.

— Доктор, — сказал О'Хара.

Чехов обернулся.

О'Хара стоял, сунув руки в карманы, и улыбался.

— Ступайте вон туда... — Он мотнул головой. — Пройдете по улице, выйдете к перекрестку, где собираются рикши. Больше рупии не давайте, это с чаевыми. А у меня, уж простите, еще дела.

Он снова кивнул и исчез в темноте.

Теперь пошли мытарства. Козырьки крыш сходились навесом; улица делалась все более темной и все более вонючей. По правую руку, где-то под стеной, похлюпывала канава. Улица сузилась до переулка и запетляла; на каждом шагу упираешься в шершавую стену. Дверей не было, и не было перекрестков.

Впереди замаячил огонек. Последняя дуга привела к деревянной вывеске — стилизованному осьминогу, повешенному прямо под фонарем. Вероятно, закусочная с морским меню — но закрыта.

Рикши и вирямь сгрудились у осьминога, но из-за угла выступил желтый человек в желтой одежде, и они рассеялись.

— Недостойнейший Сун Ло Ли, — сказал китаец по-русски и почти без акцента, — нижайше просит высокорожденного господина посетить его убогое заведение. Нижайше и настоятельно просит.

Идти пришлось недалеко, но Чехов сразу потерял направление. Сун Ло Ли нес в поднятой руке потайной фо-

пар, и узкий луч проявлял в темноте то сухой фонтанчик в форме рыбьей головы, то крутое колесо водяной мельницы; и тусклый шепот реки был заглушен низким голосом оксана.

Китаец остановился, толкнул возникшую ниоткуда низкую дверь и молча поклонился гостю. Чехов вошел.

Убогое заведение, как он и подозревал, оказалось вовсе не убогим. Негромкое эхо говорило о том, что зал тянется далеко, стены высоки, а за ними плещется лагуна.

Сун Ло Ли поставил фонарь на один из столов — кажется, посреди зала, — зажег две свечи, отодвинул громоздкое, но легкое кресло, жестом предложил сесть и в поклоне ушел.

Чехов ждал. Сумятица, бессмыслица, обреченность последних месяцев — последних лет — заканчивались здесь, в темном краю, на другом конце земли. Люди, которых он не понимал, преследовали невнятные цели и распоряжались его судьбой. Какой-то смысл в этом был, но — как всегда и во всем — он ускользал, терялся, да и был ли? Диагноз поставлен: неоперабельно. «Теперь, так не после».

Сун Ло Ли появился вновь, поставил перед ним тарелку и кубок. Лапша, и очень вкусная; горькое зеленое вино на травах.

— Спасибо, — сказал Чехов. Он успел проголодаться.

Хозяин отошел в полутень и молча ждал, пока гость наестся, потом унес посуду и сел напротив.

— Есть древний обычай, — сказал он, — уверьтесь, что я его соблюдаю. Если кто-то поел у вас в доме, вы уже не сможете его убить.

— Мне помнится, — заметил Чехов, — что вы не сможете причинить ему вред.

— Мы читали разные книги, — отрезал Сун Ло Ли, улыбаясь обворожительно. — Повторяю: я блюду обычаи. Поэтому сейчас вы совершенно добровольно отдадите мне то, что вам дали в Канди, — и подтвердите свой дар устно, — а потом вас проводят в отель.

Что мне дали в Канди? — удивился Чехов. Удар не удар, а что-то неладное с ним произошло: несколько часов словно расплылись в памяти.

— Тогда позвольте один вопрос, — сказал он. — Зачем вам это?

Сун Ло Ли встал, и в позе смешного человечка появилось нечто торжественное.

— Не мне, — проговорил он ровно, — а Хозяевам моим.

Чехов откинулся на спинку кресла и промокнул губы салфеткой.

— Мне очень не нравится все это. Пожалуй, я не отдам вам ничего.

Китаец снова присел.

— Поверьте, — кротко сказал он, — я не из тех людей, которых называют... как это... гуманными. Но я очень изобретательный человек. Я не буду рассказывать вам о некоторых своих методах — опробованных и надежных методах. Я просто их применю. И вы, как я уже заметил, совершенно добровольно отдадите мне товар.

— Мы одни, — сказал Чехов. — Я выше вас и, наверное, сильнее. Сейчас я встану и уйду. Эта суета мне надоела.

— Куда уйдете? — спросил Сун Ло Ли невозмутимо. — До двери, не дальше.

— До гостиницы, — сказал О'Хара, выходя из темноты. Походка его стала пружинистой; в руке был револьвер. — Доктор, у входа вас ждет молодой Стрикленд, он дойдет с вами до «Гранд ориэнтл». А мы с уважаемым Сун Ло Ли поговорим о многих интересных вещах. У меня тоже есть свои надежные методы; кроме того, он в моем доме не ужинал.

— Но я мог бы... — начал было Чехов. О'Хара прервал его:

— Идите. Надеюсь, этот инцидент не испортит вашего впечатления о Цейлоне.

Чехов медленно поднялся.

— Мы еще поговорим?

— Непременно, — улыбнулся О'Хара.

Чехов ушел; слышно было, как он здоровается с Адамом; шаги стихли. О'Хара и Сун Ло Ли оставались неподвижны.

— А теперь, — сказал этнолог, — ты расскажешь мне все о своих хозяевах.

— С радостью, — ответил Сун Ло Ли. Он быстро глянул куда-то за спину О'Хары. Конечно, тот не купился на старый трюк и не обернулся; тут его сзади ударили по голове, и он потерял сознание.

XXI

Холодная вода, отдающая болотом, плеснула в лицо. По давней привычке он не открыл глаза, а чуть разомкнул веки. Гудели факелы, тени метались по стенам и низкому своду. Голова кружилась, пошевелиться было невозможно, и казалось, что падаешь: так бывает в лихорадке.

Каждый дюйм свода покрывала каменная резьба: водоросли, рыбы и спруты переплетались под неестественными углами, множились и соединялись, заставляя всякого, кто глядел на них, проникаться глубоким, инстинктивным омерзением к тому, что древнее человека и ему изначально враждебно.

Сун Ло Ли, этот гнусный представитель желтой расы, успел сменить свое нелепое облачение на зловещую черную мантию, пронизанную алым блеском, и теперь, склонив голову набок, смотрел на Кимбола О'Хару, который лежал, связанный по рукам и ногам, на низком продолговатом камне.

— Не притворяйся! — сказал Сун Ло Ли низким голосом, заполонившим пещеру, и отзвуки, усиливаясь, загрохотали. — Прежде чем ты умрешь, тебе придется ответить на мои вопросы!

О'Хара смотрел на зловещего китайца, не отводя взгляда. Он лучше многих представлял, что может уготовить ему злокозненность изощренного восточного разума.

— Зачем ты хотел убить его?! — спросил Сун Ло Ли.

О'Хара молчал.

— Впрочем, я догадываюсь! Ты знал, что *это* может быть передано из рук в руки только по доброй воле, иначе утратит силу! А значит, смерть доктора сделает *это* бесполезным и мои планы расстроятся!

— Да, — сказал О'Хара.

— Но ты проиграл! — воскликнул китаец, воздевая кривые руки к закопченному потолку. — Ты умрешь здесь, во славу моих Хозяев, и лишь один человек узнает об этом! Когда русский увидит твой изуродованный труп, он станет куда сговорчивей — а я клянусь Бездной, что не выпущу его с острова, покуда *это* при нем!

— А теперь ты ответь мне, — молвил О'Хара, спокойный, как никогда, сохраняя присущее белому человеку мужество перед лицом неминуемой гибели. — Кто такие те хозяева, о которых ты говоришь? Для кого ты хочешь добыть *это?*

— О! — воскликнул китаец, и лицо его, мнимо-невозмутимое, исказила гримаса извращенного довольства. — Ты спрашиваешь о великой тайне! Но поскольку ты все равно обречен на долгую, мучительную смерть, узнай же, во имя кого примешь ее! Хозяева мои — Боги, спящие на первобытном дне океана, не живые и не мертвые; Они ждут пробуждения, когда восстанут из вод древние земли, а нынешние континенты сгинут! *Это* вернет Им силу, вернет Им власть, вечную власть над миром, и велика будет награда преданного слуги, который споспешествовал великому возрождению! Теперь же... — Сун Ло Ли склонился к беззащитному герою и зашептал, так что громовое эхо сменилось ужасающими шорохами: — Узнай, какой смертью ты умрешь на этом древнем алтаре, который десять лет назад обрела Елена Блаватская! Знала бы она! Знала бы она!..

Злобный, ликующий хохот наполнил склеп, и где-то в дальнем конце подземелья, невидимом для связанного О'Хары, словно бы в ответ раздались глухие звуки, порожденные явно не человеческим горлом.

Несколько успокоившись, Сун Ло Ли достал из складок мантии благовония и огниво, разложил их на каменном выступе, также украшенном резьбою — словами древнего, давно забытого языка затонувших стран, — и зажег курения. Затем нечестивый жрец проклятых богов обернулся к пленнику и провозгласил:

— Тебя заклюют киви!

— Кто? — переспросил О'Хара.

— *Нелетающие птицы Новой Зеландии!* — взвизгнул жрец, и ответом ему стал ужасающий свист из дальнего угла склепа.

О'Хара был впечатлен.

— Бред какой-то, — сказал он. — Вы бы еще пингвинов сюда притащили.

Рот Сун Ло Ли скривился в жутком подобии улыбки.

— Спасибо за совет, мой обреченный друг! Я завтра же выпишу партию этих гордых птиц, любимцев моих

Хозяев, прямо от подножия Эребуса! Их сильные лапы затопчут, а мощные клювы разорвут всякого, кто осмелится встать у меня на пути — если успеет, ибо вскоре мир переменится! Теперь же, когда ты знаешь все и не можешь *поделать ничего, — молись своему бессильному* богу, ибо сейчас ты убедишься, что клюв киви с размаху пробивает двухдюймовую доску, не говоря уж о бренной плоти!

Отвернувшись от жертвы, мерзкий жрец выкрикнул что-то на языке, непонятном даже Кимболу О'Харе. Отворилась незаметная прежде дверь, и глазам пленника предстала высокая, очень темнокожая девушка неимоверной красоты, облаченная в тонкое бирюзовое сари. Волосы ее, цвета воронова крыла, были уложены в высокую прическу; на лице ее, когда она склонилась перед гнусным китайцем, своим господином, читался бесконечный испуг. Жрец отдал краткий приказ, и незнакомка медленно двинулась к сокрытым в полумраке клеткам.

Прогрохотали засовы, и девушка, испуганная еще более, отскочила в сторону. Поспешно, однако не теряя некоторого достоинства, китаец последовал ее примеру и затянул на гортанном прадревнем языке литанию смерти.

Мягкое цоканье наточенных когтей по холодному камню вселило бы ужас и в самую отважную душу — но Кимбол О'Хара не позволил себе отвлечься на бессмысленное волнение. Он играл мышцами, надеясь хоть сколько-нибудь ослабить гнусные веревки, опутавшие его тело, — увы! тщетно.

Первая из ужасных, противных естеству птиц вошла в круг света, и обреченный узник невольно содрогнулся. Грушевидное тело с редуцированными крыльями, поросшее словно бы не перьями, но свалявшейся бурой шерстью; чудна́я походка, которая в иных обстоятельствах могла бы показаться забавной; странный запах болот иного полушария; пронзительный, невыносимый для слуха свист — все вместе сделало птицу исчадием душераздирающего кошмара. За нею маячило трое собратий. Киви была уже в шаге от алтаря; она зловеще присвистнула и, повернув голову, ударила клювом в стену — полетела каменная крошка.

О'Хара готов был зажмуриться, не желая видеть, как первый удар безжалостного клюва пронзит его, и мысленно поклялся принять смерть безмолвно, — но тут в воздухе сверкнула золотая полоса, и страшная птица рухнула с тонким писком, обливаясь кровью.

Волосы темнокожей девушки упали ей на плечи роскошным водопадом: она распустила гордую прическу, выдернув из нее три золотые заколки, ставшие смертоносным оружием. Мелькнула вторая, третья — и еще две птицы обагрили пол, истертый тысячами ступней.

Три киви пали, но четвертая приближалась, и жрец, на несколько драгоценных мгновений замерший потрясенно, оставался столь же опасен. Издав невнятный вопль ярости, китаец ринулся к бестрепетной девушке, но столь же оглушительный, сколь неожиданный звук револьверного выстрела — о, славное достижение высокой цивилизации! — остановил его. Первая пуля опрокинула дьявольскую птицу, чьи пуговичные глазки уже высматривали точку рокового удара; вторая поразила китайца, тот взмахнул руками — полы его мантии взметнулись подобно крыльям нетопыря — и повалился ничком.

— Мистер О'Хара! Мистер О'Хара! Вы живы?!

То был голос Адама Стрикленда.

Отважный юноша и храбрая девушка одновременно подбежали к связанному.

— Я нарушил ваш приказ, сэр! — воскликнул молодой Стрикленд, перерезая веревки. — Не вы один вызвали подкрепление. Я передал Чехова на руки Уиггинсу и последовал за вами, сэр!

— Вы все правильно сделали, Адам, — сказал О'Хара, приподымаясь и растирая запястья. — Спасибо. Как всегда — спасибо.

Девушка, видимо робея, на шаг подступила к нашим храбрецам. Ее прекрасно очерченные губы чуть приоткрылись, но она не успела сказать ничего. Раздался тонкий свист, из уголка ее рта потекла струйка крови, и она упала на колени: в спину ее вонзился китайский кинжал с золоченной рукоятью — последний дар умирающего Сун Ло Ли.

О'Хара осторожно взял ее на руки.

— Скажите ему,— прошептала девушка,— скажите, что я...

И это было все.

О'Хара медленно опустил ее на пол и огляделся. Узкая пещера, чадящие факелы; камень, на котором валяются обрезки веревок; пустая клетка; четыре мохнатых комка на полу. Мертвый мужчина, чья правая рука чуть вытянута вперед; мертвая женщина.

— Пойдемте, Адам,— сказал О'Хара без выражения.— Мы и так чуть не остались на хребтах чужого безумия.

XXII

— Мистер О'Хара, вы живете в большой, пестрой стране — вам, уж простите, трудно вообразить, до чего однообразен мир. Везде — бесплодные хотения, напрасный труд, везде — богатство и нищета, беспросветность обыденной жизни, бóльшая или меньшая глупость властей.

Чехов понурясь сидел на гостиничной кровати, свесив руки между колен; О'Хара - напротив него, в плетеном кресле. За окном было тускло; в десятых числах ноября на южном Цейлоне меняются ветра, и Коломбо становится похож на осеннюю Ялту: сизое море под серым небом и устало покосившиеся деревья. Стояла тишина, какая бывает перед дождем: вот-вот и зашуршит, но пока нет ни ропота, ни ветра — одно терпеливое ожидание, а к набегающим волнам уже привык и не слышишь. В углу номера, возле письменного стола, что-то попискивало в квадратной клетке, накрытой цветастым платком. До отбытия «Петербурга» оставалось еще больше часа.

— Я приехал на Цейлон, «место, где был рай»,— продолжал Чехов взволнованно,— и что нашел? Все то же, но еще игру разведок — не отрицайте и не подтверждайте, я давно уже все понял,— да нарушил покой мирных опиумных контрабандистов. Ведь этот китаец отчего-то решил, что мне всучили в Канди какое-то зелье?

— Да, вроде того,— кивнул О'Хара.

— Какая скучная история, — сказал Чехов. — Какой однообразный, неизменный, бесконечно скучный мир.

— А вы бы хотели иначе? — спросил О'Хара.

— Нет-нет, — быстро ответил Чехов. — Нет, ни за что. Ведь это и вправду лучший из миров. Вернее, единственно возможный.

— Один добросовестный журналист, — перебил О'Хара, — сообщает, что на русских Командорах даже морские котики стонут: *«Scoochno! Ochen scoochno!»*

— Не шутите, — попросил Чехов. — Поймите, ведь люди не ездят на Северный полюс, не залазят на айсберги — они едят, пьют, а жизнь в это время проходит за стеной; они влюбляются, женятся и бывают несчастны. Вот и все. Остальное — проблески... исключения, за которые приходится платить, и платить дорого.

О'Хара не ответил ничего.

— Помните, за мной еще один вопрос — ну, третий? — сказал Чехов, выпрямляясь.

— Что? А, да, пожалуйста.

— У меня их два, — улыбнулся Чехов. — Первый. Это вы подослали ту девицу?

— Нет, не подсылал. — О'Хара заложил ногу за ногу. — А еще?

— Почему вы меня не убили — там, у реки? — На миг запнувшись, Чехов заговорил быстро: — Я не спрашиваю, почему вы хотели это сделать, — я же вижу, вы человек, который без причины на такое не пойдет; почему не выстрелили? Хотели поймать китайца на живца?

— Это была вторая мысль, — кивнул О'Хара. — А первая... Не знаю, поймете ли вы, но выстрелить там и тогда было бы... как это по-русски?.. ну, скажем, неспортивно.

— Кажется, я понял, — сказал Чехов. — Кажется, понял.

— Что ж, — сказал О'Хара, — прощайте. Я рад знакомству и хотел бы только, чтобы оно состоялось в менее... профессиональных обстоятельствах.

— Я тоже рад встрече, — сказал Чехов, протягивая руку. — При любых обстоятельствах, мистер О'Хара.

— Ким, — сказал О'Хара. — Просто Ким.

Неловкое молчание заглушил пароходный гудок.

— Вы напишете об этом? — спросил Ким.

— Уже написал. — Чехов кивком указал на стол, где лежала небольшая стопка желтоватой бумаги. — Вчерне, конечно, зато обо всем — не беспокойтесь, без лишних подробностей. Коломбо, железная дорога, Канди, забавный монах... Кстати, спасибо за книги, они мне очень помогли.

Ким повел рукой: не стоит упоминания.

— А вот напоследок, — сказал Чехов, — хочу показать вам мое главное цейлонское приобретение. Смотрите, — он встал и сдернул накидку с клетки, — какие очаровательные мангусы, самец и самочка. Я их купил на базаре — помните, торговец стоял на том самом углу, где мы встретили вашего преступного китайца. Прелестные зверьки, только все время норовят выскочить.

— Вас обманули, — сказал Ким, приглядываясь. — Один, точно, самец мангуса, а вторая — цивета, ее приручить нельзя.

— Как? — поразился Чехов. — Которая?

— Осторожно! — крикнул Ким, но было поздно. Дверца отворилась, и мангус прыгнул на письменный стол.

XXIII

— ...А дальше было совсем несложно. Русским резидентом оказался ночной портье «Галле фэйс». Сун Ло Ли знал об этом и шантажировал его: китаец велел любыми средствами направить Чехова в Канди, что, собственно говоря, совпадало с намерениями резидента. Кажется, оба полагали, что смогут в последнюю минуту обмануть друг друга и заполучить товар для своих хозяев. Мысль составить записку из газетных вырезок подсказала повесть мистера Дойла, которую портье как раз прочитал, а подбросить листок он поручил своему агенту, коридорному отеля «Гранд ориэнтл». Вот и все, дело закрыто. Поздравляю с повышением.

Лейтенант Адам Стрикленд с легким смущением поклонился и спросил:

— А как же секта рыбопоклонников?

— После смерти Сун Ло Ли она не опасна. Ни один из тех, кого мы выловили, не имеет представления ни о том, где искать монаха из Канди, ни как говорить с «хозяевами». Лавочники, пожелавшие власти...

Адам вздохнул. Тут, в чистоте выбеленного полицейского участка...

— Знаете, мистер О'Хара, здесь... вот газовый рожок, вот телеграфический аппарат, пишущая машинка... эта секта, этот жуткий склеп кажутся такими нелепыми... просто невозможными. Нет, я знаю, что тайные общества, всякие там древние культы — не выдумка, я читал «Признания душителя»... да, Господи, я же был там!.. но все равно, какое-то оно...

— Просто чужое, — вздохнул О'Хара, закуривая дешевую сигару (так и не смог от них отвыкнуть за все эти годы).— Мы оказались в мире, который основан на том, что для нас — вульгарная несообразность. Это бывает. А представьте, каково было доктору Чехову попасть в наш мир. Ведь он совершенно уверен, что жизнь в основах своих одинакова всегда и везде. — О'Хара затянулся, поморщился и в раздражении затушил сигару.— В его мире не происходит ничего, ничто не может измениться, разве только умереть, а человек беспомощен и даже не помышляет о том, чтобы... Вообразите, Адам, что вы живете в йоркширской глубинке и хотите на некоторое время перебраться в Лондон. Ваши действия?

— По телеграфу сниму квартиру и куплю билет.

— А в его мире этого не будет никогда! Человек может всю жизнь твердить о Лондоне, но никогда туда не попадет... да и Лондона никакого нет, только выцветшая ферротипия «Привет со Всемирной выставки». Все прочее — такой же дикий вымысел, как для вас, Адам, теории нашего покойного друга Сун Ло Ли.

Адам неуверенно хмыкнул:

— Тогда Россия нам не опасна.

О'Хара вскочил.

— Стрикленд, научитесь наконец заглядывать за очевидное! Он из тех, кто умеет рисовать Колесо и невольно меняет его ход. Если Чехов проживет еще лет двадцать-тридцать — а он болен, Адам, тяжело болен, — он сделает явь такой, какой ее видит. Возникнет мир без войн, без

революций, ползущий путем какого-то не очень внятного прогресса. И нам не будет места в этом мире, Адам. Мы перейдем в детские книги, и мальчишки будут убегать от провинциальной скуки в далекие страны — и уж конечно, их будут ловить на ближайшей станции.

О'Хара отвернулся и подошел к окну. Тусклое солнце уползало за пелену, торчали во все стороны вялые пальмы, усталые рикши сидели на обочине.

Адам молча перебирал документы на столе, а потом сказал:

— *Или все будет наоборот. От безысходной тоски*, от того, что нет никакой надежды на перемены, случится такая революция, что империя, стоявшая триста лет, не выдержит и трехсот дней. А за ней посыплются и все остальные, как сухие иголки, одна за другой. Кто еще на большой костер?

О'Хара подошел к Адаму, но тот не решился повернуть голову и встретить его взгляд. Приказы, отчеты, дырокол, точилка, набор перьев, чернильница...

— И в таком мире,— грустно сказал О'Хара,— найдется место нам — умелый и надежный разведчик всегда в цене,— но не будет места для него. Как нам повезло, Адам! Как повезло, что мы живем в те недолгие годы, когда возможны вы, я, Сун Ло Ли, Чехов... Такого больше не будет. Я не знаю, кто и когда скажет: «Се, творю новое»,— но прежнее пройдет.

— А вы... исполнили ее последнюю просьбу? — спросил Адам, чуть помолчав.

О'Хара кивнул:

— Да. Я ему ничего не сказал.

XXIV

Когда, перелистывая чужой альбом, вдруг натыкаешься на карточку своей давней любовницы, ощущаешь мгновенный укол — не только ревности, но и понимания: как изменилась она, как изменился ты сам (или ни один из вас — ведь на самом деле мы не меняемся); горькое слово «не сбылось»; трусливый вздох «ну и ладно».

Примерно то же я чувствую, разбирая на Рождество скопившиеся за год письма — мешанину планов, надежд и опасений, лучше любого теолога доказывающую, что Бог располагает, — и старые безделушки, следы полузабытых поездок.

Сейчас передо мной лежат вещицы, привезенные с Цейлона — Боже мой, уже тринадцать лет назад. Резные статуэтки Будды и Шивы, два слона из кости, два — из черного дерева, жемчужина средних размеров, обрывки очерка «Остров Цейлон», коробочка сандалового дерева с большой зеленой пилюлей, пробитый железнодорожный билет, три брошюры. Прибавьте еще рассказ «Гусев», дописанный в Москве, но зачатый в Коломбо. Неужели это все, что осталось?

А между тем мне все настойчивей кажется, что на Цейлоне я пропустил что-то очень важное — не узнал, проворонил, и протекло между пальцев: упустил так же, как свое здоровье; как упустил и Вас.

Но нет, уже не вспомнить.

В последнее время я все чаще думаю о новой пьесе — если только успею (и сумею) ее написать. События начнутся в провинциальном городке, каком-нибудь Энске. Обычная суета, безнадежная любовь, выстрел за сценой — и последнее действие происходит на шхуне, запертой во льдах неподалеку от Северного полюса. Герой наблюдает полярное сияние и видит, как по небу проносится призрак его любимой. Вся штука в том, чтобы сделать переход по возможности естественным. В «Черном монахе», кажется, это мне удалось. Вы скажете: «Декадентство!» — все так скажут, — но не могу передать, до чего этот замысел важен для меня. Не смейтесь, но мне чудится, будто он может что-то изменить, в моей ли судьбе, в чужой ли — не знаю... «О чем» эта пьеса, каково будет ее «внутреннее содержание» — тоже сказать не могу. О том, как заурядный человек, какой-нибудь земский деятель, выходит за пределы привычной жизни; о невидимой цепи, которой сковано все... Бог весть. В работе замысел изменится до неузнаваемости. Я себя знаю.

Но если бы так же знать и других! Не угадывать на ощупь, тычась в потемки, — но знать твердо, положительно: знать не чужие мысли (это закрыто и свято), но хотя бы причины поступков; знать, почему человек делает то-то и то-то, а не подставлять на место его души свою — заведомо иную; не

«выдумывать психологию», но познавать, как и сам ты познан; быть уверенным в том, что понимаешь другого, а не блуждаешь по тобой же выстроенному лабиринту! Одно непредвиденное событие, и рушится вся постройка, и ты снова в мире, законов которого не знаешь, и на тебя смотрят из-за деревьев чьи-то непроницаемые лица.

Если бы знать, если бы знать...

Ну, это уж из другой оперы.

P. S. Вы интересуетесь участью моих мангусов, что делает честь Вашей доброте.

Пальмовая кошка оказалась неисправима: шипела на всех, ночами пробиралась в спальни и кусала за ноги гостей. В конце концов, не упомню, ее то ли подарили зверинцу, то ли зашиб полотер, которого она цапнула за палец.

Мангус же оказался милейшим зверем, очень веселым и шустрым, помесью крысы с крокодилом, тигром и обезьяной. Он обожал прыгать по столам и бить посуду — еще в Коломбо выскочил из клетки и разодрал на клочки рукопись моего очерка о Цейлоне. Несчастное человечество навсегда лишилось подробного отчета о моих тропических похождениях, за что мангус и был прозван Сволочью.

В России он тоже проявил характер: выворачивал цветы из горшков, теребил за бороду отца, в комнатах не оставалось ни одного узелка и свертка, которого бы он не развернул. Я находил его в ящиках стола и в чемоданах, а еще Сволочь то и дело пытался сбежать — каждый раз строго на юго-восток: удивительное чувство родины. Когда он укусил мамашу за нос, чаша переполнилась, и его отдали в московский зоосад.

Моя сестра навещала его, но, когда справилась о Сволочной судьбе года три спустя, смотрители только развели руками: сбежал. Вполне возможно (знаю я тамошние нравы), что бедняга околел с голоду, а если и сбежал, то сгинул нехорошей смертью... но отчего-то мне кажется, что он преодолел всё и за последним перевалом выскочил из плетеной корзины, навьюченной на спину седого яка, спрыгнул на дорогу, отряхнулся, распушил хвост, фыркнул, задрал мордочку и, поймав ветер, побежал вниз, к зеленым долинам и дымчатым холмам.

Сволочь, где ты?

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Повесть следует подлинным фактам — от смерти бессрочноотпускного рядового на пароходе «Петербург» до замысла последней чеховской пьесы; я позволил себе лишь опустить наиболее неправдоподобные сведения о пребывании Чехова на Цейлоне. Имеется, однако, и несколько мелких вольностей: стоянка «Петербурга» в Коломбо длилась три дня, а не шесть; «Собака Баскервилей» была опубликована почти двенадцатью годами позже.

Киев — Дьёр — Инсбрук — Милан —
Рим — Сан-Марино — Койчах —
Шиофок — Ужгород — Киев.
Июль—сентябрь 2008

ТИМОФЕЙ АЛЁШКИН

Четыре друга народа

Повесть-продолжение романа для детей Юрия Олеши «Три толстяка»

Часть первая
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ БЮРО ТИБУЛ

Глава I. Тибул произносит речь

Время волшебников вернулось. Может, оно никогда и не проходило. Просто во времена старых злых королей и королев, а потом и Трех Толстяков волшебники не хотели помогать богачам угнетать народ и прятались. Зато теперь, когда народ сверг власть толстяков и богачей и во главе Республики встали друзья народа, волшебники появились вновь, чтобы тоже помогать народу — и не какие-то там шарлатаны и фокусники, а самые настоящие колдуны! И волшебство у них было не обман и пыль в глаза, которые видно только на представлении, а самое всамделишное, такое, которое помогает народу. Вон высоко над крышами повис серой грушей арнельфьер, а в его корзине наблюдатели Секции Роз следили за порядком в городе через телескопы — им с высоты все было отлично видно. Рядом, на углу улицы, торчал блестящий медный столбик, только нажми рычажок — и выпадет пилюлька, которая даже самому мрачному гражданину поможет улыбнуться. А вот проехала мимо — одна, без лошадей, только пар из трубы над крышей столбом! — знаменитая черная карета самого гражданина Гаспара Арнери.

Так размышлял мальчишка. Его звали Фабио. Это был обычный уличный мальчишка, каких можно встретить на каждой улице Столицы — худой, веселый, рыжий, в заплатанной куртке, в штанах с дырявыми коленками и башмаках на деревянной подошве. Зеленый колпак на его голове пересекала красная лента — знак того, что обладатель колпака был записан в милицию одной из городских секций.

Фабио шел вместе с другими гражданами по улице к площади Свободы. Чем ближе он подходил к площади, тем больше людей выходило на улицу и присоединялось к общему движению. Фабио повертел головой и заволновался. «Этак я, пожалуй, окажусь в задних рядах и не увижу ничего», — подумал он и побежал, насколько, конечно, можно было бежать мальчишке среди такого количества взрослых.

Сегодня с самого утра в Столице все только и говорили о том, что на Площади Свободы произнесет речь сам первый друг народа, председатель Бюро Народного Собрания Тибул, которого народ прозвал Неподкупным. Конечно, каждый хотел сам услышать речь Неподкупного!

— Говорят, даже казнь врагов народа сегодня отменили, чтобы никто не пошел к Табакерке на площадь Справедливости и не пропустил речь, — говорил седой ремесленник в серой суконной куртке с зелеными обшлагами торговке.

— А я слышала, это из-за палачей, они попросили выходной, тоже не хотят пропустить речь Тибула, — отвечала та.

Фабио проскользнул между ними и оказался на краю площади Свободы. При старом режиме она называлась площадью Звезды, из-за огромного фонаря под накрывавшим все ее огромное пространство стеклянным куполом.

— Друзья народа, тоже мне, — ворчал себе под нос какой-то субъект в низко надвинутой на лоб шляпе, — а при господах регентах звезда-то поярче светила.

— А ты, гражданин, нахлобучь шляпу на подбородок — тогда тебе Республика совсем свет выключит, — крикнул ему Фабио. Гражданин удивленно фыркнул, как осаженная наездником лошадь, и стал озираться по сторонам. Но он не мог увидеть мальчишку, потому что тот, продолжая кричать, каждый раз прятался за стоящими вокруг людьми.

— При Толстяках-то, небось, парик носил, вот тебе и было светло да сытно! Да ты, папаша, сам толстяк! Обжора! Граждане, глядите, под курткой-то у него пузо!

Тут разоблачаемый гражданин особенно резко повернулся, так что его широкая куртка и правда заколыхалась самым подозрительным образом.

— Ах ты, маленький негодяй! — завопил наконец обладатель шляпы, углядев Фабио, и с топотом бросился за ним.

Тут мальчишка решил, что наступило время оставить поле боя, опустился на четвереньки и нырнул в густой лес ног. Он увернулся от нескольких рук, пытавшихся схватить его, и через минуту оказался уже далеко от места сражения с толстяком.

Читатель, наверное, удивлен тому, что другие честные граждане Республики не только не вступились за Фабио, но даже, кажется, остались на стороне толстяка, недовольного народной властью. Нужно признать, что не все было хорошо у победивших друзей народа, но об этом мы обещаем рассказать в свое время.

Фабио проворно полз, пока не уткнулся головой в бетонный столб. Мальчик на это и рассчитывал. Он вскочил, быстрым движением отряхнул колени, впрочем, без большого успеха, и начал карабкаться вверх по столбу. Скоро Фабио поднялся выше человеческого роста и оказался точно над волнующимся разноцветным морем из колпаков, шляп и женских чепцов. Море вскрикивало, переговаривалось, хихикало — в общем, шумело, как и полагается морю. Над волнами, как мачты затонувших кораблей, тут и там поднимались такие же столбы, как тот, по которому лез наш герой.

Мальчишка добрался до большого железного раструба, торчавшего прямо из столба. Это было еще одно чудесное изобретение доктора Гаспара Арнери и его друзей-ученых, которых Фабио, как помнит читатель, считал волшебниками. По-ученому эти устройства назывались «фортаторы», простые люди звали их грибами доктора Гаспара. Когда на Площади Свободы с трибуны на южном краю произносили речь, зачитывали законы или указы Бюро или просто делали объявления для народа, фортаторы разносили слова по всей площади, да так хорошо, что в любом месте они раздавались так же ясно, как будто говоривший их стоял рядом со слушателем. А еще это были почетные места для всех городских мальчишек, которые, конечно, не могли пропустить ни одного важного объявления, не говоря уж о речи самого Тибула.

Фабио оседлал фортатор, поприветствовал приятелей из Секции Роз, уже занимавших места выше него, и посмотрел на трибуну. Трибуна была пуста. Оркестр только начинал

играть Марш Победы Народа. Фабио заключил, что ждать еще несколько минут. Он не увидел вблизи столба ничего, или, точнее, никого, заслуживающего внимания. Тогда он стал вертеть головой. Вдруг прямо позади него мелькнул цветной треугольник. Фабио перевернулся на своем железном сиденье и оказался лицом к лицу с рыжим клоуном. Клоун жонглировал обручами, а изо рта у него выходила извивами вереница букв. Буквы складывались в слова. Слова призывали поспешить. Они объявляли, что балаганчик дядюшки Бризака дает сегодня вечером последнее представление для граждан Столицы на Четырнадцатом рынке. Балаганчик дядюшки Бризака был лучшим цирком во всей Республике, а может, и во всем мире. До революции в нем выступали сам Тибул и еще Суок. И вот он отчего-то покидал Столицу. Фабио подпрыгнул от огорчения и поклялся себе, что обязательно побывает на представлении.

Оркестр взял высокую ноту и затих. Фабио немедленно развернулся к трибуне. На трибуне стоял Тибул.

Мы должны предупредить читателя, что это был вовсе не тот ловкий акробат с копной густых черных волос, любимец цирковой публики в зеленом плаще и трико из черных и желтых треугольников, с которым читатель, конечно, знаком по замечательной книге про Трех Толстяков. Шесть лет прошло с тех пор, шесть лет тяжелой борьбы за дело революции, за укрепление власти народа и против его тайных и явных врагов — толстяков, богачей, иностранных королей, генералов и шпионов. Конечно, Тибул, первый из друзей народа, не щадил себя в этой борьбе. И она изменила его.

Этот новый Тибул, Тибул Неподкупный, Тибул — председатель всемогущего Бюро, был бледным высоким человеком в строгом синем сюртуке и черных брюках. Он гладко зачесывал назад свои длинные черные волосы и собирал их за спиной в аккуратную косичку синей лентой. Складки перечеркнули его лоб. От его голоса, резкого, как удар сабли, враги народа цепенели. Он носил круглые очки.

Фабио увидел, как маленькая синяя фигурка на трибуне сделала движение руками. «Снял очки! Тибул снял очки!» — прошелестело по толпе. Это был важный знак. В прошлый раз Тибул снимал очки перед речью год назад, когда объяв-

лял о решении Бюро ввести максимум цен. Толпа затаила дыхание. В этот момент Тибул начал речь.

— Граждане!

Скоро будет День Победы Народа, скоро начнется Седьмой год Республики! Прошло уже почти шесть лет с тех пор, как народ сверг старый режим. С тех пор народ совершил много славных дел. Народ учредил Республику и живет свободно. Народ отобрал у богачей поля и заводы, корабли и шахты. Народ призвал к свободе соседние народы. Народ уничтожил угнетение и установил равенство.

Народ — это мы с вами, граждане, всё это сделали мы!

Нам пытались помешать. У нас оказалось много врагов, больше, чем мы думали в начале пути. Но мы вступали с ними в борьбу и каждый раз побеждали. Мы разоблачили все заговоры толстяков против Республики. Мы подавили мятежи богачей и обманутых на севере, на юге и на островах. Мы заставили обжор поделиться, когда установили максимум цен. Мы вынудили лентяев работать, когда ввели трудовой налог. Толстяки позвали себе на помощь иностранных королей и богачей. Но мы создали Народную Армию, дали ей новое оружие и остановили их генералов на наших границах. Два года назад враги с трех сторон подступили к Столице, но вы, храбрые жители города, всюду обратили их в бегство!

Мы, народ Республики, столько сражались и вытерпели столько трудностей, что заслужили мир, счастье и хорошую жизнь!

Но вы скажете мне, что хорошая жизнь все не приходит. Вы скажете, что и год, и два года назад друзья народа говорили с этой трибуны то же самое и обещали, что скоро все будут сыты и богаты, но мы до сих пор живем бедно, страдаем от блокады и несем потери от войны и мятежей.

Да, граждане, это так. Но виноваты в этом не друзья народа. Вы сами видите, что настоящие друзья народа не отдыхают, что они каждый свой день, каждый час отдают борьбе за всеобщую свободу и счастье. И сам народ не виноват. Народ напрягает все силы, народ переносит лишения, но не сдается и продолжает борьбу.

Так кто же виноват? Я пришел сегодня сказать вам об этом. Я, председатель Бюро Народного Собрания Тибул,

говорю: виноваты враги народа. Я говорю сегодня не о толстяках и богачах, хотя их еще предстоит добить. Я говорю не об иностранных королях и армиях интервентов, хотя они еще угрожают нам.

Слушайте, граждане, я, Тибул, знаю людей, более опасных для Республики! Они здесь, среди нас! Они могут стоять на этой площади, рядом с вами! Я говорю вам: это из-за них наши дела до сих пор плохи. Я говорю вам: это они виноваты, что хорошая жизнь не может начаться. И я знаю их имена! Граждане, завтра я назову вам эти имена! И тогда вы будете судить их за все, что они сделали.

На Площадь Свободы рухнула тишина. Толпа молчала, пораженная. Не было криков «Ура!», «Да здравствует Республика!», какие обычно раздавались после речей, не было разговоров, не было даже шепота.

Фортаторы выстрелили в тишину стуком сапог Тибула по ступенькам трибуны — громко, потом тише, еще тише... Стук умер.

— Батальон, кругом! За мной! — раздался вдруг громовой голос неподалеку от Фабио. Он обернулся — и увидел самого Просперо! Железный Маршал Республики, оказывается, приехал в Столицу с Северного фронта, где он командовал обороной. Он слушал речь Тибула вместе со всеми на площади. Он был верхом на огромной оранжевой лошади. Просперо проскакал вокруг строя своих солдат и выехал на проспект Труда. Солдаты развернулись кругом и потопали за рыжим хвостом маршальской лошади по проспекту.

Голос Просперо как будто снял с людей заклятие. Под ногами Фабио все вдруг заговорило и задвигалось. Он поспешил слезть со столба, чтобы выбраться из толпы побыстрее.

«Ух ты! Новые страшные враги! Они прячутся здесь, в Столице! Но Тибул их разоблачит! Завтра надо прийти на площадь с первыми лучами солнца, а то потом весь город соберется», — решил Фабио. Он далеко опередил расходящийся с площади народ и медленно брел по набережной.

— Эй, гражданин! — раздался у него над ухом странно знакомый голос.

Фабио показалось, что его мысли о врагах, республике и Неподкупном как будто выбрались из его головы и сгустились в черную стену, закрывшую солнце. Фабио сказал «Ой!»

и обернулся. Рядом с Фабио оказалась карета, похожая на большой кованый сундук. Дверь кареты была открыта. Из кареты его звал человек в синем сюртуке. Это был Тибул.

Глава II. В черной карете

— Гражданин, хочешь прокатиться? — спросил Тибул.

— Конечно хочу, гражданин Председатель Бюро Тибул! — выпалил Фабио. Он даже не успел удивиться. Ему еще казалось, что он видит сон наяву.

— Так залезай! — велел Тибул и открыл дверцу пошире.

Фабио запрыгнул в карету и мигом взобрался на мягкое кожаное сиденье рядом с Тибулом. Он поднял голову и увидел на другом сиденье прямо перед собой строгого старика с орлиным носом. Старик был одет в черную мантию и черную шляпу с красно-синей лентой вокруг тульи. «Ой, мамочки!» — чуть не вскрикнул Фабио, но удержался.

Он хоть и не был еще совершеннолетним гражданином с правом избирать, но все-таки уже был записан тринадцатым номером пятого орудия батареи Секции Гавани, участвовал в двух сражениях, разоблачил одного толстяка и двух лентяев и получил личную благодарность от Председателя Совета Секции гражданина Арно. По этой причине звать маму вслух для Фабио было, конечно, невозможно. Однако мы должны сказать, дорогой читатель, что многие вполне совершеннолетние граждане, попав в подобное положение, вряд ли удержались бы от того, чтобы позвать маму, а может, даже и бабушку. Дело в том, что седой старик в карете был сам Верховный Народный обвинитель Республики, гражданин Гаспар Арнери.

Да, читатель, и доктор Гаспар тоже сильно изменился за эти пять лет. Теперь его имя произносили шепотом, оглядываясь по сторонам, а от его кареты прятались. Он арестовал, добился осуждения Народным Трибуналом и отправил на смертную казнь, или, как в Столице говорили, посадил в Табакерку, множество граждан и иностранцев. Конечно, честным людям, беднякам и худым, нечего было бояться гражданина Арнери, он арестовывал и обвинял только врагов народа. Ведь доктора и выбрали Верховным

обвинителем потому, что он был самым справедливым человеком во всей Республике. Доктор Гаспар скорее отказался бы от своих ученых занятий, — а он бы не отказался от них даже под страхом смерти, уж в этом-то доктор Гаспар совершенно не изменился, уверяем вас, — чем обвинил бы невиновного. Но его все равно боялись. Таковы уж люди.

Вот и Фабио при виде доктора Гаспара совсем очнулся ото сна и всерьез собрался испугаться. Как любой мальчишка, он иногда делал такое, о чем взрослым лучше было не хвастаться, раз уж тебя сразу за этим не поймали. «Должно быть, доктор узнал, что это я разбил вчера кормовые фонари у голландского клипера», — решил Фабио. Конечно, капитан клипера был толстяк и богатей, он ловко проскакивал в Столицу мимо английских фрегатов и наживался на блокаде Республики, продавая втридорога заморские товары, кофе и сахар. К тому же он вывел за ухо Фабио с корабля. Ухо болело до сих пор. Но разве суровый Верховный обвинитель поверит, что Фабио целился в окно капитанской каюты, а попал по фонарю? Да к тому же второй фонарь все равно пришлось разбить специально, чтобы сбежать в темноте. Фабио вдруг вспомнил, что у кареты не было лошадей, а значит, он сидел в той самой Черной Карете!

— А это гражданин Гаспар Арнери, ты, наверное, про него слышал, — сказал Тибул довольно добродушно.

Фабио приободрился.

— Добрый день, гражданин обвинитель Арнери! — протянул он. Доктор только кивнул в ответ. Он словно был чем-то недоволен.

— Гражданин Арнери предложил мне поехать домой с ним вместе, а я вот предложил тебе поехать с нами, — продолжал Тибул таким же довольным голосом.

Доктор Гаспар отвернулся и начал искать что-то в большом черном портфеле.

— Как тебя зовут, гражданин? — спросил Тибул.

— Фабио, гражданин Председатель Бюро Тибул.

— Рад познакомиться с тобой, гражданин Фабио. А теперь, раз мы с тобой знакомы, называй меня... ну хотя бы гражданин Тибул, хорошо?

Фабио изо всех сил утвердительно мотнул головой.

— Что ж, гражданин Фабио, приглашаю тебя ко мне в гости. Ты ведь никуда не спешишь?

— Нет, гражданин Тибул!

— Тогда едем!

Доктор Гаспар повернул один серебристый рычажок на дверце вверх, другой вбок, под полом раздалось глухое шипение, и карета поехала.

— Гражданин Тибул!

— Да?

— А можно мы с тобой поменяемся местами? С той стороны реку лучше видно.

Тут Фабио немного схитрил, реку он, конечно, видел тысячу раз, да и, как всякий житель Гавани, ставил море куда выше какой-то там речки. На самом деле мальчишка хотел, чтобы его увидел с набережной в окно хоть кто-нибудь знакомый. Тогда он смог бы рассказывать, что ездил в карете доктора Гаспара вместе с самим Неподкупным, не опасаясь, что его поднимут на смех приятели. Мальчишки ведь такой недоверчивый народ!

Тибул и Фабио поменялись местами. Фабио открыл рот, но Тибул его опередил. Он повернул лицо к мальчику. Вдруг в его очки угодил отскочивший от реки луч солнца и превратил их на мгновение в два ослепительно-желтых фонарика. Фабио моргнул, все слова вылетели у него из головы. Тибул спросил:

— Тебе понравилась моя речь, гражданин Фабио? А то некоторые граждане, кажется, недовольны, что их не предупредили заранее.

Из-за поднятой крышки портфеля, скрывавшей лицо доктора Гаспара, послышалось громкое «Пфф!».

— Мне очень понравилась речь, гражданин Тибул! Как здорово, что ты разоблачил перед народом самых главных врагов! Только... — Фабио немного замялся.

— Не бойся, Фабио, говори, — серьезно попросил Тибул.

— Только зачем ты не назвал сразу их имен? Их бы тут же можно было арестовать! А так они узнали, что ты их раскрыл, и попытаются сбежать!

Тибул грустно усмехнулся.

— Для Республики было бы счастьем, если бы они сбежали. Но нет уж, эти не попытаются. Уверяю тебя, это

единственное, чего от них ждать не стоит. — После этого объяснения, которое ничего не объяснило, Тибул замолчал.

Фабио повернулся к окну. Тут он вспомнил, зачем занял это место, и немедленно изогнулся так, что его лицо оказалось в самой середине окна. И вот удача — скоро карета обогнала братьев Флипон с улицы Колесников, его старых друзей. Фабио из всех сил прижимался к окну и делал знаки рукой, пока братья провожали карету удивленными взглядами. Увы, читатель, они его увидели, но не узнали. Фабио немного перестарался, он так прилепился лицом к стеклу, что расплющенные нос и щеки сделали его совсем непохожим на себя. Братья Флипон, конечно же, решили, что гражданин обвинитель поймал какого-то особенно отъявленного толстяка, который еле поместился в карету.

Карета тем временем свернула с набережной на неширокую улицу и остановилась.

— Конец пути. Улица Гранильщиков. Дом пять, — раздался глухой голос из отверстия над головой доктора Гаспара. Доктор ничего не ответил. Он застегнул портфель и начал щелкать рычажками, а потом вертеть маленький штурвал на стенке кареты. Мальчишка глядел на это с большим интересом. «Вот бы доктор Гаспар разрешил мне пощелкать и покрутить, — думал он, — уж я бы не отказался!»

— Идем, гражданин Фабио, — позвал Тибул. Он уже был на улице. Фабио мигом выбрался наружу вслед за ним.

— Я тоже зайду, гражданин Председатель, — догнал их сердитый голос доктора из кареты. — Ты уж попробуй найти минутку не только для гражданина Фабио, но и для скромного слуги народа. У нас с тобой есть одно дело, которое все-таки следует обсудить.

Глава III. Гости Неподкупного

Фабио, как и вся Столица, знал, что Тибул живет в доме вдовы Летти. После Первого Восстания, когда гвардейцы Трех Толстяков искали Тибула, плотник Симон Летти спрятал друга народа у себя дома в сундуке с двойным дном. А когда Тибула выбрали в Собрание и в тот же день Председателем Бюро, его новые друзья — семья Летти — первы-

ми пригласили его к себе жить, ведь Тибул был циркачом и у него никогда не было даже своего чердака в Столице.

Тибул открыл дверь во двор и вошел, пригнувшись, — немного дверей в Столице могли пропустить Неподкупного в полный рост. Фабио вошел следом. Он увидел, что Тибул оказался в окружении трех молоденьких девиц в разноцветных легких платьях. Все три что-то ему наперебой говорили, а Тибул широко улыбался. Во дворе был разбит садик, и казалось, что к Тибулу спорхнули с деревьев пестрые птички и щебетали, требуя угощения.

— Леони, Софи, Вики, познакомьтесь с гражданином Фабио, — весело сказал Тибул.

Фабио шмыгнул носом и снял колпак. Он пожалел, что не высморкался перед входом. Платок он, как всегда, оставил дома.

— Он мой новый друг, и я пригласил его у нас пообедать. Матушка Летти ведь не будет против?

— Конечно не будет! Здравствуй, гражданин Фабио! А Тибул говорил о нас в своей речи? — опять все сразу заговорили девицы.

Тут дверь снова открылась и фигура гражданина Арнери черной кляксой повисла над порогом.

— Добрый день, гражданки Летти, — сказал доктор. Голос у доктора Гаспара был такой, что все сразу почувствовали себя школьниками, не сделавшими урока. Улыбка исчезла с лица Тибула.

— Я пойду к себе в кабинет, а вы уж не дайте гостю заскучать, — попросил Тибул сестричек Летти. Он подмигнул Фабио и зашагал к деревянной лестнице в углу двора, легко взбежал вверх и пропал из виду. Доктор Гаспар, больше не говоря ни слова, последовал за Тибулом.

Фабио подумал, что сейчас его заставят выслушивать женскую болтовню о всякой ерунде, а то еще, чего доброго, придется помогать сестрицам наряжаться. Он незаметно вздохнул и приготовился терпеть. Но сестры Летти оказались совсем не такими, как другие девчонки.

— Да ты, наверное, есть хочешь! — сразу догадалась Леони, самая старшая.

Фабио не успел еще рта открыть, чтобы благовоспитанно отказаться, как она уже убежала со словами:

— Пойду на кухню утащу что-нибудь для тебя у матушки!

Софи и Вики тем временем повели Фабио смотреть столярную мастерскую папаши Симона и тот самый ящик, в котором прятался Тибул. Там они увидели Симона-младшего. Он приходился племянником старику Летти. Два года назад, в сражении за Столицу, Симона-старшего убило, а Симон-младший потерял ногу и ходил теперь на деревяшке. К сожалению, доктор Гаспар и его друзья-ученые просто не могли пока успеть сделать всем раненым чудесные протезы, которые двигались как живые руки и ноги.

После мастерской Фабио показали подарки, которые люди дарили Тибулу. Фабио больше всего понравился подарок Секции Оружейников — тяжелый шестиствольный пистолет. Софи и Вики расспрашивали Фабио, о чем говорил Тибул. Фабио пересказал им речь, и они вместе стали обсуждать, кто же эти загадочные враги, но так ни до чего и не додумались. Тут вернулась Леони с хлебом и сыром, и Фабио отвели в гостиную и усадили за стол.

— А давайте его рисовать! — сказала Вики.

— Давайте! Давайте! — радостно поддержала ее Леони, а Софи вскочила и выбежала из комнаты.

— Это она за кистями и красками. Мы все втроем работаем помощницами у маэстро Аполлинари и учимся у него, — объяснила Вики и начала расставлять перед стульями сестер мольберты.

— Только если придет матушка и будет ворчать, ты подтверди, Фабио, что это Тибул нас попросил тебя развлекать, — попросила Леони.

— Конечно, гра... Леони, — выпалил Фабио. Сестры уже успели взять с него обещание, что он будет звать их по именам.

— А почему меня? — тут же спросил мальчишка. Его еще никто никогда в жизни не рисовал.

— А всех остальных мы уже тысячу раз просили позировать, они теперь от нас бегают, — весело ответила Софи. Она как раз вернулась в комнату с тремя сумками через плечо.

Сестрички Летти разобрали сумки и уселись за мольберты. Они успевали одновременно рисовать, болтать, хихикать, подсматривать друг у друга рисунки и делать еще

тысячу дел. Вики сказала: «А у меня Фабио будет пиратом! С рыжими усищами!» Фабио очень захотелось увидеть сразу целых три своих портрета, особенно тот, где он пират с усами! Без усов, конечно, было бы лучше, но и так тоже здорово. Он сидел лицом к окну и старался не шевелиться.

За окном вдруг раздалось громкое шипение. В гостиной сразу наступила ночь. Кто-то из сестер Летти испуганно пискнул в темноте. Через мгновение комнату опять заполнил свет. Читатель, конечно, догадался, что это карета доктора Арнери отъезжала от дома Летти.

А потом в гостиную вошел Тибул, вслед за ним появилась матушка Летти. Фабио вскочил и поздоровался. Сестрички отложили кисти и краски, и все отправились в столовую обедать.

Обед был замечательный. Тетушка Фабио никогда не готовила на обед столько разных блюд. На столе у Летти были и суп, и жаркое, и яичница для Тибула, и помидоры, и кабачки, и зелень, и сыр, и огромная корзинка с хлебом, откуда каждый мог брать сколько захочет. Это просто оттого, решил Фабио, что у Летти так много народу в доме, а совсем не потому, что они держат в доме запасы еды — ведь это запрещено Шестым Декретом Собрания, тем, что против обжор. Не могла же Летти нарушать Декрет, когда у них в доме жил сам Неподкупный! Их дом и так наверняка из-за этого в три раза чаще проверяют уполномоченные Секции.

Тибул опять повеселел. Он расспрашивал сестричек, как они провели день, а потом рассказывал, как он до Революции скрывался в Столице от шпионов Трех Толстяков. Когда обед кончился, матушка Летти выставила на стол кофейник и чашки, Симон-младший и сестрички проглотили по синей пилюльке, а Тибул закурил трубку. Он достал из кармана сюртука мешочек и высыпал из него на блюдце коричневые кубики.

— Это от гражданина Арнери,— объявил Тибул.— Один из его друзей-ученых, гражданин Ханс, придумал, как делать сахар из обычной свеклы. Это пробная партия. От имени Бюро я поручаю вам, граждане, испытать это новое изобретение. Если оно пройдет вашу проверку, значит, благодаря нашим ученым Республике скоро будет не страшна

блокада! — торжественно говорил Тибул. Его глаза весело блестели из-под очков.

Это действительно был сахар. Больше того, сахар был очень сладкий, пускай запах от него и был довольно странный. Фабио обрадовался. Ему не очень-то часто доставались сладости. Другим детям тоже: сахар при старом режиме привозили с Островов, а теперь Республика была отрезана от моря. Многие взрослые граждане говорили, что сладости и при Толстяках ели только богачи, зато народная власть дает каждому бедняку бесплатные пилюльки доктора Гаспара. Фабио не очень-то любил «глазки», как их называли простые люди. Он любил сладкое. Но в обмен даже на самые дорогие, красные «веселые глазки» иностранные матросы давали только крошечный кусочек сахара. А теперь сахара будет много. Может, его тоже будут выдавать каждому бесплатно!

— От кого ты хочешь завтра избавиться, Тибул?

От этих слов, произнесенных громовым голосом, чашки на столе зазвенели. Тот, кто их сказал, замешкался, пролезая в двери столовой. Но вот он распрямился во весь огромный рост, и все увидели, что к Тибулу в гости пришел маршал Республики Просперо.

Просперо больше ничего не сказал. Он встал у двери, ожидая ответа. Он снял высокую двууголку и обнажил рыжие, коротко стриженные волосы, похожие на щетину. Шляпу он осторожно опустил правой рукой под мышку. Эта рука была железная. Доктор Гаспар сделал ее для Просперо, когда три года назад ядро оторвало настоящую руку в сражении при Гетце. Тогда же взрыв бомбы так опалил лицо генерала, что ему пришлось сбрить остатки усов и бороды. Республика в той битве все равно победила эмигрантов, Просперо стал маршалом Республики, а командиры Народной армии с тех пор не носили усов.

Фабио впервые видел знаменитого Железного Маршала так близко. Он, конечно, во все глаза глядел на железную руку, но она была закрыта мундиром и перчаткой и ничем не отличалась от настоящей.

— Здравствуй, Просперо, — сказал Тибул. Он встал на ноги. Два вождя Революции смотрели прямо в глаза друг другу.

— Имена врагов я назову завтра, как обещал народу. Если хочешь еще о чем-то поговорить, тогда идем ко мне в кабинет.

— Идем, Тибул. — Просперо повернулся кругом и начал сгибаться, чтобы пролезть обратно во двор. Двери дома Летти казались рядом с ним дверями кукольного домика.

Симон-младший поднялся из-за стола и тоже хотел идти за Тибулом. Фабио уже узнал, что Симон был помощником и секретарем Неподкупного.

— Нет, нет, оставайся, гражданин Симон, прошу тебя, — сказал ему Тибул. — Можешь сегодня отдыхать.

— Когда гражданин маршал Республики уйдет, прошу, зайди ко мне в кабинет, гражданин Фабио, — обратился Тибул к Фабио перед тем, как вышел из столовой.

После обеда Фабио опять позировал сестрам Летти. Но теперь он едва мог усидеть на месте и почти забыл думать о том, как он будет выглядеть на портретах. Тибул позвал Фабио. Он хотел поговорить о чем-то важном. Может, о том, как поймать новых врагов народа. Конечно, Фабио был готов сделать все, что угодно, чтобы помочь Республике и Неподкупному. Только вот из гостиной не было видно, ушел ли уже Просперо.

Наконец сестры Летти закончили рисовать. Фабио вскочил, пробормотал «спасибо!» и, едва взглянув на портреты, побежал во двор, а оттуда вверх по лестнице в кабинет Тибула.

Перед кабинетом была приемная, узкая, как каюта на рыбацкой шхуне. Фабио проскочил приемную и распахнул дверь в кабинет. Больше всего он боялся, что Тибул не дождался его и ушел.

Но Тибул оказался в кабинете не один. Перед ним стояли два тонких молодых гражданина. Точнее, гражданин и гражданка.

— Так кого же ты выбрал? — спрашивал гражданин Тибула прыгающим голосом.

— Ой! — воскликнул Фабио. — То есть, извините, гражданин Тибул, я думал, вы один!

— Ничего, гражданин, подожди немного в приемной, пожалуйста, я сейчас, — мягко ответил Тибул.

Фабио обернулся, стремительно выскочил из кабинета и, только оказавшись перед закрытой дверью, понял, что он знает, кто разговаривал с Тибулом. Это были сами гражданин и гражданка, то есть брат и сестра Эквиа!

Хотя Фабио вышел из кабинета Неподкупного, мы вернемся туда еще на минутку, чтобы рассмотреть его гостей получше. Читатель, конечно, уже догадался, что к Тибулу пришли Тутти и Суок.

Наследник Тутти сразу отказался от титула, когда народ провозгласил Республику. Но оказалось, что Тутти был в семье не один. За границей нашелся его троюродный брат по бабушке, Гин. Гин был герцогом маленькой страны по соседству с Республикой. Это был глупый и жадный человек. Богачи, сбежавшие от Революции, разыскали его и пообещали отдать половину всех своих денег, половину земель, рудников и заводов страны, если он поможет им отобрать власть у народа. Тогда герцог Гин объявил себя Претендентом, собрал армию из эмигрантов-толстяков и напал на Республику. Теперь вы понимаете, почему мы назвали его глупым — только глупый человек мог подумать, что можно победить народ, который завоевал свободу!

Конечно, народ знал, что Тутти совсем не такой, как его брат, что он стал простым артистом в балаганчике дядюшки Бризака. Но когда Тутти узнал, что на Республику напал Гин, он сказал остальным артистам: «Из-за моего брата Республика в опасности. Я не могу оставаться в стороне, когда народ сражается с врагами!» Тутти в тот же день записался в Народную Армию, хотя ему было всего четырнадцать лет.

Тутти принял новое имя. Он стал гражданином Эквиа, что на языке обездоленных значит «Равенство». Его полубригада отправилась на юг страны подавлять мятежи обманутых. Гражданин Эквиа отважно сражался и терпел все невзгоды вместе со своими новыми друзьями — солдатами, да так, что никто бы не подумал, что этот юнец всю жизнь до Революции спал на самых мягких шелковых простынях, ел только сладости и изводил капризами целую, как сказали бы солдаты, роту воспитателей и слуг.

Однажды сержант был ранен в бою, и на его место товарищи выбрали Эквиа. В Народной Армии солдаты сами вы-

бирали командиров. Гражданин Эквиа оказался отличным военным — все-таки его не зря учило столько учителей. В пятнадцать лет он уже стал самым молодым командиром полубригады в Народной Армии. А за два месяца до того, как началась наша история, генерал Эквиа, которого Народное Собрание назначило Чрезвычайным Верховным Комиссаром Юга, вернулся в столицу во главе Южной армии Республики. Он объявил, что исполнил поручение народа — подавил Второй мятеж обманутых, и сложил свои полномочия. Он привез с собой собранный на юге хлеб, и спасенные от голода горожане целый день носили Эквиа на руках.

Эквиа вступил в Клуб Худых. Этот Клуб создали Суок Эквиа и ее молодые друзья — поэты, художники, актрисы, циркачи. В Клуб вступали те, кто любил Революцию и народ, кто ненавидел толстяков и богачей. Все самое веселое и интересное в Столице начиналось там. В Клубе сочиняли новые революционные песни, которые разлетались по всей стране. Клуб издавал лучшие в Столице газеты. Клуб устраивал революционные праздники. Все мальчишки знали, что члены Клуба — самые веселые граждане в Столице.

Сами себя они называли худыми. Они говорили, что не имеют права толстеть, пока народ голодает, пока Республика и Революция в опасности. В знак этого многие из худых носили облегающие куртки и брюки.

Вот и сейчас вожди худых, гражданин и гражданка Эквиа, стояли перед Тибулом, одетые в черные узкие брюки и рубашки. Гражданин Эквиа вырос из худенького мальчика в долговязого молодца с резкими повелительными жестами генерала. Гражданка Эквиа превратилась из славной девочки в изящную, гибкую молодую женщину. Золотые волосы брата еще не успели отрасти после короткой военной стрижки, сестра заплетала свои длинные ореховые локоны в косу, как у крестьянок. Оба они по моде худых оттеняли черным веки и скулы, и от этого серые глаза на бледных лицах казались огромными.

— Тибул, скажи лучше нам, чем ему, пока не поздно! Мы твои друзья, вместе мы спасем Революцию, иначе Просперо все погубит! — в последний раз попробовала Суок уговорить Тибула, но он только покачал головой.

— Завтра, друзья. Прошу, подождите до завтра.

— Посмотрим, — сказал гражданин Эквиа вместо «до свидания», а Суок только неловко улыбнулась Тибулу. Они повернулись и ушли. На Фабио в приемной ни один из них даже не взглянул, хотя он изо всех сил пытался попасться им на глаза.

«Ну и ладно», подумал мальчишка, и вошел в кабинет Тибула.

Тибула в кабинете не было.

Глава IV. Портфель гражданина Арнери

— Хорошо, что ты пришел, гражданин Фабио, — прошелестел усталый голос откуда-то из темноты.

Фабио чихнул от неожиданности, развернулся и увидел Тибула. Председатель Бюро сидел верхом на резном стуле в дальнем углу кабинета, куда едва дотягивался свет из окна. Тибул положил подбородок на спинку стула и покачивался на задних ножках. Он был похож на раненую птицу, которую собаки загнали в камыши.

— У меня к тебе есть одна просьба.

— Я готов служить Республике, гражданин Тибул! Я сделаю все, что ты скажешь!

— Не спеши. Это может оказаться опасным. Ты можешь рассердить очень могущественных людей. Такие ни перед чем не остановятся. Скажи, ты не испугаешься?

Глаза Фабио засияли. Он угадал верно. Неподкупный выбрал его!

— Я не испугаюсь, честное слово! Если хочешь, я поклянусь именем Республики, хотя я несовершеннолетний и мне пока нельзя. — Фабио не удержался и спросил: — Гражданин Тибул, а это чтобы поймать новых врагов народа?

— Да, гражданин Фабио, это чтобы победить новых врагов.

Передние ножки стула мягко опустились на пол. Тибул оказался на ногах перед Фабио. Он положил руки на плечи Фабио, нагнулся и посмотрел ему в глаза.

— Это хорошо, что ты готов и не боишься. Тогда начнем, — сказал Тибул твердо. Он дернул себя за ухо, и в его руке оказалась черная загогулина, вроде большого рыболовного крючка.

— Иди в приемную. Посмотри, нет ли кого за дверью, и если нет, запри дверь на щеколду. Вот это положи в ящик стола секретаря и закрой ящик поплотней. — Тибул осторожно положил в ладонь Фабио странный крючок.

Фабио так и сделал. Он вернулся в кабинет и спросил:

— А что это за штука, гражданин Тибул?

— Это устройство доктора Гаспара. Оно действует как слуховой рожок, только гораздо лучше. Последнее время я что-то стал хуже слышать, и доктор сделал его для меня.

— А зачем его прятать в ящик?

— Да видишь ли, я не уверен, что гражданин Арнери не сделал так, чтобы слушать через свой рожок то, что слышу я. А как раз сейчас ему не нужно знать, что здесь будет. Да и никому другому тоже, кроме тебя, Фабио. Закрой дверь кабинета, задерни шторы и садись к столу.

Мы бы с удовольствием сейчас же рассказали о том, что случилось дальше в кабинете, но читатель сам видит, что Тибул это просто-напросто запретил. Можем уверить, что все разъяснится, тем более что неизвестными останутся каких-то двадцать пять минут.

Итак, через двадцать пять минут Тибул говорил Фабио:

— Нести в руках неудобно, да и заметно будет. Возьми в приемной портфель. Гражданин Арнери оставил его мне, вместе с пожеланиями одуматься и прислать его обратно во Дворец Правосудия уже со списками новых врагов. Пожалуй, мы с тобой найдем ему лучшее применение.

Фабио принес портфель и передал Тибулу, однако его мысли были заняты совсем другим:

— Гражданин Тибул, но если это так опасно, то пусть тебя возьмут под охрану! Наша секция Гавани, да что там, любая из секций Столицы будет рада отправить добровольцев, чтобы тебя охранять!

— А что будет дальше, Фабио? — покачал головой Тибул. — Сегодня добровольцы одной Секции будут охранять меня от граждан из других секций. Завтра окажется, что для блага народа нужно сделать что-то, что может не понравиться этим добровольцам, — значит, придется выставлять вторую охрану, уже против них. Да и городской дом — слишком доступное место, любой может перепрыгнуть с соседней крыши или выстрелить в окно. Знаешь,

чем это кончится? Тем, что мне, избраннику и другу народа, придется набрать гвардию из иностранцев и уехать из Столицы в какой-нибудь замок с высокими стенами, чтобы править оттуда страной так, как я хочу, и чтобы народ мне не мешал. Знакомо, правда? Помнишь, кто так делал? Ну вот, держи. — С этими словами Тибул возвратил портфель Фабио.

Фабио взял портфель и опустил голову.

— А как же тогда быть?

Тибул положил руку ему на плечо.

— Ничего не бояться и никогда не унывать, гражданин Фабио, вот как. Не забывай — у нас теперь есть свобода, и мы сильный и храбрый народ. И никаким врагам с этим ничего не поделать. Человека можно убить, посадить в клетку, запугать, обмануть, подкупить. А народ нельзя. Ни старые короли этого не смогли, ни Три Толстяка, и никто не сможет. Помни: что бы ни случилось, народ все равно победит всех врагов и завоюет хорошую жизнь. А если мы с тобой поможем народу — это получится быстрее, может, даже совсем скоро, через год.

Тут Фабио поднял голову, и Тибул увидел, что он сумел наконец уговорить улыбку показаться на лице мальчишки.

— Так что держись, Фабио, и знай: враги уже проиграли. Они и сами это скоро поймут, я уверен.

Фабио тщательно затянул ремешки на портфеле. Он решил, что пришло время задать вопрос, который его чрезвычайно волновал.

— Гражданин пред... Тибул, а можно мне тогда взять пистолет? Я видел, что у тебя лежит отличный шестиствольный пистолет, а сам ты его не носишь.

— Это старое пугало, которое мне подарили оружейники?

Теперь уже Фабио сумел развеселить Неподкупного. Но Тибул изо всех сил постарался сдержать улыбку и серьезно объяснил:

— Эта штука весит, как цирковая гиря — настоящая гиря, как в балаганчике дядюшки Бризака, без обмана. Заряжать ее нужно целый час. А точность боя у нее такая, что с пяти шагов в мишень ростом с прусского гренадера попадает одна пуля из трех. Я сам был на испытаниях. Конечно, когда только началась война с Претендентом, мы были рады лю-

бому оружию. Это ведь первый пистолет, сделанный в новых народных мастерских, в честь этого его мне и подарили. Но с тех пор во Дворце Науки придумали такое оружие, что старое по сравнению с ним выглядит плохой шуткой. Против нового барабанного Гаспара с той железякой лучше не выходить, Фабио, ты ее только успеешь вытащить, а в тебе уже будет семь дырок от пуль. Гражданин Арнери давно обещал мне один такой, только так и не подарил — видно, забыл. — Тут Тибул наконец усмехнулся.

— Да даже если бы он у меня был, я вовсе не хочу, чтобы ты вступал в бой с солдатами. Твоим оружием будут ловкость и быстрота. Пистолет тебе только помешает, — Фабио незаметно вздохнул. Он, конечно, не очень-то и надеялся, но попробовать стоило.

— Я готов, Тибул. Мне идти? — деловито спросил он.

— Я провожу тебя немного.

С этими словами Тибул обхватил Фабио рукой вокруг живота, приподнял и легко шагнул вместе с ним на тяжелый дубовый стол посередине кабинета. Тибул с осторожностью поставил Фабио на стол, поднял руки и толкнул потолок над собой. Черный квадрат открылся прямо над головой Тибула на расчерченном полосами теней потолке. Тибул подтянулся и одним длинным движением нырнул в эту неожиданную прорубь. Каблуки его сапог мелькнули перед лицом Фабио, и через мгновение вместо них появились руки, которые втянули мальчишку на чердак. Люк тут же закрылся, и чердак погрузился в темноту. Тибул взял Фабио за руку и куда-то повел.

— Через этот люк папаша Летти вывел меня из дома в день Первого Восстания. Тогда гвардейцы Трех Толстяков подожгли город, чтобы найти меня, но я сбежал от них по крышам. — Голос Тибула гулко звучал сразу со всех сторон, как будто он и Фабио оказались внутри изгибов огромной валторны.

— Кто бы мог подумать, что и при народной власти он пригодится, и снова для того же!

Тибул печально покачал головой. Голова в темноте угодила точно в толстую балку под крышей. Раздался глухой стук. На Фабио сверху посыпалась пыль и упал кто-то многоногий, но испугался и тут же пропал.

— Н-н-не буду ругаться, а то вдруг услышат, — с большим чувством прошипел сверху Тибул.

Наконец Тибул и мальчишка выбрались через еще один люк на крышу. Солнце катилось к горизонту и заставляло желтые стены соседних домов светиться розовым светом.

— Пригнись, гражданин Фабио, а то с улицы тебя будет видно. Вон там ты сможешь перешагнуть с крыши Летти на соседнюю. На ней лежит лестница для трубочиста, видишь? Ну все, прощай, Фабио. То есть до свидания.

— До свидания, гражданин Тибул, — ответил Фабио. Он пригнулся, сжал ручку портфеля доктора Арнери и осторожно пошел по крытому черепицей скату. Через два шага он обернулся, но Тибула уже не было на крыше.

Фабио легко перескочил на соседний дом и спустился вниз по лестнице. Он оказался в узком и совершенно пустом переулке. Никто не видел его, даже вездесущие воробьи, видно, сюда не залетали. Но налево была улица Гранильщиков, и Фабио не удержался. Он встал на четвереньки в уже знакомой читателю манере, подполз к углу дома и осторожно высунул голову на улицу. У дома Летти никто не стоял. Человечек в синем плаще семенил по улице в сторону набережной. За спиной Фабио послышалось цоканье копыт по мостовой. Фабио нырнул обратно за угол и поднялся на ноги. Он взял портфель и пошел по переулку в сторону от улицы Гранильщиков.

«Даже если мне не показалось и тот человечек был доктор Арнери, это ничего, — решил Фабио. — Он все равно не мог услышать нас с Тибулом».

Часть вторая
МАРШАЛ РЕСПУБЛИКИ ПРОСПЕРО

Глава V. Страшная новость

Солнце взмыло из-за моря рыжей кометой и протянуло над Столицей паутину лучей. Лучи изрезали ночь на клочки, и те неслышно опали на землю уличными тенями. Утреннее небо выгнулось над городом голубой аркой. Вскоре по краям

арки выросли колоннами черные дымы из заводских труб и ремесленных мастерских. Столица просыпалась. Фонари гасли. Только под огромным непрозрачным куполом в центре города самый большой в мире фонарь продолжал гореть вечным неживым светом над огромной площадью. Потоки света падали на собравшихся внизу людей. Они превращали тысячи разных лиц в одинаковые бледно-желтые маски, обращенные к трибуне на южном конце площади.

Фабио сидел верхом на фортаторе на Площади Свободы. Он ждал Тибула. Полстолицы ждало Тибула на площади вместе с ним.

Куда девался черный портфель — остается неизвестным. Во всяком случае, уже вчера вечером Фабио явился на представление балаганчика дядюшки Бризака с совершенно пустыми руками, засунутыми глубоко в карманы штанов.

От сильного волнения Фабио даже не смог досмотреть представление. А ведь это и правда было последнее представление балаганчика в Столице.

Затем Фабио дошел до причалов, а оттуда отправился домой и лег в постель пораньше, чтобы не проспать. Он попросил тетю Аглаю разбудить его в семь утра, на рассвете. Поскольку на тетю Аглаю надежды было мало, он также попросил разбудить его пораньше дежурного по дому гражданина Хореса и сержанта ночного патруля Секции гражданина Кастора. Потом он взял взаймы у соседки, бабушки Леро, хрустальные водяные часы с колокольчиком, которые ее внук принес пять лет назад из бывшего Дворца Толстяков, и выставил колокольчик на шесть тридцать. Он улегся в постель прямо в одежде, чтобы утром не терять времени на одевание. Несмотря на все эти приготовления, а может, и благодаря им, Фабио проснулся сам, за час до восхода солнца. Он вскочил и немедленно помчался на площадь Свободы. И все равно, когда он пришел, народу на площади было столько, что он едва нашел место на крайнем фортаторе.

Фабио хотелось есть, но еды на столбе взять было негде. Он не хотел разговаривать с сидящими выше его ребятами, потому что боялся проговориться о том, что было с ним вчера, или неудачно соврать. Хорошо хоть, что поблизости не было братьев Флипон, которые видели его в карете доктора Гаспара.

Фабио стал слушать, что говорят внизу.

Люди стояли плотно, плечом к плечу. Лица у всех были обеспокоенные. Многие негромко переговаривались с соседями.

— Должно быть, Бюро объявит новыми врагами плясунов, — важно говорил плешивый канцелярист в сюртуке с нашитыми на локтях накладками.

— А это кто такие? — удивилась прачка в зеленой косынке.

— Ну как же, гражданка, это те, кто подражает бывшим толстякам. Они не хотят в свободное от труда время помогать Республике, — тут канцелярист принял значительный вид и даже поднял вверх палец, — или хотя бы участвовать в революционных шествиях и праздниках. Вместо этого они где-то достают одежды, какие носили дворяне, и собираются по домам друг у друга, чтобы петь старые песни богачей и танцевать старые танцы! Против них уже вторую неделю выходят статьи в «Вестнике Свободы»!

— Я боюсь, как бы за нас не взялись, — вполголоса говорил один мастеровой другому с другой стороны столба, — говорят, будет новый Указ Бюро. Кто не будет работать сверхурочно для фронта, тот вредитель.

Второй мастеровой угрюмо кивнул и зашептал в ответ:

— А к нам в мастерскую вчера явился сам гражданин Себастьяни, уполномоченный Комиссара по труду в Столичном округе. Собрал нас всех и говорит: вы опять не сделали в срок колеса для пушек по заказу Бюро. Я думаю, говорит, это оттого, что среди вас вредители и враги народа. Подождите, говорит, скоро народное правосудие до вас доберется. А как мы успеем, если и так работаем до ночи, а Бюро каждый раз дает срок на работу все меньше!

Вдруг загремел и зазвенел Марш Победы Народа. Все разговоры прекратились. Все взгляды скрестились на трибуне. Фабио со своего края площади видел только, как крошечный человечек появился на вершине высокой красной пирамиды. Музыка оборвалась на середине, обиженно взвизгнула труба.

— Гра... граждане, — сказал незнакомый срывающийся голос из фортаторов, — граждане! Тибул умер!

Эти два слова смяли и закрутили толпу. Люди кричали, метались, сталкивались, бросались с кулаками друг на друга, вставали на колени, падали.

— Неправда!
— Враги убили Тибула!
— Республика в опасности!
— Нужно созвать Собрание!
— Бежим!
— Скорее к дому Тибула!
— К оружию!
— Что же теперь делать? — кричали со всех сторон. Женщины плакали, и многие из мужчин плакали вместе с ними.

Фабио как будто ударили по голове, все поплыло у него перед глазами. Тибул, конечно, сказал ему вчера, что положение очень опасное, но Фабио не мог поверить, что враги в самом деле поднимут руку на Неподкупного!

Мальчишка изо всех сил обхватил столб фортатора, как испуганный малыш обнимает мамину ногу, и от ужаса даже зажмурил глаза. И тут он услышал, как прямо внизу, под ним, какой-то гражданин шепчет хриплым голосом:

— Что, испугались, граждане революционеры, плачете? Думали, только вы можете убивать? Думали, ваш Тибул бессмертный, раз у него Табакерка? Ешьте теперь сами кашу, которой других кормили, да смотрите не поперхнитесь! Ничего, скоро всем вашим друзьям народа конец, всей вашей проклятой Революции! Уж теперь мы, честные люди, посмеемся!

Фабио сел прямо и открыл глаза. Он как наяву увидел перед собой Тибула. Тибул говорил: «Если со мной что-то случится и я не смогу завтра назвать имена врагов, останешься только ты, Фабио. Тогда многие из врагов проявят себя. Ты увидишь, что врагов у Республики куда больше, чем кажется теперь. Но все они будут притворяться друзьями народа, борцами за Революцию. Тебе придется разобраться, кто остался другом народу и кому ты сможешь доверять. Жди и наблюдай. Может быть, тебя будут искать. Скрывайся от врагов и ищи друзей. Когда разберешься — тогда иди к друзьям. Отдай им то, что в портфеле, и все расскажи. В твоих руках будет спасение Революции».

Фабио спустился на землю и стал проталкиваться через толпу к краю площади. Он только взглянул на шепчущего гражданина — обычный недобитый толстяк, щеки аж свисают. В свое время и до него народ доберется, а сейчас не

он страшен. Он не говорит громко оттого, что боится. А значит, пусть себе шепчет. Нет, по Тибулу нанес удар кто-то пострашнее, кто совсем не боится! И этому кому-то Фабио нельзя попадаться на глаза.

Люди вокруг Фабио шли в одну сторону, и он поневоле пошел вместе со всеми. Рядом с ним шли пожилые работницы, все они плакали, закрыв лица красными загрубевшими ладонями, и добиться от них ответа, куда идет народ, было невозможно. Тогда мальчишка задрал голову. Он смог разглядеть только, что справа от дороги стоят дома, а слева — нет, но уже и по этому догадался, что граждане направляются по Набережной реки к дому Тибула. Вместе с толпой он прошел до поворота на улицу Гранильщиков. Там все повернули направо, а Фабио побежал дальше вдоль реки в сторону Гавани. Он решил, что просто-напросто останется дома, с тетей Аглаей. Там он и будет прятаться. Тетя уж точно не была врагом, а кому еще можно доверять, Фабио пока знать не мог.

Когда Фабио подошел к своему дому, за дверью подъезда его встретил сухонький старичок с молодыми быстрыми глазами. Старичок был одет в выцветший голубой сюртук с синими узорами на месте отпоротых кружев. Он сидел за столом в бывшей привратницкой и читал газеты. Это был гражданин Хорес. Видно, он с кем-то поменялся и сегодня опять дежурил по дому. Раньше он был адвокатом. Недавно он вышел в отставку по старости и теперь скучал.

— А, малыш Фабио, как ты быстро вернулся! Слышал, у нас все утро говорят, в Военный порт вчера Просперо привел, что ли, десять батальонов солдат Северной армии. В темноте, тайно! А в газетах об этом ничего. Хороши же наши журналисты, нечего сказать! Так-то они следят за новостями! А у тебя какие новости? Что сказал наш Неподкупный? — спросил гражданин Хорес, откладывая газеты.

— Сказали, председатель Тибул умер! — ответил Фабио.

Гражданин Хорес часто-часто заморгал. Все его лицо съехалось к середине, и он несколько раз сдавленно кашлянул.

— Какое горе для Республики. Что же теперь с нами будет без Неподкупного? — наконец сказал он тихо.

Фабио согласился и попросил всем говорить, что его нет — он будет печалиться дома.

Тетя долго не открывала дверь, а когда открыла, то очень удивилась, что Фабио вернулся домой так рано. Обычно мальчишка с утра до ночи пропадал где-то в городе. Скорее уж можно было ожидать, что он совсем не явится ночевать, чем застать его дома днем. И тетка, и племянник так отвыкли видеть друг друга, что между ними вышла неловкая пауза. Молчание нарушил живот Фабио. Живот громко заурчал.

— Тетя, а можно мне поесть? — спросил Фабио.

— Пойдем на кухню, мальчик, — ответила тетя Аглая. — И ты забыл сказать «пожалуйста!».

Фабио был отведен на кухню и получил ломтик хлеба и немного сыра на фарфоровой тарелке с пастушком. Тетя налила ему в кружку жидкого голубоватого молока и села за стол напротив.

— Тибул умер, — сказал Фабио.

— Тибул? — удивилась тетя. — Этот знаменитый гимнаст? Наверное, упал на представлении со своей трапеции, так? Это, конечно, очень печально. Но теперь ты видишь, мой мальчик, какая опасная жизнь у этих циркачей. А ты ведь все время бегаешь смотреть на их представления. Как ты не понимаешь, глупенький, что восхищаться ими наивно! Лучше бы ты ходил в театр, как Мели и Детта. Из пьес, по крайней мере, можно вынести моральные уроки.

Фабио делал вид, что рот у него набит едой, и только неопределенно мычал и кивал головой в ответ. Тетю такие ответы, кажется, устраивали, потому что она продолжала говорить.

Между тем Фабио огорчился. Он видел, что с тетей Аглаей стало еще хуже. Было очевидно, что она все меньше понимает, где находится, и все больше думает, что сейчас на дворе времена Трех Толстяков, а может, и вовсе Старого Короля.

Фабио давно бы привел к тете доктора. Его останавливало только то, что ей самой от этой странной болезни, кажется, было только лучше.

Когда родители Фабио погибли, его взяли к себе дядя Антуан и тетя Аглая. Два года назад фрегат «Революцио-

нер», на котором дядя Антуан служил вторым помощником, не вернулся из похода на Острова. Потом одна за другой умерли дочери дяди и тети: старшая, Мели, на обязательных работах — ее арестовали как лентяйку, а младшая, Детта, от простуды, когда прошлой зимой Столица из-за Второго Восстания обманутых осталась без угля и дров.

Тетя Аглая тогда так горевала, что все время плакала и не могла даже спать. Но потом она начала принимать пилюльки.

Эти пилюльки появились после Революции, когда доктор Гаспар организовал производство разных лекарств для всех — оказалось, они нужны не только больным. Тогда Народное Собрание провозгласило, что каждый гражданин имеет право быть счастливым и веселым и что все лекарства отныне будут бесплатными. Слабые пилюльки — розовые, голубые и салатовые — любой мог брать свободно. Запас в них каждое утро пополнял Комиссариат Здоровья. А более сильные — красные, синие и зеленые — гражданин мог получать по одной в день в своей Секции по предписанию доктора. Больше одной пилюли в день принимать было опасно.

Тетя Аглая стала пить сначала зеленые пилюльки, от которых сон делался крепким и здоровым. Но она все равно продолжала сильно горевать. Тогда кто-то посоветовал ей попробовать красные. От красных, «веселых глазок», человеку становилось радостней жить, он чаще улыбался и веселился. Фабио тогда обрадовался, что тете Аглае стало лучше. Но потом она, видно, стала пить по нескольку разных «глазок» сразу.

Говорили, что если проглотить на ночь сразу зеленую и красную пилюли, то будут сниться самые прекрасные и радостные сны. И будто бы если к этому добавить еще и синий «глазок», который обостряет внимание и память, то такими снами можно будет управлять и видеть во сне то, что хочешь.

А тетя Аглая, конечно, хотела вернуть прошлое, то время, когда были живы ее муж и дочери, — и вот она нашла средство это сделать. Она вновь стала спокойной и веселой, а к Фабио она всегда была добра. Только сны теперь не покидали тетю и наяву. Еще хорошо, думал Фабио, что

она никогда не разбиралась в политике и не любила о ней говорить. Иначе Фабио пришлось бы запирать тетю дома, чтобы ее странные разговоры не приняли за контрреволюционное подстрекательство.

Скоро тетя сказала, что ей нужно идти в комитет Секции по здоровью, засобиралась и ушла — наверное, получать пилюльки.

Фабио остался сидеть на кухне. Он так и эдак вертел на столе пустую тарелку с голубым пастушком и думал, с чего начать поиски друзей и как получше спрятаться от врагов. Как назло, вскоре прямо под окном — квартира тети Аглаи была на втором этаже — кто-то начал кричать сердитым голосом и громко топать ногами. Конечно, придумать что-то разумное в такой обстановке было совершенно невозможно. Фабио подошел к окну и выглянул на улицу. Тут же он отскочил назад.

Прямо под окном, у подъезда, было полным-полно солдат в синих мундирах с ружьями. Офицер — это его крик оторвал Фабио от размышлений — командовал: «Сержант Рамо! К черному ходу и никого не выпускать! Лейтенант Нерис! Оцепить весь дом! Всех, кто будет прыгать из окон,— задержать!»

Фабио метнулся к выходу из квартиры, осторожно открыл дверь и выставил ухо на лестницу. Внизу хлопнула дверь подъезда и раздались голоса:

— Капитан Дельгар, Девятая легкая полубригада Северной армии! В этом доме живет гражданин Фабио?

— Дежурный по дому гражданин Хорес! День добрый, гражданин капитан. А что случилось? Какое у вас дело к гражданину Фабио?

— У меня приказ об его аресте.

Сердце Фабио едва не допрыгнуло до макушки. Однако его голова осталась совершенно спокойной. Потом он сам себе удивлялся. А пока Фабио вбежал в свою комнату и запихнул под мышку всю одежду, какую нашел. Потом мальчишка заскочил в спальню тети Аглаи и открыл шкатулку под зеркалом. Он схватил было деньги, но передумал, вернул на место и закрыл шкатулку. Он взял и сунул в карман только бонбоньерку — коробочку с пилюлями и снял с крюка тетину накидку. Через миг Фабио уже очу-

тился в коридоре. Он накрылся накидкой с головой, взял дядину трость, стоявшую в углу, сгорбился, громко захлопнул дверь и потопал вниз по лестнице. Разговор в привратницкой между тем продолжался.

— Я вам повторяю, гражданин капитан Дельгар, какая вам разница, где живет гражданин Фабио, если его нет дома?

— Тогда мы всё здесь обыщем, гражданин... кха!

— Гражданин Хорес, с вашего позволения. Сначала предъявите приказ об обыске в доме.

— Вот он. Приказ самого Маршала Просперо!

— Очень хорошо. Но приказ об аресте и обыске согласно Декрету Собрания Третьего Года об арестах граждан должен быть сначала завизирован Председателем Секции, а подозреваемому предоставлен общественный защитник.

— Это срочный приказ, он подлежит немедленному исполнению, без всяких виз и защитников! Немедленно ответьте, где квартира Фабио!

— Срочные приказы может издавать только Верховный Обвинитель Республики или... о, простите. Добрый день, бабушка Леро! — поприветствовал гражданин Хорес сутулую фигуру в серой накидке.

— Добрый день, гражданин Хорес! — дрожащим голосом ответила фигура из-под капюшона и прошаркала мимо офицера к выходу. Двое солдат расступились перед ней.

Через мгновение на улицу из подъезда вылетело и диким скачком бросилось вверх и направо вдоль стены странное маленькое существо в сером плаще. Солдаты, стоявшие напротив выхода, немедленно кинулись его ловить. Тогда Фабио, который освободился таким образом от трости и накидки, выскочил из-за двери сам. Он побежал влево от подъезда, проскочил между бегущими солдатами и изо всех сил понесся по улице прочь.

Глава VI. Погоня

Фабио летел по Якорной улице, едва касаясь земли. Низкие окошки первых этажей с одинаковыми геранями и котами на подоконниках проплывали мимо него беско-

нечными дорожками карт из тетушкиного пасьянса. Солдатские сапоги бухали по мостовой прямо за его спиной. Крики «Стой!» мячиками прыгали между стенами домов. Прохожие оборачивались на стук и крик и стремительно отскакивали в сторону с перекошенными лицами и округлившимися глазами. Еще бы им не отскакивать — ведь прямо на них бежала целая рота солдат с ружьями наперевес, подбадривая себя диким ревом!

Посреди улицы топтались пятеро граждан с синими лентами на куртках и с ружьями — дневной патруль Секции. Фабио подумал, что окружен. Он уже хотел броситься в сторону, но патрульные, видимо, узнали в нем своего и расступились. Фабио крикнул «Спасибо!», проскочил между ними и помчался дальше. Зато уж перед солдатами патруль, наоборот, сомкнулся. Ведь он затем и был поставлен Секцией, чтобы останавливать и проверять подозрительных граждан. Гражданин Фабио был свой, патрульные его знали и ни в чем не подозревали. А вот бегущие за ним солдаты как раз показались им очень подозрительными. Во-первых, они зачем-то преследовали благонадежного гражданина. Во-вторых, они были солдатами. Дело в том, друзья мои, что моряки вообще не любят солдат. И уж тем более они не любят, когда солдаты целыми ротами гоняются по улицам портовых кварталов за племянниками их товарищей.

По шуму и треску за спиной Фабио понял, что его преследователи на полной скорости столкнулись с патрулем. Фабио этого не видел. Но мы можем заверить читателя, что кутерьма получилась отменная. Передние солдаты упали вместе с патрульными, сзади на них навалились другие, и посередине улицы мгновенно выросла куча-мала из отчаянно ругающихся людей. Хорошо еще, что ни у кого к ружьям не были примкнуты штыки, так что все упавшие отделались только синяками и шишками.

Фабио подумал, что это, пожалуй, замедлило, а может, и остановило солдат. Он осмелился оглянуться. Увы! Несколько людей в синих мундирах проникли через преграду и продолжали за ним гнаться. Правда, они бежали уже не так близко к Фабио. Они кричали: «Остановись! Именем Республики! Приказ Маршала!» Фабио даже показалось, что кто-то из них выкрикивал: «Не бойся!» Но такое было

совершенно невероятно, так что мальчишка тут же забыл эти слова, точнее, эту слуховую галлюцинацию.

Вдруг Фабио так и подскочил на бегу: «А что, если они увидят, что отстают, и начнут стрелять!» Он даже пригнулся от страха и наподдал побыстрей. Но ни выстрелов, ни свиста пуль он не услышал и от этого немного приободрился. По крайней мере, застрелить его, кажется, пока никто не собирался.

Крики преследователей стали совсем редкими, но грохот сапог и не думал затихать. Фабио подумал: «А куда я, собственно, бегу?» Он как раз приближался к высокому островерхому дому из красного кирпича, который стоял в конце Якорной улицы. Его называли Дом Секции. В нем размещались Председатель и комитеты Секции Гавани и заседал Трибунал Секции. Можно было, конечно, заскочить прямо туда и попросить защиты, но Фабио сам слышал, что у солдат был официальный приказ об аресте. Он решил, что как раз в Трибунале от приказа его могут и не защитить: «Ну, может, пайдут мне адвоката, только мне ведь нужна свобода, а не адвокат».

Фабио было некогда подумать об этом дальше. А между тем, если бы у него было время, он бы додумался до таких вещей, которые ему бы, скорее всего, не понравились. Дело в том, уважаемый читатель, что как-то так выходило, что Революционные Трибуналы, когда они судили обвиненных в преступлениях против народа, почти никого и никогда не оправдывали. Они даже не очень внимательно выслушивали оправдания обвиняемых и их защитников. Пока Фабио был зрителем таких процессов, ему это, конечно, нравилось — ведь получалось, что ни один враг народа не уйдет от возмездия и не сможет своими хитрыми уловками запутать справедливый и строгий Суд Народа. Теперь же, когда он стал жертвой несправедливого обвинения врагов Революции, ему бы совсем не показалось правильным, что никто в Трибунале не станет слушать его оправдания. Но мы возвращаемся к Фабио, который приближался к двум расходящимся улицам.

Улица, идущая направо от Дома Секции, вела прямо в Гавань. В Гавани, конечно, можно было легко спрятаться среди складов и сложенных на пристанях грузов. А Фа-

био, надо вам сказать, очень любил играть с друзьями в прятки, и именно в Гавани. Он совсем было собрался повернуть направо. Однако тут ему пришло в голову, что прятки выйдут не вполне честными. Одно дело, когда все ребята прячутся, а водящий их ищет. И совсем другое, когда прятаться будет один Фабио, а искать его — целых сто человек. Так можно было и проиграть.

Фабио решил, что он, конечно, спрячется, но перед этим нужно оторваться от погони. Он свернул налево и оказался на улице Павших Моряков, бывшей Сельдевой. Пахла она так, как будто и теперь была Сельдевой, и вела к Рыбному рынку. Прохожих здесь было много больше. Фабио рассчитывал добежать до рынка и затеряться в толпе покупателей. Но случай скрыться от преследователей представился ему уже на улице. Среди женщин в серых платьях и цветных косынках, идущих с рынка с корзинами рыбы, как-то оказался невысокий черноволосый гражданин в шляпе с бело-синей кокардой Комиссариата Порядка. Гражданин шел, опираясь на трость. Он заметно хромал. Это-то и было нужно Фабио. Он не успел придумать ничего другого, как еще раз, уже, как сказал бы гражданин Хорес, предумышленно, устроить то, что на Якорной улице вышло само собой. Он немного притормозил, чтобы преследователям показалось, что они его вот-вот поймают, и побежал прямо на хромающего гражданина. Женщины вокруг того взвизгнули и прыснули в стороны, а гражданин остался на месте. Он удивленно посмотрел мальчишке прямо в лицо, указал на него тростью и вскрикнул: «Гражданин Фабио! Немедленно...»

В этот момент Фабио метнулся вправо и тут же влево, как бегущий от охотников заяц. Он обогнул человека с тростью, так что тот оказался точно между ним и первым из преследователей. Тот бы, наверное, смог остановиться, если б ему под ногу не подвернулась плоская желтая камбала, которая выпала из корзинки одной из бежавших гражданок. Камбала под солдатским сапогом выпучила глаза и отчаянно пискнула. А солдат поехал на рыбе, как по льду, и въехал прямо в объятия хромого. Вместе они секунды две как будто исполняли какой-то иностранный танец, а потом наконец стали падать. Фабио крутанулся на пятках, выбрал место, где широкие юбки отскочивших на тротуар женщин колы-

хались сплошным серым занавесом, и отчаянно бросился прямо сквозь занавес, как опоздавший актер, пробежавший прямо через зал перед самым началом спектакля. Он вынырнул уже в сумрачном переулке, уводящем в сторону от улицы, свернул в другой, потемнее, в третий, где вовсе была еще ночь,— и наконец не услышал топота сапог за спиной. Тогда Фабио нашел под мышкой свой зеленый колпак, нахлобучил его посильней на глаза и зашагал дальше спокойно.

Между тем погода начала портиться. С моря пришел ветер. Ветер вытолкал с улиц летнюю жару и наполнил их свежестью и холодом. Фабио пришлось развернуть старую отцовскую штормовку и набросить ее на голову и плечи. Остальную одежду он переложил за пазуху.

Но ветер не унимался. На его свист из-за горизонта примчались любопытные облачка. Вслед за ними к Столице потянулись и осторожные серые тучки. Воздух стал набухать и сочиться по краям первыми каплями дождя.

Фабио тем временем шел по улицам и думал: «Значит, Маршал Просперо, вождь „умеренных",— вот кто враг! Он как-то узнал, что Тибул оставил Фабио свой главный секрет, и теперь хочет завладеть им. А может... может, это он и убил Тибула! Тогда он точно ни перед чем не остановится».

Одна осмелевшая синяя туча как раз заслонила солнце. От этого на улице сразу потемнело. Фабио вздрогнул и поплотнее закутался в штормовку.

«Но почему же тогда солдаты Просперо в меня не стреляли? Зачем-то они хотят меня именно схватить. Ага! Наверное, Просперо нужно знать, не рассказал ли я секрет кому-то еще. Да я бы и рассказал, только как понять, кому можно верить, если даже герой Республики, первый друг народа, сам Железный Маршал оказался врагом».

Фабио стиснул зубы. «Ничего,— пообещал он себе,— я во всем разберусь. Тибул, я тебя не подведу».

Летний день наконец не выдержал тяжести принесенных ветром туч. День лопнул с таким треском, с каким дождь бьет по крышам. Вместо воздуха вокруг оказались капли, струи и потоки воды.

На другом конце Столицы, перед Дворцом Народного Собрания, гражданин Эквиа как раз произносил речь на

похоронах Тибула. Он прервал речь, поднял голову и разрешил дождю намочить ему щеки.

— Смотрите, — сказал он, — сама природа оплакивает вместе с нами великого друга народа!

Маршал Просперо стоял напротив трибуны и, набычившись, глядел прямо на гражданина Эквиа. Когда Просперо услышал последние слова о природе, его глаза яростно заблестели. Казалось, он сейчас запрокинет голову и разразится тем самым громовым хохотом, от которого, как говорили солдаты, во втором сражении под Бренном остановилась атака вражеской конницы, а скакавшая впереди полка лошадь сбросила гессенского гусарского полковника прямо под ноги Железному Маршалу.

Гражданка Эквиа стояла рядом с братом. Она поймала взгляд Просперо и отвела глаза. Ее щеки были мокрыми, как у брата, хотя капюшон и закрывал их от дождевых капель.

«Алле!» — чуть слышно прошептала Суок.

Но вернемся к Фабио. Он решил найти укрытие от ливня. Оказалось, что, пока он размышлял, ноги сами принесли его на Четырнадцатый рынок, на место вчерашнего представления. Балаганчик дядюшки Бризака уже успел сложить и убрать подмостки и перегородки, но еще не уехал. Теперь все артисты попрятались от непогоды в вагончики. Фабио устремился к ближайшему вагончику, постучался, был узнан и приглашен внутрь.

Глава VII. Песенка о двух мышатах

Фабио дружил со многими из артистов. Тетя Аглая не ошибалась, когда говорила, что Фабио хотел стать циркачом. Некоторое время назад он проводил в балаганчике дядюшки Бризака целые дни, а иногда и ночевать оставался в цирке. Акробаты уже считали его своим новым учеником. Фабио и сейчас не передумал. Но после сражений за Столицу год назад он отложил карьеру артиста до того времени, когда Республика победит врагов. А пока он собирался, как только ему исполнится двенадцать лет, пойти юнгой в Народный Флот, чтобы воевать с англичанами. Вернее, так он говорил всем, но мы можем вам рассказать

по секрету, что на самом деле он был намерен незаметно пробраться на военный корабль уже в навигацию этого года. Только нужно было выбрать корабль Народного Флота, который пойдет в дальний поход, чтобы Фабио не смогли сразу высадить на берег. Ну а дальше он бы сумел доказать, что достоин быть моряком уже сейчас. Пока, к сожалению, про дальний поход ничего не было слышно.

— Малыш Фабио, здорово! Давно не виделись! А мы тебя вчера ждали не дождались, думали, ты и попрощаться не придешь, — обратился к Фабио длинный человек с горбатым носом, который открыл дверь мальчику. Это был Сильвио, знаменитый наездник и акробат. Другие артисты весело поприветствовали Фабио, а ученый пес Пирожок положил ему лапы на плечи и облизал лоб.

— Здорово, Сильвио! Здорово, ребята! Привет, Пирожище! Прости, ничего тебе не принес, — радостно отвечал Фабио. Он почувствовал себя даже лучше, чем дома. Все здесь были ему рады. Он вдруг подумал, что нашел наконец место, где можно спрятаться.

Циркачи сидели вокруг стола. Их стульями были бочки акробатов и барабаны оркестра. Столом им служил большой ящик фокусника, в котором на представлении то исчезали, то появлялись его помощники. Ящик был обит черным бархатом с серебряными блестками. Среди блесток лежали хлеб и овощи и стояли оловянные стаканы. Артисты собирались перекусить, пока идет дождь. Но поскольку люди они были все веселые и почти все молодые, то вместо обеда у них вышло веселье. Жонглер Помпей снял со стены гитару, сестры-танцовщицы Ана и Мария стали петь новые куплеты, а другие хлопали в такт и подхватывали хором последние слова.

Акробат усадил Фабио за стол рядом с собой.

— Как дела? — спросил он.

— Тибул умер, — печально ответил Фабио.

— Да, — вздохнул Сильвио. — Мы слышали. Говорят, враги убили его прямо в кабинете. Жаль Неподкупного, конечно, но, может, для нас оно и к лучшему.

— Как к лучшему? — Фабио был поражен.

— А ты знаешь, отчего балаганчик уезжает из Столицы, а может, и из страны? — спросил в ответ Сильвио.

Фабио помотал головой.

— Все из-за Песенки двух мышат. Или из-за Клуба Худых, это как посмотреть.

Фабио все равно ничего не понимал и попросил объяснить.

И Сильвио рассказал ему. На представлении две недели назад был показан новый номер. Ана и Мария пели песенку о двух мышатах. Один мышонок жил в доме простого гражданина. Гражданин честно исполнял Шестой Декрет Собрания против обжор и не держал в доме запасов еды. Даже его кот сбежал из дома от такой жизни. Но бедному мышонку от этого было ничуть не легче, ведь и ему не доставалось ни единой крошки. Уж лучше бы кот его съел. Мышонок готовился к смерти, но его спас второй мышонок. Он жил в доме не у кого-нибудь, а у самого гражданина Четвертого Помощника Уполномоченного Секции по надзору за исполнением Декрета против обжор. Уж здесь-то еды всегда было сколько угодно!

Фабио не очень понравилось, что был задет уполномоченный Секции. Но он не мог не признать, что песенка славная и очень веселая.

А Сильвио продолжал рассказ. Один гражданин из Клуба Худых услышал песенку, и она ему совсем не понравилась. На следующий день в балаганчик явилось много «черных». Они свистели, бросили на сцену дохлую кошку и хотели сорвать представление. Другие зрители вступились за циркачей, вышла драка, и Худых прогнали. На всякий случай песенку больше не пели, но было поздно.

Статьи против балаганчика дядюшки Бризака появились в «Друге Народа», главной газете Клуба Худых. «Друг Народа» писал, что артисты — лентяи, потому что не отрабатывают трудовой налог ни в одной из Секций. Мало того, они еще и скрытые контрреволюционеры, так как во время всего их представления ни разу не играют революционные песни, зато старорежимных — сколько угодно. А кличка одного из цирковых коней — Бонавентура, в честь командующего гвардией Трех Толстяков. Это, говорилось в статье, и в пояснениях не нуждается.

Десять рабочих Секций запретили выступления балаганчика на своих рынках. Вокруг цирка днем и ночью стали околачиваться загадочные граждане. Некоторые из них, прав-

да, забывали спрятать бело-синие кокарды сыщиков, что несколько вредило их таинственности, зато серьезно обеспокоило артистов. Попасть под Трибунал, а потом в Табакерку никто не хотел.

Дядюшка Бризак бросился за помощью к гражданке Эквиа. Он напомнил ей, как перед Восстанием они вместе скрывались от гвардейцев, как потом она была лучшей актрисой балаганчика уже в Первый год Республики. Но Суок строго ответила, что она что-то не припомнит, чтобы в то время цирк выступал на стороне обжор, против народа и его избранников. Если давние товарищи Суок хотят, прикрываясь старыми заслугами и дружбой, насмехаться над Революцией и нападать на Республику, в таком деле гражданка Эквиа им решительно ничем не может помочь. В этот миг дядюшке Бризаку показалось, что голос бывшей актрисы дрогнул. Но тут же с ним холодно распрощались.

Тогда дядюшка Бризак отправился к самому Неподкупному. Но и здесь его ждала неудача. Тибул был рад увидеть старого друга. Однако он сказал, что ничего не может сделать. Худые были слишком сильны в Столице, многие граждане были на их стороне, и даже Председатель Бюро не мог открыто спорить с ними из-за циркачей. Пока не мог. Тибул посоветовал подождать.

— А чего нам ждать, Фабио? — говорил Сильвио,— Когда Черная Карета приедет? Тибул вон и сам дождался... уж не от «черных» ли? Он хоть немного им мешал, а теперь они совсем осмелеют. Всех захотят в черное нарядить. Они хотят, чтобы люди пели только революционные марши, а смеялись над тем, как других арестовывают и судят. А кто не с ними смеется — тот тоже для них враг народа, в Табакерку его. Ты знаешь, что на прошлой неделе написали Эквиа в «Друге Народа»?

Фабио, конечно, знал, но покачал головой. «Что творится! — подумал он.— Циркачи читают газеты». Год назад газеты в цирке были только у старого конюха Изгара, он делал из них самокрутки.

— Они написали,— ответил сам себе Сильвио,— что для полной победы Революции, чтобы настало всеобщее равенство, нужно найти и казнить еще двести тысяч тайных врагов народа. Двести тысяч человек, мальш, ты только представь

себе! И так в Табакерке каждый день сгорают люди, а эти сумасшедшие хотят перебить целый большой город! И только за то, что эти несчастные с ними не согласны. «Черные» хотят, чтобы все опять стали бедные и злые, как до Революции. А мы, малыш, не хотим, и не одни мы такие. Мы уже достаточно поголодали и намучались при Толстяках. И только нам, циркачам, жить стало хоть немного получше, так опять они хотят все отобрать. — Тут Сильвио вздохнул. — Теперь одна надежда — на Просперо и умеренных. Только они стоят за свободу. Тибул все чего-то боялся, осторожничал, хотел всех примирить. А наш Маршал Просперо никого не боится! Хорошо, что он привел в Столицу солдат. Уж они устроят «черным» такое равенство! Так что видишь, может, нам и не придется надолго покидать город. Мы пока отъедем недалеко, в предместье, и там подождем. Поехали с нами, а то сейчас в Столице будет опасно. А как только представится случай — поможем Просперо!

Когда Фабио услышал про сыщиков вокруг цирка и про «нашего Маршала Просперо», то чуть не расхохотался. Как же он ошибся! Хуже места, чтобы спрятаться от железной руки Маршала, нельзя было и придумать! «Придется соврать», — решил Фабио. Конечно, врать друзьям — последнее дело, но он вынужден был это сделать для спасения Республики. Он пообещал себе, что, когда все кончится, он обязательно первым делом придет в балаганчик и все-все объяснит.

Фабио сказал, что не сможет поехать с балаганчиком. На него из-за одной недавней истории в Гавани тоже очень злы «черные». Они везде ищут его. Хорошо еще, что из-за дождя сыщики, наверное, не заметили, что он вошел в цирковой вагон, а то бы уже точно ломились в дверь. Балаганчик и так окружен сыщиками, да еще его при выезде обязательно обыщут на заставе. Так что лучше Фабио уйдет, чтобы не подвергать друзей опасности — ведь его имени нет в утвержденном Комиссариатом Искусств и Отдыха списке артистов балаганчика.

— Только помогите мне изменить вид, чтобы скрыться от «черных», — попросил Фабио.

К этому времени их разговор с Сильвио уже слушали все артисты. Конечно, они были готовы помочь.

Дождь все не утихал. Все покупатели разбежались с Четырнадцатого рынка по домам, а вслед за ним попрятались и продавцы. На рынке остались одни сыщики, следившие за балаганчиком дядюшки Бризака. Они торчали среди пустых прилавков и закрытых палаток, как забытые огородные пугала. Теперь им было очень трудно принять вид обычных граждан, смешаться с толпой и вести незаметное наблюдение за объектом, как требовал Устав Сыскной Службы. К тому же все они промокли насквозь. Сыщики собрались и стали совещаться. При этом они отчаянно чихали и дрожали от холода. Они единогласно решили, что в такую погоду балаганчик ни за что не сдвинется с места. Так же единогласно было решено, что наилучшим для интересов Революции действием в таких обстоятельствах будет срочное перемещение всех агентов в ближайший трактир для согревания и сохранения здоровья означенных ценных агентов, крайне необходимого для службы Республике. Решение было исполнено незамедлительно.

Сыщики уселись за стол в таверне «Права человека и гражданина» и именем Республики потребовали по кружке пива. Именно в эту минуту дверь циркового вагона открылась и выпустила Фабио на улицу. Он помахал артистам рукой и побежал к выходу с рынка.

Но это только нам с вами известно, что из вагона вышел Фабио. Любой другой человек увидел бы, что по улице Столицы идет, прячась в штормовку от проливного дождя, рыжеусый гражданин маленького роста, с загорелым лицом, в синих штанах и полосатой матросской блузе. В ухе у него была серьга, на руке — татуировка в виде якоря. В общем, по всем приметам это был моряк.

Наконец-то Фабио мог вздохнуть спокойно. Хоть он и не нашел пока укрытия, но все-таки спрятался.

Глава VIII. На набережной

Тучи затеяли над Столицей какую-то сложную игру. Они пыжились изо всех сил, надувались и ползали друг за другом. Тучи так увлеклись, что совсем забыли поливать город дождем. Одна из них очень ловко изогнулась,

спасаясь от того, чтобы ее осалила другая. От этого между двумя тучами образовалась прореха, и в ней немедленно появился любопытный глаз солнца.

Фабио как раз шел по Новому Таможенному мосту. Это был особенный мост. В старые времена, когда порт был выше по реке, королевские таможенники проделали в настиле дырки и через них подглядывали, что везут в Столицу проходящие под мостом корабли. При Старом Короле ученый Туб перестроил мост. Половину настила, ту, что с дырками, он заменил вставками из прочного стекла, которое выдерживало даже вес кареты, запряженной восемью лошадьми. До Революции гулять по мосту разрешалось только толстякам и богачам. Народная власть открыла мост для всех граждан. Фабио, конечно, шел как раз по стеклянным квадратам и глядел вниз. Вдруг он увидел, как на серых волнах реки под его ногами заплясали белые искры солнечного света. Он дошел до конца моста и осторожно снял капюшон, на всякий случай приготовившись бежать. Но поблизости не оказалось ни одного солдата. Ни один из редких прохожих не попытался его схватить. Никто не указал на него пальцем и даже не посмотрел. Фабио немного приободрился.

«Пожалуй, надо попробовать скрыться у друзей, — подумал мальчишка. — Уж они-то не подведут!»

Фабио решил пойти к братьям Флипон. Они жили далеко от Гаваши, в Секции Каретников, и наверняка еще не знали, что его хотят арестовать. Кроме того, братья были сторонниками Клуба Худых, и Фабио рассчитывал, что они все равно не выдадут его Маршалу Просперо и умеренным.

Приняв это решение, Фабио зашагал от моста направо по Набережной Свободного Труда. Пройдя по этой набережной до Железного моста, вы попадаете на проспект Ремесленников (бывший Канцлерский), а оттуда, повернув налево и пройдя по проспекту четыре квартала, можно было, свернув на улицу Колесников, очутиться в Секции Каретников. Впрочем, если вы впервые в Столице, можете просто идти туда, где дымят трубы мастерских и откуда раздаются звонкие удары молотов и визг пил — и вы непременно окажетесь в одной из рабочих секций, а уж там вам всегда покажут дорогу к своим товарищам.

Фабио все больше нравилась его новая роль. Он шагал вразвалочку, как заправский моряк, хриплым голосом приветствовал встречных матросов и так лихо свистел вслед хорошеньким гражданкам, что те моментально краснели до самых ушей. Он даже пожалел, что отказался от плитки жевательного табака, которую ему предлагали в балаганчике в дополнение к костюму.

Вдруг Фабио увидел, как навстречу ему по набережной идет тот сыщик с тростью, который недавно окликнул его по имени и так неудачно попытался остановить. Сыщик вертел в руке какую-то черную иголку. Он то подносил ее к глазам, то отводил на вытянутой руке. Фабио с самым независимым видом пошел прямо на хромого. Они чуть не столкнулись. Сыщик неуклюже отшатнулся и пробормотал извинения. Он едва взглянул на Фабио и явно его не узнал.

Очень довольный собой, Фабио остановился, положил локти на ажурную решетку ограждения и небрежно сплюнул в реку. «А может, я поторопился прятаться? — подумал он.— Ведь теперь, в новом облике, меня никто не узнает. Я могу даже, пожалуй, пробраться в штаб Просперо и попытаться вызнать его планы!» В этот момент нахальный солнечный зайчик прыгнул Фабио прямо в глаза. Фабио пришлось зажмуриться и осторожно, чтобы не размазать грим, тереть лицо кулаками. Наконец он немного проморгался и тихонечко расклеил веки. Первое, что он увидел, был патруль Секции Колоколен, направлявшийся прямо к нему. Командир патруля, долговязый гражданин в высокой зеленой шляпе, остановился и указал пальцем на Фабио.

— Именем Народа стой на месте, гражданин Фабио, ты арестован! — загремел голос командира.

Фабио был поражен. Он раскрыл рот и даже два мгновения действительно оставался на месте. Потом произошли сразу несколько событий — патрульные подняли ружья на изготовку и шагнули к мальчику, какой-то гражданин попытался схватить его за руку, солнечный блик опять ослепил Фабио, а сам Фабио вывернулся из рук бдительного гражданина и бросился прочь от патруля.

Фабио бежал, ничего не видя, натыкаясь на прохожих, однако ему повезло. Был уже вечер, дождь кончился, и мно-

го граждан вышло погулять на Набережную. Наверное, поэтому патрульные и не могли догнать мальчишку — попробуй угадай, куда побежит человек, если он и сам этого не знает, — и скоро потеряли арестованного в толпе. Фабио между тем удалось, почти что на ощупь, забежать за угол большого дома поблизости. Мальчишка прижался спиной к холодной каменной стене. Он постоял с минуту, затаив дыхание и прислушиваясь к крикам за углом. Скоро он понял, что преследователи пробежали мимо. Тогда Фабио выдохнул и открыл глаза.

Прямо перед ним на стене дома напротив висело объявление с портретом рыжего усатого пирата с серьгой в ухе. Фабио прочел:

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ!
РАЗЫСКИВАЕТСЯ опасный враг народа,
гражданин ФАБИО с Якорной улицы, Секция Гавани,
за причастность к подлому убийству
Тибула Неподкупного
и другим преступлениям против Народа.
Арестовать и доставить живым и невредимым
в Комиссариат Защиты Республики
по приказу Маршала Республики Просперо.
За поимку, а также за любые сведения о том,
где прячется ФАБИО, будет уплачена
большая НАГРАДА
(1 000 000 монет ассигнатами Республики
или 25 пилюль доктора Гаспара)!

Фабио узнал свой портрет на объявлении. Этот портрет был нарисован вчера Вики Летти, когда Фабио гостил у Тибула. На портрете был изображен точь-в-точь нынешний Фабио, загримированный, как вы помните, артистами под моряка.

Фабио наморщил лоб. Читатель, конечно, согласится, что совпадение вышло для мальчишки очень неудачным. Он подумал, что нужно поскорей избавиться хотя бы от усов. Тут его опять чуть не ослепила вспышка света. На этот раз Фабио рассердился по-настоящему: «Сейчас я задам этому шутнику!» Он поискал, где мог бы спрятаться

преследовавший его с зеркальцем человек, а точнее, мальчишка. Только юные сорванцы способны на подобные выходки. Большинству взрослых на такое уже не хватает ни времени, ни терпения.

Рядом никого не было. Все окна в домах были занавешены. «На чердаке!» — догадался Фабио, поднял голову и... увидел в небе арнельфьер! Воздушный шар спустился очень низко. Он висел совсем недалеко от укрытия Фабио, прямо над крышами домов набережной. Бурый мешок сморщился и обвис внутри веревочной сетки. Плетеная корзина под ним раскачивалась. В ней что-то происходило. Суетились люди. Блеснула линза телескопа. Полетел из корзины вниз футляр с запиской.

«Так вот кто светил мне в глаза!» — осенило Фабио. И тут же еще раз: «Вот как они меня нашли!»

Фабио бросился к соседнему дому и присел у стены так, чтобы его не было видно в телескоп с арнельфьера. Он опять развернул штормовку, набросил ее на плечи и надвинул капюшон на лицо. Затем он осторожно двинулся на корточках вдоль стены. Вскоре он повернул за угол дома и оказался на улице Вдов Героев, которая вела от набережной в сторону старых кварталов.

Несколько прохожих удивленно посмотрели на неуклюже ковыляющую фигурку под длинным плащом. Но вот странный человечек зашагал все увереннее. Он даже, кажется, начал расти с каждым шагом!

Фабио понимал, что он привлекает внимание. Но выбора у него не было. Он торопливо сорвал под капюшоном усы, растер рукавом грим по лицу, а тем временем подошел, точнее, подкатился на полусогнутых ногах прямо к одному из зевак, которые на него уставились.

— Гражданин, как найти балаганчик дядюшки Бризака? — пропищал Фабио.

— Иди быстрей на Четырнадцатый рынок, гражданин, может, еще успеешь их застать в Столице, — ответил прохожий. «Наверное, какой-нибудь цирковой карлик или клоун отстал от своих», — подумал он.

Зеваки разочарованно отвернулись. Фабио послушно пошел в указанную сторону. Навстречу ему опять попался патруль. Патрульные бежали точно за угол дома, где не-

давно прятался Фабио. Командир держал в руках футляр, который недавно сбросили с арнельфьера. Фабио вежливо посторонился, и патрульные пробежали мимо него.

Часть третья
ГРАЖДАНИН И ГРАЖДАНКА ЭКВИА

Глава IX. К оружию!

Фабио продолжил путь в Секцию Каретников. Он отцепил от уха серьгу и тогда решился снять капюшон. Он увидел, что на Столицу опускается вечер. Синие тени домов наползали на мостовую. Канцеляристы с разноцветными нашивками на сюртуках и просители с бумагами руках выходили из бесчисленных комиссариатов, управлений и департаментов. Присутственные часы кончились. Все спешили по домам.

Фабио вспомнил про хромого сыщика с сине-белой нашивкой. Тот как-то узнал мальчишку на улице днем, без костюма, но не узнал в обликс моряка.

«Наверное, ему достался другой мой портрет, — рассуждал Фабио.— Сестры Летти ведь нарисовали три портрета, и только на одном я был пиратом, а на других двух самим собой. Впрочем, в третьем портрете тоже было что-то необычное, но вот что — ну не помню! Но все равно это значит, что хромой сыщик ищет меня не для Просперо! Выходит, на меня, втайне от Железного Маршала, охотятся еще какие-то люди. Кто же они, враги или друзья? Если они не с Просперо, значит, друзья? А может, все-таки тоже враги, просто они не доверяют Маршалу и хотят его опередить? Ведь секрет Тибула слишком важен, чтобы делиться им с любыми соперниками. Каждый из врагов захочет сам завладеть им, чтобы держать в страхе всех остальных!»

Фабио хмуро взглянул вверх. На серебряном небе бурыми потеками висели арнельфьеры. Фабио опять спрятал лицо под капюшон. Выходило, что ему теперь ни в каком виде лучше не появляться на улице.

Штормовка тоже не спасет. Ведь наверняка, когда его не найдут, патрулям прикажут останавливать всех, кто скрывает лицо. Остается только спрятаться.

Фабио свернул с набережной и оказался в рабочих Секциях. Здесь на улицах было мало людей — мастеровые и рабочие редко уходили с работы домой так рано. У всех, кого встретил Фабио — и у мужчин, и у женщин, и даже у детей — были бледные лица, согнутые спины и натруженные руки. Только стариков Фабио почему-то совсем не встретилось.

Фабио пришел на улицу Колесников. Он дошел до приземистого каменного домика с деревянным вторым этажом. Здесь жили братья Флипон с мамашей и папашей Флипон и шестью сестрицами Флипон. Фабио постучал в дверь. Ему открыла худенькая женщина с белым лицом и светлыми волосами в опрятном зеленом платье и кухонном фартуке. Это была мамаша Флипон. От рыжего соусного пятна на ее фартуке вкусно пахло овощным рагу. Фабио невольно сглотнул.

— А, Фабио, здравствуй. Арно и Колена нет. Они помогают отцу в мастерской. Можешь подождать, они должны скоро вернуться, — сказала мамаша Флипон усталым голосом. Из дома через открытую дверь доносились хихиканье, визги, писки и прочие звуки, которые издают девчонки, когда несколько из них собираются вместе.

— Хочешь поиграть с девочками? — спросила женщина.

Фабио помотал головой.

— Спасибо, я лучше на улице подожду, — ответил он.

Мамаша Флипон кивнула и хотела закрыть дверь, но остановилась.

— Ты слышал, сегодня весь день ищут какого-то Фабио, моряка как раз из твоей Секции? Говорят, это он убил Тибула и украл те списки врагов, которые Тибул обещал зачитать.

— Слышал, — осторожно ответил Фабио. — Только я его не знаю. Наверное, он на торговом судне служит. Вы же знаете, мы-то из военных моряков.

«Значит, здесь пока ищут только рыжего пирата», — выдохнул Фабио, когда дверь закрылась. Он затолкал поглубже в карман отклеенные усы.

Фабио перешел улицу и устроился в тени дома напротив, так, чтобы его не было видно сверху ни в один телескоп. Не успел он достать ножик, как увидел, что по улице важно шагают двое беловолосых мальчишек. Тот, что повыше, был старший из братьев, Арно Флипон, тот, у которого лицо всегда немного надутое, — младший, Колен Флипон.

«Сейчас все решится, — думал Фабио, поднимаясь на ноги. — Братья видели меня с Тибулом в Черной карете. Они знают, что в Секции Гавани я живу на Якорной улице, как написано в объявлении Маршала Просперо. Значит, они понимают, что я — тот самый Фабио, враг народа и убийца Тибула. Если они за врагов — они попытаются меня схватить. Тогда придется бежать. Это не страшно, я бегаю быстрее, чем любой из них. Плохо, что они дома и знают тут все проходы и переулки и могут меня окружить. Значит, надо сразу бежать прочь из их Секции. А куда? А, ладно, там посмотрим. Все-таки не могут они оказаться врагами!»

Фабио выдохнул и пошел навстречу братьям. Братья увидели его. Они обрадовались.

— Фабио, здорово, друг! — закричал Арно.

— Эй, Фабио, привет! — воскликнул Колен.

— Мы смогли увидеть только самое начало похорон Тибула. А потом нам нужно было помогать отцу. У мастерской срочный заказ Республики для армии, нужно сделать тысячу колес до конца месяца, — сказал Арно, когда ребята поздоровались.

— Это потому что Второй Корпус Северной Армии потерял весь обоз и пушки в грязи под Зоомбергом, когда враги разрушили плотины, — хмуро добавил Колен. — Говорят, сам Просперо едва унес оттуда ноги. Теперь срочно нужны новые фургоны и пушки вместо потерянных.

— А я совсем не смог прийти на похороны, — ответил Фабио и со значением посмотрел в глаза сначала Арно, потом Колену. — У меня были *очень важные дела.*

Братья с интересом поглядели на Фабио. А Фабио все никак не мог понять, догадываются они, кто стоит перед ними, или нет! Они даже про Черную Карету и Тибула не спросили — как это прикажете понимать? Может, не за-

метили? Промолчать обо всем Фабио было никак нельзя. Но и сказать прямо, что вот он я, тот Фабио, про которого говорят, что он убил Тибула, только я Тибула не убивал, он тоже не мог. Он боялся, что не успеет все объяснить братьям и они просто выдадут его патрулю. Оба они, даже младший Колен, были не очень-то сообразительными.

— А какие дела? — спросил Колен.

— Такие, что Маршалу Просперо они не понравятся, — с вызовом заявил Фабио.

— Здорово! — в один голос вскричали братья Флипон.

— Говорят, солдаты Просперо вошли в Секцию Гавани. Ты, небось, вредил им там? — с хитрым видом уточнил Колен.

— И еще как! — подмигнул Фабио.

— Вот повезло! Вот молодец! Расскажи! А ты за нами пришел? А можно нам с тобой?! — Братья были в полном восторге.

Фабио выдохнул. Кажется, в первый раз за весь разговор. Здесь его спрячут от Просперо.

Прокатал короткий гром. Все граждане Столицы, которые были в городе два года назад, во время осады, — а значит, все, кроме детей одного года от роду, — узнали этот звук. Это стреляла пушка. В окнах домов появились встревоженные лица.

— У нас в Гавани, — сразу определил Фабио. Гром раздался еще и еще раз.

— Двенадцатифунтовки, с фрегатов, — уточнил мальчишка.

Братья Арно серьезно покивали.

— Неужели англичане так близко подошли? — удивился Арно.

— Да ты что, брат, какие там англичане... — с досадой бросил ему Колен. — По англичанам бы сначала форты стреляли. И ревун бы в Гавани ревел. Похоже, это из-за солдат Просперо. Что, плохи дела у вас там? — спросил он у Фабио.

Фабио не успел ответить. Барабанная дробь прервала его на полуслове.

В начале улицы Колесников возникла группа людей. Она приблизилась, и стало видно, что первым идет бара-

банщик, потом — человек в черном, а за ними пять милиционеров. Один из них нес флажок Секции Каретников — зеленый, с изображением белой повозки.

Шествие остановилось на середине улицы. Граждане выходили из домов и окружали пришедших. Фабио и братья Флипон тоже подошли поближе. Человек в черном подождал, когда соберется побольше людей, и похлопал барабанщика по плечу. Барабан замолчал. Заговорил человек в черном. У него был высокий сильный голос, от которого делалось тревожно. Но еще тревожней было от того, что он говорил:

— Граждане Секции Каретников! Я комиссар Клуба Худых Мариано. Со мной представитель вашей Секции лейтенант милиции Форж.

Граждане! Республика в опасности! Вы слышите гром пушек? Это маршал Просперо и умеренные подняли контрреволюционный мятеж! Они хотели воспользоваться смертью Тибула и нанести удар в спину Республике. Они задумали обвинить в смерти Тибула настоящих друзей народа и начать террор против них.

Это ложь, граждане! Это умеренные убили Тибула за то, что он хотел их разоблачить! У Клуба Худых есть все доказательства этого! Это имена умеренных Тибул написал в своем списке. Враги хотели спрятать список от народа, но они просчитались! Список Тибула, написанный его собственной рукой, есть в Клубе Худых, и он будет показан народу!

Просперо предательски и тайно ввел в Столицу две дивизии Северной Армии. По его приказу солдаты попытались начать незаконные аресты в Секции Гавани, якобы родственников убийц. Но честные граждане Гавани дали им отпор, и тогда враги подняли оружие, доверенное им народом, против Республики! Они подняли мятеж, чтобы захватить Столицу и свергнуть власть народа. Просперо и его умеренные хотят, чтобы снова нами правили новые богачи и генералы! Они открыто выступили как враги рабочих, враги Республики, враги народа, враги настоящих друзей народа!

Граждане! Генерал Эквиа и Клуб Худых призывают рабочие Секции к оружию! Мы должны дать отпор мятежникам и отстоять нашу Столицу и нашу народную власть!

К оружию, граждане! Защищайте ваши дома от мятежников! Выходите на улицы и стройте баррикады! Выбирайте командиров, верных делу народа. Наберите две тысячи добровольцев от вашей Секции, по семьдесят от каждой улицы. Отправляйте их к Клубу Худых, на улицу Свободы. Там сейчас собирается Совет рабочих Секций! Там генерал Эквиа собирает силы для отпора мятежникам! Мы не будем только обороняться на баррикадах, мы атакуем их сами и разгромим! За нас, честных граждан, сам славный генерал Эквиа! У наших братьев в Гавани тысячи корабельных пушек и неприступные форты, весь Народный Флот остался верен Республике! Граждане, нас больше, и если мы встанем вместе против мятежников, мы сметем их, мы победим!

К оружию, граждане! Все на защиту Республики!

Комиссар Мариано закончил речь уже под частый пушечный грохот. Барабанщик опять заиграл, и люди расступились перед маленькой процессией.

Фабио и братья Флипон переглянулись и направились к комиссару.

— Гражданин комиссар, а нам что делать? Я из милиции Секции Гавани, а это мои друзья, они местные. Мы хотим помочь Республике, — объяснил Фабио.

— Прекрасно, граждане, Республике сейчас очень нужен каждый патриот,— бодро сказал комиссар.— Вы можете быть разведчиками, фронт-курьерами или подносчиками патронов и воды. Идите к Клубу Худых, найдите гражданина, то есть бригадира Гарума, он помощник генерала Эквиа, и скажите, что вас прислал Мариано. Он найдет вам дело.

«Это я виноват, что начался мятеж,— ругал себя Фабио, пока шел с братьями Флипон на улицу Свободы,— я не смог вовремя найти друзей. Может, мне и вовсе надо было сразу, как только сказали о смерти Тибула, броситься на трибуну... но нет, ведь у меня не было с собой портфеля! А потом я только и делал, что убегал и спасался, а надо было спасать Республику. Но ничего, ничего. Я все-таки сумел не попасться врагам. Теперь я почти нашел друзей, я почти выполнил задание Тибула. Это очень плохо, конечно, что начался мятеж, но, по крайней мере, теперь враги показали свое лицо. А искать меня и вовсе теперь все, наверное, забудут».

Вместе с друзьями к Клубу Худых шли другие граждане. На призыв генерала Эквиа откликнулся весь рабочий люд Столицы — рабочие с больших фабрик и заводов и ремесленники из маленьких мастерских, грузчики из речного порта, каменщики и трубочисты, поденщики и разносчики, мостовщики и пекари... Вместе со многими из них на бой шли жены и старшие дети, чтобы заряжать и подавать ружья, собирать ядра и пули, выносить раненых.

Из улиц и переулков выходили все новые и новые граждане и присоединялись к идущим на защиту Республики. Людской поток тек уже через кварталы артистов, и здесь в него вливались художники в измазанных краской рубахах, веселые журналисты, писатели, поэты.

Над толпой звучала Рабочая песня, словно вернулись славные и грозные времена Первого Восстания:

Эй, берегись! Богач, берегись!
Это идет рабочий народ!
Толстяк, прочь с дороги! Посторонись!
Не то народ тебя сметет!

Глава X. Клуб Худых

На улице Свободы было не протолкнуться. Пикеты из граждан в черной одежде стояли в самом начале улицы. Здесь всех останавливали и спрашивали, зачем они пришли в Клуб. Граждане, стоявшие в очереди перед тремя друзьями, говорили, что они пришли из Секций по призыву генерала Эквиа и Клуба защищать Республику. Их тут же отправляли в один из ближайших домов на той же улице. Там у каждого подъезда члены Клуба распределяли добровольцев по батальонам и выдавали оружие, черные кокарды и повязки. Клуб Худых готовился сражаться под черными знаменами Равенства.

Фабио сказал, что он и его друзья направлены комиссаром Мариано к бригадиру Гаруму. Их пропустили дальше по улице. Мальчишки прошли еще через два пикета. Они оказались перед входом в высокое белое здание. При Толстяках в нем была резиденция Государственного Кан-

цлера. Дом плыл над улицей, как корабль под полными парусами. Огромные окна первого этажа были раскрыты. Через них было видно, как в комнатах и коридорах десятки людей докладывают, слушают, спорят, диктуют, пишут, отмечают что-то на карте. У парадной лестницы небольшой оркестр отчаянно играл марши. Из ближайшего окна высунулся гражданин в зеленом мундире начальника милиции Секции и именем Республики, черт побери, потребовал играть потише.

Через главный вход все время входили и выходили люди. Но здесь волшебные слова, что идут посланцы комиссара Мариано, не сработали. Начальник караула велел мальчишкам подождать. Ждать пришлось долго. Фабио и братья Флипон устроились у лестницы, по другую сторону от оркестра.

Сначала трое друзей занимались тем, что определяли, где и что в городе стреляет. Выходило, что кроме тяжелых корабельных в бой вступили и армейские трехфунтовые пушки, какие были в каждой пехотной полубригаде. Они не грохотали, а скорее гавкали. Пальба доносилась уже не только из Гавани. Стреляли и в центре, в Старых Кварталах. Синие вечерние тучи опять сгустились над городом. Иногда можно было заметить, как далекий батарейный залп или взрыв на мгновение отражается в них багряным сполохом.

Вскоре друзьям надоело прислушиваться. Они начали игру, в которую играли тогда все столичные мальчишки, — кто назовет больше разных пилюлек доктора Арнери.

Все отлично знали, как действуют пилюли первых шести цветов. Читатель должен помнить, что мы уже рассказывали об этом выше. Самое интересное начиналось дальше. По городу ходили десятки слухов о разных особенных или секретных пилюлях. Конечно, все, кто о них рассказывал, клялись, что это подлинная правда, но никто не предъявлял в доказательство самих пилюль. Это, впрочем, неудивительно. Ведь рассказывали, например, о «желтых глазках», цвета старого режима Трех Толстяков. Эти пилюли будто бы предлагались подследственным Верховным обвинителем Арнери. Они сначала заставляли любого врага народа сознаться доктору Гаспару во всех преступлени-

ях, а потом приносили смерть в страшных мучениях. Для честных граждан они были совсем не опасны.

Или вот белые пилюли — утверждалось, что агенты Республики незаметно подкладывали их иностранным принцам, министрам и генералам. Раз попробовав такую пилюлю, человек уже не мог без них обходиться, и за новую их порцию выдавал нашим разведчикам любые вражеские тайны. Багровые пилюли вдесятеро увеличивали силу и ловкость. Оранжевые позволяли обходиться совсем без сна. И так далее. Были якобы и такие особые пилюли для взрослых, о которых детям даже говорить строго запрещалось. Дети, впрочем, все равно о них говорили — ведь каждому хотелось выиграть, назвав такой цвет, которого никто больше не знает! И уже только шепотом передавали страшные истории о «черных глазках».

Колен на этот раз удивил друзей дополнением к уже известному рассказу о том, что черные пилюли подчиняют любого человека доктору Гаспару и заставляют принявшего их исполнять любые приказы доктора, а потом забывать о том, что он делал. Младший Флипон страшным шепотом рассказал, что того, кто съел черную пилюлю, доктор Гаспар может вызвать даже из могилы! Об этом под большим секретом сообщила сестрицам Флипон одна девочка с улицы Тележников, племянник которой бывал по службе во Дворце Науки и будто бы случайно подслушал эту тайну под дверью в секретный кабинет самого доктора. Доктор Арнери тогда как раз оживил и допрашивал самого предводителя южных мятежников Лапитупа!

— Погоди, Колен, но ведь я сам видел, как Лапитупа отправили в Табакерку! А потом из его пепла сделали удобрение для народных садов на Поле Свободы. Так со всеми врагами делают. Доктор, что ли, собрал землю и «черным глазком» пепел оживил? — поразился Фабио.

Колен надулся сильнее обычного и стал доказывать, что доктор Гаспар может всё. Арно ему поддакивал. Тут наконец вернулся караульный, который был послан к бригадиру Гаруму, и велел друзьям следовать за ним.

Мальчишек провели на второй этаж. Курьеры и адъютанты бежали сюда и убегали отсюда вдвое быстрее, чем на первом этаже. Четыре пахнущих порохом милиционера

бегом пронесли вверх по лестнице на носилках офицера в разорванном голубом мундире и в бинтах. Офицер зажимал в зубах собственную косицу и не то пел, не то рычал сквозь нее. Кажется, он был привязан к носилкам. Носилки занесли в первые двери от лестницы. Немедленно оттуда раскатились по коридору громкие голоса.

Караульный обменялся словами с часовым перед следующей дверью и ввел в нее троих друзей.

В комнате, похоже, до мятежа была мастерская художников. Сейчас подрамники с холстами стояли у стен, мольберты и кисти были свалены в углу. Один табурет остался посреди комнаты. Карты и бумаги были разложены на полу перед табуретом.

— Гражданин бригадир, вот граждане от комиссара Мариано, — объявил караульный.

Смуглый человек с темными кудрями в двууголке, стоявший у окна, повернулся и двумя шагами, похожими на прыжки леопарда, пересек комнату. Бригадир Гарум, а это был, конечно, он, улыбнулся такой белозубой улыбкой, что ее предъявитель мог без всякого паспорта доказать, что он происходит с Островов.

— Это вы из мильиции Гаваньи? — спросил он и тут же воскликнул: — Эй, постой, да ведь ты Арно Флипон, ты помогал Клубу строить декорации на празднике Весны!

— Да, гражданин бригадир! — радостно выкрикнул Арно.

— Значит, вы не из Гаваньи, — сказал Гарум. Он тут же сменил улыбку на складку между густыми черными бровями.

— Я из милиции Секции Гавани, гражданин бригадир Гарум, — шагнул вперед Фабио. На всякий случай он не стал сразу называть свое имя. Он, конечно, уже вспомнил, что слышал про гражданина Гарума, вождя восстания на Островах, одного из основателей Клуба Худых, постановщика главных революционных шествий и праздников. Но Фабио уже решил про себя, что если сможет, то откроет секрет Тибула только лично гражданину Эквиа, ну или Суок.

— Это очень хорошо, — сказал Гарум. Похоже, ему сейчас было не до имен.

— Тогда к делу. — Он положил руки на плечи Арно Флипону, и его черные глаза оказались прямо напротив голубых глаз мальчика.

— Гражданин Арно, ты ручаешься за своих друзей? — спросил Гарум.

— Ручаюсь, гражданин бригадир, — не моргнув, ответил Арно.

— Отлично, — сказал Гарум. — Теперь вы все, граждане. Возьметесь выполнить опасное задание для Республики?

— Да, гражданин бригадир, — хором ответили друзья.

— Тогда слушайте. Нам очень нужно связаться с Секцией Гаваньи и с Народным Флотом. Наши наблюдатели с арнельфьеров докладывают, что они отбили мятежников и сами перешли в наступленье. Но дивизии Просперо занимают весь центр Столицы и отрезают нас от Гавани. Они захватили или взорвали все мосты на левый берег. Мы не можем связаться с Гаванью. Похоже, всех наших фронт-курьеров перехватывают. Генералу Эквиа очень нужно, чтобы его депеша попала к командирам сил Гавани и Флота. Если не получится доставить письмо, нужно передать им сообщение на словах. Нужно их убедить, чтобы Гавань и Флот немедленно прекратили наступленье! Просперо хитер, он специально отступает и выманивает их подальше от моря и защиты корабельных пушек, чтобы разгромить. Они, конечно, не дураки и должны понимать, что это опасно. Но скорее всего они просто не уверены, что их кто-то поддержит, и поэтому спешат. Просперо хочет разбить нас поодиночке. Сначала Гавань, пока Клуб Худых еще не собрал рабочие Секции. Потом нас. Нам нужно еще несколько часов на подготовку наших сил. К полуночи мы вооружим и поставим в строй десять тысяч бойцов и будем готовы. Если мы ударим вместе с Гаванью и моряками, с двух сторон сразу, то раздавим мятеж. — Гарум яростно сжал кулаки. — Только пусть сейчас остановятся! Просперо заманивает их на широкие центральные площади, наверняка он поставил там свои главные батареи. Их сметут картечью! Надо как можно быстрее их предупредить!

Мы надеемся, что вам, мальчишкам, будет легче пробраться через силы Просперо. Ну а дорогу в Гавань вы должны знать лучше любого из нас. Ну что, готовы?

— Мы готовы, гражданин бригадир, — ответил Фабио за всех. — Дайте каждому из нас письмо, и мы попытаемся

пробраться отдельно. Уж один-то точно пройдет! Ради Республики мы сделаем все, что только сможем!

— Вельиколепно сказано, гражданин! — Бригадир Гарум широким театральным жестом снял двууголку и примерил ее на голову Фабио. Гарум поглядел на Фабио, и вдруг по его лицу, как по воде от ветра, пробежала рябь. Через секунду он опять улыбался.

— Подождите на первом этаже в караульной, граждане, я пришлю к вам письма и провожатого,— сказал Гарум торжественно и опять отошел к окну.— Помньите, от вас зависит судьба Республики. Удачи вам. Идите. Гражданин Арно, останься на минуту,— добавил он.

Фабио и Колен развернулись. Колен тут же выскочил из комнаты. Фабио на секунду задержался у двери. Рядом с ней у стены стоял портрет, которого Фабио не мог заметить, когда входил. На портрете был изображен генерал в двууголке с пышными перьями. У генерала было лицо Фабио.

«Ох уж мне эти веселые сестрички Летти»,— только и подумал Фабио.

Мальчишка постоял немного у двери в кабинет Гарума. Арно вышел и не заметил его. Флипон-старший что-то спросил у часового, и тот повел его вниз по лестнице. Мысли носились у Фабио в голове, как перепуганные мыши. Наконец, он ухватил одну из них за хвост. Другие тут же попрятались.

«Пора идти к генералу Эквиа и все рассказать, а то, если меня к нему под караулом приведут, вряд ли будет легко его убедить»,— вот какой была пойманная мысль.

Фабио повернул голову, чтобы найти в коридоре дверь в кабинет председателя Клуба Худых. Он увидел, что гражданин в синем генеральским мундире и черных штанах Клуба Худых, гражданин с бледным лицом в черных разводах, гражданин с коротко остриженными золотыми волосами и пронзительным взглядом серых глаз идет по коридору прямо к нему, к Фабио.

«Ну вот и все»,— выдохнул Фабио и шагнул навстречу генералу Эквиа. Вдруг что-то больно ударило Фабио в лоб. Он очутился один в темной комнате. Генерал Эквиа исчез.

Глава XI. Настоящие списки Тибула

— Эквиа, зайди, — услышал Фабио знакомый голос из-за стены. Фабио помотал головой. Голова гудела.

— Нет времени, — ответил другой голос.

— Тогда послушай здесь, — настаивал первый.

— Говори, — разрешил второй.

— Здесь тот самый Фабио. Он сам пришел.

Тут Фабио моментально пришел в себя. Вот что он понял. Первый голос принадлежал бригадиру Гаруму. Второй был генерала Эквиа. Фабио ударило дверью, когда Гарум распахнул ее, выходя из кабинета. Теперь он был зажат в темной щели между раскрытой дверью, которую он принял за стену, и настоящей стеной. Двое за дверью его, наверное, и не заметили.

— Что говорит? — спросил Эквиа гораздо тише.

— Ничего, — ответил Гарум тоже тихо. — Он даже не назвался. Я его отправил связаться с Гаванью, а потом случайно узнал. Он сейчас внизу, в караульной, ждет твоего письма.

— Взять. — Голос Эквиа стал холодным, как вода в колодце зимой, когда в ней плавают льдинки. — Поиски Фабио прекратить, все отряды агентов отозвать и передать мне в прямое подчинение. Хватит шпионить, сейчас каждый штык дорог. Если я кого-то из них встречу раньше — сразу сниму с задания и заберу себе. Какой ты им дал пароль?

— Сено.

— Ха-ха. Но иголку-то мы все-таки нашли! Хорошо. Фабио допросить. Если списки у него — отобрать и доставить мне. И чтоб ни одна душа в них даже не заглянула. Ты и сам лучше не читай.

— А если списков у него нет?

— Выяснить, где спрятал. Вот это, — (Фабио через дверь не мог ничего видеть, но мы можем рассказать читателю, что с этими словами Эквиа достал из жестяной табакерки крошечный янтарный шарик и вложил его в пальцы Гарума), — чтобы побыстрее рассказал.

— И вот еще, от доктора. — На этот раз к Гаруму перешел оранжевый шарик.

— А если у Фабио есть сообщники? — спросил бригадир.

— Не сейчас. Уже не важно. Главное, убедись, что хотя бы в ближайшие часы никто не будет размахивать настоящими списками. Кроме меня.

Что-то зашуршало.

— Вот это теперь настоящие списки Тибула, — продолжал Эквиа. — Видишь, первый враг — Просперо, ну и так далее. Внизу приписка, что настоящие, лучшие друзья народа — Клуб Худых. Подпись — Председатель Тибул. Грубовато, конечно, но теперь уже никто все равно проверять не будет. Если окажется, что Тибул написал такие же, — тогда возьмем их. Через час я в любом случае покажу *настоящие* списки Тибула нашим солдатам. Удачно, что это мы поймали Фабио, теперь будет проще объяснить, откуда они у нас. Через час Фабио должен будет подтвердить перед всеми, что это он убил Тибула и украл списки по заданию Просперо. Бросай все остальное и займись этим. Смотри, чтоб у него на лице не было синяков. Если не будешь в нем уверен — лучше не выводи. Тогда скажем, что его убили во время погони, а списки нашли за пазухой. Испачканные в крови.

— Но...

— Да ладно тебе. Это ведь он убил Тибула той иголкой! Ты его под суд отдать хочешь? Доктору? Думаешь, там его оправдают? Да ты пойми, Гарум, если бы даже этот Фабио был святой, как у попов при старом режиме, все равно спасение Республики сейчас важнее, чем жизнь любого гражданина! Всё, мне пора, через час встречаемся в Клубе в моем кабинете.

— Да, еще одно, — через секунду опять заговорил Эквиа. — С агентами я поторопился. Оставь себе десять самых доверенных людей. Пусть ищут Суок. Где она — не знаю. Может, даже на той стороне. А может, у доктора, он тут недавно был со своими бестолковыми уговорами помириться. Только время отнял. Суок могла спрятаться у него в карете. И не делай такие глаза. Нам сейчас нужно, чтобы она не наделала глупостей. Когда найдут — пусть вернут ее в Клуб. Раньше надо было мириться. Вот, теперь всё, действуй!

Фабио зажмурил глаза от отчаяния. Сейчас дверь закроется, Фабио увидят — и тогда жить ему останется меньше часа. Фабио вздохнул раз, другой — и открыл глаза. Дверь осталась на месте. За ней больше никого не было слышно.

Фабио так никогда и не узнал, что его спасло. Мы же сейчас объясним вам, как это вышло. Дело в том, уважаемый читатель, что в Клубе Худых было правило никогда не закрывать двери ни в один кабинет. Считалось, что товарищам по Клубу нечего скрывать друг от друга и от всех граждан Республики — гостей Клуба. Так что даже теперь, когда у Клуба появились открытые враги, а гражданин Гарум был назначен командиром тайных агентов генерала Эквиа, он все равно по старой привычке оставил дверь открытой и ушел на первый этаж, чтобы собственноручно арестовать Фабио.

Тем временем Фабио понял, что у него есть надежда выбраться. Он немедленно достал из кармана помятые усы и приплеснул их под нос. Потом он боком выбрался из-за двери в коридор, принял самый озабоченный вид и присоединился к спешащим курьерам. Он зашагал в другую сторону от главной лестницы. Фабио искал черный ход или какой-нибудь выход для слуг. Он понимал, что даже усы вряд ли помогут ему пройти незамеченным через парадный вход, мимо братьев Флипон, Гарума и десятка караульных солдат.

Фабио повезло. Он увидел через одну из открытых дверей перила посреди комнаты. Перила уходили вниз. Фабио решительным шагом вошел в комнату. В ней были расставлены столы, как в школьном классе. За столами сидели граждане. Все они писали. Фабио подошел к ближайшему столу. За ним была гражданка в больших круглых очках и в черной куртке. Она торопливо переписывала набело какое-то исчерканное воззвание, начинающееся с выписанного большими буквами слова «РЕСПУБЛИКА». Все лицо и очки гражданки были в синих чернильных брызгах-веснушках.

— Письма в Гавань на подпись генералу Эквиа готовы? — спросил Фабио.

Гражданка только молча помотала головой и махнула рукой себе за спину. Фабио издал в ответ уверенное хмы-

канье и направился мимо остальных столов прямо к лестнице. Он сбежал на первый этаж и оказался перед дверью. Дверь была закрыта, а перед ней стоял лысый гражданин с черной лентой поперек груди и с коротким кавалерийским ружьем в руках.

— По заданию бригадира Гарума,— сказал ему Фабио.

Часовой молча направил ружье на мальчишку.

— Сено,— негромко произнес Фабио.

Часовой убрал ружье, посторонился и буркнул: «Проходи».

Фабио опять оказался на улице Свободы. Ему показалось, что прошло сто лет с тех пор, как он с братьями Флипон зашел в Клуб.

Темнело. Дома превратились в таинственные черные провалы в фиолетовом небе. Толпа бурой змеей ворочалась между ними. На шкуре змеи искрами блестели факелы. Народу перед Клубом собралось уже столько, что солдатам приходилось силой расчищать дорогу через толпу для курьеров. У домов, где выдавали оружие, горели костры в больших жаровнях. Тяжелый ледяной ветер дул от моря. Ветер простреливал всю улицу насквозь. Он яростно трепал желтые языки пламени и заставлял их стелиться над самой землей.

Бригадир Гарум то ли не успел, то ли побоялся в темноте объявлять поиски сбежавшего. Во всяком случае, все караулы пропустили Фабио без всяких вопросов.

Фабио вышел за освещенное пространство в темноту. Оставшись один, он неожиданно расплакался. Даже разревелся. Он бросился бежать. Он бежал домой.

Мы верим, что читатель не торопится осуждать его за это. Ведь не прошло и дня после смерти Тибула, как Фабио выяснил, что главнейшие друзья народа, на помощь которых он так надеялся, оказались врагами. Всё это время за Фабио все гнались, ловили, грозили, обманывали, и наконец он узнал, что все в нем очень нуждаются как в доказательстве подлинности подделанных списков Тибула. Только лучше, если он при этом будет уже убит. Вы сами, читатель, смогли бы не расплакаться в таком положении? Мы очень сильно в этом сомневаемся.

Фабио не помнил, как он шел через Столицу, как пробрался через расположение черных отрядов Клуба, потом сине-белой армии умеренных, как нашел не взорванный мост и перебрался на левый берег реки, как еще раз перешел линию фронта и оказался уже в своей родной Секции Гавани. Наверное, плачущего чумазого мальчишку пропускали солдаты и командиры всех сторон. Может быть, они надеялись, что и их детей кто-то так же пропустит, если сражение в Столице докатится до их домов?

Фабио пришел в себя, когда совсем недалеко бабахнуло так, что земля затряслась под ногами. Колпак сорвался с головы Фабио и птицей унесся в ночь. Фабио прикрыл глаза ладонью от жаркого ветра и обернулся. Он увидел, что взорвался стоявший на середине реки большой корабль Народного Флота. Теперь было уже не понять, линейный или фрегат — верхние палубы с мачтами разнесло в щепки. Белое полотно взрыва опало, и над бурой водой остался только дымящийся остов. С другого берега раздались радостные крики «синих».

Письмо Эквиа было уже не нужно — последний батальон моряков отходил по Гранитному мосту из центра Столицы на правый берег реки, в Гавань. Погибший корабль как раз прикрывал их отступление огнем своих пушек. «Синие» остались на левом берегу. Они не торопились преследовать моряков. Похоже, обе стороны сейчас больше боялись, что их застигнет буря, и не стремились в новый бой. Фабио отвернулся и пошел в сторону от реки.

Гром рычал в небе так сильно, что иногда заглушал пушки. Ветер тряс ставни и заставлял дребезжать оконные стекла. Фабио выплакал последнюю слезинку, стер ее с лица и обнаружил, что замерз. Кто-то набросил ему рабочую куртку поверх цирковой блузы, но здесь, вблизи от моря, от ветра не спасала и она.

«Пойду домой, — решил мальчишка, — хотя бы согреюсь и поем. Солдат Просперо выгнали наши, а Эквиа до Гавани пока не дотянулся. Переночую, а там видно будет. Всё равно выбирать уже особенно не из кого. Не так-то много осталось тех, кто может быть другом». Он устало побрел на Якорную улицу. Только своего дома он там не нашел.

Часть четвертая
ВЕРХОВНЫЙ ОБВИНИТЕЛЬ ГАСПАР АРНЕРИ

Глава XII. Ночная игра в прятки

Дома Фабио больше не было на Якорной улице. От него и от многих соседних домов уцелели только почерневшие от огня части стен и куски обгорелых досок и мебели. В тех домах, которые остались целы, почти все окна вместо выбитых стекол были наскоро завешены тряпками или забиты досками, а на стенах остались следы ядер и картечи. Вечер уже почти перешел в ночь, и на улице никого не было. Видно, Секция нашла где-то еще место для ночлега жителям разрушенных домов.

Фабио уже невозможно было расстроить ничем. «Так я и знал!» — подумал он даже с каким-то странным удовлетворением. Враги не забыли ничего из того, что только можно было сделать человеку плохого.

Комиссар Мариано говорил, что бой в Гавани начался с того, что солдаты Просперо попытались арестовать родственников Фабио. Значит, все началось здесь, на Якорной улице. Похоже, синих вымели с улицы ядрами и картечью, вместе с домами. И поделом! Фабио мог только надеяться, что тетя Аглая все-таки уцелела. Что ж, сражение не окончено. Фабио больше нечего терять, и он жив. Теперь и он пощады им не даст.

Фабио засунул руки в карманы и, насвистывая, пошел в сторону Гавани. Там был его последний резерв.

Дом Секции был ярко освещен. Вокруг него стояли пушки. Милиционеры и военные моряки грелись у костров рядом с пушками. Фабио не пошел в Дом. Он рассудил, что там его непременно узнают и, пожалуй, потребуют слишком много всего объяснить. Придется врать. А он совсем не был уверен ни в том, что ему поверят, ни в том, что в Секции нет шпионов Просперо или Эквиа. Фабио прокрался по неосвещенной стороне улицы мимо Дома. Он шел к торговой Гавани.

Вскоре Фабио был на пристанях. Никто его даже не окликнул — все сторожа попрятались от непогоды. Черная

вода в Гавани тяжело колыхалась. Волны толкали бревна причалов где-то далеко внизу. Немногие суда, капитаны которых рискнули остаться у пристаней, тяжело покачивались. Они были похожи на слонов в цирковом стойле, которые раскачивают во сне большими головами. Скрипели канаты, потрескивали мачты, звякали и стучали цепи.

Фабио дошел до места на пристанях, где штабелями и пирамидами были сложены пустые бочки, ящики и поддоны. Это был целый странный город, в котором жили только портовые кошки и крысы. Именно здесь Фабио с друзьями играли в прятки.

Фабио очень уверенно прошел в темноте по узким «улицам» между штабелей к известному ему месту. Он нырнул в проход между большими ящиками и вскоре вышел с черным кожаным портфелем в руках.

Фабио хотел поесть и согреться. Для этого ему были нужны деньги или что-то еще, на что можно обменять еду и спички. Он решил, что портфель гражданина Арнери для этого вполне подойдет.

Через десять минут Фабио зашел в портовый трактир «Старый моряк». Трактир имел самую дурную славу. Здесь собирались контрабандисты, торговцы запрещенными товарами, особенно «глазками», и прочие темные личности, которые имеются в каждом большом порту. Даже пираты будто бы заходили сюда, когда их корабли под видом мирных купцов бывали в Гавани. Дело в том, что в последние годы в Столице были рады любому судну, пробравшемуся в порт через английскую блокаду, и не слишком внимательно проверяли, откуда привезен груз и есть ли на него все документы. Но вернемся к трактиру. Даже народная власть ничего не могла поделать с этим заведением. Совет Секции Гавани несколько раз издавал постановления о закрытии «Старого моряка», но тот каким-то образом каждый раз вскоре открывался снова. Даже его название оставалось прежним, вопреки Указу Бюро о патриотических вывесках. Двери «Старого моряка» были открыты всю ночь в нарушение другого декрета народной власти, о рабочем времени. Видно, и тут были замешаны какие-то враги! Но Фабио выбирать уже не приходилось. По крайней мере, здесь-то уж точно нельзя было встретить сторонников ни

одного из тех друзей народа, от которых Фабио бегал целый день.

Трактир был почти пуст. Фабио прошел между столами прямо к двери на кухню. Ему навстречу, вытирая волосатые руки о клетчатый передник на огромном пузе, вышел сам Папаша Гро. После того, как Трех Толстяков отправили в Табакерку, Папаша Гро стал самым толстым человеком в Столице. Он мигом оглядел Фабио с ног до головы своими маленькими глазками, тонущими в складках щек.

— Чего надо? — спросил он сиплым голосом.

— Поесть и еще кой-чего, — ответил Фабио и честно добавил: — Только у меня денег нет.

— Не подаем, — буркнул Папаша

— А за это? — Фабио показал портфель.

Гро только покачал головой и хотел вернуться на кухню.

— Погоди! — воскликнул Фабио. Он вынул из кармана тетушкину бонбоньерку и открыл ее.

Папаша Гро скривился, как будто раскусил гнилой орех, и процедил:

— Малый, ты, видать, не с Гавани. У нас сегодня пушками все докторские столбы разнесло. «Глазки» на земле валяются. Их уже и крысы не жрут.

У Фабио осталось последнее средство. Он осторожно выудил из-за пазухи маленький бумажный сверток, который пашелся на дне портфеля. Он отогнул краешек бумаги мизинцем левой руки и вытряс что-то маленькое в правую ладонь.

— И такие? — спросил Фабио и раскрыл ладонь прямо перед лицом трактирщика.

Глазки Папаши съехались к самому носу. Он два раза громко икнул. Он протянул толстый, как сарделька, палец. Палец тихонько потрогал лежащий на ладони Фабио черный шарик с белыми точками, и правда похожий на глаз какой-нибудь уродливой глубоководной рыбы. Фабио на всякий случай сделал шаг назад.

— Достались мне случайно, никто не видел. Мне они ни к чему, — негромко сообщил он Папаше, — могу все отдать за жратву, одежду и спички.

Папаша Гро бросил быстрый взгляд за спину Фабио, на прочих посетителей трактира. Затем он повернулся и очень

быстро исчез в темных недрах кухни. Зазвенела упавшая сковорода. Через два мгновения Папаша снова возник перед дверью, уже с мешком в руках. Мешок он протянул Фабио.

— Хлеб, колбаса, рыба, сыр, вино, куртка, штаны, спички, — прошипел Гро и вытянул вперед левую руку.

Фабио опустил свою бумажку в мягкую круглую ладонь величиной с тетушкину тарелку и принял мешок.

Папаша Гро снова догнал его уже на улице. Фабио отпрыгнул от Папаши сразу на два метра.

— Да не, я не то, ты не боись, вот тебе несу. — Трактирщик протянул Фабио легкий квадратный фонарь с медной ручкой. Свеча в нем была зажжена. Мальчишка осторожно взял фонарь и опять отодвинулся.

— Только ты, малый, не говори про них никому, — сказал ему Папаша Гро. — Самому хуже будет. Мне что, я отбрехаюсь как-нибудь, не впервой. А ты за такое прям в Табакерку пойдешь, а то и куда похуже. Доктор Гаспар ох не любит, когда у него «глазки» таскают, а уж такие... Он тебя под землей найдет, если хоть кому проболтаешься. Был тут один такой разговорчивый... говорят, до сих пор во Дворце Науки на тайной живодерне граждане ученые на нем опыты всякие ставят. Так что молчи уж. И на глаза мне больше не попадайся.

«Доктор Гаспар, вот кто остался», — думал Фабио, пока шел обратно.

«Доктор Гаспар может все, — рассуждал Фабио, вернувшись в свое укрытие и устраивая небольшой костер. — Его боятся все самые страшные враги. Он хочет помирить Эквиа и Просперо. Он хотел помочь Тибулу вчера. Доктор Гаспар самый умный на свете, только он меня выслушает и мне поверит. Мне нужно найти к доктору! Вместе с ним мы еще, пожалуй, сможем остановить бой в Столице и спасти Республику».

Фабио отгородил себе очень уютное место среди ящиков. Он развел костер и наконец согрелся. Даже начавшийся дождь ему был не страшен — мальчишка устроил над собой настил из ящичных крышек. Худая серая кошка вышла из темноты и устроилась напротив Фабио. Мальчишка бросил ей шкурку от колбасы.

Отчего-то Фабио даже здесь не чувствовал себя в безопасности. Он то и дело вздрагивал и оглядывался от каждого громкого звука. Даже шорох падающих капель казался ему странным. Один повторяющийся стук был особенно подозрителен. Этот стук приближался, и то был не дождь! Кошка тоже насторожилась, поднялась и сбежала.

Фабио зажал в кулак кусок хлеба, тихонько опустился на землю и, двигаясь задом наперед, пополз в узкий проход у себя за спиной. Он остановился, только когда решил, что его нельзя будет увидеть от костра.

Через минуту он увидел, что спрятался не напрасно. Из темноты на свет от костра вышел мокрый человек с грустным вытянутым лицом, в черной шляпе и с палкой. Видно, он стучал ею по ящикам, когда искал дорогу. Человек посмотрел на костер, пошевелил тростью мешок с едой и издал тяжелый вздох. Он стал неловко усаживаться на ящик, где только что сидел Фабио. Тут Фабио понял, что это был тот самый хромой сыщик!

— Доброй ночи, гражданин Фабио. Думаю, ты меня слышишь, — сказал хромой.

Фабио из своего укрытия смотрел прямо в его спину в темном сюртуке и старался дышать потише.

— Меня зовут Леко Ланфран. Я старший дознаватель Столичного Управления Комиссариата Порядка. Меня назначили расследовать убийство гражданина Тибула.

Видишь, какая штука, гражданин Фабио, заговоры, измены и всякие другие, что называется, преступления против народа и Республики готовы расследовать сотни комиссаров, начальников и чиновников из Комиссариата Справедливости, из Особого Комитета Народного Собрания и еще черт знает откуда. Вот. А как доходит дело до старых добрых кражи и убийства, так оказывается, что все эти грозные комиссары могут только выбивать признания из врагов народа, которых наудачу похватали на улице. А настоящего вора и убийцу ловить приходится простому дознавателю Леко, даже если убит сам Тибул Неподкупный.

Ох, гражданин Фабио, ну и задал же ты работу моей единственной ноге. Тебе-то хорошо бегать по Столице, ты молодой, а попробуй-ка угонись за тобой на моей деревяшке!

Ты, наверное, думаешь, кто тебя выдал? Никто не выдал, не беспокойся, просто я походил-походил по Столице по твоим следам и понял, что больше тебе идти некуда. А про это место мне твои здешние друзья-приятели еще днем рассказали, что вы здесь в прятки играете.

Ну да ладно, к делу. Послушай, что я тебе скажу. Я, гражданин Фабио, пожалуй что единственный в Столице, не считая твоей бедной тетки, кто думает, что ты Тибула не убивал. Знаешь, почему? Молчишь... Да просто тебя ловят и на тебя думают, что ты убил, и одни и другие. И Просперо, и Эквиа. А я вот как рассуждаю: самому тебе Тибула убивать не за что. Ты его никогда не встречал и вообще к нему, выходит, случайно в гости попал. А ни для тех, ни для этих ты его, получается, тоже не убивал — иначе они все тебя бы так не искали. Да еще портреты эти... да никто даже не знает толком, кто ты такой, Фабио с Якорной улицы!

А прячешься ты, я думаю, не из-за списков этих. Я думаю, нет никаких списков Тибула, и не было. Зачем ему их писать, он и речи свои никогда не записывал. Списки у Тибула только в голове были. А ты просто боишься, что не сможешь оправдаться, вот и бегаешь. Ведь даже если найдутся какие-то списки — а говорят, нашлись уже, — как узнать, настоящие они или нет? Только если найти убийцу и его спросить. А вот ты и знаешь, наверное, кто на самом деле убил Тибула. Уж наверняка видел убийцу перед тем, как ушел. Ведь как убили — иголкой! В запертой изнутри комнате! Всякое у меня бывало, но такое — в первый раз. А ты последний, кто с ним с живым был. Даже если ты сам думаешь, что ничего такого не видел, я-то тебе помогу вспомнить, что нужно.

Так что выходи, гражданин Фабио. Мы двое очень нужны друг другу. Во всей Столице только ты можешь сказать мне, кто убил Тибула, и только я могу помочь тебе оправдаться. Ты думаешь, я, может, притворяюсь, а на самом деле для гражданина маршала или для гражданина генерала тебя ищу? Да если бы так, я бы не один пришел. Выходи, Фабио. Поодиночке мы с тобой оба пропадем. Мне ведь тоже, если я не найду убийцу Тибула, не поздоровится. Тоже в заговорщики запишут. Жену мою и сынишку... эх, да ладно! — Гражданин Леко опять вздохнул и умолк.

«Этот сыщик ничего не знает и ничем мне не поможет», — заключил Фабио. Он стал потихоньку отползать назад, стараясь двигаться потише. Но старший дознаватель Ланфран, видно, все-таки что-то услышал. Он оглянулся и начал подниматься на ноги.

Фабио вскочил, развернулся и побежал. Он остановился только на секунду, чтобы вытащить из-под одного только ему известного ящика какой-то сверток. И бросился бежать дальше, прочь из темного лабиринта, вдоль по пристаням, к воротам в город.

— Погоди! Постой! Давай хотя бы поговорим! — кричал гражданин Леко. Он никак не отставал, несмотря на деревянную ногу. Фабио продолжал убегать. Вдруг он увидел светлую точку в мерцающей пелене дождя.

— Фабио! Гражданин Фабио! Здесь доктор Гаспар Арнери! Выходи! Прошу тебя выйти во имя Республики! — раздался вдруг сильный и строгий голос, говоривший громче грома.

Фабио помчался точно на голос. Прямо в портовых воротах он увидел гражданина в высокой шляпе и длинном плаще, с фонарем и короткой трубой в руках. Гражданин звал Фабио через эту трубу.

— Я здесь, гражданин доктор Гаспар! Шкатулка у меня! Я знаю секрет Тибула! За мной гонятся! Спасите! — закричал Фабио, подбегая прямо к доктору Гаспару Арнери — а это был точно он!

— Не бойся, гражданин Фабио, со мной тебя никто не тронет, — ответил доктор. Он раскрыл для Фабио свой огромный плащ, похожий на крылья ночной птицы, и спрятал мальчика от дождя.

Глава XIII. Фабио находит друга

— Кто за тобой гонится? — спросил доктор.

— Сыщик... дознаватель из Комиссариата Порядка, — ответил Фабио, просовывая голову между полами плаща наружу. — Вот он!

Гражданин Леко с погасшим фонарем в руке в эту минуту подошел к доктору Арнери.

— Гражданин дознаватель, стой. Я Верховный обвинитель Арнери. Я именем народа забираю этого гражданина в Комиссариат Справедливости, — сказал доктор очень холодно. Левой рукой он сжал плечо Фабио, а правой что-то достал под плащом из кармана. Он нечаянно задел Фабио. Оказалось, что предмет из кармана доктора был длинным и холодным.

Гражданин Леко Ланфран остался стоять перед доктором, опираясь на трость. Дождь падал ему на голову и плечи и тонкими струйками выливался на землю из рукавов и штанин.

— Позвольте только один вопрос свидетелю, гражданин Верховный обвинитель, — попросил он и, не дожидаясь ответа доктора, отбросил фонарь и показал Фабио длинную черную иглу: — Ты это видел, когда был у Тибула? Что это? Чье это?

— Я никакой иглы не видел! Я не знаю, что это, и кто убийца — не знаю!

— Я знаю, что это, — вмешался доктор Гаспар. — Это игла длиной в четыре дюйма из вороненой стали. Такими иглами стреляет бесшумное духовое ружье, которое изобрел профессор Станислаус Радивар. Он мой старый друг и уже три года как переехал в Республику и работает вместе со мной в Столице. Я предвижу твой следующий вопрос, гражданин дознаватель, и готов дать ответ и на него. Двадцать таких ружей было сделано для Народной Армии год назад во Дворце Науки по секретному заказу Республики. За границей таких ружей не делают. Мне тоже доложили про черную иголку, найденную в теле Тибула, и я проверил сведения о наших ружьях по моим архивам. Всю партию тогда забрал комиссар Бюро в Северной Армии гражданин Серпантин. Он должен был отвезти их Маршалу Просперо. Гражданин Серпантин был членом Клуба Худых. Он был убит в бою вскоре после этого.

Как видишь, гражданин дознаватель, все уже проверено. Как тебе известно, форточка у окна в кабинете Тибула была разбита. Видимо, его застрелили из дома напротив, иголкой из ружья. Такие ружья могли быть и у Клуба, и у Просперо. Если ты сможешь, исходя из этих данных, раскрыть убийство Тибула — значит, ты умнее, чем я и все мои следова-

тели. Тогда приходи к нам, ученым — тебе место не в сыщиках, а во Дворце Науки. Больше никаких вопросов, ты и так отнял время у нас с гражданином Фабио. Прощай.

Голова сыщика поникла. Он с трудом нагнулся, поднял фонарь и пошел к полосатой будке, в которой прятались от дождя ночные сторожа Гавани.

— Гражданин Верховный обвинитель, а как вы меня нашли? — были первые слова Фабио, как только они с доктором Арнери сели в Черную Карету.

— Дело в том, гражданин Фабио, что Папаша Гро мне обязан... даже скажу тебе, что он мой агент. Он немедленно сообщает мне, когда в «Старый моряк» приносят такие пилюли, которые приносить туда совсем не следует. А о черных пилюлях я его особо предупреждал. Папаша, наверное, пугал тебя?

Фабио осторожно кивнул. Доктор Гаспар улыбнулся. Фабио показалось, что на мгновение из-под маски хищной птицы как будто выглянул совсем другой человек — молодой, лукавый, веселый и вовсе не страшный!

— Это я ему велел. Некоторые вещи опасно давать в руки тем, кто не знает, как ими правильно пользоваться. Опасно именно для самих этих людей, понимаешь? Пусть уж лучше не будут их трогать из страха перед ужасным доктором Гаспаром, чем играют с огнем.

— Я понимаю, гражданин Верховный...

— Прошу тебя, Фабио, не стоит ко мне обращаться так церемонно. Называй меня не по должности. Ведь мы же доверяем друг другу? Вот ты, наверное, хочешь спросить, что за черные пилюли я передавал в портфеле Тибулу?

Пожалуй, Фабио и правда хотел именно об этом спросить, но пока не знал, как это сделать поосторожнее. Конечно, после того, как он сам рассказал доктору, что секрет Тибула у него, бежать было уже некуда. Но все-таки он хотел бы узнать немного больше о том, что происходит и что об этом думает доктор Гаспар. Фабио хотел убедиться, что хотя бы на этот раз не ошибся и нашел друга, а не очередного хитрого врага.

— Уж не знаю, какую из историй про секретные пилюли доктора Гаспара ты слышал. Те, что дошли до меня, особенно про «черные глазки», все очень страшные... и та-

кие же глупые. Я действительно готовил особенные лекарства в виде пилюль для Тибула. Он болел еще со времен Революции, и чем дальше, тем сильнее. Я тогда предупреждал его, что моя новая краска для изменения цвета кожи может оказаться опасной для здоровья. А он меня не послушал. Сказал, что дело народа важнее... Когда ему стало очень плохо, он тайно рассказал мне о болезни и просил помочь ему. Но я не волшебник, Фабио, хоть и знаю много наук. Лекарства, которые я готовил, не могли вылечить Тибула. Только облегчить боль и позволить ему работать. А черные они потому, что я не добавил в них краски, вот и весь секрет. Краски нужны, чтобы граждане могли различать пилюли, которые раздают всем. А эти были только для одного человека. Перепутать тут невозможно, значит, и красить незачем. А опасности от них нет никакой, на здорового человека они почти не действуют. Вот, смотри. — Тут доктор Арнери достал из кармана тот самый бумажный сверток, который Фабио отдал Папапе Гро, и мигом проглотил одну черную пилюлю оттуда! — Если хочешь, и ты попробуй. Ты, видимо, устал, тогда она тебя немного подбодрит.

«Доктор тоже меня проверяет! — догадался Фабио. — Он тоже, наверное, боится, что я могу оказаться врагом, что я подослан Просперо или Эквиа. Ну, мне-то уже бояться нечего! Пускай даже „глазок" заставит меня все рассказать доктору без утайки. Так я все равно это и хочу сделать!»

Фабио храбро взял сразу два черных шарика и проглотил их, глядя прямо на гражданина Верховного обвинителя. Доктор Гаспар был очень доволен. Он подмигнул Фабио, потянулся и разложил тонкие руки по спинке сиденья.

— Ну что, теперь, если верить тем историям, я буду должен всю жизнь исполнять все твои приказы, а ты — мои. Придется нам с тобой везде ходить вместе, а то поодиночке мы даже поесть не сможем.

Фабио рассмеялся вместе с доктором Гаспаром. Он действительно почувствовал, как усталость проходит. Больше ничего страшного не случилось. Они с доктором проверили друг друга — и оба удачно! Доктор Гаспар смотрел на него, прищурив глаза.

— Хочешь запустить Карету? — спросил он.

Конечно, Фабио хотел! Доктор Гаспар тут же рассказал ему, как управляется механизм. Оказывается, главные серебряные рычажки приводили Карету в движение и останавливали ее, а штурвал задавал скорость. Фабио перещелкнул несколько рычажков, выставил скорость, и Карета поехала вперед!

— А как теперь ею управлять? — обратился к доктору Фабио.

Вместо ответа доктор Гаспар достал из-за пояса серебряную трубку со стеклянным шаром на одном конце и воронкой на другой. «А я-то думал, это пистолет!» — удивился Фабио. Доктор медленно и раздельно произнес в воронку:

— Управление Каретой. Начало пути. Торговый порт. Ворота. Конец пути. Дворец Справедливости.

Доктору ответил глухой голос:

— Управление Каретой. Начало пути. Торговый порт. Ворота.

Фабио при звуках голоса вздрогнул от неожиданности, хотя и слышал его, когда ехал в Карете в прошлый раз, и шепотом спросил у доктора:

— А... что там?

— Механическая кукла вроде той, которой притворялась Суок, чтобы освободить Просперо. Я нашел записи и чертежи Туба в архивах Трех Толстяков после Революции и тоже научился их делать, даже усовершенствовал. Ты знаешь, я много разъезжаю по столице. Живому кучеру пришлось бы тяжело со мной, а кукла никогда не устает. Ее нужно только заводить вовремя.

«А это правда ты увез Суок?» — тут же захотел спросить Фабио, но, видно, вопросов у него было так много, что вместо этого он выпалил:

— Доктор Гаспар, а мы с тобой сможем спасти Республику?

— Мы постараемся, — серьезно ответил доктор.

— А как нам всех помирить? И кто из них прав?

— Помирить, я надеюсь, поможет шкатулка. Ты покажешь ее мне, как только мы приедем ко мне во Дворец Науки.

— Конечно, доктор.

— А вот кто прав... Это хороший вопрос, мальчик, очень хороший. Беда в том, что никто из них не прав.

Эквиа и рабочие хотят всеобщего равенства. Они думают, что все беды из-за того, что одним — толстякам и богачам — всего достается больше, а другим — беднякам — меньше. Но они не могут понять, что настоящее равенство возможно только между равными. Люди разные, Фабио, а худые, чтобы никого не обидеть, хотят всех сравнять с самыми худшими и бедными.

Ты ведь знаешь, чего добиваются «черные» через депутатов от Клуба Худых. Они не хотят открытия школ. Они не хотят новых театров и танцевальных залов. Они требуют, чтобы было побольше новых праздников, когда можно не работать, а ходить по улицам, петь революционные песни и смотреть на бесплатные представления Клуба в честь праздника. Чтобы если у них иногда мало еды, то и у всех бы тоже всегда не хватало еды. Чтобы всех, кто толще, кто здоровее, кто красивей, кто умней их, судили и казнили, потому что бедняки думают, что те, кто здоров и умен, каким-то образом отобрали здоровье и ум у них, у обездоленных. Но даже если бы и правда было так, Фабио, бедных ведь намного, в сто раз больше, чем богатых! Даже если казнить еще триста тысяч толстяков, как хочет Эквиа, то здоровых и сильных людей просто станет еще меньше, вот и все! Тогда вся Республика станет еще слабее, а люди — еще беднее. Так что, как видишь, Эквиа не спасет Республику.

Просперо и «умеренные» хотят свободы. Они говорят, что если каждому позволить делать, что он хочет, тогда и наступит счастье. Но они не видят, что большинство людей не умеют пользоваться свободой.

Для всех этих колбасников, торговцев, ювелиров, артистов свобода — это когда им не мешают нахапать еще больше и больше денег, купить еще один дом, поставить в комнатах еще три зеркальных шкафа, завести еще десять нарядов... Но ведь мало того, что это оставляет других без домов и одежды, оно не нужно даже им самим, мальчик! Они сами потом не знают, что делать с тремя домами, а одежда лежит в пыльных шкафах и ее ест моль. Они, конечно, за войну, которую ведет Просперо, потому что война отвлекает бедняков. К то-

му же теперь, когда наши армии наступают, проводят на освобожденных землях революции и отбирают добро у тамошних толстяков, война приносит «умеренным» еще большие богатства. И ладно бы только это!

Я расскажу тебе революционный секрет: больше всего сильных пилюль требуют центральные Секции — Старые кварталы, оплот «умеренных». Мы ведь придумали их для бедняков, но вот бедняки-то их отчего-то совсем мало разбирают. А вот «умеренные»... Я и подумать не мог, что их понадобится столько, в некоторых Секциях уже выходит по нескольку штук на человека в день! Это ведь опасно, Фабио, мы об этом строго всех предупреждаем. Те, кто принимает столько пилюль, должно быть, уже со старыми королями разговаривают, если не с чертями. В Старых кварталах собираются все театры, цирки и оркестры, они играют для «умеренных» день и ночь, представления идут без перерывов. Там пьют больше всего вина. Там почти не заводят детей. А тех, что есть, выгоняют на улицу. Все больше мужей не живут с женами. Зачем все это, говорят они, ведь семья мешает быть свободным.

Так что если власть захватит Просперо — Республика скоро надорвется от бесконечных войн. Нас будут ненавидеть за наши грабежи все соседи и рано или поздно найдут способ нас победить. А эти свободные граждане даже не узнают об этом, потому что каждый будет сидеть один у себя дома, напившись вина и проглотив разом десять разных пилюль!

— Но что же тогда с ними делать, доктор Гаспар?

— Прежде всего, прекратить эту глупую войну в Столице. Все мы один народ, граждане не должны воевать с гражданами, иначе страна просто погибнет.

Тут Карета наконец остановилась. Глухой голос сказал, что путь окончился во Дворце Справедливости.

Глава XIV. Тайны доктора Гаспара

Фабио устал сидеть в Карете. Он осторожно взял с сиденья сверток со шкатулкой, быстро открыл дверь и спустился на землю.

Он оказался у входа в огромное белое здание. Оно было таким большим, что его края терялись в темноте и дожде. Казалось, две обвитые резными листьями колонны вокруг дверей уходят прямо в небо.

То был бывший Дворец Трех Толстяков. После Революции в нем некоторое время никто не жил. Тогда доктор Гаспар Арнери попросил у Народного Собрания отдать Дворец его друзьям-ученым, чтобы в нем они могли все вместе работать на благо народа. Так Дворец Толстяков стал Дворцом Науки. Но он был такой большой, что, когда гражданина Арнери народ выбрал Верховным обвинителем и он не захотел уезжать в Столицу, во Дворце хватило места и для обвинителя, его помощников и следователей, и для тюрьмы, в которую сажали арестованных врагов народа, — ее устроили в бывших гвардейских казармах. То крыло Дворца, в котором разместился обвинитель, стало называться Дворцом Правосудия. Фабио и доктор Гаспар стояли как раз перед входом во Дворец — высокими стрельчатыми дверями из цветных стекол. Над дверями висели красные знамена Республики, обвитые синими лентами, означавшими Справедливость.

Похоже, здесь никто не ложился спать. Свет летел из всех окон. Свет тут и там проделывал в ночной черноте вокруг Дворца прорехи, через которые были видны росшие вдоль стен деревья парка. Свет делал их желтыми, как он сам. Деревья качались и гнулись под ветром, они как будто пытались дотянуться щупальцами веток до дворцовых окон и стен. Буря так сильно раскачивала их, что некоторым веткам это почти удавалось!

Доктор Арнери вышел из Кареты, взял Фабио за руку и повел во Дворец. Часовые распахнули перед ними двери. Доктор Гаспар повел Фабио через те самые залы, в одном из которых когда-то, шесть лет назад он представил наследнику Тутти новую куклу. В залах было довольно много людей, но все они расступались перед обвинителем Арнери. В другой ситуации Фабио бы во все глаза смотрел вокруг, но сейчас он мог думать только о словах доктора.

— Вы... ты сказал, прекратить войну, доктор Гаспар, это я понял. А что делать потом?

— А потом сделать так, чтобы ни те ни другие не мешали нам исправить то плохое, что принесла Революция, и заменить его на хорошее.

— А кому это — нам?

— Истинно свободным людям, просвещенным гражданам, Фабио. Таким как Тибул, как мои друзья из Дворца Науки.

— То есть ученым? — уточнил Фабио.

— Всем, кто готов учиться. Кто хочет стать просвещенным. Каждому, кто стремится стать совершенным человеком. Ты видел, что мы готовы принять любого, кто и сам к этому готов. Даже того сыщика — я очень серьезно предложил ему приходить к нам. Если гражданин Ланфран достаточно умен, он воспользуется моим предложением и бросит копаться в человеческой грязи. Ведь он способен на куда большее, чем тратить все свои силы и время на поиски разных негодяев по приказу других негодяев.

Дело в том, Фабио, что только просвещенные люди могут быть по-настоящему свободными. Нам незачем прятаться в богатых домах, нет нужды туманить голову вином. Мы не стремимся забыться в развлечениях. Мы не боимся жизни, как они, Фабио, потому что нам всегда и все интересно! Мир так велик, и в нем еще столько тайн! Мы хотим быть свободными, чтобы творить, чтобы изобретать и создавать новое на благо всем людям.

И мы по-настоящему равны. Здесь, во Дворце Науки, живет наша Республика, Республика просвещенных. Мы не воюем друг с другом, не преследуем и не казним. Если мы спорим — то только чтобы помочь друг другу узнать истину. Нам нечего делить — все, что дает нам народ, общее. У нас тот, кто знает и умеет больше, помогает другим встать с ним наравне. Мы даже возглавляем Дворец Науки каждый по очереди.

Нас всегда ненавидели те, кто боится свободы и не хочет просвещения для людей. Но мы боролись с ними и побеждали, и всегда будем побеждать. Потому что мы выступаем за свободу и счастье для всех и вооружены знаниями. А они стоят за угнетение, за невежество и хотят, чтобы все люди боялись.

Старые короли изгоняли нас, объявляли колдунами и сжигали на кострах. Тогда мы пришли к богачам и толстякам. С нашей помощью они построили заводы и фабрики, шахты и корабли. Они захватили в свои руки весь хлеб, весь уголь, все железо. Они стали министрами. Скоро они отстранили от власти королей.

Но толстяки хотели, чтобы мы служили им. Они посадили одних из нас в клетки, других оставили в нищете. Тогда мы стали готовить народ к восстанию против них. Мы помогли ремесленникам мастерить такие машины, лампы и мосты, которых толстяки не могли делать на заводах. На деньги от этого мы дали народу оружие, мы открыли типографии, создали кукол-шпионов и другие машины. И так мы помогли народу победить толстяков!

Теперь мы многочисленны и сильны, как никогда. Но бесконечная война на границе и эти новые распри в Республике нам сильно мешают. Вместо того чтобы создавать, нам приходится помогать разрушать и участвовать в глупых бесконечных ссорах.

Только у нас еще недостаточно сил и известности, чтобы открыто сказать народу, что мы, просвещенные, готовы взять власть и повести народ к счастью. Поэтому мы действуем незаметно. Мы помогаем друзьям народа и устраняем врагов и тех, кто вредит Республике. Вот почему я согласился быть слугой народа, Верховным обвинителем. Вот почему я трачу часть своего времени не на науку, а на борьбу с врагами.

А чем больше нас будет, тем ближе мы к нашей цели. Тем легче будет нам повести весь народ к просвещению и счастью! Присоединяйся к нам, Фабио. Ты будешь моим учеником.

Фабио был поражен. Оказывается, внутри Республики была другая, тайная республика!

— Я еще не все понял в том, что ты сказал, наверное, — растерянно сказал Фабио. — А что, если у меня другое счастье, свое? Если я хочу быть не ученым, а моряком? Ну или циркачом?

Они с доктором Гаспаром стояли перед тяжелой дубовой дверью в кабинет Верховного народного обвинителя Республики. Доктор Гаспар пажал на шляпки гвоздей, ко-

торыми крепилась к двери ручка, — и дверь открылась сама. Они вошли в кабинет. Там было темно и душно. Доктор зажег газовые лампы и открыл окно. Ветер тут же вскочил в кабинет и наполнил его свежим воздухом, перемешанным с каплями дождя и ночными бабочками.

Тут доктор Гаспар опустился перед Фабио на корточки. Он как будто стал одного роста с мальчишкой. Он негромко, почти шепотом заговорил:

— Ты все успеешь, Фабио, если будешь с нами. Я могу сделать так, что ты будешь жить долго, очень долго. Ты знаешь, сколько мне лет? Я скажу тебе. Я родился в правление деда Старого Короля. Вы больше не учите в школе историю королей, так что знай: это было сто семьдесят лет назад.

Глаза Фабио широко раскрылись. Рот, наверное, тоже, потому что в него попыталась залететь бабочка. Доктор Гаспар продолжал шептать. За открытым окном грохотал гром, шипел дождь, скрипели и трещали деревья, но Фабио отчетливо слышал каждое слово доктора.

— Когда Туб взял меня в ученики, он стал давать мне свои тайные капли долголетия. Если принимать их каждый день и делать еще кое-что, то можно прожить очень долго. Я даже не знаю сколько, ведь все те, кто принимает эти капли, до сих пор живы. Только Туб умер, когда Три Толстяка посадили его в клетку. Там у него не было капель. Без них он, как ты знаешь, страшно заболел и через десять лет не смог жить. Но перед этим он прожил триста лет, или еще больше, даже он сам точно не помнил!

К сожалению, до сих пор нельзя было рассказывать об этом всем людям. Приходится переезжать. Менять имена. Но зато можно все успеть! Я сменил много имен. Я был солдатом, был купцом, был поваром, был стеклодувом. Мое нынешнее имя я взял в честь одного старого скрипичного мастера. Сейчас его, конечно, уже никто не помнит. А сто лет назад он был знаменит и я был его лучшим учеником.

Но в конце концов я убедился, что Туб прав. Он всегда говорил мне: «Нет ничего лучше, чем быть ученым!» Так и есть! И ты поймешь это, Фабио, я уверен.

Фабио не знал, что ответить доктору Арнери. У него кружилась голова. Стать учеником самого доктора Гаспа-

ра! Жить сколько хочешь! Успеть побыть моряком, и циркачом, и даже продавцом леденцов, как он мечтал, когда был маленьким! Но... Фабио почему-то очень пугала судьба Туба. А если и Фабио вдруг где-то потеряет чудесные капли и начнет покрываться шерстью и рычать?

Тут круглые часы с пятью стрелками, висевшие на стене кабинета, сказали: «Динь! Динь!» Самая маленькая стрелка на них показывала полночь. Доктор шепнул: «Ничего, не спеши, подумай!» Он поднялся на ноги и громко и бодро сказал:

— Ну что, пора спасать Республику? Давай-ка ставь шкатулку сюда, на этот стол!

Да, друзья мои, мы можем наконец рассказать вам, что случилось в кабинете Тибула в те минуты, когда Фабио видел Неподкупного в последний раз.

Тибул тогда нагнулся и достал из-под стола деревянную шкатулку. Это была квадратная коробочка из гладких дощечек длиной в ладонь взрослого человека. В больших руках Тибула она выглядела игрушкой, сундучком или шкафчиком для кукол.

«Вот. Эту шкатулку подарил мне доктор Гаспар, — сказал Тибул. — В ней очень сложный механизм. Он умеет записывать звуки. Там в середине есть маленький валик, доктор говорит, что как раз на него они и записываются. А потом запись можно услышать снова. Это как шарманка или музыкальная шкатулка, только песня у нее такая, какую ты сам ей споешь. Сейчас я запишу речь, которую хочу произнести завтра, в эту шкатулку. Потом я отдам шкатулку тебе, чтобы ты сохранил ее в тайне от всех. Если мне помешают сказать речь и назвать имена врагов, тогда это сделаешь за меня ты».

Вот в чем был секрет Тибула. Любые списки на бумаге можно было подделать. А вот голос Неподкупного, который знала вся Столица, — никогда!

— Это твоя шкатулка. Тибул записал на нее свою речь перед тем, как его убили, и отдал мне. Там он называет врагов Республики, — сказал Фабио.

— Великолепно! Я так и думал... Давай же скорее послушаем! — сказал доктор Гаспар. Он достал тонкий ключик, вставил в незаметную дырочку в боку шкатулки и стал ее заводить.

Тут Фабио очень смутился. Он даже покраснел! Он подошел поближе к доктору, опустил голову и почему-то тихо сказал:

— Я... я, ну, поиграл с ней. Попробовал. Сам. Тибул сначала плохо записал речь. Он отдал мне тот валик. Ну и я тоже... записал на него. Так, чепуху. Другой валик, с полной речью Тибула, у меня в кармане.

Доктор улыбнулся и мягко потрепал Фабио по затылку.

— Это ничего. Это даже хорошо, — так же тихо сказал он. И потом еще тише: — Скоро здесь, наверное, будут гости. Ты стой и молчи. Только соглашайся со мной. Больше ничего не говори. Наблюдай и учись. Будем спасать Республику, — и вдруг снова громко: — Не надо, не рассказывай, сейчас и так все услышим!

За спиной Фабио раздался грохот. Фабио обернулся и увидел, что на полу у окна лежит куча мокрых тряпок. Куча зашевелилась. Она оказалась человеком. Человек уцепился за подоконник и тяжело поднялся на ноги. Это был дознаватель Леко Ланфран.

Часть пятая
ДРУЗЬЯ НАРОДА

Глава XV. Речь Тибула

— Залез... по дубу... — Гражданин Ланфран никак не мог отдышаться. — Здесь... Просперо... с солдатами... Сбежал... От них...

— Добро пожаловать, гражданин Ланфран, — радостно сказал доктор Гаспар. — Я рад, что ты принял мое предложение присоединиться к нам!

Гражданин Ланфран замотал головой:

— Н-не... принял... пока. — Он заторопился: — Один... вопрос...

Доктор Гаспар поморщился:

— Ты, что ли, карьеру на раскрытии убийства Тибула хочешь сделать? Я, видимо, в тебе ошибся, гражданин сы-

щик. Решай скорей, а то будет поздно. И спрашивай, раз уж ты все равно здесь.

— Судя по... положению осколков стекла на теле... окно было разбито после... смерти Тибула. Значит, его не могли застрелить, как ты предположил. И откуда ты взял, гражданин Гаспар, что эта игла, — Леко опять показал иголку, — от духового ружья? Маршал Просперо сказал, что ружейные иглы в четыре раза короче.

— Это нужно у Просперо спросить...

— Нет! — загремел голос за дверью кабинета. — Это у тебя нужно спросить, гражданин Арнери, зачем ты выкрал речь Тибула и что хотел с ней сделать без нас?

Дверь распахнулась. Маршал Просперо ворвался в кабинет Верховного обвинителя. Маршал был в грязном мундире. Его лицо и волосы были наполовину черными от пороха. Он потрясал кулаками. Маршал был очень зол.

— Я стоял у двери и всё слышал! Правильно мои люди за тобой следили! Значит, меня предупредили вовремя и не зря мы прискакали сюда за тобой! Ты спрятал этого мальчишку от всех вместе с речью Тибула! Уж не он ли и убил Тибула для тебя? Ты, видно, хочешь один владеть секретом, чтобы легче было управлять всеми!

— Просперо, подожди. Я никого и ничего не прятал. Просто я только что случайно нашел мальчика и даже не успел известить тебя. Да, я хотел послушать речь, не дожидаясь тебя, — а ты бы на моем месте не захотел? Все равно, что бы там ни сказал Тибул, наш уговор остается в силе. Это я сегодня вечером тайно вывел из Клуба Худых и привез к тебе гражданку Эквиа, не забывай! Ведь ты понимаешь, чем это мне грозит. Так что мы все теперь должны соблюдать то, о чем договорились. Правильно, Суок? — обратился доктор к женщине, которая вошла в кабинет вслед за Просперо.

Суок резко кивнула. Ее распущенные серые волосы взлетели над плечами.

— Гражданин Арнери прав, Просперо, мы все теперь в одной лодке, — сказала она, вставая рядом с Маршалом. У нее был немного хриплый грудной голос. От этого голоса хотелось совершить кругосветное путешествие, чтобы привезти его хозяйке редкий цветок с самого далекого ост-

рова, чтобы услышать от нее еще хоть слово. Гражданин Ланфран за спиной Фабио незаметно вздохнул.

— Что ж, отлично, граждане моряки! Зато теперь ясно, кто сбежал с корабля Республики в опасный момент! — весело сказал от двери гражданин генерал Эквиа. Он был одет в коричневый мундир фронт-курьера и держал в руках большой пакет. Его лицо осунулось, а глаза ярко блестели, хоть под ними и были черные круги, вовсе не нарисованные краской.

Суок побелела. Просперо побагровел.

— Кто впустил? — страшно закричал он. Стеклянный колпак на одной из ламп треснул от этого крика.

— Виноват, гражданин Маршал!

— Он сказал, что с донесением от генерала Гравиа! Он один.

— Разрешите убрать! — ответили из-за двери три голоса сразу.

Двое солдат вскочили в кабинет и хотели схватить Эквиа за руки.

— Отставить, — резко приказал доктор Гаспар.

Солдаты остановились и удивленно посмотрели на Маршала Просперо. Просперо опять закричал:

— Отставить! Дежурить у двери! Никого не впускать!

Солдаты тут же выскочили за дверь и закрыли ее за собой. Фабио, правда, показалось, что дверь закрылась не до конца.

— Раз уж ты пришел, выслушай нас. Ты тоже следил за мной или искал Фабио? — спросил доктор Гаспар.

— Я искал Суок и пришел за ней, — ответил Эквиа.

Он прошел в кабинет и встал по другую сторону стола, на котором была шкатулка Тибула. Эквиа оказался лицом к двери, напротив Просперо и Суок. Доктор Гаспар с ключиком от шкатулки располагался между ними, у третьей стороны стола. Фабио и Леко Ланфран стояли напротив доктора, у четвертой стороны. «Мы как будто собрались за столом сыграть в карты», — подумал Фабио. Он молчал и слушал, как велел доктор Гаспар. Остальные тоже молча глядели друг на друга и как будто чего-то ждали.

— Кого я вижу! Герой Хузны и Гетца, гражданин дознаватель Ланфран собственной персоной. И ты здесь! Решил последовать моему совету и пришел к доктору за железной

ногой? — спросил Эквиа. — А может, ты не пришел, а вернулся получить заслуженное? Это ведь с тобой сам гражданин Фабио, убийца Тибула, если я не ошибаюсь? Ты все-таки изловил его для доктора? Или просто дождался темноты и вывел из укрытия? Может, ты и пресловутые списки нашел?

— Что, боишься, мальчишка? Боишься, что мы разоблачим твои поддельные списки? Что народ узнает про твой обман? — прервал генерала Просперо.

— Чем разоблачите, своей подделкой? — не сдавался Эквиа. — Тибул никогда в жизни не писал никаких списков! И вы это отлично знаете! Ничего у вас нет!

— Есть, гражданин Эквиа. Вот шкатулка. В ней механизм, который может записывать речь. Здесь записана последняя речь Тибула, — сказал доктор Гаспар.

Эквиа на секунду умолк.

— Что ж, послушаем, — ответил он.

Доктор Гаспар вынул ключ из шкатулки и нажал на гвоздик посередине крышки.

Шкатулка издала шорох. Потом раздался усталый голос Тибула:

«Граждане!

Вчера я обещал вам назвать имена врагов народа. Вот эти имена...»

Вдруг речь Тибула оборвалась. Заиграл торжественный марш. Громкий веселый голос объявил:

«Граждане, вниманис! Балаганчик дядюшки Бризака дает последнее представление! Просим почтеннейшую публику занять места! Выступает знаменитый наездник Сильвио и его верный Бонавентура! Встречайте!»

Раздались аплодисменты. Опять заиграла музыка. Застучали лошадиные копыта. Иногда среди стука и музыки раздавались возгласы «Алле-оп! Танец! Шагом!» и хлопанье в ладоши. Потом шкатулка замолчала.

Глава XVI. Тайна раскрывается

В комнате наступила тишина. Стало слышно, как дождь шелестит за окном и толстая бабочка бьется в стекло лампы.

Первым молчание нарушил Маршал Просперо. Он запрокинул голову и захохотал.

— Молодец, парень! — сказал он Фабио, отсмеявшись. — Мои солдаты искали тебя, только чтобы отобрать списки и сделать именно то, что ты сделал сам! Эти списки могли всех рассорить! Кому теперь интересно, что там думал Тибул и кого он считал врагами! Тибул умер. Республика осталась нам, и нам это решать.

— Республика останется народу! — закричал гражданин Эквиа. — Никто не посмеет делить власть за спиной у народа! Вы убили Тибула, но народ вам не убить! Народ сметет ваш заговор, как смел власть Регентского Совета Трех Толстяков!

— Эквиа, уймись. Посмотри правде в глаза — ты проиграл. Твои босяки никого не сметут. У меня здесь две лучшие дивизии Северной Армии, да еще час назад подошла саперная бригада, а на марше в одном переходе от Столицы — двадцать эскадронов кавалерии и Второй осадный парк. Мои ветераны разгонят рабочих ополченцев как баранов, сколько бы вы их там ни собрали. Ваши баррикады — детские куличики для саперов, которые взяли бастионы Гарцбурга. У вас есть пушки, да, но мало ружей и почти нет пороха. И вам неоткуда его взять. Мы занимаем Арсенал и пороховые заводы в Секции Башни. А из Гавани вы ничего не получите. Гавань уже поняла, что с нами лучше помириться. Да мы и схватились с ними больше по недоразумению. Я приехал сюда сразу после переговоров с адмиралом Санти и гражданином Диомедом, председателем Секции Гавани. Мы заключили с ним перемирие. Никто вам теперь не поможет. Так что лучше прими наши условия по-хорошему. Поверь, я не хочу заливать рабочие Секции кровью, как палач Толстяков Бонавентура. Но вы зашли слишком далеко, граждане Худые, со своими планами казнить триста тысяч человек. Если вы мне не оставите выбора — я остановлю вас силой. — Просперо воинственно выпятил грудь и гордо скрестил на ней руки.

Суок подошла к Эквиа.

— Брат, прошу тебя. Просперо и правда мог бы нас уничтожить. Вместо этого он предлагает заключить мир и разделить с ним власть. Договориться. Это на благо народа.

— Договориться? О чем же?

— Мы заключим перемирие в Столице. Сразу предложим мир всем иностранным державам. Просперо станет председателем Бюро, вместо Тибула. Ты займешь любой пост по твоему выбору — или в армии, или в комиссариатах. А я... выйду за Просперо замуж. Так народ увидит, что умеренные и бедные снова вместе.

Гражданин Эквиа чуть не задохнулся от гнева. Он сжал кулаки. Он затопал ногами, как когда-то в детстве, когда наследник Тутти был чем-то недоволен. В последний раз он был в такой ярости полгода назад, когда попала в засаду «желтых» отрядов Лапитупа и погибла целая полубригада. Тогда генерал Эквиа приказал отправить в Табакерку по десять жителей окрестных деревень, сочувствующих «желтым», за каждого убитого солдата Южной армии.

— Ни за что! Слышите, ни за что! — закричал он. — Я не буду вступать ни в какие договоры с врагами народа! Суок, как ты могла! Я не отдам тебя этому предателю! Вы хотите делить власть между родственниками, как короли!

— Послушай, Эквиа, — мягко сказал доктор Гаспар. — Послушай. Посмотри сам. Кем, по-твоему, был для народа Тибул? Выборным представителем? Но ведь его уже шесть лет никто даже не думал переизбирать! Он правил страной, как король! Да, мы все надеялись после Революции, что народ сам сможет взять власть. Но народ еще не готов. Он тут же нашел себе нового вождя. Пока народ непросвещен, ему всегда будет нужен вождь. Неважно, как он называется — король, старший регент, Председатель Бюро... Если хочешь, мы найдем для поста Просперо другое название. Первый Трибун или Президент. Дело не в названии.

Чем больше говорил доктор Гаспар, тем злее делалось лицо гражданина Эквиа, но доктор, кажется, этого не замечал и продолжал:

— Стране нужен порядок. Нужно, чтобы вы трое, настоящие друзья народа, могли управлять твердой рукой. Хватит пустых разговоров, хватит шествий и праздников, хватит казнить, ссориться и воевать. Наш план помирить всех — и «синих», и «черных», и даже «желтых»! За Просперо идут армия и «умеренные». За тобой — рабочие и бедняки. А бывшим толстякам можно напомнить, что Су-

ок — твоя сестра и, значит, наследница старых королей. Ты отрекся от титула и от короны, но она-то не отрекалась! А значит, их с Просперо сын будет по праву...

— Так вот что вы задумали! Сделать Просперо тираном! Объявить Суок королевой! Уничтожить власть народа! Простить толстяков и богачей! Вернуть монархию! — С каждым возгласом Эквиа топал ногой и все сильнее распалялся.

Вдруг Эквиа оттолкнул Суок. Он взял пакет, который лежал перед ним на столе и выхватил из пакета пистолет.

— Умри, тиран! — закричал он и выстрелил через стол прямо в грудь Просперо.

Пороховой дым наполнил комнату. Тяжелая рука гражданина Ланфрана пригнула голову Фабио под стол. Однако следующие несколько секунд все было тихо. Все ноги под столом стояли на месте, даже ноги Маршала Просперо.

— Щенок! — загрохотал сверху голос Просперо. — Это тебе не крестьян расстреливать! Ты забыл, что у меня железная рука! Пули ее не берут! Зато я не промахнусь! Ты — бешеная собака, Эквиа, с тобой невозможно договориться, ты хочешь только убивать! Так ступай к черту!

— Просперо, не стреляй! — раздался женский крик.

Мальчишке под столом было видно, как тонкие ноги в черных брюках шагнули к ногам в коричневых. Загрохотали выстрелы.

Через мгновение Фабио увидел, что Эквиа и Суок лежат на полу. Суок упала сверху на тело брата. Она не смогла спасти его, закрыв собой от выстрелов Просперо. Пули из семизарядного барабанного пистолета Гаспара пробили обоих друзей народа насквозь.

Затопотали сапоги, и со стороны Просперо появились ноги солдат.

— Суок! Зачем? Что ты наделала! — воскликнул Просперо. Внезапно он стал хрипеть.

— Гражданин Маршал!

— Что происходит?!

— Доктор, помогите!

— Я ничем не могу помочь, граждане, — мрачно сказал доктор Гаспар. Под столом Фабио видел его руки. Доктор нервно крутил серебристое кольцо на левом мизинце. — Все мои железные руки устроены так. Я делаю их для

блага народа. Если владелец руки убьет друга народа, то железная рука задушит его самого. Я предупреждал гражданина Маршала об этом. Однако он убил граждан Суок и Эквиа. Теперь ничего не сделаешь. Руку можно отрезать, но это все равно убьет гражданина Маршала.

Солдаты столпились рядом с Просперо и, наверное, пытались что-то сделать с железной рукой. Они кричали на доктора Гаспара. Доктор что-то монотонно отвечал. Ноги Просперо подрагивали. Он сипел и хрипел.

Фабио стало страшно, и он отвел глаза. Он увидел у своих ног какого-то червячка... нет, не червячка! Длинная черная палочка двигалась, она выгибалась, извивалась! Секунду Фабио не мог поверить своим глазам. Потом он сильно дернул за рукав гражданина Ланфрана.

— Эй! Смотри! — сказал он шепотом и показал пальцем на палочку.

— Что это? — не понял Ланфран.

— Тише! Это твоя иголка! Куда убили Тибула? Куда ее воткнули? Ну, скорей!

— В ухо. Точнее, через ухо в мозг.

— Правильно! Только это не иголка! Это слуховой аппарат, который доктор дал Тибулу! Я его видел вчера! Он был как крючок, Тибул носил его в ухе! Теперь смотри! — Фабио потянул Леко за рукав еще сильней. Голова Леко оказалась под столом.

— Кольцо! Доктор управляет ими через кольцо! Своими машинами! Сейчас он управляет железной рукой, а иголка здесь оказалась случайно! Это ею он убил Тибула, прямо с улицы, не заходя в комнату!

Ноги Просперо подкосились, и он обрушился на пол, солдаты с грохотом попадали на него сверху.

Леко стремительно выпрямился. При этом он пихнул Фабио ногой под стол. Его сюртук распахнулся, и мальчишка снизу увидел у него за поясом огромный шестиствольный пистолет Тибула. Леко вытащил пистолет, и тот исчез из виду для Фабио.

— Гаспар Арнери! Вы обвиняетесь в убийстве Тибула! Руки вверх! Ру...

Руки доктора Гаспара метнулись вверх. Видно, что-то еще случилось, потому что грохнул выстрел.

Доктор Гаспар медленно согнулся и упал. Уже лежа он застонал, сделал что-то с кольцом, дернулся и затих.

— Умер! Маршал умер! Кто стрелял? Доктор Арнери! — раздались крики.

Над доктором Гаспаром склонился Леко. Он снял кольцо. В следующий миг его схватили солдаты и потащили к двери. Солдаты орали на Леко. Леко цеплялся ногами за стол и орал на них тоже.

Тут Фабио увидел, что доктор Гаспар приподнял голову и смотрит прямо на него.

— Сюда, мальчик, — сказал он.

Фабио был так испуган, что послушно пополз на четвереньках к доктору.

— Слушай внимательно и не перебивай, — сказал доктор Арнери сердито, — У меня мало времени.

Фабио слабо кивнул, стараясь смотреть прямо в глаза доктору, а не на кровавую рану у него в животе и не на рот, из которого с каждым произнесенным словом вытекала кровь.

— Я же сказал тебе молчать, смотреть и учиться. Ты сделал ошибку, Фабио, запомни ее и не повторяй. Это будет первое и последнее, чему я успел тебя научить. Теперь у тебя будет другой учитель. Всегда слушайся его.

Просперо сам себя погубил. Без Суок он был бы слишком независим и потому опасен. Мне пришлось его убить. Запомни — никогда не оставляй власть одному, всегда разделяй ее между несколькими, тогда ты сможешь ими управлять. Я хотел избавиться только от Эквиа, но не вышло из-за Суок. Теперь нет никого из самых главных вождей, которые устроили войну. Без них все на время успокоится и наступит мир. Потом все опять начнется сначала... Но мне не удалось самое главное — упрочить нашу власть. Из-за того, что ты меня раскрыл, ученым придется бежать из Республики. Здесь для нас все пропало. Ты тоже уезжай отсюда, в стране еще много лет будет плохо жить. Но ничего, мы... вы начнете в другом месте.

Несколько дней начиная с завтрашнего ты будешь плохо видеть и слышать. Это оттого, что ты проглотил сразу две пилюли Тибула. Не бойся, это пройдет. Если ты больше не будешь принимать черных пилюль, конечно. И другим давай их осторожней, чтобы тебя не заподозрили. Они

в моем правом кармане. Там есть и другие... сейчас некогда. Сам испытаешь. Только не на себе.

В левом кармане капли долголетия Туба. Возьми их и спрячь. Начни принимать по одной в месяц, когда тебе исполнится двадцать лет. Если начнешь раньше, навсегда останешься мальчишкой. Что еще делать, сам поймешь. Пока просто запомни: брать лучше у детей.

Под тем дубом, по которому влез Ланфран, зарыт ящик, там мои дневники и записки. Как только сможешь — откопай и перепрячь.

В записках прочитаешь, как найти Радивара... или как он будет себя называть. Когда подрастешь — придешь к нему. Он будет твоим учителем.

Доктор говорил все медленней и тише.

— Скажешь, что тебя послал Арнери к нему в ученики. Он переспросит, кто послал. Тогда ответишь: Квинтус. Повтори...

— Квинтус, — неожиданно для себя повторил Фабио.

— Он спросит... К кому послал... Ты ответишь... к Терциусу...

«Я ни к кому и никогда не пойду! Я не возьму и не буду пить твои страшные капли! Я никогда больше не прикоснусь ни к каким пилюлям, если только останусь жив! Я не буду учиться вашим наукам! Я не хочу твоих чудес и твоей вечной жизни, если за них нужно травить, убивать и обманывать — и умирать в страшных муках», — хотел ответить Фабио, но отвечать было некому. Доктор Гаспар Арнери умер.

В кабинете было тихо. Воздух был кислым от порохового дыма. Фабио поднялся на ноги и пошел к двери. Его покачивало.

За дверью стоял гражданин Леко Ланфран. Прямо в коридоре собралась толпа солдат и чиновников. Все стояли спиной к сыщику и мальчишке. Они смотрели на что-то, лежащее посередине коридора. Ланфран обернулся к Фабио.

— Еле переорал. Чуть к стенке не поставили. Хорошо, успел к доктору подскочить, — устало сказал он Фабио. — Вон. С кольцом теперь занимаются.

Фабио кивнул и осторожно достал из-за пазухи маленькую коробочку. Он открыл ее и показал гражданину Ланфрану содержимое. Это был странный предмет, похо-

жий на яйцо, скорлупа которого состояла из тысяч крохотных железных иголок.

— Это валик для шкатулки с настоящей речью Тибула. Я его прятал. Теперь нужно, чтобы народ услышал речь, — сказал Фабио.

— Бери шкатулку и ключ, и поехали на площадь Свободы, — ответил дознаватель Ланфран и тяжело вздохнул.

Эпилог

Спустя год был шумный праздник. Республика справляла первую годовщину наступления мира. В этот день год назад прекратились бои в Столице, а через несколько дней были заключены перемирия с иностранными державами и снята морская блокада. Вскоре Народное Собрание отменило самые жестокие декреты, и толстяков и обжор перестали ловить и наказывать, если они были честными патриотами. Ведь некоторые честные люди просто любят хорошо поесть!

На Площади Свободы было не протолкнуться. Здесь собрались все — бедняки, рабочие и мастеровые, и жители Старых кварталов, торговцы и мастера, и вернувшиеся с войны солдаты, и чиновники, и моряки, и даже бывшие толстяки и обжоры, которым больше не нужно было бояться и прятаться. Даже некоторые бывшие богачи вернулись из-за границы, чтобы вместе с остальными гражданами трудиться на благо Республики. Теперь все они пришли на площадь, чтобы послушать знаменитую речь Тибула, которая год назад положила конец войнам и распрям и спасла Республику.

Оркестр заиграл Марш Всеобщего Согласия.

Два человека шли к трибуне. Все было так же, как год назад, только тогда почетный караул Национальной гвардии не стоял перед трибуной и не отдавал им честь, а воздух пахнул не пирожками, а пожарами.

Фабио шел первым. Он сильно вырос за год. Он был в парадном мундире гардемарина Народного Флота с нашивкой за дальний поход. Он держал коробочку с валиком.

Гражданин Ланфран в светлом сюртуке и шляпе с кокардой Начальника уголовного департамента Столичного

Управления Министерства Справедливости и Порядка следовал за Фабио. Он все так же немного прихрамывал. Он нес в руках шкатулку и ключ.

Вдвоем они медленно взобрались по лестнице на маленькую площадку наверху. Леко молча устроил шкатулку перед раструбами фортаторов, завел ее ключиком и открыл крышку. Фабио достал валик и вставил в гнездо в шкатулке. Он нагнулся к раструбу. Когда он наклонялся, то почувствовал, как маленький цилиндрик в потайном кармане прижимается к телу. Это был пузырек с каплями Туба. Фабио неслышно вздохнул. Он увидел, что Леко ободряюще улыбается ему, и старательно растянул губы, изображая ответную улыбку.

— Это будет речь Тибула, — просто сказал он в фортатор, как и год назад, и нажал кнопку на шкатулке.

Послышалось шипение, а потом заговорил Тибул:

«Граждане!

Вчера я обещал вам назвать имена врагов народа. Вот эти имена.

Тибул, прозванный Неподкупным, председатель Бюро Народного Собрания.

Просперо, Маршал Республики, командующий Северной Армией.

Эквиа, председатель Клуба Худых.

Суок, главный редактор газеты „Друг Народа".

Гравиа, генерал Республики, начальник штаба Северной Армии.

Гарум, вице-председатель Клуба Худых...

Мы, друзья народа, возглавили народ в борьбе против Трех Толстяков. Пятнадцать лет мы готовили восстание, пятнадцать лет мы учили народ ненавидеть Толстяков и их власть. Мы не жалели сил и даже жизни в этой борьбе, и мы привели народ к победе.

Но пока мы сражались, за столько лет мы разучились любить, разучились создавать и строить. Конечно, нам нельзя было вести народ дальше. Но мы не заметили этого, мы думали, что знаем, что делать, ведь мы — друзья народа!

И когда народ доверил нам власть, мы не сумели остановиться. Мы продолжали искать врагов. Мы не научились прощать. Из-за этого мы навлекли беды на Республ-

лику. Мы разбили и взяли в плен Гина, это замечательно, но потом мы казнили его. За это нам объявили войну все иностранные короли — его друзья и родственники. А ведь мы могли бы простить его и жить со всеми в мире!

Когда после Революции богачи сбежали, забрав свои деньги, жить всем стало хуже. Тогда мы стали обвинять в этом и преследовать толстяков, потом обжор, потом лентяев и заставили многих честных людей возненавидеть Республику. А ведь мы могли бы повести народ строить новые фабрики и заводы, делать и продавать новые товары, чтобы всем разбогатеть больше прежнего! А вместо этого мы требовали делать больше пушек и ружей, чтобы убивать врагов.

Мы решали строить не новые дома, школы и театры, а крепости и трудовые лагеря. Пока мы были у власти, в Столице был посажен один-единственный новый сад, на пепле казненных врагов, а могли бы быть посажены десятки!

И вот теперь мы даже начали ссориться друг с другом. Если так пойдет дальше, скоро мы поведем вас, граждане, воевать друг с другом. Так больше нельзя.

Мы были друзьями народа, граждане. Теперь мы, сами того не видя, превратились в его врагов. Чтобы народ смог жить счастливо, мы все должны уйти. Я, председатель Бюро Тибул, ухожу в отставку. Последнее, о чем я прошу перед уходом Народное Собрание, — сместить с должностей или запретить занимать места всем, кого я назвал. Пусть на наше место придут те, кто не разучился любить, кто может создавать и строить.

А я прошу у вас прощения за всех нас. Мы все оказались обездоленными на всю жизнь. Может быть, наши дети будут счастливее. Простите нас».

НИКА БАТХЕН

Слепец

«Упаси меня Зевс от царских милостей», — подумал прорицатель Кимир, обернувшись на шорох. Он был слеп и мог только догадываться, откуда появится убийца. Ремеслу прорицателя обучила его еще мать, злоязычная жрица Гекаты, тяжким посохом вколачивая в дитя премудрость. Много лет Кимир странствовал от полиса к полису, от дворца к дворцу и везде одинаково ловко сплетал туманное кружево предсказаний, так что и сам Гермес не отличил бы в нем правды от вымысла. Но под старость размяк, потерял нюх и однажды, подслушав болтовню двух рабов, посулил Эвримаху, царю Милета, чернокожего отпрыска от любимой жены. Ревнивый царь запер жену в башне, а предсказателя осыпал золотом, приблизил и обласкал. Шесть месяцев длилась райская жизнь, потом царица родила белокурую девочку, прекрасную словно Елена, и Кимир чудом успел убраться из дворца. Предсказатель собрался в Дельфы — помолиться и поразмышлять. Быть убитым за день пути до цели — что может быть обиднее?

— Хайре!

Человек, возникший из темноты, дышал часто, но ровно, пах чистотой и благовониями, позвякивал браслетами, а не кольчугой. Шаги его были медленны, голос могуч — сразу слышно, привык приказывать.

— Долгих лет тебе, повелитель! — склонился перед встречным Кимир, лихорадочно вспоминая имена всех соседских царей и военачальников.

— Ты узнал меня, слепой? — благосклонно осведомился незнакомец.

— Звезда истинного величия проницает даже тот мрак, что окружает меня с рождения, — вывернулся Кимир.

— Хорошо. Ответь, что у меня в кулаке, — скажешь правду...

— Останешься жив, — продолжил Кимир, — так и Сфинкс говорил Эдипу. У тебя в кулаке кузнечик, мой господин.

В пыль под ногами предсказателя, тяжело звякнув, шлепнулся кошелек. Кимир улыбнулся и мысленно вытер пот со лба — по счастью, цари предсказуемы, а кузнечика поймать проще, чем лягушонка или птенца.

— Ты пришел узнать свое будущее, повелитель? Ждут ли тебя победы на поле брани и успехи в мирных делах, кто из родичей плетет сети коварного заговора, какой союз будет прочен, принесет ли сына возлюбленная с волосами цвета заката...

На слове «сына» Кимир услышал вздох и понял, что угадал. Остальное было делом техники.

Первый рассветный соловей уже пробовал голос, а прорицатель всё еще заливался бойкой птахой, предвещая всевозможное процветание и благодействие. Его собеседник слушал жадно и торопливо, слова словно бы насыщали, успокаивали его. Наконец, когда Кимир стал сбиваться, теряя голос, царь спросил о награде. Успевший ощупать и взвесить на ладони кошелек с золотом прорицатель воззвал к милосердию повелителя и пожаловался на свирепые угрозы властелина Милета.

— Хорошо,— пообещал царь,— пока я правлю, ни смертный, ни бессмертный не смогут причинить тебе вред. Будь благословен и прощай.

Кимир потянулся было поцеловать руку благодетелю, но вдруг почувствовал, что стоит один на дороге подле развалин старого храма. История была странной, но прорицатель привык — с ним всегда происходили необычные вещи.

«Хорошо-то как,— подумал он.— Слава Зевсу, золотых хватит на пару лет сытой, спокойной жизни. Снять домик в Афинах, купить раба. Или рабыню...»

«Хорошо-то как, — восхитился милитенский разбойник, что по большой нужде присел за лавровым деревом и шепароком подслушал весь разговор прорицателя с важным господином. — Добыча жирная, а зубов у нее нет. Прикопать слепыша под кустом — и не хватятся».

«Хорошо-то как, — размышлял за обедом староста из соседней деревни. — Разом избавились и от голода и от больного зуба. Борясь с вором, слепой прорицатель орал так, что и мертвый услышал бы. А живые крестьяне, у которых искомый вор утащил не одну овцу, сочли страшным грехом не вступиться за бедного старца. И кошель золотых — неплохая цена за жизнь».

«Хорошо-то как, — улыбалась за ужином мудрая ясновидящая-пифия. — Зевс с Олимпа наконец-то спустился, сколько лет в облаках просидел безвылазно. Глядишь, покроется новенькой позолотой железный век».

«Хорошо-то как, — потянулась в постели любвеобильная Олимпиада, супруга царя Македонии, прочитав письмо от подруги-жрицы. — Если спросят теперь, почему у чернявого папы родился рыжий сын, я скажу им про некое божество, которому отдалась ночью в храме».

«Хорошо-то как — правду прозрел провидец, — думал довольный Зевс, правя огненной колесницей. — Кризис в божьей семье — дело временное, Гера станет добрей, Посейдон сам захочет мира. Через пару олимпиад замутим небольшую войну, чтобы кровь веселее бежала в жилах. От бессилия непременно излечит корень этого, как его... в общем, травки из дальних стран. Закажу Гермесу, пусть ищет. А мы героя родим, новенького, отважного...»

«Хорошо-то как, — почесал в затылке шутник Психопомп и взглянул в опустевшее небо. — Смертные сплошь слепы и готовы сделать былью любую сказку — только соври красиво. А вот суеверного бога впервые вижу».

«Упаси меня Зевс от всяких благословений», — вздохнул прорицатель Кимир, бредя поутру из гостеприимной деревни. Болели отбитые бока, под слепым глазом ощутимо набухал синяк, в давешнем кошельке сиротливо перекатывалась одна-единственная драхма. И мысли двигались как-то странно. Ритмично, словно удары весел о волны Эгейского моря, чеканно как профили древних царей

на старинных монетах, велеречиво и пафосно. «Тени героев, бряцая оружием, выступили из тьмы Аида... как бы это сказать? Ярость? Гнев? Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал...» Кимир остановился и почесал в затылке заостренным концом посоха. «Кажется, мне пора менять имя!»

ВЛАДИМИР АРЕНЕВ

Белая Госпожа

Светлой памяти талантливого ученого и переводчика Николая Горелова. Если бы не его книги, эта повесть никогда не была бы написана.

Когда год истаивает багряной свечой, когда долгими глухими ночами ветер-душегуб стучится в ставни и лишает вас сна, когда вся работа по хозяйству выполнена, дети наконец успокоились, и уже не так болит спина, и вы лежите на лавке, глядя в потолок, — что остается? Только сказки. Вы рассказываете их друг другу, верные (или не очень) муж и жена, и сказки ваши совсем не похожи на те, которыми вы убаюкиваете малышей.

Впрочем, они тоже слушают сейчас: затаив дыхание, боясь шелохнуться. Они верят в эти древние истории — и вы когда-то тоже верили и тоже понимали, что за ними таятся подлинные судьбы и подлинные трагедии; поэтому теперь вы теснее прижимаетесь друг к другу, а за окном — ветер, ночь, луна. Никто и ничто не заставит здравомыслящего человека в такую ночь выйти за порог. Никто и ничто.

Но мысленно — перешагните черту, углубитесь в лес — смотрите, слушайте! Поляна, озаренная неясным светом фонаря. Пожилой, уже под сорок, мужчина, упрямо роющий могилу. Рядом, на запятнанном грязью зеленом плаще — тело ослепительно-белой женщины. «Госпожа», вот как вы назвали бы ее. Госпожа лежит бездыханная, хотя на первый взгляд кажется: всего лишь спит. Ее волосы сверкают золотым водопадом. Глаза госпожи закрыты, на поясе алеет пряжка... нет, не пряжка! — это пятно крови, расплывшееся вокруг костыля с крестовидным навершием. Какой же нечеловеческой силой должен был обладать убийца! — силой и бессердечием, ведь вы вряд ли осме-

лились бы поднять руку на госпожу — такую красивую, такую невинную!..

Впрочем, чтобы вырыть могилу, тоже требуется сила, и немалая. Движения мужчины размеренны и неторопливы. Вбить заступ в твердую землю. Вывернуть очередной ком. Отбросить. Вбить. Отбросить. Вбить...

Грязное лицо исполосовали струйки пота. Глаза блестят, взгляд словно бы повернут внутрь: человек всматривается в самого себя, вспоминает, силится понять... Губы столь же неторопливо что-то шепчут.

Прислушайтесь — и услышите:

«Я знал, что она...»

* * *

Я знал, что она придет.

Знал и боялся. Что я ей скажу?

Я никогда не верил в истории о Белой Госпоже — в захватывающие дух байки о ее дарах, о полетах в ее колеснице, о чудесных превращениях. В саму Госпожу верил, а вот в байки — нет.

Я точно знал, кто нашептывает их спящим детям; однажды — это была моя последняя ночь в отцовском доме — я проснулся оттого, что у изголовья кровати кто-то стоял. Сперва мне показалось, будто это одна из отцовых собак, была такая псина, Попрыгунья, она очень меня любила, всегда ходила по пятам как привязанная.

Но ведь собаки не умеют хихикать, верно?

Я лежал, широко распахнув глаза, и старался дышать так же, как во сне. В горле стоял комок, сердце сжимала тоска. Тихие слова еще звучали в моих ушах, тихие и сладкие, будто предрассветный сон. Обещание другой жизни. Без боли, без горечи, без грехов.

Я лежал, стараясь не спугнуть это волшебное ощущение. А у моего изголовья кто-то стоял. В очаге потрескивали поленья, рыжие отсветы плясали по потолку. Была самая сердцевина ночи, еще спать бы и спать, но я точно знал, что заснуть уже не смогу. Тихонько, чтобы никого не разбудить, я позвал: «Попрыгунья!» — и выпростал из-под одеяла руку. Я ждал, что моя любимица ткнется в нее мокрым носом, как она это всегда делала.

И правда, что-то мокрое упало мне на ладонь, мокрое и холодное.

Я вздрогнул и отдернул руку. Вскочил, вглядываясь в тени, но ничего не увидел, только расплывающееся на полу белое — не красное! — пятно. И услыхал тоненький хохоток из дальнего угла.

Кто-то сунул мне в протянутую руку горсть снега.

Кто-то стоял у моего изголовья, когда я в последний раз спал в отцовском доме.

Кто-то — понял я — и нашептал мне те тихие сладкие слова.

Конечно, я не раз слышал истории о волшебном народце и дивной стране. Старики охотно рассказывают их детишкам и смеются, когда те спрашивают, где лучше искать четырехлистный клевер да как верней поймать маленьких башмачников. «Все это сказки» — вот их стариковский ответ.

Некоторые и сами уже верят, что это сказки. Но дети... дети никогда. Потому что дети знают о следах на берегах озер, о звоне колокольчиков в тени дубрав, о взглядах, которые провожают тебя, когда ты оказываешься слишком близко к старым курганам. Дети помнят о тенях в изголовье. Видят страх в глазах взрослых, когда беззвездной ночью случайный порыв ветра доносит вдруг из-за дальних холмов лай псов и пение охотничьих рожков.

Потом все это забывается. Так легче жить.

К тому времени, когда мне пришлось уехать из отцовского дома, я тоже успел позабыть обо всем этом. А затем позабыл и о последней своей ночи там.

На новом месте меня никто не знал. Мастер Вилл был лучшим кузнецом в округе, и я гордился, что попал к нему в подмастерья. Сам лорд Харпер заказывал у него решетки, подсвечники и дверные замки. У мастера был уже один подмастерье, но и вдвоем они не справлялись с заказами. Деревенька звалась Малой Лесной. Она стояла на перекрестке трех дорог, и слава о мастере Вилле, странствуя по ним, возвращалась к порогу кузницы с новыми заказчиками. По южному большаку в Малую Лесную приехал и я.

В ту пору я был невысоким широкоплечим парнем, не по годам крепким и очень упрямым. Отец, договариваясь с мастером Виллом, предупредил о моем нраве, но кузнец

лишь пожал плечами: «Вот и славно. Чтобы переупрямить металл, одной силы мало, нужен характер. У парня он есть, а о прочем не беспокойся — это уже моя забота».

Мне он нравился: мастер никогда не лез к вам в душу с расспросами и все же очень хорошо понимал, что там, на душе, у вас творится. Он любил соленую шутку, в праздники с удовольствием пел и плясал вместе со всеми, а в обычные дни работал не покладая рук. Он многому научил меня. В первую очередь — обхождению с людьми. «Хочешь понять человека — выслушай его,— не раз говорил он мне.— Не торопись. Придет время, и он сам тебе все расскажет».

И вот я жил в Малой Лесной, и соревновался в упрямстве с железом, и слушал, и смотрел. Близость к замку лорда Харпера, а стало быть, к церкви изменила эти земли. Здесь искренней и тщательнее блюли Христову веру, и хотя в холмах, что лежали на северо-запад от деревеньки, порой звучали голоса, а на склонах еще встречались странные следы, местная детвора считала волшебный народ чем-то давним и давно сгинувшим. Они верили в другие сказки: о говорящих зверях, благородных воинах и заморских странах.

Мне полюбились здешние обитатели. Я захаживал поболтать к Берни Одноухому, вместе с Эйриком Бондарем мы рыбалили у Гребневого ручья, а Саймон Кроличий Хер никак не мог расстаться с мыслью выдать за меня свою семнадцатую дочь, Рябую Берту. Старший подмастерье мастера Вилла, Роб Капюшон, смеялся и советовал брать, что дают, пока не выросла двадцать вторая дочь Саймона, Лизи Косолапка.

Я отшучивался. В сердце было пусто, как в амбаре после долгой зимы. Так я прожил у мастера Вилла почти год; и вот когда осень, задохнувшись от холода, бежала в холмы, к нам в деревню приехал Сэм Сапожник с женой и дочерьми. У жены его были родственники в Большой Лесной, что находилась к северу от перекрестка, неподалеку от замка Харпер; но Сэм решил поселиться у нас. Женатые мужчины понимающе кивали, услышав об этом. Семью Сапожника приняли охотно и помогли обустроиться на новом месте. Их взял к себе в дом старый Эйб Близнец — все равно после смерти жены он жил один.

— Ну что, — сказал мне однажды вечером Роб Капюшон, — теперь у Рябой Берты ни шанса? Которая, Джон? Средняя или младшая? Гэйл, конечно, пышнее, но Дороти весела и, видно по всему, выдумщица, каких поискать.

Он, конечно, дразнил меня. Роб с самого начала понял, что мне глянулась старшая сестра — Кристина. Я так и сказал ему, но Капюшон покачал головой:

— Пустая затея. Золото — не для таких как мы. И думать забудь.

Я бы и рад, но стоило на миг закрыть глаза, и я снова видел ее белоснежное лицо, видел пронзительный взгляд и алые узкие губы. И конечно же, волосы цвета червонного золота.

Может, Гэйл была дородней, а Дороти простодушней, но мое сердце пускалось вскачь при мысли о Кристине, только о ней одной.

Вскоре, как назло, Сапожник отдал старшую дочь прислужницей в замок лорда Харпера; помогли родственники жены. Там Кристина присматривала за очагом в большом зале, прибиралась, отмывала столы и скамьи после пиров — словом, выполняла работу не самую достойную, тем более для такой красавицы. В Малой Лесной она стала появляться все реже, и я был благодарен мастеру Виллу, который теперь только меня посылал в замок с выполненными заказами. Роб все понимал и не обижался, но мнения своего не переменил. Я же не отступался от своего: дарил Кристине забавные безделушки и пряники, болтал о том да о сем. Подарки она принимала с поистине королевской небрежностью, разговоров избегала. Я думал, она стыдилась своего вида, ведь обычно, когда мы встречались, она была в грубом платье и сером платке, вся измазанная сажей или золой.

При этом сестры ее жили с матерью и отцом и помогали им по хозяйству. Почему же, спрашивал я себя, Сапожник услал старшую дочь в замок? Как будто он не желал ее видеть... но ведь это вздор! Сэм не был злым человеком, если и случались какие обиды или недоразумения, он с легким сердцем прощал и смиренно просил о прощении.

Так прошла зима: я ломал себе голову, и не находил места от любви и ждал Бельтайна. Я решил, что тогда-то

уж объяснюсь с Кристиной и получу ответ, каким бы он ни был.

Дорога к замку Харпер тянулась на север от нашей деревеньки, а другая — та, что вела на запад, проходила мимо небольшого озера, которое все в округе называли Копытом. Оно и вправду напоминало козлиное копыто: вытянутое, с большим мысом на западном берегу. Дальше на север, за озером, рос густой дубовый лес, а за ним начинались холмы. Туда старались без крайней нужды не ходить, да и озеро пользовалось в здешних краях недоброй славой. Дважды я предлагал Эйрику Бондарю порыбачить на южном берегу Копыта, но тот и слышать об этом не хотел.

Накануне Бельтайна я вместе с другими юношами отправился к Копыту. Выполнив всё, что следует, мы разожгли на холме у мыса костры и в который раз освятили Майское Древо. Там, где я родился, его каждый год устанавливали заново: срубали молодую сосну, очищали от коры и вкапывали на холме. Здесь же Древо оставалось неизменным годы, а может, и десятилетия. Корявый белый ствол, казалось, вонзался в самые небеса, дерзкий и по-прежнему живой. Мы очистили его от грязи и мха, водрузили на верхушку колесо, сплетенное из еловых веток, и окрасили Древо кровью дикого вепря. Затем до утра мы ставили на склонах холма шалаши для влюбленных, пели песни о сияющих огнях, прыгали через пламя и состязались друг с другом в силе и ловкости. Мы знали, что девушки из обеих деревень следят за нами, спрятавшись на опушке леса. Они знали, что мы знаем. Всё было так же, как в прежние, древние времена. Так, как и должно быть.

На следующий день пляски и песни продолжались, но теперь девушки танцевали вместе с нами и вместе с нами прыгали через огонь. Кристина тоже была там. И когда пришла ночь, я взял Кристину за руку и повел в один из шалашей. Впервые она улыбнулась мне так, как я мечтал всю эту зиму. Ее поцелуй был жарким, словно пламя священного костра, и вся она пылала и не желала ни ждать, ни медлить. Ночь пахла медом и дымом. Отовсюду раздавались искристый смех, и шутки, и шорох, и прерывистое дыхание, и приглушенные крики. Потом я перестал слышать и видеть.

Я был волною, которая бьется в поросший травою утес что есть мочи. Ветром, что мчит над бездонною плотью пещер и озер, их тревожа. Я был лососем, что пляшет неистово на берегу, выгибаясь всем телом. Я был недвижной скалою — по мне, грациозно и томно, переступала скопа-рыболов и шеей своей поводила. Вепрем я был, что, ломая валежник, летит через чащу, — и тем звенящим рожном, что вонзается в вепря, пружиня. Я был словами заклятия, что отверзают уста и трепещут в гортани, гордый напев порождая, и жажду власти, и сладость звучанья. Я был в чутких пальцах веретеном, из которого нитка судьбы, истончаясь, вьется. Я был Луною и Солнцем, и тем, кто их движет, и тем, кто сменяет ночи и дня обветшалых одежды. И сам я менял одеяния судеб, имен, мест и лиц. Умирал и рождался, и вновь умирал, чтоб родиться. И вот я родился!..

И умер.

— Нет, — сказала она. — Нет, конечно.

Я отвернулся. В просвете шалаша смутно проступала бело-алая верхушка Древа. Светало.

— Джон, ты ведь сам все знаешь. Это Бельтайн. То, что здесь происходит... слишком важно и поэтому для отдельных людей ничего не значит. Таков закон.

Конечно, я знал.

Но ведь и она знала!..

— Я думала, — добавила она тихо, — что так будет лучше. Что ты... успокоишься. И...

— Я так плох? Или у тебя на примете уже кто-нибудь есть?..

В конце концов я заставил себя обернуться и посмотреть на нее. Она ответила мне спокойным взглядом. — Или, может, ты из тех, кто верит, будто рано или поздно за ними явится принц на белоснежном коне и увезет в свое королевство?

— Вздор! — раздраженно сказала она. Подобрав с травы чулки, она натягивала их, и я снова отвернулся. — Просто так принц не приедет. И кого угодно с собой не возьмет.

Я не поверил своим ушам. И не желал больше ничего слышать. Подхватив одежду, я выскочил из шалаша.

Больше месяца я старался забыть о ней. «Успокоюсь»?! Всё стало еще хуже. Теперь мне было что вспомнить, и от этих воспоминаний я терял голову.

Когда я приходил в замок, она избегала меня. Отпросившись у мастера Вилла, я на телеге Эйрика Бондаря съездил в Семишахтье. Эйрик отвез на тамошнюю ярмарку бочки, а я пошел к гадалке. Она дала мне круглый, в форме яблока, заговоренный пряник и велела угостить им Кристину. Я щедро заплатил старой карге, но по дороге в Малую Лесную, когда проезжали мимо Копыта, вспомнил всё, вспомнил ту ночь,— и, размахнувшись, зашвырнул проклятый пряник в воду.

Сдуру я провел ночь с Рябой Бертой. Не помогло. Потом больше недели прятался от Саймона. Мастер Вилл переговорил с ним и все уладил мирным путем, мне же велел либо перестать думать тем, что у меня между ног, либо искать себе другого мастера.

Сам не знаю как, но я перебедовал лето, затяжное и жаркое, словно полуденный кошмар. Осенью работы в кузнице стало столько, что я не замечал ничего вокруг. Это было удобно. Можно было жить и жить... если бы только не сны, полные шелковистого червонного золота, и касаний, и ее обжигающего дыхания.

Однажды осенью в Малую Лесную пришел человек с узорчатым чехлом, на котором драконы и лозы росли друг из друга. В чехле была арфа, и все мы решили, что незнакомец — один из странствующих певцов. Он заплатил за ужин и комнату, а назавтра собирался идти в замок лорда Харпера. Пока он ужинал, вся деревня собралась в трактире Толстяка Эрни.

Незнакомец не заставил себя упрашивать. Расчехлив арфу, он начал играть, но, сколько мы ни ждали, не пропел ни слова. Впрочем, разочарованных не было: его музыка околдовывала и уносила в дальние края и древние времена, и казалось, что стены трактира растаяли, будто мартовский лед, а за ними — роскошные леса, полевые травы, реки и озера; за ними — бесконечная небесная высь, приглушенный свет и едва слышный напев.

Поутру он узнал, что я иду в замок, и попросил взять с собой. Тогда-то я понял, почему за весь вечер гость не проронил и двух слов.

— Как тебя зовут? — спросил я, едва мы вышли. Он ответил, но так невнятно, что я и по сей день не возьму

в толк: Джон или Том? Он говорил так, будто рот его набит вареной капустой. Но человеком он был добрым и мягкосердечным. Он знал о своем недостатке и смирился с ним.

В большом зале Тому (или Джону) позволили выступить, и он снова играл, а когда лорд Харпер попросил спеть, Том сказал, что на эту мелодию не ложатся человеческие слова. Лорд засмеялся: дескать, такие слова, как у Тома, и впрямь ни на какую музыку не лягут, а если лягут, то породят лишь неуклюжего ублюдка. Однако ж заплатил щедро.

Назавтра музыкант собирался идти дальше, на запад. «Через холмы?» — спросили у него. Через холмы. Кто-то пытался отговаривать, но Том лишь улыбнулся.

Я видел, как слушала его мелодии Кристина. И знал, что утром она проводила Тома до самых холмов.

Весь вечер Кристина была задумчивой и, вернувшись, не отвечала на смешки о ней и Томе.

«Вот он, ее принц, — с горечью подумал я тогда. — Бродячий музыкант, которого она больше никогда не увидит».

Я ошибался. Дважды.

Шли дни, и я наведывался в замок и видел, что Кристина изменилась. Что-то тревожило ее. Как будто желая отстраниться от этого, она стала ласковее со мной.

Однажды — дело было накануне Самайна — она попросила меня как можно скорей сделать для лорда Харпера ножницы по римскому образцу, на шарнире. Я взял кожаный футляр, в котором хранились прежние, сломавшиеся, и обещал управиться к следующему же дню, но, вернувшись в кузницу, узнал, что у заезжего торговца сломались ось и обод на колесе. Мы проработали до самого вечера. На следующий день я выкроил время, только когда уже начало смеркаться.

— Не задерживайся надолго, — сказал мне мастер Вилл. — Сегодня не та ночь, чтобы разгуливать по дорогам.

Я пропустил его слова мимо ушей. «Принеси как можно скорее, лучше вечером», — вот что сказала мне Кристина на прощанье. И поцеловала так, как целовала тогда в шалаше.

Я закончил ножницы, подвесил чехол к поясу и отправился в замок Харпер. Время шло к полуночи, небо обло-

жило густыми черными тучами, и луна не светила, но я знал дорогу как свои пять пальцев. А уж при мысли о Кристине готов был бросить все и бежать хоть на край света.

И все-таки чем дальше я шел, тем яснее вспоминал, что говорили здешние старожилы о ночах на исходе осени.

Большак здесь поднимался в гору, вдоль обочин рос густой терновник, а справа возвышался древний, вросший в землю плоский камень с выбитым на нем крестом. В центре креста, там, где знак солнца, чернело отверстие, почти уже заросшее мхом. Я был как раз на полпути к замку, когда слева, из-за холмов, прохрипели рожки и раздался топот копыт.

Не раздумывая, я метнулся к камню и присел за ним. Пальцем успел очистить отверстие ото мха.

Больше ничего не успел.

Вокруг не было ни огонька. Смутные силуэты холмов тонули во тьме, но, когда я смотрел через отверстие в камне, все как будто озарялось тусклым светом.

Вдруг из чащи прямо на дорогу выскочила свора борзых. Они свирепо закружились на месте, словно брали запутанный след. Я сидел на корточках ни жив ни мертв и не мог оторвать от них глаз. Борзые были снежно-белого цвета, и, хотя они наверняка мчались через лес, ни одного пятнышка грязи не было на их шкурах. Только уши у псов были карминные и словно бы излучали тусклое сияние.

Потом на дорогу выехали всадники на лошадях настолько бледных, что, казалось, сквозь них можно разглядеть и деревья, и холмы. Если я на миг отводил взгляд, всадники и псы делались невидимыми, так что я глядел на них во все глаза. Даже не моргал.

В богатой одежде, высокие и стройные, всадники казались во сто крат опаснее псов. Пожалуй, они способны были заметить и учуять то, чего борзым никогда не увидеть и никогда не учуять.

Бежать было поздно. Я хорошо знал все легенды об Охоте, даже те, в которые никогда не верил. Сегодня была ночь всадников-из-холмов — время, когда границы между мирами истончаются и древние силы обретают былую власть. В такую ночь только безумец или влюбленный осмелится

выйти на большак. Только беспробудный пьяница заснет, не помолившись. За такими душами всадники-из-холмов и охотятся: душами тех, кто охвачен дикой страстью, безоглядной лихостью. На них спускают псов и гонят до тех пор, пока жертва не выбьется из сил. О том, что происходит потом, лучше не думать.

Борзые всё еще кружили на месте, но вот одна, повернувшись к кустам и камню, за которым я прятался, замерла. Потом двинулась в мою сторону, сперва медленно, затем все быстрее. Другие, тонко, смешно тявкая, побежали следом.

Я потянулся за ножом, который всегда носил с собой, и решил, что моего упрямства хватит на пару псов. На большее я не расчитывал.

Я уже собирался встать в полный рост, чтобы встретить их, как подобает встречать мужчине смерть,— но что-то вдруг случилось. Борзые остановились, так и не добравшись до терновника, и всадники разом повернули головы на север.

По дороге кто-то шел.

Чтобы не закричать, я впился зубами в рукав. Мысли путались, словно я весь вечер провел в обнимку с бочонком эля. А мне сейчас позарез нужна была ясная голова!

По дороге, не пугаясь ни псов, ни всадников на бледных лошадях, шла Кристина. В первый миг я решил, что это не она: просто не могла такая знатная госпожа оказаться ею! На Кристине были дивное, сверкающее позолоченной вышивкой платье и красные кожаные башмачки... да дело даже не в башмачках и не в платье. Что-то переменилось в ней самой, а может, всего лишь прорвалось наружу. То, как она ступала, то, как глядела. Словно была она не на большаке, а на балу, равная среди равных.

Псы наперегонки помчались к ней, но всадники успели прежде псов и ударами хлыстов отогнали свору. Кристина стояла не шелохнувшись и внимательно рассматривала лица всадников. Наконец она повернулась к самому статному и отвесила ему поклон:

— Сегодня ночь Пяти Взяток, ночь Пяти Перекрестков. Ночь пира, ночь разделения и ночь обновления. Возьми меня на свой пир, Принц.

Всадник посмотрел на нее с любопытством. Его узкое бледное лицо чуть мерцало во тьме.

— Славные башмачки для пира. И славное платье. Но зачем ты мне, дочь Сапожника? В моем подчинении все обитатели холмов, и знатнейшие дамы прислуживают мне за столом...

— Но кто-то ведь должен разрезать пирог, — ответила Кристина. — Кто-то должен раздать куски гостям.

Статный всадник рассмеялся. Так мог бы смеяться горный ручей или столетний дуб.

— Ты кое-что знаешь о нас, дочь Сапожника. Кое-что, но далеко не все. Пирог может разрезать только та, кого я признáю своей будущей невестой.

— Ну так признай меня, Принц. На мне платье, которое дала мне Госпожа, и ее башмачки. Она признала меня. Дело за тобой.

— И ты не боишься?

Белые псы с карминными ушами стояли вокруг и жадно принюхивались. Даже мне было слышно, как они дышат, вывалив языки и роняя слюну на дорогу.

— Я жила среди людей, — сказала Кристина. — Чего мне еще бояться?

И снова Принц засмеялся.

— Хорошо, — кивнул он. — Дандо, Чини — дайте ей коня.

Два его егеря, меньше других похожие на призраков, подвели Кристине коня и помогли сесть в седло. Она без стыда подобрала юбку и уселась по-мужски. Я едва понимал, что происходит, и по-прежнему не мог оторвать от нее глаз. Сердце мое рвалось из груди так, что ребрам было больно.

— А теперь, — сказал Принц свите, — продолжим охоту. Если не ошибаюсь, первая наша добыча совсем рядом. — Он кивнул Дандо, больше похожему на священника, чем на охотника, и тот, ухмыльнувшись, свистнул так пронзительно, что у меня заложило уши. Псы вскинули морды и, раздувая ноздри, ждали приказа.

Но вместо приказа они услышали звон бубенцов и посвист хлыста. С севера кто-то стремительно приближался. Принц вскинул руку, приказывая Дандо погодить.

По воздуху к ним мчалась женщина. Она выпрямилась во весь рост, ветер трепал ее длинные золотистые волосы, ложившиеся водопадом на лиственно-зеленый плащ и сверкавшие так, что глазам делалось больно. Она еще была слишком далеко, чтобы я мог различить детали, но вдруг я отчетливо увидел величественную и ужасную старуху. Сердце мое остановилось, и я подумал, что сейчас умру. Сквозь отверстие в камне я ясно различал огромный провал рта, сверкающие белизной острые зубы, бельмастый левый глаз, спутанные волосы. Все ее суставы были черны, словно сажа; багровый плащ, весь в дырах, распахнулся, и стали видны жесткие черные волосы, спускавшиеся от промежности до самых ее коленей, и проглядывавшая сквозь волосы дряблая мясистая плоть, и пальцы — широченные, с длинными ногтями.

Потом я отшатнулся, а когда взглянул снова, не было никакой старухи, а была красная колесница, и в ней — величественная юная госпожа. Она небрежно правила поджарыми вепрями с серебристой щетиной и длинными закрученными клыками. Псы при виде вепрей попятились и поджали хвосты. А может, их испугали не вепри.

Дева была высокой и стройной, и белая ее кожа напоминала о первом снеге. Мановением руки она остановила колесницу. На миг все вокруг охватила бесконечная тишина, словно мир погрузился на дно предвечного озера.

Затем Принц спешился и преклонил перед девой колено, и его присные сделали то же и не вставали, пока она небрежным жестом не позволила им подняться — хрупкая и властная, точно болотный ирис.

— Я, кажется, помешала? — Голос ее был похож на шорох платьев во время Бельтайна. Мне стало жарко.

— Ничуть, — ответил Принц. — Мы охотимся, но...

— По-моему, вы уже получили свое, мой господин. — Она кивнула на Кристину.

— Но есть еще...

Дева плавно покачала головой.

— Зачем вам Кузнец? Ваше упорство удивляет. Неужели вы так дешево цените мой подарок?

Их взгляды скрестились: ее и Принца. Псы заскулили, вепри угрожающе наклонили головы.

— Вы правы, Госпожа, — небрежно проронил Принц. — Пожалуй, пора возвращаться и готовиться к пиру.

Он одним неуловимым движением вдруг оказался в селле, и вся его свита тоже — как будто и не спешивались! — и они полетели на запад не разбирая пути, прямо в чащу, лихо трубя в рожки, выкрикивая какие-то шутки; псы мчались следом за лошадьми и ни разу не оглянулись.

Я сидел на корточках ни жив ни мертв.

Дева проводила их насмешливым взглядом и уже потянулась, чтобы хлестнуть поводьями вепрей.

Тогда я наконец выпрямился и, хотя затекшие ноги не желали слушаться, вышел на большак.

Она словно ждала этого.

— Хочешь поблагодарить меня?

Я молча поклонился. Это была ее игра, но я готов был играть. Я знал правила, но был очень упрям.

— Возьмите меня с собой.

Я стоял, опустив глаза, и чувствовал дикий дух вепрей, но слышал — слышал много больше. Птичий клекот, шорох перьев, цоканье когтей. Приглушенное рычание.

— Ты понимаешь, о чем просишь? — спросила дева.

Я кивнул. Я думал, что понимаю.

— Будь по-твоему.

Я слышал, как она наклонилась, и на мгновение почувствовал ее запах — так пахнет лес в разгар осени, самое его нутро, — а потом она коснулась ледяными пальцами моих век и как будто смазала их чем-то вязким.

— Посмотри на меня, — велела она.

Я поднял взгляд.

Ноги у меня все же затекли, поэтому я не смог отшатнуться, но кровь моя застыла, когда я увидел колесницу, и ее хозяйку, и свиту.

— Что-то не так, Кузнец? — спросила она меня. Без гнева и без тревоги, с легкой насмешкой.

Я знал только одно: лгать ей нельзя. Пока нельзя.

— Я видел тебя древней старухой. Видел величественной девой. Теперь... теперь ты другая. И я спрашиваю себя: какая же ты на самом деле?

Она заглянула мне в самую душу своими черными глазами-жемчужинами.

— Ты был младенцем, и был мальчиком, и был юношей. Когда-нибудь ты станешь стариком. Каков же ты на самом деле? Садись ко мне в колесницу, Кузнец, и, может, мы найдем ответ.

Мне хватило глупости, чтобы покачать головой:

— Все мы меняемся, от рождения до смерти. Но есть кое-что неизменное, благодаря чему мы — это мы, всегда. Одни говорят, что дело в душе. Но... — («Даже для тех, у кого нет души»), — порой довольно имени. Как мне звать вас, госпожа?

— У меня так много имен, что прежде наступит полдень, чем я назову все: Вздох, Буря, Ветер, Рыданье, Битва, Безродность, Волчица, Игра, Мера... Ты можешь звать меня Белой Госпожой — это имя ничуть не хуже прочих. И столь же правдиво... по меньшей мере, до конца этой ночи.

Я снова поклонился ей и взошел на колесницу. Теперь я видел ее лицо так близко, что мог бы коснуться подушечками пальцев, не вытягивая руки. Снежно-белая, чистая кожа, точеные черты. Зрелая женщина, в самом своем расцвете. Полная власти и силы, от которых перехватывало дух, стоило лишь задержать на ней взгляд. Я смотрел, понимая, что пропал навеки. Даже если все выйдет по-моему.

Разукрашенная червонным золотом колесница была достаточно широка, чтобы я мог сесть рядом с Госпожой. Лилейные петухи вытягивали шеи и трясли набухшими гребнями. Угольные гагары размером с теленка клацали клювами. Волки стояли у самых колес, молча следя за каждым моим движением рубиновыми глазами. Ее свита.

Я сел подле Госпожи, и она укрыла нас обоих необъятной медвежьей шубой. Затем едва шевельнула пальцами — и поводья, изогнувшись, будто змеи, зло хлестнули по серебристым холкам. Все вокруг пришло в движение: вепри помчались, пригнув узкие морды к самой земле, рядом с ними неслись волки, а позади раздавалось хлопанье крыльев.

Через мгновение мы уже были в лесу и летели по едва заметной тропе. Деревья нависали над нами: голые корявые ветви да клочья ветхого мха. Я дрожал — то ли от студеного ветра, то ли оттого, что касался ее тугого бедра своим. Медвежья шуба пахла дурманными травами и дымом.

— Все еще мерзнешь? — спросила Госпожа, повернувшись ко мне. Голос у нее был с хрипотцой, и от этого перехватывало дух сильней, чем от бьющего в лицо ветра. Ее багровый плащ чуть разошелся, и я скорее угадывал, чем видел белоснежную грудь с набухшим вишневым соском.

Колесница плавно покачивалась, что-то хрустело под колесами. Изо всех сил я сдерживался, чтобы не забормотать «Отче наш».

Нагнувшись, она поцеловала меня в губы. Колкое тепло хлынуло в горло, в нос, в легкие — так иней заплетает узорами окна. Я задохнулся; показалось, я тону в бездонном озере, но эта волна ледяного тепла остановилась, добравшись до сердца. Я сидел ни жив ни мертв, и смотрел в ее глаза, и видел ожившую бездну.

Дышать было больно, но я вдохнул воздух и облизал губы. Ее вкус еще звенел на кончике языка: вкус густого меда, студеной ключевой воды и ночных тайн.

Краем глаза я заметил, что свита Госпожи увеличилась, но будь я проклят, если думал сейчас о чем-то, кроме поцелуя. Кроме поцелуя и моего все еще бьющегося сердца.

Потом я почувствовал ее правую руку у себя на поясе и вздрогнул. Но она так и не коснулась чехла с ножницами, сейчас ее интересовало другое.

Видит Господь Распятый, если бы мои руки не оцепенели, я сам помог бы ей. Но она управилась скорей, чем колеса успели трижды обернуться, а потом она откинула медвежью шубу и снова поцеловала меня, и я почувствовал, как вторая волна колкого тепла неотвратимо поднимается, заполняя меня, словно расплавленный металл — форму.

Я закричал от восторга и ужаса.

— Больше не буду тебя целовать, а не то зацелую до смерти, — сказала она, выпрямившись.

Я откинулся на сиденье и посмотрел на нее почти с ненавистью. Две ледяные волны бешено колыхались во мне, но не могли слиться воедино: сердце билось, все еще билось!

Где-то высоко надо мной, словно отзываясь, стонала и плакала буря — казалось, она поет древние песни на забытых языках. Вокруг сновали тени.

Госпожа кивнула на чехол с ножницами:

— Даже не думай. От них будет мало толку, только разозлишь тех, кого злить не следует.

Я молчал и ждал. Если она знала о ножницах, стало быть, знала и об остальном.

— В тебе нет мудрости, но вдосталь отваги. Вот только одной отваги мало. Если будешь слушаться меня, я сделаю так, что ты побываешь на пиру и возвратишься живым. О большем и не мечтай. Кристина должна сделать то, на что согласилась.

— Она не понимала...

— Конечно. И ты не понимаешь.

Мне показалось, в ее взгляде промелькнуло что-то почти человеческое. Может, тоска, может — усталость. Или я просто хотел увидеть то, чего там не было.

— Настал срок, и Принцу следует выбрать невесту. Ту, которая отныне будет прислуживать ему на банфисе.

Я знал, что банфисом называли ежегодный пир, его устраивал король для своих верных подданных. Это был древний обычай: любой мог прийти ко двору и отведать угощенья с королевского стола. Там, где я родился, жил один старик, который когда-то побывал на банфисе, но это случилось давно, очень давно. С тех пор слишком многое переменилось — там, но не здесь, при дворе Принца-из-холмов.

Колесница неслась быстрее ветра. В разрыв между тучами вдруг новенькой серебряной монетой выкатилась луна. Я почти не удивился этому, хотя — откуда ей было взяться сейчас, на исходе месяца? Я сдуру поглядел налево и увидел то, что раньше замечал только краем глаза.

Вепри бежали не разбирая дороги, их седые холки сверкали, будто покрытые инеем. Мимо нас проносились могучие стволы, изрезанные глубокими морщинами. В ломких зарослях папоротника то и дело мелькали волчьи спины. Над нами, заслоняя луну, метались тени, порой с крыльями, порой — без. А о тех, кто бежал в ту ночь за колесницей Госпожи, я стараюсь не вспоминать. Когда люди болтают о спригганах, баллбеггах или лутчаках, я помалкиваю. И я почти привык к снам, в которых снова оказываюсь в колеснице Госпожи и снова, не в силах совладать с любопытством, оглядываюсь и вижу ее слуг.

Иногда я даже не кричу во сне.

— Они не тронут тебя,— сказала Госпожа, разворачивая хлыст со множеством мелких узелков. Свистнув, он пару раз опустился на спины вепрей, и те молча ускорили бег.

Я тоже молчал. Две колкие волны бились во мне, подступая к самому сердцу. Я думал о Кристине. Убеждал себя, что еще ничего не решено, что Госпожа не солгала и я вернусь... что она ошиблась — и я спасу Кристину.

Холмы обступили нас со всех сторон, и старые деревья зло скрипели где-то во тьме, словно створки высоких, до небес, ворот. Они били друг о друга ветвями — и казалось, это стучат копыта коней во внешнем дворе замка. В завываниях ветра звенели взволнованные голоса.

— Ну вот мы и на месте,— сказала Госпожа, и мы через увитую темным плющом арку въехали в холм... нет, прямо во двор замка, расцвеченный багряным полыханьем факелов, украшенный множеством ярких флагов.

Отовсюду звучали голоса, я видел лица — почти человечьи, если не приглядываться; крепостные стены обступили двор со всех сторон, я обернулся, но оказалось, мы уже слишком далеко, я не увидел ворот, только всадников, спешащих к ним слуг, предпраздничную сусту; какие-то твари шныряли между ногами, похожие на псов или кошек, но это были не псы и не кошки. Призывно звучали свирели. Луна сияла над замком, словно исполинский, вбитый в небо гвоздь.

Время бояться прошло. Спрыгнув с колесницы, я склонил голову перед Госпожой и подал ей руку. Вокруг все продолжали заниматься своими делами, но я чувствовал на себе пристальные взгляды. Выжидательные, оценивающие.

Спокойно и величественно, как и подобает королеве, Госпожа ступила на шелковистую траву. Ее пальцы на моей ладони были почти невесомыми.

— Будешь моим кавалером на эту ночь, Кузнец?

— Почту за честь.

Она кивнула, едва заметно улыбнувшись. Я не сомневался: все, кому следовало, нас услышали.

Мы направились к замку. Гости поспешно расступались, кланяясь и прикладывая руки к груди. В моих глазах рябило от изумрудных, бирюзовых, васильковых одежд... от колких, бросаемых украдкой взглядов.

Воздавая почести Госпоже, они поневоле склоняли головы и передо мной. И многим это не нравилось.

Мы шли медленно. Я легко подстраивался под шаги Госпожи: во мне словно бы проснулся некто древний и знатный, умеющий двигаться так, как принято при дворе. Моя осанка, мой взгляд, моя уверенность — они принадлежали кому-то другому и все-таки были моими. Сейчас — моими.

Замок приближался. Всё в нем: форма башен и стен, то, как плотно были пригнаны друг к другу камни кладки, едва заметная резьба над воротами, даже сам запах, исходивший от него, — яснее ясного говорило о его возрасте.

Где-то высоко в небе лениво хлопали на ветру невидимые стяги. Я слышал за спиной шорох листьев и шорох голосов — легкий, едва различимый. Я шел, не глядя под ноги, шел прямо в оскаленные ворота замка, и уже не чувствовал ног, и не мог думать ни о чем, только о том, насколько же он древний, этот замок, который сейчас поглотит меня. Когда его строили, в этих краях еще не было людей... если они вообще были где-нибудь в те времена.

Во рту растекся горький тошнотворный привкус. От дыхания замка кружилась голова и все вокруг делалось размытым.

Мой сапог зацепился за что-то, и я едва не упал. Ставшая неожиданно твердой рука Госпожи удержала меня.

— Боишься, Кузнец?

Ничего лучше она не могла бы сейчас сказать.

— Разве могу я быть настолько неблагодарен, чтобы бояться чего-либо рядом с моей Госпожой? Разве могу я быть настолько маловерен, чтобы допустить мысль, будто кто-либо с ведома моей Госпожи нанесет мне хотя бы малейший вред?

Она даже не взглянула на меня.

— Я ошибалась в тебе, Кузнец. Ты не только отважен, но и умен.

Но я не был умен. Я просто был упрям, очень упрям.

Мы вошли в длинный коридор, озаряемый медовым сиянием светильников, и здесь тоже были гости, которые расступались и кланялись. Я старался не смотреть им в глаза. Звуки наших шагов гасли, едва коснувшись стен. Там,

между светильниками, проступали вырезанные из камня узоры; мой взгляд то и дело возвращался к ним, как будто в этих перетекающих одна в другую линиях была сокрыта опасная тайна. В похожие узоры складывались и разноцветные плиты у нас под ногами. Иногда на миг-другой мне казалось, что я различаю в узорах фигуры и как будто вижу сценки, какие изображают резчики в церквях, но только это были сценки из других времен, прежних, — тех, когда еще не существовало даже этого замка.

С каждым шагом я все отчетливей видел то, что таилось в узорах. Я хотел остановиться, готов был повернуть назад, и я бы повернул, но Госпожа, догадавшись, бросила на меня насмешливый взгляд.

Сердце билось, как птаха в тугом силке. Я знал, что, разгадав смысл узоров, уже никогда не смогу возвратиться, даже если Принц-из-холмов отпустит меня, даже если все его гости разом позабудут о моем существовании.

Госпожа на миг смежила веки, а потом, отвернувшись, продолжала шагать. Ровная спина, милостивые кивки наиболее знатным гостям. Ничего не изменилось. И я не сомневался, что мне примерещилось едва заметное пожатие пальцев.

Я закрыл глаза. Она небрежно вела меня: шаг, другой, пятый... а потом я почувствовал, как стены раздались вширь, открыл глаза и увидел зал, озаренный светом бесчисленных свечей. Свечи были повсюду: большие, маленькие, разноцветные, фигурные, простые... Они источали диковинные ароматы, почти заглушавшие истинный дух замка. И я ничуть не удивился, когда понял, что их пламя — всегда ровное и прямое, словно это не свечи, а заколдованное войско, вскинувшее в приветствии огненные клинки.

И еще — они не порождали теней. А может, это гости, заполнявшие зал, их не отбрасывали.

Я никогда не видел столько знатных господ, даже в тот раз, когда лорд Харпер праздновал свадьбу своей старшей дочери. Должно быть, подумал я, они собрались здесь со всей страны, не иначе.

Повсюду стояли богато убранные столы и сверкающие фонтаны, и гости ходили между ними с кубками в руках. Два толстяка, сверкая перстнями, улыбались друг другу

и говорили о чем-то забавном. Юноша с куценькими усами забрался на скамью и вещал, взмахивая руками то ли для пущей важности, то ли чтобы не свалиться; его раззадоривали вопросами и добродушно посмеивались. В дальнем конце зала пели, и я заметил на небольших помостах жонглеров. Слева промелькнула и скрылась в толпе неприметного вида девица, которая вела перед собой на тонких проволочках куклу-епископа. Справа от нас, возле одного из гигантских, пышущих жаром каминов, три кавалера играли в мяч, а дамы увлеченно обсуждали все их удачи и промахи. Неподалеку показывал фокусы с кольцами уродливый носатый коротышка. Белый кролик в шутовском колпаке танцевал на задних лапах, а когда ему хлопали, кланялся; убаюкивающе звенели серебряные бубенцы.

Но все это продолжалось лишь несколько мгновений, пока нас не заметили. Тотчас разговоры оборвались, движение прекратилось. Перепуганный кролик дал стрекача и скрылся где-то под столами. В наступившей тишине было слышно, как звенят бубенцы на его желто-зеленом колпаке; у камина катился по полу золотистый мяч.

И снова гости расступались, и мы шли — дальше и дальше, через весь зал, к королевскому столу. Он был словно упавший сюда с неба громадный сверкающий полумесяц.

Я, хоть и увидел за одну эту ночь столько чудес, все же поразился его златотканым скатертям, изысканным блюдам, содрогнулся при виде властных лиц и роскошных одежд гостей, что собрались там. Пожалуй, подумал я, мне легче было бы панибратски хлопнуть по плечу лорда Харпера, чем сесть на одну скамью с этими господами.

Только сейчас я осознал, что на мне по-прежнему моя неказистая одежка. Я был словно деревенский дурачок, по ошибке угодивший в совет старейшин.

И все-таки мы шли к столу в полной тишине, почтительной и напряженной. Я держал голову ровно и, чтобы случайно не встретиться взглядом с кем-нибудь из гостей, разглядывал закрывавшие стены полотнища. Все они словно бы сливались в один большой гобелен. На нем не было узоров, что так напугали меня в коридоре, только цветы, деревья да причудливые твари. Из-за сквозняков ткань едва заметно колыхалась. Пару раз мне почудилось, будто

я слышу скрип стволов и скрежет, с которым трутся друг о друга ветви.

Мы были уже перед королевским столом, когда с левого его конца прогремел хрустальный смех.

— Наконец-то!

Я взглянул туда и обмер.

— По правде говоря, мне следовало догадаться, королева! «Зачем вам Кузнец»!

— Ты требуешь от меня ответа?

Принц-из-холмов вскинул свои холеные белоснежные руки:

— Как вы могли такое подумать! Сегодня священная ночь банфиса, и нас ждет долгожданный пир. Вы даровали мне прекрасную даму и решили взять себе в кавалеры Кузнеца. Я благодарю вас и склоняю голову перед вашей мудростью. Садитесь же к столу, и начнем.

— Просим, просим к столу! — подхватили гости. Они хлопали в ладоши и радостно смеялись. Какой-то долговязый господин с пышной бородой по-свойски подмигнул мне, несколько юношей, звеня золотыми браслетами, вскинули кубки. Я чувствовал на себе украдкой брошенные взгляды дам — оценивающие и призывные.

Наконец мы заняли два места на правом конце полумесяца. Госпожу там ждал высокий резной трон, меня — кресло пониже и попроще.

Едва мы сели, свечи вспыхнули еще ярче и все пришло в движение. Кавалеры вернулись к своим играм, дамы — к перешептыванию и смешкам. Жонглеры и кукловоды с удвоенным пылом принялись развлекать публику. Музыканты, что сидели внутри громадного полукруга, очерченного нашим столом, играли сладостно и вдохновенно. Черты одного из них показались мне знакомыми, но голова моя в тот момент была занята другим.

За все это время я сумел ни разу не взглянуть на Кристину — кроме того, самого первого, когда Принц воскликнул: «Наконец-то!» Она сидела рядом с ним, стройная и бледная, с едва заметной улыбкой на устах. Я с горечью подумал, что зря старался. Она знала, чего хотела, и получила это: волшебного принца на белом коне, принца, который увез ее в свое королевство.

Но даже понимая это, я по-прежнему желал ее.

Веселье было в самом разгаре. Гости благосклонно наблюдали за трюками жонглеров и фокусами карлика; то и дело звенели кубки, и вино лилось рекой. Кто-то крикнул музыкантам, чтобы не ленились, и, когда те начали играть «Яблоки в потоке быстром», многие пустились в пляс. Мелодия слегка отличалась от обычной, чаще и резче меняла ритм; потом музыканты вплели в «ожерелье» «Весенний рой», «И дождь прольется», «Стрекозу»...

Я сидел, не шелохнувшись, и не притронулся ни к одному из блюд. Моя Госпожа со странным выражением на лице глядела на танцующих и слушала музыкантов.

Когда мелодия стихла, Принц встал и поднял золотой кубок, украшенный чеканкой в виде змеи, которая пожирала саму себя.

— Вина королеве! Я хочу выпить за ее величие и мудрость!

Не глядя, она протянула мне свою хрустальную чашу.

Я поднялся — отчаявшийся, пустой, словно эта чаша. Время шло, а я так ничего и не сделал для своего спасения. Так и не решил, как же мне быть с Кристиной.

В ближайшем кувшине было пусто, и в следующем, и в еще одном. Так я дошел до середины стола: там никто не сидел, но было не протолкнуться от пирующих, которые подходили, чтобы наполнить кубки.

Принц тем временем, скалясь в улыбке, славословил Госпожу:

— Воистину, во всех трех мирах и пяти уделах не сыщется такой прозорливой и справедливой королевы! Такой милосердной и такой многомудрой. Каждый ее совет — словно глоток из чистого родника. Я возношу королеве хвалу за то, что благодаря ей пынче рядом со мной сидит моя невеста!..

Не выпуская из рук кубка, он повернулся к Кристине и поцеловал ее. Кубок на миг качнулся, несколько капель упали на ее платье.

Меня как будто приворожили: я стоял у стола с полной чашей, со всех сторон меня толкали чьи-то нетерпеливые ладони, локти, кто-то шкодливо ущипнул меня за бедро и отбежал, мелкий, хвостатый.

Я не мог оторвать глаз от Кристины. Вот она сидит рядом с Принцем, который продолжает говорить. На лице у нее легкая счастливая улыбка. Глаза темны и бездонны. Вот она, улучив момент, поднимает руку и, мельком взглянув вниз, стряхивает капли вина с платья.

Презрительно. С отвращением.

Я поспешно отвернулся и стал проталкиваться прочь от стола. Кто-то налетел на меня и едва не сбил с ног. Вино из наших чаш плеснуло во все стороны, рядом гневно закричали. Крепкий жилистый старик, толкнувший меня, закричал в ответ, дескать, смотреть нужно под ноги, а у кого глаза не на месте, тот пускай пеняет на себя. Здесь, видно, знали его скверный нрав, потому что молча посторонились.

Я остался с полупустой чашей и снова вернулся к столу. Старик шел за мной по пятам.

Когда я доливал вино, он шепнул как бы в никуда:

— Едва разрежут пирог — беги к единорогу. За ним лестница на голубятню. Поднимешься и выпрыгнешь из летка. Промедлишь — пропал. Дождешься двенадцатого удара — пропал. Съешь или выпьешь что-нибудь — пропал. Ну, — добавил он, повысив голос, — чего возишься?! Налил — отходи.

По крайней мере, при дворе Принца он научился разборчиво говорить.

Я вернулся и подал чашу Госпоже. Полную по самые края. Не расплескав.

Она небрежно приняла и, не глядя на меня, твердо сказала:

— Я ведь тебе велела: и думать забудь. Кристина сделает то, на что согласилась.

— Да, Госпожа.

Я склонил перед нею голову. Так она не видела моего лица, а я сейчас вряд ли смог бы обмануть ее. Во мне не было ни капли смирения, только упрямство и надежда.

— Помни о моих словах.

Она отвернулась, и я наконец сел. Левый глаз щипало — в него попали брызги от вина. Пока Госпожа отвечала на здравицу Принца, я украдкой смочил палец слюной и протер глаз.

Какое-то время все передо мной расплывалось, я поморгал, слегка тряхнул головой... и зрение мое наконец сделалось таким четким и зорким, как никогда прежде.

Я не закричал, потому что в горле у меня пересохло, и не вскочил с места, потому что... нет, вовсе не из-за Кристины. В тот момент я позабыл о ней, впервые за ночь.

Просто я не знал, куда бежать. Просто не знал, куда мне бежать...

Там, где я родился, одно время жил безумец, которого считали провидцем. Иногда он и впрямь говорил о том, чего еще никто не знал и что потом сбывалось. Мне и Пэгги он как-то сказал, чтобы мы держались подальше от пряников, но мы, глупые... впрочем, сейчас это уже не важно. А важно то, что о таких, как он, говорят: «не от мира сего». И даже самых разумных считают немного безумными.

В ту ночь я понял, почему они такими становятся.

Я одновременно видел два мира. Правым глазом — прежний, где в волшебном зале пили за Госпожу знатные гости. Левым — новый, а точнее, древний мир. Другой.

В том древнем мире зал был не залом, а бесконечным пространством, чьи пределы терялись в туманной дымке. Повсюду возвышались странные колонны — расширяющиеся кверху, поросшие редким жестким волосом или, может, щетиной. Я поднял голову: потолка не было, только всё тот же туман, который был подсвечен изнутри золотистым сиянием, почти осязаемым, пушистым и теплым. Хотелось протянуть руку и погладить его.

На месте фонтанов стояли пурпурно-стеклянные деревья... впрочем, нет, по правде, фонтаны и были деревьями... на их ветвях сидели птахи с таким ярким опереньем, что глазам делалось больно. Они пели-журчали, и песни их были сладостными и мучительными одновременно.

Весь пол в зале, сколько я мог видеть, был устлан серебристой листвой, и она тихонько звенела под ногами гостей, и от этого, как и от птичьих песен, хотелось рыдать; душу до краев переполняли счастье и тоска.

Но диковиннее всего были гости. Первым я заметил того носатого коротышку, что показывал фокусы с кольцами. Только теперь он был не коротышкой, а долговязым существом, кости которого выпирали из-под кожи под самыми

немыслимыми углами. На нем не было даже исподнего. По бледно-желтой коже пробегали алые искорки. Близко посаженные глаза смотрели с легкой грустью в никуда, а бескровные губы то и дело прижимались к огромному — раза в три длиннее прочих — указательному пальцу, как к флейте. Из пальца вылетал рой всё тех же искорок, но раскрашенных в другие тона, они рассыпáлись по залу и таяли, наполняя ее диковинным запахом. Так, наверное, могла бы пахнуть древняя история, рассказанная осенним вечером, — история о падении и изгнании.

Я перевел взгляд налево, к дальнему камину. Трое игроков в мяч по-прежнему были там, но изменились до неузнаваемости. Длинные ястребиные носы, желтые глаза с черной крапиной зрачка, когтистые руки... и мяч оказался вовсе не мячом. При каждом броске седая заплетенная косица на нем взлетала вверх — как рука утопающего, протянутая в последней мольбе к небесам.

Рядом два бывших толстяка, а на самом деле — два жилистых воина, сидели за столиком для игры в фидхелл. Молча двигали фигуры, молча глядели друг другу в глаза. Я вдруг отчетливо понял: играя, они всего лишь проявляют то качество, что в них есть. Никаких случайностей, никакого азарта. Ставка — жизнь одного из них.

Юноша с куцыми усами оказался могучим старцем. Он аккомпанировал себе на небольшой арфе и глубоким сочным голосом читал поэму о том, «как бились за власть деревья». Его слушали замерев, только губы у некоторых беззвучно двигались, повторяя заветные слова.

Я скользил взглядом по толпе: получеловечьи-полузвериные лица, глаза с вертикальными зрачками, несоразмерные тела, босые ноги с перепонками, когтями, мехом... Древний народ, обитавший в этих краях издавна. Настоящие хозяева прежних времен.

Их время прошло... или это нам только кажется?

Я отвернулся — и встретился глазами с тем бородачом, что по-свойски подмигивал мне, когда мы с Госпожой подходили к столу. Вот он-то остался тем же, кем и был... почти. Когда я улыбнулся ему, бородач добродушно оскалился в ответ. Распахнулась пасть, широкая и бездонная, в ее глубине мелькнули три алых языка, мелькнули и спря-

тались за рядами тонких острых зубов. И бородач снова подмигнул мне. Теперь так, словно мы с ним были здесь единственными, кто знал некую тайну.

Он понял, что со мной происходит? Или просто потешался над никчемным смертным?

И если понял он...

Я взглянул на Госпожу, которая как раз завершала ответную здравицу.

Вот теперь я осознал, что́ она имела в виду, когда говорила об именах и о возрастах. Госпожа стояла у края стола, не двигаясь с места. И в то же время она пребывала в непрестанном движении: лицо ее да и все тело менялось, как бы за миг проживая всю жизнь. Вот она — Дева с юной улыбкой на устах, вот — уже Мать с чуть тронутыми сединой висками, а вот и тошнотворная Старуха, само воплощение смерти и разрушения.

Я испугался, что она сейчас почувствует мой взгляд, обернется и наверняка догадается обо всем. Я поспешно опустил глаза, затем снова посмотрел на гостей...

Я видел их сразу в двух ипостасях: прежними и... настоящими? Между теми и другими подчас пролегала невообразимая пропасть, как между пухлощеким младенцем и покрытым струпьями стариком... да нет — бо́льшая, намного бо́льшая.

Меня словно разорвали пополам, и каждая половина видела свое. Долго выносить такое невозможно.

Теперь я знал, почему все провидцы рано или поздно становятся безумцами. Я готов был вырвать себе глаз, только чтобы это прекратилось. Просто не знал, который из двух.

Меня всего трясло, горло пересохло, и я бездумно потянулся рукой к кубку.

Кажется, все же никто не заметил, что со мной происходило. Хорошо. Значит, я еще мог убраться отсюда... если Госпожа будет ко мне снисходительна и если я...

Руку словно судорогой свело. Я медленно, делая вид, что просто передумал, опустил кубок на стол.

Оглянулся на состарившегося Тома. Он смотрел на меня, чуть прищурясь, не переставая играть. Кивнул. Отвернулся к соседу и что-то проворчал, тот выдавил в ответ кислую ухмылку.

Вокруг нас, словно диковинные дети в предвкушении главного подарка, веселились подданные Принца. Их песни, беседы, хохот были почти осязаемы — скопище взбаламошных птиц, бьющих крыльями и хвастающих друг перед другом своим опереньем.

И вдруг сквозь весь этот шум, как пес сквозь птичью стаю, пролетел звенящий хрустальным азартом голос:

— Моя королева! Как же так: ваш Кузнец ни разу за всю ночь не поднял кубка в вашу честь?! Ужели он дерзает пренебрегать вами?

Теперь тишина расходилась вокруг нас кругами — как складки на воде.

Я впервые поднял взгляд на Принца. Тот ничуть не изменился, в обоих мирах он выглядел одинаково. Вот только левым глазом я различал, как сквозь его одежды, даже, казалось, сквозь кожу, пробивался свет, но свет словно бы заемный и пригасший. Как отзвук древнего могущества. Как эхо былых свершений, напоминание о них; словно возмездие, расплата.

Я встал и смотрел на него, он — на меня, откровенно потешаясь. И гости молчали и ждали, и им тоже было... да просто забавно. И Госпожа смотрела на меня со снисходительной полуулыбкой, дескать, ты же не только отважный, но и умный. Давай, покажи его, свой ум, докажи, что достоин быть моим кавалером на священном пиру.

Я сморгнул, взял в руки кубок. Улыбнулся им всем так же, как улыбался отцу, когда он сказал, что отдает меня в обучение мастеру Виллу.

— Госпожа! Не годится простому смертному после Принца поднимать за вас здравицу. Честь, которую вы оказали мне, и так чрезмерна, и... — Я покачал головой, удивляясь: откуда берутся слова?! — Ах, Госпожа, не должно простому кузнецу осквернять ваше имя своими устами, ваш образ — своим взглядом! Кто я такой, чтобы пить кубок за ваше здоровье?! Пусть ваши подданные вырвут мне язык, если я осмелюсь когда-нибудь сделать это!

И я выплеснул вино себе под ноги.

Ах, как они все смотрели на меня! Как они смотрели!..

Но мне было все равно. Я видел только Кристину, только ее взгляд.

Она испугалась.

За меня!

Принц медленно захлопал в ладоши.

— В который раз преклоняюсь пред вашей прозорливостью, моя королева! Какой редкий образец. Умен, смел, красноречив! Не хуже того, что был в прошлый раз. По-моему, он достоин подарка.

— Подарок, подарок Кузнецу! — подхватили гости.

— Ну что же, проси чего хочешь,— сказала мне Госпожа.

Я покачал головой.

— Вы дали мне больше, чем я когда-либо осмелился бы вообразить!

Улыбка сошла с ее лица, оно сделалось твердым и безжизненным.

— От моих подарков не отказываются.

— Не смею отказаться и я. Однако выбор за вами, и я приму все, что бы вы ни даровали мне, с высочайшими благодарностью и смирением.

Она посмотрела мне прямо в глаза: Старуха, Дева, Жена. Я видел, как менялись ее лики, один за другим, в вечном круговороте. Выворачивающее душу зрелище. Но я выдержал его.

— Не хочешь осквернять мой образ своим взглядом? — переспросила она.— А смотришь с вызовом. Дерзко смотришь.— Она властно протянула руку.— Дай мне свой нож.

Я надеялся, что она забыла о нем, если знала вообще. Конечно, она знала. И конечно, не забыла.

Я вынул нож и протянул ей рукоятью вперед.

— На колени!

Я опустился прямо в лужу вина. Гости зашушукались, подступая ближе. Предвкушая.

Она не спускала с меня глаз. Я — с нее.

— Возьми.— Тронув пальцем лезвие, Госпожа вернула мне нож.— Отрежь нижний край моего плаща.— И повернулась спиной.

Я сделал все, как она приказала, и рука ни разу не дрогнула. Получилась ровная полоса. Я подал ее Госпоже вместе с ножом.

— Нет,— сказала она.— Это подарок. Закрой лентой один глаз, чтобы впредь помнил о смирении.

Я молча поклонился и повязал ленту так, чтобы она закрывала мой левый глаз. Я хотел было поцеловать руку моей спасительнице, но Госпожа отстранилась и жестом велела мне подняться с колен. Тотчас по знаку Принца музыканты заиграли веселее.

— В круг, в круг! — закричали со всех сторон.

Бросив свои забавы, гости брались за руки. Я оказался между трехъязыким бородачом и Госпожой, меня подхватило и повлекло гигантское кольцо, змея, пожирающая свой хвост; мы мчались по залу, перепрыгивая через скамьи, петляя, но не разрывая цепи. Музыка пронзила меня, накрепко приковала к себе невидимыми нитями, и я двигался, не думая о том, как и почему, — был ритм, и я повиновался ему: мчался вместе со всеми, плясал на месте, сходился с теми, кто стоял в цепи напротив, и снова отбегал, подпрыгивая, выделывая такие коленца, каким позавидовал бы и Роб Капюшон. Сколько это длилось? Не знаю. Помню только, что в какой-то момент передо мной оказалась Кристина, и я, пробегая, успел шепнуть: «Будь готова. Сразу после пирога» — потом нас увлекло в разные стороны, и всё продолжилось, и длилось вечность.

Когда музыка наконец стихла, я оказался посреди зала, взбудораженный и немного запыхавшийся. Рядом стояла Госпожа, она твердо взяла меня за руку, и мы пошли на наши места. Слышала ли она то, что я шепнул Кристине? Я мог только гадать.

Гости спешили к столам, чтобы промочить горло и поделиться впечатлениями. Музыканты, передохнув, сыграли еще одну песню.

А потом настал черед пирога.

Никто ничего не говорил, не было никаких знаков. Просто все вдруг как-то притихли и начали как бы невзначай сходиться к нашему столу. Справа, за гобеленами, гулко прокашлялся колокол.

— Пора, — сказал Принц.

Он хлопнул в ладоши — и тотчас к нему подошел высокий мальчишка в простом шерстяном плаще. Отвесив поклон, мальчишка протянул Принцу длинный нож. Поверхность лезвия была, словно инеем, подернута легкой па-

тиной, рукоять — из пожелтевшей кости, с каким-то мелким узором.

— Бери, — сказал Принц Кристине.

Она приняла нож спокойно и торжественно, словно делала это ежедневно.

Гости стояли плотной взволнованной толпой уже возле самого стола. Нервно раздувались ноздри, блестели глаза. Вдруг по залу пронесся рокот тимпанов, а через пару мгновений в него вплелся торжествующий возглас горна.

— Пирог! — воскликнул Принц.

И его внесли: отодвинув в сторону гобелен, на котором лев сражался с единорогом, двенадцать слуг вошли, удерживая на плечах огромный поднос. Он тяжело покачивался и как будто прижимал их к полу своим весом — румяный, ароматный, покрытый сверху разноцветной глазурью. Больше всего он напоминал заснеженную вершину горы, на которую разом просыпались сверкающие звезды.

Кто-то из гостей, не сдержавшись, захлопал в ладоши, другие тихо восклицали:

— Смотрите! Смотрите, какое чудо!

Пирог поставили в центре стола и окружили двадцатью пятью полосатыми свечами из красного и белого воска. С ними было что-то не так, и я не сразу понял что. Огоньки этих свечей — одни во всем зале — колыхались и подрагивали. Я не сомневался, что, если сниму повязку, мой левый глаз увидит их точно такими же. Просто полосатыми свечами.

— Должен сказать, — начал Принц, — что нынешний пирог особенно удался. Под этой глазурью скрыто множество вкуснейших сюрпризов. И каждому достанется по одному из них, если, конечно, королева пира никого не обделит. А теперь, — велел он Кристине, — задуй свечи.

Я сидел — кажется, единственный во всем зале. Даже Госпожа теперь поднялась и с жадным вниманием следила за Кристиной. Огоньки свечей трепетали, хотя сквозняков не было. Кристина подошла к пирогу, отложила нож и чуть наклонилась, вглядываясь в пламя.

Она смотрела так долго, что я было решил: там, в оранжевых пляшущих лепестках, ей открылась некая тайна. Никто ни словом, ни жестом не осмелился торопить ее.

Все ждали. Но когда она наконец подула, многие вздрогнули от неожиданности.

Кристина дула — и свечи гасли одна за другой. Сперва погасли дальние, с внешнего края стола, хотя я не мог понять, как вообще она могла их затушить: между нею и свечами возвышался пирог. И все-таки они склоняли перед ней пламенные клинки, а потом оставались безжизненными, истекающими дымом. В зале запахло еловыми ветками и осенними цветами.

Кристина дула, и дула, и дула на огоньки. Последние два оказались самыми стойкими, хотя эти свечи стояли прямо перед ней. Они держались дольше других, пламя билось, как припадочное, но не гасло.

Я краем глаза заметил, как Госпожа едва заметно шевельнула губами. Не выдох — тень выдоха...

Огоньки вздрогнули... исчезли.

— Ну, с этим покончено, — сказал Принц.

Все свечи стояли мертвые, тонкие струйки дыма тянулись к потолку. — А теперь угости нас пирогом. Только смотри, чтобы он был разделен по-честному. Каждый должен получить свою долю.

Тишина в зале стояла такая, что ее можно было резать ножом. Молчали не только гости, сам мир, казалось, замер.

Кристина взялась за костяную рукоять и, приставив острие к самой верхушке глазированной горы, мягко нажала. Лезвие вошло с едва слышным потрескиванием — это раскалывалась глазурь. Потом, когда нож вошел в пирог наполовину, из разреза медленно потекли густые темно-красные струйки. Они скатывались по крутому склону «горы» и собирались внизу в небольшую кляксу.

— Подобное к подобному посредством подобного, — тихо сказала Госпожа. Она смотрела на пирог с напряженным ожиданием.

У Кристины чуть дрогнули руки, но она не остановилась и продолжала разрезать пирог. Клякса разрасталась, тянула во все стороны свои куцые лучи.

Принц, словно нетерпеливый мальчишка, макнул палец и облизал его с блаженной улыбкой на лице.

— Отменный клюквенный сок! — провозгласил он. — Пирог удался на славу!

Гости захлопали в ладоши, засвистели. Кто-то громко причмокнул.

Кристина двумя ловкими движениями отделила первый кусок и подала Принцу. Тот впился в сдобную мякоть с едва слышным гортанным урчанием. Вокруг толпились гости и протягивали к Кристине пустые тарелки. Она только успевала накладывать, уже не останавливаясь и не обращая внимания на липкий сок, забрызгавший пальцы, рукава, подол платья. Лишь изредка прерывалась, чтобы утереть тыльной стороной ладони пот со лба или сдуть непослушный локон, а так — резала, резала, резала не переставая.

Я не сразу сообразил, что Госпожа и не думает идти к пирогу. Когда я поднялся, чтобы принести ей порцию, она покачала головой.

— После сегодняшней ночи мне это уже будет ни к чему. Я знаю, Кузнец: ты не понимаешь. Твое счастье. Как там говорится в вашей книге? «Знания порождают тоску»?

Я молча кивнул.

— Смотри, и слушай, и запоминай. Говоря вашим языком, такое случается раз в несколько веков.

— О чем вы, моя Госпожа?

— Игроки в фидхелл называют это рокировкой королев. Твоя Кристина, когда наступит ее черед, — назовет освобождением.

Я почему-то вспомнил те узоры в коридоре — те, что испугали меня до полусмерти. В словах Госпожи, как и в них, крылась великая и зловещая тайна. Сокровенная истина прежних эпох.

Она была права: я не понимал. И рад был этому непониманию.

А гости все тянулись к пирогу и, получив свою порцию, разбредались по залу, чтобы насладиться угощением. Они набрасывались на пирог, жадно подбирали губами крошки, жевали с наслаждением и как будто даже сладкой му́кой, потом облизывали пальцы и тотчас становились в очередь за добавкой.

Но как такое могло быть?! Если сложить все порции, которые уже раздала Кристина, то получился бы не один — три или четыре пирога. Я присмотрелся к нему внимательнее: каждый раз, когда она отрезала, пирог действительно

уменьшался, но стоило отвести глаза – и он становился чуть больше.

Пирог как будто очень медленно пульсировал. Может, даже рос.

Это пугало, но много хуже было то, что Кристина могла простоять вот так весь остаток ночи, а потом... потом, понял я вдруг, мы останемся здесь навсегда. Бежать будет поздно.

Если уже не поздно.

Я оглянулся на Тома: он вместе с другими музыкантами лениво наблюдал за пирующими и время от времени перекидывался словом-двумя. Заметив мой взгляд, Том поднял стоявший у его ног кубок, отпил и подмигнул мне.

Потом он неспешно прошествовал ко столу. Потянулся к кувшину с вином, но вдруг, отставив кубок, озадаченно крякнул. Мимо как раз проходил бородач – тот самый, с тремя языками. Он явно спешил уединиться со своей, уже второй по счету, долей пирога.

– Странно,– пробормотал Том. Он не отводил взгляда от тарелки бородача.

– Что такое?! – резко спросил тот.

– Да вот, господин, диву даюсь: с чего это вам отмерили такую маленькую порцию? Это, конечно, не моего ума дело... а все же, если приглядеться, и самому распоследнему болвану будет ясно, что у иных-то порции побольше вашей. Вон у того уважаемого старца – ну не меньше осьмушки.– Том ткнул наугад пальцем в толпу.

– Что за вздор ты мелешь?! – рассердился бородач. Взгляд его перескакивал с одной тарелки на другую, пальцы побелели.

– Эй, смертный,– окликнула Тома Госпожа.– Держи-ка свой язык за зубами и не суйся куда не следует.

– Да я ведь и держал, со всем моим почтением.– Том был само послушание, само раболепие.– Это ведь господин меня спросил – ну я и ответил по совести.

– Так значит,– вмешался бородач,– в его словах была правда? Интересно, кого еще, кроме меня, обделили? И по чьему слову?..– Он говорил тихо, вкрадчиво, но все в зале мигом замолчали и уставились на него.

– Ты кого-нибудь обвиняешь? – спокойно спросила Госпожа.

Они стояли друг против друга, и воздух между ними звенел натянутыми струнами.

Бородач отвел взгляд первым.

— Ты, — повторила Госпожа, — кого-нибудь обвиняешь?

— Никого, — проворчал он.

Тишина начала расползаться как талый лед: то там, то здесь вскипали короткие тихие беседы. Вскипали ровно до той поры, пока по говорящим не скользила хрустальным взглядом Госпожа, — тогда гости замолкали и расходились, но тень разговоров оставалась: едва слышное эхо, едва заметная прогорклость на небе.

Теперь все украдкой заглядывали друг другу в тарелки. Даже Принц! И все старались при этом никому не показать собственный кусок.

Госпожа наблюдала за ними с презрительной усмешкой.

— Детьми, — сказала она, не оборачиваясь, — вы понимаете нас лучше. Иначе и быть не может, верно?

Я промолчал.

Как раз в этот момент две дамы заспорили на весь зал тонкими птичьими голосами: узколицая обвиняла кудрявую в том, что та нарочно стала в очереди за пирогом перед ней и поэтому взяла себе больший кусок. Кудрявая фыркнула и заявила, дескать, это у кого еще больший. А если вспомнить прошлый пир...

Через мгновение, отшвырнув пустые тарелки, они уже вцепились друг в дружку. Во все стороны полетели клочья волос. Вдруг узколицая выхватила из рукава стилет и одним уверенным движением рассекла сопернице горло.

Гости отшатнулись. Кудрявая голова покатилась по полу, оставляя за собой след из крупных лиловых жужелиц, которые, петляя, разбегались во все стороны.

В зале разлился терпкий аромат. Кого-то стошнило.

— Клянусь треснувшим Камнем и кипящим Котлом, довольно! — Выпрямившись во весь рост, Госпожа обводила яростным взглядом гостей. — Вспомните о Зароке! «Все дрязги и свары останутся снаружи, никто и ничто не ввергнет нас во вражду, покуда длится банфис Четвертины». Или ваши слова стоят не больше ореховой скорлупы?!

Слишком поздно. Ее не слушали. Гости накинулись друг на друга, рвали из рук чужие тарелки, выхватывали недо-

еденные куски. От воя и криков закладывало уши. Они сражались всем, что подворачивалось под руку: подсвечниками, мячами, туфлями, кто-то колотил соперника арфой, другой впился в щеку дамы и не разжимал челюстей, даже когда ему воткнули в живот скрученную клином тарелку.

Воздев руки к потолку, Госпожа шагнула прямо в центр этой бойни. Голос ее гремел, хлестал бичом. Хвала Господу Распятому, я не помню ни слова из того, что она говорила. Но гости, услышав ее, вздрагивали и замирали. Она шествовала мимо них — и усмиряла взглядом, голосом, самой осанкой.

Еще немного — и порядок восстановится...

Кристина уже стояла рядом со мной.

— Куда? — только и выдохнула она.

Я схватил ее за руку, потянул влево. Прочь от стола, прочь от гостей.

Пока еще есть время.

Перед нами словно из ниоткуда возник трехъязыкий бородач. Оскалившись, ударил всей пятерней. Я не успел уклониться, его ногти — неожиданно длинные, больше похожие на когти рыси — рассекли мне кожу на щеке и сорвали с глаза повязку. Я пошатнулся, вскрикнул от боли.

Бородач шагнул, чтобы добить, и тоже закричал, как будто глумился надо мной:

— Бежим!

Кристина встряхнула меня за плечи и рукавом вытерла кровь с моей щеки. Бородач за ее спиной оседал. В его паху вызывающе покачивалась желтая костяная рукоять с мелкой резьбой.

До гобелена оставалось всего семь шагов; на предпоследнем, не удержавшись, я бросил взгляд назад.

Могущество Госпожи было велико, однако же не беспредельно. Она шагала сквозь обезумевшую толпу, и та, присмирев, расступалась перед ней. Но стоило Госпоже отойти от стола, как гости тотчас набросились на пирог.

Мой правый глаз видел все то же: отвратительную свалку, бой всех со всеми. Левым, смахнув капавшую со лба кровь, я разглядел остатки пирога, из которых гости жадно выцарапывали сияющие звезды. Выцарапывали и пожирали, отшвыривая тесто прочь. Куски пирога валя-

лись по всему залу, их втаптывали прямо в серебристые листья.

Звезды были размером с кулачок младенца. От их нестерпимо яркого света даже у гостей выступали слезы. За каждую звезду сражались с остервенением, и Принц был там же и тоже рвал горло соперникам. Вдруг он словно почуял мой взгляд: вскинул голову и завертел ею, высматривая кого-то в зале.

— Бежим же!

Кристина стояла возле гобелена. Над нею лев и единорог сошлись в последней битве: переплетенные гривы, скрещенные лапы, оскаленные морды... всего три или четыре алые капли на изумрудной траве. Пока еще только три или четыре.

Я зашарил руками по полотнищу — оно ускользало, прогибалось, и нигде не было ни щели. Я снова вытер кровь с лица, разлепил левое веко...

Прямо перед нами был сочащийся туманом узкий коридор. Справа и слева в нем — дверные проемы, подсвеченные багряным. На уровне груди — мокрая шкура. Ее распяли между двумя колоннами, привязав лапы серебристой канителью. Пожалуй, мы могли обойти колонны: и справа, и слева от них был лишь туман, — но я откуда-то твердо знал: нельзя. Если хотим сбежать из зала, дорога у нас только одна. Между колоннами.

Я еще раз толкнул шкуру рукой — и ее выпотрошенная голова вдруг оборотилась ко мне. В пустых глазницах вспыхнули огоньки.

— Нож! — подсказала Кристина. Я и думать о нем забыл после того, как Госпожа вернула мне его.

Я потянулся к голенищу — и тотчас где-то в вышине ударил колокол. Громче небесного грома, яростней Господнего гнева.

Я выронил нож и упал на колени, прижимая ладони к ушам. Кажется, закричал. Просто чтобы не сойти с ума.

Кристина рухнула рядом со мной, прокусив до крови нижнюю губу. Какое-то время мы так и лежали, глядя друг другу в глаза. Боль и безволие, и ни одной мысли, ни одного желания.

Будь я там один — пожалуй, так и остался бы лежать до конца времен.

Я не заметил, когда она пришла в себя, просто в какой-то момент Кристина тронула меня за рукав и молча поползла вперед, прямо под шкуру, в зазор шириной в ладонь, а может, и того меньше.

Не оглядываясь, зажмурив правый глаз, я заставил себя последовать за ней. Мокрый край шкуры шлепнул по лбу, я вскрикнул от неожиданности и вдруг понял, что вокруг меня тот самый туман, что я наконец в коридоре. И если хочу уцелеть, самое время вставать с колен и бежать что есть духу.

Потому что за миг до того, как шкура шлепнула меня по лбу, я услышал, как в зале разом все смолкло. И это могло означать только одно.

Туман в коридоре был густым и теплым и вздымался все выше. Вот он поднялся до пояса, вот уже подступил к груди. Стало трудно дышать... и двигаться... и думать. Я видел впереди справа дверной проем — даже не сам проем, а только багряный свет, лившийся оттуда. Но и свет тускнел — а туман уже касался подбородка. Я плотно стиснул губы, вдохнул побольше воздуха и побежал... нет, как будто побрел, перебираясь через неглубокую реку.

Кристина шла впереди, ее волосы вплелись в туман и плыли вокруг головы, словно облако... или взвившийся плащ... или жидкое золото, которое, говорят, текло в жилах древних богов.

Вдруг она подалась вперед и канула в тумане. Нас разделяли два или три шага, я преодолел их и зашарил руками вокруг себя.

Ничего. Пустота.

Туман уже подступил к губам.

Я вдохнул поглубже и, стараясь не вспоминать о Пэгги, присел на корточки.

Словно ослеп. Пол норовил выскользнуть из-под ног (как в тот раз). Я не осмеливался кричать, только водил руками перед собой.

Ничего. Пустота.

Чем ее зачаровал тот цветок болотного ириса? Ведь она не умела плавать! Неужели забыла об этом? Или понадеялась, что там мелко?

В тот раз я успел. Старший брат всегда был ее защитником, она знала: что бы ни случилось, Джон спасет. Но как

же я перепугался тогда! Я ведь тоже не умел плавать. Должно быть, она поняла, увидела это в моем взгляде. Я был испуган и зол. Зол на себя, зол на нее. И когда мы наконец вернулись домой, она ни разу не вспомнила об этом, но... я же видел, что все изменилось. Младшая сестренка была рада, когда отец решил отдать меня в ученики к мастеру Виллу.

Рада из-за моего мимолетного злобного взгляда? Или из-за того, что случилось раньше, — из-за того, что я защитил тогда и ее, и себя?

Или же — из-за того, что я спас ее в тот последний раз: вытащил из воды?

Все дети в городке знали, что болотный ирис — скверный цветок. Никому и в голову не пришло бы срывать его. А вот Пэгги — после всего, что мы пережили, — вдруг захотелось во что бы то ни стало его заполучить.

Или — вовсе не это?

Я отлучился ненадолго: она устала от долгих скитаний по лесу, я оставил ее на берегу, а сам пошел искать переправу. Вернись я немного позже...

Тогда я едва не утонул. Вода была мутной, я бесцельно махал руками, дно выскальзывало из-под ног, одежда потяжелела и тянула книзу. Я случайно ухватился за плечо Пэгги.

Теперь все повторялось. Кристины нигде не было, я слышал только, как колотится мое сердце, а туман щекотал ноздри, жадно касался шеи, ушей. Где-то далеко снова прогрохотал колокол.

Вдруг кто-то схватил меня за руку и потянул вправо. Я едва не упал, сумел восстановить равновесие и поднялся. Кристина стояла рядом, почти целиком скрытая туманом — только глаза блестели да на лбу выступили сверкающие капельки пота.

— Пойдем скорее! У нас мало времени!

От изумления и обиды я не знал, что ответить. А Кристина, не оглядываясь, уже шагала к дверному проему, из которого вырывалось багровое сияние.

Здесь не было ни двери, ни занавеси, ни — к моему облегчению — шкуры. Но едва мы ступили за порог, как все снова переменилось.

Туман остался позади. Перед нами была задымленная, шумная кухня дворца. Справа и слева от входа пылали

громадные печи, на вертелах жарились поросята, отовсюду доносились выкрики, стук ножей, шкворчание сковородок...

Нас пока не заметили, но вряд ли это могло продолжаться слишком долго. Кристина вместо того, чтобы идти обратно в коридор, подбежала к высоченной башне из пустых корзин и спряталась за ней.

— Что ты задумала?

Она взглянула на меня, как на ребенка.

— А как ты собираешься бежать отсюда? Они вот-вот будут в коридоре. А из кухни должен быть выход наружу.

— Нам нужен не выход, а голубятня. — Я рассказал ей о Томе.

Кристина покачала головой:

— Мы можем искать ее до скончания веков. «За единорогом лестница на голубятню»? Ну вот мы за единорогом — и где же лестница? Если это вообще тот единорог, о котором он говорил.

Я хотел возразить, но как раз в это время проклятый колокол ударил снова — и, как будто только этого и дожидался, из коридора вбежал растрепанный долговязый поваренок. Он едва не налетел на одного из куховаров, отшатнулся, повалил стоявшую на столе плетенку с хлебцами, вскрикнул, наткнулся на разносчика, упал...

Слипшиеся зеленоватые пряди закрывали его лицо, на макушке сверкала лысина, плечи тряслись.

— В чем дело?! — прогремел на всю кухню раскатистый рык, и из клубов дыма к поваренку шагнул кряжистый силуэт. Трапезный мастер был безволосым и тучным, в левой руке он держал деревянную ложку, вымазанную в соусе. Вместо правой руки у него было пять тонких щупалец. — В чем дело?! — повторил мастер; его лицо, похожее на дурно пропеченное тесто, пошло складками.

— Королева в ярости, — прошептал, глядя в пол, зеленоволосый. — И Принц тоже.

— Им не понравился пирог?! — Казалось, мастер намерен был пойти и собственноручно затолкать тесто в глотку любому, кто не оценил его готовку по достоинству.

— О нет, нет! — Поваренок икнул пару раз и только тогда смог продолжать: — Они... у них... сбежали кавалер и дама.

— Что мне за дело до этого?! — Мастер пожал плечами. Потом указал ложкой на рассыпавшиеся по полу хлебцы. — Кто?

— Королева, — едва слышно произнес в наступившей тишине поваренок, — велела узнать, не было ли смертных на кухне?

— Разумеется, были! — прогремел мастер. — И она это знает не хуже моего. Так и передай ей, а когда вернешься, не забудь прибрать за собой. — И, дождавшись, пока поваренок, ни жив ни мертв, вскочит и побежит к выходу, мастер добавил: — О твоем наказании поговорим после пира.

Он обвел хмурым взглядом кухню, прикрикнул на своих подчиненных, чтобы перестали пялиться и занялись делом, а потом ткнул пальцем в ближайшего разносчика.

— К тому времени, когда беглецов найдут, аппетит у гостей наверняка разыграется. Ступай и принеси три десятка голубей, да поупитаннее.

И мастер величественно зашагал прочь.

Мы переглянулись. Разносчик — юркий малый, чем-то схожий с ящерицей — ловко пробирался между столами, печами, треножниками... Еще немного — и скроется из виду.

Не сговариваясь, мы вскочили и поспешили за ним.

Сперва нам везло. Мы не задели ни единой корзины, не опрокинули ни единого котла, не столкнулись ни с поварятами, ни с разносчиками, ни с куховарами. Дым и клубы пара скрывали нас от случайных взглядов.

А потом мы вдруг оказались в центре кухни, возле широченного стола, с которого десяток слуг соскребали алые потеки. Под ногами захрустело — я взглянул и увидел крошки от глазури. Рядом на вертеле жарились поросята. Двадцать пять поросят. С ними что-то было не так. Я видел словно бы не поросят, а их отражение на поверхности пруда в ясную безветренную погоду. Должно быть, это из-за горячего воздуха над пламенем, но их облик словно шел волнами... почти незаметными волнами.

— А по-моему, — сказал один из слуг другому, — они очень милы. Если бы они выросли, из них вышли бы весьма неприятные...

Тут он увидел нас и закричал.

Больше от испуга, чем осознанно, я толкнул ближайший стол, тот с глухим скрипом перевернулся, на пол посыпались шумовки, черпаки, кастрюли... Кристина выхватила у какого-то поваренка ручную мельницу и швырнула, рассыпая вокруг молотый перец. Все вокруг кричали, чихали, и никто толком не понимал, что происходит. Вдалеке раздался рев мастера.

Наш разносчик как раз подошел к дальней двери и скрылся за ней.

Мы побежали, уже не прячась, отталкивая в сторону растерявшихся слуг. Прежде чем кто-нибудь догадался запереть дверь, мы были возле нее. Обычная деревянная дверь с медной ручкой, она легко распахнулась и так же легко захлопнулась. Мы помчались сперва по узкому коридору, затем — по спиральной лестнице; разносчик при виде нас шарахнулся к стене, а потом, стуча каблуками, скатился вниз.

В первой комнатке из тех, что попались нам по дороге, лежали мешки да пустые кормушки. Вторая была заперта. Третья — последняя — находилась на верхней площадке.

Мы остановились перевести дыхание. Я почти ничего не слышал, лишь стук собственного сердца. В полумраке золотистые волосы Кристины словно излучали мягкий свет. Я посмотрел ей в глаза, но они были в тени. Открыл рот, но ничего не успел сказать.

Прямо над нами снова ударил колокол.

В этот раз мы устояли на ногах — просто потому, что прижимались к стене. Эхо еще металось под потолком, а мы уже вбежали в голубятню.

Здесь пахло хвоей, было темно, свет лился только сквозь узкий леток под самой крышей. Повсюду хлопали крылья, раздавалось взволнованное грудное воркование. В воздухе плавал пух.

Лестницу мы отыскали почти сразу же — она стояла слева от двери. Но тащить ее пришлось через рощицу молодых елей, высаженных в деревянные кадки. Ветви цеплялись за перекладины, кололи руки. Голуби взлетали и кружились под потолком. К тому времени, когда мы донесли лестницу к летку, вокруг было не продохнуть от перьев и пуха, и я был с головы до пят в помете.

Колокол теперь бил не переставая. На каждый его удар две волны в моем теле отвечали слаженным мощным движением. Сдавливали сердце туже и туже. Потом ненадолго отпускали. До следующего удара.

Кристина взобралась по лестнице, я за ней. Леток был локтя в два высотой, по ту и эту сторону — каменный козырек, на котором мы вдвоем едва поместились.

— И что же он советовал делать дальше? — тихо спросила Кристина.

Мы смотрели на замок с высоты птичьего полета. Далеко внизу горели факелы во внутреннем дворе, справа и слева видны были шпили других башен. А дальше, за стенами замка, чернел дикий лес.

— «Поднимешься и выпрыгнешь из летка», — повторил я. — «Промедлишь — пропал».

Она поникла, как будто вся ее железная воля разом пропала, рассыпалась ржавчиной.

— Должно быть, он говорил о какой-то другой голубятне.

Я помотал головой.

— Во всем остальном Том был прав.

— Во всем остальном — но не в этом.

В паузе между двумя ударами колокола снизу раздался глухой стук. Должно быть, мастер привел в чувство своих подчиненных и отправил на штурм голубятни. А может, это подоспели гости.

«К тому времени, когда беглецов найдут, аппетит у гостей наверняка разыграется».

— Кажется, — сказал я, горько усмехнувшись, — нам только и остается, что поверить Тому.

Она посмотрела на меня так, будто только что проснулась — и проснулась еще не вполне.

Отвела взгляд.

Снизу ударили еще раз. Словно в ответ, отозвался колокол, и сердце мое снова сжалось, и теперь прошло несколько страшных мгновений, прежде чем оно забилось опять.

Я вспомнил слова Тома: «Дождешься двенадцатого удара — пропал». Попытался мысленно сосчитать, сколько раз уже бил колокол.

Не смог.

Внизу затрещала дверь. Голуби взволнованно били крыльями, гортанно и зло ворковали.

Кристина обернулась и задумчиво смотрела в полумрак голубятни. Потом взглянула на меня.

Не сказала ни слова, но я все понял. Это мне только и оставалось, что поверить Тому. А у нее был еще один выход. Может, ничем не худший, и уж наверняка — не такой рискованный. Зачем-то она очень нужна Госпоже, и та замолвит за нее словечко перед разгневанным Принцем.

Должно быть, мне следовало поступить по-другому, но я был слишком напуган и слишком много горечи скопилось в моем сердце. Колокол ударил снова, и оно снова замерло. Пауза; намного дольше предыдущей.

Отпустило.

Кристина смотрела мне прямо в глаза. Поняла, что я понял, но не отвела взгляда.

Я облизнул губы: горечь, горечь и немного соли.

— Как знаешь, — сказал я. — В конце концов, ты ведь этого хотела?

Голуби носились под потолком как бешеные.

Она медленно покачала головой, словно вспомнила о чем-то тягостном.

— Ты не понимаешь, — промолвила едва слышно. — И никогда не поймешь. — В этот момент она была так похожа на Госпожу! — Никогда...

Ударил колокол, заглушил ее слова. Сердце замерло. Я затаил дыхание. Внизу выломали дверь, и загремели шаги; кто-то вбежал со светильником, и тени голубей выплеснулись на козырек летка. Сердце не билось.

— Давай руку, Кузнец, — сказала она. — Прыгнем вместе.

Сердце едва ощутимо шевельнулось у меня в груди, когда, выпрямившись во весь рост, мы встали у края козырька.

— Раз. Два...

На третий счет колокол ударил снова — и мы, не разжимая рук, упали вниз, навстречу огням и шпилям башен. В глазах потемнело, перехватило дух, и сердце опять замерло, а в ушах гремел колокольный звон. Мы падали сквозь густой, вязкий звук, и с каждым мигом он делался

гуще, и казалось, мы вот-вот увязнем в нем, словно в смоле, и останемся там навсегда.

Где-то внизу ветер шелестел верхушками деревьев — настолько далеко, что казалось, это шуршат травы.

Потом был предел, удар, переход. Так, наверно, чувствует себя рыба, пробивая тонкий лед и оказываясь на берегу. Я упал плечом на что-то твердое, и мы покатились вниз, метелки травы хлестали по лицу и рукам, ветер метался где-то в вышине и швырял клочьями облаков в луну.

Сколько мы так катились? Не знаю. В какой-то момент все остановилось и замерло, и мы лежали на боку, избитые, исхлестанные травой, в ссадинах и порезах. Живые.

Ночь была на исходе, но еще не закончилась. В разрывах между тучами сверкали звезды. Я поднялся и огляделся и увидел перед собой склон холма, а дальше — дубраву. Верхушки деревьев ходили волнами, закрывали полнеба. Казалось, за ними — край света, пустота.

Но над ними — словно дивная крученая лестница древних богов — возносился полосатый столб. Он сиял неярким светом, почему-то напомнившим мне о звездах — не тех, что на небе, а тех, что были в пироге.

Переглянувшись и ни слова ни говоря, мы побежали вниз по склону — к лесу и свету. Ни боли, ни усталости я сейчас не чувствовал, наоборот — непривычную легкость во всем теле. Сердце мое пело, и билось, билось, едва не выскакивая из груди!..

Когда мы уже были на опушке, где-то в холмах резко и зло закричал рожок. Я споткнулся, Кристина остановилась, как будто перед ней выросла каменная стена.

Вдалеке заливисто лаяли псы.

— Это еще не конец, — сказала Кристина, скорее себе, чем мне. — Будь я проклята, если сдамся так легко.

Едва заметная тропка вела в глубь чащи. По обеим ее сторонам стояли древние дубы, между ними — молодой подлесок; тонкий, но цепкий и упругий, он почти поглотил тропу. Кристина бежала впереди, я — сразу за ней, прикрываясь руками от хлестких ветвей. Кроны смыкались над нашими головами, закрывали небо, но сияние Древа легко пробивалось сквозь листву — и было для нас как свет путеводной звезды.

Рожок позади надрывался, псы лаяли не переставая.

Тропа вдруг исчезла совсем. Несколько шагов вслепую — и мы оказались на огромной поляне. От нее во все стороны лучами разбегались тропки, такие же заросшие, как и наша. И еще там были древние камни, вросшие в землю, покрытые мхом и плющом. Возможно, с письменами, а может, мне показалось. Камни выстраивались в узор, прихотливый и в то же время невероятно простой. Несколько кругов, каждый вложен в следующий и пересекается с другими. Цветок с четырьмя лепестками.

Добравшись до центра поляны, Кристина вдруг остановилась.

— Что-то не так?

Вместо ответа она протянула руку:

— Дай мне ножницы. Скорее!

Чехол был при мне: даже после прыжка из голубятни он каким-то чудом уцелел и, к слову, изрядно расцарапал мне бедро. Я снял его с пояса и подал Кристине.

Она вынула ножницы и, раскрыв, вонзила одним концом в центр круга.

Я покачал головой:

— Пустое. Она говорила... да ты и сама видела: они не боятся железа.

— Не железа, — коротко ответила Кристина. — Креста.

И правда, разведенные концы ножниц образовывали крест... как, догадался я, и рисунок, созданный из камней.

— Клянусь кровью Господа Распятого!.. — прошептал я. — Думаешь?..

Она посмотрела на меня как на глуповатого ребенка, дернула плечами и побежала дальше, к одной из тропок.

Мы не успели сделать и дюжины шагов, а лай псов уже зазвучал совсем близко. Всхрапнул конь, другой ответил ему ржанием.

Вдруг собаки завизжали, раздался свист кнута, и кто-то выругался тонким детским голоском:

— Клянусь дымом Кораблей Исхода! Откуда это здесь?!

— Наш Кузнец оказался хитрым малым. — В голосе Принца досада была перемешана с удовлетворением. — Ну что ж, так даже интересней. Зовите Госпожу! В ее свите наверняка найдется кто-нибудь, способный взять след.

Мы крались прочь по тропе, стараясь не издавать ни звука. Потом, когда голоса за спиной сделались глуше и стихли, мы побежали. Тропа петляла, звезд не было видно, и только Древо все так же сияло впереди.

Лес закончился неожиданно, как будто его край отрезали невидимым ножом. Перед нами лежало посеребренное светом луны Копыто. На мысу, который вдавался в озеро, мы видели холм с Древом. Не сговариваясь, мы побежали туда — наверх, к сияющему шесту.

Мы оказались под ним ровно в тот самый момент, когда из леса на опушку вылетела погоня. Все гости и все придворные были там, на бледных скакунах, в окружении белоснежных псов с карминными ушами. Выехав из лесу, они рассыпались цепью и теперь мчались вперед с лихим посвистом; надрывались рожки, комья земли летели из-под копыт. Потом появилась колесница Госпожи в окружении свиты.

— Вверх, — тихо сказала Кристина. — Подсади меня.

На расспросы не было времени. На спасение — надежды.

Я подставил Кристине плечи и только сейчас обнаружил, что где-то по дороге она растеряла свои красные башмачки. Миг — и она, крепко обхватив Древо, уже ползла к его верхушке. Я сбросил сапоги и последовал за ней.

Дерево скользило под руками, слишком влажное и слишком холодное. Несколько раз мне казалось, я не удержусь, но — как будто невидимая сила заботилась обо мне — я переводил дыхание и снова полз. Выше и выше. Вслед за Кристиной. Понимая, что все безнадежно.

Всадники были уже у подножия холма. Они мчались, ведомые псами, а те шли по следу уверенно и неотвратимо. Из лошадиных ноздрей валил пар, гривы покачивались медленно, словно водоросли на дне озера. Госпожа ехала, выпрямившись во весь рост, — величественный ирис, цветок-погибель.

Я добрался до верхушки Древа. Кристина была уже там — опустившись на колени, балансировала на распорках — тех самых, на которых когда-то давно — весной! — покоилось еловое колесо. Она подала мне руку, я помотал головой и залез сам.

Хотя, пожалуй, мог бы этого и не делать.

Стоило мне встать на колени рядом с Кристиной, как я понял: долго нам не продержаться. Даже если бы внизу сейчас не бесновались псы и не гарцевали всадники, все равно мы были обречены.

Ветер вмиг выдул остатки тепла из-под куртки — так отряхивает от крошек передник богатая хозяйка. Пальцы мои замерзли и онемели. Все тело болело.

Мы не спустимся вниз, даже если охота Принца вернется в замок. Попросту не сможем.

Никто и ничто не спасет нас.

Я посмотрел на Кристину. Ее лицо вытянулось, все черты обострились. Губы изогнулись в пугающей усмешке.

— Вставай,— сказала она.— Пора возвращаться домой.

Наверное, этого следовало ожидать. Такая ночь кого угодно свела бы с ума. А твердый характер надламывается скорее. Этого, повторил я себе, следовало ожидать. Да и какая разница...

— Не понимаешь? Взгляни на них,— велела мне Кристина.— Ну же!

Всадники метались вокруг столба и сквернословили. Кружились растерянные псы. Колесница Госпожи стояла чуть поодаль, но я видел бледное гневное лицо, искривленные губы, кнут в руке.

— Почему? — прошептал я одними губами.

— Это все Древо. Они не видят нас... и эта сука тоже не видит.

Я покачал головой и повторил:

— Почему ты думаешь, что это нас спасет? Мы не продержимся здесь и часа...

— Нам и не нужно,— сказала Кристина. Лицо у нее сделалось просветленным, такие бывают у провидцев и безумцев.— Вставай!

Я медлил, но она уже выпрямилась во весь рост и властно протянула мне руку:

— Я поверила тебе там, на голубятне. Теперь твой черед, Кузнец.

Я засмеялся и встал рядом с ней.

— Вверяю тебе свои душу и тело, дочь Сапожника!

В последний момент я бросил один-единственный взгляд вниз. Госпожа по-прежнему стояла в колеснице, волосы раз-

вевались на ветру, словно знамя. Она смотрела прямо на меня, и в ее глазах был лед, была бездна, было обещание мести.

Она не видела нас, но знала, что мы там. Точно знала о том, что мы собираемся сделать.

Мы прыгнули вместе. Все, о чем я думал: не выпустить руку Кристины из своей! Казалось, наши ладони срослись, и я чувствовал биение ее сердца.

Мир тек сквозь нас черным ледяным потоком, и от его стремительности захватывало дух. А мы... мы были откованным мечом — двумя заготовками, наконец-то слившимися воедино.

Я ждал удара, боли, хруста костей. Ничего этого не было. Воздух вокруг нас плавно и нехотя загустел, уплотнился... и я вдруг понял, что падение замедляется. Наугад я взмахнул ногами — раз, другой, пока наконец не сообразил, что мы уже в воде, мы плывем — и надо выныривать, ведь воздуха в легких надолго не хватит.

Что-то вспыхнуло вдруг в левом глазу, я задохнулся от боли. Повязка соскользнула и канула в глубине, напоследок коснувшись моей щеки. Прощальный жест.

Последний подарок Госпожи. Позже я обнаружил, что зрение вернулось ко мне — то, обычное зрение, каким я владел всегда. Я не окривел, не ослеп и не сошел с ума. Но это все было потом, а пока я взмахнул руками и устремился вверх.

Было холодно и темно, но совершенно не страшно. Мы вынырнули — и оказались возле самого берега. Как вскоре выяснилось — возле юго-западного.

Никто за нами не гнался. Холм по ту сторону Копыта был темен, и даже Древа отсюда было не различить. По небу неслись курчавые облака, в их прорехах сверкали драгоценными каменьями звезды, но луны не было. Да и откуда она могла там взяться в эту пору?

До кузницы было рукой подать. А там я раздул огонь и достал теплые шкуры, мы сбросили задубевшую одежду, вытерлись сухим полотенцем и легли рядом. Мы растерли друг друга, и, хотя все ее тело было в ссадинах, Кристина вздрогнула только один-единственный раз: когда я коснулся двух лиловых синяков у нее на бедрах. Должно быть, решил я, они появились после того, как мы упали с голу-

бятни и катились вниз по склону холма. Я и сам был весь в синяках.

Потом, чуть передохнув, я натаскал воды в лохань и нагрел. Заодно нашел для Кристины хоть какую одежку. Все, что было на ней, мы бросили в огонь... все, кроме потерявшихся где-то по дороге башмачков из алой кожи.

Прежде чем швырнуть в пламя свое платье, Кристина достала из кармана и протянула мне несколько золотых.

— Откуда они?

— Разве ты не видел, что весь коридор между залом и кухней был усыпан ими? — удивилась Кристина.

Я ждал, что они вот-вот рассыплются в прах или превратятся в горсть палых листьев, как это обычно происходит в легендах, однако золотые оставались золотыми. Я хотел было отдать их Кристине, но та покачала головой.

— Ты — муж, тебе и распоряжаться ими.

— Муж?

— Стоя на верхушке Древа, ты произнес старинную клятву. Или, — спросила она, гордо вскинув голову, — ты не рад?

Я был рад — изумлен, но рад, а вот она, похоже, ни капли.

— Ты не понимаешь, Джон, — сказала она устало. В лохани хватало места для двоих, но я не спешил присоединяться к ней: ждал, пока догорит платье, и смотрел, как Кристина, погрузившись по самую шею, трет немзой руки. — Ты многого не знаешь.

— Ну так расскажи мне. Иначе — чего стоят эти монеты и моя клятва? Хочешь, я освобожу тебя от нее?

Она молчала и терла руки. Молчала и терла.

— Моя мать умерла много лет назад, — промолвила она наконец. Промолвила так тихо и так глухо, что я сперва решил, будто мне послышалось. — Отец женился на другой. Я ее ненавидела. Отец знал, но... поступил так, как поступил. Он думал, со временем я привыкну. Он ошибся. Мачеха не любила меня, наверное, чувствовала, как я к ней отношусь. Однажды мне посоветовали... была женщина... она дружила когда-то с моей матерью, иногда приглядывала за мной, когда я была маленькая... вот она-то и посоветовала. Нет, я ее не виню. Я сама этого хотела, просто не

знала как. Теперь — знала. Не было ни страха, ни сомнений. Я сказала мачехе, что в старом сундуке, который мы держали на чердаке, на самом дне спрятаны мамины украшения. Она поверила. Отец горевал по матери, даже тогда, полгода спустя после новой свадьбы; мачеха, конечно, ревновала. В общем, дальше все было просто. Хватило двух ударов. Крышка-то тяжелая, но с первого раза только перебила шею. Она хрипела и царапала сундук ногтями, поэтому я ударила еще. Никто ничего не узнал. Решили: несчастный случай.

В этот момент я вздрогнул и отвел взгляд. Платье в огне наконец рассыпалось с легким шорохом. Кристина не обратила внимания, она смотрела на свои руки и говорила, говорила...

— Отец женился в третий раз. Вот тогда-то я все поняла. Она — та подруга матери — давно положила на него глаз. Ее муж умер, остались две дочери. Обычная история. Думаю, поначалу она любила меня, по-своему, но любила. Любила до того, как я последовала ее совету. Теперь-то она боится меня. Боится, что я расскажу... а что мне рассказывать? Что я убила свою мачеху? Отец о чем-то начал догадываться, но не желал верить. Нынешняя жена понемногу настроила его против меня. Когда мы переехали сюда и мне нашлась работа в замке лорда Харпера, я даже была рада. Ты не представляешь, что это такое: после всего жить с ней в одном доме!..

Кристина рассказывала и терла руки, а я сердцем чувствовал: о многом она умолчала. О многом, но не о главном. На ее долю выпало немало страданий, о которых, возможно, я услышу в свой срок. Если окажусь достоин ее доверия.

Пока же довольно и того, что сказано.

— Теперь я знаю,— промолвил я.— И не отказываюсь от своей клятвы.

Она вдруг заплакала. Вскинув руки, ударила ими по воде так, что брызги полетели во все стороны. Зашипело пламя в очаге, взметнулось выше.

Я обнял ее за плечи и молчал. Она содрогалась в рыданиях и все била кулаками по воде. Наконец с вызовом и надеждой протянула их мне:

— Посмотри, может, я сошла с ума?

Но она не сошла. Не в этот раз.

Руки Кристины до локтей были как будто забрызганы крупными рыжими веснушками. Раньше их там не было.

— Чем больше я тру, тем отчетливей они проступают.— Она сказала это таким спокойным голосом, что мне сделалось страшно. — И вот еще. — Она протянула мне правую руку ладонью вверх. Там ясно проступали две полосы.

Мозоль.

И мы оба твердо знали, рукоять какого ножа оставила его.

Этого следовало ожидать. Ни Принц, ни Госпожа не прощают и не забывают. Но все-таки мы были живы и мы вернулись в мир людей.

— В конце концов, — сказал я Кристине, — это всего лишь веснушки и мозоль. Есть немало тех, кто заплатил дороже, вспомни хотя бы о Томе. Что же до клятвы... решать тебе. Я возьму тебя к себе в дом, но ни в чем неволить не стану.

Я знал, на что обрекаю себя, однако не мог поступить иначе. Пожалуй, в этом было поровну отчаяния и себялюбия. Поступи иначе — вовек не избавился бы от презрения к себе.

Она посмотрела на меня и покачала головой. Потом молча взяла за руку и заставила опуститься в лохань.

Конечно, поутру Роб посмеивался, а мастер Вилл ворчал, дескать, в кузне беспорядок и водой все залито, но оба они были искренне рады за нас.

Я переговорил с Сапожником; сыграли свадьбу. Как ни уговаривала Кристина, я не решился использовать ни монеты из дворца Госпожи. Зарыл их в заветном месте, как бы на черный день, хотя твердо знал: вовек не бывать такому дню, вовек не случиться такому горю, чтобы я захотел расплатиться Принцевым золотом.

Остались мы у мастера Вилла, ни о чем другом тот и слышать не желал.

— У Сапожника своя семья. Да и живет-то он, по сути, не в собственном дому. Конечно, Эйб Близнец — человек хороший, попробсите — не откажет. А все-таки вам, молодым, делать там нечего, — заявил мастер — и нахмурился так, что я сразу понял: вовсе не в том причина, что Сапожник живет в доме Близнеца.— Вот что, Джон, не мое это дело, не стану

я лезть к тебе в душу с расспросами. Но учти: с Королевой шутки плохи. Чует моя душа: ушли вы оттуда не как добрые гости со званого пира. А если вы прогневили Королеву...

Он склонил седую голову и долго-долго смотрел в пламя печи. Я же глядел на мастера во все глаза и удивлялся: мы ведь никому и полусловом не обмолвились о том, что с нами случилось. Впрочем, мастер был человеком мудрым, а дед его — тот, что жил в Большой Лесной, — сказывали, когда-то знался с народом холмов.

— До весны-то, думаю, время есть, — сказал наконец мастер. — Может, и дольше. Но только хорошо бы вам обоим накрепко запомнить: рано или поздно они найдут вас. Будьте готовы.

Я не стал ни отнекиваться, ни прикидываться дурачком, дескать, о чем вы, мастер Вилл?.. Просто спросил:

— Разве можно к такому подготовиться?

Он сердито зыркнул на меня и отрезал:

— Кое к чему — и можно, и нужно.

Вот так и вышло, что мастер начал учить меня премудростям, о которых сам он узнал от отца, а тот — от деда из Большой Лесной. Я не пренебрегал ничем: ни высушенным четырехлистным клевером, ни рассыпанной перед порогом чечевицей, ни заговоренной заячьей лапкой. Они не избавляли от кошмарных снов, но вселяли в меня уверенность.

Что же до Кристины, то она не верила ни в один из заговоров. Талисманы носила, чечевицу исправно рассыпала, но только чтобы я не тревожился. Первые несколько недель любой громкий звук заставлял ее вздрагивать. Кристине все казалось, будто кто-то ходит вечерами у нашей двери, заглядывает в окна... потом она успокоилась.

Осень иссякла, и потянулась зима — долгая и снежная. Та наша ночь сделалась чем-то призрачным, небывалым.

Теперь Кристина любила подолгу сидеть возле окна, задумчиво глядя на заснеженную дорогу и на холмы там, вдали. Будущее материнство придало ей величественности, сделало неуловимо похожей на Госпожу, какой та явилась мне в колеснице.

Мы жили славно. Эта наша зима — словно воспоминание о несбыточной мечте, словно печальный бесценный подарок. Такой уже никогда не будет.

Мы жили славно — и я старался ни словом, ни жестом не потревожить Кристину. Дивнее всех див, которые мы видели в холмах, было то, что открывалось мне сейчас: доверие моей жены. Кристина была похожа на дикий цветок, простоявший на морозе так долго, что, кажется, уже и не раскроется никогда; и вот в тепле, на свету он наконец распускает лепестки... Что по сравнению с этим все чудовища, все превращения и золото всего мира — пыль, пустота.

Конечно, я заботился о ней. Конечно, берег.

И в то утро, когда увидел в снегу возле калитки след, не сомневался ни минуты, рассказывать или промолчать.

Странный это был след: будто дите малое ходило. Дите да не дите. Одна ножка обута в башмачок, другая... с копытцем.

Позже-то я, конечно, сомневался: может, и стоило ей рассказать. Хотя — ну чем бы это помогло?! Да и не был я до конца уверен. Вдруг кому-то из деревенских взбрело в голову шутку пошутить? Они ведь наверняка приметили и чечевицу, и талисманы, и то, что я всегда старался оказаться дома до заката.

Только не верилось мне в шутки деревенских. Были среди них и недалекие, и жадные, и зануды, — всякие. Злых не было.

Ну, вбил я в след гвоздь, присыпал сверху снегом. На всякий случай.

И все-таки промолчал.

Через пару дней и забыл. Работы в кузнице хватало, неделя выдалась тяжелёнькая. Мастер Вилл подался в Большую Лесную проведать сестру, мы с Робом были одни на хозяйстве, а из замка Харпер как раз пришел заказ, серьезный да денежный. Мы как раз товар на телеги грузили, когда я увидел: бежит по дороге Дороти, дочка нынешней Сапожниковой жены. Ну, бежит и бежит — мало ли. У нас работы невпроворот, некогда на девиц заглядываться.

Потом Роб тронул меня за плечо:

— Эй, посмотри-ка.

Я обернулся.

Дороти бежала, отчаянно размахивая руками и высоко вскидывая ноги; снежная пыль вилась вокруг нее мошкарой, сверкала на солнце. Деревья стояли в пышных белых шап-

ках, и весь мир словно тонул в слепящей белизне. Я приставил ладонь козырьком — и различил наконец еще одну фигуру. Кто-то мчался вслед за Дороти.

Я перевел взгляд на девушку: та побледнела, глаза навыкате, рот распахнут, но крика нет, лишь сдавленный хрип.

— Это кто ж ее так напугал?

Роб только покачал головой. Он сразу заприметил то, на что я и внимания не обратил.

— Пойдем, — сказал он. — Думаю, тут без нашей помощи не обойдется.

Но шагнул он не к калитке, а к поленнице. Раскачал, вытащил из колоды топор и лишь тогда вышел на дорогу.

Теперь мы оба видели того, кто гнался за Дороти. Это был Сапожник, весь растрепанный, одетый так, словно выскочил на двор, позабыв обо всем. Точнее, это о теплом плаще он позабыл, а вот нож — широкий, каким раскраивают кожи — зачем-то с собой взял.

— Держи. — Роб сунул мне в руки топор и пояснил: — Я успокою дочку, а ты поговори со своим тестем.

Он ловко бросился ей наперерез, схватил в охапку и велел угомониться. Дороти его не слышала. Она была сейчас похожа на охваченную ужасом кобылу, которая готова мчаться на край света, бежать до тех пор, пока сердце не лопнет. Девица взбрыкивала, норовила ударить Роба по голени и при этом тихонько, едва слышно стонала.

Тут и Сапожник подоспел.

— Держи ее, Роб! — прохрипел он и неожиданно остановился. Уперся руками в колени, согнулся и тяжело, рвано задышал. Пар из его рта валил непрерывным потоком, как будто вытекала из тела душа.

— Вы бы нож бросили, мастер Сэм, — сказал я как можно мягче. — Ни к чему он вам.

Он посмотрел на меня тусклым взглядом. Потом на нож. Потом на Дороти.

Выпрямился — с таким выражением на лице, как будто это было самое трудное и мучительное, что ему приходилось делать в жизни.

— Держи ее покрепче, Роб, — сказал Сапожник. — А ты, Джон, попытайся, конечно, попытайся... но я уже сам пытался, и Гэйл нам с Дороти помогала, да только не желают

они слезать, вот что. А желают они... — он громко сглотнул, — желают украсть мою доченьку. Вот что. Но ты попытайся, Джон.

Роб пыхтел и вполголоса ругался. Дороти била его ногами, все штанины были уже в снегу.

— Давай же, Джон, — прохрипел он. — Башмачки, Джон, сними с нее эти растреклятые башмачки.

Тут-то я наконец понял. А следовало бы давно сообразить: ну с какой бы это радости Дороти взбрело в голову идти по снегу в красных кожаных башмачках? Они хороши только для пира и для плясок... или для того, чтобы приманить жертву к своей хозяйке.

Я отшвырнул топор и упал на колени, попытался ухватить Дороти за ногу, попытался стащить башмачок. Тот сидел как влитой. А когда я стал дергать сильней, его носок вдруг распахнулся и превратился в оскаленную пасть. Сотня тонких и острых зубов пронзила мою ладонь, я закричал и отдернул руку. Дороти тотчас ударила меня вторым башмачком в лоб, я упал.

— Джон, скорее! — рявкнул Роб. — Еще немного — и она вырвется.

— Вы не снимете их, — спокойно сказал мастер. — Так — не снимете. Положи ее, Роб, прижми посильнее к земле, вот что.

Он отложил нож, взял топор.

Роб уже повалил Дороти в сугроб и сел сверху, прижав ей ноги к земле.

Мастер Сэм подступился к ним с топором в руках. Он занес его над головой, но вдруг вскрикнул и выронил. Упав на колени, Сапожник начал раскачиваться из стороны в сторону:

— Не могу, не могу, не могу, не могу...

Я поймал взгляд Роба. Поднял топор, отряхнул от снега.

Хватило двух ударов. Дороти наконец закричала — так тонко и надрывно, что оглохни я в тот миг — счел бы это высшей милостью.

Роб бросил мне пояс, я снял свой и перетянул оба обрубка. Велел мастеру Сэму бежать за Горбатой Шейлой, которая знала толк в целительстве. Потом услышал позади сдавленный вскрик — обернулся.

У калитки стояла Кристина и, закусив ладонь, смотрела на нас... нет, мимо нас, и в глазах ее плескался такой ужас, что я было решил: вся Принцева свита явилась по наши души.

Рядом ахнул Роб.

Я проследил за его взглядом. Нет, не было ни Принца, ни его свиты. Ничего не было. Только алые вмятины на белом снегу да отпечатки башмачков — тянутся вдаль, к Копыту и к холмам...

— Значит, они еще вернутся,— подытожил мастер Вилл, когда приехал в Малую Лесную и узнал о случившемся.— У Госпожи долгая память и очень много времени. Видишь как...

Мы снова остались в кузнице одни: мастер и я, и в тот вечер он был чернее тучи.

— Кристину искали там, где она жила прежде. То, что Дороти увидела башмачки первой и надела их,— конечно, случайность. На ее месте могла быть Гэйл... или их мать... или сам Сапожник взял бы их в руки... сложно гадать, да и ни к чему. Дороти повезло, что он был рядом и что вы с Робом подвернулись под руку. И что Робу хватило ума не тянуть кота за хвост.

— Повезло? — переспросил я с горькой усмешкой.

— Повезло,— с нажимом повторил мастер Вилл.— А тебе, Джон, лучше бы подумать о себе да о Кристине. Пока мое слово еще что-то значит, вы останетесь в деревне. Но легче ни вам, ни нам не станет. Подумай: может, тебе есть куда уехать, не сейчас — тогда, когда она родит. До конца лета как-нибудь продержимся... Но ты подумай.

Я все понимал и дал слово мастеру, что позабочусь об этом.

Кристина родила до срока: недели за две перед Бельтайном. Схватки начались внезапно, мы успели послать за Горбатой Шейлой, хотя я до последнего мига отказывался верить. Пять с половиной месяцев — слишком рано, а значит, дитя или явилось бы на свет мертвым, или умерло вскоре после родов.

Но все обошлось. Малышка была здоровенькой, крепенькой, одно загляденье. Повитуха только руками разводила, дескать, родились вы, милые, под счастливой звездой. Мас-

тер Вилл впервые за последние полгода улыбался, Роб хлопал меня по плечу, старый Сапожник, за одну зимнюю ночь поседевший, теперь места себе не находил от радости.

Кристина смотрела на всех нас спокойно и устало. Не удивлялась. Не радовалась. Должно быть, роды вымотали ее до предела.

И все же была в ней какая-то неимоверная, нечеловеческая стойкость. После родов она как будто разом успокоилась, и тени, которые тревожили ее душу, отступили. Я думал — навсегда.

Кристина сделалась мягче и добрее, и я никогда прежде не видел, чтобы она с таким теплом, с такой любовью относилась к кому-нибудь. Девочка занимала все ее мысли.

В ночь Бельтайна Кристина не желала ничего слышать: останусь дома и все тут. Мастер Вилл едва уговорил ее: к нему в гости как раз наведалась сестра с дочкой, и та, сама мать двух сорванцов, пообещала приглядеть за малюткой.

— Прыгать через пламя вам ни к чему, — сказал мастер, — а вот пройти между кострами и очиститься — ой как не помешает.

Больше он не добавил ни слова, но оба мы поняли, что дело не только в недавних родах.

Костры пылали жарко, пламя дотягивалось до самых небес. В ночном воздухе были разлиты покой и свобода, хотелось петь, лететь, кричать от счастья. Отовсюду раздавались смех и взволнованные, громкие разговоры. Некоторые пары уже покидали верхушку холма — внизу, за чертой света, едва заметные, проступали силуэты шалашей.

Мы с Кристиной присоединились к хороводу, и, танцуя, я вдруг почувствовал, что впереди у нас много долгих и счастливых лет. Несмотря ни на что. Вопреки всему.

Потом мы отправились к проходу между двумя кострами — к Вратам Огня. Через них проходили по одному, а остальные стояли по эту сторону и подбадривали друг друга шутками. Горячий дух овевал лица, окрашивал их багряными сполохами.

Наши взгляды встретились, и она, подавшись всем телом ко мне, прижалась губами; вокруг добродушно смеялись.

— Перед тем как возвращаться, — шепнула она, — задержимся в шалаше. Мастер Вилл поймет, как думаешь?

Потом она пошла в черный проем между кострами: тонкая, ловкая, молодая. Пламя, казалось, взлетело еще выше, она пошатнулась от неожиданности, но кто-то по ту сторону подал ей руку.

Я поспешил вслед за Кристиной. Огонь не пугал меня, и я не в первый раз проходил Врата. Миновав их, я какое-то время постоял, чтобы глаза привыкли к темноте.

Потом огляделся.

На поляне по эту сторону никого не было. Парочки, миновав Врата, как правило, надолго здесь не задерживались и спешили к шалашам.

Я позвал — никто не ответил. Я бросился ее искать — сперва к шалашам, все еще надеясь, что это такая игра, шутка, — хотя и знал: такие шутки не в ее обычае.

Но ведь кто-то подал ей руку! Кто-то, стало быть, видел Кристину после того, как она миновала Врата.

Потом мне взбрело в голову, что мы разминулись и Кристина, не дождавшись меня, отправилась домой. Я прибежал в кузницу — мастер Вилл, мрачнея, выслушал мой рассказ и вместе со мной пошел обратно к холму.

До самого утра мы бродили вдоль Копыта и выкликали ее имя. Некоторые из деревенских присоединились к нашим поискам. Без толку. Как будто ее никогда и не было.

Я расспрашивал всех и каждого, не видели ли они кого-нибудь странного, не заметили ли чего необычного. Несколько человек рассказали, что ближе к рассвету к кострам пришла величественная женщина, которую они никогда прежде не видели. Дождавшись своей очереди, она разбежалась и прыгнула через пламя — и пропала, клялись они, едва оказалась над ним. Словно растаяла. Некоторые из них говорили, будто слышали потом ее смех — торжествующий, счастливый.

— Как будто она наконец освободилась, хотя ума не приложу, кто осмелился бы ее пленить, — добавил Эйрик Бондарь.

Через несколько дней разразилась гроза, какой, по словам старожилов, не видывали в этих краях вот уже лет сто. Она бушевала трое суток, не утихая ни на миг, только усиливаясь. Деревья ломались словно соломинки, крыши срывало с домов, они летели по воздуху и падали в Ко-

пыто; само Копыто вышло из берегов, и весь западный тракт превратился в болото. Над пущей стоял несмолкаемый вороний грай, хотя ни одна птица не осмелилась бы в эти дни подняться в небо. Посреди этого бесконечного кошмара только Майское Древо стояло недвижно, словно ось, вокруг которой вращается весь мир.

«Ведьмина свадьба», — шептались старухи и творили знаки, отводящие беду. Старики не шикали на них, как это делали обычно, а молча подбрасывали в очаг поленья.

И все же беда не обошла Малую Лесную стороной. На исходе третьего дня стало известно, что приемные дочки Сапожника, Гэйл и Дороти, в полдень вышли, чтобы справить нужду... «вышли» — хотя точней было бы сказать «вышла»: теперь Гэйл носила Дороти на закорках. Старый мастер Сэм задремал, жена его готовила стряпню — и вдруг вороний грай раздался прямо над их домом. Помимо птичьих криков, говорил потом Сапожник, слышалось и другое. Лай псов, звяканье сбруи, цоканье подков. Смех. Свист кнута. Колокольцы, какие обычно вплетают в свадебную повозку.

Потом Дороти и Гэйл закричали.

Их нашли на дороге: исцарапанных, с перьями в волосах. С выклеванными глазами.

Мы все сбежались в дом Сапожника, хотя — чем мы могли помочь? Да, его приемные дочки остались живы... только на сей раз никто и словом не обмолвился о том, что им повезло.

— Это все ведьмина свадьба, — сказала Горбатая Шейла. — Известно ведь: когда в холмах женихаются, человеку за порог ступать ни в коем разе нельзя. — Она ласково поцеловала в лоб каждую из сестер, зашептала: — Ну-ну, тихо, тихо, все, все, все прошло, вы дома, милые, дома...

Горя в тот вечер все хлебнули полной чашей, но только и этого было мало. Кто-то — кажется, Берни Одноухий, — примчался с известием, что на перекрестке, среди поваленных деревьев, нашли человека.

— Живого?!

— Живого!

Мужчины побежали туда, прихватив на всякий случай рогатины да топоры.

На перекрестке мы различили в сумерках две фигуры, которые, завидев нас, принялись махать руками. Это были Саймон Кроличий Хер и Эйрик Бондарь. Выждав два дня в замке лорда Харпера, они решили возвращаться в деревню и вот, на перепутье, наткнулись на завернутого в овечью шкуру — вы гляньте! — старика. Ну вылитый наш Эйб Близнец!..

Подоспел кто-то со светильником. Действительно, в черной овечьей шкуре, спелснутый, лежал сухожилый морщинистый старик. Лицом — один в один Эйб.

Заслышав над собой голоса, он разлепил тонкие веки, обвел нас взглядом загнанного ребенка. Приметив меня, усмехнулся, почти злорадно.

— То, чего ты желал, — сказал тихо, но отчетливо, — тем и владей. А то, чем владеешь, рано или поздно придет к твоему порогу.

Он снова закрыл глаза, успокоенный и усталый. Мы не сразу поняли, что старик мертв. Когда несли его в шкуре к дому Эйба, край ее развернулся, руки старика, сложенные на груди, соскользнули — и из правой выпал в грязь маленький колпак.

Шутовской колпак в желтую и зеленую клетку. С серебряными бубенцами.

Эйб похоронил своего брата тем же вечером. Они не виделись целых полвека — ровно с тех пор, как тот, еще ребенком, пропал однажды ночью. Просто исчез из кроватки.

Я задержался в тех краях еще на три месяца — слишком долго, но раньше мне было не сыскать кормилицы для дочки и работы для себя. Я уехал — и думал, что начну новую жизнь. Прошлое осталось позади.

Я так думал.

Я думал, им меня не сыскать.

Ей меня не сыскать.

Там, куда я уехал, вера в Господа Распятого была крепче, а о старых порядках почти забыли. Я видел в том добрый знак. Я искал такое место, где забывать легко.

Здешний кузнец умер на исходе лета, его подмастерье оказался расторопным малым, но еще слишком мало знал, чтобы заменить мастера. Я знал всего лишь чуть больше

его, но и этого хватило, чтобы со мной захотели иметь дело. Этого — и поручительства мастера Вилла.

Городишко звался Замковый Утес. Он раскинулся неподалеку от изножья нависавшей над потоком громадной скалы, на которой когда-то действительно был замок. Теперь от замка остались развалины, а среди вросших в землю камней паслись козы, норовистые и тощие, с жадными желтыми глазами.

Здесь жили в основном торговцы да ремесленники, ведь городок находился на перекрестке семи дорог. Неподалеку от него, по ту сторону реки Молочной, пристроился монастырь, а в самом Утесе была даже своя церквушка. Я охотно ходил в нее в конце недели и по праздничным дням и даже пару раз беседовал со священником: широколицым улыбчивым стариком, который подслеповато щурился всякий раз, когда его о чем-то спрашивали. Пожалуй, его сбивали с толку мои расспросы, он горячился, взмахивал костлявыми руками, начинал твердить о прощении, милосердии, о том, что *уверовавшим и раскаявшимся отпущены будут грехи их*. В такие моменты отец Стивен напоминал мальчишку, увлеченно повествующего о чуде, которому стал свидетелем... или же которое придумал и потом сам в него поверил. Я никогда не перебивал его. По правде сказать, я ему завидовал.

Лишь однажды святой отец не нашелся что ответить — это когда я задал вопрос о падших ангелах. Неужели, удивился я, они тоже могут получить отпущение грехов? После того, как взбунтовались и были низвергнуты с небес, после того, как иные из них, вопреки запретам, возлегли со смертными женщинами... — неужели даже после всего этого?

Он замахал на меня руками, сказал, что я все перепутал, и бунтовали одни, входили к дщерям человеческим другие, и не в этом вовсе дело, вздор и чепуха мои вопросы, вот что, и мне бы сперва в материях попроще разобраться, а уже потом ученые диспуты вести.

После он корил себя, что оказался несдержан, но я сделал вид, будто ничего и не было. Мне и самому стало совестно, ведь я нарочно задал вопрос о падших ангелах — из злобы и зависти. Так глава семьи дает захлебывающемуся от восторга сыну подзатыльник.

Я был посрамлен дважды: вера святого отца была сильнее любых умствований, я же, напротив, задумался о том, что спрашивал... и засомневался... и лишь усилием воли принудил себя отбросить всякие сомнения. Толку в них было немного: ведь, говорил я себе, Кристина мертва, а значит, я вряд ли когда-нибудь узнаю правду.

Я решил последовать примеру отца Стивена и положиться на свою веру, только на нее одну. Прошлое осталось в прошлом, и мне следовало жить сегодняшним днем. Хотя бы ради дочери.

Хотя бы попытаться.

Увы, мне не хватало наивности отца Стивена, чтобы верить в милосердие или всепрощение. Я знал, что рано или поздно все мы расплачиваемся за наши поступки, — так устроен мир, и даже Распятому Господу не переменить древних законов, которые были освящены другими богами и другими жертвами.

Да я и не хотел прощения. В конце концов, я ведь — не нашкодивший мальчишка, который надеется, что все как-нибудь обойдется. Я — мужчина и готов заплатить цену. Сполна.

Я был упрям? Глуп? Наверное. Но чем еще можно искупить собственную вину, как не наказанием, как еще освободиться от нее?

Если это вообще возможно.

Впрочем, по правде говоря, я нечасто задумывался об этом. Первые несколько лет оказались одновременно самыми тяжелыми и самыми легкими. Кто не растил дочь один, без жены, — тот не поймет. Мне просто некогда было забивать голову чепухой. Разговоры со святым отцом мало что значили — отдушина, забава, пустословье. Взгляд за ограду на чужой сад, в котором тебе никогда не бывать.

У меня была дочь, был подмастерье-ученик, была вдовая соседка Лизбет — вот о них я и думал. Не о себе.

Вскоре я убедился, что если в Утесе и ставят плошку с молоком за порог, то лишь для кошки, а если рассыпают чечевицу — то по небрежности. Здешние ребятишки любили слушать о башмачниках, Дикой охоте и белых псах с кармиными ушами, но — не больше, чем истории о го-

ворящих жерлянках или золотом гусе. И тех и других они считали забавной выдумкой.

Прошлое осталось в прошлом. Пусть даже не навсегда.

Работы в Утесе было много, так что я засыпал, едва коснувшись головой подушки. Снов почти не видел, только пару раз в году: на исходе осени и на исходе весны. В такие ночи волны в моей груди наливались силой, подступали к сердцу, и вот тогда-то я вспоминал обо всем и понимал: в конце концов она найдет меня.

В конце концов я признался себе, что жизнь в Утесе была отсрочкой. Чтобы я успел вырастить дочь. Чтобы успел подготовиться.

Да, иногда я позволял себе забыть об этом, но дважды в год...

И я был благодарен тем ночам. За напоминание.

Порой я надеялся, что так будет продолжаться вечно. Порою не мог дождаться, когда же всему этому придет конец.

Когда же придет она.

Год за годом миновали пятнадцать лет. И вот как-то по весне я заметил, что отец Стивен ходит мрачней тучи. На все расспросы он только качал головой и твердил, мол, здесь и говорить не о чем. Вот только слухи в городке было уже не остановить.

Трава на пастбище в этот год уродилась густой и сочной, но козы, что ни вечер, возвращались тощими. Они тяжело дышали, шерсть клочьями висела на впалых боках. Пастушки клялись, будто каждый день пополудни слышат чей-то смех и козы тотчас принимаются скакать так, словно их оседлали. В подтверждение своих слов пастушки охотно задирали рубахи, показывая свежие раны от козьих рогов, зубов и копыт.

Отец Стивен трижды отправлялся к развалинам, в ход шли молитвы, крест и святая вода — всё без толку. А потом ему стало не до коз. В ночь солнцеворота пропал сын Люка Трактирщика. Младенцу было чуть меньше полугода. Накануне Люк с женой легли спать, а поутру встали — нет ребенка. Конечно, первым делом заподозрили постояльцев, но те все были на местах и как один жаловались, будто ночью им плохо спалось. Кто-то хихикал под окнами, грохотал подбитыми каблуками.

Этот кто-то, похоже, и оставил в пустой колыбели мешочек с золотом.

Утес — не Малая Лесная, здесь люди друг дружку хуже знают, но в тот день, казалось, весь городок отправился на поиски младенца. Понимали мы, что вряд ли его найдем? Понимали. А все-таки по-другому поступить не могли.

Вечером собрались у Трактирщика. Молчали и пили. Как на поминках.

Несколько его постояльцев были там же и переговаривались вполголоса, из уважения к чужому горю.

— Так бывает, — сказал один, остроносый и тощий, с тягучим выговором горца. — Я вот недавно из столицы. Там семья одна жила... говорили о них, будто прокляты все. За то, будто, что давно — почти два десятка лет тому назад — сжили они со свету одну старуху. Старуха была ведьмой, вот она их и прокляла. — Остроносый промочил горло и добавил: — Все сгинули. Отец у них был королевским лесничим — ну и на охоте, лет тому семь, разорвали его в клочья. Свои же псы разорвали. — Он снова приложился к кружке. — Жена лесничего сошла с ума. Младшая дочь утопилась.

— А старшая? — спросил кто-то.

— А старшим у него сын был — так его лесничий отдал в обучение. Подальше от столицы. Думал, так избежит проклятия.

— И что с сыном стало?

— А о нем с тех пор никто не слышал. Как и не было вовсе. А почему? — назидательно спросил горец. Он оглядел слушателей и поджал губы. — Всё ведь неспроста. Как там в Писании, святой отец? «Каждому по делам его»? Так и выходит. И горе просто так на порог не ступает. Значит, чем-то провинился ты, если уж...

Били его не до смерти. И я — не сильнее прочих. Не сильнее.

Святой отец не пытался нас остановить.

Младенца так и не нашли.

Потом наступило лето — душное и выматывающее, и в Утесе сделалось хуже прежнего. Поутру лошади в конюшнях стояли в мыле, с заплетенными в косицы гривами, из крынок пропадало молоко, каждой ночью кто-ни-

будь слышал под окнами перешептывания и смех. От всего этого, если задуматься, было мало вреда — но много страха.

Отец Стивен помер на исходе лета. Конечно, он был стар, но думаю, в могилу его свело не это. Просто он отчаялся и сдался.

Я сдаваться даже не думал.

Осень явилась однажды поутру. За ночь она вызолотила все листья в городе, и я, шагая к кузнице по хрусткому ковру, как будто что-то такое почувствовал. И даже подумал: осталось уже недолго, уже совсем скоро...

Знак был нарисован углем. Прямо на двери кузницы. Я стер его прежде, чем кто-нибудь из домашних увидел, хотя вряд ли они догадались бы, что́ это, — ведь никто из них не был в замке Госпожи... в том коридоре, который соединяет внутренний двор и зал.

Теперь я знал все, что мне было нужно. Сказавшись больным, я отправил на большую осеннюю ярмарку в Златобашенную ученика, а с ним — мою дочь, которую давно обещал туда свозить.

Я не беспокоился за них: знал наверняка, что в первый раз Госпоже понадоблюсь только я один. «То, чем владеешь...»

Прошло ровно шестнадцать лет с той ночи, когда я был кавалером моей Госпожи. Когда я сбежал, тем самым оскорбив ее.

Я знал, что она придет. И знал, что придет одна.

Я погасил в доме все огни и сел у окна. Где-то чирикал сверчок. По небу плыли тучи, крупные и густые. Я глядел на них и бездумно катал по столу кости. Словно бы в ответ две волны перекатывались во мне, две волны от ее поцелуев.

Потом сверчок замолчал, и я понял, что уже в седьмой раз выбрасываю «гвозди Христовы» — сплошь единицы. И ведь правда, подумал я: как будто смотришь на гвозди, вбитые в крест по самые шляпки. Почерневшие от крови.

Я видел их очень четко: лунный свет, словно текучее серебро, заливал столешницу... Лунный свет! Я поднял взгляд на небо — и да, она висела над миром, крупная, сверкающая луна, которой было не место там этой ночью, но которая, вопреки всему, взошла. Взошла и ждала.

Скрипнула дверь. Затем — половицы под чьими-то легкими шагами. Я не стал оборачиваться. Смотрел на кости. Потом накрыл их ладонью.

Шаги стихли прямо у меня за спиной.

Безмолвие.

«То, чем владеешь...»

Ледяная рука легла мне на левое плечо. Хрустальный голос произнес:

— Милый мой.

— Ты не очень-то спешила,— сказал я, не оборачиваясь.

— Мне некуда спешить,— засмеялась она.

Я сидел ровный и прямой и даже не вздрогнул, хотя все во мне оборвалось, когда я услышал этот смех: чужой и все-таки знакомый. Все вернулось: та ночь, та страсть. Разве я жил все эти годы? Если и жил — то лишь надеждой на сегодняшнюю встречу.

— И все же ты пришла.

— Ты дал слово. Но ты не понимал, о чем говоришь, и поэтому я готова освободить тебя от клятвы.

— Чего же ты хочешь взамен?

— «Кого». Ту, которая и так по праву принадлежит мне.

— Если ты не лжешь, зачем тебе мое разрешение?

— Это мой подарок,— сказала она.— Мой подарок тебе.

— У меня тоже есть для тебя подарок,— сказал я.

Две волны наконец слились в одну. Сердца не было, сердце стало ледяным осколком.

Медленно и плавно я подбросил кости к потолку. Она вскрикнула от неожиданности и отпрянула.

Во мне не было ни волнения, ни азарта. Ничего.

Кости падали — все шесть «распятием»-шестеркой вниз.

Я успел заметить это перед тем, как, не сомневаясь и не медля, вскочил: в одной руке был лежавший на коленях костыль, в другой — молот, который все это время стоял, прислоненный к ножке стола.

У меня были годы, чтобы подготовиться. Годы. Но вот теперь я стоял перед ней и смотрел в ее лицо. Кости грохотали по полу.

Она, не глядя на них, сказала с усмешкой:

— «Гвозди Христовы». На всех. Неужели ты хотел напугать меня этим?

— Не этим. Не этим, Кристина. Но послушай... ведь это все так глупо. Беги от них, возвращайся, и мы уедем, уедем далеко, где не знают ни тебя, ни меня, где власть Принца — ничто!

Она засмеялась — моя госпожа, моя судьба, моя боль. Облик ее вдруг поплыл, и на мгновение я увидел ее единой в трех лицах: девой, женой, старухой.

— Ты так ничего и не понял, Джон. Там не страшней, чем здесь. Но там нет нужды терпеть тех, кого ты ненавидишь. — Она смотрела на меня с презрительным сожалением, как на больного пса. — Думаешь, там лучше? Хуже во сто крат! Но там я кто-то, а здесь — никто. Здесь вся моя жизнь решена задолго до меня и без меня. Такая же, как у всех. Пресная и сухая, как корка позавчерашнего хлеба. Некоторым именно такая и нравится. Тебе, например. Но если задуматься — чего ты достиг, Джон? За все эти годы — чего ты достиг? Вот этого? — Она обвела рукой кузницу. И снова засмеялась.

Я и забыл, до чего же сладко и как же мучительно она умела смеяться. Будто душу вынимала теплыми шелковистыми ладонями.

— Ты права, — сказал я ей тихо. — Права и не права. Я овладел мастерством, которое помогает мне делать людям добро. Я знаю, что такое благодарность. Я знаю, что такое дружеский смех. Я знаю, что такое — любить и быть любимым. У меня есть ученик. У меня есть дочь...

— Дочь?! — перебила она меня. В глазах ее — глазах девы, жены, старухи — проступило безумие, и смех ее был сейчас почти человеческим. Злым и обиженным. — Дочь! Да что ты...

Я не дал ей закончить. Просто не мог.

Первый удар сбил ее с ног, она вскрикнула, и за окном вдруг завыли волки, целая стая. Чьи-то крылья ударили в окно — раз, другой, третий. Дверь в сенях заскрипела.

Она лежала на полу, я склонился над ней, коленями прижал руки к бокам. Занес костыль и молот.

— Ты не посмеешь, — сказала она тихо и спокойно. И тут же добавила еще кое-что.

Я посмел.

Я — хороший кузнец, мне далеко до мастера Вилла, но все же думаю, он мог бы гордиться мной. Я выковал этот

костыль, едва лишь скопил достаточно денег, чтобы купить столько серебра. С самого начала я сомневался. Костыль казался тонким, слишком тонким. Но он не согнулся и не сломался. Вошел в ее тело, словно разогретый нож в сугроб.

Она не мешала мне. Смотрела прямо в глаза, и я не отводил взгляда, но сделал все быстро. Хватило двух ударов.

Она улыбнулась. По-старому. Так, как улыбалась мне в ту нашу единственную зиму.

За окном вой перешел в скулеж, крылья били не переставая. Потом все стихло, только ревел ветер. Но если я чего-то и боялся в этой жизни — уж точно не ветра.

Она была легкой, как пушинка, но нести ее оказалось тяжелей, чем наковальню. И вот сейчас... я словно вырыл могилу для собственной души.

Но может ли такое быть, что я спас душу Кристины?

То, что она сказала мне напоследок, сказано было из желания уязвить? Или — подтолкнуть?

Неужели в этом мое проклятие: всю жизнь сомневаться? Это и есть — моя расплата, мое искупление?

Но может, говорю я себе, теперь все кончено? Мне не исправить прежних ошибок, и мертвые не оживут. И я никогда не узнаю, отчего умерли отец, мачеха, Пэгги. Я повторяю себе, снова и снова, что та старуха наверняка была ведьмой, ведь не бывает добрых уродин, которые готовы накормить тебя пряниками, — попросту не бывает!

Добрые так не кричат, сгорая в печи.

В конце концов, говорю я себе, что еще мне оставалось? Я ведь защищал Пэгги.

Старуха могла видеть нас в лесу... то, что мы делали. Наверняка видела. Я защищал Пэгги и защищал себя. Старуха была ведьмой.

И если я был проклят — то лишь я один. Отец правильно поступил. Он надеялся, что проклятие, павшее на меня, не заденет всю семью. Уж они-то, они наверняка не были виновны! И если все-таки погибли — значит, старуха точно была ведьмой. Значит, я защитил Пэгги.

В тот раз — защитил.

Я много думал о наших беседах с отцом Стивеном. Я по-прежнему не верю в милосердие, но я верю в справедли-

вость. Солгала мне Кристина или нет, виновен я сам или же невиновен, но уж дочь... моя дочь — точно невиновна.

Я защитил ее. Спас. У меня есть целая ночь, чтобы все сделать как нужно. Когда она вернется, я заберу ее, и мы отправимся через пролив на материк. Туда, где ни Принц, ни его свита не сыщут нас.

Отправимся втроем.

Да, я наконец-то женюсь. Лизбет заботилась о нас все эти годы, и я не хочу расставаться с ней. Дочка не любит ее, но я уверен, что, если мы женимся, все переменится. Уверен, со временем она привыкнет к Лизбет, а потом... как знать...

Я ведь, в конце концов, хочу лишь одного. Я хочу, чтобы она была счастлива — моя доченька, моя кровиночка, моя Белоснежка.

26.06.05 — 20.03.09

ДАНИЭЛЬ КЛУГЕР

Поединок в Лорбрульгруде

(Из цикла «Дела капитана Гулливера»)

1

Мои читатели знают, что в Бробдингнеге я оказался по вине товарищей-моряков. Насмерть напуганные появлением местного жителя, они бросили меня на берегу. В оправдание можно сказать, что испытанный ими страх был вполне естественным. При виде великана без малого 70 футов ростом, способного небрежным движением руки опрокинуть фрегат или легким щелчком убить человека, любой забыл бы обо всем на свете, кроме собственного спасения.

Так или иначе, 17 июня 1703 года я оказался на южной оконечности большого острова или даже континента, населенного сплошь великанами, чей рост двенадцатикратно превышал средний рост обычного человека. Мало того — я оказался пленен местным фермером. Хозяин мой не нашел ничего лучшего, кроме как показывать меня как диковинку на ярмарках за плату. Обходился он со мною, по его меркам, неплохо. Впрочем, в другом месте я достаточно подробно написал о своем пребывании у фермера; здесь лишь замечу, что из его домашних ко мне более других привязалась Лорич, девятилетняя дочь фермера, которую я, достаточно освоив здешний язык, называл «Глюмдальклич», что значит «нянюшка». Она же дала мне имя «Грильдриг», человечек.

После множества приключений, мы с Глюмдальклич оказались при королевском дворе. Представление привело в восторг королеву, ее величество Кломинтелич, и она настояла на том, чтобы я и нянюшка поселились в королев-

ском дворце. Особенно понравилось ее величеству то, что я свободно говорил на местном наречии — причем на самые разнообразные темы. Вообще, язык бробдингнежцев показался мне весьма простым и легким в изучении, хотя и не имеет сходства ни с одним из европейских языков.

Правда, легкость эта касалась устной речи. С письменностью дело обстояло куда сложнее. В отличие от Лилипутии, у бробдингнежцев нет единого алфавита для всей страны. Жители разных областей и даже достаточно крупных селений пользуются своими правилами. Одни пишут поперек листа, другие — вдоль, третьи — справа налево, четвертые — слева направо. Имеются провинции, в которых при этом буквы больше похожи на китайские или японские; в иных принят алфавит, напоминающий латинский, но буквы при этом перевернуты вверх ногами, а где-то еще — лежат на боку. При всем том количество знаков, то есть букв, в алфавите не меняется от провинции к провинции; их всегда ровно 22.

Итак, мы с моей нянюшкой прибыли в Лорбрульгруд 26 октября, через четыре месяца и десять дней после моего появления на берегу Бробдингнега. Самым величественным сооружением здесь был главный храм столицы. Рядом с ним располагались покои их величеств — огромный трехэтажный дом, празднично окрашенный во все цвета радуги. Далее следовало более скромное здание, в котором проживали фрейлины и в котором две комнаты были выделены нам с Глюмдальклич. Мне же, как читатель, очевидно, помнит, личный столяр королевы соорудил деревянную комнату в 16 футов длиной и шириной и двенадцать футов высотой, в которой были размещены сделанные по моим рисункам шкафы, кровати, кресла с подлокотниками и комод. Моя комната легко превращалась в дорожный ящик, который Глюмдальклич могла брать с собой на наши совместные прогулки с ее величеством и придворными дамами.

Самой дочери фермера королева назначила гувернантку — пожилую женщину, склонную к морализаторству, а кроме того, двух служанок. Гувернантка оказалась уроженкой той же провинции Снотиснути, что и Глюмдальклич, что способствовало быстрому установлению теплых отношений между ними.

Легко и непринужденно вошла Глюмдальклич и в небольшой кружок придворной молодежи; составляли его младшие фрейлины ее величества, к числу которых была причислена моя нянюшка, и несколько столь же юных пажей и гвардейцев. Среди этих последних обнаружился знакомый Глюмдальклич, земляк и родственник назначенной ей гувернантки. Его звали Бедари, он был дригмигом (кадетом) королевской гвардии. При первом его визите Глюмдальклич выказала столько смущенной радости, что мне стало понятно: юноша ей небезразличен. В самом деле, молодые люди, чьи семьи жили по соседству, с раннего детства испытывали друг к другу искреннюю привязанность и даже влюбленность.

2

Под благовидным предлогом посещения тетушки-гувернантки Бедари бывал у нас чаще других. Но не он один искал общества девушки из Снотиснути. Она же, хотя и отдавала предпочтение встречам с другом детства, держалась в рамках благовоспитанности. Несмотря на это и на отсутствие откровенного кокетства, Глюмдальклич успела стать причиной нескольких размолвок между Бедари и некоторыми его друзьями — например, пажом Даргири, дригмигом Тизартом, — а также охлаждения в отношениях с шестнадцатилетней красавицей-фрейлиной Мирлич. Последняя, будучи дамой сердца Даргири, была раздосадована тем вниманием, которое ее рыцарь начал оказывать Глюмдальклич. Усмотрев в Глюмдальклич соперницу, фрейлина частенько едко насмехалась над провинциальностью Глюмдальклич, высмеивая ее скромные наряды и выговор. Однажды ее насмешки услыхала королева. Сделав фрейлине строгое внушение, она заставила девушек примириться. Не знаю, искренним ли было примирение, но внешне все успокоилось — возможно, и по той причине, что Даргири явно не пользовался особым расположением Глюмдальклич.

Дригмиг же Тизарт, как мне кажется, и ранее пребывал не в лучших отношениях с Бедари, частенько полагая себя незаслуженно обойденным и виня в том своего более удач-

ливого сослуживца. Теперь же, с появлением Глюмдальклич, их отношения едва не переросли в открытое столкновение. Во всяком случае, позже я узнал, что молодые люди собрались выяснять отношения с помощью шпаг. По счастью, об этом вовремя узнал их непосредственный командир Голдири, которому удалось помирить двух дригмигов.

Во вторник 20 апреля 1704 года, после ужина, мы находились в спальне Глюмдальклич. Дорожный ящик, служивший мне домом, стоял на прикроватном столике. Я сидел в кресле, которое поставил на столике рядом с ящиком, и записывал в свой журнал все, что успел узнать за сегодня, — а день выдался чрезвычайно утомительным, изобиловавшим разными приключениями.

Глюмдальклич сидела напротив столика, на котором разместился я, и читала катехизис для девочек — обычное занятие моей нянюшки перед сном.

И тут раздался стук в дверь. Я содрогнулся, ибо стук этот более напоминал звук выстрела из девятифунтовой пушки. Моя нянюшка направилась к двери. Я поднялся со стула, спинка и сиденье которого были сплетены из волос ее величества.

— Кто стучится в столь поздний час?

— Это я, — послышался взволнованный голос Бедари. — Лорич, умоляю, скорее откройте! Впустите меня!

Глюмдальклич спешно отодвинула засов. Молодой человек, вошедший — а вернее сказать, ворвавшийся — в комнату, выглядел чрезвычайно необычно. Его ярко-синий широкополый кафтан с множеством золотых пуговиц и галунов по обшлагам и вдоль бортов был распахнут; плетеный шнур дригмига болтался на плече на одном крючке. Форменный парчовый тюрбан Бедари где-то потерял, белые широкие манжеты были покрыты какими-то бурыми пятнами. Черные пряди растрепанных волос подчеркивали бледность лица.

— Умоляю... типе! — сказал он сдавленным голосом. — Иначе я погиб! Впрочем, что я говорю — я погиб в любом случае. — С этими словами юноша опустил голову.

Тут я понял, что бурые пятна на манжетах — засохшая кровь. Обратил я внимание и на пустые ножны, болтавшиеся на перекрученной перевязи. Правая ладонь Бедари тоже была окровавлена.

Глюмдалькличь заметила это.

— Что случилось? — встревоженно спросила она. — Вы ранены?

Бедари посмотрел на собственную руку, словно только сейчас заметил кровь. Покачал головой.

— Это кровь не моя, — ответил он мрачным голосом. — Это кровь фрисканда Цисарта, моего командира. Он убит...

При этих словах Глюмдалькличь испуганно ахнула. Я же невольно вновь схватился за тесак.

— Как же это случилось? — спросила моя нянюшка. — Где и почему? На вас напали? Вы защищались?

— Да-да, — подхватил я с нетерпением, — что же именно произошло? Почему вы пришли сюда и в таком виде?

Бедари тревожно завертел головой и машинально схватился за ножны, забыв, что шпагу свою он где-то оставил.

— Кто здесь? — спросил молодой человек гулким шепотом.

Глюмдалькличь не успела ответить. Взгляд Бедари наконец упал на меня, и тревога на его лице сменилась изумлением.

— Это и есть тот самый Грильдриг? — спросил он, наклонившись ко мне, чтобы разглядеть внимательнее. — Клянусь, он действительно забавен.

Я был несколько обижен. Как я уже говорил, молодой человек несколько раз общался с Глюмдалькличь в моем присутствии, но, похоже, так и не заметил меня. Впрочем, у него имелась извинительная причина — чувство к девушке. Ведь и в нашем мире влюбленные, кроме предмета собственных воздыханий, порою не замечают никого — даже тех, у кого нормальный рост. Что уж тут говорить о существах, двенадцатикратно меньших. Поэтому я не стал выказывать недовольства, а снял шляпу и поприветствовал юного гвардейца сдержанным поклоном.

— Ну и ну, — засмеялся Бедари. Он на мгновение забыл о причине, приведшей его в комнату Глюмдалькличь. — Как замечательно ты его выдрессировала, Лорич! Он действительно похож на махонького человечка!

Разумеется, я был оскорблен этим замечанием и собрался едко ответить на него. Но не успел. Вновь раздался

стук в дверь, на сей раз — более прежнего похожий на пушечный залп. И тотчас послышался столь же громкий возглас:

— Откройте, именем короля!

— Открой, Лорич, — сказал Бедари, немедленно забыв о моем существовании. — Я не хочу, чтобы тебя обвинили в соучастии.

— Соучастия в чем? — спросила Глюмдальклич, но Бедари только покачал головой, и девушка послушно отодвинула засов.

Комната тотчас наполнилась громким топотом, звоном шпор, который способен был заглушить звон колоколов в Вестминстере. Мне показалось, что в комнату ввалилось не меньше взвода грозных вояк. На всякий случай я спешно укрылся в ящике-домике.

Осторожно выглянув в окошко, я обнаружил, что это были всего лишь три гвардейца — правда, каждый из них шутя справился бы с ротой английских драгун. Двое из них носили такие же ярко-синие кафтаны, что и Бедари, но без кадетских шнуров. Ими командовал хорошо знакомый нам всем фрисгульд Голдири. Рукава его кафтана сверкали офицерским золотым шитьем, а медную каску с шелковым тюрбаном увенчивал пурпурный султан, который высотой вполне мог соперничать с десятилетним английским дубом. Благодаря этому невысокий фрисгульд казался почти одного роста с дригмигом. На правом боку у Голдири (он как раз повернулся ко мне правым боком) висела тяжелая шпага в кожаных ножнах с медными кольцами. Левая рука его величественно лежала на золоченом эфесс. Фрисгульд сурово посмотрел на Бедари.

— Дригмиг Бедари! Я арестую вас за убийство фрисканда Цисарта! В случае сопротивления мне предписано применить силу! Сдайте оружие.

Бедари молча указал на пустые ножны.

— Ах да, вы ведь забыли вашу шпагу там, в теле убитого вами Цисарта. — Толстые губы Голдири презрительно искривились. — Не стыдно прятаться в девичьей спальне?

— Лорич, не верьте! — воскликнул молодой человек в отчаянии. — Я вовсе не хотел спрятаться у вас! Я знал, что меня арестуют, и пришел к вам, чтобы успеть сказать: я

невиновен. И я люблю вас. Я хочу, чтобы вы знали об этом.

Румянец на щеках Глюмдальклич стал еще ярче, она опустила голову.

Фрисгульд негодующе фыркнул.

В это мгновение я принял решение, повинуясь не столько разуму, сколько чувству. Мне было так жаль мою прелестную нянюшку, что я воспользовался тем, что внимание гвардейцев было целиком занято Бедари. Я вышел из ящика, приблизился к самому краю стола, подпрыгнул изо всех сил и обеими руками ухватился за полу синего камзола молодого дригмига. Ловко подтягиваясь руками, пользуясь многочисленными пуговицами как ступенями, я добрался до широкого кармана, спрыгнул туда и затаился. Разумеется, ни стражники, ни сам Бедари не заметили моего маневра. Но я надеялся, что его заметила Глюмдальклич — и поняла мою затею. Иначе она могла поднять переполох по поводу моего исчезновения. Осторожно высунувшись из кармана, я помахал ей рукой.

Меж тем гвардейцы подтолкнули Бедари к выходу. От этого толчка я свалился на дно кармана, а когда вновь высунулся наружу, Бедари, направляемый караульными, уже вышел из здания и теперь шагал в сторону гвардейских казарм. Я вспомнил, что именно там, в подземной части, находилась королевская тюрьма для государственных преступников. По всей видимости, несчастного вели именно туда. Я надеялся, что рано или поздно его оставят одного и я смогу наконец расспросить его о том, что же случилось на самом деле.

3

Я чувствовал себя в кармане Бедари, как впередсмотрящий в «вороньем гнезде» на фок-мачте. Даже то, как я покачивался при его ходьбе, напоминало сильную качку на корабле. Выглядывая время от времени наружу, я старался запоминать путь — ведь мне еще предстояло возвращаться. Пока дорога не казалась чрезмерно запутанной — мы вышли из здания и уже спустя минут десять оказались

у пристройки, в первом этаже которой находились гвардейские казармы, а ниже — тюремные подземелья. Войдя в пристройку, мы миновали короткий коридор, затем, как я и предполагал, спустились по четырехпролетной лестнице в подземелье и, наконец, остановились в дальнем крыле, которое, как я понял, располагалось как раз под комнатой Гломдалькличь.

Я замер и даже задержал дыхание — хотя вряд ли гвардейцы услышали бы не только мое дыхание, но даже и голос. Загремел засов, раздался громкий скрежет отворяемой в темницу двери. Один из часовых сильно толкнул Бедари, так что я не удержался на ногах и отлетел в дальний конец кармана.

Молодой человек молча вошел в камеру, после чего дверные петли проскрежетали еще раз. Гвардейцы задвинули засов, фрисгульд что-то сказал Бедари (плотная ткань камзола мешала разобрать, что именно). Затем я услыхал удаляющийся звук шагов. Когда он стих окончательно, я понял, что мы остались одни.

Бедари сел. Я выбрался из кармана и огляделся. Тюремная камера показалась мне огромным и мрачным помещением. В центре тяжелой двери было вырезано полукруглое отверстие высотою примерно 10 футов и забранное толстой решеткой. Через это отверстие в ничем не освещенную темницу проникал из коридора тусклый свет факела.

Бедари заметил меня лишь тогда, когда я спрыгнул на пол и предстал перед ним. Он вытаращил глаза. Я поспешно приложил к губам палец и на всякий случай отбежал в дальний угол камеры, где, как я полагал, случайно заглянувший тюремщик меня бы не заметил. Тут я остановился и поманил Бедари. Он послушно подошел и присел на корточки. А затем и вовсе сел на пол, склонившись как можно ниже.

— Грильдриг? Как ты сюда попал? — спросил он шепотом.

— *Вместе с вами*, — ответил я. — Точнее — в вашем кармане. Я надеюсь помочь вам. Но для этого мне нужно знать, что именно произошло

— Что ты можешь сделать? — удрученно спросил Бедари. — Как ты можешь мне помочь? Ты не в состоянии от-

крыть обычный дверной засов! Что уж тут говорить о двери этой темницы...

— У нас не так много времени, — прервал его я. — Расскажите же, что произошло и почему вдруг именно вас обвинили в преступлении.

После некоторых колебаний Бедари заговорил. Как уже известно читателю, молодой человек служил в королевской гвардии. На службу во дворец его рекомендовал некто Цисарт, служивший здесь уже не первый год и имевший чин фрисканда, что примерно соответствовало капитан-лейтенанту в европейских армиях. Цисарт, знавший Бедари с детства, *предложил его* командующему гвардии, и тот согласился. И происхождение, и таланты молодого человека вполне соответствовали требуемым.

— Фрисканд Цисарт дал мне несколько уроков фехтования, — сказал Бедари. — Кроме того, с его помощью я всерьез изучал тактику и стратегию, а также другие науки, необходимые на военной службе.

Под началом фрисканда юноша подготовился к экзамену на первый офицерский чин. Экзамен должен был состояться на днях, и у молодого человека не было никаких сомнений в том, что испытания он пройдет успешно.

— Однако вчера произошло нечто странное. Я только сменился из караула и пришел к себе в комнату. Со мною были несколько моих товарищей. Мы собирались сыграть в кости. И вот тут в комнату буквально ворвался Цисарт! — Юноша помрачнел. — Клянусь тебе, Грильдриг, никогда я не видел его в таком состоянии! Рука его лежала на эфесе шпаги, и мне показалось, что он с трудом сдерживает ярость!

Цисарт *обвинил* Бедари в том, что тот распространяет клевету по его поводу.

— Будто бы я жаловался своим сослуживцам, что фрисканд требует с меня плату за нужные результаты испытаний! — Видимо, воспоминание об этом до сих пор жгло сердце молодого гвардейца. Он вскочил и забегал по тюремной камере, так что я спешно забился в дальний угол — чтобы случайно не оказаться под его тяжелыми сапогами.

Впрочем, он быстро успокоился, вернулся на место и даже извинился передо мной за несдержанность.

— Эти обвинения показались мне чудовищно несправедливыми, — продолжил Бедари, стараясь говорить негромко и неторопливо — как я его и просил. — Признаю: я тоже вышел из себя. Мы едва не подрались. К счастью, находившиеся там же наши сослуживцы растащили нас и уговорили вынести эту историю на суд чести нашего полка — поскольку поединки между офицерами гвардии и кадетами категорически запрещены. Фрисканд, немного остыв, согласился с этим, заявив, что не желает драться с тем, кто уступает ему в фехтовальном искусстве.

— Почему же все решили, что убили его вы? — спросил я.

— Потому что несколько человек слышали, как мы ссорились, — ответил Бедари уныло. — Потому что если я действительно говорил все эти гнусности, то именно мне было невыгодно доводить историю до суда чести — ведь за этим могло последовать позорное исключение из полка.

— Но ведь вы не говорили этого! — воскликнул я. — А фрисканд, обвиняя вас, вынужден был бы назвать того, кто передал ему эти разговоры! И вы со спокойной душой могли бы опровергнуть клеветника!

— Ты не знаешь, что Цисарт был убит моей шпагой, — мрачно ответил Бедари. — Он лежал ничком, и тело его было пробито *моей* шпагой! Убийца подкрался сзади и ударил Цисарта в спину. Увидев это, я тут же выдернул шпагу. Тогда-то я и испачкал руку кровью... И тотчас послышались чьи-то голоса, кто-то приближался к месту поединка. Я испугался, бросил оружие и позорно бежал...

— Но как же ваша шпага могла попасть к убийце? — спросил я.

— Я гулял по парку без оружия — поскольку вне службы нам предписано ходить по королевским владениям безоружными. А когда я прибежал к себе, то увидел, что на спинке моей кровати висят пустые ножны. Я прицепил их к перевязи, потому что растерялся...

— Где сейчас ваша шпага? — спросил я.

— Наверное, у начальника караула. У Голдири.

— А кто присутствовал при вашей ссоре с фрискандом?

— Дригмит Тизарт, — ответил он. — Мой сосед по комнате — гвардеец Зитери... Да, еще паж Даргири, он дожидался, пока я сменился из караула. Кажется, все. Мы вчетвером как раз составили партию в кости.

Наш разговор был прерван появлением тюремщика. Я спешно спрятался за ножку деревянного топчана. Бедари же сделал вид, будто что-то ищет на полу. Он возился до тех пор, пока не убедился, что меня не видно. Только после этого он повернулся к тюремщику, заглянувшему в зарешеченное окошко. Тот протянул ему ломоть хлеба и пузатый кувшин, после чего тут же опустил решетку и запер ее на замок.

Мне так и не удалось привыкнуть к виду едящего великана и к обилию отвратительных запахов и звуков, сопровождающих это зрелище. Даже наблюдая за завтраком мою милую нянюшку, к которой я был искренне привязан, я не мог избавиться от отвращения. А ведь Глюмдальклич ела, по здешним меркам, совсем мало, изяществом природным и воспитанием не была обделена! Что уж говорить о молодом гвардейце, отличавшемся отменным аппетитом и при том ничуть не обязанном соблюдать этикет в тюремной камере. За один раз он отхватывал зубами кусок, которого вполне хватило бы на обед трем моим соотечественникам, а крошки, которыми усеивался каменный пол, размерами достигали голубиного яйца.

Когда тюремщик унес пустую миску, я продолжил расспросы.

— Скажите, — спросил я, — вот вы говорите, что помирились с Фрискандом. Примирение тоже произошло в присутствии ваших друзей?

— Увы, нет, — ответил Бедари. — Ни у меня, ни у моих друзей не было больше настроения играть, так что вскоре они ушли, а я хотел вздремнуть. Но сна не было, и я решил еще раз переговорить с Цисартом.

— Вам это удалось?

— Конечно, — сказал дригмит. — Я пошел к нему, дал слово, что ничего подобного не говорил. Фрисканд сказал, что верит мне. Мы пожали друг другу руки, и я вернулся к себе.

— Цисарт был у себя в комнате один? Никто вас не видел в тот момент, когда вы беседовали?

— Нет, — ответил Бедари. — Я не заходил в комнату фрисканда. Я постучал, и, когда он открыл дверь, я сразу же заговорил. В коридоре казармы никого не было.

— Ну а сегодня? С чего вдруг вы пошли на то место? — спросил я.

— Я получил записку — от фрисканда. Тот срочно вызывал меня в парк. Когда же я пришел, Цисарт был мертв и в его спине торчала моя шпага.

— А кто передал вам записку?

— Этого я не знаю, — сказал Бедари. — Сменившись с караула, я лег спать. Когда проснулся — увидел рядом с кроватью записку.

— Вы так крепко спали, что не слышали, как кто-то вошел к вам в комнату? — недоверчиво спросил я.

— Да, я действительно спал очень крепко, — признался Бедари. — Не знаю почему. Может быть, потому что, прежде чем лечь спать, выпил два кубка вина.

— И где же эта записка? — поинтересовался я.

— Не помню. Кажется, я оставил ее в комнате.

Пора было покидать его камеру и приступать к самостоятельным поискам истинного убийцы. По моей просьбе Бедари осторожно поднял меня к отверстию в двери. Толщина двери составляла ни много ни мало — два фута, так что я спокойно встал на нее, как на крепостную стену, а затем осторожно пролез между прутьями решетки, походившими на мощные колонны римского или греческого храма. На краю мне пришлось остановиться в растерянности. Я не подумал, что мне придется спуститься с высоты, примерно равной 50 футам. Между тем уведший тюремщик мог вернуться каждую минуту. Я лихорадочно искал выход. Прыжок с такой высоты мог стоить мне нескольких поломанных ребер, а никаких приспособлений, которыми я мог бы воспользоваться, у меня не было.

Позади меня послышался шепот: «Грильдриг!» Я оглянулся и увидел, что Бедари привязывает к крайнему пруту решетки что-то вроде каната. Подбежав, я увидел, что он связал вместе два плетеных шнура, украшавших его камзол. С помощью этих шнуров я легко спустился вниз — правда, ладони мои горели, ибо шнуры эти оказались куда грубее корабельных канатов.

4

Я оказался в подземном коридоре. Факел, закрепленный на высоте примерно семидесяти футов, едва освещал стены, оставляя пол почти в кромешной тьме. Я осторожно двинулся вперед. Выбоины в каменном полу мало беспокоили охранников или узников, но для существа моих размеров являлись серьезным препятствием. В темноте, вдоль обеих стен, угадывалось движение каких-то тварей. Скорее всего, то были крысы, которые могли посчитать меня легкой добычей. На всякий случай я обнажил тесак и прибавил шагу.

Какое-то время отвратительные грызуны не тревожили меня. Я вполне спокойно и относительно быстро преодолел ту часть коридора, которая вела от крыла с темницами к лестнице. На это у меня ушло не более полутора часов. Но уже собравшись взобраться на первую ступень — она была высотою около восьми футов, — я услышал страшный грохот открывающейся вверху решетчатой двери, а вслед за тем — топот спускавшегося по лестнице тюремщика. Над головою он держал зажженный масляный фонарь, дававший больше света, чем закрепленные слишком высоко факелы.

Я поспешно отступил в тень, ожидая, пока тюремщик спустится и пойдет дальше. Но служитель подземелья вовсе не торопился. Спустившись по лестнице, он сделал всего лишь два шага — и остановился в 1 роде от первой ступени. Правда, повернулся он лицом к темницам, так что я вполне мог бы проскользнуть за его спиной. Что я и намеревался сделать — надеясь, воспользовавшись неровностями и выбоинами в камне, быстро взобраться на первую и вторую ступени — а дальше лестница поворачивала.

К сожалению, голодная крыса вовсе не собиралась так легко отказываться от необычной двуногой дичи, какой ей представлялся я. Одним прыжком она перерезала мне дорогу, оказавшись на ступени. В тусклом свете фонаря, который держал в руке тюремщик, хищно горели огромные глаза и грозно сверкали клыки опасной твари. Путь к от-

ступлению был перекрыт стоящим спиной ко мне тюремщиком. Оставалось одно — сразиться с крысой не на жизнь, а на смерть.

Я сделал пробный выпад, который, кажется, смутил чудовище. Крыса отступила на шаг. Не давая ей возможности опомниться, я бросился вперед, обрушив на нее град ударов. Но крыса, опомнившись, сама атаковала меня, и отступать пришлось мне — что я и сделал, оказавшись в почти темном углу, справа от лестницы. Крыса присела, готовясь к прыжку,— и в это время я одним прыжком преодолел разделявшее нас расстояние, задержал дыхание и рубанул тесаком ее толстую, покрытую жесткой темно-серой шерстью шею. Всю силу я вложил в этот удар, понимая, что положение было смертельно опасным. И мне посчастливилось перебить чудовищу артерию — судя по тому, что ударившая темная кровь обрызгала меня с ног до головы. Содрогнувшись от омерзения, я поспешно отступил в тень, а крыса издала пронзительный предсмертный визг, который не остался незамеченным тюремщиком. Он обернулся и выше поднял фонарь. Увидев издыхающую крысу, тюремщик выругался и как следует поддел ее ногой, обутой в грубый башмак. Крысиная туша отлетела к другой стене, а я вжался в угол, моля бога, чтобы этот человек не заметил меня.

По счастью, он обладал не очень зорким глазом. Вскоре тюремщик зашагал дальше. Я же с облегчением перевел дух, спрятал окровавленный тесак в ножны и приступил к восхождению по крутой лестнице в кромешной темноте.

Еще через два часа я стоял в высокой траве, доходившей мне до пояса, и придирчивым взглядом осматривал окрестности. Чтобы лучше сориентироваться, я взобрался на лежащий валун, а с него — на толстую ветку куста, росшего рядом. Косые лучи восходящего солнца способствовали тому, что все неровности выглядели четче и резче.

Примерно в ста ярдах к востоку трава, казавшаяся отсюда настоящим лесом, хотя и низкорослым, была примята и поломана, напоминая бурелом, — так, словно там недавно лежало что-то огромное и чрезвычайно тяжелое. Участок образовал неправильный вытянутый прямоугольник, размерами примерно 20—25 ярдов на 8—9. Я сразу догадался, что вижу место, где лежал убитый Цисарт. Но

своеобразная проплешина не была единственной. К ней вели несколько похожих, но значительно меньшего размера. С другой стороны тянулась вереница проплешин еще меньшего размера.

По некоторому размышлению, я предположил, что первая цепочка была образована следами самого Цисарта, следы меньшего размера оставил Бедари, когда пришел сюда и наткнулся на тело фрисканда. Можно было видеть и то, как он отскочил и постарался скрыться — вернувшись в ту же сторону, откуда пришел. Что же до вытоптанного края лужайки — тут, по всей видимости, постарались караульные, обнаружившие убитого и поднявшие тревогу. Один из них приблизился, чтобы рассмотреть тело. Его следы частично перекрывали следы Цисарта.

Спустившись с ветки на землю, я зашагал в том направлении. Я хотел успеть тщательным образом осмотреть место происшествия. А солнце с каждой минутой поднималось все выше, и вскоре здесь должны были появиться многочисленные садовники, присматривающие за королевским парком. Разумеется, они живо приведут в порядок лужайку, и я не увижу ничего, кроме подстриженной травы.

Пробираться сквозь травяные стебли оказалось непростым делом. Некоторые из них достигали в высоту пяти, а то и семи футов, я то и дело вынужден был прибегать к помощи тесака.

Со стороны казарм, откуда, по всей видимости, пришел Цисарт, стебли были поломаны в меньшей степени, чем с противоположной. Размышлять над тем, что это означало, я не стал. Времени в моем распоряжении было слишком мало. Почти бегом добежал я до ямы, черневшей в дальней половине лужайки. Она была узка и достаточно глубока, а траву вокруг нее сплошь покрывали крупные бурые пятна, каждое размером два-три дюйма. Я сообразил, что вижу капли засохшей крови фрисканда; яму же оставило острие шпаги, вышедшей из его груди. Чтобы измерить глубину этого следа, я воспользовался одним из сломанных стеблей. Измерение показало, что шпага вошла в землю на целый ярд.

Затем я прошел к узкой стороне площадки — туда, где трава была примята сильнее. Меня заинтересовали несколько

примятых травинок, которые ранее находились как раз рядом с губами убитого. На них осталось несколько капель кровавой и тоже засохшей пены, выступившей, по всей видимости, в момент злодейского убийства. Мне показалось странным, что здесь кровь по цвету отличалась от той, которая брызнула из самой раны. Кроме того, мне показалось, что пятна помимо запаха крови сохранили еще какой-то запах, показавшийся мне смутно знакомым. Он был вполне явственным для меня, но вряд ли на него обратил бы внимание туземец. На всякий случай я отрезал тесаком кусок травинки, а затем повторил то же самое с травинкой из середины лужайки. Оба куска, размерами примерно два дюйма на два, я аккуратно положил в кошель, висевший на поясе.

Весь осмотр занял не менее двух часов — судя по высоте солнца. Надо было торопиться: вдали уже слышались голоса садовников и лай их собак. С последними мне хотелось встречаться менее всего. Перед тем как покинуть парк, я измерил следы — и Цисарта, и Бедари, и того караульного, который, как я предположил, приближался к телу и частично перекрыл следы фрисканда. Первый оказался длиною 12 футов 6 дюймов, второй — 15 футов и 9 дюймов, третий — ровно 13 футов. При измерении следов Цисарта я обратил внимание на то, что они выглядели не совсем обычно — словно фрисканд перед каждым шагом медлил, в связи с чем чуть покачивался с каблуков на носки. Это показалось мне странным, и объяснить такое поведение я не мог. Еще раз пройдя по следам фрисканда, я обратил внимание и на то, что между следами трава тоже была заметно примята. Не в такой степени, как под сапогами офицера, но вполне заметно *для меня* — опять-таки, в силу большей остроты зрения.

Я добрался до дома без особых приключений, незамеченным юркнул мимо грозных стражников, охранявших покой королевских фрейлин, и вскоре стоял перед доброй моей нянюшкой, пребывавшей в крайне встревоженном состоянии. Как я и предполагал, она не спала всю ночь. Увидев меня — а я был перепачкан травяным соком, кровью проклятой крысы, вдобавок с двумя охапками поломанных травяных стеблей на плечах,— Глюмдальклич испуганно ахнула. Несмотря на обеспокоенность судьбой Бедари, она бы-

стро налила мне в специальную лохань теплой воды и настояла, чтобы я прежде привел себя в порядок.

Я подчинился, смыл с себя грязь, почистил тесак, переоделся в чистое платье, сел в кресло, спинка и сиденье которого были сплетены из волос ее величества королевы, — и лишь после этого изложил ей содержание беседы с Бедари, а также рассказал об осмотре места преступления.

— Что же нам делать? — спросила она в отчаянии, к которому все-таки примешивалась некоторая толика надежды.

— Прежде всего, — сказал я, — вы должны добиться, чтобы его величество назначил вас защитником Бедари на предстоящем суде.

— Но я же никогда не выступала в суде! — воскликнула Глюмдальклич. — И я не представляю себе, как и что следует делать!

На это я ответил, что, занимаясь в королевской библиотеке, неплохо изучил систему правосудия Бробдингнега и вполне готов к выступлению в суде.

— Но мне, как иностранцу, не позволят, — пояснил я. — Поэтому в суде будете выступать вы, Глюмдальклич, а я стану вашим помощником. И не бойтесь ничего, — добавил я. — Главное — уверенность в собственной правоте. Сегодня среда, а по средам его величество имеет обыкновение беседовать со мною. Я постараюсь убедить его в том, что вы можете быть защитником на суде.

— Хорошо, — согласилась она после долгого раздумья. — Пока ты будешь убеждать короля, я обращусь с просьбой к королеве. Королева добра ко мне, надеюсь, она сумеет добиться от своего супруга такого назначения. Что еще я должна сделать?

— После того как вас назначат защитником, мы сможем на законном основании осмотреть вещи убитого и орудие преступления, — ответил я. — Ведь, согласно законам, все эти предметы должны находиться в нетронутом виде в главном королевском храме — вплоть до осуждения преступника. Нетронутой будет оставаться и комната убитого, в течение того же срока. Мы сможем и ее осмотреть.

— Но для чего? — удивленно спросила Глюмдальклич.

Я рассказал ей, как именно осмотр осквернённого храма в столице лилипутов Мильдендо помог мне раскрыть

ужасное преступление, совершенное задолго до моего появления в Лилипутии.

— Кроме того, — добавил я в заключение, — вы сможете получить разрешение на встречу с Бедари. Хотя при этом будет присутствовать тюремщик, я надеюсь получить от него кое-какие ценные сведения. Это будет куда полезнее, чем вновь пытаться проникнуть к нему в темницу втайне.

На Глюмдальклич мои слова произвели впечатления. Она быстро собралась, кликнула лакеев, которые обычно несли за ней мой ящик, и мы отправилась к их величествам: Глюмдальклич — чтобы присутствовать на утреннем приеме у королевы, я — чтобы беседовать с королем о государственных проблемах.

5

Проследив, чтобы лакеи поставили мой ящик на стол к его величеству, Глюмдальклич удалилась на женскую половину дворца. Король же, открыв верхнюю крышку ящика, служившую мне крышей, сам извлек сначала любимое мое кресло, а затем и меня самого. После того как монарх поставил меня на стол, я отвесил его величеству глубокий поклон, на что Семитрендриг ответил милостивой улыбкой и позволил сесть.

Всякий раз, оказываясь в королевских покоях, я не могу побороть чувство восхищения обстановкой. Но если на первых порах причиной этого чувства были колоссальные размеры комнаты (примерно двести пятьдесят футов в длину, двести — в ширину и в высоту еще двести), то со временем, напротив, я изумлялся скромности той обстановки, в которой жил столь могущественный монарх. Судите сами. Прежде всего, размеры рабочей комнаты Семитрендрига соответствовали английскому помещению 20 футов длиною и 17 футов шириною, при высоте тоже около 17 футов. Согласитесь, для кабинета, одновременно служившего и малым аудиенц-залом, размеры более чем скромные.

Мебель была вполне под стать размерам — скромная и удобная, из темной породы дерева, называвшегося здесь

«бробдрид». Во время разговора я обычно стоял на столе, обитом зеленым бархатом, ворс которого напоминал высокую и довольно жесткую траву наших лужаек.

Его величество сидел напротив меня в кресле, время от времени делая глоток легкого вина из высокого золотого кубка; я же стоял напротив и отвечал на его вопросы. Разговор наш зашел об особенностях военного дела в Англии. Высказав несколько замечаний, весьма здравых, касавшихся военных обычаев моей родины, Семитрендриг VI милостиво кивнул мне и собрался приказать лакеям унести меня к Глюмдалькличу.

В это самое время я обратился к нему с просьбой.

— Государь, — сказал я, почтительно кланяясь, — позвольте госпоже Лорич выступить защитницей несчастного дригмига Бедари. Если я не ошибаюсь, суд должен состояться в ближайшие дни. Я очень надеюсь, что госпоже Лорич удастся доказать невиновность Бедари.

— Ты в самом деле считаешь, что этот дригмиг не убивал фрисканда? — удивленно спросил король. — Или так считает твоя нянюшка, попросившая тебя обратиться ко мне?

— Это я посоветовал ей просить о назначении защитницей, — ответил я. — Я действительно уверен, что убийство совершил кто-то другой. И я помогу госпоже Лорич доказать невиновность дригмига.

Последняя фраза, конечно, прозвучала чересчур самоуверенно, что немедленно вызвало скептическую улыбку короля. Тем не менее он милостиво разрешил моей нянюшке защищать обвиняемого в суде. Кроме того, его величество уточнил: в нашем распоряжении всего один день. С точки зрения обвинителя, которым является королевский прокурор, преступник очевиден. Нет никакой необходимости затягивать столь ясное дело. Следует заметить, что, согласно здешним законам, тело убитого не предавалось земле до тех пор, пока не будет найден и осужден убийца.

Итак, Глюмдалькличь стала официальной защитницей арестованного дригмига, и мы получили разрешение осмотреть орудие преступления и тело несчастного Цисарта, лежавшее в главном храме.

Я не хотел лишний раз привлекать внимание к скромной своей персоне и потому предложил Глюмдалькличу обходиться без ящика, в котором меня носили за ней два лакея. Да и постоянное присутствие лакеев изрядно замедлило бы любые наши действия. Девушка согласилась с моими доводами и, отослав лакеев с пустым ящиком, поместила меня в обычную девичью сумочку, висевшую на широком поясе. Как я уже говорил, первым делом мы посетили комнату дригмига Бедари, которую тот делил с другим гвардейцем, Зитери.

Сам Зитери, временно оставшийся единственным хозяином, отнесся к нам неприветливо. Полагаю, он целиком верил обвинениям против своего соседа и сослуживца, а попытку Глюмдалькличь защитить Бедари относил на счет влюбленности девушки в арестованного дригмига.

Глюмдалькличь не знала, о чем говорить с молодым человеком, и я решил прийти к ней на помощь. Выбравшись из кошелька, я вежливо поздоровался и попросил разрешения задать несколько вопросов.

При моем появлении у Зитери глаза полезли на лоб. Так же, как и Бедари, он, разумеется, знал о моем существовании, но возможностей увидеть меня воочию у него было еще меньше, чем у возлюбленного Глюмдалькличь.

Когда приступ изумления у него прошел, я спросил его, не находил ли он письма, адресованного его соседу.

— Нет, — отвечал он, — ничего такого я не видел... Хотя, — вспомнил он, — мне кажется, на его столике лежал какой-то листок.

Он объяснил, что вчера, вернувшись к себе после дежурства, он не застал Бедари, который ранее спал в комнате, и вот тогда-то ему показалось, что на столике рядом с кроватью дригмига лежал какой-то листок. Он был сложен так, как обычно складывают письма, но было ли на нем что-нибудь написано, Зитери уверенно сказать не мог.

— Куда же он делся потом? — спросил я.

— Этого я не знаю, — ответил Зитери. — Возможно, его кто-то случайно унес.

«Или не случайно», — подумал я. Вслух же задал следующий вопрос:

— А кто вчера заходил к вам?

— Дригмиг Тизарт, — ответил Зитери, — я обещал показать ему новое шитье к кафтану. Даргири, который просил меня составить партию для игры в кости. Кто еще? Да, фрисгульд Голдири, конечно. Он разыскивал Бедари. Я сказал, что, возможно, Бедари навещает госпожу Лорич...

— А когда вы уходили в караул, Бедари спал? — спросил я.

— Да. Он сменился с караула до меня, я как раз собирался в свою смену, — ответил Зитери. — Бедари налил себе кубок вина, выпил — и тут же лег и уснул. Да так крепко, что я не добудился его, когда уходил. Ну, думаю, пусть поспит — ушел, не прощаясь.

Я насторожился.

— А вы пили с ним вино? — поинтересовался я. — Когда он пришел?

Зитери покачал головой.

— Нет, я же собирался в караул.

— А Бедари выпил всего один кубок? — уточнил я.

— Только один, бутылка осталась почти полная.

— А где эта бутылка?

Зитери завертел головой.

— А ее нету... — озадаченно сказал он. — Вот тут, на столе стояла.

Действительно, я отчетливо видел круглый след от донышка, размером примерно шесть футов. Рядом с ним стоял серебряный кубок, о котором, по всей видимости, говорил Зитери.

Пока мы с Зитери беседовали, Глюмдальклич не теряла времени. Решительно откинув крышку сундука, она принялась собирать чистое платье для Бедари, так что к концу нашего разговора на столе уже образовалась внушительная гора сложенных вещей: камзол, шаровары, сорочка и даже шляпа. Вся это Глюмдальклич сложила в походную сумку Бедари, висевшую на спинке кровати.

— Нам пора, — сказала она, убедившись, что я больше не знаю, о чем спрашивать соседа ее возлюбленного.

— Хорошо, — ответил я, — но прежде мне нужно кое что проверить.

С этими словами я подошел к кубку. Он был высотою в два человеческих роста, но я не хотел обращаться к по-

моши Глюмдальклич — тем более в присутствии этого юнца Зитери. Воспользовавшись в качестве подставки табакеркой дригмига, я подтянулся на руках, оседлал край кубка и после этого осторожно посмотрел внутрь огромной серебреной чаши. На самом ее донышке я заметил маленькое темное озерцо — остаток вина, ранее наполнявшего кубок. Я наклонился, чтобы присмотреться к винному озерцу, и вдруг почувствовал сильное головокружение. Сначала я отнес его на счет высоты, на которой оказался. Хотя это было странно для моряка, привыкшего к виду бушующего моря с высоты реи. Я не успел удивиться этой странности, потому что головокружение усилилось настолько, что мне пришлось вцепиться в край кубка обеими руками — чтобы не упасть.

Но это не помогло. В какой-то момент комната завертелась вокруг меня настоящим вихрем, пальцы разжались, в глазах потемнело. Я почувствовал, что лечу вниз с огромной высоты, и лишился чувств.

Очнувшись, я обнаружил, что лежу в руке Глюмдальклич, а сама она испуганно всматривается в мое лицо. В первое мгновение гигантское лицо показалось мне отвратительным, так что я постарался спешно встать на ноги и отойти в сторону — хотя голова еще кружилась, а ноги слушались плохо.

Разумеется, головокружение мое имело причиной винные пары, исходившие от остатка напитка. Но показалось мне, что к запаху вина примешивался еще какой-то запах, менее заметный, но тем не менее вполне различимый.

По моей просьбе Глюмдальклич протерла дно кубка платком. Понюхав его, она неуверенно заметила:

— Если принюхаться, можно почувствовать запах этикортов.

По ее словам, сок этикортов — цветов, внешне похожих на гигантские лилии, — обладает снотворными свойствами.

Зитери выглядел ошеломленным и растерянным. Он пробормотал, что, дескать, впервые слышит, чтобы Бедари пользовался снотворными или дурманящими средствами. У меня возникло чувство, что с запахом этикортов мне уже доводилось встречаться.

— Лорич, — взволнованно произнес Зитери, когда девушка двинулась к выходу, — помните: что бы ни случилось с Бедари, у вас есть еще один преданный друг. Клянусь, вы можете положиться на меня во всем!

Сидя в кошельке, я вскоре задремал, так что время в пути пролетело незаметно. Проснулся, лишь когда покачивание кошелька прекратилось. Я понял, что мы уже добрались до места. Глюмдалклич расшнуровала горловину, и я выбрался наружу.

Мы находились в уже знакомой мне подземной темнице. У двери стоял тюремщик — тот самый, башмаков которого я опасался, выбираясь наверх. Глюмдалклич стояла у стола, на который водрузила дорожную сумку, а Бедари, все еще не оправившийся от неожиданного визита,— у деревянного топчана. Юноша представлял собою печальное зрелище. Прошедшая ночь не добавила ему оптимизма и надежды. И похоже, наш визит усилил его угнетенное состояние. Во всяком случае, он явно терзался ужасными предчувствиями относительно своей судьбы. Появление Глюмдалклич он истолковал как прощание. Бросившись перед девушкой на колени, он оросил слезами ее руки. С трудом моей нянюшке удалось успокоить его и втолковать, что еще ничего не потеряно и что именно Глюмдалклич назначена указом его величества выступить защитницей на суде.

Наш бравый дригмиг был совсем сбит с толку. Чтобы немного прийти в себя и собраться с мыслями, он занялся принесенными вещами. Вытаскивая какую-то деталь одежды из сумки, он внимательно осматривал ее, затем откладывал в сторону и брался за следующую.

Тюремщик нетерпеливо напомнил нам, что время свидания кончается и что арестованному пора бы переодеться, а нам — оставить подземелье. Бедари отошел в дальний угол, Глюмдалклич скромно отвернулась. Дригмиг быстро сбросил с себя мятую, изодранную одежду и начал переодеваться.

Надев шелковые шаровары и мягкие сапоги на низких каблуках, он взялся за сорочку. Сорочка вызвала у него досадливое восклицание.

Глюмдалклич оглянулась.

— В чем дело? — спросила она.

— Лорич, ничего страшного, но вы по ошибке прихватили сорочку Зитери, — ответил арестованный с неловкой усмешкой. — Он не только уже меня в плечах, но и ниже на целую голову...

Действительно, сорочка не доходила Бедари до пояса.

— Каков же ваш рост? — полюбопытствовал я.

— Полтора люнга, — ответил Бедари. — А Зитери — на тридцать мирлюнгов ниже.

Полтора люнга — это 74 фута. Действительно, Бедари был высок, один из самых высоких гвардейцев. Зитери куда ниже, футов 60. Я покачал головой. Глюмдальклич растерянно залепетала что-то. Бедари махнул рукой.

— Пустое, — сказал он. — Обойдемся и без сорочки. — Он быстро надел чистый кафтан. — Я вам очень благодарен, Лорич.

6

Когда мы вышли из подземной тюрьмы и направились к храму, я почувствовал настоятельную необходимость опорожнить мочевой пузырь. Опустив меня, по моей просьбе, на землю, Глюмдальклич отошла в сторону.

Я быстро зашел в заросли лопухов, за которыми меня невозможно было увидеть ни с какой стороны. Отправив естественные надобности, я привел в порядок одежду и уже собрался выйти, как вдруг почувствовал легкое сотрясение почвы — явный признак того, что кто-то приближается. Шаги показались мне более тяжелыми, чем если бы это шла моя нянюшка. На всякий случай я вновь скрылся в травяных зарослях.

Вскоре вслед за сотрясением почвы появились те, чьи шаги стали виновниками этого сотрясения. Это оказались фрейлина Мирлич и ее воздыхатель паж Даргири. Я успокоился и собрался выйти им навстречу. Но слова, сказанные фрейлиной, заставили меня застыть на месте. Разумеется, Мирлич и Даргири говорили вполголоса, но для меня каждое слово звучало совершенно отчетливо.

— Скажите мне, Даргири, — спросила Мирлич, — но скажите чистую правду: вы непричастны к этой смерти?

— Клянусь вам, нет! — отвечал паж. — Как вам могло прийти такое в голову?

— Но вы ведь не любили фрисканда Цисарта, — заметила Мирлич. — Вы приревновали его ко мне и даже грозили примерно наказать, невзирая на высокий чин и положение. Скажу вам, что, едва услыхав эту ужасную новость, я вспомнила об этом... Нет-нет, я вовсе не собираюсь никому рассказывать, но... Даргири, ведь за это убийство арестован Бедари! И его вполне могут приговорить к отсечению головы!

— Мирлич, — сказал Даргири, несколько понижая голос, — но ведь он, возможно, в самом деле убил фрисканда. Я был свидетелем ссоры. Уверяю вас, Цисарт был настроен очень решительно, и Бедари тоже. Но раз уж зашел этот разговор, признайтесь: после той недавней истории фрисканд более не докучал вам?

Мирлич не ответила.

— Мирлич! — воскликнул Даргири. — Еще раз повторяю: я непричастен к убийству Цисарта. А если бы я хотел его наказать, то вызвал бы на честный поединок и уж во всяком случае не прятался бы за невиновного!

— Вот как? — холодно спросила Мирлич. — А мне казалось, что вы просто боитесь вызвать фрисканда. Вы ведь не так уж хорошо владеете шпагой. Не знаю, Даргири... Мне кажется, нам не следует встречаться. Во всяком случае, до тех пор, пока суд не примет решения. И следите за своим лицом — вы не могли скрыть своей радости, услыхав о смерти Цисарта. А когда узнали, что в убийстве обвинен Бедари, едва не запрыгали от восторга. Мне это кажется подозрительным. Смотрите, чтобы такая мысль не пришла в голову еще кому-нибудь.

— Вы... Мирлич, зачем вы мучаете меня? — вскричал Даргири с такой силой, что у меня зазвенело в ушах. — Разумеется, я не стану сожалеть о том, что тупой солдафон больше не будет оспаривать у меня честь быть вашим преданным слугой. И конечно же, я не стану особо жалеть о человеке, к которому вы, как мне кажется, тоже проявляли интерес. Но это не значит, что я убил одного из них и оклеветал другого! В конце концов, почем я знаю — не отверг ли вас фрисканд и не подкупили ли вы какого-ни-

будь негодяя убить его? Да и Бедари вызывал у вас несколько раз приступы ярости своими ухаживаниями за этой деревенской дурочкой...

Именно при этих словах вновь послышались шаги. Сдвинув гибкий стебель, я осторожно выглянул наружу. Это оказалась Глюмдалькличь, беспокойно оглядывавшаяся по сторонам.

— О, это ты, Лорич! — фальшиво обрадовалась Мирлич. — А я собиралась зайти к тебе в гости. Бедняжка, ты, наверное очень волнуешься о своем Бедари!

— Конечно, — рассеянно ответила Глюмдалькличь. — Но, я надеюсь, его величество не позволит приговорить к смерти невинного человека...

При этих ее словах Даргири, с трудом сдерживавшийся, громко фыркнул и пошел прочь, что-то невнятное бормоча себе под нос. Мирлич последовала за ним.

Раздвинув траву, я выбрался из зарослей лопуха и предстал перед Глюмдалькличь. Лицо моей нянюшки прояснилось. Мы продолжили путь в храм.

Здесь, сообщив о королевском решении, Глюмдалькличь потребовала служителям показать нам тело убитого. Тот отвел нас в самую дальнюю комнату храма, предназначенную именно для таких случаев. Несмотря на то что любая комната в Бробдингнеге казалась мне огромной, здесь я чувствовал себя так, словно меня поместили в тесный каменный мешок. Впрочем, для любого великана эта комната и была каменным мешком 35 ярдов на двадцать пять — но не менее шестидесяти ярдов в высоту. К тому же стены сходились вверху, образуя нечто вроде купола. Пол был сложен из больших каменных плит, щели между ними были столь велики, что, пожелай я погулять тут, запросто мог бы провалиться по пояс в любую из них.

На длинном высоком столе, размером примерно 30 ярдов на 4, стоявшем на высоких каменных столбах, лежал фрисканд Цисарт. Он был одет в то же платье, в котором его нашли, и тех же сапогах. Рядом с телом лежало орудие убийства — шпага дригмига Бедари.

Видя, что Глюмдалькличь изрядно напугана мрачной обстановкой, я попросил ее только поставить меня на стол, после чего она может выйти и подождать снаружи. Пони-

мая, что моего зова она не услышит, я попросил ее прийти через два часа.

Вслед за тем я приступил к делу. За годы моей службы корабельным хирургом я немало насмотрелся и на раны, и на покойников, так что был совершенно уверен в спокойном своем отношении к осмотру. Но Цисарт оказался первым мертвым великаном, мною увиденным. И зрелище это было столь же величественным, сколь и чудовищным; немалого труда стоило мне преодолеть внезапную тошноту, вызванную трупным запахом, которым, казалось, был наполнен весь воздух вокруг огромного стола. Излишняя моя чувствительность к запахам, которых сами бробдингнежцы не ощущают и не замечают, сыграла печальную роль. Дважды, по крайней мере, мне приходилось прерывать свои занятия для того, чтобы, отвернувшись, подбежать к дальнему краю стола и вдохнуть здесь относительно чистый воздух.

Как я уже писал однажды, кожа великанов выглядела вблизи весьма пестро и отталкивающе. Думаю, читатель может сам представить себе, насколько хуже обстояло дело с кожей великана мертвого. Явственная зелень, еще недоступная зрению бробдингнежцев, но явственно видевшаяся мною, образовывала обширные острова на щеках и лбу Фрисканда; оттенков было великое множество — от сине-зеленого до почти черного; поры зияли глубокими черными дырами, лицо бугрилось прыщами, шрамами и бородавками размером никак не меньше двух дюймов, из которых росли толстые черные волосы.

Призвав на помощь всю свою выносливость, я медленно осматривал убитого, стараясь не пропустить ни одной мелочи. Разумеется, слово «мелочь» применительно к великану кажется смешным — но и она возможна. Например, на указательном пальце правой руки Цисарта я обнаружил синеватое пятно длиною примерно фут и шириною дюйма полтора. Поначалу я воспринял его так же, как пятна на лице офицера, — как результат гниения. Однако, заметив, что в этом месте кожа была несколько придавлена и образовавшаяся ложбина имела округлую форму, я догадался, что пятно было чернильным. Я тотчас вспомнил о записке, которую получил Бедари, и подумал, что,

по всей видимости, эту-то записку и писал Цисарт незадолго до смерти.

Впрочем, до рук фрисканда я добрался не сразу. Сначала я осмотрел лицо Цисарта. Здесь кроме трупных пятен явственно были видны следы травяной зелени — особенно на носу и скулах.

Более всего меня заинтересовали его губы. Они были покрыты бурой коркой запекшейся пены. Я подумал, что эту корку не мешало бы сравнить с той, которая осталась на срезанных мною травяных стеблях. Забравшись на плечо убитому, я приблизился к подбородку, постелил на него свой носовой платок и, задержав дыхание, принялся тесаком соскабливать в него корку с губ. Собрав некоторое количество, я завязал платок, спрятал его в карман и двинулся дальше.

Рана в груди, откуда вышло лезвие шпаги, представляла собой дыру с неровными краями, двенадцать дюймов на полтора-два. Края и одежду вокруг покрывала толстая корка заскорузлой крови, твердая на ощупь.

Тут я сообразил, что не в силах буду перевернуть гигантское тело, и дозваться Глюмдальклич или смотрителя тоже не смогу. Но мне непременно нужно было увидеть входную рану — в спине, куда был нанесен смертельный удар.

Наибольшее расстояние от поверхности стола до тела в области поясницы составляло примерно полтора фута, так что я вполне смог ползком пробраться под покойника, так что нащупал ближайший к себе край раны. Двигаясь осторожно, то и дело кашляя от жуткой вони, я тем не менее сумел установить размер раны, а также точное направление удара — по тому, как располагались обрывки ткани кафтана по краю ранения.

Выбравшись после этого, я восстановил дыхание, а затем занялся правой рукой Цисарта. Поистине, все познается в сравнении! После пребывания под убитым воздух снаружи уже не казался мне настолько напоенным гнилью.

Добравшись до огромных сапог и отдохнув здесь немного, я обошел труп и двинулся, теперь уже слева, в обратном направлении. Здесь лежала шпага, и я осмотрел ее с особым терпением и тщательностью.

Все лезвие было покрыто бурой коркой запекшейся крови. Такая же корка покрывала и рукоятку. Я внимательно осмотрел ее. Внимание мое привлек небольшой — полдюйма в высоту — заусенец в верхней ее части. Он тоже покрыт был засохшей кровью.

Затем я осмотрел гарду, размерами и чеканкой походившую на щит Ахиллеса, каким его описывал Гомер. Она выглядела куда чище рукоятки, если не считать нескольких травинок и пары комков засохшей грязи.

Такую же грязь, но в гораздо большем количестве я обнаружил на острие, причем грязь эта пристала к металлу поверх бурой запекшейся крови. По всей видимости, удар был нанесен с такой силой, что добрых футов пять стали вышло из груди убитого. Когда Цисарт упал ничком, острие вонзилось в землю. Поэтому, после того как растерявшийся Бедари выдернул шпагу из груди своего друга, лезвие оказалось выпачканным не только кровью, но и землей. Но...

Я вновь прошелся вдоль всей шпаги, машинально меряя шагами длину оружия. Рукоятка оказалась примерно 4 футов; лезвие — шириной 12 дюймов, а длиной 35 футов.

Я остановился. Увиденное подтвердило мысль, забрезжившую в моем сознании при осмотре площадки. Опустившись на колени, я еще раз внимательнейшим образом осмотрел лезвие шпаги. Крупинки грязи и крохотные травинки, которые были мне видны вполне отчетливо, покрывали острие шпаги. Собственно говоря, это подтверждало слова Бедари о том, что шпага вонзилась в землю — после того, как Цисарт упал, сраженный ударом убийцы. Действительно, комья земли — каждый не более моего кулака, — покрывали лезвие от конца на целый ярд.

Пора было уходить. Случайно я бросил взгляд на сапоги убитого. Только сейчас мне показалось, что они были испачканы травяной зеленью странным образом. Толстые подошвы и подбитые гвоздями каблуки были чисты, причем я рассмотрел их со всей возможной тщательностью — даже шляпки гвоздей, примерно дюймового диаметра, выступавшие на полдюйма.

А вот к носкам обоих сапог в обилии прилипли травяные частицы, кои я немедленно счистил тесаком во второй

приготовленный мною платок. Это показалось мне очень странным. На всякий случай я измерил длину подошвы — она составила 14 футов. Сверившись с записями, сделанными мною утром, я убедился, что размер сапог Цисарта не совпадает со следами, оставленными на лужайке. Я почувствовал себя сбитым с толку. Получалось, что фрисканд, найденный убитым в парке, словно бы перенесся туда по воздуху.

Когда мы вернулись домой, я начал растолковывать нянюшке, что и как следует делать на процессе, что говорить и как реагировать на те или иные выпады со стороны обвинения. Вскоре пришла гостья — фрейлина Мирлич. Сочувственные вздохи и ахи, дворцовые сплетни не дали нам продолжить. Поскольку я не успел рассказать Глюмдальклич о подслушанном мною разговоре, она восприняла этот визит как проявление искреннего беспокойства со стороны подруги. Мне ничего не оставалось делать, как уйти в свой ящик и постараться привести в порядок свои записи и мысли. Затем я лег в постель и уснул под щебетание о том, что королева нынче на приеме была не в духе, паж Даргири уронил опахало, одна из фрейлин оказалась беременной, а фрисгульд Голдири вот-вот получит чин фрисканда.

7

Суд открылся в восемь утра в судебной палате королевского дворца. Как я уже говорил, в Лорбрульгруде председателем верховного суда — брибдингом — был сам монарх, потому на судебных заседаниях можно было видеть весь цвет столицы. Собственно, весь цвет я и увидел в то утро, когда два лакея, следовавшие на почтительном расстоянии за моей няпюшкой, внесли мой ящик в палату. Ящик поставили на стол защитника. Глюмдальклич открыла крышку, извлекла из ящика меня, затем — кресло. Я сел в кресло и с любопытством огляделся по сторонам.

Небольшой зал — немногим превосходящий рабочий кабинет короля — был полон придворными, одевшимися по случаю чрезвычайно пышно. Дамы сидели отдельно от

кавалеров. В первом ряду сидели рядом друзья несчастного дригмига Бедари — Зитери, Даргири и Тизарт.

Кресло судьи находилось напротив нас — на помосте, за которым мозаика, покрывавшая стену, изображала сцену из прошлого: предок нынешнего короля отправляет справедливый суд в только что построенной судебной палате.

Четыре храмовых служителя внесли на специальных носилках укрытое черным покрывалом тело убитого Цисарта. Следом еще двое на длинном узком щите несли орудие преступления — шпагу дригмига. С появлением служителей все встали и стояли до тех пор, пока тело не было водворено на специальный стол у дальней стены, а шпага не уложена на стоящий рядом стол поменьше.

Затем в сопровождении вооруженного караула появился арестованный. Он был одет в принесенное Глюмдальклич чистое платье; лицо казалось спокойным; при виде нас он улыбнулся Глюмдальклич, а мне даже подмигнул с некоторым лукавством. Я подмигнул в ответ, но вряд ли он мог разглядеть это.

Бедари вошел за специальный барьер, сел на скамью, предназначенную для подсудимого. Командир караула (это был тот же фрисгульд Голдири, который позавчера арестовал дригмига) встал за его спиной, положив руку на эфес шпаги. Два других караульных, вооруженные алебардами, заняли места по обе стороны скамьи.

И наконец, в палате появился его величество Семитрендриг VI, верховный брибдинг, строгий и беспристрастный судья. Заняв свое кресло, монарх-брибдинг ударил в пол огромным посохом, толщиною с мраморную колонну. Звук от этого удара еще не стих, когда прокурор, встав у специально предназначенного для выступлений пюпитра, начал обвинительную речь.

Я слушал внимательно, боясь упустить малейшую деталь. Столь же внимательно речь прокурора слушала и Глюмдальклич.

Поначалу прокурор говорил лишь то, о чем мы уже знали. Сначала он сообщил о том, что, в силу испорченности, дригмиг Бедари пустил лживые сплетни о корыстолюбии фрисканда. Который якобы требовал от дригмига деньги за продвижение по службе. Затем он остановился на ссоре

между подсудимым и убитым, упомянув, что причиной ее стали именно эти слухи. Свидетелями ссоры были несколько человек. Вызвав по очереди Даргири, Зитери и Тизарта, он задал каждому несколько вопросов о том злосчастном дне. Их показания во всем совпадали. Меня интересовало не столько то, что они говорили, сколько то, как.

Даргири держался подчеркнуто сочувственно по отношению к арестованному дригмигу. Отвечая на вопросы прокурора, он то и дело посматривал на обвиняемого, словно прося прощения за то, что вынужден показывать против него. Тизарт давал ответы сухо, по-военному, избегая всего, что могло быть истолковано как личное отношение к случившемуся. На подсудимого он не смотрел — потому, возможно, что были они в одном чине. В душе Тизарта боролись товарищеские чувства к такому же дригмигу, как он сам, и чувство долга, требовавшее от него всемерно содействовать правосудию. А вот показания Зитери, соседа по комнате нашего подзащитного, оказались для нас неприятной неожиданностью. Он был единственным из трех, кто утверждал, будто Бедари и после того, как Голдири с помощью Даргири и Тизарта удалось увести Цисарта, продолжал сыпать угрозами в адрес фрисканда.

Обвинитель удовлетворенно кивнул, но тут в допрос вмешался августейший брибдинг:

— Кто может подтвердить ваши слова?

— Никто, — ответил Зитери. — В это время Даргири и Тизарт помогали фристульду Голдири увести оскорбленного фрисканда. Так что в комнате находились только я и дригмиг Бедари. Мы ведь соседи и делим эту комнату... Тогда-то подсудимый и пообещал разделаться с фрискандом.

— Ложь! — воскликнул Бедари. — Ничего подобного я не говорил!

Стоявший позади скамьи подсудимых Голдири немедленно ударил его по плечу, и Бедари замолчал.

— То есть в присутствии остальных Бедари этих угроз уже не повторял? — уточнил король.

— Кажется, нет, — признался паж. — Во всяком случае, я не помню.

Король кивнул, видимо, удовлетворенный ответом. Обвинитель позволил Зитери вернуться на место и продол-

жил свою речь. По его словам выходило, что фрисканд не вызывал дригмига и даже, возможно, простил молодого человека. Но Бедари, возмущенный тем, что фрисканд оскорбил его в присутствии посторонних, затаил злобу. Вызвав Цисарта в парк, он подстерег своего командира в укромном уголке королевского парка. Здесь, коварно убив фрисканда ударом в спину, он бежал, рассчитывая на то, что убийство будет принято за смерть на поединке чести. Но внезапно появившийся караул спутал его планы. Он бежал, оставив шпагу в спине убитого, тем самым разрушив собственную выдумку.

— Есть ли у вас доказательства сказанному? — спросил брибдинг.

— Есть! — торжествующе объявил обвинитель. — Очень важная улика — письмо, которым подсудимый назначал Цисарту встречу, причем местом встречи обозначил именно ту лужайку в парке, где впоследствии и было найдено тело. Но в письме нет ни слова о вызове! Напротив, в письме говорится, что подсудимый готов объясниться с фрискандом и принести ему все подобающие случаю извинения.

Король нахмурился.

— Вы уверены в этом? Конечно, если Цисарт был убит на поединке, это печально, но не преступно. Гвардейцы вправе решать возникающие между ними споры при помощи оружия. Хотя они должны при этом соблюдать определенные законом правила.

— Именно так, ваше величество, — подхватил прокурор. — Подсудимый выманил фрисканда поздно вечером в укромное место. Он не собирался честно, лицом к лицу, драться с Цисартом — ведь Цисарт куда более умелый фехтовальщик, чем этот дригмиг. Как мы знаем, дригмиг подкрался сзади и ударил противника в спину.

Глюмдальклич умоляюще посмотрела на меня, но я отрицательно покачал головой: еще не наступило время вмешиваться в судебное действие. Я опасался, что, прерви она сейчас обвинителя, суд может удалить нас из зала, оставив несчастного Бедари вообще без защиты.

Между тем обвинитель раскрыл большую папку и продемонстрировал королю-брибдингу упомянутое письмо. На нем было написано: «Фрисканду Цисарту».

— Узнаете ли вы это письмо, подсудимый? — спросил обвинитель.

— Нет, я впервые его вижу, — ответил Бедари. Юноша был бледен, но голос его звучал спокойно и уверенно. — Я не писал никаких писем фрисканду Цисарту. Не я, а он вызвал меня на поединок — устно, в присутствии моих друзей. Они здесь присутствуют и могут это подтвердить. Я принял вызов — тоже устно. Но потом, когда я понял, сколь безумно драться с человеком из-за чьей-то жалкой клеветы, я пришел к фрисканду Цисарту, попросил прощения за грубость, которую позволил себе во время объяснения. Он к тому времени уже остыл и согласился отложить поединок, пока я не выясню, кто меня оклеветал.

— Я думаю, что вы лжете! — заявил обвинитель. — Но это неважно. Ваше величество, августейший брибдинг Лорбрульгруда и король Бробдингнега, я считаю подсудимого дригмига гвардии Бедари, уроженца провинции Снотиснути, виновным в злодейском умерщвлении фрисканда гвардии Цисарта, уроженца той же провинции. И призываю казнить его путем отсечения головы — с тем, чтобы тело убитого могло уже сегодня упокоиться в земле, а душа найти вечное блаженство на небесах.

Вслед за обвинителем настала наша очередь. Король уже кивнул Глюмдальклич, чтобы та заняла место за пюпитром, как вдруг обвинитель потребовал предоставить ему слово для протеста.

8

— Прежде чем мы услышим речь защитника — или, вернее, защитницы обвиняемого, я хочу сделать одно заявление, — сказал прокурор, когда некоторое замешательство, вызванное этим неожиданным требованием, прошло. — Я вижу, что госпожа защитница принесла в суд это существо. — Прокурор оттопыренным мизинцем указал на меня. — Я могу предположить, что она собирается привлечь его к участию в судебных дебатах и, возможно, даже предоставить ему слово! Но Грильдриг, с точки зрения науки, не является человеком! И потому не может принимать участие в судебном заседа-

нии. Это так же нелепо, как приводить к присяге собаку или вызывать в суд для заслушивания свидетельских показаний кошку!

На зрительских скамьях послышались смешки.

К счастью, моя нянюшка отличалась здравым смыслом и находчивостью, которые составили бы честь особе куда более зрелой. Ни одна черточка на ее спокойном лице не дрогнула. Обращаясь к королю, она сказала:

— Ваше величество, я действительно прибегала к помощи Гриль*дрига*. Это, однако, не означает, что я считаю это крохотное существо равным человеку, со всеми правами и обязанностями, присущими человеку. Но разве следопыт, отыскивая волка, повадившегося резать скотину, не пользуется помощью охотничьего пса? И разве при этом он превращает своего помощника в человека? Нет, просто он пользуется острым нюхом, присущим животному. Природа наградила собак более острым обонянием, чем человека. Это не делает пса равным хозяину.

— В чем же, по-вашему, ваш подопечный превосходит человека? — спросил обвинитель. При этом его губы искривила презрительная усмешка, он оборотился к королю, словно призывая его величество посмеяться над словами моей нянюшки.

— В остроте зрения, — ответила Глюмдальклич. — И я прошу высокий суд удостовериться в этом, прежде чем перейду к защитительной речи.

Король с некоторым удивлением поинтересовался, как же суд может в этом удостовериться. По знаку девушки в зал вошел слуга. В руках он нес пять совершенно одинаковых кухонных ножей. Положив их на столик рядом со мной, он удалился. Девушка, по-прежнему обращаясь к королю, сказала:

— Ваше величество, один из этих ножей уже использовался в кухне для разделки мяса, остальные — нет. Лезвие того ножа, который уже использовался, вычищено со всей тщательностью, так что ничем не отличается от остальных. Я прошу в этом убедиться господина обвинителя.

По знаку короля прокурор нехотя подошел к столику. Он буквально носом водил по лезвиям, но вынужден был признать: ему все ножи представляются одинаковыми и

он не возьмется устанавливать, которым из них пользовались при разделке мясных туш, а которым еще нет.

— Хорошо, — сказала Глюмдалькличь. — Теперь я попрошу Грильдрига определить, каким из пяти ножей повар пользовался.

В зале воцарилась напряженная тишина. Я подошел к ножам. Мне не нужно было особо присматриваться. На втором справа лезвии явственно различались пятнышки засохшей крови, размером в шиллинг, которые ускользнули и от внимания чистившего ножи повара, и от придирчивого взгляда прокурора.

— Вот он. — Я указал на запачканный нож. — Вот этим ножом повар уже пользовался. Я вижу следы крови на нем, очень маленькие, но вполне различимые.

Прокурор презрительно хмыкнул. Позвали повара. Тот подтвердил мою правоту. Перед тем его заставили поклясться, что между ним и мною не было сговора и что он не мог знать заранее, на какой нож я укажу.

— Нет, — упрямо возразил обвинитель. — Я не вижу в этом доказательств правоты госпожи защитницы. Между ее подопечным и поваром мог быть сговор.

— Ваше величество, действительно, Грильдриг мог бы сговориться с поваром, — сказала Глюмдалькличь. — Но, надеюсь, господин обвинитель не станет утверждать, что он может сговориться с насекомыми? Правоту Грильдрига докажут мухи. А чтобы господин прокурор не заподозрил, что Грильдриг их дрессировал, мы попросим любого слугу выйти в сад и поймать с десяток самых обыкновенных мух.

— Не понимаю! — Прокурор обращался не к Глюмдалькличь, а к королю. — Не понимаю, для чего нам мухи? И что, в конце концов, нам хотят доказать?

Семитрендриг, разделяя недоумение обвинителя, тем не менее хотел узнать, что же мы еще придумали. Остановив знаком возмущавшегося прокурора, он подозвал одного из слуг и отдал ему короткое распоряжение. Спустя короткое время лакей вернулся, держа в кулаке громко жужжащих мух. Я заблаговременно зашел за ножку кубка, держа в руке обнаженный тесак. По знаку Глюмдалькличь лакей приблизился и разжал кулак над столиком с пятью ножами.

Поначалу мухи взвились вверх, но спустя короткое время зароились над единственным ножом, поочередно садились на него, в конце концов облепив лезвие, и принялись ползать взад-вперед по широкой полосе металла.

В полной тишине Глюмдалькличч торжествующе сказала:

— Как видите, ваше величество, мухи подтвердили сказанное Грильдригом. Они сели на лезвие именно того ножа, на который указал он.

— Ну и что? — переспросил прокурор. — Что это означает?

— То, что они чуют частицы крови и мяса, которые остались на ноже, несмотря на тщательную чистку. Те самые частицы, которых ни я, ни вы, ни его величество, никто другой из людей не может увидеть, сколь острым ни оказалось бы его зрение. Те самые частицы, которые Грильдриг увидел и указал нам.

— Но... — затянул было обвинитель, но король прервал его, оглушительно хлопнув в ладоши.

— Довольно! — заявил Семитрендриг VI. — Мы воочию убедились в том, что Грильдриг действительно обладает качествами, которые могут оказаться полезными для установления истины. И потому мы позволим Грильдригу участвовать в судебном процессе.

9

Я собирался начать с особенностей, которые были обнаружены мною при осмотре орудия убийства, затем перейти к некоторым деталям, касающимся состояния тела и одежды убитого. Но во время допроса свидетелей и, особенно, при демонстрации прокурором улик и доказательств вины Бедари мне пришла в голову весьма любопытная мысль. Подозвав Глюмдалькличч, я коротко объяснил ей, что нужно делать. Будучи чрезвычайно сообразительной девушкой, она сразу же уловила суть. На губах ее заиграла торжествующая улыбка, которую она, впрочем, тут же согнала, постаравшись принять вид скромный и озабоченный.

— Ваше величество, — сказала она, — обвинитель продемонстрировал улику, которая ему представляется важной,

чуть ли не решающей. Я говорю о письме, найденном в кармане кафтана убитого. Я прошу разрешения задать подсудимому несколько вопросов, касающихся этого письма. Для этого я попрошу дать ему письменные принадлежности.

Король вопросительно взглянул на обвинителя. Тот демонстративно пожал плечами и промолчал. Его величество милостиво кивнул девушке; тотчас по ее просьбе арестованному поднесли лист бумаги, перо и чернильницу.

— Пожалуйста, напишите два слова: «Фрисканду Цисарту», — велела Глюмдальклич.

Бедари подчинился. Служители поднесли написанное моей нянюшке. Я заглянул в лист и облегченно вздохнул.

— Дригмиг Бедари, откуда вы родом? — спросила Глюмдальклич.

— Лорич, мы же земляки... — растерянно отвечал подсудимый. — Я из той же Снотиснути, что и ты.

— А покойный фрисканд? — спросила Глюмдальклич.

— Тоже, — ответил Бедари. — Потому он и рекомендовал меня в гвардию.

Тогда Глюмдальклич обратилась к обвинителю:

— Прошу вас, господин прокурор, покажите брибдингу письмо, найденное у убитого.

Обвинитель хмыкнул и, подняв письмо, показал его королю.

— Ваше величество, а теперь взгляните сюда. — И Глюмдальклич торжествующе подняла лист, на котором только что написал несколько слов Бедари. — Вы можете убедиться в том, что Бедари пользуется письменами, принятыми в провинции Снотиснути. Не сомневаюсь, что, обращаясь к земляку, он будет писать точно так же. И сделает это, не задумываясь. А письмо, которое нам показывал господин обвинитель, написано буквами, принятыми в провинции Гноггигнутти. Мой помощник Грильдриг не раз обращал внимание на то, что, говоря на одном и том же языке, жители разных провинций нашего королевства пользуются разными письменами для записи одних и тех же слов. И значит, это письмо было написано вовсе не дригмигом Бедари, а кем-то другим... — С этими словами моя сообразительная няшонька повернулась к трем свидетелям, сидевшим на передних скамьях.

— Господа, — сказала она, — кто из вас родился в Гноггигнугги?

Я внимательно следил за выражением их лиц. В наибольшей степени меня интересовал сосед Бедари по комнате, чьи показания были самыми подозрительными и опасными для нашего подопечного.

Но после мучительно долгой паузы со своего места поднялся Тизарт. Лицо его было смертельно бледным.

— Я родом из Гноггигнугги, — произнес он хриплым голосом. — Но, клянусь, я не писал этого письма. Я вижу его впервые.

Переглянувшись с обвинителем, так же растерявшимся от происходящего, брибдинг позволил Тизарту сесть на место, а Глюмдалькличь велел продолжать. Девушка смотрела на меня, я — на нее. Окончание этой маленькой сценки ошеломило меня не меньше, чем мою нянюшку, поскольку Тизарт казался мне наименее подозрительным. Теперь же получалось, что каждый из трех свидетелей мог оказаться истинным преступником. Зитери явно лгал, очерняя Бедари. И причиной тому было соперничество за внимание Глюмдалькличь. Разумеется, он мог и не быть виновным в убийстве Цисарта — между ними не было никаких счетов. Но воспользоваться ситуацией и подставить ножку сопернику в лице Бедари он решился. Даргири ненавидел Цисарта и был не в ладах с Бедари. Что же касается Тизарта, то он единственный мог написать найденное письмо так, как оно было написано. Причиной же для убийства могли быть какие-то конфликты по службе — ведь Цисарт был непосредственным командиром и Тизарта.

Таким образом, подозрительны были все трое, но в наибольшей степени Даргири, затем — Тизарт и в последнюю очередь Зитери. Сговор тоже мог иметь место. Словом, мы оказались в затруднительном положении. Но я надеялся найти выход из него.

Глюмдалькличь обвела зрителей тем же растерянным взглядом.

— Правда, — прошептала она. — Разве уроженцев Гноггигнугги в столице меньше, чем Снотиснути? Вот и Кариллич, и Ноффани, и Мирлич...

Меня словно кто-то сильно толкнул. От неожиданной мысли закружилась голова. Не дожидаясь, пока Глюмдальклич снова обратится ко мне, я воскликнул — изо всех сил, чтобы мой слабый голос достиг слуха короля:

— Подписано ли письмо? Чье имя стоит в конце?

— Конечно, не подписано, — снисходительно ответил обвинитель. Разумеется, не мне, а брибдингу. — Подсудимый не хотел навлекать на себя лишних подозрений.

— Ваше величество, — воскликнул я, — но ведь в таком случае это письмо вряд ли может считаться столь важной уликой! В нем ни слова не говорится о поединке, оно не подписано ничьим именем! Мало того, ваше величество, нет никаких указаний на то, чтобы считать автором письма мужчину, а не женщину! И в этом случае мы имеем дело не с вызовом на поединок, а с назначением любовного свидания!

В судебной палате воцарилась глубокая тишина. И, воспользовавшись этим, я обратился к фрейлине Мирлич:

— Госпожа Мирлич, ведь это вы написали письмо фрисканду Цисарту?

Растерявшаяся фрейлина ничего не ответила, но красные ее щеки и дрожащие губы говорили сами за себя.

— Ты же говорила, что порвала с ним! — вскричал паж Даргири.

— Я и порвала! — со слезами в голосе ответила Мирлич. — Я хотела попросить его впредь не оказывать мне никаких знаков внимания! Для того я и назначила эту встречу!

— И во время вашей встречи фрисканд был жив?

Вопрос, заданный обвинителем, показался мне верхом нелепости.

— Конечно, — ответила Мирлич. — Ведь это было накануне того злосчастного дня!

— А вы сказали, что дежурили в покоях королевы! — воскликнул паж. — А на самом деле бегали встречаться со своим воздыхателем!

Мирлич, более не сдерживаясь, разрыдалась и покинула заседание палаты. Я вздохнул. Письмо перестало быть уликой. Но мы не приблизились ни на йоту к подлинной разгадке убийства.

Глюмдальклич поднесла меня к узкому столу, на котором уже лежала шпага Бедари. Соскочив с ее руки, я мед-

ленно прошелся вдоль огромного оружия, внимательно рассматривая его.

— Обратите внимание, ваше величество! — сказал я, указывая на острие.— Обратите внимание: даже сейчас можно четко увидеть, сколь глубоко вонзилось оружие в землю, после того как пробило грудь фрисканда. А длина этой травинки, которой я измерил глубину следа в земле, в точности подтверждает это.

Глюмдальклич немедленно обратилась к обвинителю и со всем почтением попросила его подойти и убедиться в справедливости сказанного.

Обвинитель подошел с недовольным видом. Он склонился над шпагой. Стекла его очков сверкали, словно башенные окна, а дыхание, наполненное ароматами обеденного стола, едва не лишило меня сознания.

Наконец он выпрямился, а я перевел дух.

— Ну и что же? — *Обвинитель пожал плечами.* — Удар был нанесен сзади, при падении тела убитого, убийца выпустил шпагу из рук, Цисарт упал, и торчащая в его груди шпага вонзилась в землю.

Король сделал мне знак, чтобы я ответил на этот вопрос ему. Я поклонился и ответил:

— Если бы шпага была просто выпущена из рук противником фрисканда, когда тот падал, то она, конечно, могла бы вонзиться, но — насколько?

Его величество подумал и молча развел большой и указательный пальцы примерно на пятнадцать дюймов.

— Вот именно! — воскликнул я.— А на самом деле она вонзилась в землю вот на такую глубину! — И я поднял руку над полом на целый ярд. — Я специально проверил. Шпага могла не просто пронзить тело фрисканда, но еще и воткнуться так глубоко в землю, если удар наносился снизу вверх.

— Поясни, что ты имеешь в виду Грильдриг! — потребовал король.

— Убийца не просто ударил фрисканда в спину, он ударил свою жертву шпагой, когда Цисарт лежал на траве, — ответил я.— Шпага пронзила человека, потерявшего сознание. Фрисканд Цисарт лишился чувств до того, как появился на лужайке.

— Как так? — изумился обвинитель. — Он что же, гулял во сне?

— Нет, разумеется, — ответил я. — Его несли. Убийца опоил его дурманящим зельем, которое получают из сока этикортов, а затем притащил на лужайку. Здесь он положил фрисканда на землю и после этого нанес удар, ничем не рискуя, в спину Цисарта. Чужой шпагой, — добавил я. — Шпагой, взятой у дригмига Бедари. Вот потому-то лезвие шпаги вонзилось в землю настолько глубоко.

— А что Бедари? — язвительно спросил обвинитель. Он тоже обращался не ко мне, а к его величеству. — Он что, тоже был в бесчувственном состоянии? Он не видел, как злоумышленник взял его шпагу?

— Представьте себе, — ответил я, — именно так и обстояло дело. В его вино тоже был подмешан сок этикортов. Только меньше — убийце нужно было, чтобы Бедари пришел на место преступления и навлек на себя подозрения в убийстве фрисканда. Поэтому в его вине дурмана оказалось много меньше, чем в питье фрисканда Цисарта.

— Как ты пришел к таким выводам, Грильдриг? — спросил король.

— Прежде всего, сапоги Цисарта, в отличие от кафтана, не несут следов травяной зелени, — ответил я. — Вернее, каблуки и подошвы чисты. А вот носки сапогов испачканы. А во-вторых...

Тут я замолчал на минуту и подошел к двум охапкам травинок, которые, по моему знаку, Глюмдальклич выложила на край стола. Каждая была размером с небольшой сноп, какие можно видеть в английских полях во время сбора урожая. Только снопы эти состояли всего лишь из травинок, собранных мною на лужайке при осмотре места преступления.

— Вы бы не смогли разглядеть, насколько отличаются эти травинки, — сказала Глюмдальклич, обращаясь к обвинителю. — Но Грильдриг это сделал и покажет нам.

Я кивнул.

— И те, и другие травинки были сломаны, когда кто-то прошел по лужайке. Иные сломаны так, что понятно — на них наступили. — Я показал на правую охапку. — Другие же, — я перешел к левой, — сломаны менее сильно, скорее согнуты. Вкупе с испачканными носками сапог господина

Цисарта это указывает на то, что некто с тяжелой ношей приходил на лужайку и что его ношей было именно тело бесчувственного фрисканда.

— И как же, по-твоему, был опоен фрисканд? — спросил с недоверчивым видом августейший судья.

По моему знаку Глюмдалькличч поставила на столик, справа от меня, кубок из комнаты Бедари. Я подошел к кубку. Похлопав по изящной ножке — она была толщиною с небольшую колонну, — я сказал:

— Тут, на самом дне, сохранилась высохшая капля вина, которое пил в тот вечер дригмиг Бедари. Забравшись сюда, я лишился чувств — ведь для меня нужно гораздо меньше дурмана, чем для... — Я запнулся. — Чем для нормального человека. Слабые испарения способны погрузить меня в сон.

— Даже если мы поверим в то, что в вино примешан подозрительный настой, — возразил обвинитель, — это имеет отношение к дригмигу Бедари, но никак не к убитому.

— Имеет и к Цисарту, — ответил я. — Я докажу. — С этими словами я расстегнул мешок и вытащил из него кусок травинки, на котором красовалось большое бурое пятно. — Эту травинку я срезал во время осмотра места преступления. Там, где лежал убитый фрисканд. А точнее — там, где находились его губы.

— Губы? При чем тут губы?

— При том, что в момент смертельного удара на губах лежащего ничком Цисарта выступила кровавая пена. — Я указал на бурое пятно. — Это пятно пахнет точно так же, как и остаток вина в этом кубке дригмига Бедари. Я утверждаю: во-первых, фрисканд Цисарт не пришел в парк, а был туда принесен в бессознательном состоянии. Убийца принес его в парк, положил на лужайку и затем ударом шпаги убил его.

Король молчал продолжительное время.

— Что же, — наконец произнес он, — по отдельности сообщенные сведения не могут служить подтверждением сказанному, но в совокупности наличие дурмана в вине и грязь на острие шпаги, думаю, могут служить серьезными доказательствами правоты Грильдрига.

— Но почему все описанное не мог и в самом деле сделать Бедари? — спросил обвинитель. — Я готов признать,

что фрисканд Цисарт был приведен в бесчувственное состояние соком этикортов. Но почему нам нужно искать столь изощренного преступника, который опоил еще и дригмига, воспользовался его шпагой... Мне представляется... — Он вышел из-за кафедры и сделал широкий жест, отчего края его мантии взметнулись ввысь, подняв настоящий вихрь. — Мне представляется вот какая картина. Подсудимый, опасаясь поединка с таким мастером фехтования, каким был покойный Цисарт, действительно опоил его дурманом из этикортов. И затем именно он отнес фрисканда на парковую лужайку, бросил его в траву и убил — именно так, как об этом нам сообщила госпожа защитница и ее советчик. И мы можем поблагодарить их за это. Только убийца воспользовался не чужой шпагой, а своей. Потому что убийцей был подсудимый.

— Зачем же он оставил свою шпагу на месте преступления? — воскликнула Глюмдальклич.

— Его спугнули, — ответил обвинитель, небрежно махнув рукой. — Он бежал, чтобы не быть застигнутым на месте преступления с орудием убийства в руке.

— В вашем рассуждении есть один изъян, — заметил я.

Прокурор презрительно усмехнулся, не удостоив меня ответом.

— Какой изъян? — спросил монарх.

— Дригмиг Бедари намного выше убитого, — ответил я. — Его рост составляет полтора люнга. Измерив тело убитого, мы увидим, что он был ниже дригмига, как минимум, на целых двадцать мирлонгов. — С этими словами я указал на укрытое черным полотном тело фрисканда Цисарта.

— Ну и что? — Обвинитель хмыкнул. — При чем тут рост подсудимого? Какая нам разница — был он выше Цисарта или ниже? Когда его приговорят к смерти, палач легко устранит эту разницу.

В ответ на эту грубую шутку среди зрителей раздались одобрительные смешки. Глюмдальклич же побледнела и крепко сжала руки.

— Тот, кто притащил тело на лужайку, был ниже фрисканда, — объяснил я, оставляя шутку без внимания. — Поэтому носки сапог убитого запачкались травяной зеленью. Он цеплялся ногами, пока убийца нес его к месту преступ-

ления. Если бы его пес на себе дригмит Бедари, сапоги Цисарта остались бы чистыми.

После этих слов в зале воцарилось полное молчание. Прокурор, нахмурившись, смотрел в пол. Монарх пребывал в глубоком раздумье.

Наконец он ударил скипетром в пол и сказал:

— Речь Грильдрига убедительна, следует это признать. Я склоняюсь к тому, чтобы признать дригмига Бедари невиновным в убийстве фрисканда Цисарта.

Я облегченно вздохнул, Глюмдальклич с радостной улыбкой прижала руки к груди, а юноша уже готов был покинуть свое место за барьером. Но тут обвинитель вскинул голову. Он явно не собирался сдаваться — тем более какой-то козявке!

— Ваше величество, — сказал прокурор сухо. — Я тоже готов признать убедительными слова, сказанные этим существом, Грильдригом. Но отпустить обвиняемого на основании только этих слов и оправдать его мы можем в одном лишь случае: если госпожа защитница и ее помощник назовут нам истинного преступника. Таков закон. Убитый из судебной палаты должен быть отнесен на кладбище. Это возможно лишь в случае осуждения убийцы.

9

Что ж, я был готов к этому разговору. В ответ на вопросительный взгляд короля я произнес:

— Я попробую назвать имя истинного преступника. По моим предположениям, он тоже находится здесь, в судебной палате. — И, не обращая внимания на внезапно поднявшийся ропот, продолжил: — Ваше величество, мы знаем о преступнике не так мало. Во-первых, он должен был знать о ссоре дригмига Бедари и фрисканда Цисарта.

Король кивнул.

— Во-вторых, — сказал я, заложив руки за спину и прохаживаясь между шпагой и кубком, — он должен был знать и о примирении фрисканда и дригмига. И наконец, в-третьих, как я уже замечал, он должен был быть ниже ростом, чем убитый Цисарт. Таковыми, — я остановился на краю

стола и повернулся к группе молодых гвардейцев, державшихся чуть в стороне от остальной публики, — таковыми являются присутствующие здесь господа Тизарт, Зитери и Даргири.

Не ожидавшие этого молодые люди уставились на меня.

— Да-да, — сказал я, повернувшись к королю, — они были свидетелями ссоры между Бедари и Цисартом. Они же знали и о примирении. И, обратите внимание, ваше величество, все они — невысоки ростом, ниже и Цисарта, и Бедари.

Обвинитель не мог удержаться от саркастического замечания:

— Надеюсь, ты не считаешь убийцами всех троих?

Я пожал плечами.

— Разумеется, нет. Но одного из них — безусловно.

— Кого же? — спросил обвинитель.

— Это мы сейчас выясним, — пообещал я. — На ваших глазах. Дело в том, что, когда дригмиг Бедари вбежал в нашу комнату, за несколько минут до ареста, я обратил внимание на его правую руку. Она была испачкана кровью. В то же время на ней не было никаких ран или царапин. Он сказал, что испачкал руку в крови, когда схватился за шпагу, торчавшую в ране убитого.

— Совершенно верно! — воскликнул прокурор. — Подсудимый всадил шпагу в спину фрисканда Цисарта, брызнувшая кровь запачкала ему руку!

— Как вы себе это представляете? — осведомился я у обвинителя. — Вот она, шпага. Рука прикрыта гардой. Кровь — даже если допустить, что какие-то капли могли достичь оружия, — оказалась бы на гарде. Но ее там не было! Гарда была чиста! А на рукоятке имеются следы крови. Той самой, о которую выпачкал руку дригмиг Бедари. Что же это за кровь?

— В самом деле, что же это за кровь? — насмешливо повторил обвинитель.

Я подошел к шпаге, похлопал, словно в раздумье, по массивной гарде, затем склонился над рукояткой. Ощупал заусенец, на который обратил внимание еще накануне.

— Господин Бедари, — обратился я к арестованному, — покажите мне, пожалуйста, правую руку.

Я рисковал, но другого выхода не было. Бедари удивленно посмотрел на меня, перевел взгляд на брибдинга. Его величество сделал разрешительный жест. Бедари поднял руку и повернул ее ладонью ко мне. Я облегченно вздохнул.

Как я и надеялся, в основании его указательного пальца была вполне заметная и достаточно старая мозоль.

Я повернулся к королю, который, приставив руку к правому уху, внимательно меня слушал.

— Ваше величество! — сказал я так громко, как только мог. — На рукоятке шпаги дригмига Бедари имеется небольшой заусенец. Сам дригмиг не замечал его, потому что у него на руке в соответствующем месте образовалась мозоль. Но убийца, торопливо сжав шпагу, поранил себе руку. Вот чья кровь испачкала рукоятку — а затем и руку дригмига. Ваше величество, я говорил вам, что убийцу следует искать среди трех друзей дригмига Бедари. Так прикажите дригмигу Тизарту, гвардейцу Зитери и пажу Даргири снять правые перчатки! И тогда мы увидим настоящего убийцу.

По знаку короля указанные три молодых человека вышли на середину зала и сняли перчатки. Я видел, что их лица выражали высшую форму замешательства: они ведь могли чего-то не заметить и сейчас невнимательностью своей навлечь на себя подозрение в ужасном убийстве. Чего именно, они, разумеется, не знали. Во всяком случае, двое из них. Один — убийца — знал наверняка, но ему некуда было деваться.

Тизарт, Зитери и Даргири подняли руки. По рядам присутствовавших в судебной палате пронесся вздох, показавшийся мне порывом штормового ветра.

Руки были чисты. Без царапин, без ссадин. И без мозолей.

Я почувствовал, что почва уходит у меня из-под ног. Все мои предположения оказались ложными. Ни один из тех, кто имел основания и возможность убить Цисарта, не делал этого. И следы — я вспомнил о них лишь сейчас — следы, оставленные убийцею, — не могли быть оставлены тремя этими юношами.

После паузы, вызванной вполне понятным волнением, король обратился к нам — не без некоторой иронии в голосе:

— Что же, вы нас почти убедили, Глюмдальклич. — Монарх обращался к моей нянюшке, но говорил, разумеется, со мною. — У убийцы должна быть царапина на руке. И коль скоро ни у кого из них этой царапины нет, по всей видимости, все ваши рассуждения не соответствуют действительности.

Щеки девушки вспыхнули румянцем. Она потерянно посмотрела на меня. Я готов был провалиться сквозь землю. В самом деле, неужели я настолько ошибался? Неужели чрезмерная самоуверенность толкнула меня на ложный путь?

Я лихорадочно озирался по сторонам, словно искал спасительную подсказку.

И я ее нашел! Подобно тому как вспышка молнии освещает густую ночную тьму, так что мы видим не темную смутную массу, а дерево и каждый листик на нем, — так взгляд мой, задержавшись на одном из лиц присутствующих, вдруг проник в тайну жестокого убийства. Быстро подбежав к Глюмдальклич, кусавшей от досады губы, я поманил ее и, когда она нехотя склонила свое ухо ко мне, шепнул ей одно слово. Вернее, одно имя. Она изумленно взглянула на меня. Я кивнул и успокаивающе улыбнулся.

Глюмдальклич выпрямилась и обратилась к королю.

— Ваше величество, — дрожащим голосом сказала она. — Убийца действительно должен был поранить руку. И он действительно находится здесь. Вот он! — И она протянула руку в направлении подсудимого.

— Лорич! — растерянно воскликнул юноша. — Лорич, ты все-таки считаешь меня убийцей? Но как же...

— Что это значит? — удивленно спросил и король. — Вы обвиняете вашего подзащитного? Вы отказываетесь его защищать?

Глюмдальклич отчаянно замотала головой; волнение лишило ее дара речи.

— Что же это означает?

— Ваше величество, — она старалась говорить твердо, но это удавалось ей с трудом, — я указываю вовсе не на Бедари... Я указываю на того, кто стоит за ним...

— Но за ним нет никого, — удивленно возразил монарх. — На скамье подсудимых один человек, милая моя,

и этот человек — ваш подопечный, дригмиг Бедари... — Тут он, видимо, что-то понял. — Если вы, конечно, не имеете в виду...

— Да! — воскликнула Глюмдальклич. — Я имею в виду начальника караула! Он стоит за спиной Бедари, но, как мне кажется, ему следовало бы занимать совсем другое место! Прикажите, ваше величество, фрисгульду Голдири выйти на середину палаты, снять правую перчатку, поднять руку и показать ее вам!

Слова девушки, отчетливо прозвучавшие в воцарившейся тишине, застали Голдири врасплох. Некоторое время он смотрел на Глюмдальклич так, словно не слышал своего имени. Потом вздрогнул, перевел взгляд на короля. Его величество кивнул. Голдири медленно, словно двигался во сне, обогнул барьер, отделявший скамью подсудимого от остального помещения, и двинулся в центр палаты. В наступившей тишине его шаги звучали гулко и грозно. Я же вспоминал услышанные мною вчера слова фрейлины Мирлич о том, что на днях фрисгульд Голдири должен получить чин фрисканда.

Меж тем фрисгульд остановился в самом центре судебной палаты и бросил взгляд в мою сторону. Я растерялся. Клянусь, вместо страха в его глазах можно было увидеть скрытое торжество.

Тем не менее Голдири медлил. Король повысил голос:

— Фрисгульд, я же приказал вам снять перчатку и показать мне правую руку!

— Да-да,— пробормотал Голдири.— Простите, ваше величество, я задумался... Вот, прошу вас! — Он неторопливо стянул с правой руки кожаную перчатку и показал руку королю.

Рука была чиста.

Это был проигрыш. Мой проигрыш. Наш проигрыш.

Я почувствовал, как у меня закружилась голова, и схватился за ножку кубка, чтобы удержаться на ногах. Еще секунда — и все было бы кончено. Но тут мой взгляд скользнул по фигуре торжествующего Голдири.

Его шпага висела справа!

— Левую! — воскликнул я.— Фрисгульд — левша, ваше величество! Пусть покажет левую руку!

Король не успел сказать ни слова, как фрисгульд одним прыжком преодолел расстояние, отделявшее его от моего стола, и занес кулак, чтобы чудовищным ударом расплющить меня.

— Гнусное насекомое! — вскричал он. — Жалкая мошка! Я заставлю тебя замолчать!

В последнюю секунду наперерез фрисгульду бросились два гвардейца. Но их опередил перемахнувший через барьер Бедари. Через мгновение Голдири и обвиняемый, сцепившись, покатились по полу с оглушительным грохотом. Их борьба была поистине величественным и одновременно чудовищным зрелищем, напомнившим мне читанную давным-давно у Гесиода историю битвы богов и титанов, причем титаном представлялся мне могучий Голдири. Усилий, которые прилагали оба боровшихся, хватило бы на то, чтобы разрушить обычных размеров город, а то и страну. Сопение, которое они издавали, напоминало свист ветра ужасающей силы, а короткие шаги способны были в один прием раздавить отряд кавалерии.

Я был захвачен поединком, который, как и Гесиодова титаномахия, закончился поражением титана. На помощь Бедари бросились поначалу замешкавшиеся гвардейцы, вместе им удалось утихомирить бушевавшего Голдири. Впрочем, тот и сам быстро понял тщету своих отчаянных попыток вырваться и успокоился. Гвардейцы крепко держали его за руки.

— Снимите левую перчатку! — приказал король.

Гвардейцы подчинились. У основания мизинца на левой руке фрисгульда явственно виднелась небольшая ранка. По моему распоряжению к руке Голдири приложили шпагу Бедари. Ранка оказалась как раз напротив злосчастной заусеницы на эфесе оружия дригмига. Фрисгульд мог оцарапать руку именно так, если держал шпагу острием к себе, как очень длинный кинжал.

После этого я попросил позволения измерить длину его сапога. Король разрешил. Во время этой процедуры четыре караульных крепко держали фрисгульда за ноги и за руки — чтобы не позволить ему причинить мне вред.

Длина сапога Голдири составила 14 футов. Точь-в-точь как след, поначалу принятый мною за след Цисарта.

Спустя короткое время он уже отвечал на вопросы его величества. Голос его был тусклым и бесцветным, взгляд — отрешенным.

Голдири возненавидел покойного Цисарта еще несколько лет назад, когда из двух подававших надежды молодых офицеров один начал опережать на служебной лестнице второго. Голдири вдвое дольше пробыл дригмигом, нежели Цисарт. Когда он наконец получил первый офицерский чин фрисгульда, Цисарт уже давно носил шитье фрисканда и командовал полуротой гвардии. Таковы были мотивы убийства.

Именно он пустил слух о якобы имевших место разговорах Бедари, порочивших фрисканда Цисарта. Он знал, что между ними неизбежно вспыхнет ссора. После того как это действительно случилось, он убил Цисарта, причем сделал это таким образом, чтобы подозрение непременно пало на дригмига Бедари. Тут ему помогло письмо Мирлич, зачем-то сохраненное Цисартом и случайно обнаруженное Голдири в кармане убитого. Оно было без подписи, и его вполне можно было принять за попытку выманить фрисканда в парк.

Письмо же, подброшенное дригмигу Бедари и вызвавшее последнего в парк, написал сам Голдири. Когда Бедари уснул, несколько одурманенный вином с примесью сока этикортов, Голдири подложил письмо в комнату дригмига.

Затем, во главе караула, он наткнулся на труп, якобы случайно, после чего спешно направился в комнату Глюмдалькличь, чтобы арестовать мнимого убийцу. Уже здесь он совершил ошибку, которая могла стать для него роковой, окажись я внимательнее. Голдири, придя на место преступления с караульными, не подходил к телу. К убитому Цисарту подошел рядовой гвардеец (это его следы частично перекрыли следы Голдири, оставленные ранее). Голдири же, даже не осмотрев шпагу, приказал арестовать Бедари. Когда того не оказалось в комнате, он уверенно повел караульных к Глюмдалькличь. Если бы кому-нибудь пришло в голову расспросить его подчиненных сразу, подозрительность поведения фрисгульда стала бы очевидной. Но это не было сделано.

Так или иначе, убийца во всем сознался. После допроса он был связан и уведен под усиленным караулом в то

самое подземелье, в которое совсем недавно он, злорадствуя в глубине души, препроводил одну из жертв своей изощренной мести.

Подойдя к столу, на котором я сидел — между шпагой и кубком, — король взял в руки орудие убийства и, нащупав заусеницу, негромко сказал:

— Оказывается, иной раз ничтожная малость может решить судьбу нескольких человек.

— Да, — согласился я. — Всего лишь заусенец.

— Я имел в виду не только заусенец, — усмехнулся его величество. — Но коль уж ты заговорил об этом... — Он повернулся к Бедари, стоявшему рядом с Глюмдалькличем, и крикнул, грозно нахмурившись: — Ну-ка, дригмиг, подойдите сюда!

Бедари спешно подбежал, отвесив низкий поклон монарху.

— Заберите ваше оружие и приведите его в порядок! — приказал король. — Так содержать шпагу недостойно будущего офицера! Почистите ее как следует и сточите наконец этот заусенец!

10

Таким-то образом и закончилась эта история соперничества двух офицеров королевской гвардии. Я не стал подробно описывать ее в моей книге о путешествиях, поскольку она изобиловала кровавыми подробностями и могла вызвать неприязнь по отношению к славным жителям этой удивительной страны. Потому я ограничился коротким описанием истинного финала — казни Голдири, — которое позволю себе повторить еще раз.

Однажды молодой джентльмен, племянник гувернантки моей нянюшки, пригласил дам посмотреть смертную казнь. Приговоренный был убийца близкого друга этого джентльмена. Глюмдальклич от природы была очень сострадательна, и ее едва убедили принять участие в компании; что касается меня, то хотя я питал отвращение к такого рода зрелищам, но любопытство соблазнило меня посмотреть вещь, которая, по моим предположениям, должна бы-

ла быть необыкновенной. Преступник был привязан к стулу на специально воздвигнутом эшафоте; он был обезглавлен ударом меча длиною в сорок футов. Кровь брызнула из вен и артерий такой обильной и высокой струей, что с ней не мог бы сравняться большой версальский фонтан, и голова, падая на помост эшафота, так стукнула, что я привскочил, несмотря на то, что находился на расстоянии, по крайней мере, английской полумили от места казни[1].

В этой тяжелой истории весьма важным представляется урок, преподнесенный судьбою и мне, и прочим вольным и невольным участникам описанных событий. Размеры тела не влияют на характер страстей, царящих в человеческой душе, — как не влияют они на возможность помочь другу, спасти невинного или наказать виновного.

Правда, окончание этой истории оказалось совсем неожиданным — по крайней мере, для меня. После всего случившегося Бедари уже не мог относиться ко мне как к насекомому или забавному домашнему зверьку. Я вызвал у него чувство уважения, какое может вызвать у одного человека другой, причем — равный. Только вот проявилось уважение его поистине страшным образом. Бедари вдруг заявил Глюмдалькличу, что отныне не потерпит постоянного присутствия в ее спальне постороннего мужчины — независимо от того, насколько этот мужчина мал ростом.

---

[1] Дж. Свифт. «Путешествия Гулливера. Путешествие в Бробдингнег». *Пер. А. Франковского.*

ЛЕВ ГУРСКИЙ

За мгновение до весны

— Только учтите, — закончил Холтофф. — Под колпаком вы, а не я. А вы знаете, что значит быть под колпаком у Мюллера. Ну?

— Хотите еще коньяку? — вместо ответа предложил ему Штирлиц.

— Хочу, — сознался доверчивый Холтофф. — Наливайте полную.

Он протянул хозяину кабинета свою рюмку, и штандартенфюрер уже изготовился со всего размаху ударить гостя тяжелой граненой бутылкой по черепу, обтянутому редкими белесыми волосенками...

Но в это мгновение мир вокруг мигнул и погас.

Только что кабинет Штирлица существовал — и сразу вдруг его не стало. Напрочь исчезло наглухо занавешенное (на случай авианалета союзников) окно. Дематериализовался портрет фюрера на стене, да и стена куда-то сгинула. Испарились кресла, столик, обе рюмки, коньяк в бутылке и сама бутылка. Пропали Штирлиц с Холтоффом.

Некоторое время земля была безвидна, тиха и пуста. Затем пустота начала потихоньку оживать. В ней по-прежнему не было заметно никого и ничего, однако кое-что стало слышно. Среди абсолютной тишины прорезался едва различимый шелест, который вскоре начал загустевать, твердеть и дробиться на понятные звуки.

Кряхтенье. Покашливанье. Наконец, голоса.

— Доннерветтер! — сказал Штирлиц. — Невозможно работать! *С нами опять это сделали.*

— Вот и хорошо, — отозвался Холтофф. — По крайней мере, сейчас никто не шандарахнет бутылкой по моей башке... Кстати, Штирлиц, а вы бы не могли меня, к примеру, не бить? Пожалуйста! Хоть раз, в виде исключения. Каждый раз, когда вы меня прикладываете, я, между прочим, получаю реальное сотрясение мозга...

Из пустоты донеслось хихиканье — то ли Айсмана, то ли Шелленберга, то ли самого рейхсляйтера СС Мартина Бормана.

— Дурашка вы, Холтофф, — снисходительно проронил Штирлиц. — Сколько вам можно объяснять одно и то же? Было бы намного проще, если бы всем сотрудникам РСХА, от унтершарфюрера до высших бонз, прочли курс немецкой классической философии... Ну хорошо, черт с вами, начнем по новой: есть такое понятие — де-тер-ми-низм. В нашем мире, когда он движется по горизонтали, а не стоит, как сейчас, все предопределено. Улавливаете? Рейн всегда впадает в Северное море, фрау Заурих всегда собирает цветочки, Даллес всегда ведет переговоры с Вольфом, а Вольф вечно их проваливает. Время собирать камни, время их швырять, время их снова собирать — и так по кругу. Почему это случается, я не знаю. Но вы обречены пороть чушь, а я обречен бить вас бутылкой. Если не верите, попытайтесь в следующий раз прийти ко мне с разговорами не о физике Рунге, а, допустим, о погоде. И обойтись без этой вашей идиотской фразы «Не надо зажигать свет».

— Я пытался, — уныло пробормотал Холтофф. — Сколько раз пробовал, ничего не получается. Пока еду к вам, все время воображаю, что сейчас скажу: «А вот и Холтофф! Ха-ха, небось не ждали?» А когда вас вижу, опять несу ахинею про свет и пробки. Словно я под гипнозом или во сне... Я просто подумал, Штирлиц, может, хоть вам удастся проявить волю? У вас сильная воля, гораздо сильнее моей. Я бы не смог, как вы, пялиться на свою жену в баре и слова ей не сказать. Когда играет эта нечеловеческая музыка — та-ра-ти-тара-тааам — у меня слезы наворачиваются...

— С чего вы взяли, партайгеноссе Холтофф, что это была моя жена? — *ледяным тоном* спросил Штирлиц. — Может быть, вы наше свидетельство о браке видели? За-

гляните в мою характеристику на члена НСДАП. Есть там хотя бы слово о жене? Вы думаете, я бы стал скрывать от нашей партии какую-нибудь жену?

— Конечно не стали бы, — с неприличной поспешностью согласился Холтофф. — Простите меня, штандартенфюрер, я был неправ. Честное слово, клянусь, я ни на что не намекал...

— Ладно, Холтофф, прощаю, — сказал Штирлиц. — Но в следующий раз выбирайте слова. До чертиков надоели все эти ваши упреки, подозрения. Чувствуешь себя, как в гестапо... А насчет триумфа воли ничем, увы, не могу вас порадовать. У меня те же проблемы. Сам бы рад пинком прогнать того спаниеля, но вынужден, как заведенный, его кормить, гладить, вести в дом. Хотя я, к вашему сведению, терпеть не могу никаких собак...

— А я птиц, — добавил Плейшнер. — Кричат, воняют, пачкают. Но все равно: как только прихожу на Блюменштрассе, непременно заворачиваю в этот птичий магазин. Не хочу, а ноги сами несут.

— Мы все у кого-то под колпаком, — тяжело вздохнул Мюллер. — С нами делают, что хотят. Могут запустить этот мир, могут остановить, потом запустить по новой. Недавно я шесть раз подряд вызывал Шольца. Не хочу, а все равно его зову. И шесть раз, одними и теми же словами, прошу у него бритвенные лезвия...

— Это дьявол! — объявила фрау Заурих. — Дьявол! Его повадки. Он всех нас искушает, и мы не в силах ему противиться.

— Но вдруг нас не искушают, а испытывают? — неуверенно предположила Барбара. — Тогда, фрау Заурих, получается, что это не дьявол, а совсем даже наоборот — верховное существо...

Снова раздалось хихиканье: это уж точно веселился Шелленберг.

— Ах, Барбара, Барбара, — укоризненным тоном заметил Штирлиц. — Стыдно. Для нас, истинных арийцев, верховным существом является наш обожаемый фюрер Адольф Гитлер. Вы что же, всерьез намекаете, будто все эти глупости — дело рук фюрера? По-моему, дружище Мюллер, вы изрядно подраспустили личный состав...

— Ну будет вам придираться, Штирлиц, — хмыкнул Мюллер. — Нашли кого подловить на слове — блондинку. Давайте-ка лучше спросим у вашего друга пастора: дьявол нами играет или кто?

— А действительно! — оживился Борман. — Хорошая мысль. Хватит отмалчиваться, герр Шлаг, мы не на Принц-Альбертштрассе, а вы не на допросе. Расскажите наконец, что с нами всеми происходит.

— Да уж, выкладывайте, пастор, — поддержал Бормана агент Клаус. — А то какая-то полная хреновина здесь творится. Я уж сам окончательно запутался — не пойму, жив я или мертв.

— Умоляю, скажите нам, святой отец! — воскликнула фрау Заурих. — Не хотите говорить им, шепните на ушко мне, что с нами приключилось и где мы. Если мы уже на том свете, то почему — все и сразу? Ладно еще я, старая грымза, туда мне и дорога, но Габи или господин Бользен? Они еще такие молодые...

— А я вот охотно верю, что мы в аду, — тяжело бухнул Генерал Из Поезда. — Где нам, собственно, всем и место. Кроме вас, Кэт, и вас, Габи, разумеется... Так что нам скажете, пастор? Не тяните.

Пастор смущенно кашлянул: он не любил быть в центре внимания.

— Враг рода человеческого изощрен и злонамерен, — осторожно начал он, — однако не думаю, что это он. С точки зрения теологических доктрин, по крайней мере, многое не сходится. И на адские муки все, что с нами происходит, тоже не очень похоже...

— Ну это кому как, — с сарказмом заметил агент Клаус. — Хотя некоторым из присутствующих, конечно, грех жаловаться. Вот вы, генерал, махнули в поезде коньячку, закусили салями — и привет. А мне-то каково? Когда вместо обещанного ящика сардин тебе вновь и вновь всаживают пулю в живот, это, по-моему, и есть сущий ад...

— Пожалуйста, заткнитесь, Клаус! — нервно прервала агента Габи. — Ради всего святого! Вас убили, но мы, в отличие от вас, живы. Я твердо помню, что я жива и что со мной ничего плохого не случилось... правда, и ничего

хорошего тоже. У вас, Кэт, хотя бы остались двое детей, а у меня никого, кроме фрау Заурих.

— У меня есть одна идея,— подал голос Шелленберг.— Помните, Штирлиц, ваш русский классик Теодор Достоевски написал роман под названием «Попок»? Очень похоже на нашу ситуацию: там все умерли, но тем не менее как-то разговаривают между собой...

— Во-первых, дорогой Вальтер, этот Достоевски — никакой не «мой», не надо меня ловить, все равно не поймаете,— тотчас же отреагировал Штирлиц.— Во-вторых, это не роман, а рассказ. В-третьих, он называется не «Попок», а «Бобок», от слова «боб», то есть растения семейства бобовых, или, вероятнее всего, от слова «бобок», синонима вишневой косточки, или, возможно...

— О'кей, Штирлиц, о'кей, мы все прекрасно знаем, что вы умный и эрудированный,— вмешался Даллес.— Давайте уже наконец проедем «в-третьих». Что у вас «в-четвертых»?

— ...Или, возможно, от имени «Боб», уменьшительного варианта имени «Роберт»,— как ни в чем не бывало продолжил Штирлиц.— А в-четвертых, уважаемый мистер Даллес, в рассказе все герои обладали информацией, что они умерли. У нас же, прошу заметить, собрались, в основном, живые... ну если, конечно, не брать в расчет Клауса, Плейшнера, Рольфа с Барбарой и еще Гельмута...

— И почему, интересно, меня здесь никогда не принимают в расчет? — напряженным тоном поинтересовалась Барбара.— Раз натуральная блондинка, так что — непременно идиотка?

— Барби, куколка, вы прелесть,— рассеянно утешил ее Даллес.— Не дуйтесь. Штирлиц просто имел в виду, что вы, в некотором смысле, мертвая натуральная блондинка... Послушайте, господа! Кто-нибудь, объясните мне: разве бывает в природе такое место, где грань между живыми и неживыми отсутствует?

— Еще как бывает,— ухмыльнулся Клаус.— Дахау, например.

— Нет, мы вряд ли в концлагере,— усомнился Холтофф.— Что-то я здесь не вижу ни вышек, ни охраны с овчарками, ни бараков, ни проволоки — вообще ни черта я вокруг не вижу...

— Ну так сбегите отсюда, герр Холтофф, — фыркнул Клаус. — А? Чего? Не можете? А раз все равно не можете, то зачем охрана и вышки? Лично я думаю, что мы пока в чистилище. Там, наверху, еще, наверное, не решили, куда нас теперь — в ад или в рай. Как вам, пастор, такая версия? Принимается за основу?

— Эта гипотеза не лишена известных резонов, — тщательно подбирая слова, сообщил пастор. — В канонических богословских текстах нет четких описаний этого места, а визионерские фантазии великого Данте — только лишь литература. Другое дело, что наше совместное пребывание в чистилище, честно говоря, с трудом увязывается с известной теодицеей Лейбница, потому что...

—...Потому что Лейбницу посчастливилось не дожить до Кальтенбруннера! — звонко расхохотался физик Рунге. — Если бы Лейбница били по почкам в гестапо, он бы очень быстро усомнился в благости Бога... Извините меня, пастор, ни в коем случае не хочу обидеть персонально вас, но вы явно не в теме... «Ад», «рай», «чистилище» — смешно слушать. В ситуации, в которой мы оказались, гипотеза Бога и дьявола не работает. О чем вы спорите? Мы с вами не умерли и не живы. Мы вообще не люди...

— Молчи, морда жидовская! — заорал Кальтенбруннер. — Молчи, не порть настроение!.. Эй, есть тут хоть один арийский физик?

— Да вот хрен тебе, — ласково ответил Рунге. — Сам же знаешь прекрасно, что других физиков вокруг нету — только один я, внук еврейской бабушки. Ты вспомни, дружок, сколько раз уже искали — и какой результат? Нашли только одну алкоголичку, из Берна, да и та оказалась профессором математики, а не физики...

— А Плейшнер? — удивилась Барбара. — Он разве не профессор?

— Я, Барбара, профессор древней истории, — с удовольствием открестился Плейшнер. — К точным наукам отношения не имел и не имею. У меня в школе по физике всегда было «удовлетворительно».

— А у меня по истории было «отлично», — сказал Рунге. — В подвале гестапо история мне очень помогла. Когда

мой следователь не бил меня по почкам, мы с ним обсуждали походы Фридриха Великого...

— Погодите, Рунге, — задумчиво произнес Штирлиц. — Что-то я в толк не возьму. Если мы, как вы считаете, не люди, то кто же мы?

— Не «кто», а «что», — бодро ответил Рунге. — Я давно это понял. Может быть, изначально мы и были людьми, не знаю, но сейчас мы — пучок электромагнитных импульсов. Мы записаны на одном диске и будем двигаться по кругу до тех пор, пока диск не износится. Тогда нас выбросят в помойное ведро и заменят новыми, точно такими же. Поймите же, друзья, — к тебе, Кальтенбруннер, это слово не относится, — здесь все непастоящее. Ваши мундиры, моя арестантская роба, ваш коньяк, Штирлиц, ваше салями, генерал, и даже ваши пули, дорогой Гельмут, при всем уважении к их убойной силе... Вы когда-нибудь видели осциллограф? Хотя откуда вам его видеть... Словом, мы все — исчезающие следы на лучевой трубке.

Несколько мгновений вся пустота обдумывала слова физика.

— Любопытная теория, — вежливо проговорил наконец пастор. — Но не оригинальная. Все мы прошли через искус солипсизма...

— Да уж, Рунге, вы тут явно хватили через край, — сказал Штирлиц. — Я еще мог бы поверить, что Барбара — пучок электронов, но чтобы коньяк? Я отлично помню его вкус, и, уверяю вас, это очень хороший коньяк, разлитый во Франции. Знаете, как трудно в апреле 1945 года достать настоящий французский коньяк?

— Извините меня, Рунге, но ваши идеи — черт-те что, — добавила Кэт. — Мои дети просят есть, и это самые настоящие грудные дети, а никакие не электроны на трубке.

— Почему же тогда, Кэт, у вас все время разное число детей? — коварно поинтересовался физик. — То ребенок один, то два, то снова один. Вы никогда об этом не задумывались? А вы, Штирлиц, никогда не обращали внимания на цвет вашего мундира? Вас не удивляет, что в некоторых местах ваша униформа — черная, а в некоторых — она еще с каким-то сиреневым отливом? И почему у нас у всех такие странные лица? И почему у той бутылки, которой

вы бьете Холтоффа, часть этикетки — цветная, а часть — серая?

— Вот именно! — сказал Клаус. — И главное, почему я никак не могу поесть сардин — вы же обещали, штандартенфюрер, целый ящик! Мне плевать, из чего сделаны эти консервы, из рыбы или из электронов, но вы мне обещали целый ящик!

— Я вам и сейчас обещаю, Клаус, — непроницаемым тоном произнес Штирлиц. — Я вам и дальше буду обещать. Хотя не понимаю, зачем вам, мертвому...

И в этот момент мир вернулся обратно — кабинет, шторы, два кресла, бутылка, рука Штирлица, затылок Холтоффа... И штандартенфюрер, размахнувшись, ударил гостя тяжелой граненой бутылкой по черепу, обтянутому редкими белесыми волосенками...

Дверь приоткрылась. В щель просунулась взъерошенная голова и спросила:

— Ну как, Олег Борисович?

Человек у монитора пожал плечами.

— Мундиры еще так-сяк, но морды лица никуда не годятся. Они там все как будто в солярии побывали или желтухой переболели.

— Опять переделывать? — *печально вздохнула* взъерошенная голова.

— Ладно, не парься, сойдет, — ответил тот, кого называли Олегом Борисовичем. — Пипл схавает, а эти, — он кивнул на экран, где разноцветный, как хвост павлина, Штирлиц увозил на машине побитого им радужного Холтоффа, — возражать, я думаю, не станут. Правда ведь?

— А то! — засмеялась голова и пропала. Дверь захлопнулась.

Человек у монитора сморщился и потер зеленоватую щеку. Ему было немного не по себе — и вовсе не из-за покрашенного телесериала. По непонятной причине его уже шесть раз подряд вызывали в Администрацию Президента и шесть раз элементарно доставали его одной и той же хренью. Кто он им — хозяйственный магазин, что ли? Неужели они там сами не в состоянии купить эти дурацкие шведские лезвия?

ВАСИЛИЙ ЩЕПЕТНЁВ

Лето сухих гроз

— Определенно, Лондон уснул. Весь мир спит. Всеобщее царство сна,— Холмс педантично присоединил «Таймс» к стопке других сегодняшних газет.

Все это мне не понравилось: аккуратное обращение с газетами предвещало Большую Хандру со всеми ее атрибутами — раздражительностью, револьверной стрельбой в комнатах и ночным музицированием под кокаин.

— Холмс, вы немилосердны к бедным обывателям. Могут же они хоть недолго пожить без сенсационных убийств, грабежей, краж и исчезновений?

— Могут, дорогой Ватсон, разумеется, могут. Я не могу. А я — не меньший лондонец, нежели остальные.— Он внезапно смолк, дотянулся до каминной кочерги и начал бесцельно вертеть ее в руках.

Сказать мне было нечего. Отсутствие громких дел означало отсутствие клиентов, а нет клиента — нет и гонорара.

Мои читатели, боюсь, получили превратное впечатление о мотивах деятельности Холмса. Некий скучающий джентльмен в поисках острых ощущений. Отчасти вина лежит на мне, отчасти — на условностях: воспитанные люди не обсуждают на публике денежные вопросы, а джентльмену и вообще не к лицу зарабатывать на жизнь сыском. Детектив-любитель — так характеризуют Холмса и отдел криминальных новостей, и литературная критика. И характеризуют неверно. Холмс — профессионал до мозга костей. Ни одно значительное преступление, будь оно

в Королевстве или на континенте, не прошло мимо его внимания; новейшие труды по криминалистике проштудированы им от корки до корки, внимательно, въедливо, с пристрастием; наконец, сложнейшие, запутаннейшие дела, раскрытые им самим, — разве это не доказательство высочайшего профессионализма?

Но Холмс — профессионал и в ином, обыденном смысле. Расследованием преступлений он зарабатывал себе на жизнь. И, констатирую с горечью, состояния себе не сделал. Он даже не имел своего дома и по-прежнему квартировал у миссис Хадсон — «недорогое жилье для джентльмена» нашей молодости. Значительная часть посетителей приходила на Бейкер-стрит в полной уверенности, что не только не придется платить гонорар, но и все издержки по ведению дела мистер Шерлок Холмс возьмет на себя. Изредка так и случалось — если случай выдавался особенно загадочный, интригующий, бросающий вызов гениальному уму моего друга. Но зачастую, сталкиваясь с необходимостью вознаградить услуги Холмса, посетитель мялся, говорил, что подумает, и исчезал навсегда.

Когда работы было много, Холмс являл собой образчик деятельного, бодрого, активного человека, но стоило наступить паузе, и настроение его в корне менялось. Он страшился оказаться ненужным: это влекло за собой нужду, нищету. И с годами беспокойство росло.

Это чувство знакомо и мне. Чего скрывать, преуспевающего врача из меня не получилось. Люди с удовольствием (надеюсь!) читают мои рассказы, но лечиться предпочитают у других, не отвлекающихся на посторонние дела врачей.

Купленную практику я растерял моментально — что это за доктор, постоянно оставляющий пациентов ради участия в расследовании жутких преступлений?

Не застав меня на месте раз и другой, они быстренько перебежали к моим коллегам. Но я ничего не мог поделать — литература требовала все больше и больше времени, а писательские гонорары я находил слаще врачебных.

Мое участие в расследованиях Холмса объясняется не только связывавшей нас дружбой. Подлинные случаи служили основой моих рассказов, питали фактами мою фан-

тазию и воображение; в свою очередь, благодаря этим рассказам *известность* Шерлока Холмса распространилась далеко за пределы Королевства, что обеспечивало более-менее постоянный приток клиентов. Но порой, увы, выпадали и дни штиля, как сейчас. Десять дней — и ни одного стоящего дела.

— К вам посетитель, мистер Холмс, — заглянула в гостиницу Мэри, племянница миссис Хадсон, помогавшая ей по хозяйству, — годы брали свое.

— Хорошо. — Холмс не выказал особой радости. — Дело о пропаже любимого кота.

— Полноте, Холмс, — укорил я его.

— Здравствуйте! — Перед нами предстал *молодой* румяный человек, средний средний класс, таких в нашем районе двенадцать на дюжину. Пожалуй, спортсмен, — я попробовал на посетителе методу Холмса.

— Позвольте... Позвольте мне самому... — Молодой человек напряженно переводил взгляд с Холмса на меня.

Холмс молчал. Я тоже.

— Вы — мистер Шерлок Холмс, — наконец решил вошедший, шагнул к Холмсу и затряс его руку. — А вы — доктор Ватсон.

— Совершенно верно. Так что же привело к двум английским детективам... — (О, Холмс! Он знал, что званием детектива я гордился еще больше, чем званием литератора, и никогда не упускал случая польстить мне.) — К двум детективам проницательного студента-химика? Вероятно, выполняете поручение родных? Получили телеграмму из России?

— Как... Как вам это удается? — Студент выглядел скорее восхищенным, чем озадаченным. — Я, конечно, много читал о вас, но... Это непостижимо!

— Всего лишь умение видеть и делать выводы. — Холмс порозовел от удовольствия. — Россия — у вас определенно славянский тип лица, затем произношение — слишком безупречное, академичное; наконец, шнурки не заправлены в туфли. Студент — галстук и возраст; химик — пятна от реактивов на руках, в свое время у меня было довольно таких отметин.

— А родственники? Телеграмма?

— Вы не производите впечатление человека, у которого случилось несчастье, значит, вы выполняете чье-то поручение. Вы не юрист, следовательно, поручение, скорее всего, от родственников. Срочные поручения обыкновенно передают телеграфом, и порез на вашем указательном пальце свидетельствует о том, что вы недавно распечатывали депешу — с некоторых пор их очень неудачно заклеивают липкой лентой с острыми, как бритва, краями. Шотландское изобретение. Кстати, рекомендую впредь пользоваться ножом. Порез, конечно, пустячный, но если на края ленты нанести культуру бацилл азиатской лихорадки...

— Да? — Студент осмотрел свой палец, затем поспешно опустил руку.— Позвольте представиться: Фадеев, Константин Фадеев.

— Так что же привело вас сюда?

— Вы абсолютно правы — телеграмма. — И он достал из кармана лист бумаги. — Я получил ее сегодня от дяди. То есть он мне не дядя, а крестный, но... Впрочем, это неважно. Разрешите, я зачитаю?

— Сделайте одолжение. — Холмс откинулся в кресле, прикрыл глаза. Старый конь чуял битву.

— «Константин, постарайтесь убедить мистера Шерлока Холмса приехать в наш летний замок по весьма важному вопросу. Дело крайне срочное. Браун уполномочен оплатить расходы. Подпись — П». Браун — представитель дядиной фирмы в Лондоне. Конфеты и сахар.

— А сам дядя?

— О, дядя... Он — принц Ольдбургский, Петр Александрович.

— Принц?

— Самый настоящий. И праправнук императора Павла.

— Высшие сферы.

— Еще бы. Его жена, принцесса Ольга — великая княжна,— русский выдержал паузу,— сестра ныне царствующего императора Николая Второго.

— Бывает. — Холмс не был склонен восторгаться или выражать какие-либо иные чувства. Принц, ну и принц. — Что именно послужило причиной обращения ко мне, вы, полагаю, не знаете?

— Совершенно нет. Ничего. Телеграмма — единственное, чем я располагаю, за исключением чека. Он — ваш, если вы согласитесь ехать. Само собой, дорожные и прочие расходы оплачиваются отдельно.

Холмс, проглядев чек, положил его на столик. Я скосил глаза. Сумма была не безумная, но более чем удовлетворительная.

— Следовательно, принц ждет, что я поеду в Россию, не имея представления о сути дела?

— Получается, так. Вы и доктор Ватсон.

— Обо мне в телеграмме нет ни слова. — Мне казалось, что парень знает больше, чем говорит.

— В этой — нет, но дядин поверенный Браун получил указания оплачивать расходы двух человек.

— Ваш дядя предусмотрителен.

Что еще оставалось сказать?

— Где вы остановились? Я... Мы дадим ответ завтра. — Холмс вернул чек посетителю.

— Очень хорошо. Вот мой адрес. Мы могли бы отправиться, если вы, конечно, примете предложение, завтра вечером.

— Вы тоже едете в Россию?

— Да. Вакации. К тому же вам потребуется переводчик, не так ли? Я и буду этим переводчиком.

Константин Фадеев откланялся.

— Боюсь, в моей картотеке Россия остается белым пятном.

— Самое время вывести его, Холмс. — Я видел, что мой друг колеблется.

— Ватсон, Ватсон... Десять лет назад я бы без раздумий тронулся в путь. — Он взял кочергу, отложенную на время визита русского. — Я, как эта кочерга — еще годная в дело, но далеко не новая. Помните, нам ее попортил доктор Ройлотт? Тогда я выправил ее довольно небрежно, а сейчас... — Он напрягся, и едва заметное искривление исчезло.

— Вот видите, Холмс!

— Пустое. — Но видно было, что Холмс доволен.

— Так мы отправляемся, Холмс?

— Ватсон! Я не решался вас просить. Россия далековата, это не Ливерпуль.

— Пустое, — вернул я словцо Холмсу. — Если едете вы, еду и я.

— Тогда собирайте чемодан, Ватсон. Едем туда, где мы нужны!

Хандра исчезла. Холмс вновь был заряжен бодростью, лучшим видом энергии. Он нужен! Его позвали на помощь!

Я радовался вместе с другом. Господи, если бы его пригласили на Южный полюс искать пропавшего Скотта, пришлось бы покупать шубу.

*

Описывать подробно дорогу я не стану. Поезда двадцатого столетия променяли романтику на комфорт. С точностью хороших часов пролетали мимо города и страны, пролетали и уходили в прошлое, во вчера.

Холмс, верный своему правилу не ставить телегу впереди лошади, не строил предположений, не имея фактов по делу, а отдыхал — спал, с аппетитом ел, опять спал, а бодрствуя, отказывался от газет, предпочитая оттачивать дедуктивные способности на незнакомцах, гуляющих на остановках по перрону. Я скучал — газеты были одни и те же, мы везли их с собой, а континентальные, особенно после того, как нас миновала Франция, вернее, мы ее миновали, прочесть мог разве полиглот. Поэтому я немного писал, а в оставшееся время пытался подражать Холмсу.

Наш Вергилий, Константин Фадеев, рассказывал о работодателе. Мы действительно направлялись в самые высокие сферы русской аристократии. Итак, «дядя» — принц Ольдбургский Петр усердно занимается свекловодством и сахароварением в поместье матери, Евгении Максимилиановны, великой княгини, племянницы Александра Первого, принцессы по мужу. Муж ее, отец нашего клиента, принц Александр Ольдбургский — любитель и покровитель наук, известен в ученом мире как археолог, химик и оптик. Жена «дяди», принцесса Ольга — сестра ныне царствующего императора Николая Второго. Имение Рамонь — это семь тысяч десятин пахоты, около пятнадцати тысяч акров; лес, замок, сахарный завод, кондитерская фабрика. Ольдбургские-старшие живут в замке, Ольдбургские-младшие — неподалеку в имении Ольгино. Разумеется, поми-

мо Рамони семья владеет огромными угодьями, дворцами, и многим, многим и многим во всех уголках громадной России.

На Холмса перечисление титулов, земель и богатств впечатления не произвело — до отъезда он внимательно просмотрел Готтский Альманах.

Тогда Константин перенес внимание на меня: несколько раз он робко намекал на то, что ощущает непреодолимую тягу к сочинительству, пробует себя в литературе, не мог бы я дать какой-нибудь совет начинающему автору. Я не люблю давать советы, даже медицинские, и отговорился тем, что русская литература мне, как иностранцу, недоступна. Пусть Константин обратится к своим великим соотечественникам.

— Великие умерли, — вздохнул студент, но более мне не докучал.

На четвертые сутки мы добрались до места. Почти добрались. На небольшой станции мы покинули экспресс.

— До имения десять миль. — Константин огляделся. К нам спешили двое. — Это за нами.

Встречающие подхватили наш багаж.

— Как же мы будем добираться? — От долгой езды мне казалось, что все вокруг так и норовит сорваться с места — вокзальчик, деревья, сомнительное строение, пахнущее лизолом.

Холмс поддержал меня за локоть.

— Кружится голова?

— Спасибо, Холмс. Проходит.

Мы шли вслед Константину.

— Надеюсь, идти не десять миль?

— Что вы. Уже пришли. — Он подвел нас к небольшому составу, паровозик и вагон. — Дядя построил ветку до Рамони.

Вагон оказался роскошным салоном — специально для встреч дорогих гостей, пояснил Константин. Его одного бы так не встречали.

— Как-то будут провожать, — рассмеялся Холмс.

Лес подступал прямо к полотну, еще немного, и ветви деревьев заколотят по вагону.

В салон вошел слуга.

— Он спрашивает, не угодно ли чего господам, — перевел Константин.

— В каком смысле — не угодно? — поинтересовался я.

— Чаю, водки, закуски.

— Но ведь имение рядом.

— Точно так-с.

— Мы, пожалуй, обойдемся.

Лес отступил, посветлело.

— Еще минут пятнадцать. — Константин глянул в окно.

Потянуло дымом, гарью.

— Никак, пожар.

Я тоже выглянул наружу. Невдалеке горел подлесок — трава, кустарник, а несколько мужиков пытались сбить огонь ветками.

Константин поговорил со слугой.

— Засуха. С Мокия нет дождя.

— С Мокия?

— Народная традиция — отмечать дни именами святых православной церкви. С середины мая. Если в скором времени не приударит дождик, плакала свеколка. Сухие грозы землю жгут, говорят мужики.

Пожар казался невелик, я предположил, что с ним управятся.

— Потушат, барин, не впервой.

Переводом своим Константин доказывал, что литература так просто от него не отделается.

Поезд замедлил ход.

— Вот и приехали.

Экипаж стоял напротив вагона. Нам не пришлось даже касаться багажа: все сделали слуги.

— Где же завод, замок? — Я сел рядом с Холмсом, Константин — напротив.

— На правом берегу реки. Туда идет узкоколейка, уголь, серу, известь возят, свеклу, а обратно — сахарок, конфеты.

Кучер тряхнул вожжами, и мы тронулись. Меж деревьев голубела река.

— Это наша речка, Воронеж. Проблемы с мостом — надо строить каменный, под тяжелый состав.

Мост и вправду был неказист: деревянный, на сваях, выкрашенный в темно-зеленый цвет, он напоминал замше-

лого дракона, притворявшегося спящим, в надежде на рассеянного путника, который примет его за настоящий добропорядочный мост.

А дальше, дальше и выше, стоял замок детских снов — с кокетливыми зубчатыми башенками, стрельчатыми окошками и всеми прочими финтифлюшками времен короля Артура.

— Замок Ольдбургских, — сообщил Константин деланоравнодушно, даже не поворачиваясь к замку лицом. У нас де этих замков — девать некуда.

Нам удалось миновать непроснувшийся мост. Деревья правого берега быстро надвинулись, заслоняя собой добрую старую Англию, на смену видению пришел аромат — тоже из детства, аромат сластей, рождественских даров, счастья.

— Конфетная фабрика. Видите, между ветлами, трехэтажная. А дальше — завод. Завод осенью заработает, а фабрике круглый год нет роздыху. Золотые медали Парижской и Лондонской выставок имеет.

Мы с Холмсом переглянулись, улыбаясь, — столько в этой небрежной фразе чувствовалось затаенного хвастовства.

У развилки экипаж повернул налево, в гору. Направо — это к фабрике, к сластям. Увы, нам не туда.

Лошади с рыси перешли на шаг, кучер для виду покрикивал на них, легонько стегал, но путь был крут, а лошади — мудры.

Дорога серпантином взбиралась вверх, огибая замок, и когда мы в конце концов выехали на ровное место, пришлось еще катить по аллее, тенистой, прохладной, вдоль каменной ограды.

Широко распахнутые ворота стерегли башенки, одна пониже, а другая — высокая, с курантами, которые как раз вызвенели музычку, а потом ударили трижды. Местное время.

Экипаж въехал во двор. Фонтан перед замком бодро пенил водяными струями, а сам замок вблизи обретал объем, вес, сущность и уже ненастоящим, сказочным не казался.

*

Нас поселили не во дворце, а рядом, в большом флигеле, называвшемся «Уютное». И действительно, жилище наше было весьма милым, более того — роскошным, но

роскошью не броской, а добротной и скромной — если такая роскошь возможна вообще. Дубовые панели, ковры, красное дерево. Ничего удивительного, объяснил Константин, дом строился и обставлялся для молодых, но принцесса Ольга купила имение неподалеку и построила усадьбу по своему вкусу, проще, но просторнее. «Уютное» же осталось для дорогих гостей. Великого князя Михаила, например. Или вот для Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Тем лучше для нас. Самого Константина поселили в третьем доме, тоже рядом, сорок шагов от флигеля, в «свитских номерах». Ничего, очень даже неплохо. Свитские номера — значит, для лиц, сопровождающих высоких гостей, для свиты. Хоть в печь клади, лишь горшком не зови, привел русскую пословицу Константин.

Мажордом передал, что принц Петр ждет нас через три часа, желая, чтобы мы сначала отдохнули и обвыкли с дороги. Ужин в семь пополудни, по случаю лета одеваться без формальностей.

— Дачная пора, сельский отдых,— комментировал Константин.— В Петербурге — куда, шалишь. Строго. А здесь, средь мурав и дубрав, попроще. И с мужиком в поле принц Петр за руку может поздороваться. Не со всяким, понятно, а с работящим, справным.

Смывая в ванной дорожную пыль, я гадал о характере дела, ради которого нас пригласили сюда. Пригласили Холмса, если быть точным. Сильные мира сего не часто прибегают к его услугам. Но — прибегают. Что-то будет на сей раз?

Я раздумывал над тем, что надеть, когда в дверь постучали.

— Ватсон, вы в нерешительности.— Холмс был в светлом полотняном костюме.

— Да, Холмс. Смокинг?

— Нет, нет, ни в коем случае. Во-первых, вы слышали: «без формальностей». Во-вторых, облачаясь в смокинг или во фрак, вы претендуете, хотя бы чисто внешне, встать с хозяином на одну ступень, в простой же одежде вы даете ему возможность снизойти до вас. И в-третьих, в России от иностранцев ожидают экстравагантности, она придает большой вес. Будь у вас костюм для игры в гольф...

— У меня нет костюма для игры в гольф.

— Тогда наденьте вот этот, клетчатый.

Я по-прежнему колебался, но решил довериться Холмсу. В конце концов, его принимали в Виндзоре.

— Не в этом дело, — словно прочитав мои мысли, рассмеялся Холмс. — Вызывая водопроводчика, вы ведь не ждете, что тот заявится во фраке, достаточно, если его одежда опрятна. Так вот, мы — те же водопроводчики.

Довод ошеломил меня, и я поспешил с переодеванием, согласно рекомендации моего друга.

И вовремя — Константин стоял на пороге.

— Господа, вы готовы?

Студент был в белой фрачной паре. Однако.

Заходящее солнце било прямо в фасад замка; струи фонтана казались игристым розовым вином, а сам замок светился огненно.

— Сколько лет замку? — спросил я студента.

— О, много. Двадцать пять, кажется.

— Двадцать пять?

— Да.

Мелкие водяные брызги настигли нас у ступеней парадного хода. На миг стало зябко. Холмс поежился, но жаркое континентальное лето поспешило вернуться.

— Вода — артезианская, — сообщил Константин, — водонапорная башня скрыта деревьями, но она под стать замку. Красивая. И высокая. С обратной стороны дворца — каскад, вода идет вниз, на сахарный завод и фабрику. Не зря тратится.

Лакей — ливрейный, в парике, повел нас внутрь замка, к принцу Петру. Константин остался у фонтана коротать время до ужина.

Несколько переходов по мрачноватым коридорам, и мы оказались в кабинете его высочества.

Принц встретил нас радушно.

— Располагайтесь, пожалуйста. — Он указал на кресла.

Мы сели, а его высочество зашагал по ковру, больному, но изрядно вытертому.

— Благодарю вас, господа, что вы смогли откликнуться на мою просьбу и приехать сюда. Дело, которое заставило прибегнуть к вашей помощи, на первый взгляд может показаться мелким и пустячным, но поверьте, для ме-

ня, для всей нашей семьи оно имеет исключительно важное значение. Сигару? — спохватился принц Петр.

— Я предпочитаю трубку. — Холмс полез в карман.

Сигару взял я, уж не знаю зачем. Последнее время я отвратился от курения, а сигары вообще пробовал редко. Однажды, если мне не изменяет память. Наверное, действовала атмосфера: принцы, замки, Россия.

— Здесь, в этом кабинете — наш рабочий сейф. Неделю назад я заметил, что из него исчезли драгоценности моей жены, кольцо с бриллиантом и пара рубинов. Пропажа неприятна и сама по себе, но особенно из-за некоторых обстоятельств, связанных с камнями.

— Каких же?

Холмс наслаждался своей трубкой, а я без всякого удовольствия пускал дым в потолок — тоже не простой, облицованный деревом, по которому были выжжены десятки миниатюр. Просто Шахерезада, тысяча и одна ночь.

— Камни — приданое жены и весьма редки. Бриллиант — шестнадцать карат, а рубины просто уникальны — они светятся в темноте. По преданию, это очень древние камни, из сокровищницы египетских фараонов, и их потеря крайне огорчительна.

— В сейфе хранились только эти драгоценности?

— Да. Собственно, жена держит свои украшения в нашем имении Ольгино, а эти камни я принес исследовать на радиоактивность. Я предполагаю, что свечение является следствием содержания в рубинах примеси радия, и хотел повторить опыт доктора Беккереля — положить на фотопластинку, обернутую черной светонепроницаемой бумагой. Так вот, я их принес, а на следующий день, когда я вознамерился провести эксперимент, они пропали.

— А почему вы решили поставить опыт здесь, а не в своем имении?

— Хотел воспользоваться лабораторией отца. Да и ему было любопытно проделать с камнями некоторые эксперименты из области оптики. Собственно, это была его идея — насчет радия.

— Следовательно, о том, что драгоценности были здесь, в сейфе, знали вы и ваш отец, принц Александр. Кто-нибудь еще?

— Жена. Я, разумеется, взял драгоценности с ее согласия.

— Позвольте взглянуть на сейф.

Принц подвел Холмса к стене.

— А, сейф Майера. Солидный ящик. — Холмс осмотрел дверцу. — Сколько ключей от этого сейфа?

— Один. Потеряйся он, пришлось бы обращаться в фирму.

— Где он хранится?

— Здесь, в конторке. — Принц открыл ящичек. — Вот он.

— Вам не кажется бессмысленным заводить отличный сейф, а ключ держать там, где его способен отыскать и ребенок?

— В сейфе обычно не хранится ничего ценного. Ключ же лежит в секретном отделении конторки. К тому же в наше отсутствие кабинет всегда заперт.

— Заперт? Но ведь его когда-то убирают?

— Да. Разумеется, да. Но в доме никогда не было краж.

— Позвольте ключ.

Холмс подошел к окну, под увеличительным стеклом рассмотрел бородку.

— Сложная работа. Откройте, пожалуйста, сейф. — Он вернул ключ принцу.

Дверца, толстая, огнестойкая, бесшумно открылась. В глубине виднелись бумаги, конверты, папки.

— Где находились драгоценности?

— В дополнительном отделении, с шифром.

Действительно, в правом верхнем углу был еще один ящичек, сейф в сейфе, с четырьмя рукоятками.

— Камни хранились в нем?

— Да. Как видите, опасаться чего-либо причины не было.

Холмс рассмотрел рукоятки.

— Буквенный шифр. Свыше двухсот тысяч комбинаций. Кому известно слово?

— Мне. И отцу.

— Оно где-либо записано, слово?

— Нет, мы его помним, оно простое: «зеро».

— Бумаги представляют ценность?

— Не для воров. Семейные документы, письма, старые рукописи.

— Ничего не пропало?

— Кроме драгоценностей — ничего.

— Они застрахованы?

— Драгоценности? Рубины — нет.

Холмс несколько минут внимательно изучал сейф.

— Видите ли, мистер Холмс...

Принц положил в пепельницу сигару, не искуренную и наполовину. Нервничает. Годы, проведенные рядом с Холмсом не прошли впустую: я подмечал и беспокойное шевеление пальцев, и бледность лица. Пульс, наверное, под восемьдесят.

— Главная неприятность заключается в том, что камни — рубины — просит на время Александра Федоровна.

— Простите, кто?

— Это я должен извиниться. Снобизм — называть запросто ее императорское величество. Но она — жена шурина. К тому же произносить титул — верный способ привлекать внимание посторонних. Мы стараемся этого не делать.

— Зачем императрице понадобились камни вашей жены?

— Видите ли... Сейчас при дворе увлекаются оккультными науками. Спиритизм, мессмеризм, что там еще. А рубины якобы упоминаются в «Книге Мертвых», древнеегипетском папирусе. Возможно, это действительно те самые камни. Императрице они понадобились для спиритических сеансов. Ольга, конечно, согласилась исполнить просьбу. Поэтому я и поспешил с опытами: кто знает, на какой срок рубины понадобятся Александре Федоровне. И вот они пропали. Очень неудобно, неловко.

— Когда вы получили просьбу императрицы?

— Письмо от нее передал полковник Гаусгоффер, он свой человек при дворе. Полковник и должен был отвезти камни.

— Гаусгоффер? Я где-то слышал это имя.

— Он полковник германской армии, сейчас в длительном отпуске. Известен путешествиями в Гималаи.

— Да, да, вспомнил. Экспедиция восьмого и одиннадцатого годов. — Холмс прикрыл дверцу сейфа. — Когда полковник прибыл в имение?

— Неделю назад.

— А камни пропали...

— На следующий день.

— Полковнику известно о пропаже?

— Нет. Никому не известно, кроме нас с отцом. Я очень рассчитываю на вашу помощь.

— Я приложу все силы.

— Только... Дело предельно деликатное, вы понимаете?

— Я приложу все силы, — повторил Холмс. — Кстати, почему вы решили обратиться именно ко мне?

— Мистер Холмс, даже здесь, вдали от Англии, вы известны как крупнейший эксперт в своей области. О вашем таланте много рассказывал доктор Мортимер.

— Вы знакомы с доктором Мортимером?

— Да. Год назад отец пригласил доктора Мортимера на раскопки захоронений древнего человека. Неолитического, кажется, так. Отец страстный поклонник науки, и, когда оказалось, что в меловых пещерах нашей реки тысячелетия назад жили первобытные люди, он пригласил доктора Мортимера, которого давно знает по публикациям.

— Верно, Холмс, — подтвердил и я. — Помнится, я получил письмо от Мортимера. Благодаря поддержке сэра Генри он оставил врачебную практику и полностью посвятил себя любимой науке.

— Любопытно, любопытно, — пробормотал Холмс. — Мне необходимо поговорить с принцем Александром, а возможно, и с другими людьми, проживающими в замке.

— Разумеется. — Принц посмотрел на часы, напольный «Анхейм». — Сейчас будет ужин, и вы познакомитесь со всей семьей... и с полковником Гаусгоффером, конечно.

*

Ужин, верно, по случаю лета, имел место быть на террасе, откуда виднелись река, станция, лес и невесть какая даль за лесом.

Все проходило довольно мило: нас представили их высочествам — Ее Императорскому Высочеству принцессе Евгении, Ее Императорскому Высочеству принцессе Ольге, принцу Ольдбургскому Александру (без титулов, без титулов, у нас в Рамони запросто), молоденькой девушке Лизе, воспитаннице принца Александра, и полковнику Гаусгофферу. С Константином мы уже были знакомы. Раз-

говор завязался оживленный — о ланкастерской системе взаимообучения, о сравнительных достоинствах немецкой и французской метод извлечения сахара из свеклы, о полифонических мотетах (по-моему, реверанс в сторону Холмса), и еще, еще и еще. Беседа шла на очень недурном английском, и Константин мог не утруждаться. Он и манкировал обязанностями, ведя приватную беседу с молоденькой, лет семнадцати, воспитанницей. Остальные относились к этой парочке благосклонно — я продолжал совершенствоваться в искусстве наблюдать и делать выводы.

Признаться, я был несколько разочарован, не найдя роскоши арабских сказок — золотой посуды, гор икры, танцующих невольниц, гуляющих павлинов и медведей на вертеле. Довольствоваться пришлось мейсенским фарфором, стерлядью по-казацки (среда, пояснил Константин, а при чем здесь среда?) и игристыми донскими винами. Где-то неподалеку слышались препротивные крики, и студент уверял, что это павлины.

Время шло плавно, похоже, все чувствовали себя прекрасно, даже Холмс оживленно объяснял принцессам особенности исполнения кельтских напевов. Пытались вовлечь в разговор и меня, я потел, отвечал невпопад, поперхивался вином, отменным, нужно признать.

Когда дамы покинули нас, стало полегче. На смену игристому пришел серьезный портвейн. Холмс раскурил трубку. Я не замечал никаких признаков погруженности в раздумья, казалось, мой друг просто отдыхал, наслаждался вечером. Впрочем, порой я замечал и признаки неудовольствия, легкие, едва заметные даже для меня, проведшего бок о бок с Холмсом многие (и лучшие!) годы. Я бы сравнил настроение Холмса с настроением хирурга, которого спешно пригласили к августейшей особе удалить бородавку.

Журчала вода каскада, бежавшая вниз, я, благодушный, умиренный вином, следил за прихотливым разговором.

— Материализм, идеализм — слова, ярлыки. Наука отличается от суеверия прежде всего терминологией. — Старый принц вел главную тему, остальные подыгрывали ему, впрочем, не без изящества. — Возьмем открытия медицины. Материалисты, если не ошибаюсь, объясняли раньше

природу холерины дурными испарениями, миазмами. Не так ли, доктор Ватсон?

— Э... Совершенно верно.

— Колдуны же и знахари считали, что дело в демонах холеры. Теперь, после открытий профессора Коха, наука установила: причина холерины — микроб, невидимое глазу существо, вселяющееся в человека и доводящее его до болезни. Чем отличается, в таком случае, микроб от демона? И где они, миазмы?

— Но, выше высочество... — Полковник не забывал титуловать принца. Наверное, и потому, что обращаться по имени и отчеству, как это принято у русских, гораздо труднее. — Вы не станете отрицать того, что наука являет собой могучую силу.

— Именно. Именно, Herr Oberst. А у нашего народа есть поговорка: сила есть — ума не надо. Ученые все более используют руки, а не голову, наука бьет тараном там, где нужно найти ключик, вставить в скважину и провернуть.

— Найти! То-то и оно! Они, ключики, под ногами не валяются.

— И не должны валяться, Herr Oberst. Ибо втопчут их во грязь. Или того хуже, откроют дверь.

— Почему же хуже?

— Дверь пропускает в обе стороны.

Я сидел и слушал знаменитую русскую беседу. Солнце успело закатиться, принесли лампы, на свет которых летели мотыльки, летели и кружились, не в силах одолеть стекло, не пускавшее к огню.

— К счастью или несчастью, дверь эта потаенная, непостоянная, покажется и исчезнет надолго, на всю жизнь, превращая ключик в безделицу, в ничто — до следующего раза в другое время, другое поколение.

Длинная дорога, незнакомое место, новые люди, вино — все это вместе создало во мне странное состояние благости, восторженного покоя. Я потягивал портвейн, постепенно пьянея, но ничуть не тревожился этим. Такие милые люди, такой спокойный, уверенный Холмс, да и дело выходило хоть и загадочным, на мой искушенный взгляд, но не страшным, не кровавым. Приятное дело, приятное место, приятные люди.

— Ах, что это я разболтался, — перебил сам себя принц Александр. — Время позднее, а вы с дороги. Доброй ночи, доброй ночи всем. А завтра, мистер Шерлок Холмс, я уверен, все трудности разрешатся.

Холмс вежливо поклонился. Все поднялись.

— Всего... Всего восьмой час! — запротестовал я.

— В Лондоне, Ватсон, в Лондоне. — Холмс взял меня под локоть и настойчиво повлек по дорожке вокруг замка.

Яркая полная луна светила лучше дюжины фонарей.

— Я... Я вполне трезв, Холмс.

— Не сомневаюсь.

— Но я действительно трезв. А вот вы, Холмс, не пили почти ничего. Ни вы, ни остальные. — Сейчас я осознал, что стаканы, кроме моего, оказались лишь пригубленными.

— *Отдаю должное вашей наблюдательности, Ватсон.*

— Тогда почему мы ушли?

— Потому что с нами попрощался хозяин.

— Ах да. Водопроводчики, верно?

Мы успели дойти до нашего пристанища, когда Холмс наконец отпустил мою руку.

В холле нас встретил слуга. На странном французском он объяснил, что предоставлен в наше распоряжение и не будет ли чего угодно. Холмс отправил его отдыхать, и слуга ушел, *оставив колокольчик: только позвоните, и он тут* как тут. Очень удобно.

Мы сели в кресла около столика, Людовик Шестнадцатый.

— Наши хозяева заботливы. — Холмс указал на бутылку. — Столь любезный вашему вкусу портвейн. Желаете?

— Нет. — Хмель потихоньку таял, искушение росло, но я удержался.

— Отлично. — Он вернул бутылку на стол. — Ну, каково ваше впечатление, Ватсон?

— Просто загадка. Сейф с шифром, а драгоценности исчезли. Невообразимо!

— Да. — Холмс грустно улыбнулся.

— Вы... У вас есть гипотеза?

— Полагаю, мне известно, кто взял драгоценности.

— Неужели?

— Полагаю, это известно и принцу Петру.

— Тогда зачем...

— Полагаю, и похититель знает, что я знаю и что знает принц Петр.

— Погодите, Холмс, погодите. Он знает, что вы знаете, что знает... Нет, это чересчур запутанно. Зачем вообще было звать вас, если всем все известно?

— Грязная работа, Ватсон. Грязная работа. Вы тоже способны мыть полы в приемной после визитов больных, но держите для этого санитарку, не так ли?

— Держал. — Я вздохнул. — Держал, когда практиковал. Но все же...

— Семья Ольдбургских может себе позволить пригласить экспертов из Англии. Это богатая семья, Ватсон, очень богатая.

— Кто же похититель?

— Завтра, Ватсон, все завтра. Вы ведь помните — самым деликатным образом. И переведите часы, или лучше дайте их мне. Вот, Ватсон, теперь вы окончательно в России.

Мы разошлись по спальням. Кровать была расстелена, пахло свежестью, толстая ночная свеча едва горела, но мне хватало света и из окна, от луны.

Я выглянул наружу. Окна моей комнаты выходили на парк. Кроме луны, нигде не виднелось ни огонька. И тишина, полная, почти абсолютная тишина

Безмятежный, убаюканный покоем, я засыпал с мыслью, что более легкого и приятного дела я не знал за все годы знакомства с Холмсом.

Как человек может ошибаться!

*

Стук в дверь разбудил меня, стук и настойчивый зов:

— Ватсон, Ватсон, просыпайтесь!

— Холмс, это вы? — Я посмотрел на часы. Господи, даже здесь четверть шестого, а в Лондоне?

— Быстрее одевайтесь, Ватсон, я жду вас.

Если Холмс будит так рано, значит, не без оснований. Я пренебрег бритьем, ограничась умыванием. В холл я спустился через десять минут, но Холмс уже ушел — на столе лежала записка: «Идите к левому крылу замка». Видно, дело не терпело отлагательств. Странно. Я-то думал, что

Холмсу осталось положить руку на плечо похитителя и сказать: верните драгоценности! — а это совсем не обязательно делать столь рано.

Росы не было, и туфли мои оставались сухими после шагов по высокой траве. Холмса я нашел сразу, Холмса и еще несколько человек — принца Петра, полковника Гаусгоффера и Константина.

— Доктор, взгляните. Может быть...

Принц выглядел растерянным, смятенным. Подойдя ближе, я понял причину волнения: за кустами в траве лежала мисс Лиза, воспитанница старого принца. Восковая бледность ее лица настораживала, а когда я попытался отыскать пульс, холод тела подтвердил — девушка мертва. Рука ее вывернулась под немыслимым углом, а приподняв туловище, я понял окончательно — сломана шея.

— Она мертва,— сообщил я присутствующим очевидное.

Холмс кивнул.

— Ее нашел садовник — вот его следы. Садовник сообщил мажордому, тот — принцу Петру, а затем подошла и моя очередь. Какова, по вашему, причина смерти, Ватсон?

— Ну... Необходим детальный осмотр тела.

— Но первое впечатление?

— Возможно, падение с высоты.

Я задрал голову вверх, и все остальные — тоже. Там, наверху, на высоте пятидесяти футов, виднелось открытое окно башни.

— Выпала оттуда, — предположил полковник.

— Ваше высочество, вы, я думаю, должны сообщить о случившемся властям? — Холмс вопросительно посмотрел на принца.

— Да. Я телеграфирую в город. В замке есть связь с железнодорожной станцией, а уж оттуда...

— Мы можем перенести тело в более подходящее место?

— Я пошлю человека в больницу. Это совсем рядом.

— Хорошо. Ватсон, я попрошу вас провести подробный осмотр.

Больница действительно находилась рядом. Через четверть часа к замку подъехала телега, пара санитаров осторожно переложили на нее тело бедной девушки. Пришел и доктор. К сожалению, он не знал английского, а Констан-

тин был настолько потрясен, что использовать его в качестве переводчика, да еще в столь специфическом деле, не представлялось возможным.

Пришлось объясняться на дурном французском и скверной латыни.

Секционный зал в больнице отсутствовал; осмотр велся в хирургическом кабинете.

Я опущу подробности — в работе врача хватает малопривлекательных моментов. Окончив обследование, мы передали тело санитарам обряжать в одежды, доставленные из замка. Доктора поджидали пациенты, около дюжины окрестных крестьян. Пожелав успехов коллеге, я направился по пыльной дороге назад, к замку. Вернулась жара, тянуло дымом, опять, наверное, горел лес. Гуси, одуревшие от зноя, провожали меня змеиным шипом, хозяйка в живописной рванине заголосила «тега-тега», и тогда птицы, потеряв интерес к незнакомцу, с гоготом кинулись на зов. Кормежка. Я вспомнил, что ничего не ел со вчерашнего ужина. И не хотелось.

Холмс был в «Уютном», в холле, успев выкурить несколько (судя по плотности табачного дыма) трубок. В кресле напротив Холмса сидел Константин.

— Располагайтесь, Ватсон. Сейчас нам принесут бутерброды. Или желаете чего-нибудь поосновательнее?

— Нет. — Я и бутербродов не хотел.

— Итак, Константин, вы виделись с мисс Лизой после ужина?

— Да, мистер Холмс. Недолго. Она... Она должна была помочь принцу Александру в приготовлениях к какому-то эксперименту.

— Ночью?

— Да. Что-то связанное с лунным затмением. У принца Александра разносторонние интересы, а к этому затмению он готовился особенно тщательно. Лиза говорила, что принц очень волнуется и поэтому она должна немедленно идти в лабораторию.

— Лабораторию?

— В замке под нее отведено несколько комнат, в башне и в нижних этажах. Химические и оптические опыты, фотография... Точно не знаю.

— И мисс Лиза помогала ему?

— Иногда. Это было знаком особого расположения принца Александра.

— Должен ли был еще кто-либо присутствовать при этом эксперименте?

— Нет, кажется. Лиза об этом ничего не говорила.

— Спасибо, Константин. Ваша помощь ценна для нас

Студент что-то пробормотал и, задевая по дороге мебель, вышел.

— Ну, Ватсон, что скажете вы?

— Смерть девушки наступила после падения с высоты Определяются переломы костей, вероятны разрывы органов

— Вероятны?

— Мы не проводили вскрытия. Это не принято здесь по религиозным мотивам. Я исхожу из того, что грудь и шея девушки имели значительные раны — она упала на куст, сучки, а крови, как вы сами видели, возле тела практически не было. Следовательно, кровотечение происходило вовнутрь.

— Спасибо, Ватсон.

— Холмс,— я откусил-таки бутерброд,— а что говорит старый принц?

— Его не могут найти.

— Принца?

— Принца Александра.

— Он исчез?

— Вы совершенно точно охарактеризовали ситуацию.

— Но почему вы сидите здесь?

— Ватсон, мы с вами находимся в России, стране со своими законами и обычаями. Я не могу действовать без ведома властей. Кража драгоценностей — частное дело. Смерть — нет. С минуты на минуту ожидают следователя из губернского города.

Я посмотрел на часы. Ого! с момента пробуждения минуло три часа.

Слуга на своем странном французском передал, что нас просят в замок.

— Идемте, Ватсон.— Холмс поднялся чуть медленнее, чуть тяжелее прежнего.

Ставшая привычной дорога мимо фонтана; гулкая прохлада замкового холла, паркет, массивные двери — все вос-

принималось мной ясно и резко, отпечатываясь в памяти высококлассным дагерротипом.

В кабинете нас ждали принц Петр и незнакомец — мужчина средних лет в свободном чесучевом костюме, с усами и бородой.

— Мистер Холмс, доктор Ватсон, — Свиридов Олег Юрьевич, следователь. — Принц прибавил какой-то сложный и длинный чин.

— Весьма, весьма рад! — усердно затряс руку Холмса следователь. Похоже, в России все говорят по-английски. Необычайно удобно. Или семья Ольдбургских жалует англоманов. — Какое же дело привело вас в наши палестины, мистер Холмс?

— Мне поручено отыскать некую... пропажу.

— Пропажу? — Следователь был невысок и, скорее, тщедушен, но голос, басовитый, глубокий, невольно заставлял относиться к его владельцу со всей серьезностью. — Ох уж эти пропажи. Мой совет, если не побрезгуете, — ищите среди прислуги. Девяносто шансов из ста. Девяносто девять. В романах, конечно, прислуга вне подозрений, все как один верны и преданны, но в жизни часто наоборот. По крайней мере, в России.

— Я приму ваш совет к сведению.

— Осмотрим место происшествия, господа! — Следователь энергично повел нас наружу. Ничего не оставалось, как идти за ним.

— Значит, тело обнаружили здесь? Вы, мистер Холмс, вероятно, все тщательно обследовали?

— Да. — И Холмс подробно рассказал об утренних событиях, а я — о результатах осмотра тела.

— Падение с высоты, да... Бывает. Кто последним видел мисс Лизу?

— Вероятно, отец. — Принц Петр выглядел наиболее уставшим из нас, хотя был тщательно выбрит, причесан и одет.

— Принц Александр? Тогда мне нужно переговорить с ним.

— Его... Его нет.

— Нет? Он что, в отъезде?

— Все лошади в конюшне, а на станции он не появлялся.

— У него в привычке вот так... уходить?

— Нет.

— И вы не знаете, где бы он мог находиться?

— Нет. Не знаю. — С каждым «нет» принц старел на несколько лет.

— Тогда, быть может, вам известно, чем именно собирались заняться ваш отец и мисс Лиза?

— Лиза ассистировала.. помогала отцу в его опытах. Один из них отец собирался провести этой ночью — сфотографировать лунное затмение каким-то совершенно новым способом.

— Где же проводился этот опыт?

— В лаборатории. Я покажу.

Мы вернулись в замок боковым, неглавным ходом и поднялись в башню.

— Это верхняя лаборатория, — проговорил принц, открывая дверь.

Мы вошли. Следователь сразу направился к полураскрытому окну.

— Ага! — Он выглянул, посмотрел вниз. — Понятненько. Из этого окна и выпала мисс Лиза. — Он начал изучать подоконник.

Комната напоминала мастерскую оптика — зеркала, линзы, призмы были аккуратно разложены на столе.

— Любопытно. — Холмс обратил внимание на большую, футовую линзу, закрепленную на массивном штативе.

— Осторожно! Бога ради, не сдвиньте! Здесь очень чувствительный часовой механизм, — шагнул к Холмсу принц Петр.

Холмс встал перед линзой, заглянул в нее.

— Луч из окна, пройдя сквозь линзу, попадает сюда. — Он указал на призму, укрепленную в нише стены. — Судя по всему, дальше сфокусированный луч преломится и пойдет вниз. Видите?

Действительно, в нише под призмой начиналась небольшая, около квадратного фута, шахта.

— А это что?

Прямо под призмой, еще на одном штативе было закреплено серебряное кольцо. Похоже, в кольцо вставлялась маленькая линзочка, нечто вроде окуляра.

— Вы считаете, эта оптическая, хм, система имеет отношение к случившемуся? — Русский следователь скептически смотрел на Холмса. Вот, мол, за какие турусы на колесах получают некоторые гонорары.

— Я просто пытаюсь понять, что происходило здесь ночью. Каково ваше мнение?

Следователь встал на низкий, около полуярда от пола, подоконник.

— Я без труда достаю верхнюю задвижку, но мисс Лизе пришлось бы подняться на цыпочках.

— Зачем? Зачем ей подниматься на цыпочках? — Меня задел отход Холмса на задний план.

— Чтобы запереть окно. Думаю, когда принц Александр закончил фотографировать небесные светила, он ушел, а мисс Лиза привела в порядок свои записи, или что она там вела, захотела закрыть окно, потеряла равновесие и вывалилась наружу. Кто-нибудь слышал крик? Надо порасспрашивать людей.

Тут я вспомнил:

— В три часа ночи я просыпался. Что-то, не знаю точно что, меня разбудило, знаете, как это бывает со сна. Не исключено, что это был крик или шум падения.

— В три пятнадцать, Ватсон. — Холмс встал рядом со мной.

— Возможно. Я лишь мельком взглянул на часы.

— И вы слышали крик, мистер Холмс?

— Нет. Как и доктор Ватсон, я не могу сказать точно, что именно меня разбудило.

— Подобное пробуждение было и у меня, — признался принц. — Я ночевал здесь, а не в Ольгино.

— Понятно. Значит, время нам известно. — Следователь походил на ученика, успешно решившего у доски первое действие сложной задачи.

— Ваше высочество, — обратился к принцу Холмс, — вы упомянули, что это — верхняя лаборатория. Мне думается, стоит осмотреть и нижнюю. Ведь она есть, нижняя лаборатория?

— Да, — нехотя признал принц. — Наверное, мы обязаны ее осмотреть. Отец категорически возражает против проникновения в нее посторонних, но в сложившейся ситуации... — Он подошел к стене. — Причуда архитектора. —

Принц утопил декоративный выступ, и часть стены превратилась в невысокую узенькую дверь. — Прошу, господа. Осторожно, винтовая лестница.

Ступени круто уходили вниз, ход едва освещался откуда-то сверху. Становилось все темнее, все глуше.

— Сколько, Ватсон? — спросил Холмс, когда мы остановились на площадке в самом низу.

— Сто шестьдесят четыре ступени. — С давних пор у меня вошло в привычку измерять лестницы.

— Совершенно верно. Следовательно, мы ниже уровня почвы, в подземелье.

В сгустившемся мраке с шипением разгорелась спичка.

Принц Петр взял с подставки трехсвечный канделябр.

— Сейчас, господа.

Подземелье меня не удивляло. Если человек, богатый человек, построил в канун двадцатого века средневековый замок, значит, он романтик, и в замке обязательно будут и «норка священника», и подземелье, и потайные ходы, словом, все, о чем мечталось в детстве.

Тяжелая дверь раскрылась бесшумно. Строили хорошо, воздух свеж и сух.

Мы оказались в зале: высокий, футов пятнадцать, свод поддерживался колоннами, толстыми и грубыми.

— Нижняя лаборатория, господа.

Принц зажег еще несколько свечей, расставленных в пристенных подсвечниках, и они отразились многократно: большую часть стен зала занимали огромные зеркала, создавая иллюзию бесконечного пространства. Зал оказался не столь уж велик: пятиугольной формы (еще одна прихоть архитектора?), он в поперечнике составлял не более двадцати футов. И он был пуст, лишь в центре стояло возвышение, постамент, формой повторяющий зал.

— Поверхность серебряная.

Холмс склонился над постаментом. Я присмотрелся. Выглядит, действительно, как серебро. А в центре возвышения виднелась небольшая, около дюйма, выемка.

— Похоже, и сюда вставлялась маленькая линзочка. Или что-то еще.

— Какое это имеет значение? — Следователь, дюжинами повторенный в зеркалах, не мог скрыть раздражения.

— Возможно, никакого.

— Темна вода во облацех, — пробурчал следователь.

— Отец разрабатывает способ многомерной фотографии и не хочет преждевременной огласки.

— Скажите, есть здесь другой выход, прямо наружу? — Следователя охватила новая идея.

— Да, — после секундной заминки ответил принц. — Им почти не пользуются.

— Все-таки позвольте его осмотреть.

— Пожалуйста, — согласился не без досады принц. Лаборатория производила вид прихоти чудака, сумасброда, и демонстрировать ее посторонним вряд ли нравилось его высочеству. Их высочествам.

Рядом с одним из зеркал оказалась еще одна дверь. Принц толкнул ее.

— Не заперто. Странно.

— Позвольте! — Следователь взял канделябр из рук принца и, наклонясь, шагнул в темный проем.

— Берегите голову!

Холмс поспешил за ним. Я вынул из подсвечника свечу и тоже прошел в дверь. Сзади, в арьергарде, слышались шаги принца. Ход оказался низким — приходилось пригибаться — туннелем, выложенным известняком. Прихотливый архитектор, да уж. Футов через двести ход заканчивался другой дверью, тоже массивной, прочной и тоже незапертой. Дверь открывалась в каменное пустое помещение.

Холмс со следователем поджидали нас.

— Эту дверь обычно не оставляют открытой? — спросил следователь.

— Да. Это амбар. Мы его давно держим пустым.

Следователь пошел к выходу из амбара.

— Третья дверь, и опять только притворена. — Он распахнул ее, и солнечный свет загасил свечи. — Смотрите, мистер Холмс! Это, несомненно, следы! — Следователь не скрывал торжества.

Я заглянул через плечо Холмса. Перед нами была река. Амбар располагался на высоком склоне, к реке вел каменный спуск, но между спуском и дверью оставалось несколько футов земли, поросшей сорной травой.

— Поломанные стебли указывают на то, что здесь кто-то проходил.

На спуске след терялся, зато у реки, на песке...

— Какие четкие следы! Прямо со страниц учебника!

На песке виднелись две бороздки. Неглубокие, они тянулись параллельно друг другу.

— Здесь явно волокли тело. По характеру следов ясно, что направление движения — к реке.

— Смелое предположение, — холодно сказал Холмс.

— Это очевидно, мистер Холмс. Некто дотащил тело до данного места, затем достал лодку, подогнал сюда, погрузил в нее свою ношу, отплыл, вероятно, ниже по течению и утопил в каком-нибудь омуте.

— Чье тело вы имеете в виду? — так же холодно спросил Холмс.

Следователь замялся.

— Учитывая, что следы ведут от лаборатории и принца Александра никто не видел со вчерашнего вечера, можно сделать определенные выводы. Впрочем, давайте пройдем к причалу.

Ярдах в ста выше по течению на воде качалось несколько лодок; крестьяне возились вокруг одной, вытащенной на сушу, верно, конопатили.

Мы подошли. Мужики, оторвавшись от дела, поклонились, ломая картузы. Следователь о чем-то спросил. Один из мужиков, бородатый старик, степенно ответил.

— Он говорит, что действительно пропала лодка, Фрола Щеглеватых. Сроду не бывало такого. Разве из озорства?

— А весла? Уключины? — Холмсу, похоже, не нравилась версия следователя.

— В шалаше, рядышком, шест был. Без присмотра. Фрол — мужик легкомысленный. Да и не думал, что на его лодку кто позарится. Дрянь лодчонка, если честно. Коли по глупости угнали, озоруя, то найдется. Куда ей деться.

Следователь кончил переводить, поговорил с мужиком еще, затем повернулся к нам.

— Я распорядился, чтобы они прошли вниз по реке. Может быть, и отыщут лодку. Тело-то вряд ли. Наверное, притопили, придется прочесывать реку баграми, — и, спохватясь, добавил: — А ваше мнение, мистер Холмс?

— Я восхищен вашей энергией, — сухо ответил мой друг.

Мы вернулись к амбару.

— Ищите женщину, говорят французы. Женщина у нас есть. Был ли у нее друг сердца?

— Она находилась в определенных, впрочем, вполне невинных отношениях с Константином Фадсевым, моим крестником.

Принц Петр устал. Все мы устали — за исключением следователя. А тот бодро продолжил:

— Когда его видели в последний раз?

— Утром. Утром у тела. Потом он пошел к себе. Константин тяжело переживает случившееся. — Принц, которому было лет сорок, теперь выглядел старше своего отца.

— Я должен видеть его.

— Господа... Господа, вы проводите? Мне требуется побыть одному.

— Разумеется, — кивнул Холмс.

Принц остался у входа в подземелье, мы же, не сговариваясь, предпочли идти верхом. Тропа привела нас к широкой гранитной лестнице, поднимавшейся прямо к замку, водяной каскад освежал путь, но я заливался потом, и следователь непрерывно утирался огромным клетчатым платком. Один Холмс бесстрастно поднимался выше и выше.

На середине подъема мы остановились перевести дух.

— Константин живет в свитских номерах. Я разговаривал с ним незадолго до вашего приезда. Он утверждает, что виделся с мисс Лизой вечером, коротко, всего несколько минут. И все.

— Ну, мистер Холмс, люди иногда говорят правду, а иногда и лгут, — сказал следователь, когда к нему вернулся голос. — Он живет один? Я имею в виду, кто-нибудь может подтвердить, что он ночью не покидал своей комнаты?

— Там же живет и полковник Гаусгоффер. Здание довольно велико, рассчитано на десяток гостей.

Из вежливости следователь не торопил нас, но видно было его нетерпение. Он походил на фокстерьера у норы, охваченного ожиданием предстоящей схватки.

Мы одолели оставшиеся ступени — признаться, на сей раз я пренебрег счетом — и, обогнув замок, подошли к «номерам».

У входа нас нагнал полковник.

— Я только что разговаривал с ее императорским высочеством Евгенией Максимилиановной, исключительно волевая женщина.

— Знакомьтесь. — Я представил следователя полковнику.

— О принце Александре нет известий? — Следователь стремительно вцепился в Гаустоффера.

— Нет, и это тревожит.

— Вы ночью... не слышали ничего необычного?

— Нет. Я спал крепко. Вернее... Сквозь сон... Нет, ничего не могу сказать наверное.

— А Константин Фадеев? Он всю ночь провел в доме?

— Вероятно. Пришел он минут через двадцать после меня, мы выпили по бокалу вина в гостиной, а потом разошлись.

— Вы слышали, он лег спать?

— Помилуйте, каким образом? Даже если Константин печатал на машинке, стоило ему плотно прикрыть дверь, как треск проклятого механизма пропадал напрочь. Это отлично построенный дом, превосходно!

— Печатал на машинке?

— Ну да. Он признался, что пробует себя в литературе, но много времени отнимает учеба, предстоит написать рефераты... Хочет побыстрее с ними разделаться, чтобы потом целиком отдаться сочинительству. Мы с ним вчера немного поговорили, перед сном.

— Замечательно. — Нетерпение следователя гнало его дальше. — Вы не покажете комнату господина Фадеева?

По лестнице, покрытой ковровой дорожкой — не такой добротной, как в «Уютном», — мы поднялись на второй этаж.

— Пожалуйста. Это комната Константина.

Следователь постучал — громче, громче и громче.

— Не отвечает.

— Дверь не заперта. — Холмс потянул ее на себя. — Проходите.

Можете назвать это предчувствием, можете — дедуктивным выводом, но то, что я увидел, меня не удивило. Похоже, каждый был к этому готов, кроме, быть может, полковника Гаустоффера.

Пока я поддерживал тело за ноги, следователь поставил опрокинутый стул, влез на него и ножом перерезал веревку у крюка люстры.

Я ослабил петлю и освободил шею. Тело было теплым, но это уже было именно тело, а не Константин.

— Доктор, можно что-нибудь сделать? — без надежды спросил следователь.

Я покачал головой.

— Он мертв не менее получаса. Скажем, так: от двадцати минут до получаса.

Дежавю. Все это уже было. Совсем недавно.

— Самоубийство?

— Борозда удавления показывает, что он был жив, когда затягивалась петля. Но... — Я колебался.

— Но, Ватсон? — Глаза Холмса блестели, старая ищейка чуяла горячий след.

Я потрогал голову Константина.

— Определенно, имел место ушиб. Он ударился — или его ударили — довольно основательно. Череп не проломили, но оглушить могли.

— Но не обязательно? — Следователь тоже едва не дрожал от возбуждения.

— Наверное сказать невозможно. Удар был сильным — и только.

— Ага, ага... — Следователь отчаянно теребил бороду. — Ага. — Он прошелся по комнате.

— Ну, конечно. Это все решает. — Казалось, следователь разочарован. — Признание студента.

— Признание? — Полковник Гаусгоффер оправился от неожиданности.

Мы подошли к следователю. На письменном столе стояли рядышком два «ремингтона», один с обычным шрифтом, другой, похоже, с кириллицей. Рядом с пишущими машинками лежала стопка бумаги.

Следователь вытащил лист из машинки.

— «Мистер Холмс, — напечатано было на нем, — я совершил непоправимое. Узнав о связи принца Александра и Лизы, я убил обоих. Сейчас, когда гнев оставил меня, я понял безумие поступка. Жить с этим невозможно. Прощайте».

— Какой ужас! — Полковник, военный человек, был потрясен.

— Все указывало на это. — Следователь обращался прежде всего к Холмсу. — Молодой человек, студент, возвращается после длительной отлучки и узнает, что девушка ему неверна — соответствует это действительности или нет, не имеет значения. В припадке гнева он убивает ее, выбрасывает из окна башни — дело происходит ночью во время опытов принца. Затем безумный ревнивец спускается в нижнюю лабораторию, и та же участь постигает принца Александра. В борьбе с ним убийца получает удар по голове, но это, увы, его не останавливает. Потайным ходом он выносит тело и топит в реке, украв для этого лодку, в надежде запутать следствие, после чего возвращается к себе. Утром состояние аффекта проходит, он видит убитую им девушку, страх и раскаяние охватывают его, и студент вешается. Вы согласны с такой версией, мистер Холмс?

— Звучит убедительно, — смиренно согласился Холмс.

Следователь полистал другие бумаги.

— Литературные опусы. О! Мистер Холмс, доктор Ватсон, он писал о вас. — С этими словами следователь поднял один из листков. Что-то скатилось с него и со стуком упало на паркет.

— Недурно. — Следователь поднял предмет. — Такой бриллиантище у студента? Скорее... — Он замолк, но сдержаться не смог. — Скорее, это подарок принца девушке. Залог, знаете ли, благорасположения. Надо будет спросить Петра Александровича, не знаком ли ему сей перстень.

Мы с Холмсом переглянулись. Пропажа драгоценностей!

— Мне предстоит тяжелая обязанность — уведомить о случившемся семью принца. Мистер Холмс, вы не составите компанию?

— Заслуга в столь скором и энергичном расследовании принадлежит исключительно вам, — поклонился Холмс. — Я вынужден воздержаться.

— Я пойду с вами, — вызвался полковник.

Из окна мы видели, как они шли к замку.

— Быстро, Ватсон, быстро. Зарядите в машинку чистый лист.

— Зачем, Холмс?

— Быстрее!

Я повиновался.

— Печатайте! — Он продиктовал текст, несколько строк. — А теперь дайте сюда! — Он сложил лист вчетверо и спрятал в карман.

— Вернемся в «Уютное».

В недоумении я шел за Холмсом.

— Задайте себе вопрос, Ватсон, почему письмо написано не от руки, а на «ремингтоне», причем по-английски, а не на родном Константину языке?

— Потому что адресовано вам.

— Именно, Ватсон, именно! Адресовано мне! Вы уловили суть!

Трапезничали мы в «Уютном» — происшедшие события отменили общий обед. Холмс не переставая курил, а я отдыхал в удобном кресле, положив ноги на пуф. Дремы лениво навещали меня, кружили рядом, заглядывали в лицо; из открытого окна вплетались шумы летнего дня — птицы прилетели к фонтану попить, негромко переговаривались работники, вдали орали павлины. Так прошел не один час.

Следователь заскочил поделиться новостями, покрасоваться.

— Видите, мистер Холмс, и мы в нашей глухомани иногда не лаптем щи хлебаем. Кое-что умеем. Но какой удар семье! Полковник Гаусгоффер готовится к отъезду. Родным нужен покой.

— Он уезжает? Когда?

— Прямо сейчас. Уже переносит багаж в коляску.

Холмс достал из кармана лист бумаги.

— Вот что я нашел под дверью своей комнаты. Послание Константина.

Следователь развернул лист и начал читать вслух:

— «Мистер Холмс! Пытаясь отвести от себя подозрения и запутать следствие, я спрятал драгоценности среди вещей полковника Гаусгоффера. Сейчас, когда я решил, что не стоит жить после содеянного, мне бы не хотелось бросать тень на честного человека. Константин».

Он перечитал во второй раз, молча, затем обратился к Холмсу:

— И вы только сейчас показываете это письмо?

— Я поднялся в свою комнату буквально десять минут назад. Нашел письмо. Решил подумать.

— Нужно торопиться.

Следователь не серчал. Англичане! Опять мы шли к свитским номерам, бесконечное дежавю. У порога кучер хлопотал около коляски. В дверях показался слуга. Следователь что-то ему сказал, и тот остановился, поставив чемодан на крыльцо.

— Вы ко мне? — окликнул сверху полковник.

— На минуту.

Мы поднялись.

— Открылись новые обстоятельства. — Следователь подал полковнику письмо. — Прочтите.

Полковник, сдерживая нетерпение спешащего человека, начал читать, держа лист в вытянутой — дальнозоркость! — руке.

— Чушь! В моих вещах ничего нет.

— Видите ли, полковник, — мягко, сочувственно проговорил Холмс, — камушки настолько малы, что их легко проглядеть.

— Но я все укладывал лично и очень тщательно.

— Тем не менее бедняга сознался, что подбросил драгоценности вам. К чему ему лгать перед смертью?

— Неслыханно!

— Совершенно с вами согласен! — Следователь осмотрел комнату. — Один чемодан внизу и два здесь. Это все?

— Все.

— Придется искать.

— Позвольте нессесер. — Холмс снял нессесер со стола, раскрыл его, начал выкладывать флакончики и коробочки. Одну, квадратную, серебряную, он предпочел другим.

— Что в ней?

— Порошок для чистки зубов. Осторожно, не рассыпьте, он маркий.

— Постараюсь. — Холмс поднял крышечку. — В самом деле, маркий. — Он запустил в порошок пальцы и через мгновение извлек нечто вроде карамельки. — Вот один! — Он обтер карамельку платком, и мы увидели, что это красный прозрачный камень. Рубин. — А вот и второй!

— Замечательно. — Следователь даже прищелкнул языком.

— Как вы догадались, что именно сюда студент спрятал драгоценности?

— Психология преступника. Будь у меня талант доктора Ватсона, я бы написал совершенно новый учебник криминалистики.

— Про дедуктивную методу?

— Не только. Побудительные мотивы преступления, страх преступника перед разоблачением или, наоборот, чувство неуязвимости... Видите, полковник, мы вас задержали ненадолго. — Холмс вернул вещицы в нессесер.

— Благодарю, — поклонился Холмсу полковник, поклонился строго и чопорно. — Я едва не увез краденую вещь. Теперь я ваш должник.

— Поскольку заявления о пропаже драгоценностей не было, они не будет фигурировать в деле. Это самое малое, что можно сделать для семьи. Потому — никаких протоколов! — Следователь затем прокричал что-то вниз, и слуга вернулся за чемоданами.

— Я могу отправляться?

— Конечно, Herr Oberst.

Через несколько минут экипаж выехал за ворота, увозя полковника Гаусгоффера и его багаж. Но без рубинов.

Расставшись со следователем: «Мне над рапортом вечер коротать. Писанина. Не люблю, страсть», — мы направились в замок.

— Я доложу его высочеству. — Лакей оставил нас в холле, прохладном даже в этот душный вечер. — Его высочество ждет вас в кабинете.

Ждет — сказано слишком сильно. Принц едва шевельнулся в кресле.

— Узнали что-нибудь?

Холмс пересек комнату и положил на стол камни.

— Это они?

— Где? Где они были?

Никогда не думал, что пара рубинов может так взволновать.

— В нессесере полковника Гаусгоффера. В серебряной коробочке среди зубного порошка.

Принц кивнул, словно ожидая услышать нечто подобное.

— Но полковник намеревался уехать.

— Он и уехал.

— Пусть так. Пусть так.— Принц осторожно, нежно поместил камни в маленькую полированную шкатулку; глаза его блестели, он суетился, потирал руки, ходил по кабинету из угла в угол. Наконец он остановился перед нами.

— Мистер Холмс, вы блестяще подтвердили репутацию лучшего частного сыщика. Здесь, в чужой вам стране, вы вернули пропажу спустя двадцать четыре часа после того, как взялись за дело, и это несмотря на события, которые так внезапно вторглись в нашу жизнь. Безусловно, вы заслужили дополнительное вознаграждение. Предпочитаете наличные?

— Удобнее через мой банк.

— Как вам будет угодно. Я телеграфирую своему поверенному в Лондоне. Вы когда отправляетесь?

— Вашему высочеству не угодно, чтобы мы...

— Занялись сегодняшними событиями? О нет. Такие дела в России находятся в ведении государственных служб. У нас с этим строго. Закон!

— Тогда завтра мы покинем замок.

— Надеюсь, мы увидимся утром. Увы, обстоятельства сделали меня не самым гостеприимным хозяином.

Нам оставалось откланяться. Ни я, ни Холмс не сказали ни слова до тех пор, пока не очутились в холле «Уютного». Более того, Холмс успел выкурить трубку, а я — выкушать чашку чая (слуга принес шумящий samovar и блюдо разных сластей), прежде чем молчание было нарушено.

— Итак, Ватсон, нас рассчитали.

— Можно подумать, вы мечтали стать придворным детективом и поселиться здесь навечно.— Признаться, я был немного задет невниманием принца.— Тайна раскрыта, порок наказан, добродетель торжествует, чего же боле?

— Нет, Ватсон, нет! Раскрыт самый поверхностный, очевидный слой дела! Господи, судить о сложнейших событиях лишь на основании отпечатка ботинка или по сломанной ветке — само по себе преступление!

— Какой ветки?

— Это я так, к примеру.

— А ваша знаменитая метода? «Капли грязи на плаще свидетельствуют, что вы вчера читали Мильтона»?

— Не утрируйте, Ватсон. Метода помогает голове, поставляет ей факты, иначе оставленные бы незамеченными, но она не заменяет дальнейшую работу этой самой головы. Кто-то находит пуговицу в траве и считает, что он работает, как Шерлок Холмс, а если пуговиц две, то он превосходит Шерлока Холмса! Скакать по явным, бросающимся в глаза уликам и не дать себе труда заглянуть в суть явления — нет ничего более далекого от моей методы, Ватсон.

— Но, Холмс, этот русский следователь нашел убийцу и обнаружил мотив. Преступление раскрыто по всем статьям.

Холмс не ответил.

— Полноте, друг мой. Случившееся никоим образом не умаляет вашей славы. Молодой щенок ухватил кость лишь потому, что она была ближе к нему, да еще на виду. Помните дело о баскервильской собаке? Так вот, представьте, что до вашего приезда в Баскервиль-Холл чудовище подстрелил какой-нибудь местный охотник.

Холмс наконец рассмеялся.

— Право, в этом что-то есть. Скажите, Ватсон, а почему вообще вам пришел на ум случай с баскервильской собакой?

— Ну... Неосознанные воспоминания... Нынешний случай чем-то схож с тогдашним: замок, старый вельможа, молодой вельможа, почные кошмары, удаленность от города... Согласитесь, сходство немалое, словно зеркальное отражение.

— Вы совершенно правы, — серьезно, даже торжественно произнес Холмс. — В который раз я убеждаюсь в проницательности ваших суждений. Вы спать хотите? — неожиданно спросил он.

— Я все время хочу спать. С самого утра. Но вот так, чтобы лечь в постель, — нет. В Лондоне сейчас пьют пятичасовой чай.

— А мы будем вечерять.

Я знал — бесполезно расспрашивать Холмса о чем-либо. Он не любил незавершенности, торопливой, неряшливой работы. Преждевременный вывод может подмять под себя новые факты, порой дающие делу совершенно иной поворот. Нет, Холмс ждал последнего факта, каким бы незначительным он ни казался, и только тогда, трижды, четырежды проверив цепь умозаключений, он ошеломлял блестящим, феерическим финалом.

Сейчас он выжидал. И ему, возможно, понадобится моя помощь.

Поэтому я заказал слуге побольше крепкого кофе и приготовился бодрствовать.

Не в первый раз нам с Холмсом приходилось коротать ночь вдвоем, но я не помню, чтобы это происходило в столь комфортных условиях. И тем не менее я не находил себе места. Полистав несколько французских романов, я понял, что беллетристика меня не занимает вовсе. Холмс подсел к чудесному кабинетному роялю и начал извлекать из него звуки настолько дисгармоничные, что надолго меня не хватило.

— Извольте, Ватсон.

В ответ на мой протест он начал играть вальсы Штрауса-сына. Прекрасная музыка, прекрасное исполнение на прекрасном инструменте, но с того вечера я невзлюбил вальс и вряд ли переменюсь к нему до конца ниспосланного срока бренной жизни. Да и Холмс, судя по всему, удовольствия не получил. Внезапно, на середине фразы, он бросил музицировать.

— Который час, Ватсон? — Вопрос выдавал его напряжение.

Часы, большие напольные часы стояли позади него, стоило лишь обернуться, но он предпочел — подсознательно, разумеется,— переложить ответственность за время на меня.

— Четверть одиннадцатого.

— Рано, Ватсон. Как рано.

На наше счастье, в холле нашелся шахматный столик и фигуры.

Признаюсь без лишней скромности, в клубе меня считают сильным игроком. Я основательно изучил теорию, неплохо знаю дебюты, и сыграть со мной ничью почетно. Холмс же относился к шахматной игре как к утомительному времяпрепровождению и обычно избегал играть. Запас нервной энергии ограничен, утверждает он, и лучше его потратить на более серьезные занятия. Садился за доску он редко, в случаях вынужденного бездействия, партию начинал ходом королевского коня и в дальнейшем вел борьбу так, словно никаких руководств не существовало вообще. Это, однако, не помешало ему выиграть партию у чемпиона Лондона, которого привел к Холмсу его брат Майкрофт —

дело касалось пари. Но, к трагедии шахмат, карьера игрока не прельщала моего друга.

Сегодня ни Холмс, ни я не вкладывали страсти в игру. К полуночи мы только-только сделали по дюжине ходов, и на доске сохранилось зыбкое равновесие, равновесие европейских держав этого жаркого лета.

Пробило полночь, давно ушел отосланный слуга; samovar остыл; уснули, кажется, обязательные шорохи деревенской жизни; редкий стук передвигаемых фигур являл собой гармоничную принадлежность наступившей ночи.

Выпитый кофе заставлял мое сердце стучать быстрее обыкновенного. Холмс то и дело стирал бисеринки пота с висков. Раскрытые окна плохо спасали от духоты, а ночные мотыльки если и залетали в холл, то лишь затем, чтобы броситься под потолок и, распластав крылышки, притвориться листочками. Пламя наших свечей их не влекло.

Пока Холмс раздумывал над ходом, я, кажется, задремал, поскольку слышал и вой баскервильского чудовища, и тяжелое дыхание трясины, и рыдания миссис Степлтон, и мои слова утешения, жалкие и нелепые.

— Ватсон, проснитесь! — Холмс тряс меня за плечо.

Я взглянул на часы — пять минут второго — и, наверное, покраснел.

— Сам не знаю, как заснул.

— Ничего, Ватсон, зато отдохнули.

Случайно я поднял глаза. Комната была задрапирована живой тканью. Сотни, тысячи мотыльков усыпали потолок и верхнюю часть стен.

— Любопытно, не правда ли? Я нарочно не закрывал окно.— Ни следа сонливости не было на бодром лице Холмса.— А теперь, Ватсон, готовы ли вы сопровождать меня?

— Я вам понадоблюсь?

— Наверняка.

— Тогда я готов.

Холмс загасил свечи. Мы осторожно, стараясь не шуметь, покинули «Уютное».

— К замку, Ватсон,— вполголоса позвал меня Холмс.

На фоне белесого от луны неба замок высился черной громадой.

Холмс подвел меня к малозаметной дверке.

— Ход для прислуги — горничных, водопроводчиков, частных сыщиков. Запирается на замок, но не на засов. — Холмс несколько минут колдовал отмычками. — Заходите.

Я взял свечу, но постараемся обойтись, — он вел меня по темным переходам. Ковры делали наше продвижение бесшумным, призрачным.

— Осторожно, ступени.

Мы поднимались.

— Узнаете, Ватсон?

Я шагнул за Холмсом и огляделся. Без сомнения, мы находились в лаборатории принца Александра, верхней лаборатории. Окно, то самое, было раскрыто настежь. Я выглянул. Ночь оставалась по-прежнему светлой, но у горизонта, куда ни глянь, скапливалась тьма, плотная, густая, и тьму эту на мгновение рассекали багровые зарницы.

— Гроза идет, — сказал я Холмсу, и, подтверждая правоту моих слов, низкий раскат грома донесся, нет, скорее, докатился до нас, коротко дрогнули оконные стекла, словно дыхнул огромный зверь, обдав волной тяжкого воздуха.

— Обратите внимание на оптическую систему, — прошептал Холмс.

Лунный свет из окна собирался линзой в пучок и, преломленный призмой, падал на светящийся камень в серебряном зажиме.

— Вот он, рубин! Концентратор!

Луч, тонкий и яркий, уходил от камня в нишу стены и исчезал в шахте.

— Идемте вниз.

Дверь в нижнюю лабораторию оказалась открытой.

— Часовой механизм компенсирует движение лупы, но все равно это рискованно. — Холмс почти бежал по крутым железным ступеням; я, как мог, поспевал за ним.

Нижняя лаборатория была освещена, но настолько слабо, что я едва видел силуэт моего друга.

— Осторожно, господа! — Резкий голос молодого принца заставил меня вздрогнуть. — Не подходите к зеркалам!

Я наконец разглядел его. Принц стоял рядом, всего в трех шагах от входа.

— Вижу, мистер Холмс, вы стремитесь расставить точки над «и». Что ж, смотрите.

Луч из верхней лаборатории пронзал воздух, нисколько не рассеиваясь, не расходясь, и упирался во второй рубин, в центре пятиугольного пьедестала, где и исчезал. Зеркала светились едва заметно, пепельным светом темной стороны луны, зато над постаментом клубился туман, фосфоресцирующий, малиновый — искры костра, разложенного неведомо где.

Прошло, наверное, несколько минут. Туманное свечение начало нарастать, усиливаться, словно ветер раздувал тот самый костер. Теперь это было бурное, меняющее форму облачко. На миг оно вспыхнуло по-настоящему ярко.

— О, Господи! — Принц отшатнулся, но свет начал меркнуть, быстро и неудержимо. До нас опять донесся раскат грома, по странной особенности архитектуры мы его не сколько слышали, сколько чувствовали, ощущали почти осязаемо; и вместе с этим раскатом исчезла огненная струна, соединявшая рубины.

— Но луна еще не зашла! — Принц робко, как к старшему, обратился к Холмсу.

— Вероятно, существуют и другие необходимые факторы.

Холмс зажег свечу. Зал обрел знакомый, прежний вид. Никакого тумана. Ничего.

— Поднимемся, — предложил Холмс.

Принц обвел взглядом взглядом зал, ища что-то, но без уверенности, без надежды.

— Поднимемся, — повторил Холмс.

Свет луны действительно по-прежнему падал на линзу, механизм работал исправно, но этот свет больше не оживлял рубин, не порождал огненную струну.

Зато снаружи башни огня было предостаточно. Горели крестьянские жилища, пожар на глазах расползался шире и шире, стремясь охватить замок в кольцо. Слышались крики людей и, еще более страшные — животных.

Забил колокол.

— Замку ничего не грозит, но завод в опасности, — прокричал принц.

Дальнейшие события ночи смешались и спутались в моей памяти. Мы с Холмсом ничем не могли быть полезны, два пожилых человека, два старика. Пожарные насосы не пустили огонь к замку, но завод, конфетная фабрика, крес-

тьянские постройки выгорели дотла, выгорели быстро, жарко. Гроза оказалась сухой, дождь и не думал начинаться.

Больница тоже сгорела. Принц отвел под госпиталь свитские номера, и я с местным доктором перевязывали ужасные огненные раны крестьянам, которые получили их, спасая свое добро. К полудню прибыло подкрепление из губернского города, и я, пьяный от напряжения и бессонной ночи, вернулся к Холмсу в «Уютное». По пути меня окончательно расстроил вид несчастной скотины: ее, пожженную огнем, хозяева пригнали на барский двор в надежде на ветеринарную помощь, и в глазах животных страдание читалось еще явственнее, чем в людских. Лишь изредка подавали они голос и затем опять умолкали, стараясь сохранить капли иссякающей жизни.

С тяжелым чувством покидали мы замок. Дым и зола кружили в воздухе, проникая в одежду, волосы, казалось, в саму нашу плоть. В купе пульмановского вагона я извел не один флакон ароматической воды, пока Холмс не отсоветовал:

— Запах, Ватсон, преследует вас изнутри.

— Изнутри?

Поезд мчался по Франции, и тысячи миль отделяли нас от замка, где, возможно, еще тлели угли.

— Да, Ватсон. И все одеколоны мира не помогут, пока вы не изгоните его прочь из головы.

Я удивленно посмотрел на друга:

— Холмс, похоже, вы знакомы с психоанализом?

— Дорогой Ватсон, я давно уже не тот самовлюбленный и самоуверенный тип, которого вы встретили Бог знает сколько лет назад. У меня было время, много времени после схватки с профессором Мориарти, и в своем вынужденном изгнании я его потратил не зря. С тех пор следить за достижениями человеческого разума стало моей обязанностью — ведь и преступный мир все более широко пользуется плодами науки.

Некая высокопарность, торжественность тона Холмса свидетельствовала, что дело подошло к концу. Следует финал.

— Итак, Ватсон, раскройте свой блокнот. Задача, поставленная принцем Петром, из тех, что принято считать щекотливыми. Пропали некие фамильные драгоценности, и требуется их вернуть. Доступ к сейфу, обратите внимание, Ват-

сон, — к сейфу с шифрованным замком, кроме принца Петра имеет только один человек — его отец. То, что он и есть искомый похититель — очевидно. Сыну неудобно уличать отца в воровстве, и он достаточно состоятелен, чтобы призвать на помощь эксперта, то есть меня. Сын знает, что вор — отец, отец знает, что это знает сын, и для обоих очевидна моя роль: вернуть камни, не разоблачая виновного. Такие случаи уже встречались в нашей практике, Ватсон.

— Но зачем отцу красть драгоценности?

— Полагаю, не для того, чтобы дарить их мисс Лизе. Конечно нет. Камни, особенно рубины, необходимы в некоем эксперименте, который проводил принц Александр, и ему не хотелось, чтобы этот эксперимент проводили другие, — вспомните разговор во время ужина. А камни — не его собственность, кстати, — требовались не кому-нибудь, а императрице!

Мне ничего не оставалось, как дожидаться утра, когда принц Александр, закончив опыт, вернул бы камни.

Не так думал убийца. Ночью он проникает в лабораторию. Наверху ход эксперимента контролирует мисс Лиза — часовой механизм нужно страховать, вероятно, были и другие обязанности. Убийца безжалостно выбрасывает бедную девушку из окна и вмешивается в работу оптической системы. Извлекает первый рубин. Затем спускается в нижнюю лабораторию и довершает дело.

— Убивает принца Александра?

— Ватсон, вы совершенно точно подметили, что этот случай — зеркальное отражение дела в Баскервиль-Холле. Помните? Там убийство маскировалось вмешательством неких потусторонних сил, инфернального монстра. Здесь же — поверьте, друг мой, мне нелегко было прийти к подобному заключению, — здесь же убийства совершались во имя того, чтобы отвлечь нас от проявления сил потустороннего мира.

— Холмс!

— Ватсон, если вас смущает сочетание «потусторонний мир», я придумаю какой-нибудь наукообразный термин, например, «параллельный мир». Суть от этого не изменится.

Мы находим трупы — Лизы, Константина, и само собой подразумевается, что принц Александр тоже мертв, убит. Все развивалось настолько стремительно, что нико-

му и в голову не приходило узнать достоверно, чем же действительно занимался в ту ночь принц-отец.

— Фотографированием затмения?

— Может быть, он начинал именно с этого. Знаете, Ватсон, когда я путешествовал по Тибету, тамошние жители не хотели фотографироваться: по их понятиям, при этом терялась часть души.

Но! Не успевают остыть трупы, как мы узнаем разгадку. Я имею в виду письмо-признание Константина.

— Вот видите, Холмс.

— К счастью, Ватсон, я не считаю признание подозреваемого царицей доказательств. Да и было ли признание? Вы в который раз сделали удивительный по верности вывод: письмо написано — напечатано! — по-английски, потому что адресовано мне. Или, как предположил, развивая вашу мысль, я, письмо адресовано мне потому, что напечатано по-английски. Человек, писавший его, не владел русским, во всяком случае, не владел, как родным.

— Но Константин...

— Константин был убит. Убит человеком, знакомым ему, человеком, которого он не опасался. Убийца сначала оглушил его, а затем повесил.

— Но с какой целью?

— Поскорее закрыть дело, предлагая нам виновного, признание и мотив. Он умен, убийца!

— Кто же он?

— Это человек, знакомый Лизе и Константину, желающий завладеть камнями и не русский по национальности. Кроме меня и вас, Ватсон, — уж позвольте исключить нас из списка подозреваемых, — остается один человек.

— Полковник Гаусгоффер!

— Совершенно верно. Тут мы с вами, Ватсон, используем его же трюк — мнимое признание Константина. Только на этот раз — о камнях. Если считать правдивым первое признание, то правдиво и второе. И мы находим рубины в багаже полковника.

— Но почему вы отпустили его? Не арестовали, не предали суду?

— Ватсон, я всего лишь частный сыщик. Иностранный эксперт. Система моих доказательств не убедит присяж-

ных, не убедит следственные органы. Более того, она с трудом убеждаст меня самого.

— Но почему?

— Эксперимент, Ватсон, эксперимент принца Александра! Он — главное звено в дедуктивной цепи. Мы никогда не сможем оставить эксперимент в стороне. Принц говорил о «ключиках к двери». Ключики — рубины. Дверь — сложная оптическая система. Но куда ведет эта дверь? Я думаю, в пресловутый параллельный мир. И когда принц Александр открыл эту дверь и шагнул за порог, полковник Гаусгоффер захлопнул ее и вытащил ключ из замочной скважины.

— Но мы видели следы! У реки! Волокли тело!

— Прекрасные следы. Как в учебнике — помните замечанис русского следователя? Полковник Гаусгоффер умело сотворил их, хотя и слишком педантично. Он же угнал лодку, чтобы объяснить отсутствие тела.

— А на самом деле....

— А на самом деле принц Александр остался там. И вы это знаете не хуже меня, просто не хотите — или не можете — признаться в этом.

Я ничего не ответил.

— Помните, на следущую ночь сын повторил опыт отца. Накануне было полнолуние, Ватсон, истинное, то есть лунное затмение. Луна, Земля и Солнце выстраиваются на одной прямой, и помимо света, вероятно, играют роль силы тяготения. На следущую ночь взаиморасположение планет изменилось, и опыт удался лишь частично. Вы видели, Ватсон... А что вы видели?

— Мне... Я до сих пор считаю, что это была иллюзия, кошмарное видение усталого мозга.

— Говорите, Ватсон.

— Ну... В том клубящемся малиновом тумане мне привиделся принц Александр и... Я даже не знаю... Казалось, его опутывают лианы... или гигантские гусеницы... щупальца...

— Я видел то же самое, Ватсон, и, уверен, принц Петр — также. Вы знаете мою методу: если все объяснения, кроме одного, исключаются, оставшееся, каким бы невероятным оно ни казалось, и есть истина. Принц Александр нашел дверь в параллельный мир, прошел в нее и остался там.

Кажется, это не слишком уютное место. Но сейчас меня тревожит другое.

— Другое?

Холмс высказал то, в чем я боялся признаться самому себе.

— Боюсь, что нечто из того мира проникло в наш. Дай Бог, чтобы пожар, спаливший селение, был следствием обычной молнии, и дай Бог, чтобы за селением не занялось что-нибудь еще.

— Вы считаете?..

— Не знаю, Ватсон, не знаю.

Я перебирал листки.

— А бриллиант? Зачем принцу понадобилось похищать бриллиантовое кольцо?

— Остается только гадать. Возможно, бриллианту отводилась своя роль в оптической системе. Или принц это сделал для того, чтобы придать краже вид банального воровства. Или он действительно нуждался в деньгах, личных деньгах? Для догадок простора достаточно.

*

По возвращении в Лондон Холмс оставил практику детектива. Небольшое наследство после смерти бедного Майкрофта позволило моему другу купить усадебку в захолустье Сассекса, и он живет там довольно уединенно. Впрочем, изредка он выбирается в Лондон, где встречается с людьми науки — этнографами, физиками, археологами; несколько раз он посещал сеансы самых известных медиумов. Война помешала ему организовать экспедицию в Египет, но терпения Холмсу не занимать. Избегая публичности, он уговорил весьма известного лорда предоставить будущей экспедиции свое имя.

Я отошел от детективной темы, пишу романы — авантюрные, бытовые, фантастические — и жду, когда Холмс позовет меня закончить дело, начавшееся в лето тринадцатого года, в лето сухих гроз.

Мой дорожный саквояж всегда наготове.

ЯРОСЛАВ ВЕРОВ, ИГОРЬ МИНАКОВ

Ключ к свободе

Сенатор Джузеппе обнаруживает подходящее «полено»

Эта удивительная история приключилась давно, еще в те времена, когда многие люди жили в огромных подземных городах, многие — среди мертвой природы, но и те и другие — все они были совсем не такими, как нынешние.

Началась она в морге одного такого Города, который назывался Детройт-2, — *на уровне зеро, у самого дна* зарывшегося на тысячу футов под землю исполинского стакана. В морг этот попадали как тела тех, кто умер окончательно, так и других, прошедших все стадии ген-инжиниринга, безвозвратно погрузившихся в метаболическую кому, *не* мертвых, но уже *и не* живых. В нейронных сетях таких организмов еще блуждали электрические токи, мембраны клеток еще держали на химическом уровне электрический потенциал. Но сознание, душа, разум — называйте, как хотите, — покинули их навсегда. Эти «полена», они же — генетические макроматрицы Детройта-2, безучастные и холодные, ждали здесь своей неизменной участи — отправки на морфинг.

Джузеппе Сизый Нос, которого прозвали так за пристрастие к особо крепким напиткам, запрещенным к продаже в Городе, сенатор-республиканец третьего срока избрания, остановился у приемной секции морга. Сделал пару внушительных и гулких глотков коньяка из плоской фляги. «Вшитая» автономная биопрограмма моментально повысила концентрацию алкоголь-дегидрогеназы, стимулировала выброс в кровь гликокортикоидов. И блокиро-

вала разрушительное действие алкоголя на другие биопрограммы организма.

Джузеппе икнул, отер со лба пот и приложил имплантированный в запястье персональный «правительственный» чип к дверному замку. В тот же миг холодный женский голос сообщил дежурному дроиду: «Господин сенатор Джузеппе Гольдони».

Дроид, существо, во всем похожее на человека, по стандарту-21 — на сорокалетнюю женщину, уставился шалым взглядом на Сизого Носа. У дроидов никогда не менялось настроение. Главная эмоция, активизированная из макроматрицы, владела ими безраздельно весь срок их функционирования.

— Дроид Эмма Синее Море. Чем могу услужить господину сенатору? — низким голосом осведомился дроид.

— Как обычно. Давай, прокрути свежую партию. Сколько сегодня чурбачков?

— Пятеро, господин сенатор.

Дроид пробежал пальцами по сенсорам пульта, ворота покойницкой распахнулись, выдвинулась лента транспортера. Джузеппе потер руки и принялся изучать появившийся на ленте материал. Обнаружились там три старухи с бессмысленно выкаченными глазами, у одной на подбородке блестела подмерзшая струйка слюны. Старик благообразной внешности, с гладко забранными назад седыми волосами. И еще один, неопределенного возраста. Курносый и в веснушках.

— Небось, остаточный метаболизм? — поинтересовался Джузеппе, тыча пальцем в эти веснушки. — Вот у него?

Дроид развернул на голоэкране генную карту «полена».

— Врожденный эффект, господин сенатор.

Сизый Нос хмыкнул, приложился к фляге, задумчиво сощурился.

— Полный возраст? — наконец сказал он.

— Сто тридцать пять, господин...

Джузеппе развернулся, хватил Эмму Синее Море по плечу:

— Джузи. И без господ.

— Джузи, — стрельнув шалым взглядом, поправился дроид.

— Каков же биоэлектрический потенциал мозга?

— Сто семьдесят единиц, Джузи.

— Он что тут у вас, спать собрался? Ты мне еще скажи, что у него там альфа-ритмы...

— Никак нет, Джузи. Хаос допороговых сигналов.

— Значит, «полено», — глубокомысленно изрек сенатор. — Но какое!

— Говорящее! — слабо пропищало что-то в сыром воздухе мертвецкой.

Джузеппе остолбенел и хмуро уставился на дроида.

— Остаточная речевая функция, — отчеканил дроид, получив данные с мнемосканера.

— Что-то я за свои двести с таком лет не слышал, чтобы полено, чурбак, — и разговаривал.

— Старый паршивый козел! — По комариному звонко разнеслось в мертвецкой.

Джузеппе с нескрываемым довольством хлопнул в ладоши.

— Вот так паршивец! Ну, Карло, будет тебе работа. Я забираю это бревно. Готовь капсулу и транспорт.

— Слушаюсь, Джузи.

Сенатор передает говорящее полено вольному генетику Карло по прозвищу Шаманщик

Под уровнем зеро располагались несколько технологических этажей Города. Самый нижний из них предназначался для самого последнего из самых необходимых дел — утилизации того, в чем Город уже не имел нужды. Здесь сжигалось, превращалось в энергию и элементный состав все, что «стекало» сверху. Если на уровне зеро люди были непрошеными гостями, то здесь им уж совсем было нечего делать.

Неподалеку от Камина, гигантской плазменной печи-инвертора, прямо в скальном граните и создал Сизый Нос тайную лабораторию для старинного своего друга — Шаманщика Карло. Дружбу вели они еще с детской поры, когда на пятидесятом уровне, что сразу под пятьдесят первым, самым верхним, родильным, строили планы на будущее. В ту далекую пору Карло мечтал изменить природу

домашних животных — кошек и собак, повысить их интеллект до уровня дроидов и научить человеческой речи. А Джузеппе клялся, что будет помогать ему в гениальных трудах.

Много воды с тех пор утекло. Много открытий совершил Карло. Но закон Сената об обязательной государственной службе ген-реконструкторов перечеркнул его надежды на свободное творчество. Животным запретили разговаривать. Тех из них, кто уже был генетически модифицирован в говорящих, безжалостно подвергли утилизации. И тогда Карло пустился во все тяжкие. Творения Шаманщика были признаны представляющими угрозу национальной безопасности. Трижды покровительство Сизого Носа, симпатичного, подающего надежды политика, уберегало вольного генетика от суровых санкций Службы Генетического Контроля.

Не одна лишь дружба двигала Джузеппе в его покровительстве вольному генетику. Без эксклюзивных биологических программ, встроенных приятелем в его хромосомный набор, не стать бы Сизому Носу сенатором. Эти чудесные программы, даже без помощи ген-коррекций, вылепили столь привлекательный для «ботвы», так в Городе называли избирателей, облик сенатора: представительного сорокапятилетнего по стандарту-21 мужчины с небольшим солидным брюшком, подкупающе искренней улыбкой, точными жестами, убедительной интонацией, правильной мимикой. Джузеппе не пришлось брать уроки у профессиональных репетиторов, чтобы научиться управлять мимикой и овладеть ораторским искусством. Все было задано кодирующими последовательностями нуклеотидов. Почему такому чуду и не произойти, если даже собачек и кошечек Карло играючи «разгонял» до интеллекта шестилетнего ребенка?

Но однажды не смог помочь и влиятельный друг. Очередной созданный Шаманщиком генетический код был признан Службой Контроля метавирусом, а вирусы во всех Городах считались самой страшной угрозой национальной безопасности. Кроме тех, конечно, которые государственные генетики синтезировали для «заквасок» в рамках разрешенных научных программ.

Толкая перед собой левитирующую транспортную платформу, Джузеппе миновал Камин; там суетилась дежурная смена дроидов и непрерывно текли ленты конвейеров. Он задыхался от непривычно горячего воздуха, утратившего под лучами огромных титановых ламп всяческий запах, кроме запаха горячего металла. Но, пройдя сквозь шлюз, Сизый Нос оказался в прохладном помещении, наполненном ароматами хвои и лесных цветов. Здесь действовала замкнутая биосистема, закупленная, как и все в лаборатории, самим Джузеппе. В скале, за рукотворным водопадом имелся небольшой грот, жилой отсек, отчего-то нареченный Шаманщиком старинным словом «каморка».

Движением руки Джузеппе отправил капсулу с «поленом» плыть к двери лабораторного бокса. Приложился к своей любимой фляжке. Отер со лба пот. И, зная, что микрофоны донесут его слова до приятеля, произнес в пространство:

— Старина, привет! Кажется, у нас есть то, что нам нужно. Мировая заготовка!

То, что эта мировая заготовка еще и разговаривает, Джузеппе Сизый Нос до времени решил утаить.

Тюрьма не красит человека. Там невозможны ни генкоррекции, ни даже клон-модификации органов, то есть то, на чем зиждется миропорядок Города. За каждую инъекцию виталина, переданную с воли, идет жестокая конкурентная борьба. Двадцать лет, проведенные в заточении, преобразили Карло. Он потерял не менее половины стандарта внешности. Лицо сделалось худым и изможденным, а в глазах, словно у какого-нибудь дроида, навсегда поселился печальный блеск.

Карло стянул резиновые перчатки, швырнул на пол. Расторопный киберубощик-сверчок уволок их в утилизатор. Шаманщик тут же достал из кармана упаковку новых, надел их и вскрыл капсулу.

— И в самом деле, замечательное «полено». Но, конечно, ничего не выйдет.

— Дружище Шаманщик, у тебя непременно выйдет, — произнес Сизый Нос нарочито бодрым тоном, сопроводив свои слова решительным взмахом руки.

Карло усмехнулся: вшитые бионавыки большого политика работали, опережая мысли сенатора.

— Растения принес?

— Непременно, старик,— обрадовался Джузеппе и принялся выворачивать карманы пиджака. — Сосна итальянская, не генно-модифицированная, семя льна, все стерильно. Держи.

Он протянул генетику два вакуум-пакета. И пока Карло рассматривал пакеты, задал вопрос, который, видно, давно не давал ему покоя:

— Одного не возьму в толк, Карло. Ты, ясное дело, гений, только зачем тебе эти растения? Мы же создаем человеческое существо?

— Попробуем... — пропустил мимо ушей реплику приятеля Карло. — Есть идеи.

— Обязательно попробуй, дружище! — с предельной убедительностью воскликнул Сизый Нос. — А то, знаешь ли, очень уж не хочется туда...

Он указал было на серый гранит пола, спохватился и поднял палец к потолку.

И то верно — кому охота закончить свой земной путь «поленом». А потом превратиться в дроида — существо как бы живое, но, в целом, совершенно мертвое и оттого смерти не подверженное. Уж лучше сгореть в печи. Но это, увы, было невозможно. Закон о посмертном гражданском долге строго запрещал разрушение макроматриц. Только исключительный случай, если тление охватывало тело, позволял надеяться на кремацию. Но сперва тело должно было умереть окончательно, а до этого оно пребывало в долгой метаболической коме. И чем богаче был человек, чем больше недешевых ген-коррекций он себе делал, оттягивая неизбежный финал, тем дольше была фаза комы. У людей бедных, неустроенных жизнь была короткой. Но и смерть бывала настоящей.

Этот конфликт смертной жизни и бессмертной смерти мучил Сизого Носа с младых лет. Потому тратил он безумные деньги на самые модные и дорогие коррекции, что тешил себя надеждой дожить до того времени, когда друг Карло откроет секрет вечной жизни.

Карло собирался уже было капсулу захлопнуть, как раздался тоненький голос:

— Обязательно попробуй!

Карло в изумлении вскинул брови: даже напившись до обездвижения, что, прямо скажем, нередко случалось с Сизым Носом до прошивки антиалкогольным кодом, приятель никогда не дурачился и не разговаривал писклявым голосом.

— Это оно,— понизив не без театральности голос, произнес Сизый Нос.— Это удивительное полено.

— Микрочип забыли дезактивировать, что тут удивительного.

— Я тебе правду говорю — никаких микрочипов. Оно такое само по себе.

— Вот я сейчас его просканирую, и увидим.— Карло толкнул платформу в бокс.

Вскоре он вернулся, с каким-то отсутствующим взглядом подошел к приятелю, поправил ему съехавший набок галстук и сухо обронил:

— Ты иди. Я поработаю.

Сизый нос вышел в воняющий перегретым металлом туннель, приложился к заветной фляге. Широко и радостно улыбнулся:

— Узнаю прежнего Карло! Что-то будет!

Шаманщик Карло берется за старое и создает Буратино

Давно уже Шаманщик Карло написал удивительную программу генетического морфинга. Но еще ни разу не использовалась она, потому что для этого необходима была совершенно необычная макроматрица.

И вот сейчас Карло сидел за пультом, перед огромным голографическим экраном. На нем трехмерными образами лениво кувыркались разлохмаченные участки РНК. Предстояло сшить их в тройную, как у всех дроидов, спираль. Третья спираль компенсировала ошибки транскрипции, выключала мутагенез и обеспечивала дроида практическим бессмертием. Полено было помещено в автоклав, и к автоклаву уже присосались шарообразные емкости с нуклеотидным киселем. В одной из них помещался кисель с хромосомным набором итальянской сосны и льна. Из этого растительного материала и предстояло Шаманщику скро-

ить третью, «бессмертную» цепочку. Вернее, кроили нанороботы, своими наноножами и наносваркой нарезая и подклеивая нужные участки ДНК в каждом ядре каждой клетки макроматрицы. Долгий труд, а ведь предстояло еще отдельно кроить митохондриальную ДНК. Получившийся андроид — именно андроид, Карло не сомневался, что очередное произведение его рук окажется ничем не отличимо от человека — будет, разве что, обладать смешанным растительно-животным обменом веществ. Но это пойдет ему только на пользу.

«Как бы мне его назвать? — раздумывал Карло, подклеивая очередной ген к растущей цепочке. — Назову-ка я его Буратино. Это имя принесет мне счастье. Я знал одно счастливое семейство — всех их звали Буратино: отец — Буратино, мать — Буратино, дети — тоже Буратино... Все они жили весело и беспечно».

Так трудился Карло много дней и ночей. И еще много дней дозревал в автоклаве перепрошитый андроид. Шло перерождение клеток согласно новым кодирующим последовательностям, заложенным в клеточные ядра.

Однажды утром, условным утром, ибо в подземелье, да и во всем остальном Городе, не было ни дней, ни ночей, Карло зашел в лабораторию. Наконец-то на приборной панели автоклава все индикаторы отблескивали приятным зеленым цветом, а энцефалограф рисовал уверенные альфа-ритмы. Буратино крепко спал.

«Что ж, пора взглянуть на мое творение», — подумал Шаманщик и дал команду на разгерметизацию.

В нейлоновом ложе покоился Буратино — на вид юноша пятнадцати лет по стандарту-21. Внешностью он больше ничем не напоминал «полено». И это обрадовало Карло. Ведь обычные дроиды все же сохраняли едва уловимое сходство с макроматрицей.

Здесь же ничего подобного. Веснушки исчезли напрочь, телосложение сделалось атлетическим, кожа — безукоризненно-белой, а нос приобрел сильно вытянутую форму. Пожалуй, даже чересчур вытянутую, ведь андроида ожидал эксперимент по социальной адаптации. С такой приметой трудновато будет парню не выделяться среди людей.

«Сделаю-ка я ему пластику», — решил Шаманщик.

Но только он подступил со скальпелем к спящему андроиду, как глаза у того широко распахнулись. Срывающимся юношеским баском Буратино произнес, изумленно глядя на скальпель:

— Превед, хомячок! Че за девайс?

Сел и принялся ощупывать себя. Добрался до носа, пробормотал: «А что, фича».

Карло в замешательстве сунул скальпель в нагрудный карман.

— Доброе утро, Буратино, — наконец нашелся он с ответом.

— Убиццо об стену веником, — прокомментировало творение. — Ты кто вообще по жизни?

— Вообще, я твой создатель, — сообщил Карло.

— Ламер ты галимый. С носом вон налажал. Пойду проветрюся по реалу.

Он вскочил, отпихнул старого генетика и двинул к шлюзу.

— Постой, Буратино! Проветриться — это непременно, но осталась последняя операция!

— Нос юзать не дам! — отрезал Буратино, выкручивая вентиль гермозамка.

Карло бросился в каморку, схватил с полки станнер — придется обездвиживать — и устремился следом.

Голый Буратино вприпрыжку мчался туннелем прямо в сторону Камина.

— Держите его! — вопил Карло, на бегу размахивая станнером. — Держите!

Когда до лестницы, ведущей на верхние уровни, оставалось совсем рукой подать, перед Буратино вдруг возник кибернетический мусорщик. Его чуткие рецепторы провели экспресс-анализ источаемых дроидом феромонов. В базе данных дроид с таким спектром не числился, а значит, подлежал немедленной утилизации.

Шестью руками-захватами схватил он Буратино и со всей непреклонностью механизма поволок к инвертору.

К несчастью, Карло не имел при себе ни одного чипа дистанционного управления киберами. Оставалось надеяться на голосовое управление.

— Стоять, безмозглая железяка! — страшным голосом рявкнул он и продублировал понятным машинам голосо-

вым кодом, которому его научил сокамерник-кибернетик: — Крекс-фекс-пекс! — Что означало команду «замереть в текущей позиции».

Кибер сделал еще несколько шагов по инерции, не в силах мгновенно остановить свою массивную раконодобную тушу. Буратино сучил ногами, удерживаемый мощными захватами прямо над приемным лотком инвертора. Кровавый отблеск плазмы трепетал на его удивительном носу. Карло даже померещилось, что нос уже загорелся.

— Фекс-бекс! — Робот послушно попятился. — Крекс!

Тут Карло сообразил, что он не помнит остальных команд.

— Я сейчас вернусь, малыш Буратино,— сказал он и пошел за чипом.

Буратино разговаривает с киберсверчком, обнаруживает таинственное подземелье и получает от Карло настоящие человеческие документы

После случая с уборщиком Карло не решался оставлять Буратино одного. Он *поправил* ему биохимию, чтобы автоматы не умели больше различить в нем дроида, и провел три сеанса мнемопластики. В голову Буратино были закачаны все мыслимые сведения из разнообразных наук, искусств, базы данных всевозможного назначения.

Но когда наступило время выправить творению Шаманщика документы — настоящие человеческие документы, пришлось оставить Буратино одного. Уже верно оценивая его задатки, Карло установил в шлюзовой дактилозамок.

— Я скоро вернусь,— сообщил он андроиду, с аппетитом поглощавшему луковицу тюльпана, только что выковырянную с оранжерейной цветочной грядки у водопада.

Растущий организм постоянно требовал пищи. Но бурно отторгал животные белки, даже синтезированные, а запаса растительных у Карло оказалось мало. Андроид прикончил их за три дня.

— Вали, ботаник,— пробормотал он, не прекращая грызть луковицу.

Оставшись в одиночестве, Буратино стал искать, чего бы такого предпринять, и, не найдя, принялся слоняться туда-сюда, время от времени возвращаясь к оранжерее за очередной луковицей тюльпана.

Наконец внимание его привлек скрежещущий звук:

— Кри-кри-крри!

Это трещал уборщик-сверчок.

— Что за гаджет такой? — заинтересовался Буратино. — Ты кто?

— Я — Говорящий уборщик-сверчок, — голосом старого актера ответил автомат. — Я убираюсь здесь уже двести лет. Я здесь убирался еще тогда, когда только проложили этот тоннель.

— Жесть. Какой еще туннель, ты, глючное железо! Здесь только нора этого крейзанутого ботаника. Который непонятно зачем меня создал. Ничего, ему же хуже.

— Ох, Буратино, Буратино, — укоризненно проскрипел уборщик. — Ты слишком легкомысленное существо. Я бы мог тебе многое рассказать, но дам тебе лишь один совет: не суди о причинах, созерцая их следствия. «Вследствие того» не означает — «по причине того». И сделаю тебе одно замечание: не мусори в помещении.

Без долгих слов Буратино схватил подвернувшуюся под руку тяпку Карло — Шаманщик любил ковыряться в оранжерее — и что есть силы запустил в зануднего киберуборщика. Тот, не сумев увернуться, обиженно проскрипел «крикри-крри» и шмыгнул в каморку.

Буратино кинулся вдогонку — сверчка и след простыл. «Где это он заныкался», — бормотал Буратино, шаря взглядом по стенам обиталища Шаманщика. Ни на полках, ни под мебелью сверчка не было. Наконец взгляд андроида уперся в обширную фреску, изображающую котелок над костром, разведенным под соснами, на берегу какой-то речки. Буратино ощутил очередной голодный спазм и в досаде заехал кулаком по котелку.

Кулак легко прошиб пластик и провалился в пустоту. Буратино сунул нос в дыру, попытался рассмотреть, что там видно. Там было темно и тянуло холодком. Тогда он взялся за край дыры и без труда отодвинул фреску, оказавшуюся обыкновенным декоративным щитом, в сторону.

Открылся вход в подземелье. Гладкий, вырубленный в граните туннель полого уходил куда-то вниз.

«Здесь какая-то тайна»,— сказал себе андроид, отыскал на полке фонарь, лежавший там на случай сбоев энергоснабжения, и, ни минуты не раздумывая, шагнул в подземелье.

Ход, прямой как стрела, все дальше уводил Буратино вниз. Уже трудно было различить пятно света, идущего из каморки, как вдруг перед самым носом андроида кто-то злобно зашипел. Сверкнули синие фасеточные глаза. Буратино попятился, поднял фонарь и увидел механическую крысу размером с крокодила. Распахнулась зубастая пасть, но рецепторы кибера не распознали в Буратино ни человека, которому следует вцепиться в горло, парализовать электрошоком, отравить ядовитым газом, ни дроида, ни антропоморфный механизм. Поэтому крыса щелкнула зубами и скрылась в боковом туннеле. Лишь сверкнул искрами покрытый мелкой корундовой чешуей сегментчатый хвост.

«Как-то это странно»,— подумал Буратино и посветил вперед. Шагах в десяти туннель заканчивался глухим тупиком. Он поводил лучом туда-сюда — ничего интересного.

— Как говорится, слив засчитан,— сказал он темноте и направился обратно.

Вернувшись в каморку, Буратино водрузил щит на место. Подумал, как можно разделаться с дырой в котелке, и не нашел ничего лучшего, чем распечатать из городской сети изображение роскошной блондинки в неглиже и заклеить ею испорченный котелок. И погрузился в виртуальное пространство Города.

Через пару часов он уже вполне освоился с нехитрыми правилами сетевой навигации и чатился с новыми друзьями, скрытыми под никами Лиса и Кот. На юзерпиках новых друзей красовались названные животные, а от видеоконференции Кот и Лиса отказались, сославшись на свою врожденную застенчивость. Друзья оказались завзятыми театралами, очень советовали посетить Театр дроидов магистра О'Баса. Буратино залез на страничку театра, изучил репертуар. У магистра О'Баса давались представления од-

но забавней другого, каждый анонс сопровождался кратким разъяснением: «Все побои и страдания — настоящие!»

«Как только ботаник отпустит меня в школу — сразу пойду на представление», — решил Буратино.

Вскоре явился Карло. Обнаружив расторопно управляющегося с сенсорной клавиатурой андроида, генетик лишь почесал щетинистый подбородок.

«Как же это я забыл запаролиться?»

— Буратино, сынок, — обратился он к андроиду, обесточив виртуал. — Ну-ка глянь, что я принес!

Он положил перед Буратино пакет с одеждой, а на пакет — универсальный биометрический чип-паспорт и браслет-коммуникатор.

— Завтра мы начинаем серьезный эксперимент, — продолжал Карло. — Ты или докажешь, что ничем не отличаешься от человека, или сгоришь в инверторе. Ты должен помнить эту машину, от которой я тебя спас. Поэтому никогда не снимай и никому не отдавай браслет — там не только компьютер, но и датчик твоего местоположения, чтобы я всегда мог прийти на помощь. Никому не признавайся, что ты андроид, даже если тебе будут сулить золотые горы или угрожать. Ты — переселенец из Чикаго-8, вся твоя вымышленная биография уже у тебя в голове. Одевайся.

Буратино разорвал пакет, оттуда вывалился синенький с золотыми стрелками комбинезон.

— Вот это ты, батя, отжег, — сказал он, примеряя обновку. — Буду в этом прикиде действительность юзать. А то подзадолбался я голым шнырять. Ты не кипешуй, я фишку просек. В школу, домой, в школу, домой. Че я, деревянный, что ли — в инвертор? На каком уровне моя школа?

— Я же тебе это вложил.

— Ну, вложил, ну и что? Что я должен, чуть что — мозг спамить?

Карло скептически помолчал, снова почесал щетину.

— Ладно, батя, не парься. Шучу я. Все у меня в мемориз. Жрать ты мне принес?

Два контейнера — один с высокобелковой соей, а второй с тепличными грибами уже ждали при входе в каморку, покоясь на левитирующих платформах.

Буратино продает персональный браслет, попадает в театр Карра О'Баса и знакомится с интересными людьми

На следующий день Карло вывел Буратино с технологических уровней, дал последние напутствия и посадил в скоростной лифт, ведущий на тридцать второй кольцевой уровень, где и располагались школы.

Но Буратино и без Карло знал, куда ему надо. В лифте он заменил тридцать второй на тридцать третий. На уровне, следуя плавающему указателю, быстро нашел нужный меридиан. А там — сектор с переливающейся всеми цветами старомодной вывеской: «Театр дроидов магистра Карра О'Баса». Двери раздвинулись, открыв обширный, залитый мягким розовым светом холл. Андроид ступил на упругую ковровую дорожку цвета скошенной травы.

— Вас приветствует автоматический привратник театра! — раздался приятный баритон. — Если вы хотите посетить представление, внесите, пожалуйста, четыре сольдо *на терминал слева от входа.*

— Ты че так гнать, — прокомментировал Буратино. — Откуда я тебе эти сольдо выну?

Тут следом за Буратино в холл вошел мальчик. Он был упитан и розовощек. Мальчик подошел к терминалу, приложил к его прозрачному окошку пухлый палец. Терминал коротко звякнул, приятный баритон напыщенно изрек:

— Господин Роберто Джонс, поздравляю вас с приобретением билета в наш замечательный театр. Вас ждет незабываемое...

— Заткнись, урод, — хмуро обронил мальчик.

Автомат умолк на полуслове, в лотке терминала возникла программка спектакля. Мальчик даже не глянул на нее и двинулся по ковровой дорожке.

— Слышь, чел, — окликнул его Буратино. — Займи четыре сольдо.

— Нашел дурака, — презрительно ответил тот, однако остановился и окинул Буратино взглядом, особо задержавшись на его выдающемся носе.

— Мне очень надо попасть в театр, — умоляющим голосом попросил Буратино.

— Что у тебя есть продать?

— Вот, клевый гаджет. — Буратино расстегнул браслет и протянул его мальчику.

— Годится, — ответил тот и лениво опустил браслет в карман. — Где у тебя чип, перелью.

Буратино вынул паспорт, мальчик приложил палец, пробормотав: «Четыре сольдо пассив».

— Все, бывай, — насмешливо сказал он. — Ты бы пластику сделал.

— Сам выпей йаду! — огрызнулся Буратино, устремляясь к терминалу.

Публики в зале было мало. На сцене появились два дроида. Один, в костюме Пьеро, скучным голосом объявил:

— Почтеннейшая публика! Сейчас мы вам представим очень смешную комедию под названием «Девушка с голубыми волосами»!

— Глупый Пьеро! — перебил нарочито бодрым голосом второй, в костюме Арлекина. — Выучи сперва название нашего великолепного спектакля.

И с разворота заехал Пьеро под дых. Тот согнулся пополам. Арлекин добавил ему кулаком по затылку и, обратившись к публике, продолжил:

— Почтеннейшая публика, наш замечательный смешной спектакль называется «Тридцать три несчастья, или Девушка с голубыми волосами»! Вставай, падаль, — так же задорно потребовал он от Пьеро, пнув того ногой.

— Что за ацтой? — громко возмутился Буратино. — Лежачего не бьют!

Он перепрыгнул через рампу и полез на сцену.

— Ну-ка, со мной поговори, шушпанчик!

Публика оживилась. Послышались одобрительные возгласы: «Давай! Вмажь ему!»

Буратино повернулся к залу.

— Сейчас все будет очень готичненько! — заверил он и бросился с кулаками на Арлекина.

В тот же миг Пьеро подхватился на ноги и с грустным воплем: «Господин О'Бас, беспорядок на сцене!» — скрылся за кулисами. Арлекин же, к удивлению Буратино, защищаться не стал. Получив пару ударов, он побежал следом за Пьеро.

Раздалось короткое жужжание, затем резкий стук — непрозрачный занавес из какого-то твердого материала упал на сцену, полукольцом отгородив ее от зрительного зала. Буратино хотел вернуться в зал, но не тут-то было — занавес не поддался ни пинку ногой, ни удару кулаком. Тут что-то обожгло ему затылок, словно огнем, и Буратино рухнул как подкошенный.

— Все-таки дроид, — услышал он над собой зычный голос. — Возьмите это «полено», отнесите в мой кабинет и подвесьте на крюк!

Кто-то ухватил Буратино за ноги и поволок в закулисье.

Вскоре Буратино, подвешенный за подмышки на ремнях и со скованными за спиной руками, висел на крюке в кабинете магистра О'Баса. Магистр горой возвышался над обсденным столом и, ожидая, когда у дроида пройдет паралич, уписывал за обе щеки огромный кусок жареного мяса. Наконец Буратино дернулся раз, другой. Карр О'Бас отер салфеткой жирные губы и бороду. Не спеша поднял массивное свое тело, приблизился к беспомощно висящему андроиду и выудил из кармана его комбинезона паспорт. Кустистые брови магистра взметнулись. Так же неторопливо положил он паспорт на сканнер виртуала, потыкал в сенсоры.

— Липовый человечек, — произнес он. — Скажи магистру Карру О'Басу, кто тебя создал?

Буратино зажмурился, вызвал в памяти нужные логи и жалобным голосом рассказал магистру историю своей невеселой жизни в Чикаго-8. Магистр не перебивал, кивал благосклонно, но вдруг рявкнул:

— Ты мне, магистру, врать будешь, бесчувственная кукла?

— Ржунимагу, пэтэушнег, — возразил Буратино.

Магистр снова вскинул брови.

— Великий мастер, вижу, тебя создал. Ну-ка, посмотрим, что у тебя внутри.

С этими словами магистр выпул откуда-то из-под стола прибор генетического экспресс-анализа. Вколол иглу в шею Буратино, взял пару миллилитров крови.

В ожидании результатов анализа магистр пил вино и закусывал яблоком. Густой аромат вызвал у Буратино голодную икоту.

— Отсыпь, а?

Карр О'Бас пропустил просьбу мимо ушей. Он хмурился, он сопел, он чесал свою рыжую бороду, глядя на экран анализатора.

Наконец он заговорил совсем другим тоном:

— Я не желаю тебе вреда, малыш. Я вообще сочувствую дроидам. Тем более сочувствую таким совершенным творениям, как ты. Но посуди сам, закон есть закон. А по закону неучтенному дроиду, да еще запрещенной модификации, одна дорога — в печку. Мое сердце обливается кровью. Но если ты признаешься, кто твой создатель, я, так и быть, тебя отпущу. Даже верну документы. Соглашайся же скорее, малыш Буратино!

— Убиццо апстол, — пробормотал Буратино. — Как я могу тебе, мясоед, рассказать, кто меня создал, если Карло мне это запретил?

— Карло? Уж не Карло ли Шаманщик? — вскинулся Карр О'Бас. — Так должен тебе признаться, малыш Буратино, что Карло мой лучший друг, во всем Детройте-2 нет у меня другого такого друга!

Он подскочил к Буратино и снял его со стены. Освободил от наручников и усадил за стол.

— Ешь, ешь, милый Буратино! Насыщайся. С твоим двойным метаболизмом тебе требуется много калорийной белковой пищи. А не хочешь ли полежать под кварцевой лампой, для фотосинтезу?

Буратино схватил яблоко и ожесточенно впился в него зубами.

— Я докажу тебе свое благорасположение, — продолжал магистр, роясь в сейфе. — Вот тебе золотая карточка, очень дорогое и престижное платежное средство. Мой друг Карло очень обрадуется, когда ты покажешь ему эту золотую карточку. Не мешкай же, приложи к ней палец и авторизируй ее!

— Угу, щаз, — проворчал Буратино, запихивая в рот огрызок.

— И иди, иди сразу домой, к папе Карло, и никому, слышишь — никому не показывай эту чудную карточку! Только если тебя остановит полицейский или сотрудник службы контроля, ты покажешь ему эту золотую карточку.

Тогда он поймет, что ты — очень важная шишка и тебя останавливать нельзя. Ты все понял, малыш Буратино?

— Не парься, дядя, — ответил Буратино. — Я все фкурил.

Магистр трижды хлопнул в ладоши. В кабинет тут же вошли Пьеро и Арлекин.

— Проводите моего дорогого гостя Буратино, — приказал он.

Пьеро грустно вздохнул, Арлекин глупо улыбнулся.

Оставшись в одиночестве, Карр О'Бас, не медля ни минуты, уселся за пульт виртуала.

— Базиль, — деловым тоном сказал он, дождавшись соединения. — У меня к тебе важное поручение. Быстро дуйте с Элис к моему балагану. Там увидите парня с вот таким носом. Из кожи лезьте вон, но проследите, где и как. Он без браслета, имейте в виду, контакт визуальный запрещаю.

— Понял, шеф, — хрипло отозвалось из виртуала. — С тебя двести сольдо.

— Сто, — не допускающим возражений голосом отрезал магистр. — Вперед, дети мои.

Буратино пришлось долго ждать в зале с ковровой дорожкой пред закрытыми дверями. Автомат отчего-то никак не хотел его выпускать. Пьеро мялся, бормотал какие-то извинительные слова. Арлекин радостно объяснял, что этот автомат всегда так — или выпускает, или не выпускает.

«Глупые, как машины, — думал про них Буратино. — Не то что я. Видно, мой Карло и в самом деле большой поц. Насколько я круче этих жалких дроидов! Вот и золотую карточку мне магистр подарил! Это неспроста».

Но наконец возле театра появились два авантюриста — Базиль и Элис, а это были именно те самые Кот и Лиса, виртуальные друзья Буратино. Среди множества темных дел, которыми они промышляли, завлечение новых клиентов в театр О'Баса было самым безобидным. Один клиент — один сольдо, очень простая арифметика. Оба в блестящих черных, длинных, до пят плащах, оба — в темных очках. Когда Буратино появился из-за угла, Лиса ахнула и ткнула Кота локтем.

— Сам вижу, не слепой. Носатый! — прошипел тот, сверкнув зеркалами очков.

Объект слежки оказался клиентом и давешним собеседником в виртуале, который, в отличие от них, был не столь застенчив и транслировал свое изображение на их терминал.

– Это у него был фальшивый адрес виртуала!

– Очень фальшивый, – подтвердила Лиса. – И нос у него очень фальшивый.

– Непростой это фрукт, Элис. Давай его труханем, как следует.

– Дурачок ты мой, – жеманно пропела Лиса. – А магистр? Он же лишит нас работы.

– Магистр мне никто, – решительно ответил Кот и шагнул к поравнявшемуся с ними андроиду: – Здравствуй, друг наш, Буратино! Куда же ты так спешишь?

– Кто вы такие? – удивился Буратино. – Откуда вы меня знаете?

– Мы твои друзья – Лиса и Кот, – ответил Базиль.

А Элис сладко улыбнулась и добавила:

– Мы, как и ты, пришли посмотреть представление. Ведь мы так любим театр! Правда, Базиль?

– Чтоб мне лопнуть, – подтвердил Кот.

– Но, увы, – вздохнув, продолжила Лиса, – мы потеряли все свои деньги, нас не пустили в театр. Нам даже негде поесть, дружок Буратино.

– Мы не потеряли деньги, – таинственно понизив голос, сообщил Кот. – У нас скачали их Черные Хакеры.

– Ах, – вздохнула Элис, – может быть, у Буратино найдется для своих друзей пара сольдо?

– Пара сольдо, – хмыкнул Буратино, – это низачот! А вот такое вы видели?

И он махнул перед носами изумленных авантюристов золотой карточкой. Лиса снова толкнула Кота локтем.

– Ух ты! Богатенький Буратино! – выпалил Базиль.

– Какой красавчик, – восхитилась Элис. – А не угостит ли прекрасненький Буратино нас, обобранных Черными Хакерами, каким-никаким, пускай самым дешевым обедом?

– В харчевне «Трех Пескарей», – добавил Кот. – Это замечательное место.

– Восхитительная кухня, и очень дешево, – мечтательно закатила глаза Лиса.

Буратино снова уже одолевали голодные спазмы, и он спросил:

— Ну и далеко эта ваша харчевня?

— Мы проводим тебя! — повисла на его руке Лиса.

— Проводим! — подтвердил Кот и дико блеснул стеклами очков.

Буратино ощутил какое-то смутное беспокойство — феромоны Элис прореагировали в обонятельных рецепторах.

— Ведите, — согласился он.

Они долго возносились в лифте под самый купол Города, потом петляли темными и узкими коридорами, избегая оживленных меридианов и кольцевых. Всю дорогу Кот и Лиса безостановочно говорили. О том, как они сытно и вкусно отобедают в харчевне, а после харчевни полетят на флаере — дружок Буратино, конечно же, никогда в жизни не видел флаера! — в Свободную зону, где они приумножат капитал на карточке, и золотая карточка Буратино станет как две золотые карточки. Да не как две, а как двести двадцать две карточки, поправляла Кота Лиса. Целое дерево золотых карточек! Раскидистое, пышное дерево, все в золотых карточках. И тогда Буратино купит и себе, и своим родителям самые дорогие биопрограммы и ген-коррекции и будет жить пятьсот лет. Тысячу, поправлял уже Лису Кот. А им, друзьям Буратино, с этого дерева ничего не надо, ни одного золотого листочка. Они, его друзья, ценят только чистую дружбу!

В транспортном шлюзе Города было грязно и неубранно. С ржавых, сплошь расписанных граффити стен стекали капли конденсата.

— Приложи карточку, — подсказал Базиль, когда они подвели Буратино к терминалу.

— Вот к этому красному кружочку, — сладко пропела Элис.

Буратино сделал, как они просили. И дежурный автомат произнес:

— Вы собираетесь покинуть периметр поселения Детройт-2. Ставлю вас в известность, что при возвращении вы будете подвергнуты обязательному карантину. Прошу подтвердить желание покинуть поселение голосовой командой.

— Подтверди, красавчик Буратино, — нежно проворковала Лиса.

— Давай, не трусь, — ободрил Кот.

— Подтверждаю, какбе, — махнул рукой Буратино.

— Какбе — это что? — удивилась Лиса.

— Выучи, мать, албанский, — небрежно бросил Буратино, засовывая карточку поглубже в карман и застегивая его на замок.

В харчевне «Трех Пескарей»

Три верхних яруса Города возвышались над поверхностью земли. На огромной ровной крыше, напоминающей гигантское озеро блестящего темно-зеленого стекла, концентрическими кругами щетинились антенны, темнели пятна взлетно-посадочных площадок. Внушительные купола воздухозаборно-дезактивационных камер, купола поменьше карантинных пассажирских терминалов, грубые призмы терминалов грузовых.

Кот и Лиса увлекли Буратино к ближайшей станции флаеров. Изящные серебристые машины напоминали птичек. Птиц Буратино никогда не видел, но сведения о них хранились у него в мозгах. Золотая карточка и здесь произвела свое волшебное действие — друзья получили отличный, новенький, весь сверкающий серебром четырехместный флаер. Кот задал программу полета, и они бесшумно взмыли ввысь.

Лететь пришлось недолго. Харчевня — пятиэтажная гостиница серого бетона — обнаружилась на холме, подножие которого обступал дремучий лес. Кот, заложив лихой вираж, посадил флаер на крышу. Компания спустилась вниз, где их встретил хозяин — немолодой человек в джинсовом костюме и ковбойской шляпе. Приветствуя гостей, он почтительно сдернул с головы эту шляпу и поклонился, сверкнув обширной плешью.

В харчевне Кот с Лисой потащили было Буратино к столу подле настоящего, жарко пылающего очага, в котором на вертелах жарились птичьи тушки и другая дичь. Но андроид, не в силах выдержать мясной вони, вывернулся из заботливых рук друзей и уселся возле ок-

па. За окном, в вольерах, расхаживали страусы, индюки и куры.

— Джентльмены и леди! — торжественно возгласил хозяин. — В нашем заведении подается только натуральная пища! Никаких синтетиков, никаких автоклавов, никаких клонов! Наше заведение «У трех цескарей» — единственное в своем роде во всем Восточном графстве. Что будем кушать, что будем пить? Есть подлинный тройной солодовый виски. Напиток для настоящих джентльменов, сэр. — Хозяин поклонился Базилю. — Для леди найдется бутылочка шампанского. Если юный джентльмен употребляет спиртное...

— Буратино, друг, — в манере паршивого трагика шепнул Кот, пока хозяин продолжал озвучивать список услуг, — ты ведь не дашь своим друзьям погибнуть с голоду? Нам бы хоть три корочки хлеба!

— Хозяин, — произнес Буратино, — ты уже напугал до икоты. Тащи три буханки хлеба. — Он немного подумал и добавил: — Три очень большие буханки.

Хозяин, уже рассказывавший о номерах гостиницы, спальных удобствах, от изумления лишился дара речи. Лишь перевел остекленелый взгляд с Буратино на Кота. Но у того за стеклами очков ничего было не рассмотреть. Тогда Элис сняла свои очки и, кротко глянув на Буратино большими и влажными карими глазами, сказала:

— Наш юный друг пошутил. Ты ведь пошутил, правда, Буратино?

Буратино под завораживающим взглядом Лисы онемел и помимо воли кивнул.

— У нашего друга — золотая карточка, — продолжала Лиса. — Наш юный друг очень щедр.

При слове «золотая» взгляд хозяина вновь обрел осмысленность.

— Значит, так, — решительно произнес Базиль. — Что с рыбой?

— Есть рыба.

— Не радиоактивная?

— Как можно!

— Карасей в сметане. Стерляди и копченых угрей. Бутылку самогона, вашего, фирменного.

Хозяин кивнул.

— Мне, пожалуй, — как бы сомневаясь в том, что она вообще расположена кушать, стала заказывать Элис, — птичек, вкусненьких птичек. Голуби есть?

— А как же!

— Тогда голубиных котлеток, индюшачьи крылья и вашу замечательную страусиную яичницу. И немного трехсолодового виски. Для аппетита. Со льдом. Бутылочку.

— И три большие буханки хлеба, — наконец очнулся от чар Буратино.

Хозяин одобрительно щелкнул пальцами.

— У этого парня есть чувство юмора!

— Наш дружок Буратино заключил пари, что съест в один присест три буханки хлеба, — сочла нужным пояснить Лиса.

И точно, Буратино расправился с большими, домашней выпечки караваями играючи. Он хотел попросить еще, но подумал, что так, наверное, не принято.

Осушив последнюю рюмку самогона, Базиль вытер о скатерть жирные руки, снял очки и глянул на Буратино осоловелым взглядом бесцветных глаз. Буратино тут же заснул.

Взгляды Базиля и Элис обладали неодолимым гипнотическим действием, поэтому приходилось прятать глаза за темными стеклами. Так действовала мощная, разумеется — нелегальная, НЛП-биопрограмма. Программой этой снабдил авантюристов Карр О'Бас. Разумеется, в самого магистра, по совместительству — подпольного генетика, была вшита еще более мощная программа защиты от всяческого внушения.

Дело шло к ночи. Кот и Лиса заказали себе еще яств и алкоголя.

Пока Буратино спал, они вели беседу с хозяином, как с давним знакомцем. Тот, между прочим, рассказал им, что в Свободной зоне сейчас акция — разыгрывается гринкарта в Райскую зону, где все уж точно натуральное, не зараженное, чистое. Даже воздух. На золотую карту можно купить множество лотерейных билетов, тогда точно повезет. При словах «Райская зона» Элис мечтательно закатила глаза, а Базиль решительно припечатал, что Райская

зона это сплошное вранье, а деньги делают деньги, и все надо поставить на электронную рулетку, больше никуда. Хозяин заметил, что без согласия юного джентльмена их планам не суждено сбыться, на что Кот с Лисой лишь загадочно переглянулись и ничего не сказали.

Потом Базиль вспомнил, что близится ночь, а значит, на Поле Чудес вскоре начнется большая игра. Авантюристы растолкали Буратино.

— Надо заплатить хозяину, — коротко объяснил Базиль.

— Пять тысяч долларов, — моментально вставил хозяин.

— А это много? — уточнил Буратино.

— Сущие копейки, — успокоила Элис. — Это самое дешевое заведение во всем графстве.

— Не проблемца, — согласился андроид.

Снова они летели на флаере, серебристая машина несла их сквозь ночь, наполненную зеленоватым лунным сиянием.

Буратино попадает на Поле Чудес, теряет золотую карточку и оказывается в замке Тортиллы по прозвищу Черепаха

Была уже середина ночи, но в Свободной зоне никто не спал. Всюду блистали яркие огни, двери казино и ресторанов на Поле Чудес, в сердце зоны, были гостеприимно распахнуты. Играла громкая музыка.

— Убиццо апстол, — сказал Буратино, озираясь.

Они покинули флаер и шли главным проспектом. Было людно. Причудливые здания, одно удивительнее другого, высились по обеим сторонам проспекта. На перекрестках и в скверах били струи фонтанов. На лужайках среди деревьев важно гуляли павлины. Элис мертвой хваткой вцепилась в Буратино и влекла его на главную площадь, где у длинного ряда лотерейных автоматов клубилась толпа желающих выиграть заветную гринкарту. Усиленный динамиками бодрый голос живописал прелести Райской зоны.

На противоположной стороне площади располагалась ВИП-зона. Там и автоматы были покрупнее, и игроки посолиднее, и людей не столь много. Элис и Базиль буквально на руках внесли туда Буратино и поставили перед свободным автоматом.

— Давай, Буратино, доставай же скорее карточку! — воскликнула Лиса.

— Доставай, Буратино, — поддакнул Кот.

— Вот сюда, под стекло. И нажимаешь большую красную кнопку.

— И все? — удивился Буратино.

— Все! Стоишь и ждешь, пока автомат не выдаст нам гринкарту.

— А дерево?

— Зачем нам дерево, когда у нас будет гринкарта! В Райской зоне нет денег и все счастливы.

— Очень счастливы, — подтвердил Кот.

— По-моему, вы жжоте, — сказал Буратино и из любопытства положил карту на сканер.

Он нажал кнопку, и на дисплее принялись мелькать циферки.

— Сейчас, сейчас будет заветное число, — в исступлении приговаривала Лиса.

Но циферки все мелькали, а заветное число не появлялось. Базиль хмурился.

— Не будет тебе никакого заветного числа, а денежки уходят, — наконец не выдержал он. — В казино надо.

— Как бы не так! — огрызнулась Лиса. — Лучше закрой рот.

Тогда Базиль схватил карточку и объявил:

— Идем в казино!

— Я тебе сделаю казино! — вцепилась в него Элис. — Положи на место!

Она сорвала с носа Кота очки, потом свои и уставилась в глаза приятеля гипнотическим взглядом. Тот напрягся и ответил взглядом такой же силы внушения.

— Уф, — наконец не выдержала Лиса. — Ну скажи ему ты, дружок Буратино!

И перевела свои карие глаза на андроида. Кот не остался в долгу и тоже вперил в него свой бесцветный взгляд.

— В казино! — прорычал он.

— Не, не законнектились, — произнес Буратино. — Второй раз вы меня на эту уловку не поймаете. У меня самообучающийся защитный контур.

— О'Бас продал? — растерялась Лиса.

Буратино, пользуясь замешательством авантюристов, выхватил у Базиля карточку и бросился наутек.

— Держи его! — завопили Кот с Лисой, устремляясь в погоню. Полы их плащей трепетали, как вороновы крылья. — Мошенник украл золотую карточку!

Толпа расступилась, но никто не поспешил присоединиться к погоне. Буратино домчался до стоянки флаеров единственной известной ему в Свободной зоне дорогой, запрыгнул в кабину и через несколько мгновений уже был в ночном небе.

Лиса и Кот влетели в Управление порядка Поля Чудес. Дежурный офицер сонно уставился на посетителей. Посетители как по команде сняли очки и уставились на дежурного офицера. Авантюристы шли ва-банк — у офицера тоже могла оказаться сильная программа антивнушения.

— Храбрый защитник правопорядка, — замогильным голосом произнес Кот. — Ужасный преступник появился в Свободной зоне. Он грабит добропорядочных граждан, отнимает у них золотые и платиновые карточки. Он захватил флаер и сейчас с огромной скоростью удаляется из Свободной зоны!

— На всех парах, — добавила Элис.

Офицер провел рукой по лицу, спать ему захотелось еще больше. Штатная программа гипнозащиты некоторое время сопротивлялась, пока количество гормонов в крови не зашкалило и она не дала сбой.

— Вызывайте немедленно перехватчики! — высоким, не терпящим возражений голосом приказала Элис. — Мы покажем путь!

Офицер, словно сомнамбула, забубнил в селектор необходимые распоряжения.

Оказавшись в небе, Буратино ни на минуту не растерялся. Поюзав штурманские программы и карты у себя в голове, он направил летательный аппарат в сторону океана. Земля в ночной тьме, не расцвеченная огоньками городов и дорог, была совершенно незрима. И казалось, машина висит неподвижно, и лишь мертвенно-зеленые лунные блики на облаках внизу, под брюхом флаера, говорили о том, как высоко он забрался. А на штурманском дисплее в сетке

координат плыла красная точка, обозначавшая положение флаера в пространстве.

— Врешь, не уйдешь, — разнесся в кабине хриплый вопль Кота, и на дисплее появилась еще одна точка, синяя, обозначившая положение боевого флаера штата Мичиган.

Буратино резко сменил курс к северу и, бросив машину в крутой разворот, начал стремительное снижение. Но боевые флаеры гораздо быстрее и маневреннее — вскоре флаер, пилотируемый Базилем, уже висел на хвосте у Буратино. Громкая связь доносила до него рычание Кота и ликующие возгласы Лисы:

— Вмажь ему, Котяра! Ракетой его.

На горизонте возникла смутно различимая в лунном свете водная поверхность — озеро Онтарио. Кот выстрелил очередью из плазменной пушки — поток шаровых молний прошел в дюймах от корпуса машины.

— Прикольно, но мало, — заметил Буратино, заставляя флаер выделывать фигуры высшего пилотажа.

— Отдай карточку, урод! — вопил Базиль.

— Ржунимагу, — ответил Буратино и резко пошел забирать вверх, намереваясь пропустить под собой быстро налетающий флаер авантюристов.

И тогда у Кота не выдержали нервы и пошла ракета. Она разворотила левое крыло и посекла блистер машины беглеца. Моментально сработали пиропатроны, и Буратино вместе с пилотским креслом вышвырнуло в ночь. От перегрузки накатила серая пелена, а когда развеялась — оказалось, что Буратино валяется на берегу озера, в кресле, с бессильно обмякшим парашютом.

К Буратино приближались Кот и Лиса. Он зажмурился и начал тормозить метаболизм, переходя на растительный цикл.

— Не дышит, пульса нет, — констатировал Базиль.

— Бедный мальчик, — сказала Элис. — Где там у него наша карточка? Ах вот же она!

— Значит, к Черным Хакерам?

— Немедленно.

— Жалко. Половину возьмут.

— Дурачок. Лучше половина, чем ничего.

— А этого я выкину в воду.

Базиль обрезал ножом стропы, подтащил кресло с бесчувственным телом к обрыву, проверил зажимы фиксаторов — и столкнул вниз, в воду.

Только лишь кресло ударилось о воду, как Буратино начал действовать. Движения в растительном режиме были медленные, зато он не нуждался в кислороде. Он освободился от фиксаторов и, так как в легких был воздух, медленно всплыл на поверхность. Прямо к нему приближались огни какого-то небольшого судна.

Это был катер личной охраны Тортиллы, замок которой стоял на берегу Онтарио тремя милями севернее. Вспыхнул прожектор, катер сбавил ход.

— Эй, за бортом, — раздалось с катера. — Здесь частное владение, купаться запрещено.

Буратино еще не перешел окончательно на животный метаболизм, говорить ему было трудно, поэтому он молчал, пока его поднимали на борт. Команду сторожевого катера составляли дроиды. Капитан вежливо попросил предъявить документы, и Буратино предъявил. Капитан унес паспорт в рубку, откуда передал данные хозяйке. Выслушал инструкции Тортиллы и, вернувшись, сообщил:

— Госпожа приглашает вас в гости.

— Очень надо, — проворчал Буратино.

— У вас нет выбора. Мы все равно доставим вас к госпоже Тортилле, — заверил его дроид, и катер заскользил по водной глади.

Тортилле шла четвертая сотня лет. Она была столь стара, что помнила еще те времена, когда люди жили в больших городах на поверхности. И подчинялись не Федеральной Резервной Системе, а правительству и президенту, избираемому всей нацией. И кроме того, более двухсот лет она состояла в Службе Контроля в качестве специального агента элитного засекреченного подразделения «Призрак». Сейчас она доживала свой век здесь, в укрепленном частном владении, которое иначе, как «замок Черепахи» никто не называл.

Прозвонив свою обширную базу данных, Черепаха в два счета вычислила фальшивый паспорт. Потом она вычислила сенатора Джузеппе Сизый Нос. За сенатором Черепаха давно наблюдала, так как он был связан давней

дружбой с Карло-Шаманщиком. А к Шаманщику у престарелой спецназовки был особый интерес.

Поэтому ночного гостя сразу же повели в медотсек. Поняв, что его снова собираются обследовать, Буратино решительно заявил:

— Сперва накормите, хомячки.

— Не велено, — отказал медицинский дроид. — Сперва осмотр.

Наконец Буратино, обсохшего и просканированного, ввели в столовую, где ему были поданы горячие бобы, кисель из ревеня и маковые ватрушки. Все натуральное, все только что из кухни. А затем его лифтом спустили вниз, в подземные апартаменты хозяйки.

Обстановка кабинета Черепахи сохранилась еще с давних времен, когда дорогие заказы выполняли из натурального материала — шелка и дерева, глины и камня. Тортилла полулежала на банкетке красного дерева и курила тонкую длинную сигару ароматного табака. На вид ей можно было дать пятьдесят лет по стандарту-21, и никак не больше. Она указала сопровождающему дроиду на массивное кресло, к которому тот и подвел Буратино, после чего удалился.

— Присаживайся, Буратино, — низким грудным голосом произнесла Черепаха, выпустив к потолку облачко дыма. — Расскажи мне, как поживает мой старый друг Карло-Шаманщик?

— Что-то много у него друзей развелось, — хмуро ответил Буратино. — Боянчег какой-то галимый выходит.

— Не тупи в одно рыло, — ответила ему в тон старая спецназовка. — Ты откуда этого жаргона набрался, юноша? Так разговаривали, когда мне было столько лет, на сколько ты сейчас выглядишь.

— Убиццо апстол, если я знаю! — искренне ответил Буратино. Черепаха начинала ему нравиться. — Само выскакивает.

— Ладно, проехали. Какие, говоришь, еще друзья у Карло обнаружились?

— Сизый Нос, который меня из покойницкой выцепил. Карр О'Бас. Но он весь на измене. Теперь вот ты, старая перечница.

Черепаха расхохоталась, смех перешел в хриплый кашель. Она пригубила красного вина из фужера, снова пыхнула дымом.

— Значит, ты одно из последних творений Шаманщика. Раньше он все больше кошечками и собачками пробавлялся. Но ведь гениальный, чертяка. У меня, кстати, один его песик сохранился, Артемоша. Разговорчивый, собака...

Ее взгляд вдруг сделался странным и далеким. Сигара задрожала в пальцах, выпала, покатилась по ковру. Откуда-то из смежной комнаты появился дроид-карлик, поместил сигару в пепельницу и несколько раз крепко хлопнул хозяйку по щекам. Во взгляде Тортиллы вновь возник интерес к жизни, и она спросила:

— Ты кто?

— Карло не велел мне отвечать на этот вопрос.

— Ах да. Карло Гоцци, Шаманщик. Господи, как страшно. Видишь, что со мной происходит? Ген-коррекции уже не держат. Гормональный фон нестабилен. Это, юноша, конец. Ты бы знал, как не хочется. Ну да ладно. Я расскажу тебе одну историю.

И Тортилла поведала Буратино удивительную историю. Триста лет тому назад, когда только научились оживлять «полена», было много надежд на практическое бессмертие. Никто не ожидал, что дроид, полученный из генетической макроматрицы, окажется столь далек от человека, и к тому же будет лишен способностей к развитию и воли. Это потом дроидов стали использовать как грубую рабочую скотину. Сперва с ними носились, как дурень с писаной торбой. Считалось, что они лишь ступень на пути к преображению человеческой природы. Славное было время! Возникали и исчезали всевозможные религиозные культы, соревновались новые политические теории, а ученые, не зная ни в чем отказу, экспериментировали на живом и мертвом материале.

А потом как-то вдруг все изменилось. Нанороботы вышли из-под контроля и, собираясь в гигантские сгустки «серой слизи», принялись уничтожать технику, а потом и все живое. Люди спрятались под землю — кто успел. Потом и это как-то рассосалось, природа восстановилась, нанороботы какие дезактивировались, какие перешли в спя-

щий режим. Но люди остались в подземных городах. Лишь некоторые, самые отчаянные, живут на поверхности.

И вот около ста лет назад появился Ключ. Кто его придумал — неизвестно. Ключ — рибосома-платформа, и к ней — транспортная РНК, дополнительный код для трехспирального генома. Ключ способен превратить клеточную структуру организма в единую информационную нейроструктуру. Была создана секретная лаборатория, где научились активировать этот код. Но результаты оказались ужасающими. Несколько десятков супердроидов, которых успели активировать, немедленно возомнили себя сверхсуществами и устроили охоту на политиков высшего ранга. Они и в самом деле многократно превосходили людей и компьютеры в изобретательности.

— Вот тогда мне пришлось поработать. — Глаза Черепахи сузились, в них появился металлический блеск. — Из нашей группы профессионалов высшего класса выжила только я. А политическая система рухнула безвозвратно. Двадцать лет анархии, юноша. Это пострашнее, чем взбесившиеся нанороботы. Спасло нас то, что супердроиды не смогли поладить друг с другом. Каждый из них отчего-то очень любил власть. И их ничего не связывало между собой. Они не ценили жизнь, как ценим ее мы. Они так и остались трупами. Нет, — убежденно добавила она, — этот Ключ должен активировать только особых существ, которые имеют тройную спираль ДНК, но при этом живы, как настоящие люди. Поэтому я отдам Ключ тебе, Буратино. О'Бас пусть утрется. Он неглупый генетик, и в чем-то его можно понять... В чем-то всех нас можно понять. Но эта его безумная идея одушевления дроидов через высокое искусство... — Черепаха снова рассмеялась, и снова смех перешел в хриплый, надсадный кашель. — Новый Адам нового человечества. — Она странно и оценивающе взглянула на Буратино.

Тот поерзал в кресле.

— А ну его к лешему! Все равно скоро помирать. Что мне за дело, что у людей начнется. К добру это или к злу — что мне теперь за дело? Владей Ключом.

Снова из-за ширмы явился прежний карлик, торопливой, семенящей походкой он подбежал к хозяйке и под-

ставил спину. Тяжело опираясь на его плечи, Тортилла поднялась и вышла.

— Старуха жжот, — только и сказал озадаченный Буратино.

Тортиллы не было долго, и Буратино уже начал ощущать голодные спазмы. От нечего делать он принялся слоняться из угла в угол, вертеть в руках какие-то безделушки.

— Смотри! — раздался голос.

От неожиданности Буратино чуть не выпустил из рук китайскую вазу, которую он собирался рассмотреть подробнее.

Тортилла держала длинную, как ее сигара, золотую капсулу.

— Возьми Ключ, он твой. Найди лабораторию. Я уже не помню, где она. Где-то в твоем городе, в подземельях. Еще помню, что охраняют ее роботы-зооморфы, но они нацелены на людей. Возьми Ключ и отправляйся к Мальвине. Она — твоя Ева. Я ее поселила в лесу, у пруда. — Черепаха помолчала и добавила: — И гори оно все огнем!

Доури Марр, владелец фирмы «Марр и его лечебные пиявки», рассказывает Карру О'Басу про тайну Черепахи Тортиллы, а Буратино знакомится с Мальвиной и говорящим псом Артемоном

Вечером того же дня, когда Карр О'Бас отпустил Буратино, к нему в гости заявился старый знакомый, владелец фирмы по производству модифицированных лечебных пиявок Доури Марр. Пиявки, биологические макророботы, восстанавливали сбои в генетических программах, продлевая эффекты ген-коррекции. Но прибыльный бизнес был для Марра лишь прикрытием более серьезных дел. Федеральное Бюро Расследований, на службе у которого он состоял, уже давно разыскивало золотой Ключ.

Расположившись у очага, он потер руки и объявил:

— Ну что, дружище, старый Доури пришел с хорошими новостями. Но сперва угости-ка меня как следует. Этот чертов карантин вымотал мне все нервы.

— Так ты оттуда? — Магистр указал большим пальцем куда-то вверх.

— Оттуда, оттуда, — подтвердил Доури Марр. — Кстати, не желаешь подкорректировать печенку? Тебе, вижу, надо. Пара моих пиявок — и печень вновь работает как механизм.

— Поди ты к лешему со своими пиявками. Вон — мясо, вон — вино. Жри, — грубо отвечал магистр, презиравший ремесленников, подвизавшихся на ниве великого биотехнологического искусства.

Гость не стал чиниться, впился зубами в синтетическую куропатку. Отрывая куски мяса, он продолжал говорить:

— Есть у меня информашка, за которую не один подпольный генетик готов будет отдать последнюю дозу нуклеинового киселя. А тебе вот интересно?

О'Бас почесал бороду. На что это продавец пиявок намекает?

— Да брось, дружище. — Марр налил себе вина. — Все ты понимаешь. Кому не нужен золотой Ключ?

— Разрази меня гром, откуда ты проведал про золотой Ключ? — не сдержался О'Бас.

— Пустяки, — беззаботно махнул рукой продавец пиявок. — Что Ключ, когда не знаешь, где Дверь?

Карр О'Бас чуть не брякнул, что знает, где Дверь, но сдержался и, сбавив обороты, поинтересовался:

— Что тебе известно о Ключе, дружище Марр?

— Я бы тебе рассказал, дружище Карр, если бы ты мне рассказал, что тебе известно о Двери?

— Что я могу рассказать о Двери? — усмехнулся магистр. — Только лишь то, что и все. Слухи, легенды, бабушкины сказки.

Продавец пиявок прищурился.

— А я вот знаю, что тебе довелось побывать в лапах супердроидов. Сколько тебе тогда лет было? Маленький, испуганный мальчик, на глазах которого страшные и странные существа, с виду так похожие на сапиенсов, замучили, отправили на тот свет множество подопытных людей. Да, не все то человек, что сапиенс, не так ли? И не оттого ли ты мучаешь несчастных дроидов в своем театре? Так как

насчет пиявок? Перегруженная печень, без сомнения, тяготит тебя, а избыточный билирубин вызывает раздражительность.

— К черту, к лешему, никаких пиявок! — взревел О'Бас, хватая Доури Марра за грудки. — Убью! Оторву голову! Пущу на биомассу!

— Только не надо театральщины. — Доури Марр неуловимым движением освободился от магистровой хватки.

— Говори, где Ключ! — не унимался магистр.

— Дверь! Где дверь?! — уворачиваясь от его объятий, патетически восклицал Марр.

Наконец, запыхавшись, магистр обрушил свое тело в кресло.

— Хорошо, дружище, давай фифти-фифти. Берем Ключ, а я показываю, где Дверь.

— Да мне большего и не надо, — пожал плечами продавец пиявок. — Ключ у старой Тортиллы.

— У Черепахи?

— У нее.

— У этой старой перечницы?

— Эта старая перечница даст сто очков вперед любому федеральному агенту.

— В ее замке?

— Там.

— Здесь никакой армии не хватит.

— Но вы же старые друзья, не так ли? Ведь это она тебя вытащила из лаборатории смерти?

— Ты прав. Кто, как не я, сможет уговорить старую мегеру? Так что, вставай, мы выдвигаемся немедленно.

Одноместный геликоптер приземлился на зеленой лужайке перед небольшим аккуратным домиком, затерянным в лесной чаще. От лужайки к домику вела посыпанная песком дорожка. Колыхались камыши на берегу такого же небольшого пруда. На террасе перед домиком пила чай девочка с голубыми волосами. У ее ног лежал и преданно смотрел на хозяйку огромный, с кавказскую овчарку, пудель.

Буратино выскочил из геликоптера — тот со свистом взмыл обратно и растворился в солнечной голубизне неба.

— Мальчик! — всплеснула руками девочка с голубыми волосами, завидев гостя. — Ах, мальчик! Как ты нашел меня здесь? Кто ты? Как тебя звать? А меня зовут Мальвина!

Пудель лениво поднялся и обнюхал Буратино штаны.

— Р-ртортилла! — сообщил пудель. — Пр-рислала.

— Наша добрая, добрая бабушка! Она бы не прислала к нам плохого мальчика, правда, Артемон?

— Может, и не плохой, но уж точно и не хороший, — без какого-либо рычания изрек пудель.

— А мы его воспитаем! — Девочка важно подняла палец. — Первое — манеры, второе — дисциплина, третье — книжные премудрости.

— Ты че, дура? — наконец раскрыл рот Буратино. — Эта говорящая шерсть — и то жжот нипадецкки.

— Фу, грубиян! Артемон научит тебя вежливости. Но как же тебя зовут, мальчик? Кто твои родители? Почему ты один? Ты сирота?

— Да закрой ты рот наконец! Меня зовут Буратино, родителей нет, потому что меня вырастил в пробирке яйцеголовый ботаник Карло! Доступно излагаю? А один я потому, что Карло послал меня одного, чтобы я обтерся среди людей. Только фигня из этого вышла. А сиротой я быть не могу, потому что не рождался.

— Ах, какое счастье! Папа Карло! Ведь он и меня создал! Так мы теперь — брат и сестра?

Буратино задумался.

— Типа, и тебя он создал? А чего ж ты такая тупая?

— Артемон! — воскликнула девочка, и пудель играючи оторвал у Буратино кусок штанов.

— В следующий раз, если не станешь вежливее, укушу по-настоящему, — мрачно предупредил умный пудель.

— Хватит, Артемон! Буратино умный, он все понял. Наверное, ты голоден? — сочувственно спросила девочка. — Тогда умывайся, как следует помой руки, — и к столу.

— Руки? Руки мыть это лишнее. С тройной-то спиралью ДНК. Нам ли, покойникам, вирусов бояться и бактерий?

Но, скосивши взгляд на умильную физиономию вывалившего язык Артемона, шмыгнул носом и поплелся к рукомойнику.

За столом он немедленно набил щеки миндальными пирожными, жадно осушил стакан колодезной воды. По подбородку потекли струйки.

— Нет, это невозможно! Ты совсем, совсем невоспитан!

— Некогда было. Тебе кто волосы покрасил?

— Я такая получилась, — кокетливо ответила Мальвина.

— Узнаю ботаника. Тебе дикий хаер, мне, вон, нос.

— У тебя очень милый нос!

— Ну, спасибо. Тебе тоже с волосами красиво. Только к людям тебе нельзя. Слишком приметная.

— Я знаю. Мне бабушка Тортилла рассказывала. И еще она мне обещала подарить золотой ключик, который сделает нас свободными.

— Кого это — нас? — подозрительно спросил Буратино.

— Она так выразилась. «Он сделает вас свободными», — сказала она.

— Гляди.

Буратино жестом заправского фокусника извлек из-за пазухи Ключ, висевший у него на шее, на титановой цепочке.

— Какая красивая вещица! — восхитилась Мальвина.

— Фарфоровая голова, — безнадежно махнул рукой Буратино. — Это на самом деле очень крутой девайс. Вопрос только, куда его законнектить?

— Я ничего не понимаю, — растерялась девочка.

— Хорошо у вас тут, на солнышке, — оценил Буратино. — Я пофотосинтезирую немного. Ты не пугайся. Если позеленею — тащите в чулан. У вас есть чулан? Или пещера?

— Для тебя найдем, — проворчал пудель.

Тут из домика донеслась музыкальная трель.

— Ах! Бабушка на связи, — подхватилась Мальвина. — Артемон! Неси коммуникатор.

Звонил личный секретарь Тортиллы, дроид Жаба. Новости были ужасны. Только что окончательно выжившая из ума Черепаха все рассказала Карру О'Басу. Через пятнадцать минут он будет у вас. Вам надо срочно бежать. Хозяйка умирает и ничем не может помочь.

Странный бой на опушке леса

Мальвина беспомощно посмотрела на пуделя.

— Что делать, Артемон?

— Р-рвать когти, — лаконично ответил пес.

— Нивапрос, — согласился Буратино. — Только далеко не убежим. Нам бы спрятаться.

— Артемон, куда мы можем спрятаться?! — воскликнула девочка.

— Пещер-ра! — проворчал Пудель.

— Правильно! Бабушка ведь так и наставляла: если что, прячьтесь в пещеру!

Артемон добавил:

— Тор-ртилла наставляла — забраться в пещеру, загерметизировать вход, активир-ровать минное загр-раждение и включить ср-редства активной обор-роны. И ждать помощи из замка Тор-ртиллы.

— Так, быстро всех с пляжа! — распорядился Буратино. — Собака, девку переодеть, вещей не брать. Даю две минуты времени.

— Ах, Буратино, ты такой решительный! — воскликнула увлекаемая Артемоном в домик Мальвина.

И вот они бегут к пруду, к спасительной пещере. Но когда до заветного, укрытого маскировочной сетью входа оставалось совсем ничего, раздался пронзительный вой.

— Ложись! — скомандовал Буратино, падая ничком.

Пудель бесцеремонно повалил Мальвину, упал на нее сверху, прикрывая своим телом.

Блеснуло, громыхнуло громом. На месте пещеры дымилась воронка да торчали вывороченные взрывом глыбы бетона. Еще секундой ранее невидимый, приближался боевой флаер.

— Отсиделись, — отряхиваясь от песка, заметил Буратино.

Усадил Мальвину на спину Артемона.

— Бегом, в лес!

Они стремительно мчались лесной чащей, мелькали мимо сосны и ели, березы и осины. Буратино развил такую скорость, что даже генетически усовершенствованный пу-

дель едва за ним поспевал. Наконец лес закончился, беглецы оказались на опушке.

— Опаньки, — пробормотал Буратино.

Ровный луг пересекала цепь черных фигур. Они приближались к беглецам с пугающей неторопливостью. Из лесу раздавался жуткий треск. Все пути к бегству были отрезаны.

— Мы погибли! — Мальвина закрыла лицо ладошками.

— Я буду биться до последнего вздоха! — горделиво сообщил пудель.

— Тебя просто пристрелят, глупое животное, — возразил Буратино. — Это мы им нужны живыми.

Треск в лесу сделался чудовищным, и на опушку, повалив несколько сосен, вывалился давешний боевой флаер. Из него выскочили магистр О'Бас и федеральный агент, продавец пиявок Доури Марр.

— Отдавай Ключ! — закричал магистр, держась на почтительном расстоянии: Артемон скалил зубы и грозно рычал.

— Следует определить, у кого из них Ключ, — сказал Доури Марр. Он вскинул руку, давая знак спецназу оставаться пока на месте. — И есть ли он у них вообще. Я бы на их месте Ключ спрятал в доме или выкинул по дороге.

— Отдавай Ключ, — не слыша продавца пиявок, повторил О'Бас. — Зачем он тебе, безмозглое полено? Тебе от него одни несчастья! Отдай и проваливай на все четыре стороны!

Он двинулся было к Буратино, но Артемон столь выразительно рявкнул: «Р-разорву», что магистр поспешно отскочил назад.

— Вот уж не думал, что хоть одна из этих говорящих тварей уцелела, — флегматично заметил Доури Марр. — Магистр, ты давай иди отсюда. Сейчас мои ребята работать начнут. — В одной руке он держал бластер, в другой, поднятой над головой, — жетон. — Я — федеральный агент! Приказываю всем лечь лицом на землю, вытянуть руки в стороны и не шевелиться.

Но Карр О'Бас словно обезумел. Вместо того чтобы подчиниться приказу федерального агента, он вцепился в его бластер, повалил Доури Марра, и они покатились по траве.

— Собака, бери Мальвину, и прячьтесь в лесу, — приказал Буратино.

Он стоял в странно напряженной позе, как будто к чему-то прислушивался. И когда пес и девочка скрылись за деревьями, что есть мочи закричал:

— Ко мне, нанороботы! Я повелеваю вам проснуться!

Он издал высокий и долгий горловой звук, от которого заложило уши у пилота флаера, а магистр и продавец пиявок от испуга перестали драться. Из травы и от леса возникло дуновение, и к Буратино, змеясь, потекли отовсюду серые клочья тумана. Они собирались воедино вокруг андроида, постепенно разгораясь лиловым свечением. Вскоре он окутался непроницаемым облаком.

Первым разобрался, что к чему, продавец пиявок. Оглоушив магистра ловким ударом по темени, он подхватил бластер, стремительно запрыгнул в кабину и крикнул пилоту:

— Немедленно взлетаем!

— Курс? — спросил тот.

— Как можно дальше отсюда, — ответил Доури Марр.

А спецназ открыл ураганный огонь из штурмовых бластеров. Разряды вырывали из лилового облака клочья, выжигали каверны, но облако тут же смыкалось и, подпитываемое новыми триллионами наноскопических роботов, казалось, даже росло. У ног спецназовцев тоже заклубились лиловые вихри, и бластеры один за другим стали умолкать. Где-то далеко отсюда уже приводились в боевую готовность гигантские дезинтеграторы, предназначенные для уничтожения полчищ «диких» нанороботов, но им нужно было время, чтобы накопить энергию. И еще нужно было время, чтобы перебросить их к месту битвы.

Спецназ начал поспешно отступать. Туча вокруг Буратино опала и рассеялась. Он глянул вверх — в небе плыло облако, похожее на кошачью голову, из-за этого облака вынырнул и начал снижаться в стремительном пике очередной летательный аппарат.

— А вот и ботаник прилетел, — сказал Буратино и стал звать друзей из лесу.

Это и в самом деле оказались Карло и Джузеппе — на личном сенаторском геликоптере. Предусмотрительный Кар-

ло вмонтировал датчик координат не только в браслет, с которым Буратино так неосторожно расстался, но и в его биометрический паспорт.

Когда вся компания разместилась в пассажирском салоне, Сизый Нос, сидевший за пилотским штурвалом, предложил отвезти всех в убежище, по ту сторону озера Мичиган. Буратино спросил у Шаманщика:

— Ботаник, я там видел у тебя странного сверчка и прикольную крысу. Они зооморфы?

— Про зооморфов я в тебя информацию не закладывал, Буратино. Чтобы ты не знал лишнего.

— Жесть. Про Ключ ты мне тоже ничего не докладывал.

— Какой Ключ? — удивился Карло, а Сизый Нос навострил уши.

— Есть такой боянчег,— сказал Буратино, доставая из-за пазухи золотой Ключ.

— Это то, о чем я думаю? — спросил Шаманщик.

— Рибосома-платформа, — подтвердил Буратино.— Эй, Джузеппе, гони на Детройт-2, пока нас тут дезинтегрирующим ударом не накрыли. Прорвемся — будет нам счастье.

Закладывая вираж, Джузеппе заметил:

— Да-а, дружище, как быстро повзрослел твой мальчик.

Что они нашли за потайной Дверью

Когда они подлетели к Городу, в раскрытый грузовой отсек заходил тяжелый транспортник. Джузеппе подвел геликоптер вплотную к его фюзеляжу. Но прежде чем грузовой отсек закрылся, следом за транспортником в плюз втянулся длинный шлейф лилового тумана. И взвыли истошно сирены, и равнодушный голос диспетчера-дроида разнесся по всем закоулкам Города:

— Зафиксировано нарушение периметра Города. Атака нанороботов. Опасность высшей степени. Всем жителям загерметизировать помещения!

— Что ты наделал?! — в ужасе воскликнул Сизый Нос.

— Решил подстраховаться,— ответил Буратино.— Иначе ваша Служба Контроля не посмотрела бы на то, что ты сенатор.

В это время плазменные пушки на крыше тысячефутовыми факелами выжигали пространство над Городом. И не зря — огромная лиловая туча возникла в небе, выбрасывая вниз, к куполам воздухозаборников клубящиеся щупальца, и многие из них успевали достигнуть цели.

— Лучше бы Служба Контроля, чем дезинтегрирующий разряд, — заметил Джузеппе.

По счастью, давешний транспортник все еще протискивался в огромные, но для него тесные гермоворота, ведущие в карантинную зону. Ворота, повинуясь сигналу тревоги, честно пытались захлопнуться, и тушу транспортника заклинило между верхней и нижней створками.

И они успели вскочить в получившуюся щель. Промчались к лифту, и лифт стремительно ухнул вниз, унося их к уровню зеро. По всему было видно, что за прошедшие после бунта нанороботов сто лет логистика операций консервации и обороны сделалась более щадящей. Никто не попытался перехватить их на выходе, никто не преследовал по технологической зоне, и вскоре два человека, два андроида и пес оказались в каморке Карло.

Буратино сорвал изображение блондинки с котелка и отодвинул щит. В тупике стоял зооморф — сверчок.

— Все возвращается на круги своя, — проскрипел он.

— Р-р, — сказал Артемон.

— Ну все, ботаник, будем прощаться, — сказал Буратино. — И хотя я тебя не просил превращать умершее тело в андроида, теперь я хочу поблагодарить тебя. Все-таки вы, люди, дураки. Все время изобретаете удивительные штуки, совершаете невероятные открытия, чтобы потом бежать куда глаза глядят.

— Что ты задумал? — спросил Шаманщик.

А Джузеппе Сизый Нос лишь молча приложился к фляге.

— Я только завершаю то, что задумали люди. Глупо было бы, имея в руках Ключ к счастью, не воспользоваться его.

— Я все поняла! — вдруг воскликнула Мальвина. — Мы уйдем в волшебную страну, о которой говорила бабушка!

— Однозначно, — заверил ее Буратино. — И там ты очень быстро поумнеешь.

— Я с вами! — произнес верный Артемон.

Буратино вынул Ключ, взял Мальвину за руку и шагнул в подземелье. От Ключа заструилось мягкое золотистое сияние. Выползшая было навстречу крыса-зооморф, увидев Ключ, тут же скрылась в своем тупнеле.

Там, где раньше Буратино видел лишь тупик, на гладкой стене переливалась всеми цветами радуги голографическая эмблема. Она изображала тройную спираль ДНК. Буратино поднес Ключ к эмблеме, и Ключ выстрелил снопом золотых лучей, а колоссальная броневая плита Двери медленно и неохотно отползла в сторону и в туннель пролился ровный и сильный свет. А потом, когда они переступили порог, Дверь так же медленно встала на место, навсегда скрыв от людей тайну золотого Ключа...

Театр дроидов Карра О'Баса снова дает представление

Детройт-2 сумел оправиться от неожиданной атаки нанороботов. По-прежнему заседал в сенате Джузеппе Сизый Нос, неумолимый конвейер биологического цикла перемешивал людей с дроидами, генетик Карло все так же искал и не находил секрета вечной жизни. А на тридцать третьем уровне по-прежнему давал представления театр дроидов магистра Карра О'Баса. Невероятным успехом у публики пользовался новый спектакль «Золотой ключик, или Приключения Буратино». В нем благородные куклы боролись за свое кукольное счастье и в конце концов обретали его в волшебном театре за таинственной дверцей.

Никто не знает, стал ли кто-нибудь на Земле счастливее после всех этих удивительных приключений — травы и цветы, звери и птицы, люди или их дроиды.

И никто из них не может знать — нашли или нет свое счастье Ушедшие за Дверь.

ВЯЧЕСЛАВ РЫБАКОВ

Прощание славянки с мечтой

Траурный марш в двух частях

Светлой памяти Ивана Антоновича ЕФРЕМОВА, верившего в возможность качественно нового будущего.

ТИБЕТСКИЙ ОПЫТ
в условиях реального коммунизма

Установка Кора Юлла находилась на вершине плоской горы, всего в километре от Тибетской обсерватории Совета Звездоплавания. Высота в четыре тысячи метров не позволяла существовать здесь любой растительности, кроме привезенных из Чернобыля черновато-зеленых безлистных деревьев с загнутыми внутрь, к верхушке, ветвями. Светло-желтая трава клонилась под ветром в долине, а эти обладающие железной упругостью пришельцы чужого мира стояли совершенно неподвижно.

Неподалеку от девятиметрового памятника Ленину, с изумительной дерзостью воздвигнутого на этой высоте еще в последние годы Эры Разобщенного Мира и до сих пор снабженного скрытыми хромкатоптрическими инверторами, фиксировавшими и отождествлявшими любого, кто хотел бы надругаться над древней тибетской святыней, возвышалась стальная трубчатая башня, поддерживавшая две ажурные дуги. На них, открытая в небо наклонной параболой, сверкала огромная спираль сверхдефицитной бериллиевой бронзы. Рен Боз, скребя пальцами в лохматой голове, с удовлетворением разглядывал изменения в прежней установке. Сооружение было собрано в невероятно короткий срок силами добровольцев-энтузиастов из числа приписанного к АХЧ Академии Пределов Знания спецконтингента, на свой страх и риск переброшенных сюда самим Реном Бозом. Энтузиасты, естественно ожидавшие в награду зрелище великого опыта, облюбовали для своих палаток

пологий склон к северу от обсерватории, и теперь привольно катящийся с ледников Джомолунгмы вечерний ветер доносил до ученых едва слышные, но отчетливые в великом молчании гор собачий лай, переливы гармоники и голоса, нестройно, но задорно выводящие чеканные строфы древней песни: «Эх ты, Зоя! Зачем давала стоя начальнику конвоя?..»

Мвен Мас, в чьих руках находились все связи космоса, сидел на холодном камне напротив физика и пытался бездумным, забористым разговором отвлечь смертельно уставшего гения от напряженных, но уже тщетных, по кругу идущих раздумий о близящемся эксперименте.

— А вы знаете, что у председателя Мирового Совета под носом шишка? — закончил он очередную историю, готовый поддержать смех при малейшем признаке веселости у Рена Боза, но тот, не в силах ни на миг переключиться, даже не улыбнулся.

— Высшее напряжение тяготения в звезде Э, — проговорил Рен Боз, как бы не слыша друга, — при дальнейшей эволюции светила ведет к сильнейшему разогреву. У него уже нет красной части спектра — несмотря на мощность гравитационного поля, волны лучей не удлиняются, а укорачиваются. Все более мощными становятся кванты, наконец преодолевается переход нуль-поле и получается зона антипространства — вторая сторона движения материи, неизвестная у нас на Земле из-за ничтожности наших масштабов.

Из зоны энтузиастов донеслись отрывистые команды и металлическое клацанье, свидетельствовавшее о начале смены караула.

— Сегодня мы создадим эту зону здесь, на Земле, — вдохновенно проговорил Мвен Мас и успокаивающе положил руку на острое, худое колено Рена Боза. — На раскрытых сыновних ладонях мы поднесем человечеству взлелеянный нами втайне подарок. Мы шагнем в будущее, Рен. Я не люблю громких слов, но начнется воистину новая эра. Великое братство Кольца, братство десятков разумных рас, отделенных друг от друга пучинами космоса, обретет плоть и кровь.

Рен Боз вскочил:

— Я отдохнул. Можно начинать!

Сердце Мвена Маса забилось, волнение сдавило горло. Африканец глубоко и прерывисто вздохнул. Рен Боз остался спокойным, только лихорадочный блеск его глаз выдавал необычайную концентрацию мысли и воли.

— Вектор инвертора вы ориентировали на Эпсилон Тукана, как и собирались, Мвен? — просто спросил он, словно речь шла о чем-то обыденном.

— Да, — так же просто ответил Мвен Мас.

— Лучшим из онанизонных звездолетов понадобилось бы около восемнадцати тысяч лет, — задумчиво сказал Рен Боз, — чтобы достичь планеты, расстояние до которой мы сегодня просто отменим... Грандиозный скачок. Хоть бы удалось!

— Все будет хорошо, Рен.

— Надо предупредить резервную Ку-станцию на Антарктиде. Наличной энергии не хватит.

— Я сделал это, она готова.

Физик размышлял еще несколько секунд.

— На Чукотском полуострове и на Лабрадоре построены станции Ф-энергии. Если бы договориться с ними, чтобы включить в момент инверсии поля, — я боюсь за несовершенство аппарата...

— Я сделал это.

Рен Боз просиял и махнул рукой. Потом резко повернулся и энергично пошел вверх по каменистой тропинке, ведшей к блиндажу управления. Перед глазами двинувшегося следом африканца запульсировало, то распахиваясь, то почти складываясь, обширное отверстие на брюках физика — ткань просеклась от ветхости, лопнула, и белая, давным-давно не знавшая солнца кожа Рена Боза при каждом шаге высверкивала наружу.

— Ваши брюки прохудились, Рен, — вежливо сказал Мвен Мас, — вы знаете об этом?

Рен Боз, не оборачиваясь и не сбавляя шага, равнодушно пожал плечами.

— Разумеется, — проговорил он. — Но это последний комплект одежды, полагавшийся мне в текущей пятилетке. А Эвда Наль слишком занята у себя в институте и никак не может выкроить время, чтобы поставить заплату.

Мвен Мас украдкой вздохнул. Тут он ничем не мог помочь коллеге и другу. Нормы распределения все урезались. Официально это никак не объяснялось, поскольку официально это никак и не отмечалось, но, судя по разговорам, все ресурсы направлялись сейчас на реализацию программы освоения прекрасной планеты зеленого солнца Ахернар, проведенной через Мировой Совет великим Эргом Ноором несколько лет назад.

У входа в блиндаж Рен Боз резко остановился, и задумавшийся Мвен Мас едва не налетел на него.

— Что это? — голосом, чуть охрипшим от внезапного гнева, проговорил Рен Боз. — Кто приказал?

Пока ученые беседовали внизу, над входом, на высоте пяти метров, вдоль массивного силикоборового козырька протянулось кумачовое полотнище, упруго вздувающееся в такт порывам тибетского ветра. Поднявшись к нему на небольшой гравиплатформе, под присмотром лениво, полулежа курившего «козью ножку» проводника с овчаркой один из энтузиастов, тяжелой кистью смиряя биение ткани, тщательно выводил изящные буквы всемирного алфавита: «Вперед, к новой победе разума под руководством вели...»

На голос проводник и овчарка повернули головы. Овчарка сдержанно заворчала, а проводник, прищурившись, сказал:

— Инициатива снизу.

— Это нужно немедленно снять, — вполголоса проговорил Рен Боз.

— Не безумствуйте, — так же тихо ответил Мвен Мас.

Проводник положил руку на пульт дистанционного управления гравиплатформой, готовый по первому приказу опустить выжидательно обернувшегося энтузиаста. С кисти капала в ведро белая краска.

— Но это немыслимо, — еще тише проговорил Рен Боз. — Я не суеверен, но даже у меня нет уверенности в успехе. Писать сейчас о победе — это...

— И тем не менее смиритесь, Рен, — уже жестче проговорил Мвен Мас и взял физика за локоть. — Если вы распорядитесь это снять, мы еще первых кнопок не нажмем, как старшина уведомит спецотдел Академии Чести

и Права о сопротивлении с нашей стороны проведению наглядной агитации, — и все окончится, не успев начаться.

Рен Боз шумно втянул воздух носом.

— Молодцы! — громко сказал он. — Но поторопитесь. К моменту начала опыта вам необходимо удалиться на безопасное расстояние.

Проводник еще секунду смотрел на ученых, и в маленьких глазах его таяло невнятно-хищноватое разочарование, будто долгожданная рыба сорвалась у него с крючка в последний момент. Потом он запрокинул голову и крикнул вверх:

— Слышал, падаль? Поторапливайся!

По узкой винтовой лестнице, один за другим, ученые спустились в подземелье, и здесь их пути разошлись. Каждый занял свой пост.

Исполинский столб энергии пронзил атмосферу.

Индикаторы забора мощности указывали на непрерывное возрастание концентрации энергии. Как только Рен Боз подключал один за другим излучатели поля, указатели наполнения скачками падали к нулевой черте. Почти инстинктивно Мвен Мас подключил обе Ф-станции.

Ему показалось, что приборы погасли, странный бледный свет наполнил помещение. Еще секунда, и тень смерти прошла по сознанию заведующего станциями, притупив ощущения. Мвен Мас боролся с тошнотворным головокружением, всхлипывая от усилий и ужасающей боли в позвоночнике.

Вдруг точно разорвалась колеблющаяся завеса, и Мвен Мас увидел свою мечту. Краснокожая женщина сидела на верхней площадке лестницы за столом из белого камня. Внезапно она увидела — ее широко расставленные глаза наполнились удивлением и восторгом. Женщина встала, с великолепным изяществом выпрямив свой стан, и протянула к африканцу раскрытую ладонь. Грудь ее дышала глубоко и часто, и в этот бредовый миг Мвен Мас вспомнил Чару Нанди. Мелодичный и сильный голос проник в сердце Мвена Маса:

— Партиясы йо мэй йо?[1]

[1] Есть ли у вас партия? *(Искаж. тюрко-китайский.)*

«Е-мое», — успело пронестись в голове могучего негра, и в то же роковое мгновение сила, куда более могущественная, нежели сила любого из людей, скрутила его втрое и сплющила о нечто твердое. На месте видения вздулось зеленое пламя, по комнате пронесся сотрясающий свист.

Когда расчистили завалённый обломками спуск в подземную камеру, нашли Мвена Маса на коленях у каменной лестницы. Среди энтузиастов было немало врачей. Могучий организм африканца с помощью не менее могучих лекарств справился с контузией.

— Рен Боз?

Начальник охраны хмуро ответил:

— Рен Боз жестоко изуродован. Вряд ли долго проживет.

— Его надо спасти во что бы то ни стало! Это величайший ученый!

— Мы в курсе. Там пятеро врачей. Рядом лежат сто восемьдесят два энтузиаста, добровольно пожелавших дать кровь и органы.

— Тогда ведите меня в переговорную. О, если бы за лечение взялся Аф Нут!

И тут снова все помутилось в голове Мвена Маса.

— Эвде Наль сообщите сами, — прошептал он, упал и после тщетных попыток приподняться замер.

Начальник охраны сочувственно посмотрел на великолепное тело, так беспомощно распростертое сейчас на жесткой траве под усыпанным звездами фиолетовым небом, и двинулся к переговорному пункту.

Центром внимания на обсерватории в Тибете сделался небольшой желтолицый человек с веселой улыбкой и необыкновенной повелительностью жестов и слов. Узнав, что наследственная карта Рена Боза еще не получена, Аф Нут разразился негодующими восклицаниями, но так же быстро успокоился, когда ему сообщили, что ее составляет и привезет сама Эвда Наль.

Точное знание наследственной структуры каждого человека нужно для понимания его психического сложения. Не менее важны данные по нейрофизиологическим особенностям, сопротивляемости организма, избирательной чувствительности к травмам и аллергии к лекарствам. Выбор

лечения не может быть точным без понимания наследственной структуры и условий, в которых жили предки. Когда Эвда Наль, спеша, выпрыгнула на землю из кабины спиролета, знаменитый хирург сбежал по ступеням походной операционной ей навстречу.

— Наконец-то! — воскликнул он. — Я жду уже полтора часа. Я не мог даже связаться с вами — эфир забит переговорами высоких инстанций по поводу инцидента, а свободные частоты заглушены, чтобы не допустить преждевременной утечки информации о происшедшем.

— Мировой Совет напоминает разворошенный муравейник, — подтвердила психолог, подавая бумаги Афу Нуту, и они вместе вошли в безлюдное, ярко освещенное помещение под надувным сводом. — Везде проверки, проверки... Я думала, что уже никогда не долечу.

Опытным взглядом хирург стремительно просматривал наследственную карту Рена Боза.

— Так... так... в течение тридцати поколений предки на оккупированных территориях не проживали... спецналогами не облагались... спецпереселениям не подвергались... к спецконтингентам не относились... собственностью не владели... в «сигналах» не фигурировали... так... так... — Он мерно кивал седой головой в такт бесчисленным строчкам, которые пробегали его острые глаза. — Угу... Что же, я думаю, можно лечить. Вы вовремя успели. Но тут есть еще один момент... один нюанс... — Он помедлил, не зная, как сказать.

Я слушаю вас, Аф, — стараясь сдерживать волнение, с достоинством произнесла Эвда Наль.

— Час назад, уже будучи здесь и уже развернув операционную по просьбе здешнего начальства, — непроизвольно понизив голос, начал знаменитый хирург, — я узнал, что опыт, который провел ваш возлюбленный, не был согласован ни с Советом Звездоплавания, ни с Академией Пределов Знания, ни с какой-нибудь иной ответственной инстанцией. Мой потенциальный пациент, находящийся сейчас в состоянии клинической смерти вот за этой стеной, провел его самоуправно. Получается, я сильно рискую. Я, лечивший Рена Боза после его проступка и, более того, в связи с его проступком — ведь травмирован он был именно в результате своего анархического эксперимента, — могу быть

привлечен как соучастник. Но. Фактически этим безупречным документом, — Аф Нут потряс наследственной картой Рена Боза, а потом небрежно швырнул ее на стол, — вы покрываете преступника и провоцируете меня на действия, несовместимые с честью коммуниста и врача. Перед лицом закона вы его соучастница, а уж в десятую очередь — я, попавшийся в ваши сети.

Эвда Наль пошатнулась, ее яркие губы затрепетали. Она хотела сказать, что узнала о самоуправстве Рена только сейчас, от самого Афа Нута, но сразу поняла, что это бесполезно.

— Чего же вы хотите от меня? — тихо спросила она.

Аф Нут со значением промолчал.

— Ради Рена я не пожалею ничего, — не очень убедительно выговорила Эвда Наль.

— У вас что-нибудь есть? — почти насмешливо произнес Аф Нут.

— Я — ученый, и у меня, конечно же, ничего нет, — глядя ему прямо в глаза, ответила молодая женщина. — Но наш институт порой получает великолепное, совершенно уникальное оборудование... и я могла бы...

Аф Нут подошел к ней вплотную, пристально рассматривая ее медленно пунцовеющие под его взглядом щеки. Она, не выдержав, опустила глаза.

— Вы сами — самое великолепное и самое уникальное оборудование, какое я когда-либо встречал.

В первое мгновение она не поняла. Потом предательская мелкая дрожь сотрясла прекрасное тело Эвды.

— Я бы поработал на нем.

— Прямо сейчас? — вырвалось у нее.

— Нет. — Он чуть усмехнулся. — Перед ответственной операцией — ни в коем случае. После.

— Мне отступать некуда, — тихо вымолвила она.

— Хорошо, что вы это понимаете. Вдобавок учтите вот что. Потребуются две операции с интервалом более чем в сутки. Если вы попытаетесь взять назад свое слово, я просто не стану делать вторую — не стану вшивать обратно поврежденные органы, которые сейчас извлеку для ускоренной искусственной регенерации. Но хочу вас предупредить честно. Если я все же окажусь под ударом, я скажу,

что вы продемонстрировали мне подложное разрешение на опыт, подписанное председателем Совета Звездоплавания Громом Ормом, — и пусть дальше допрашивают вас!

Эвда Наль в отчаянии тряхнула головой, и копна ее роскошных волос перелетела с плеча на плечо.

— О, если бы я действительно успела сфабриковать его!

Аф Нут с мужественной медлительностью провел ладонью по точеной груди психолога.

— Нужно было думать раньше, — мягко сказал он. — О любимом человеке следует заботиться заблаговременно, а не постфактум.

Громадные глаза Эвды увлажнились.

— Только не вздумайте плакать в постели, — предупредил Аф Нут. — Я этого терпеть не могу.

Она гордо распрямилась и снова глянула ему прямо в лицо с дерзким вызовом.

— Это будет зависеть от вас! От того, как вы проявите себя в качестве мужчины, Аф Нут!

Он усмехнулся и заложил руки за спину.

— Согласен, — проговорил он и, повернувшись на каблуках, вышел из помещения, чтобы начать готовиться к операции.

Эвда долго смотрела на затворившуюся дверь. Властное и снисходительное прикосновение руки хирурга возбудило молодую женщину, несмотря на неподходящий, казалось бы, для этого момент. Нежданное желание еще больше усилило ненависть к Рену Бозу, переполнявшую все ее существо. Проклятый, невыносимый мальчишка! Если бы Эвда заранее знала, что опыт не был санкционирован компетентными органами, она ни за что не прилетела бы сюда!

После долгого бесцельного хождения из угла в угол гостиной Чара Нанди устало опустилась в широкое кресло, стоявшее у распахнутого в тропическую ночь окна. Снаружи царили мертвая тишина и тьма, и только едва угадывались в смрадной черноте неподвижные остовы догнивающих пальм, отравленных по всей Малакке смертоносным дыханием комбината «Сингапурский комсомолец».

Чара уже знала, что ее Мвен вполне оправился, но не могла решить, как теперь вести себя с любимым. Почему он не сказал ей? Почему она только теперь узнает все от посторонних людей? Неужели боялся, что она донесет? Нужна ли она ему, если он скрыл от нее свой странный, безумный подвиг? И сможет ли она облегчить его боль, самую страшную боль, какую может испытывать мужчина, — боль поражения в схватке с косной материей, с темной, безликой энтропией мироздания? Не воспримет ли он ее участие как унизительную для себя жалость? Растерянность и нежность, удесятеряя друг друга, захлестывали ее ранимую, трепетную душу.

Настойчивый звонок вызова прервал ее мучительные размышления. Чара медленно подняла руку и включила ТВФ.

На зажегшемся гемисферном экране возник одетый в штатское пожилой коренастый человек с бритой головой. Чара вздрогнула: это был начальник спецотдела Академии Чести и Права Кум Хват.

— Ну что, дочка? — добродушно сказал он, не здороваясь. — Где твой черненький дружок? Звоню ему, звоню, ан никто не отвечает.

— Мвен Мас, — омертвело ответила Чара, — пьет Нектар Забвения в дегустационном зале завода «Красная Бавария». Он сам осудил себя.

— Ой-ой-ой, — иронически произнес Кум Хват и, положив ногу на ногу, наклонился к экрану. — Легко отделаться думает твой академик. — В глазах Кума Хвата полыхнула давно скрываемая ненависть. Он хлестнул себя по колену пачкой уже подписанных ордеров на аресты. — Теперь он мне заплатит за все!

И тогда Чара Нанди закричала.

ТИБЕТСКИЙ ОПЫТ
в условиях конвоируемого рынка

Установка Кора Юлла находилась на вершине плоской горы, всего в километре от Тибетской обсерватории Совета Звездоплавания. Высота в четыре тысячи метров не позво-

ляла существовать здесь любой растительности, кроме привезенных из Чернобыля черновато-зеленых безлистных деревьев с загнутыми внутрь, к верхушке, ветвями. Светло-желтая трава клонилась под ветром в долине, а эти обладающие железной упругостью пришельцы чужого мира стояли совершенно неподвижно.

Неподалеку от девятиметрового памятника невинно убиенному императору Николаю Второму и присным его, с изумительной дерзостью воздвигнутого на этой высоте еще в начале Эры Встретившихся Рук и до сих пор благодаря скрытой пустотелости своего постамента использовавшегося как тайная перевалочная база при транспортировке героина-сырца из Индокитая в Монголию и дальше в Россию и Европу, возвышалась стальная трубчатая башня, поддерживавшая две ажурные дуги. На них, открытая в небо наклонной параболой, сверкала огромная спираль сверхдефицитной бериллиевой бронзы. Рен Боз, скребя пальцами в лохматой голове, с удовлетворением разглядывал изменения в прежней установке. Сооружение было собрано в невероятно короткий срок силами добровольческой артели «Инферноцид» имени Кина Руха. Добровольцы, естественно ожидавшие в награду зрелище великого опыта, облюбовали для своих палаток пологий склон к северу от обсерватории, и теперь привольно катящийся с ледников Джомолунгмы вечерний ветер доносил до ученых едва слышные, но отчетливые в великом молчании гор звон стаканов, гитарные переборы, веселые голоса, дружно, хоть и нестройно, выводившие: «Эх, хвост-чешуя, не поймал я ни...», и по временам — хриплые выкрики ставок: удовлетворенные законченной работой добровольцы играли в счет будущей оплаты, обещанной им на свой страх и риск Реном Бозом из премиального фонда Академии Пределов Знания.

Мвен Мас, в чьих руках находились все связи космоса, сидел на холодном камне напротив физика и пытался возбуждающим, предвкусительным разговором отвлечь смертельно уставшего гения от напряженных, но уже тщетных, по кругу идущих раздумий о близящемся эксперименте.

— Я консультировался с юристом, Рен. От продажи патента, даже после выплаты подоходного налога, налога на ученую степень и штрафа за проявленную инициативу,

у нас останется достаточно средств, чтобы вы, например, смогли купить новую пишущую машинку, о которой, я слышал, мечтаете уже третий год...

Однако Рен Боз, не в силах ни на миг переключиться, даже не улыбнулся.

— Высшее напряжение тяготения в звезде Э, — проговорил Рен Боз, как бы не слыша друга, — при дальнейшей эволюции светила ведет к сильнейшему разогреву. Наконец преодолевается переход нуль-поле и получается зона антипространства — вторая сторона движения материи, неизвестная у нас на Земле из-за ничтожности наших масштабов.

Сегодня мы создадим эту зону здесь, на Земле, — вдохновенно проговорил Мвен Мас и успокаивающе положил руку на острое, худое колено Рена Боза. — На раскрытых сыновних ладонях мы поднесем человечеству взлелеянный нами втайне подарок. Мы шагнем в будущее, Рен. Я не люблю громких слов, но начнется воистину новая эра. Великое братство Кольца, братство десятков разумных рас, отделенных друг от друга пучинами космоса, обретет плоть и кровь.

Рен Боз вскочил:

— Я отдохнул. Можно начинать!

Сердце Мвена Маса забилось, волнение сдавило горло. Африканец глубоко и прерывисто вздохнул. Рен Боз остался спокойным, только лихорадочный блеск его глаз выдавал необычайную концентрацию мысли и воли.

— Вектор инвертора вы ориентировали на Эпсилон Тукана, как и собирались, Мвен? — просто спросил он, словно речь шла о чем-то обыденном.

— Да, — так же просто ответил Мвен Мас.

— Лучшим из опанизонных звездолетов понадобилось бы около восемнадцати тысяч лет, — задумчиво сказал Рен Боз, — чтобы достичь прекрасной планеты, расстояние до которой мы сегодня просто отменим... Грандиозный скачок.

— Мы отменим не только расстояние. Мы отменим неизбежность многолетних, изнурительных, опасных полетов. Мы отменим потребность в опанизонных кораблях. Мало того что путешествия станут мгновенными. Они станут гораздо дешевле!

— Хоть бы удалось, — нервно стиснув маленькие кулачки, прошептал Рен Боз.

— Все будет хорошо, Рен.

— Надо предупредить резервную Ку-станцию на Антарктиде. Наличной энергии не хватит.

— Я сделал это, она готова.

Физик размышлял еще несколько секунд.

— На Чукотском полуострове и на Лабрадоре построены станции Ф-энергии. Если бы договориться с ними, чтобы включить в момент инверсии поля, — я боюсь за несовершенство аппарата...

— Я сделал это.

Рен Боз просиял и махнул рукой. Потом резко повернулся и энергично пошел вверх по каменистой тропинке, ведущей к блиндажу управления. Перед глазами двинувшегося следом африканца запульсировало, то распахиваясь, то почти складываясь, обширное отверстие на брюках физика — ткань просеклась от ветхости, лопнула, и белая, давным-давно не знавшая солнца кожа Рена Боза при каждом шаге высверкивала наружу.

— Ваши брюки прохудились, Рен, — вежливо сказал Мвен Мас, — вы знаете об этом?

Рен Боз, не оборачиваясь и не сбавляя шага, равнодушно пожал плечами.

— Разумеется, — проговорил он. — Но я не столь богат, чтобы менять туалеты из-за первой же неполадки. А Эвда Наль слишком занята у себя в институте и никак не может выкроить время, чтобы поставить заплату.

Мвен Мас украдкой вздохнул. Тут он ничем не мог помочь коллеге и другу. Он охотно ссудил бы того средствами на брюки, но от его собственного последнего гонорара, полученного за внедрение в технику связи по Кольцу репагулярного и кохлеарного исчислений, сильно облегчивших прием при стремящихся к отрицательному нулю угловых скоростях, почти ничего не осталось после уплаты девяностовосьмипроцентного налога в Фонд Потенциальных Сирот Звездоплавателей, Могущих Погибнуть у Черной Звезды Влихх-оз-Ддиз. Закрытый циркуляр с требованием добровольного милосердия к будущим сиротам был неожиданно спущен во все связанные с космосом учреждения Академией

Чести и Права, а пока у Влиxx-оз-Ддиз никто не погиб, колоссальной суммой, собранной в течение нескольких месяцев, распоряжался по доверенности Академии звездолетостроительный кооператив «Онанизон», практически монополизировавший производство онанизонных кораблей и поставлявший Совету Звездоплавания до двух семнадцатых звездолета в год, а потому пользовавшийся неограниченной поддержкой таких влиятельных политиков, как Гром Орм и Эрг Ноор. Поговаривали, что «Онанизон» давно стал негласным спонсором Академии, захиревшей на год от году сокращавшихся дотациях Мирового Совета, и теперь вертит Честью и Правом как хочет.

У входа в блиндаж Рен Боз резко остановился, и задумавшийся Мвен Мас едва не налетел на него.

— Что это? — голосом, чуть охрипшим от внезапного гнева, проговорил Рен Боз. — Кто приказал?

Пока ученые беседовали внизу, самый, видимо, рачительный из добровольцев на небольшой гравиплатформе облетел титаническую спираль, сверкавшую пламенными отсветами в лучах солнца, нависшего над иззубренным тибетским окоемом, и с помощью портативного лазера срезал с каждого из сотен контактов по крупинке сверхдефицитного рения, бережно складывая их в нагрудный боразоновый контейнер. Сейчас работа уже шла к концу; гравиплатформа, описав полукилометровый круг, снова подрагивала всего в пяти метрах над землей, и ученые отчетливо слышали, как доброволец, деловито орудуя лазером, мурлычет себе под нос древнюю песнь свободы: «Полем, полем, полем свежий ветер пролетел. Полем — свежий ветер, я давно его хотел...»

— Это нужно немедленно восстановить, — вполголоса проговорил Рен Боз.

— Не безумствуйте, — так же тихо ответил Мвен Мас.

— Но это немыслимо!

— И тем не менее смиритесь, Рен, — уже жестче сказал Мвен Мас и взял физика за локоть. — Я не знаю, собирается этот человек присвоить рений или требовать у Академии премию за экономию материала, но это уже не важно. Если вы распорядитесь напаивать рений обратно, ребята затянут работы минимум на неделю, и все это время

мы должны будем оплачивать пребывание здесь всей артели. Даже в случае удачи опыта мы не сможем с ними расплатиться. Мы и так по уши в долгах.

— Но масса контактов была вычислена мною с точностью до двадцать седьмого знака после запятой!

— Остается уповать на Господа.

Рен Боз шумно втянул воздух носом.

— Да не оставит Он нас в сей великий и тяжкий миг,— глухо проговорил он и несколько раз с силой перекрестился.

Исполинский столб энергии пронзил атмосферу.

Индикаторы забора мощности указывали на непрерывное возрастание концентрации энергии. Почти инстинктивно Мвен Мас подключил обе Ф-станции.

Вдруг точно разодралась колеблющаяся завеса, и Мвен Мас увидел свою мечту. Краснокожая женщина сидела на верхней площадке лестницы за столом из белого камня. Внезапно она увидела — ее широко расставленные глаза наполнились удивлением и восторгом. Женщина встала, с великолепным изяществом выпрямив свой стан, и протянула к африканцу раскрытую ладонь. Грудь ее дышала глубоко и часто, и в этот бредовый миг Мвен Мас вспомнил Чару Нанди. Мелодичный и сильный голос проник в сердце Мвена Маса:

— Уот профит уд ю гэт фром дыс уптурпрайз?[1]

«Да ни хрена, блин»,— успело пронестись в голове могучего негра, и в то же роковое мгновение сила, куда более могущественная, нежели сила любого из людей, скрутила его втрое и сплющила о нечто твердое. На месте видения вздулось зеленое пламя, по комнате пронесся сотрясающий свист.

Когда расчистили заваленный обломками спуск в подземную камеру, могучий организм африканца без всяких дорогостоящих лекарств справился с контузией.

— Рен Боз?

Начальник артели хмуро ответил:

---

[1] Какую прибыль вы собираетесь извлечь из этого предприятия? *(Искаж. англ.)*

— Рен Боз жестоко изуродован. Вряд ли долго проживет.

— Его надо спасти во что бы то ни стало! Это величайший ученый!

— Мы в курсе. Мы уже предприняли ряд шагов.

— Тогда ведите меня в переговорную. О, если бы за лечение взялся Аф Нут!

И тут снова все помутилось в голове Мвена Маса.

— Эвде Наль сообщите сами,— прошептал он, упал и после тщетных попыток приподняться замер.

Начальник артели сочувственно посмотрел на великолепное тело, так беспомощно распростертое сейчас на жесткой траве под усыпанным звездами фиолетовым небом, и двинулся к переговорному пункту.

Центром внимания обсерватории в Тибете сделался небольшой желтолицый человек с веселой улыбкой и необыкновенной повелительностью жестов и слов. Узнав, что наследственная карта Рена Боза еще не получена, Аф Нут разразился негодующими восклицаниями, но так же быстро успокоился, когда ему сообщили, что ее составляет и привезет сама Эвда Наль.

Точное знание наследственной структуры каждого человека нужно для понимания его психического сложения. Выбор лечения не может быть точным без понимания условий, в которых жили предки. Когда Эвда Наль, спеша, выпрыгнула на землю из кабины спиролета, знаменитый хирург сбежал по ступеням походной операционной ей навстречу.

— Наконец-то! — воскликнул он.— Я жду уже полтора часа.

— Я пыталась выяснить ряд касающихся меня финансовых вопросов, связанных с творческим наследием Рена на тот случай, если его не удастся спасти,— сказала психолог, подавая бумаги Афу Нуту, и они вместе вошли в безлюдное, ярко освещенное помещение под надувным сводом.— Всегда лучше разобраться заранее.

— Это разумно.— Хирург одобрительно покосился на Эвду и углубился в наследственную карту, опытным взглядом стремительно просматривая многочисленные графы.— Так... так... в течение тридцати поколений примесей русской крови не было... украинской не было... еврейской не было...

армянской не было... азербайджанской не было... литовской не было... татарской не было... гагаузской не было... английской не было... арабской не было... китайской не было... так... так... — Он мерно кивал седой головой в такт бесчисленным строчкам, которые пробегали его острые глаза. — Угу... Что же, я думаю, можно лечить. Вы вовремя успели. Но тут есть еще один момент... один нюанс... — Он помедлил, не зная, как сказать.

— Я слушаю вас, Аф, — стараясь сдерживать волнение, с достоинством произнесла Эвда Наль.

— Я пошел навстречу дирекции Академии Пределов Знания, которая по ходатайству здешней трудовой артели попросила меня вылететь для спасения своего выдающегося сотрудника. Однако даже перелет сюда и развертывание операционной, не говоря уже об операции и постоперационном уходе, Академия оплатить не сможет. Мой потенциальный пациент, находящийся сейчас в состоянии клинической смерти вот за этой стеной, и так перерасходовал отпущенные ему под его тему средства. К тому же я только час назад узнал, что ваш друг не позаботился даже застраховать себя, хотя не мог не отдавать себе отчета в том, что его эксперимент связан со значительным риском. Я хочу знать, насколько Рен Боз кредитоспособен.

— Рен зарабатывает в среднем около тысячи двухсот литров в год, — осторожно сказала Эвда и положила ладонь на сумочку, непроизвольно проверяя, хорошо ли закрыт замок.

— Для ученого это и много и мало. Все зависит от того, сколько он при этом использует сам.

Эвда гордо распрямилась.

— Рен вообще не пьет! — звонко отчеканила она.

— Что ж, — задумчиво глядя на молодую женщину, произнес Аф Нут, — в данных обстоятельствах это ему на пользу. И все же... Вы его подруга и, как я понимаю, единственная наследница. Именно вы должны гарантировать мне, что мой труд будет в любом случае должным образом оплачен.

— Чего вы хотите? — тихо спросила Эвда. Аф Нут со значением промолчал. — Долговое письмо?

— Конечно.

Предательская мелкая дрожь сотрясала прекрасное тело Эвды. Нетвердыми пальцами психолог достала из сумочки бланк и стило.

— Сколько? — спросила она. Аф Нут назвал сумму. — О Пресвятая Богородица! — простонала Эвда, пошатнувшись, и ее нежные щеки стали белыми как мрамор.

Аф Нут пожал плечами.

— Хорошо. Если вы опасаетесь, сделаем так. Вашему мужу потребуются две операции с интервалом более чем в сутки, вторая — вдвое дороже. Сейчас вы гарантируете оплату первой, а затем детально выясняете финансовое положение мужа и свое. Если вы не сможете платить дальше, я просто не стану делать вторую — не стану вшивать обратно органы, которые сейчас извлеку для ускоренной искусственной регенерации.

— Мне отступать некуда, — тихо вымолвила Эвда.

Не успела она проставить дату, как хирург вырвал у нее расписку, тщательно прочитал, посмотрел на свет и засунул в нагрудный карман халата. Затем весело подмигнул и, крутнувшись на каблуках, вышел из помещения, чтобы начать готовиться к операции.

Эвда долго смотрела на закрывшуюся дверь. Потом, едва не плача, пересчитала наличность. И она еще мнила себя состоятельной женщиной! О, конечно, ей хватило бы на то, чтобы выменять кимоно с хроморефлексорной росписью ткани или легковой спортивный спиралодиск «Мерседес», но даже суток работ аппарата гемодиализа Эвда не смогла бы финансировать. Ненависть к Рену Бозу переполняла все ее существо. Проклятый, невыносимый мальчишка! Идя на такой риск, не позаботиться о том, чтобы заранее отказать ей свой бесценный домашний архив, который можно было бы втридорога продать Академии, — и теперь Академия в полном согласии с законом заграбастает его задаром! Приходится выкладывать на операцию последние талоны, чтобы этого не допустить! О, хотя бы на час вернуть кретину дееспособность, чтобы он успел оформить завещание!

После долгого бесцельного хождения из угла в угол гостиной Чара Нанди устало опустилась в широкое кресло,

стоявшее у распахнутого в тропическую ночь окна. Снаружи царили мертвая тишина и тьма, лишь внизу, догнивая, чуть светились от плесени бесчисленные пни пальм, еще в начале века начисто сведенных по всей Малакке лесодробильным товариществом «Веда Конг и сыновья».

Чара уже знала, что ее Мвен вполне оправился, но не могла решить, как теперь вести себя с любимым. Почему он не сказал ей? Почему она только теперь узнает все от посторонних людей? Неужели боялся, что она потребует своей доли выручки от патента? Нужна ли она ему, если он скрыл от нее свой странный, безумный подвиг? И сможет ли она облегчить его боль, самую страшную боль, какую может испытывать мужчина, — боль поражения в схватке с косной материей, с темной, безликой энтропией мироздания? Не воспримет ли он ее участие как унизительную для себя жалость? Растерянность и нежность, удесятеряя друг друга, захлестывали ее ранимую, трепетную душу.

Настойчивый звонок вызова прервал ее мучительные размышления. Чара медленно подняла руку и включила ТВФ.

На зажегшемся гемисферном экране возник пожилой коренастый человек с красивой проседью в тщательно уложенных волосах, в безупречно сидящей черной тройке, белоснежной рубашке и черном галстуке «бабочка». Чара вздрогнула: это был председатель кооператива «Онанизон» Кум Хват.

— Мадам, — сказал он, — тысяча извинений за беспокойство. Но, видит Бог, мне не к кому больше обратиться. Я разыскиваю вашего друга, Мвена Маса, по срочному делу, а у него никто не отвечает. Не могли бы вы мне как-то помочь? Я буду крайне вам обязан.

— Мвен Мас, — омертвело ответила Чара, — пьет Нектар Забвения в дегустационном зале фирмы «Сантори». Он сам осудил себя.

Кум Хват изысканным движением поправил очки. Раскаленно сверкнула золотая оправа.

— Боюсь, это все не так просто, — проговорил он и, положив ногу на ногу, наклонился к экрану. — Он, вероятно, не вполне отдает себе отчет в серьезности положения, в котором очутился. Пока ваш гениальный друг, ма-

дам, вместе со своим еще более гениальным другом старался осчастливить человечество, а попутно сделать ненужным возглавляемый мною трудовой коллектив, я позволил себе скупить все его векселя и долговые обязательства.— В глазах Кума Хвата полыхнула давно скрываемая ненависть. Он хлестнул себя по колену пачкой документов.— Теперь он мне заплатит за все!

И тогда Чара Нанди закричала.

АНДРЕЙ КИВИНОВ

Мент обреченный

Не хочу я этой игры. Может быть, так все и должно быть, может, без этой игры нельзя. Может быть. Даже наверняка. Но я не могу... Не умею. И учиться даже не хочу...

А. Стругацкий, Б. Стругацкий.
«Град обреченный»

Глава 1. Учитель

Андрей пробежал глазами по витрине канцелярского отдела и, не найдя нужную ему вещь, обратился к продавщице:

— Девушка, глобусы есть?

— Вы тоже из милиции?

— Угу, — промычал, кивая, Андрей.

— Час назад последний купили. Лейтенант какой-то. Сходите на площадь, там большой магазин, наверное, еще остались.

— Спасибо, уже был.

Андрей на пару секунд замешкался у прилавка, не решаясь уйти сразу.

— Может, подойдет карта полушарий? Они у нас хорошего качества. — Продавец указала пальчиком на стеллаж.

— Я уточню. Если что, вернусь, — ответил Андрей, прикидывая про себя, чем полушария хорошего качества отличаются от полушарий качества плохого. Может, на «плохих» полушариях Родина зеленого цвета?

Он улыбнулся девушке из канцелярского отдела и, протискиваясь сквозь толпу, пошел к выходу.

В пяти метрах от магазина пыхтел уазик с брезентовым верхом. Сильный осенний ветер с залива полоскал брезент, и машина напоминала туристическую палатку путешественника, застигнутого ураганом в степи.

Андрей открыл скрипучую дверь и прыгнул на переднее сиденье. Закрыть дверь с первой попытки не получилось.

— Сильней, — подсказал водитель. Андрей шарнул так, что проходившие мимо граждане прыснули в стороны, а ребенок в коляске громко заплакал.

— Во, порядок, — с улыбкой одобрил водитель и включил передачу.

— Ну что, есть? — спросил Андрея сидящий сзади полноватый участковый.

— Час назад кончились. Лейтенант какой-то взял.

— Это Витька Сорокин, наверное. Мы на заявку ехали, он тут крутился.

— Палыч, карты полушарий есть. Может, проскочит вместо глобуса?

— Вряд ли, — покачал головой участковый. — В телеграмме сказано только насчет глобусов. Лучше не рисковать. Как-то не хочется без работы остаться.

— Где взять-то их? Ни в одном магазине нет. Раскупили за две недели. Продавцы обалдевают — никогда эти шарики не были ходовым товаром.

Андрей замолчал и уставился в лобовое стекло. К ветру добавился липкий, мокрый снег, водитель включил скрипучие щетки. Впереди возникла пробка, кто-то не мог завестись, машины замигали фарами и недовольно загудели клаксонами.

— Тьфу, черт, — стукнул по рулю водитель. — Мигалки нет, застрянем тут. Козлы, чинятся на полосе, не могут свое корыто на два метра вбок сдвинуть!

Слева, по встречной полосе, промчалась черная от грязи иномарка с бахромой смешанного с солью снега под крыльями.

— Давай, Серега, выруливай, фиг ли ждать? На заявку едем же!

Серега, беспрерывно ругаясь, принялся выкручивать тяжелый руль.

Андрей взглянул в боковое окошечко. Вдоль домов, почерневших от сырости, спешили люди, балансируя на скользком тротуаре, ныряли в двери магазинов, кабачков, учреждений. Работяги в желтых спецовках, разворотив асфальт, ковырялись в недрах, словно хирурги в кишках больного, добавляя грязи и без того грязной улице.

Наступление зимушки-зимы явилось неожиданностью только для коммунальных хозяйств, и ежегодные ссылки

на сюрпризы природы воспринимались без понимания. Даже в маленьком городе не избежать Большого Бардака.

Штук десять бездомных собак, таких же запущенных, как и улица, сбившись в стаю, лавировали в толпе, пугая прохожих, оставляя мокрые следы на белых плащах, пальто и сапожках городских модниц. Бездомных собак развелось много, особенно здесь, в центре.

Андрей поежился, вспомнив, как пару недель назад на пустыре возле дома такая же свора окружила его и провожала до самого подъезда. Без лая, без какой-либо агрессивности. Но это и было самым неприятным. Что у этих четвероногих друзей на уме? Собаки сжимали кольцо плотнее, и последние три метра до дверей Андрей преодолел уже бегом. За дверьми он подумал об оставленном в сейфе пистолете, но потом решил, что пистолет в данной ситуации, как рогатка против броненосца.

«Уазик» дернулся и, едва не зацепив бампер стоявшего впереди «запорожца», вырулил на встречную полосу.

Заявка, на которую ехали, была не сильно тревожная. Рядовая квартирная кража. В канцтовары завернули чисто по пути, пара-другая минут никакой роли не сыграют.

Еще минут пять потратили, чтобы попасть во двор, — если бы приехали на «жигулях», не попали бы вовсе. Уазик, ревя, как раненый медведь, преодолевал прелести дворового дорожного покрытия.

Обворованная квартира оказалась на первом этаже. Из подвала тянуло вонючей сыростью, на исписанной баллончиками стене висели копченые, разбитые и изрезанные ножами почтовые ящики. Лампочки не было, Палыч нашел нужную дверь с помощью карманного фонарика.

Хозяйка лет сорока, как обычно бывает в подобных случаях, плакала, толком объяснить ничего не могла и показывала рукой в комнату.

— Ограбили, ограбили!!! Господи, ну что ж у меня брать-то! Почему?

Андрей указал Палычу на хозяйку, мол, займись, успокой, а сам заглянул в комнату.

Ничего оригинального. Обыкновенное чудо. Вещички из шкафов на полу, распахнутые дверцы трюмо, выдвинутые ящички. Открытое настежь окно. Грязные следы на

подоконнике. Понятненько. Первый этаж, кусты. Сам Бог велел. Мелькнула мысль, что, возможно, ничего не пропало, обстановка-то соответствовала подъезду. Если так оно и есть, то достаточно сделать осмотр квартиры, взять заяву, а через три дня списать материал в архив по малозначительности.

Так оно не было. Хозяйка, немного успокоенная участковым, заявила, что из трюмо пропало обручальное кольцо, тысяч пятьдесят денег («Последние, ведь последние!») и акции трехлетней давности АО «АБВ» вместе с набежавшими процентами.

Андрей, выслушав, кивнул на окна и назидательно произнес:

— Вы бы хоть сеточку от комаров повесили.

— Зачем?

— Я ж говорю — от комаров.

Хозяйка не поняла и вновь принялась перечислять участковому безвозвратно пропавшее, словно обворованный Шпак из «Ивана Васильевича».

Телефона в квартире не оказалось, Андрей сходил к соседям, позвонил оттуда в дежурку, доложился и заказал группу — эксперта с дознавателем. Ничего не попишешь, такую кражу в архив не скинешь. Заодно поинтересовался, нет ли новых заяв. Заявы были, но не по его душу — скандалы, пьяные на скамейках и прочая бытовуха. В общем, дежурный срочно затребовал уазик в отдел.

Из обворованной квартиры донесся воодушевленный голос Палыча:

— Сколько волку ни воровать, а рогатины не миновать, ха-ха-ха! Попадется, попадется.

Участковый вышел на порог, протянул оперу паспорт потерпевшей:

— Андрюха, телефон пашет?

— Пашет.

— Я звякну в бухгалтерию, говорят, сегодня депонент давали.

— Валяй.

Андрей достал бланки документов, опустился на табурет в прихожей. Потерпевшая, практически пришедшая в себя, замерла перед дверьми в комнату.

— Давайте по порядку. С кем живете, когда уходите-приходите, похищенное, подозрения... Да сядьте куда-нибудь, неудобно как-то...

Хозяйка принесла с кухни второй табурет.

Начала с подозрений.

— Кого подозревать-то? Мы ж с мужем не миллионеры, не богатеи. Все богатство — пара колец да полтинник в трюмо.

— Муж чем занимается?

— А, — женщина махнула рукой, — что найдет, тем и занимается. Сейчас на стоянке дежурит. Я в жилконторе дворником. Сегодня с утра работала, в полдень — по магазинам пошла. Купить ничего не купила, погуляла... В два вернулась — и вот тебе. Подарочек к Рождеству.

— Понятно.

Андрей уточняющих вопросов не задавал, кража явно была из разряда серийных, типовых, если можно так сказать. Не стоило тратить время на ворошение биографий хозяев и поднятие пыли с их светлого или темного прошлого.

Он быстро набросал довольно стандартный текст, отметил более детально приметы кольца и дал расписаться хозяйке.

Ворча под нос, вернулся Палыч.

— Ни фига! Никаких денег! Врут ведь! Слышь, Андрюха, врут внаглую! Я ведь точно знаю — Васька Бородин вчера получил. Ох! Ладно, ты дописывай, а я по этажам прошвырнусь, с жильцами потолкую.

— Ага, я помогу, начинай пока.

Андрей протянул женщине чистый лист, объяснил, как написать заявление, и еще раз заглянул в комнату. После чего подошел к окну и осмотрел след, который уже начал превращаться в грязную лужицу. Фабрика «Рекорд», размер сорок два, не больше. У Андрея дома валялись точно такие же кроссовки. Как, наверное, у четвертой части населения их небольшого города — летом открылись два фирменных магазина «Рекорд».

Рекордсмен, побывавший сегодня здесь, по привычным прикидкам был человеком опытным. Не терял время на тяжелый груз — вещи в шкафу остались нетронутыми. Брал

только золотишко да бумажки — минимальная вероятность погореть на сбыте, зато более солидная добыча. Золотишко наверняка уже скинуто в ближайшем ларьке. Способ проникновения тоже ничем выдающимся не отличался.

Разбитая булыжником форточка, открытые шпингалеты...

Андрей вышел в подъезд. Палыч, дымя папиросой, спускался со второго этажа. Опер достал свои сигареты.

— Ну что?

— Покой и тишина в нашем городке. Человека не видели, звона битых стекол не слышали. Я позже справку напишу.

— Что само по себе и не ново. Это не твоя земля?

— Почти. Мой участок рядом.

— Ну и как насчет элемента? Третий случай в этом районе.

Сам Андрей территорию-землю знал плохо, он работал в отделе третий месяц — перевелся из другого района и обрасти «связями» среди элемента еще не успел, к тому же сегодняшняя кража тоже была не его, в том смысле, что не на его участке.

— Элемент? — Палыч пустил струю дыма в сторону почтовых ящиков. — Тут не район, а сплошной элемент... Можно, конечно, один адресок навестить. Года три назад мы Витьку Копылова прикрыли за такие вот форточные делишки. Шершавый у него кликуха. Не помню, сколько ему влепили, но, возможно, уже откинулся.

— Молодой?

— Да, лет двадцать пять. Сам-то он не здешний, но зазнобу из местных имеет. Светку Тимохину из двадцатого дома. Больно способ похож — камнем в форточку. Шершавый — мелкий, как пацан, святое дело по окнам ползать.

— Зайдем к Светке? Адрес помнишь?

— Можно. Тут рядом.— Палыч выкинул окурок в подвал.

Андрей предупредил женщину, что скоро (или нескоро) прибудет группа, дежурно попросил руками ничего не лапать и уточнить особые приметы кольца, слабо представляя, какие у обручального кольца могут быть особые приметы, после чего отправился за участковым.

— Зря машину отпустил, — проворчал Палыч, с трудом преодолевая огромную лужу в центре двора.— У меня не ботинки, а дурплаг.

— Заявки были.

— Херня, подождали бы. Что там? Мордобой? Подумаешь, дело...

— Ты Светку в лицо знаешь?

— Еще б эту стервозу не знать. Она с пятнадцати лет у нас светится. Светик-пустоцветик. Прикинь, одна в трехкомнатной хате. Сначала водкой спекулировала, потом травкой.

— Судима?

— Везучая. Два раза со статьи соскакивала. О, слушайка! Я вспомнил, где глобусы поискать можно! Вон в том доме завотделом живет. Книжного магазина. Я хорошо ее знаю, попрошу.

— В книжном вряд ли глобусы бывают.

— Бывают, сам как-то видал.

— Что ж не купил?

— Кто ж знал, что пригодится? Тьфу! Хорошо, не просят ставить в кабинетах скелеты мамонтов или заспиртованных лягушек.

— Ну, еще не вечер. Заставят.

— Психушка. Все, пришли. Осторожнее, здесь яма глубокая, второй год закопать не могут, дармоеды. Я раньше в жилконтору двери ногой открывал да дворников штрафовал направо-налево. Ни одной ямы или свалки на территории не было. А сейчас попробуй оштрафуй. Нет денег! Нет! Яму засыпать? Платите — засыплем. Дожили. Участковый должен платить дворнику, чтобы тот говно собачье с территории убрал. Мол, мы, дворники, на госпайке. А вы, милиция, как раз и есть государство... Платите. Ке-пе-та-лизьм, мать их...

Этот подъезд тоже благоухал, хотя и имел кодовый замок, код косого Палыч подобрал с первой попытки. Почтовые ящики также пошли на дрова юным друзьям пожарных, а цоколь лампочки грустил в темном одиночестве.

Светка Тимохина оказалась дома, дверь открыла сразу, без осторожного «Кто?». Увидев перед собой Палыча, распереживалась и замерла на пороге в позе акулы, готовой напасть на зазевавшуюся рыбку. Андрей отметил, что челюсть у Светочки скорее лошадиная, нежели акулья, и както сразу хотелось задать ей силоса.

(Дурак ты, оперуполномоченный Воронов, ох дурак!)

— Здравствуй, Светик! — Палыч сразу же подставил ногу под дверь.

— А в чем дело-то?

— Здороваться, наверное, надо. Этикетку соблюдать.

— Ну, здравствуйте.

— В гости пустишь?

— Зачем?

— Посмотрим, как живешь.

— Спасибочки за заботу. После ваших просмотров то мешок с наркотой найду в шкафу, то шмотки ворованные под кроватью. Отдувайся потом после вас...

Палыч в процессе Светкиного ответа отодвинул девушку в сторону и, оставляя на ковровой дорожке дворовую грязь, ринулся прямиком к упомянутому шкафу.

— Ну-ка, посмотрим.

— Да как вы... Я буду жа...

— Заткнись.

Палыч распахнул створки, оценил пару висящих в шкафу платьев, лежащую внизу кучу тряпья и досадливо спросил:

— Это что, все?

— Санкция где?

Палыч прикрыл дверцы, проигнорировал вопрос и сел на темно-зеленый диван с когда-то полированными подлокотниками. Андрей, заглянувший перед этим в две другие комнаты и никого там не заставший, прислонился к дверному косяку.

Светочка достала дрожащими от возмущения пальцами сигарету и чиркнула зажигалкой.

— Ну, в чем дело-то?

— Да ни в чем, Светуля! Говорю ж, в гости зашли. Ты бы села, а то как не у себя, право.

Палыч угостился из брошенной Светкой на стол пачки. Андрей закурил свои.

— Чем занимаешься?

— Я обязана отчитываться?

— Ну, в общем, нет, конечно. Сейчас демократия, права человечка... Но мне лучше рассказать, я пойму и попрошу следователя оставить тебя на подписке.

— Слушайте! — Светка с негодованием запахнула прожженный в нескольких местах халатик. — Вам, наверное, делать не фиг. Вон, от бандюгов прохода нет, мафия в Кремле сидит, а вы херней маетесь. Чем я вам мешаю, а?

— Мы, между прочим, после тебя как раз в Кремль и собирались. К тебе зашли так, по пути, как к подучетному элементу. А заодно про Шершавого спросить. Как Шершавый-то поживает?

Андрей не страдал излишками наблюдательности, но заметил резкую перемену в поведении Свет-лампочки. Она расточительно затушила недокуренную сигарету, затрясла уже не только пальцами, но и головой, села на предложенный Палычем табурет, еще плотнее запахнула халатик и, чуть замявшись, переспросила:

— Шер... Шершавый? Так он же сидит. Ему пятерик дали. Еще два года...

— А говорят, его видели тут, — первый раз за всю беседу подал голос Андрей.

— Да кто такую херню говорить может? На зоне он. Я вот месяц назад письмо от него получила. Сейчас...

Светик открыла трюмо и достала мятый конверт.

— Что пишет?

— Какая разница?

— Ждать просит? Жениться обещает?

— Не ваше дело.

— Да мне просто парня жалко. Он пишет, ждет, любит. Верит. А ты в это время с другим шары гоняешь. Нехорошо.

— С каким, с каким другим?

Андрей указал на пепельницу, в которой кроме окурков сигарет со следами помады сморщенно лежали хабцы «Беломора».

— Вот, сейчас окурки в ход пойдут. Это я курила!

Палыч лениво поднялся с дивана и подошел к трюмо, между стеклянными раздвижными шторками которого была вставлена выгоревшая кодаковская фотография.

— Вот он, голубчик.

На фото стоявший в плавках расписной Шершавый обнимал Светку на фоне серого водоема.

— Это еще до посадки, — пояснила Светка, — на Рижском взморье.

Андрей тоже взглянул на фотографию, разглядел повнимательней Шершавого и плюхнулся на диван.

— Сидит, значит? — Палыч воткнул фото на место. — Проверим.

— Проверяйте.

Подучетный элемент принялся усиленно кусать ногти.

— Ты полегче, полегче. Пальцы откусишь. Чего распереживалась-то?

— А вы бы не волновались? Сколько ж можно над человеком издеваться? Чуть что, сразу Тимохина. Я к вашему новому начальнику пойду! В газетах пишут, что он порядочный человек... Честный.

— Ты тоже честная?

— Да! Почестнее вас!

— Слышь, Андрюха, все кругом честные! По-моему, это не так. Иначе мы остались бы без работы. А жаловаться? Это милости просим. Главное, жалобу без ошибок напиши.

Палыч раскрыл свою форменную сумку-портфель, достал блокнот, сделал пометку.

— Так, кто тут у нас следующий? Витька Быков? Тоже честный. Все честные, мать их! Давненько у него не был. Вот и навестим. Рейд все-таки. Пойдем, Андрюха.

Светка сразу подобрела.

— Сергей Павлович, я паспорт потеряла где-то. Как восстановить можно?

— В паспортный стол. У дежурного узнай часы приема. Заплатишь штраф, получишь новый. Паспорт новый.

— Штраф? А как бы без штрафа? У меня сейчас с деньгами не очень. Может, сказать, что украли?

— Украли?! Обмануть?! Так ты же честная!

На улице Палыч со вздохом произнес:

— Жалко, мимо темы.

— Думаешь? А может, врет? Мужик-то точно в хате бывает.

— Еще бы не было! Молодая девка, да в отдельной хате... Тут из мужиков очередь должна стоять. А Шершавый? Я в штабе уточню, но, по-моему, он еще лямку тянет. Амнистий вроде не было.

— Баба вроде не вредная, — сказал Андрей не столько Палычу, сколько себе. — На контакт пойдет.

Надо вживаться в землю, заводить дружбу с интересными людьми, превращать этих людей в Юстасов и пользоваться их услугами. Тогда не придется собирать окурки по пепельницам...

— Я, Андрюха, к себе зарулю, протокольчики на черных заберу, рейд все-таки. Назад не пойду, фиг ли мне на краже делать?

— Давай. Я-то отсвечусь на всякий случай. Вдруг начальство нагрянет, да и так...

Палыч, прыгая через лужи, скрылся за углом. Андрей усмехнулся, услышав про протокольчики. Маленькая хитрость в ответ на хитрость большую. После каждого рейда нужно отчитываться за активную работу. Чтобы все видели — рейд прошел не напрасно. Но так как на деле рейд ничем не отличался от обычных будней, в ход шли изобретения и фокусы. Заранее, в те самые будни, участковые ловили черных, рисовали протоколы за всякие там нарушения, но дату на них не ставили. Когда же начинался рейд, протоколы извлекались из сейфов, датировались нужным числом и шли в зачет. Вот и получалось: нет рейда — нет задержанных; есть рейд — пожалуйста, результат. Результат передавался в управление, откуда шел в столицу, где, видя явную пользу рейдирования, рекомендовали почаще повторять мероприятие.

Лицовали не только участковые, но и все остальные. Каков вопрос, таков ответ...

Андрей поднял воротник и двинулся в направлении обворованной квартиры.

— Больше пьяных! Я говорю, больше пьяных давай! Три протокола всего! Вон, в пивняк сходите, там этого добра, как говна в стойле. Хотя бы десяточек надо сделать...

Андрей дождался, когда дежурный закончит телефонный разговор, затем доложил об обстоятельствах кражи и узнал насчет новых заяв.

Заяв пока не было.

— В канцелярию зайди, Ленка просила.

Андрей покинул дежурку и заглянул в канцелярию.

— Привет, Леночка. Скучаем? Как насчет свежих сплетен? Кстати, шеф-то где?

— Он же с утра на диктанте, в управлении.

— Где?! На каком диктанте?

— Ой, Андрюша, ты как не родной, будто не в милиции. Третьего дня пришла телеграмма. Собрать всех начальников отделов для написания диктантов. Перед этим собирали начальников райуправлений.

— Наш тоже ездил?

— А как же. На троечку вытянул. В словах «Азербайджан» и «искусство» сделал по две ошибки. Дали месячный срок подтянуться и исправить.

— И двойки были?

— Да, не повезло многим. Сложные слова попались.

— И что?

— Их уволили. Без учета прошлых заслуг. Я сегодня пальцы крестиком держу за Игоря Михайловича и ругаю его матерно.

Игорь Михайлович был начальником отдела, где трудился Андрей Воронов.

— Круто. Мы тоже будем диктант писать?

— Не исключено. Даже наверняка.

У Андрея запершило в горле.

— Хм... Ладно, ты от меня что хотела-то?

Леночка открыла сейф, на котором стоял большой зелено-голубой глобус, и достала пухлый журнал.

— Мне надо данные твоих родителей или ближайших родственников.

— Зачем? — не понял Андрей.

— Приказ пришел. У каждого начальника отдела должны быть данные родителей сотрудников.

— Зачем? — вновь спросил Андрей.

— Ну, вдруг ты провинишься? Материал просрочишь, напьешься на службе, еще что-нибудь. Тогда предков твоих вызовут и потолкуют. В воспитательных целях.

До Андрея наконец стало доходить.

— А-а-а...

Родители жили в провинции, откуда Андрей приехал искать счастья сюда, в большой, по его представлениям, город. Из ближайших родственников здесь имелись бывшая жена, сын семи лет, ну и, пожалуй, любовница. (Кстати, давно не заходил, навестить бы.)

— Ладно, записывай. — Андрей продиктовал данные своих стариков. Леночка убрала журнал.

— Где купила? — Андрей ткнул пальцем в глобус.

— Места надо знать хлебные... Это китайский. У меня подруга челноком катается. Я заказала.

— А еще нельзя?

— Извини, Андрюша... Мне и так перед ней неудобно. Он столько места в багаже занимает. Вот еще, там материалы за тобой заявительские, срок скоро, не забыл?

— Помню, — буркнул Андрей и вышел из канцелярии.

«Айзер... Азерб... Азрей... Тьфу ты, блин. А действительно, как?»

Сосед по кабинету, Антон Михайлович Грицук, или просто Тоха, почти обрусевший хохол из-под Харькова, барабанил на машинке, сурово сдвинув брови и беззвучно двигая губами. «Вот у кого с русским просто беда», — подумал Андрей, снимая куртку.

К явно страдающей грамматике Тохи добавлялся его жуткий хохляцкий акцент. Тоха не просто «гыкал», он вообще букву «г» проглатывал. Вместо «гастроном» — «'астроном», «гангрена» — «'ан'рена», ну и так далее.

— Ну, чс'о там? — Антон оторвался от машинки и поднял глаза на Андрея.

— Глухарск. Кража через форточку.

— Я не про то. В хозтовары заезжал?

— Да, был. Нет глобусов.

— Ну, черт! Может, шарик воздушный раскрасим или презик? У меня хак раз есть один. Будет маленький 'лобус.

— Я что, Ренин, шарики красить? — Андрей сел за свой стол. — А ты, халява, шел бы тоже в магазин. Я бегаю, как шестерка, а ты сидишь целый день и на машинке стучишь, Кобзарь.

— Хто-хто?

— В магазин канай! Хватит халявить.

— А хто чужое 'авно раз'ребать будет? Я этому 'ападону Херувимову 'лаз набью х-хо'да-нибудь. Фи' ли подставляет, в натурс? Принял заявочку, а Х-хрицук списывай.

Антон щелкнул пальцем по заряженному в машинку листу.

Валерка Херувимов (ну, дал Бог фамилию!) работал опером в их отделе. Про него говорили, что он фанат и служебный долг ставит превыше естественных потребностей. Если за рабочий день ничего не раскроет, будет терпеть. А когда уж совсем прижмет, уестествится втихаря, с оглядкой, под благовидным предлогом или отделенческим забором.

— Что он там натворил?

— 'Алиматья хакая-то. Два пацана в подъезде в войну и'рались с баллончиками 'азовыми. Ну, брыз'ались! Чо тахо'о, а? Тут мужик с «дипломатом». Домой шлепал с работы. В «дипломате» бабки, лимонов десять, не так мно'о. Ну и попал под 'азовую струю случайно! «Дипломат» выронил, давай бельма протирать. Пока протирал, чемодан хто-то подобрал как бесхозный. Естественно! Ты бы прошел мимо ничейно'о «дипломата»?

— Нет, наверное.

— И я бы не прошел! Да и никто бы не прошел, хроме это'о 'андураса Херувимова! 'ра-беж, 'рабеж! Какой, к дьяволу, 'рабеж?! Пацаны и'рались, а он сразу — 'рабеж!

— Сколько пацанам-то?

— Да малолетки! Лет по семнадцать-двадцать! Не больше. А мне теперь эту лабуду отказывать. 'ад! Натуральный 'ад!

Андрей, не ответив, пожал плечами и раскрыл папку со своими несписанными материалами. Появился упомянутый опер Валерка Херувимов.

— Мужики, дежурствами махнемся на субботу? Очень надо. Козу склеил, у нее хата пустая будет. А?

— А может, козой махнемся? — скривил губы в усмешке Грицук.

— У меня с ней серьезно.

— Это как? Под классическую музыку? Уважаю. 'рамотно.

— Смеяться можно?

— Дело твое.

— Я отдежурю, — сказал Андрей. — А ты за меня через неделю.

— Ладушки, Андрюха. — Довольный Валерка упал на диван. — Во, гляньте, сегодняшние «Вести». Интервью с нашим новым патроном.

Херувимов развернул мятую газету.

— Эх, везет нам на начальство. Так... Ага, вот: «Во главу угла я поставлю кадровую политику с учетом требований времени. Во-первых, подбор грамотных сотрудников, излагающих свои мысли без орфографических и стилистических ошибок, четко, ясно и коротко. Не секрет, что добрая половина нашего управления пишет через пень-колоду, ужасным почерком и не зная элементарных правил грамматики. Теперь при приеме на службу, помимо прочего, кандидаты будут писать обязательный диктант, а аттестованные сотрудники уже пишут. С написавшими на „двойку" и меньше будем расставаться без всякой жалости. Пусть земля горит под ногами неучей! Вы посмотрите — преступный мир совершенствуется, растет, ищет новые пути, а мы как писали „ча-ща" через „я", так и пишем! Я уже не говорю о „лисапедах", „колидорах" и прочем. И какое после этого отношение у рядовых граждан к милиции? Человек приходит за помощью, а чем его встречают? „Салафановым" пакетом? „Малатком"? Неужели после такого человек уверует в милицию?

Да, соглашусь, что на первых порах раскрываемость преступлений несколько снизится. Но мы и не гонимся за липовыми показателями! Пора изживать порочную практику! Хватит морочить людям головы! Я вам так скажу: будет успеваемость — будет и раскрываемость! Сыщики царских времен знали по два языка, были образованными, культурными людьми! И соответственно, преступления раскрывали на высоком уровне. Это факты, а с фактами не поспоришь!..»

Валерка прервался.

— В общем, дальше в том же духе. Изучение основ классической литературы, личный контроль со стороны руководства, война преступному невежеству...

— Сегодня Михалыч диктант в Главке строчит. Как бы не слили мужика. У него тоже расхождения со словарем бывают. Жалко, если сольют.

— Да, Михалыч наш человек. Не наград ради...

Пимкнул местный телефон. Андрей снял трубку.

— Воронов, на заявку. Кража пальто из магазина. Продавцы человека на контроле задержали. Давай, машина ждет.

— Один—один,— подвел черту Андрей, вешая трубку.— Это не кража, это «палочка». Через «а».

Проходя по коридору, он увидел, как два сержанта-постовых снимают стенд с фотографиями лучших сотрудников отдела. Внизу стоял новый. «Правописание безударных гласных в корне слова».

Марина оказалась дома. Андрей не стал предварительно звонить и предупреждать, что заскочит. Вообще-то Марина никогда этого и не требовала, она всегда была рада Андрею. Сама тоже никогда не звонила и специально в гости не приглашала. И не упрекала в том, что его визиты становились все реже и реже.

Наверное, сейчас они были больше друзьями, чем любовниками. Марине стукнуло двадцать четыре, она, как и Андрей, была разведена, детей не имела и жила одна на двенадцати метрах коммунальной квартиры.

С Андреем они пересеклись пару лет назад, когда он работал в другом районе. Пересеклись, как это обычно бывает у сыщиков, по служебной необходимости. У Марины в автобусе вытащили кошелек с документами. Андрей, только что расставшийся со своей супружницей и нуждающийся в душевной поддержке, решил закадрить Марину — так, без всяких серьезных перспектив. Но эта легкая связь оказалась довольно прочной. Через неделю они стали настоящими, всамделишними любовниками, и в течение двух последующих лет Андрей и не помышлял о другой женщине. Как, впрочем, и Марина — о другом мужчине.

Трудилась Марина бухгалтером в небольшой фирме, посещала курсы иностранных языков и занятия шейпингом. Разговоров о том, чтобы скрепить их отношения прямоугольной печатью, никогда не возникало, они жили сегодняшним днем, не строя никаких планов.

— Проходи. — Марина достала из тумбочки шлепанцы.— Ужинать будешь?

— Да, я с дежурства.

Андрей прошел в комнату, снял трубку телефона и набрал номер, звоня домой, сыну.

— Паша? Это я, как дела? Молоток. Во сколько? Завтра? Ладно, постараюсь вырваться. Там, в морозильнике, пельмени, отвари. Я понимаю, что надоели. В воскресенье

что-нибудь сготовлю. Нет, в субботу я дежурю, поменялся. Ну давай, я через часик вернусь.

— Все в порядке? — Марина задернула штору.

— Да, в общем. Завтра родительское собрание, а у нас рейд. Придется свинтить. У тебя-то как?

— Нормально. Все по-старому.

Разговор перешел на будничную колею. В обычное для последних встреч русло. Пара страшилок из жизни преступного мира, газетные сплетни, обсуждение «Поля чудес» и «Что, где, когда». Потом ужин, потом поцелуи на диване.

— Да, вот что, — неожиданно вспомнил Андрей. — У тебя в канцтоварах никого знакомых нет?

— А что?

— Глобус надо достать.

— Кому, Пашке?

— Нет, мне в кабинет.

— Зачем?

— Телеграмма из Главка пришла. Дежурные части, служебные кабинеты, опорные пункты оснастить глобусами. Распоряжение нового начальника.

— Зачем? — еще больше удивилась Марина.

«А действительно, зачем?»

— Не знаю. Там написано, что никакие рассуждения приниматься не будут. Оснастить, и все.

— Странно. У меня есть подружка в магазине. Правда, не в канцелярском, но поговорить можно. Погоди, у вас же недавно начальник сменился. Который стены заставлял красить, прораб бывший.

«Как давно я здесь не был».

— Его уже сняли. Он краску, выделенную на ремонт, налево стал пускать да водой разбавлять. Сейчас под статьей ходит. А у нас уже новый командир. Бывший учитель русского языка и литературы. Откуда появился — никто не знает. Может, чей блатной родственник или приятель. Без мохнатой лапы не обошлось, факт. В общем, где-то даже правильно. Хоть писать без ошибок научимся, а то действительно, что ни протокол, то анекдот. Да ладно, хватит об этом. Глобус если достанешь, брякни.

— Хорошо, хотя непонятно, почему глобус, если он литератор?

Марина включила свою маленькую магнитолу и погасила большой свет.

— Ну а вы? — не успокаивалась Марина.

— В смысле?

— Это ж бред пьяный. Глобус, русский язык... Надо ведь как-то протестовать.

— От слова «протест» несет тухлой демагогией. Марши протеста, гимны протеста, ноты протеста... Любимое занятие дураков и бездельников. Завтра бросим ловить воров и пойдем с плакатами на площадь — протестовать. И что дальше? Испугаются?

— Мне кажется, вы просто не хотите. Или сами боитесь. Завтра вам скажут ходить на работу в юбках. Пойдете?

— Не в этом дело... Обидно и противно. И не хочется «за так» вылететь, из-за чьей-то блажи. Кому я нужен, что умею? Ничего не умею, кроме как... А насчет юбок? Да хоть в шортах полосатых, хоть вообще без штанов, дело я свое делать буду. Начальников-фантиков я уже столько насмотрелся, в глазах рябит. Пятого или шестого на моем веку сменили. Где они? Нету. А я есть. На своем месте.

Андрей насупился и уставился в пол. Из приемника полилась медленная мелодия. Марина прижалась к оперу.

— Не сердись. Ты обиделся?

— Нет. — Андрей покачал головой. Затем взглянул на часы.

— Спешишь?

— Пашка один. Я обещал через час дома быть.

Марина поправила челку Андрея, затем спросила шепотом:

— Мы сегодня будем?

«Дадите — будем», — хотел спошлить Андрей, но не стал. Да, все на этом свете рано или поздно превращается в привычку. Даже то, что не может превратиться в стереотип. Любить, убивать, судить... Он погладил Марину по щеке и стал расстегивать пуговки на ее кофточке.

Пашка смотрел телик. Какую-то мексиканскую патоку.

— Папа, ты обещал через час.

— На происшествие вызвали. Перезвонить не смог. Ты поужинал?

— Да, там еще пельмени остались. Можешь доесть.

— Хорошо.

Пашке было семь лет, после развода он остался у Андрея. Редкий случай. Но жена не очень-то и настаивала. Она переместилась в другой мир, уйдя от Андрея к крупному коммерсанту. Новую жизнь надо начинать с нуля. Может быть. Андрей в ногах не валялся, остаться не просил. Даже не искал причину их разрыва. Разлюбили...

— Ты опять чепуху эту смотришь? Только глаза портишь, вон книжку лучше почитал бы.

— У меня, кроме сказок, ничего нет. Что я, маленький?

— Я куплю что-нибудь.

— Забудешь. Ты мне «Денди» когда обещал купить?

— От «Денди» еще сильнее зрение испортишь. Что там в школе?

— Четверка по математике, тройка по русскому.

— По русскому?

— За диктант. Сложный очень.

— Чтобы не был сложным, меньше смотри сериалы.

Андрей зашел в душ, пустил воду. Уставился в зеркало. Какой кошмар. Точно не Мел Гибсон. Мудак мудаком.

«Азерб... Айзер... Арзей... Вот ведь...»

На следующий день после сходки Андрей зашел к Светке Тимохиной. Поговорить за тяжелую жизнь в неспокойное время реформ. Он давно усвоил старую истину — формальный подход дает формальные же результаты. Для липовых отчетов и сводок. А к «людям»[1] надо с душой, как бы люди этой душой ни отторгались.

Сегодня Светка поинтересовалась, кто беспокоит ее покой. Андрей честно представился, но соврал, что обронил вчера в квартире дорогой «паркер» и хотел бы его немедленно вернуть. Светка купилась на этот старый прием и дверь открыла.

«Паркер» поискали и, естественно, не нашли. Попутно Андрей заметил, что окурков «Беломора» без следов помады в пепельнице прибавилось. А в атмосфере тихой женской обители назойливо лез в нос мужицкий дух.

---

[1] Люди (*мил. сленг.*) — агенты.

Светка сегодня не хамила, чаю-кофе, правда, тоже не предлагала. Пока Андрей искал «паркер», она стояла на пороге, давая понять, что визит нежелателен и она мечтает остаться в одиночестве. Андрей заметил намек и принялся заговаривать зубы, склоняя Светку к сотрудничеству и наводя прочный мост между элементом в лице Тимохиной и государством в своем лице. Светка реагировала нервно, реплики Андрея пропускала мимо и в конце концов заявила, что ей пора уходить. Опер решил, что на первый раз вполне достаточно, фундамент моста заложен, в следующий раз можно поставить опору (опору!), поэтому поднялся с дивана и вышел в коридор.

— Было приятно встретиться, надеюсь...

Попадеяться Андрей не успел. Дверной замок гулко щелкнул, ригель спрятался, и дверь, естественно, открылась. Андрей по милицейской привычке спрятался за угол, в коридор, и переложил пистолет из кобуры в карман. Так, на всякий случай. Светка все ж не просто женщина, а элемент.

Предосторожность оказалась нелишней. На пороге отряхивался от мокрого ноябрьского снега не кто иной, как Витька Копылов по кличке Шершавый, по всем расчетам сидевший в настоящий момент на зоне. Он почти не изменился со времен позирования в плавках на фоне Рижского взморья. Чуть похудел, что и понятно. Не на курорт катался. Шевелюру или отсутствие таковой скрывала вязаная шапочка «Фишер», ноги утопали в отечественном «Рекорде».

— Ба, Шершавый! — Андрей вышел из коридора. — Не холодно в кроссовках-то?

Шершавый резко обернулся на голос, затем метнул взгляд на посеревшую и приобретшую цвет лондонского тумана Светку.

— Кто это?

— Это... Это...

— Это уголовный розыск, — закончил Андрей. — Самый уголовный розыск в мире.

Шершавый вздрогнул, попятился к выходу, но замер, увидев направленный в лоб пистолет.

— Тю-тю-тю,— поцелкал губами Андрей.— Куда это мы?

Он редко доставал оружие, предпочитал метод убеждения, но иногда ментовский инстинкт подсказывал, что ствол в руках совсем не лишняя тяжесть. Шершавый опустил руки и устало сел на стоявший в коридоре табурет.

— Сдала?

Вопрос, судя по «а» в окончании, предназначался Светке.

— Да ты что, Витенька?! Он сам пришел! Правда, Витенька! Он ручку вчера забыл! Ну, скажите вы ему!..

Ничего не ответила рыбка...

— Сдала, значит? За сколько продалась, Иуда?

Левая ноздря Шершавого нервно задергалась.

— Не сдавала я, он...

Досказать «сам пришел» Светка не успела. Маленький Шершавый подпрыгнул с табурета и смачно засветил подруге жизни справа.

Подруга, сделав оборот, ушла волчком в конец коридора.

«Так, достроить мост теперь вряд ли получится», — подумал Андрей.

Что касается защиты Светки от физического и психического воздействия Шершавого, то мешать процессу, как того требовал долг мента и настоящего мужчины, Андрей не торопился. Тут надо подходить философски, с учетом конъюнктуры рынка. Кабы шепнула вчера Светка, что живет у нее беглый каторжник Шершавый и бомбит через форточки квартиры честных фраеров, забирая последнее, так и не приключилась бы сегодняшняя сцена-беда. Уж Андрей постарался бы сдапать Витеньку так, чтобы тот никогда не догадался, кто его, Шершавенького, вломил. Что? Любовь? Так в кодексе такая любовь называется укрывательством. Любишь, не любишь. Нет, Андрей не призывает к всеобщему стукачеству, Боже упаси! Но и словами бросаться не надо. «Честная, честная...» Вот и ходи теперь с бланшем, честная.

— Господи, да скажите вы ему!..

— Да.

— Что да?

— Я сам пришел.

Шершавый вернулся на табурет и протянул руки.

— Зря лечишь, командир. Я всего на полчаса вышел, за папиросами. Ей как раз позвонить времени хватило...

— Да мне в общем-то все равно, веришь ты или нет, — ответил Андрей, застегивая «браслеты». — Ты к стеночке повернись, пожалуйста. В какой ларек бегал за «Беломором»?

Шершавый кашлянул.

— Не помню. Там, на площади. В желтом, кажется, взял.

— Ба, да ты паровоз какой-то! — Андрей извлек наполовину пустую пачку с папиросами. — В три смычка, что ль, смолишь? А денег-то, денег... Куда это годится, Шершавый? У меня, у борца за справедливость, в кошельке моль сдохла, а безработный, ранее судимый Шершавый таскает деньги пачками!

— Нашел.

— Верю! Именно вот этому верю! Я даже знаю где. В трех квартирах на первых этажах. Там люди такие рассеянные... Си, синьор?

Витька еще раз косо глянул на размазывающую сопли Светку.

— Так где ларек, синьор? Не хочется все подряд ларьки потрошить. Светик, может, ты подскажешь?

— Пошел ты...

— И это после всего, что между нами было? Не ожидал. Прости, не ожидал.

— Слышь, командир... — Шершавый наконец-то сообразил, что, кроме Андрея и Светки, в хате никого нет. — Может, договоримся? Забирай бабки и разбегаемся. А? Давай по-людски.

— Дача взятки при свидетелях? Коррупция? Зачем тебе это, Шершавый? Возвращайся с чистой совестью на зону. Садись и сиди. А то будешь по ночам вскакивать.

— Ладно, ментяра...

— Угроза? А ведь от угрозы чиновнику до измены Родине один шаг.

— Вам поугрожаешь...

— О, сразу видно опытного человека. Светочка, сходи, пожалуйста, к соседям. Пригласи. И поищи для нашего спортсмена запасную пару обуви.

За понятыми-соседями Светка демонстративно не пошла, вот еще, но обувь добыла — стоптанные до дыр комнатные шлепанцы. Андрей приковал Витьку к батарее на-

рового отопления, сходил за понятыми («Не пойдем, не пойдем! Потом по судам затаскают!»), переобул в их присутствии задержанного, изъял деньги и составил протокол на форзаце, вырванном из Светкиной книги «Секреты домашней хозяйки». Затем позвонил в отдел, попросил машину, которой, как всегда, не оказалось, поэтому, пристегнув Шершавого к своей руке, он сердечно попрощался с гражданами и, сжимая под мышкой кроссовки «Рекорд», потащился на базу пешком.

По пути шлепанцы с Шершавого постоянно слетали, что сделало путешествие затяжным. Но, ура, повезло с автобусом и свободными местами для пенсионеров, инвалидов и лиц, задержанных милицией.

— *Давно бегаем?*

— Третий месяц.

Бумаги о розыске Шершавого в отдел еще не приходили, иначе Палыч *наверняка знал бы о побеге.* Андрей нисколько не удивился. Везде работают люди. Которые болеют, ходят в отпуск, берут отгулы. Или просто не спешат ввиду спокойного характера.

— А как насчет золотого правила «не сри, где живешь»? Тем более прячешься? Или ты не только здесь по окнам лазил?

— Знаешь, командир, я сейчас ваньку валять не буду. Чего мне перед тобой кривляться. Да, хаты бомбил, жить-то надо. Сколько — не помню, не записывал. На протокол не возьму ничего, буду стоять в отказе. Ты ж понимаешь...

— Как не понять? Побег кражи перетянет, авторитет приподнимется, если невысок.— («Ох, невысок, иначе не сбежал бы!») — А признаться в случае чего никогда не поздно.

— Дуплить будете?

— Боишься?

— Не хотелось бы. Знаком с вашим братом.

— *Наказания без вины...* Но не дрейфь, не будем. Зачем? Лишний козырь адвокату. А с доказухой у нас все железно.

Шершавый тяжело вздохнул. Андрей не кривил душой. *Хотя с доказухой было не совсем железно, но* дело можно довести до логического конца и без шоковой терапии. Трахнуть ларьки, уболтать Светку. Плюс уже найденные улики — обувь, пальчики... Никуда Шершавый *не денется.*

Кражи, правда, совершались не на его, Андрея, территории, и доводить дело до ума будет не он, а Женька Ермаков, сосед по коридору. С Женьки, кстати, коньячок за раскрытую серию. Женька, говорят, опер опытный, учить не надо. И ларьки тряхнет, и Светку, да и с Шершавым водочки выпьет, о судьбе-злодейке поплачется, душу вывернет. Так что смотри, Шершавый, последний раз в окошко без решеток. Пока до отдела едем.

Андрей мельком глянул на попутчика. Вор свободной от оков рукой протер запотевшее стекло и с неподдельной грустью в глазах наблюдал за проплывающей мимо улицей.

Неожиданно Андрею стало жалко Шершавого. Не высокопарной жалостью победителя, а обычной, человеческой. Витька, конечно, вор, и горя он принес людям много, чего там говорить... И что у него сейчас в шальной голове? Только не бывает такой грусти в глазах хладнокровных преступников, без совести и жалости отнимающих у людей последнее...

Шершавый потер лоб рукой, затем погладил впалые щеки со следами то ли ожога, то ли оспы, за которые, наверное, получил свою кличку, и опять прилип взглядом к автобусному стеклу.

— Ты это, Виктор... Хочешь верь, хочешь нет, но к Светке я точно случаем запел. Рейдовали вчера по притонам, ручку оставил.

— Да я понял уже, — негромко ответил Шершавый. — Жалко, обиделась, наверное. Это я так, от влеталова, паханул. Я бумажку черкну, передашь? Нет у меня, кроме нее, никого.

— Передам.

Андрей поправил наручники, больно обжигающие запястья холодным металлом.

— Смотри-ка, Петровна, в наручниках везут, — раздался осторожный старческий шепот за спиной.

— Ворюгу поймали, наверное. Тут милиция рядом. Видела, вчера по нашему каналу ихний новый начальник выступал? Очень мне понравилось. Смелый, честный. Преступников не боится, на показатели липовые плевать хотел, правду говорит людям. Обещал грамотность повысить. Вот видишь, и результаты. Одного уже сцапали.

— Да, хороших-то людей совсем не осталось. Я думаю, Петровна, он долго не продержится, раз человек хороший. Уберут. У нас не любят правду слушать. Она многим мешает, правда-то. Вот попомни, уберут.

— Жалко.

Андрей улыбнулся и почему-то вспомнил горьковского Данко. Дурачок, зачем рвать грудь, если можно красиво открывать рот? И народ верит, и сам жив-здоров. А выход из леса как-нибудь отыщется.

«А я вру, все мне мало...»

На перекрестке стояла пара околоточных. Загадочная структура, утвержденная новым руководством. То ли менты, то ли не менты. Наверное, шеф испытывал ностальгию по статистическому тринадцатому году. В околоточные набирали только жлобов, в совершенстве владеющих родным языком, пишущих без единой ошибки, абсолютно не ругающихся матом и знающих как минимум десяток цитат из классики. Экипированы они были весьма своеобразно: ментовская форма, но вместо дубинок — длинные красные указки, а за спиной — школьные ранцы. Указками околоточные показывали дорогу заблудившимся в городе, а в ранцах хранились орфографические словари и контурные карты района. Было ли у ребят огнестрельное оружие, никто не знал, но в принципе оно и не нужно — указка всегда под рукой...

Пропустив автобус, они, по-мушкетерски гордо задрав головы, перешли дорогу.

В коридоре Андрей наткнулся на зама по воспитательной работе.

— Где тебя носит, Воронов? Велено же с утра на местах находиться! Тебе ершик подарить, чтобы уши прочистил?

— Да не говорили мне ничего!

— Педагог едет с проверкой! Глобус достал?

— Не смог.

— Почему все смогли, а ты не смог?

— Да делать мне нечего, я вон серию квартирную поднял.

— Ты на это не ссылайся. Педагогу твоя серия до одного места.

— Зато мне не до одного.

Андрей повернулся и направился в свой кабинет, где заперся на ключ и решил двери не открывать, кто бы ни заявился. «Нету меня, в рейде я. Глобус ищу».

Через минуту Андрей и на самом деле ушел из отдела, посчитав, что прятаться, как кроту в норе, унизительно. Катитесь вы все, как глобусы с горки...

Часа через три вернулся и заглянул в дежурку, где узнал, что шеф-педагог так и не приехал. То ли передумал, то ли заболел. Глобус прикрыли тряпочкой, чтобы не пылился зря.

В коридоре Андрей замер. Мать твою, что это?! Почему?!

Помдеж и резервный милиционер вели, а точнее, тащили под мышки Шершавого. Вор еле передвигал ногами, глубоко дышал и пытался идти самостоятельно. Руки были сцеплены за спиной браслетами. На правой щеке, обезображенной оспой, появился грязно-багровый отек. Шершавый морщился и не отрывал глаз от пола.

Но когда они поравнялись с Андреем, он резко вздернул голову и взглянул на опера. Андрей вздрогнул. В глазах Шершавого не было ни презрения, ни ненависти. Глаза вора были пустыми. Пустыми, как коридорная стена. Ни единого намека на чувства. Андрею неожиданно показалось, что Шершавый не видит его, что он смотрит сквозь него, словно сквозь автобусное стекло. Туда, на волю... А Андрея нет вовсе.

Квартирник вновь опустил голову и сплюнул на линолеум, прямо под ноги Андрею, кровавый сгусток.

Андрей, вспомнив что-то, сунул руку в карман и достал сложенный вчетверо лист. Быстро развернул.

«Светочка, ты извини, что так получилось, не держи зла. Все будет хорошо. Я вернусь, родная...»

Андрей метнулся к кабинету Ермакова. Женька сидел за столом и массировал пальцы, на диване валялась самодельная резиновая дубинка, длиной которой определялся путь к истине.

— На хера?!

— Ты чего?

— На хера Шершавого дуплили?

— А что, мне перед ним монолог Ленского читать? Да что с тобой?! Адвокат, что ли?

— Скотиной не надо быть, понятно?

Ермаков скривил губы:

— Скотиной?! А ты иди, спроси у людей, которых этот говнюк опустил, кто из нас скотина. Ишь ты, чистоплюй! Победителей не судят.

Ермаков стукнул ладонью по исписанному корявым почерком листку. По такому же листку, который лежал в кармане у Андрея.

— Вот! Явочка на четыре кражи. С полным раскладом — где вещички, где адреса... Так что не гони волну, Айвазовский.

— Ты же грамотный опер, Ермак. Какая нужда Шершавого дуплить? Ну, не было б у нас ничего или если б он выделывался, как карась на крючке!.. А тут поработать немножко, как договаривались, — Светка, ларьки, пальцы...

— Вот сам бы и бегал по ларькам. Я не безвинного ангела херачил, понимаешь ты?! Я ворюгу, от которого людям никакой пользы, херачил! А по ларькам мне бегать некогда. Время нынче дорого! К диктанту готовиться надо!

— К какому диктанту? — опешил Андрей.

— Чаще на работе бывай. Послезавтра пишем. В управлении. Могу учебник одолжить. — Ермаков достал из стола учебник русского языка. — А с Шершавым я еще в изоляторе поработаю. Маловато он взял. Я штук на двенадцать рассчитывал. И заметь, правильный ты наш, не для себя ведь стараюсь. Людям хочу помочь. Порядочным. Потерпевшим.

Андрей вышел из кабинета и застыл на месте. А может, прав Ермаков? Кто такой Шершавый? Вор. Который должен сидеть. Не воровал бы, так и не харкался бы кровью. И чего переживать? Министры тысячи пацанов посылают на смерть и не очень-то переживают, судя по рожам в телеящике. А тут какому-то уркагану настучали по барабану... Угомонись, Воронов.

Он прислонился к стене и уперся спиной в фанерный стенд. Развернувшись, прочитал текст. «Правила правописания...»

Опер застонал, не разжимая зубов, и со всей силы врезал кулаком по фанере. Раздался хруст. Было очень больно.

Через день Андрей сидел в актовом зале и писал диктант. Текст читал подполковник милиции, старый штабной

волк с высшим гуманитарным образованием. Три здоровых омоновца в камуфляже и с шипящими рациями вразвалочку ходили между рядов и высматривали словари и учебники на коленях халявщиков. Три словаря уже было изъято, а их владельцы писали рапорты на увольнение. На бланках рапортов, размноженных на ксероксе, уже стояла резолюция. «Отдел кадров. Прошу подготовить документы». Подпись. Не повезло эксперту, оперу и следователю. Знатокам через «о».

Вечером объявили результат. Ермаков получил «отлично», Андрей и Антон — по «удовлетворительно». Андрей — за почерк (чертов гипс) и за ошибку в слове «брахицефал», а Антона подвело произношение — буква «г» в некоторых местах предательски исчезла.

«Тройка» не помешала обоим операм тем же вечером до чертиков, но зато от всей души нажраться на занятую у замполита сотню.

Глава 2. Дантист

Андрей сплюнул в жестяную, доверху завалешную окровавленными и мокрыми тампонами тару. Успел рассмотреть пару чьих-то удаленных гнилых зубов и окурок сигареты «Лайка». Выпрямился, запрокинул голову на валики, зажмурился и сжал подлокотники. Свет лампы нестерпимо бил в глаза, и Андрею вдруг показалось, что он на допросе. Он кожей почувствовал, как к лицу приближаются уродливые щипцы палача-дантиста, вжался в кресло.

— Шире рот, шире! Не стесняйся, не в трамвае, «вафля» не залетит.

Андрей не стеснялся, просто устал. Мужик ковырялся в его челюсти уже минут пятьдесят, периодически устраивая перекур. Лицевые мышцы давно занемели и не слушались. Вероятно, врач применял новейшую технологию — сначала пломбировал зуб, а потом его удалял. Светило стоматологии.

— Я сейчас сам тебе рот открою!

Андрей вспомнил симпатяжку в очках, рекламирующую зубную пасту. «Мой дедушка, старый маразматик, использо-

вал для отбеливания зубов соду, а я примсняю более эффективное средство — отбеливатель „Ас". Прекрасные ощущения!» Хрусть! Хрустнуло не яблочко, откушенное девочкой. Хрустнул коренной зубик оперуполномоченного Воронова. Как скорлупка грецкого ореха. Звякнул о плевательницу и скрылся среди слюнявых тампонов. Фу-у-у...

— В регистратуре возьмешь номерок на правую четверку. Не затягивай, там пульпит. Следующий!

В коридоре Андрей вытер лоб. Прекрасные ощущения. Хорошая, кстати, пытка. Расколешься тут же и чистосердечно.

— Ну как? Что-то ты долго. — Широколицый Палыч поднялся со скамьи.

— Му-му, — ответил цитатой Андрей.

— Понимаю. Ну что, в отдел?

— Угу.

— Ты давай в гардероб, возьми и мою шинельку, вот номерок, а я в регистратуру заскочу, там телефон есть. Говорят, депонент дают, Витька Мальцев получил сегодня.

Андрей с неким злорадством в душе посмотрел на ожидающих своей очереди несчастных, но, вспомнив про собственный пульпит, застонал. Может, нет никакого пульпита? Не болит же зуб. Брать номерок, опять дрожать в очереди, плевать в тампоны, нюхать перегар зубоживодера, плакать от нестерпимого света?

На улице, перед входом в поликлинику, Андрей выплюнул вату в сугроб, уже захарканный тампонами, и приложил горсть снега к горевшей щеке. Ка-а-айф...

К поликлинике строем подходил взвод отряда милиции особого назначения. Без песен. Жалко ребят. Легче пару заложников вытащить, чем больной зуб.

Из дверей вывалился злой, как раненый вампир, Палыч.

— Вот чего творят! Нет, видишь ли, денег! Ох, аферисты! Они, чувствую, на наши деньги бизнес крутят!

— Не крутят. — Андрей наконец восстановил речь. — Я тут с главбухом пил. Весь депонент ушел на закупку «Колгейта». Только не трепли никому, это секретная информация. Мне Михална на ушко сообщила, по пьяному делу.

— «Колгейт»? Это что, компьютер, что ли? Или аппаратура какая?

— Зубная паста.

— Ах да... Слушай, мне мяса надо купить домой, а тут гастроном недорогой. Я заскочу. Хочешь, подожди.

— Нет, у меня материалов гора.

— Ну, смотри. Будут меня искать, я еще в поликлинике.

— Хорошо.

Андрей двинулся к остановке. Пип-бип! Опер обернулся. Черный «ниссан-патрол» мигнул фарами.

— Дюша!

Щурясь от отражаемого снегом солнечного света, Андрей разглядел водителя, кивнул и открыл дверь машины.

— Здорово.

— Тебе куда, в отдел?

— Да, подкинешь?

— Садись.

«Ниссан» бесшумно тронулся и занял место в потоке.

— У тебя ж «мерс» был. Темно-зеленый такой.

— Жене подарил. Да и надоел. Нужен прогресс. Пару фирм на днях под «крышу» взяли, да банк один развели на кредит. Вот, прикупил. Ничего «джип».

— Что за фирмы-то?

— Ты, Андрюха, не беспредельничай. Я ведь тебе по дружбе.

Андрей усмехнулся. Борька Чернов, его земляк и почти однокашник, сейчас сидящий слева, тоже приехал в свое время в город ловить удачу. Наверное, поймал. И держал ее за горло своей мускулистой лапой. При всем желании удача не то что не могла выскользнуть из рук Чернова, но даже пискнуть не смела. Борька подъедался бригадиром бандитской группировки, держащей весь город, и носил кликуху «Дядя Бенс» — может, из-за фамилии, а может, потому, что первая фирма, на которую он наехал, занималась продажей кетчупа. Судя по «ниссану», кетчупом дело не ограничилось.

Андрей иногда сталкивался с ним — в основном лбом. Учреждения, представляемые двумя земляками, все-таки были антагонистичны. Однако во время этих столкновений Андрей занимал нейтральную позицию, вспоминая детский садик, где оба писали в один горшок. Былую дружбу в оперативных целях он не использовал (так и дурак может),

но и не сливал дяде Бенсу никакой милицейской информации, кроме той, что и так была всем известна.

Возможно, и сейчас у Борьки под сиденьем лежал заряженный «бульдог», но у Андрея даже в мыслях не было ломать Чернову руки и изымать оружие. Благодаря чувству дистанции, при котором служебные вопросы не пересекались с личными, приятельские отношения между Борькой и Андреем на протяжении последних лет не портились.

Раньше из-за этих отношений у обоих возникали определенные проблемы: Андрея дергал в кабинет замполит, а Борьку — на «стрелку» пахан, но все заканчивалось благополучно. Андрей ссылался на оперативное внедрение в банду, а Борька прикидывался, что вербует человека во внутренних органах. В конце концов все привыкли к этому бесконечному внедрению и не обращали на него внимания.

— Зуб, что ли, драл?

— Заставили.

— Ты дал, реально. Кто?

— Начальник.

— В отделе?

— В управлении. Поголовная стоматологиза... тьфу, язык сломаешь! Короче, операция «Чистые зубы».

— Чистые руки?

— Зубы. Все на борьбу с кариесом.

— Чего-то я не въезжаю, реально.

— И слава Богу. Я сам не въезжаю.

— Я не понял, это Педагог придумал?

— Слабовато у вас с информацией. Газеты-то читаешь? Радио, Ти-Ви?

— А чего я там услышу? Или увижу? Рекламу? Бредни про террористов? Для организации террористического акта я беру только самый свежий тротил и самый надежный бикфордов шнур. А теперь мой маленький секрет. Зажигалка «Крикет». Ба-бах! Спасибо моему маленькому секрету. Ха-ха-ха!

Борька заржал над собственной шуткой.

— И напрасно не читаешь. Педагога скинули.

— Ну?! За что?

— Точно никто не знает. По слухам, на деньги, выделенные министерством для покупки школьного инвентаря,

он отгрохал себе трехэтажный особняк. Официальная версия — в связи с уходом на пенсию по возрасту. Поставили нового. Бывший дантист. Вот, первые шаги к укреплению правопорядка.

Андрей ткнул пальцем в щеку. Борька снова хихикнул.

— А я гляжу, чего возле зубной поликлиники ментов столько. Думал, заминировали.

— Да лучше бы заминировали.

Приятели замолчали. Выскочивший на дорогу пацан, продававший обычно газеты, бегал вдоль притормаживающих на светофоре машин и рассовывал в окна рекламные портреты. На город надвигались выборы губернатора, из двух кандидатур горожанам предлагалось добровольно выбрать достойного. Избирательная активность населения была невысока, кандидаты пытались стимулировать ее самыми невероятными способами. Одна валютная проститутка в сугубо доверительной беседе рассказала Андрею, что сутенер заставляет их во время работы агитировать за одного из кандидатов. За агитацию платит зелеными. Причем вовсе не из кармана клиента.

Пацан сунул проспект в «ниссан». Борька скомкал бумагу и протер чуть запотевшее стекло.

— Кондишен барахлит. Надо съездить в салон разобраться, реально. У нас, Андрюха, тоже проблемы. Просто беда. Ты только никому, а то ведь разборки будут.

Андрей кивнул.

— Пана наш тут приболел.

— Автоген?

— Он самый. Сердечко прихватило. Ну, пацаны врачам-то «бобов» отмаксали реально, те операцию сбацали. Крутую операцию, ребята на всякий случай врачей из Штатов привезли. Для консультации. Конкретных врачей. Ну все, починили Автогену мотор. А у него амнезия приключилась после наркоза. Прикинь? Ничем не снять. Автоген почему-то решил, что он мать Тереза. Стал по больничкам ездить, по приютам. Весь общак на милостыню да одеяла перевел. Реально забыковал. Врачам-то пацаны сами после этого операцию сделали. По пересадке мозга друг другу. Без базара. Но толку? С Автогеном что делать? Грохнуть нельзя, он же имя, он — Автоген, пахан. Без него с нами никто и говорить

не станет. Пока выкручиваемся кое-как. Возим на «стрелки» в «тачке», но из машины не выпускаем. А то начнет одеяла раздавать. Так, издалека показываем, а трем на «стрелке» сами. Мол, Автогену западло с вами тереть, не того вы полета, сявки. Но слухи-то ползут. Расколют нас, тогда хреново. Борьба за стул начнется. Классовая и кассовая.

— Жидкий?

— Что — жидкий?

— Стул.

— Да нет, у меня нормальный.

Джип притормозил у крыльца отдела милиции.

— Ну, давай, братан. Ни пуха.

— Взаимно.

Дежурный крутился в огромном стоматологическом кресле, специальная медицинская лампа освещала пульт, не отбрасывая тени. На стеклянной перегородке, где раньше висел гипсовый герб, теперь лыбилась саблезубая американка, рекомендующая «Орбит». Лыбилась, конечно, фотография американки, что раздражало. В углу, возле «аквариума» с двумя пьяницами, валялись обломки глобуса.

— Мне есть что? — Андрей кивнул на книгу происшествий.

— Там, в коридоре, целая делегация. По твоей земле, какая-то заявочка непонятная. Вроде разбой. Я им велел тебя подождать, чтобы напрямую. Разберешься, зайди, не забудь.

— Хорошо.

Андрей достал из кармана платок, намочил его из графина, приложил к щеке и вышел в коридор.

Платок давно высох, но Андрей по инерции прикладывал его к щеке. Рана от удаленного зуба уже не дергала острой болью, но противно ныла. Это здорово отвлекало. Андрей никак не мог сосредоточиться, по нескольку раз повторял одни и те же вопросы и не сразу вникал в услышанные ответы. Происшествие, в общем-то, было незамысловатым. Натурально-реально обычный разбой.

В коридоре Андрея ждали трое. Первым он пригласил одетого в длинное элегантное пальто молодого человечка. Молодой человечек положил на стол сумочку-визитку и довольно нервно объяснил, в какую неприятную ситуацию

(кто бы мог подумать?!) он попал не далее как час назад. Он назвался Груздем Александром Алексеевичем, коммерческим директором акционерного общества полузакрытого типа «Люмпен Пролетейшн».

Этот самый «Люмпен» закупил партию новейших компьютеров «Покер» в крупном республиканском центре. Вся партия влезла в трейлер типа «КамАЗ». Денежки перевелись через банк, документация в полнейшем порядке. Стоимость товара — один миллион (лимон) американских долларов США. Сюда, в город, «КамАЗ» перегоняли два мудака-дальнобойщика, увы, без охраны (не успели заказать, понимаете, не успели), которым было велено без всяких остановок доставить груз из пункта А в пункт Б со скоростью сто километров в час. А они, уроды, все-таки не послушались старших. Остановились. И какая досада — на территории, охраняемой оперуполномоченным Вороновым, в то самое время, когда зуб оперуполномоченного летел в плевательницу-пепельницу. Или чуть раньше. Или чуть позже. Что не суть. Ссуть, как известно, в парадных. Если очень приспичит.

Старшему водиле-драйверу очень приспичило. За двадцать минут до пункта Б. И ничего под рукой — ни экологического унитаза, ни пустой бутылки, ни памперса, на худой конец. Не в форточку же... Холодно и некультурно.

Пришлось наказ нарушить, тормознуть возле невзрачного подъезда невзрачного дома буквально на две минутки — вывести жидкость из организма. Вот тут-то беда и приключилась. Когда поймавший «русский кайф» драйвер с легким мочевым пузырем и сердцем подходил к «КамАЗу», из остановившейся «копейки» без опознавательных знаков выскочили три сказочных молодца и под угрозой предметов, похожих на пистолеты (да настоящие!), в грубой форме произвели выемку второго шофера из кабины. Недальновидных дальнобойщиков этапировали в обгаженный кем-то подъезд (все зассали, сволочи!) и пристегнули парой наручников к паровой батарее, пригрозив расправой, если те начнут орать и звать подмогу. Для наглядности в кровь разбили старшему драйверу нос.

Когда, вдоволь нанюхавшись цветочного парадного аромата, водители, освобожденные от оков пробегавшим ми-

мо сантехником (спешу, мужики, спешу на заявку, клиент прежде всего), вышли на улицу, то ни «копейки», ни «КамАЗа», ни, тем более, компьютеров там не обнаружили. Чем и поспешили обрадовать акционерное общество «Люмпен Пролетейшн». Потерпевший Груздь не стал играть в детектива-частника и, схватив в охапку убитых горем драйверов, помчался в милицию. Вот вроде бы и все. «Помогите, чем могите, дай вам Бог здоровья и долгих лет бытия, мы в долгах не останемся. Зубы болят? Что ж вы молчите? У меня прекрасный врач. И берет недорого, тысяч пятьсот за зуб, хотите познакомлю?»

Андрей записал показания директора, попросил принести заявление с печатями, затем опросил старшего водителя, которому не вовремя приспичило, после вызвал молодого.

В настоящую секунду тот в красках (зеленые, синие, белые) пытался передать Андрею весь пережитый ужас. Ужас передавался очень натурально, без каких-либо расхождений с предыдущим рассказом.

Андрей, привыкший, а точнее, наученный горьким опытом не верить никому на слово, задавал коварные вопросы, стремясь на мелочах уличить во лжи потерпевших. Как известно любому сыщику, можно сговориться в целом, но в мелочах никак не договоришься — даже при наличии каспаровской шахматной памяти.

Водители, не обладающие шахматной памятью, в мелочах не расходились. Врать настолько уверенно физически невозможно. Поэтому Андрей прекратил бесполезные потуги и целиком переключился на обстоятельства похищения-разбоя «КамАЗа» с оргтехникой.

Парень, немного простоватый здоровяк, уже успокоился (стены, стены!) и довольно подробно называл приметы машины и преступников.

— Синяя такая «копеечка», старушка, крыло левое менялось, не родное. Диски бежевые, недавно крашеные. Салон не разглядел, стекла замерзшие. Что еще? Движок, возможно, барахлит. Пару раз глох, когда уходили.

— Откуда знаешь? Ты ж не видел?

— Ухо — не брюхо. С этим у меня без нарушений. Я ж шофер.

— Хорошо. Может, что еще расслышал? Имена, кликухи позорные. Бывает, в запарке слетает с языка.

Парень почесал подбородок.

— Да вроде не было. Так, когда грозились, понтовали. «В натуре» там, «кончай базар». Обычный, в общем, жаргон.

— Ладно, в глаза что-нибудь бросалось? Приметы особые, шрамы, наколки, бородавки? Прыщи?

— Да нет, ничего такого. Нормальные бычьи рожи, только что без рогов, но зато в «петушках». Нет, вру. Старший в кепке был. Ему в районе тридцатника, это молодняк в «петушках».

— Так, Леха, я сейчас договорюсь с экспертами, составите фоторобот. Ты хорошо лица запомнил, опознаешь, если что?

— Глаз — не противогаз. Попробую. Вроде на память не жаловался.

— Ну и отлично. Напарник тоже будет составлять, только перед тобой. Мы потом проверим, у кого из вас глаз вернее. Все, подожди в коридоре, я брякну экспертам.

Водитель встал, помял в руках мохнатую шапку (зачем их все мнут?) и шагнул к дверям. На пороге в нерешительности остановился (вспомнил, вспомнил!).

— Ну?

— Вы про жаргон спросили. Была одна фраза, не такая, как обычно. Я вспомнил. Когда в подъезде молодой Михалычу по носу саданул, на него этот, в кепке, наехал. «Что, — говорит, — а-зэ упало?» Да, да, так и сказал: «А-зэ упало». Может, это ругательство какое новое? Типа «крыша поехала», вы не слышали раньше?

Андрей пожал плечами.

— Нет. Сейчас этих неологизмов развелось, без словаря не прожить. «Пушки», «терки», «бобы»...[1] Наверное, и это оттуда. «А-зэ». Натурально.

— А, ну хорошо. Я так, на всякий случай.

— Передай своему напарнику, что в следующий раз... Словом, пускай терпит.

---

[1] «Бобы» (*блат.*) — деньги.

Шагая по коридору в дежурку регистрировать материал, Андрей увидел, что со стены исчез стенд с правилами правописания. Вместо него возник новый, более красочный. Зуб в разрезе. Назывался стенд «Причины возникновения кариеса».

«Хорошо, не сифилиса», — подумал Андрей и открыл дверь в дежурку.

Вечером, закончив работу, он завернул к дому, возле которого случилась драма. Никаких следов от драмы уже не осталось. Легкий снежок припорошил двор, лужа в подъезде подсохла, а окурков валялось столько, что собирать их и вычленять нужный стал бы только псих или проверяющий из управления. Андрей обошел квартиры. Драма подтвердилась. Люди видели «КамАЗ», видели «Жигули», видели бандитов и водителей. Звонить в милицию не стали, подумали, что совершается преступление. («Их же грабили, грабили! Что я, враг своим детям — в милицию звонить?!») Спасибо, что хоть рассказали и вышли на звонок.

Многие, впрочем, не выходили и не рассказывали. Но Андрею хватило свидетелей, чтобы убедиться, что история водителей имела место быть и они не спрятали «КамАЗ» сами, намереваясь толкнуть компьютеры налево, а все свалить на неизвестных в «петушках» и кепочке. Конечно, не исключено, что троица сговорилась с водителями и компания разыграла драму, как в театре, разбив для убедительности одному из участников шнобель, но доказать это на сегодняшнюю минуту реальной возможности не представлялось. Даже несмотря на обещанное Груздем поощрение. Сам Груздь ни на кого из сотрудников фирмы не грешил («Меня же все любят!»), никаких подозрений не высказывал («Кто знал про сделку? Господи, да все знали!»).

Получается, «КамАЗ» перехватили на въезде в город и висели на хвосте вплоть до полной остановки трейлера. Миленько. А если б не приспичило драйверу? Или терпел бы он, сжав зубами баранку? Это вопрос. Всем вопросам вопрос. Хотя кто его знает, какой план был у супостатов? Может, гаишник засланный машинку тормознул или дамочке козлоногой плохо стало на обочине? Мало ли... Драйверов опускают стабильно и регулярно. Они такие беззащитные.

Мороз щипал за обнаженные части тела, и Андрей поспешил на остановку. Город плотно оккупировала матушка-зима, принеся с собой пневмонию, бронхит и гололед. Андрей поплотнее запахнул легкую куртку — в прошлом году неделю валялся в горячке, как раз перед Рождеством. Добегался по морозу.

У Марины было тепло. Во всех отношениях. Андрей блаженно оттаивал, сев на маленький стул и прислонившись спиной к паровой батарее. Марина хлопотала на кухне, откуда в комнату проникал аромат жареной картошки.

Когда они сели к столу, Марина предложила выпить. «Чтоб дети грома не боялись!» Выпили. Андрей напряг память и вытащил из чулана два запыленных анекдота. Марина сделала вид, что ей смешно. Андрей сделал вид, что ему тоже. Выпили еще. Андрей похвастался вырванным зубом. «Бедненький, тебе было больно». — «Не очень. Но если б не приказ, в кресло не сел бы. Жалко зуб, даже больной. Он ведь мой, его корни во мне, а мои нервы в нем. А теперь он валяется в жуткой плевательнице, словно в морге. Мертвый. Отслужил. Отжевал. Лишняя деталь больного Воронова».

— Что с тобой, Андрюша?

— Старею. Извини, под каждую ерунду подвожу теорию. Глупости, конечно. По жизни надо шагать с высоко поднятой головой, радоваться всему, что нас окружает, и воспринимать все с благодарностью. Как в песне.

— Ты устал?

— Усталость вовсе не самое страшное состояние. Она не возникает просто так. Это реакция. Ты устаешь, когда отдаешь энергию. У тех, кто не устает, энергия уходит вхолостую. Налево. Может, я опять теорию подвожу или чепуху полную несу, но я очень хотел бы устать. Сейчас я живу вхолостую.

— Боже, какая глупость. Вхолостую... Может, у тебя хандра?

— Может быть.

Марина закурила.

— Как Пашка?

— Нормально. Две тройки, но четверть закончил прилично.

— Остальные двойки?
— Обижаешь.
— На каникулы никуда не отправляешь?
— Мать приедет.
— А Новый год?
— Я, ты и он. У меня. Да?
— Да.

Они помолчали немного, наблюдая за узорами табачного дыма и слушая свист ветра за окном.

— Знаешь, мне кажется, я знаю, в чем твоя беда. Ты слишком близко воспринимаешь каждый пустяк. При твоей работе надо быть толстокожим, как бегемот. Чтобы дробь шкуру не пробивала. А убиваться из-за каждой мелочи типа зуба здоровья не хватит.

— Я не убиваюсь.

— Поверь, я хоть и не психолог, но сущность людей угадываю довольно точно. Ты именно такой человек. И это не зависит от тебя. На Западе давно придумали пилюли для людей такого типа.

— Пилюли? Чепуха какая.

— Практичность. Когда ты предчувствуешь наступление неприятной психологической ситуации, глотаешь пилюлю. И все в порядке.

— То есть по боку? Так у нас давно придумано аналогичное средство. — Андрей щелкнул по бутылке.

Марина улыбнулась.

— Возможно. Люди, воспринимающие среду очень остро, спиваются. Или гибнут от инфарктов.

— Это моя перспектива? Спасибо, дорогая.

— Найди способ освобождаться от ненужных эмоций. А еще лучше — не пускай их, не придавай значения тому, чему действительно не стоит придавать значение. Создай внутри себя некий фильтр. Хочешь интересный пример? Индусы своих покойников сжигают, а пепел пускают по ветру над речкой. Но дрова у них вещь дорогая, на каждого не напасешься. Так они мертвеца чуть подпалят и сбрасывают в Ганг. Те плывут, пока их рыбы не съедят или стервятники не склюют. Целыми косяками плывут. А индусы Ганг за священную реку держат, пьют из нее, купаются, моются в ней. И никто не умирает от этого. Но

если я или ты выпьешь, то тут же в косяк попадешь. Почему так? Они просто не обращают на это внимания. Они искренне верят, что никогда не отравятся, ведь Ганг священен. Фильтр на уровне подсознания.

— Фильтр? — грустно повторил Андрей, наливая в свой бокал «Хванчкару». — Это, конечно, здорово, но, если честно, не хочется в пылесос превращаться.

С любовью в тот вечер покончили быстро, минут за пятнадцать. Гуд лак — гуд лак.

Возле дома Андрея опять окружили собаки. Маленькие помойные друзья. Клацали челюстями, наклоняли мохнатые лишайные головы к оставленным Андреем следам, пускали слюни. Псов прибавилось, свора осмелела. Две собаки приблизились к человеку вплотную, как бы оценивая возможную жертву.

«Почему их никто не ловит? — подумал Андрей, последние пять метров до подъезда преодолевая со скоростью хорошего спринтера. — Загрызут ведь, твари колченогие». В подъезде он стукнул по поясу, убеждаясь, что пистолет не выпал во время вынужденного рывка. Поднявшись на второй этаж, он увидел, что стая разбегается в разные стороны, как шайка разбойников после неудачного налета. «Неужели собрались вместе только для моей торжественной встречи? Спасибо, милые мои, но я уж как-нибудь сам».

Пашка еще не спал, по обыкновению наслаждаясь сериалами.

— Ужинал?

— Да, пельмени варил. Надоели.

— Там еще макароны остались. Что в школе?

— Сказали принести по пятьдесят тысяч.

— Зачем?

— Завтра идти к зубному. А поликлиника платная. У школы денег не хватает.

В кошельке оставалось тысяч шестьдесят. До получки, которую, по слухам, задержат на десять дней. Не надо было покупать Пашке книгу, как-нибудь протянули бы.

Андрей достал книгу из пакета. Она была яркой, с красивой обложкой, с крупным шрифтом и шикарными иллюстрациями. Но и стоила двадцатник. «Ариэль».

— Держи. Это лучше сериалов.

— «Ариэль»? Это про стиральный порошок?

— Нет,— негромко ответил Андрей.— Фантастика. Про мальчика, который умел летать, как птица.

— Опять сказки?

— Не сказки. — Андрей достал кошелек из куртки.— Вот деньги.

Он положил на стол пять купюр.

— Мы елку покупать будем?

— Ты хочешь?

— Конечно.

— Хорошо, купим.

Андрей убрал кошелек и отправился в ванную.

— Людей надо любить. — Фанат Херувимов по обыкновению развернул свежий номер «Вестей». — Это я не про себя. Я цитирую заголовок. Содержимое раскрывать?

— А'а, — кивнул Грицук. Оперы собрались в кабинете шефа на утреннюю сходку, сам шеф еще не появился.

— Вопр.: «Что сейчас, на ваш взгляд, является первостепенным для стабилизации работы правоохранительных органов, для повышения раскрываемых преступлений и улучшения криминальной обстановки?»

Отв.: «Мое глубокое убеждение, основанное прежде всего на жизненном опыте, заключается в том, что все должен решать человеческий фактор. К людям надо повернуться лицом. Людей надо любить. Людям надо улыбаться. Тогда и люди будут вас любить и потянутся к вам. Когда мы и люди окажемся в одной железной связке, никакая преступность нам не страшна».

Вопр.: «Что конкретно вы собираетесь предпринять на новом посту?»

Отв.: «Как я уже заметил, люди должны видеть наши улыбки. А что главное в улыбке? Это зубы. Хорошие, крепкие, белые зубы! Без кариеса, без больных корней, без искривлений. Вы посмотрите, что сейчас происходит. Человек, придя в милицию, натыкается на дежурного, у которого не улыбка, а сплошной пародонтоз. У участкового — запах изо рта, у постового — дырка на дырке от никотина. Разве такому сотруднику гражданин может доверить самое сокровенное? Разве может он надеяться на какую-либо помощь?

И еще один немаловажный момент. Хватит идти на поводу у преступности! Хватит обращаться с ней как с невинной девочкой. Пора преступности показать зубы! Но хорошие, надежные зубы! Хватит лаять на нее, как слон на Моську! Кусать так кусать!»

Вопр.: «Сейчас в городе проводится операция „Чистые зубы". Каковы ее основные задачи?»

Отв.: «Задачи те же, о которых я упомянул ранее. Выявление не желающих работать по-новому сотрудников и удаление их из наших рядов. Щипцами! Без новокаина! Я уже отдал приказ в подразделение о составлении списка таких лиц и лично займусь аттестацией каждого. Но мы не забываем и о поощрениях. Возрождаем институт почетных грамот, благодарностей, досрочных званий. Людей надо, надо любить...»

Фанат Херувимов свернул газету и мрачно прокомментировал:

— Да плох тот дантист, что не мечтает стать начальником милиции. Тоха, ты чем зубы чистишь?

— Ко'да «Помарином», а ко'да ничем.

— Ты первый кандидат в список. Мужики, кого под танк бросим? Вернее, под бормашинку? В приказе сказано, одного человека от отдела.

— Отжеребимся.

Женька Ермаков поковырял ногтем мизинца в зубах и подцепил застрявший в огромном дупле кусочек сыра.

— Эх, чудны твои дела, Господи. Полный пи... Не успели к учителю привыкнуть с его диктантами, нового назначили. С зубами. И соответственно, с новой командой. Слышали, кто у нас теперь начальником городского розыска?

— Ну?

— Бывший протезист. Он с нашим в медицинском училище учился. Шире рот, господа, шире рот! Вчера приказ пришел.

Оперы замолчали. Андрей достал маленькое зеркальце и попытался рассмотреть пульпит в своей «четверке». Не получилось, слишком темно. Тоха бросил в нечищеный рот подушечку «Дирола» и громко зачавкал. Ермаков продолжал манипуляции мизинцем.

Появился задержавшийся Петр Сергеевич Поперечный, начальник уголовного розыска отдела, по кличке, естественно, «Продольный». В отличие от Михалыча, начальника всего отдела, оперы к Поперечному относились без особой симпатии. Петр Сергеевич отвергал основную заповедь спецслужб — в разведке все равны, начиная с солдата и заканчивая генералом. Все имеют право голоса. Субординация в разведке чревата дипломатическими скандалами, концом дружбы народов, потерей военной техники, поражением на выборах и так далее, в зависимости от целей разведслужбы. Порядок, конечно, должен быть, но порядок и щелканье каблуками — вещи немного разные.

Поперечный аккуратно повесил куртку на плечики, поправил челку перед зеркалом и сел за стол, бросив перед собой книгу происшествий.

— Грицук, что там по драке в ресторане?

— А шо? Нормально там все. Черножопо'о на «перо» посадил сынок управляюще'о 'ородским коммерческим банком. Я вчера двух свидетелей крутанул. Да и сам черный опознать сможет. Се'одня сыму это'о сынка и по полной про'рамме. Не хер в кабаках ножом махать.

— Это точно он? — Поперечный потер подбородок.

— Точнее не бывает. Натуральный 'авнюк! Раз папашка шишка, можно быковать. Я ему ро'а обломаю.

— Никому ничего обламывать не надо, — неожиданно строго произнес Поперечный. — Поедешь к черному в больницу и возьмешь заяву, что он ничего не хочет. Материал спишешь.

Тоха нечаянно проглотил «Дирол».

— Как это? Там же ножевое, проникающее! В любом случае возбуждаться надо.

— Хорошо, возбудим как «глухарь».

— Какой «'лухарь», Петр Сер'еевич? Сынок же...

— Ты что-то не понял, Грицук? Сейчас показатели никого не волнуют, нам этот «глухарь» до задницы. К вечеру подготовишь материал. И никого снимать не надо.

Андрей улыбнулся. Милицейский расчетный счет был открыт в городском коммерческом банке, и зарплата сотрудников в прямом и переносном смысле находилась в руках управляющего. И можно не сомневаться, что Поперечный

уже получил указание держать ситуацию с сынком на должном контроле. Чтобы без неожиданностей. А то и так с зарплатой и материальной базой органов сплошные недомогания.

Тоха, как молодой и глупый (да просто дурак), политику чувствовать не умел и мог наломать дров. Андрея, правда, удивило другое. Лет пять назад начальник ни в коем разе не давал бы прямых указаний. Или как-нибудь намекнул бы, или что-нибудь смухлевал. Но... Значит, время стесняться прошло. Что естественно, то не позорно. Тоха опять загундосил:

— Да вы шо, Петр Сер'евич? Я вчера полдня на свидетелей у'робил! А завтра этот сынок в ресторации 'ранату взорвет. И шо? Опять 'уляй, Вася? Пускай сидит!

Поперечный выдержал дипломатическую паузу и, прищурив левый глаз, спросил:

— А у тебя с зубами все в порядке? Ты у врача был?

Грицук растерянно заморгал:

— Ко'да ж я успел? Тю! Я по этому ножевому крутился! И при чем здесь зубы, Петр Сер'еевич?

— При том, что в городе идет операция «Чистые зубы», ясно? И идет она для всех без исключения! В том числе без исключения для оперуполномоченного Грицука. Или тебя не интересуют установки управления? Смотри, Грицук, список пока не составлен...

— Да я...

— К вечеру вместе с материалом принесешь справку от врача. Все, *вопрос снят*.

После сходки Андрей посоветовал Грицуку:

— В нашу ментовскую поликлинику не ходи. Там не врач, а коновал. Я всю ночь на анальгине сидел.

— В платной доро'о.

— Тогда терпи.

— А с материалом шо?

— Ну, слышал же... Ничего.

Когда Тоха уехал, в кабинет виновато заглянул фанат Херувимов.

— Братан, такое дело... Я вчера в вашем кабинете торпеду шлифовал, понимаешь?

— Чего делал?

Херувимов до прихода в милицию долго служил на подводной лодке и частенько пользовался морской терминологией.

— Ну, девчонку насиловал. На вашем диване. У меня своего-то нет. Ты глянь по столам на всякий случай, ничего не пропало? А то я ее на улице заторпедировал.

— Охерел совсем?! — Андрей дернул ящик стола. — У меня тут «сообщенки», «установки»... А покрывало кто стирать будет? Тетя Ася? Не покрывало, а «Поле чудес». В натурс а-зе упало!

Последняя фраза сорвалась совершенно случайно — просто в голове Андрея сидела вчерашняя история с ограблением драйверов.

Херувимов поменял виноватое выражение лица на крайне удивленное.

— Хе-хе... Братан, ты, что ль, тоже лодочник?

— Я убью тебя, лодочник! Какой еще лодочник? Все, блин, поставлю новый замок, ни одну клячу не притащите! Свои диваны доставайте!

— Да погоди ты! Ты на какой лодке служил?

Теперь уже Андрей обалдело уставился на фаната.

— Ну, ты сказал: «А-зэ упало». Или мне послышалось?

— Сказал...

— Ну?! Так на какой?

— Я не служил... Это... Это...

Андрей почувствовал, как участился пульс. Словно у гончей, почуявшей дичь.

— Это случайно. У меня один знакомый так ругается. Я по инерции. Кстати, а что это значит?

Херувимов сел на диван.

— А-а... Я уж думал, братан, мы с тобой одной крови. «А-зэ упало» — это полный пи... ну, то есть все, кранты. Твой кореш, что, на атомной служил?

— Да вроде.

— Я так и подумал. Это словечко у каждого атомщика на зубах. «А-зэ» — аварийная защита реактора. Когда она выходит из строя, то есть падает, лодка превращается в радиоактивный кусок железа. Это самая большая жопа, которая может случиться в походе. Попадание торпеды по сравнению с этим — комариный укус.

Андрей кинул взгляд на карту города. В северной части размещались порт, несколько ремонтных баз, небольшой заводик-верфь.

— А у нас здесь атомные лодки появляются?

Вопрос был задан коряво, но Андрея интересовал сейчас не слог. Фанат Херувимов понял, что имел в виду коллега.

— А откуда ж я, по-твоему, взялся? Пять лет назад ракетный подводный крейсер стратегического назначения системы «Акула» пришвартовался к пирсу нашего любимого городка для производства ремонтно-профилактических работ. Как пришвартовался, так до сих пор и стоит. Сначала не было запчастей, потом — денег, потом — еще чего-то. В конечном итоге лодку выкупил у российского флота какой-то деятель и устроил в ней гостиницу с рестораном. Ресторан кормил толстосума где-то год, потом закрылся. Что сейчас стало с лодкой, я понятия не имею, но она наверняка еще у пирса торчит. Скорее всего ее распилят и продадут прибалтам как металлолом контрабандным образом.

— А экипаж? Экипаж-то куда делся?

— Да разбежались кто куда. Я год помаялся, уволился и сюда, в ментуру, подался, благо в городе жил. Многие тоже уволились, но по домам разъехались. Кое-кто тут осел.

— Ты знал весь экипаж?

— Нет, конечно. Сто восемьдесят человек, а наша команда была сборной, с разных лодок, вместе всего пару месяцев оттрубили. Своих-то, естественно, знаю.

— Других лодок в городе нет?

— Нет, наша одна красавица.

— И где можно узнать список экипажа?

— А зачем тебе?

— У меня материал тут один... Возможно, с лодки люди.

— Ну, лет пять назад существовал штаб ремонтной бригады в порту. Там были списки экипажа.

Андрей уже заряжал чистый лист в машинку. Запрос был готов через минуту.

— Мне дадут сведения по такой писульке? Это не секретная информация?

— А ты поставь в углу «секретно», и вся любовь. Но я думаю, от тех секретов одно название осталось. Рокеры

да панки всю лодку баллончиками разрисовали. Это теперь не лодка, а морской пейзаж в стиле Матисса.

Андрей допечатал в углу гриф, бросил бумагу в папку и, накинув куртку, помчался в порт. На автобусе.

Ко второй половине дня он уже кое-что имел. Штаб, как ни странно, еще функционировал. Андрея поначалу даже слушать не захотели, но, увидев предъявленный лист с магическим словом, тут же извинились.

Моряков из числа местных жителей в списке насчиталось девять человек вместе с фанатом Херувимовым. Примерно сто двадцать человек рассосались по просторам родимой страны, уволившись к черту, о чем имелась отметка, пятнадцать остались во флоте и бороздили океаны, потопляя вражеские суда и гоняя пиратов. А все остальные осели здесь. Возможно, без прописки. Обрадовавшийся было Андрей к концу изучения секретных материалов призадумался. Отыскать тридцать человек даже в небольшом городе о-о-очень, блин, тяжко. Если тратить день на человека, плюнув на все... Ого, месяца полтора.

Тем не менее Андрей аккуратно выписал всех бывших подводников — пока есть над чем работать, надо работать, другого-то все равно ничего нет.

Вечером случилось ЧП. Когда Андрей вернулся из путешествия по городским паспортным столам, фанат Херувимов загробным голосом поведал ему о трагедии.

— Тоха влетел.

— Куда влетел? По пьянке?

— Хуже. На мель сел. Пошел утром зубы ремонтировать. К частнику. Цены увидел, ствол достал и говорит: «Чини зубы, красноперый, если жить хочешь!» Патрон в патронник. В кресло забрался. Докторишка, Айболит несчастный, вместо новокаина спотворное Тохе зарядил. Ну и все! Так Тоху в кресле и повязали. Отдел собственной безопасности. Прокуратуру с лету подключили. Тоху на трое суток в камеру. Полный пи... полный. С тебя треха на передачку. Сам знаешь, какая в изоляторе кухня. Макароны с говном да компот из сточных вод.

— Что возбудили? — Андрей достал кошелек.

— Не знаю точно. То ли разбой, то ли превышение служебных полномочий. Я Тоху понимаю, у него кариес

на кариесе, а в нашей зубодерне бормашины с педальным приводом. Спятишь, пока досидишь, или тик наживешь.

— Слушай, трехи не наберется, сдай за меня. С получки верну.

— Хорошо.

— Наши поехали разбираться?

— Поехали, а толку-то... Если не посадят, так уволят. Тоха на святое покусился, на зубы. Ты ж понимаешь, в свете решений партии... Обойдется, если начальника скинут, дантиста.

«Господи, за что ты так не любишь милицию?» — подумал Андрей, возвращаясь в кабинет. По пути он завернул в туалет и глотнул воды из-под крана. Противной, скользкой болью напомнила раненая верхняя «четверка». Потревоженный холодом нерв-червячок недовольно задергался в своем домике. Андрей приложил теплую ладонь к щеке. Червячок успокоился.

В кабинете он вытащил из папки несколько ксерокопий «несгибаек» с фотографиями храбрых морских волков. Маловато. Всего семь штук. Это те, что получали паспорта в их городе. Фотографии остальных придется доставать окольными путями. Он сравнил их с фотороботами. «Роботы» были примитивными, эксперт имел навыки работы с компьютером, но как художник никуда не годился. Однако на безрыбье...

Один из морячков нес на своем лице отдаленное сходство с творением мастера. Андрей пробежал глазами «несгибайку». Тридцать лет, родина в каком-то Белозубове (где это?!), поменял паспорт на удостоверение личности офицера, затем вернул себе гражданский облик. Не женат (подозрительно!), русский, родители, место жительства... Место жительства. Оба-на! Воронов, на каком месте жительства были твои глаза?! Вечно они смотрят вдаль! Тихо, тихо, тихо... Машина... С замерзшими стеклами! Если бы они ехали за «КамАЗом», стекла всяко оттаяли бы. И двигатель! Пару раз глох. Конечно! Попробуй слиняй на непрогретом движке!

Андрей опять почувствовал, как застучало в висках. Спокойно, спокойно... Всякое бывает, наперед не загадывай.

Бывший моряк с «Акулы» жил в соседнем от места происшествия доме. Класс! Но... Бомбить фраеров рядом со сво-

им домом? Риск же! Сумасшедший риск! Любая соседка, тетя Ася, или там дедок с лавочки (шпионы хреновы) высмотреть могут. Случайно-специально. «Здравствуй, сынок. Ты никак грабишь кого?» — «Да, Егорыч, вот чуваков на компьютеры опускаю». — «Ну, Бог в помощь, мне штучку не оставишь?» Поэтому спокойней дыши, Воронов, спокойней.

Андрей снял трубку, набрал номер. Молодой драйвер оказался дома. «Давай, пулей сюда!» Второго не застал, тот вышел по делам. Ладно. «Передайте, что жду».

Проглотил холодную сосиску с булкой. Запил чаем без сахара. Быстрее, быстрее! Предчувствие победы. Предчувствие кайфа. В башке только это. Ни начальников, ни зубов, ни даже бедного Тохи. Все улетело. Осталось возбуждение азартного игрока. «Вот две шкатулочки, в одной миллион баксов, во второй — почетная грамота. Выбирай!» Ура, угадал! Сбылась мечта идиота! Теперь я уважаемый человек. С грамотой.

Молодой драйвер прибыл, как велели. Пулей. Андрей разложил «несгибайки» на столе, как пасьянс. Выбирай.

Парень выбрал с первой попытки. В десяточку.

— Вот он, плесень, вот!

— Уверен?

— А то! Я его, козла, ночью узнаю, на ощупь!

— На ощупь не надо. — Андрей быстро собрал «несгибайки» и спрятал их в столе. — Слушай внимательно и запоминай. Я тебе ничего не показывал, и ты ничего не видел. Так положено по закону. На днях тебя вызовут и предъявят его живьем. В присутствии понятых. Вот тогда и опознавай на здоровье. Но есть еще и другая причина. Не вздумай ляпнуть об этом своему напарнику.

— Ваське? Да быть не может! Почему?

— Потому что ссать ему приспичило!

— Он «пепси» всю дорогу пил. Рекламы насмотрелся. «Новое поколение», «новое поколение»! Бутылок пять высосал. Я бы тоже не вытерпел.

— Плохому киллеру свидетели мешают, понял? Все, бегом домой и о нашей встрече ни-ни. Иначе на твоих похоронах «пепси» будем лакать.

Водитель кивнул, натянул шапку и на цыпочках вышел. Андрей с улыбкой потер руку. «Все, ребятки, теперь

вы мои. Теперь я из вас что угодно вылеплю, как из пластилина. Хоть памятник бакинским комиссарам».

Андрей прикурил сигарету. «Так, все хорошо, но одного опознания маловато. На одном опознании никого не арестуют, максимум задержат на трое суток, как Тоху. Нужны компьютеры. Единственная и неповторимая улика. Поищем, хорошо поищем. С усердием».

В кабинет заглянул второй водитель, Вася-Василек. Явочку с повинной не принес? Напрасно. Она, как известно, смягчает кожу (тьфу, дурак, это ж не «Джонсонс Бэби»), то есть наказание.

— Вызывали?

Колоть или?.. Рановато будет. Физиономия у него к доверительной беседе не располагает. Обидеть можно человека подозрением. Да и повод дать к началу активных действий по зачистке следов. Нет, нет, поиграем в «подкидного дурака».

— Да, Василий Михайлович, формальность. Несколько фотографий достал, может, кого признаете?

Вновь пасьянс, но уже без опознанного ранее субъекта. (Спорим, не опознает?)

Внимательное, внимательное изучение. Натуральный, экологически чистый интерес. Кряхтение, прищуривание, наклон к свету... (Тебе, папаша, в кино сниматься, Шварценеггера играть, все «Ники» твои.)

— *Вот в этом что-то есть. А так никто...*

Ничего в «этом» не было и быть не могло. Но сыграно прекрасно. Теперь мой ход.

— Очень хорошо, Василий Михайлович, очень хорошо. Мы его тоже подозреваем. Ранее судимый, в детстве проявлял садистские наклонности, душил кошек. Мерзавец, одним словом! — (Бедный подводник!) — Мы им сегодня же займемся. А вам огромное спасибо. До свидания. Ждите ответа.

«Так, что там нам Груздь обещал в случае удачи? Безмерную благодарность? Ну уж пульпит он мне бесплатно вылечит. И чтобы без боли. Иначе полное свинство с его стороны. Зубы! Черт, про Тоху забыл! Его ж наверняка крутить начнут. Отдел внутренних расследований не даром хлеб кушает. Они за шкуру каждого изобличенного

предателя тоже почетную грамоту имеют. Значит, придут, век свободы не видать, придут».

Андрей пересел за стол Грицука и принялся рыться в ящиках, отыскивая всевозможный компромат. В столах оперативников всегда столько компромата, что хватит посадить целый отдел. «Наши тоже хороши. Деньги на „дачку" собирают, а о главном забыли».

Грицук, должно быть, специально складировал дерьмо на самого себя, будто ждал, что его будут обыскивать (эх, молодежь, молодежь). «Зажатые», незарегистрированные заявы, дела оперативных разработок с кучей грифов. И просто секретные бумажки, различные расписки. Тут же контрацептивы корейского производства, карманный «шпи-бспи», порнографический журнал, какие-то допросы, бланки. Все вперемешку, как в салате оливье. Вместо майонеза липкая, засохшая бормотуха — след недавно отмеченного Дня милиции. Моральный упадок, одним словом. Дебош! Набегает лет на пять с выговором в личное дело.

Андрей рассортировал все по местам, секреты убрал в сейф, «зажатые» заявы спрятал в диван (тайник), контрацептивы и порнографию уничтожил. На столе как символ прогресса в органах красовался японский телефон с автоответчиком — подарок Грицуку одного богатого потерпевшего. Убрать? Ведь изымут, решат, что нетрудовой доход.

Нарисовался фанат Херувимов.

— Домой идешь?

— Что, диван нужен? Свободен, товарищ. Хоть сегодня совесть поимей, Грицук на парах, а ты на его диванах...

— Да не собирался я. Просто время уже, пошли, нам по пути.

Андрей взглянул на часы. Действительно, хватит государство на шею сажать. Оно, государство, этого не оценит. Гуд лак.

«Частная собственность. Вход строго запрещен!»

Андрей прочитал покосившуюся табличку на парапете пирса и пожал плечами. «И что дальше? Стрелять будете? Или ракету пустите?»

Красавец (когда-то) ремонтный подводный крейсер стратегического назначения, украшенный надписями типа «RAP — говно», «Skin», «Хайль Гитлер», «Fuck you», «Ста-

лиц, вставай — Россию продали» и прочими перлами, намертво врос в лед. Огромная двухсотметровая сигара чернела на фоне белоснежного залива, как пятно от кофе на постиранной обычным порошком скатерти. Неоновые буквы на рубке, некогда горевшие, а ныне потухшие, указывали, что раньше на крейсере ютился коммерческий ресторан «У Лексеича». Кто такой рубаха-парень Лексеич, вряд ли кто знал наверняка, но без сомнения последний имел капиталистический тип мышления. Ют лодки обленили грязные чайки, со швартовых, паутиной тянущихся к береговым кнехтам, свешивались метровые сосульки, грозя трепанацией черепа проходящим под ними любителям зимней рыбалки. А любителей, судя по еще не замерзшим лункам, обитало здесь в изобилии, как чаек на юте. Правда, сейчас, в четвертом часу, сидел всего один — либо уснувший, либо уставший по причине принятия согревающе-тонизирующего внутрь.

Въезд с дороги в порт никем не охранялся, хотя имел грозный шлагбаум. Кроме лодки, у пирса не было ни одного судна, ближайший причал выплывал из тумана метрах в трехстах.

В целом очень, очень заманчивая натура для съемок мрачного триллера в стиле «Восставших из ада».

Андрей, поправив табличку о частной собственности Лексеича, перелез через парапет и спрыгнул вниз, на лед. Сюда он приехал без особых надежд, решив до конца проверить полученную утром информацию. Информацию прошепелявила бабуля, имевшая общую стенку с налетчиком — экс-мичманом Юрием Лаптевым, однофамильцем моря в северных широтах Родины.

После увольнения из флота названный пацан длительное время пропивал накопленное в морях состояние, потом устроился вышибалой в ресторан («Жратву домой таскал неподъемными сумками!»). Тогда же прикупил машину («В марках не разбираюсь, но цвет синий»). Дальше, бабка, дальше. А дальше опять от рук отбился. Что ни день, то компании бандитской направленности (пьянки, мат, гульба), женщин очень любит, косяками водит (странная бабуля, кто ж их не любит?). На какие-такие материальные средства живет — неведомо, потому что в общест-

ственно-полезном труде не задействован. Короче, загулялся Лаптев на свободе. Пора его или назад, в однофамильное море, или сами знаете куда. Спасибо, мамаша, а в какой ресторации он вышибал? Да известно в какой. В порту, в подводной лодке. По старой памяти, наверное, морская душа всегда молода.

Окна Лаптева выходили как раз на место злополучной остановки. Очень удобно. Сиди и наблюдай. Увидел машину — и вперед, к перископу. А дальше дело пяти минут. Может, поэтому они тут все и затеяли? Кепочку на глаза, воротничок повыше. Машина? Ну, мало ли синих машин? И потом, ни одному менту в голову не придет, что преступник до того оборзел, что грабит в собственном дворе. Пришло тебе, Воронов, в голову? Не пришло. (Ну, если честно, то тебе давно в голову ничего не приходит.)

И «КамАЗик»-то, кстати, сегодня утром нашелся. Целый и невредимый, разве что грязный и пустой, как старый тюбик «Аквафреша». Без компьютеров, конечно. («А вы надеялись?» — «Ну, всякое бывает».)

Обнаружился трейлер аккурат на противоположном от порта конце города. И аналитический ум опера Воронова, нашпигованный глубочайшими знаниями психологии, дедукции и криминалистики, мгновенно среагировал на занятный факт. Вот он, коварный замысел рецидивиста, — раз здесь «КамАЗ», где-то рядом и груз. Ищите! Непременно отыщем.

Рыбачок не спал. Услышав приближающиеся шаги, он обернулся, свернул находящуюся в руках газету и снял с носа очки. На Андрея глянули слезящиеся неподдельной болью, повидавшие жизнь глаза.

— Вы поглядите, до чего дожили! — отчаянно-возмущенным жестом стукнул он по газете. — Послушайте только: «Вчера сотрудники ОБЭП нашего города задержали братьев Огогоевых, выходцев из Закавказья, которые организовали в одном из подвалов производство фальсифицированных видеокамер „Sony-handycam". Дело было поставлено на поток. В жутких антисанитарных условиях из низкокачественного сырья аппаратура собиралась местными бомжами за мизерную плату, после чего выставлялась на продажу в ларьки, снабжалась липовыми сертификата-

ми качества. Проведенной экспертизой установлено, что видеокамеры Огогоевых хотя и превосходят по некоторым параметрам „Sony", но зато явно уступают им в цене. Гастролеры из Закавказья арестованы, ведется следствие. Нанесен еще один удар по кавказской мафии». Ну, как вам?

— Беспредел, — согласно кивнул Андрей.

— Эх-эх-эх, — гневно вздохнул пенсионер. — Распустили черных. Жириновского пора, Жириновского. Порядок нужен. Ты поблесновать пришел? Зря. Хреновый сегодня клев.

Рыбачок покосился на двух дохлых рыбешек, валяющихся возле лунки.

— Не, отец, не любитель. Я в ресторан, перекусить. Где вход-то тут?

— Так закрыто заведение. Уж как год. Вход-то вон, с носа. Через торпедные аппараты. Дверь железная с замком.

— Как закрыто? Я в газете рекламу читал! Европейская кухня, обслуга, дешевые цены. Да и мужики сказали, что продукты на днях завозили.

— Никаких к черту продуктов! Я в тот день блесновал. Тоже перепугался. Неужели снова откроют? Тогда прощай, рыбешка. А тут место знатное. Глубокое, и берег рядом. Подошел, спросил у мужиков: «Что, снова?» Успокоили: «Сиди, батя, дальше, за поплавком наблюдай. Вещички похраним». Так что врет реклама.

— На то она и реклама, — согласился Андрей. — Мужики не на «КамАЗе» приезжали?

— Да, кажись.

— Коробки в лодку грузили?

— Ага, белые такие.

— Вот сволочи! Разыграли! Это корешки мои. Ресторан, ресторан... Хорошо, хоть не с бабой пришел.

— Да, за такое морду бьют.

Дедок достал из тулупа другую газету и углубился в чтение, давая понять, что собеседник ему надоел.

Андрей обогнул лодку, остановившись возле ее широкого носа. Действительно, именно здесь располагался вход в ресторанчик, а не в рубке с неоновой вывеской. Крупную металлическую дверь, напоминающую огромную заплату, скреплял с корпусом массивный навесной замок. «Добро пожало-

вать». Андрей по привычке дернул замок. Еще раз добро пожаловать. Знать бы наверняка, что оргтехника здесь, можно и перепилить. Дужка-то дерьмовая.

Слева по борту, от ватерлинии к палубе, тянулись приваренные к корпусу металлические скобы-ступени. Андрей поглубже натянул шапку и смелым альпинистом пополз наверх. Ступни привели прямиком к торпедо-погрузочному люку. Люк был задраен не металлической массивной дверью, а стеклянным цветастым витражом, сквозь который в ресторан проникал дневной свет. «Ни хрена не видно, однако», — такой вывод сам напрашивался в голову. «Будем бить, возможно, ногами. Крейсер не обидится, над ним уже вволю потрудились. Кстати, сколько эта посудина стоит? Говорят, две таких игрушки недавно продали Ирану. Мать твою, неужели наш Лексеич богаче ихнего шейха?»

Осколки искрящимся водопадом полетели вниз, звонко рассыпались по натертому паркету. Все равно темновато. Андрей опустил руку с фонариком в пробитую амбразуру и напряг зрение. Есть!!! Белые коробки стройными рядами стояли вдоль переборки. Ура! Пульс вновь заиграл туш. Победа! Ни с чем не сравнимое чувство гордости и блаженства. Хочется прыгнуть с палубы и лететь к берегу.

Андрей быстро выпрямился, отряхнулся от снега, плюнул в разбитый витраж и спустился на лед.

Рыбачок возмущался очередной проделкой мафии — довольно громко и искренне. Наверное, какие-нибудь братья Садыковы собирали с народа деньги в пользу земляков-беженцев, обещая тысячу процентов годовых. В том случае, конечно, если беженцы не убегут.

Андрей, чтобы не мозолить деду глаза, обошел лодку с другой стороны и вскарабкался на пирс. Ломать замок он сейчас не будет. Во-первых, нечем, а во-вторых, рано. Товар спрятан основательно, забирать его налетчики, пока пена не уляжется, вряд ли станут, а поэтому торопиться не будем. «Завтра захвачу Херувимова, Тоху (если из тюрьмы отпустят), понятых, постановление на выемку, инструмент, самосвал, и с Богом, в добрый час. После этого как вы, ребята-налетчики, ни выкаблучивайтесь, вы уже никакие. У-са-дим! Без комментариев».

Через час Андрей вернулся в отдел. Тоху, продержав ночь в камере, действительно выпустили под подписку о невыезде и направили по месту его службы постановление об отстранении от должности. Тоха кипел, словно смола в котле, рассказывая, как «'андурасы из отдела внутренних расследований пытались выбить из не'о признанку». Грицук держался, сколько мог, затем топнул ногой и загорланил народную песню «Виновата ли я?». Заработав тем самым себе свободу — «да он же дурак абсолютный».

Заглянул замполит и, сверкая белоснежной челюстью, довел до личного состава, что пришла очередная телеграмма из управления. Рекомендуется вылечить зубы не только сотрудникам, но и членам их семей, чтобы члены не оказывали пагубного воздействия на личный состав. А ближайшая суббота объявлена «Днем здоровых зубов». О мероприятиях на этот день будет сообщено дополнительно.

— Интересно, — заметил фанат Херувимов, когда замполит ушел, — что гражданину важнее — здоровая улыбка сотрудника или найденное барахло? Когда у меня прорвет трубу и говно попрет наружу, мне до фонаря, что творится во рту у сантехника. Лишь бы он трубу залатал, а там хоть вообще без зубов пускай ходит.

— Ты не прав. Порядок в голове начинается с порядка во рту.

— Черт с ними, с вашими зубами, — довольно сказал Андрей, — я компьютеры нашел!

— Ну? Где?

— В вагоне-ресторане, тьфу, мать вашу. В подводной лодке. Завтра подгребайте пораньше, съездим, извлечем. Себе штучку оставим, пригодится. Всех подучетников туда забьем.

— Круто, — почесал затылок Херувимов. — Как вышел? Стуканули?

— Конечно.

— Кто?!

— Да ты и стуканул! «А-зэ упало»!

— Ах, леший!

Андрей улыбнулся и, пожав руки коллегам, отправился на территорию к знакомому шоферу договариваться насчет самосвала.

— Демократия залезла ко мне в постель. — Фанат Херувимов перевел дух и вытер рукавом куртки вспотевший лоб. — Насилую вчера любимую женщину, а она в самый решающий момент шепчет: «Валера, ты за кого голосовать собираешься — за старого губернатора или за кандидата?» Я ей чуть по фейсу не зарулил. Скоро дети будут рождаться с предвыборной платформой. Натурально.

— Не сачкуй, давай жми.

— Да все уже. — Валерка пару раз вжикнул полотном ножовки по дужке, и замок развалился.

Андрей с Антоном приоткрыли тяжелую дверь и, включив фонарики, устремились в чрево корабля. Заскрипел паркетный пол.

— 'ероические ребята! Ты 'лянь, Андрюха, шо они сотворили из национальной 'ордости! Бордель с ядерной боеголовкой!

— Помолчи. — Андрей заметил наверху стеклянный витраж. — Вот здесь.

Через пару секунд он лихорадочно тыкал в темноту лучом, не видя перед собой ничего, кроме отделанных китайским шелком ресторанных стен. Коробок не было.

— Что за (пи-и-и-и), Тоха?! Вчера же (пи-и-и) были! Вот тут, прямо под дыркой!

— Может, показалось?

— Я еще не совсем (пи-и-и)! Во, гляди!

Андрей нагнулся и поднял кусок белого картона.

— «Покер»! На, читай!

Он в отчаянии отшвырнул картонку и бросился к двери. Копаться в недрах лодки не имело никакого смысла. Компьютеров на крейсере-ресторане не было. Ничего не объясняя стоявшим у дверей, Андрей спрыгнул на лед и добежал до берега. На снегу четко отпечатались следы грузовика. Ментовский самосвал остался перед шлагбаумом. Андрей сорвал шапку с головы и с ожесточением швырнул ее под ноги.

— Сволочи!!! Увели!!! Кинули!!! Пи-и-и!!!

Выпустив пар, опер потихоньку возвратился к железной логике.

«Кто-то предупредил. Кто? Вчерашний дед? Чего он тут с газетами своими маячил? Нет, нет. Что ж, из-за каж-

дого любопытного прохожего менять точку на трассе? Разбитое стекло? Тоже вряд ли. Пацаны могли разбить, рокеры те же. Свои застучали? Тоха? Фанат? Ерунда! Ермаков мог бы, но он ничего не знал. Мужики проболтались? Вполне, вполне...»

Андрей давно знал, что любой секрет, залетая в стены их отдела, через полчаса превращается в анекдот или сплетню. А теперь хрен вычислишь. «Бабайка» компьютеры увел. Рогатый такой, с бородой.

Андрей поднял шапку, отряхнул ее от снега и, бормоча под нос непристойности, медленно побрел к лодке. Грицук размахивал перед коллегами и пританцовывающими на пронизывающем ветерке понятыми металлической вилкой.

— Я с вас, москалей, тащусь! Выбрасывать миллиарды на эту атомную посудину, шобы потом экономить на вилках! Видал, Андрюха?

Он указал Андрею на дырку, просверленную в ручке вилки.

— На полу нашел. Они в вилках дырки сверлят, прикинь! Интересно, а рюмки у них на цепочках или как?

Андрей, не ответив, кивнул на берег:

— Поехали назад. Нет тут ни черта. Показалось, наверное.

— Я ж 'оворил...

В машине Андрей резко встрепенулся, будто проснувшись.

— Нет уж, господа! Цыплят по осени... Витек, сейчас налево. Заскочим по пути в адресок, человечка снимем.

— Куда еще? — недовольно проворчал фанат. — И так сколько времени угрохали. Меня человек в отделе ждет. Я его целый месяц уговаривал прийти по повестке. Еле уговорил. Несолидно получится.

— Ладно, мы с Тохой справимся. Тем более его сажать в кабину придется, в кузове прохладно.

Оперы теснились втроем на двух креслах «КамАЗа».

— Вот здесь тормозни. — Фанат указал на обочину. «КамАЗ», пшикнув пневматикой, замер.

— Удачи, мужики. — Херувимов спрыгнул на снег.

Через десять минут машина остановилась на злополучном дворе, приспособленном под разбойные нападения на любящих «пепси» водителей.

— Витек, минут пять, а?

Водитель нехотя кивнул. На ментовское «спасибо» семью не прокормишь.

Бывший подводник по фамилии Лантев ухаживал за цветами. Он стоял на пороге в спортивном костюмчике (ой, как традиционно) и с маленькой леечкой (а вот это уже свежо).

— Да?!

— Руки вверх! Милиция!

Грубовато, грубовато... Человек без ума от кактусов, а его в наручники.

— Позвольте... — пришла в движение засзженная пластинка.

— Тоха, помоги Юрию одеться. На улице мороз.

Андрей заглянул в комнату. Ничего сервировка. Помимо кактусов подводник интересовался итальянской мебелью (индивидуальный заказ), японской дребеденью типа «DDD», голландской живописью в золоченой раме (ха-ха-ха!) и спортивными тренажерами от «Кетлер». Духу западной цивилизации было явно тесно в одной двадцатиметровой компате, но когда очень хочется, то, как известно, можно.

Андрей отчленил лишнее, пытаясь выявить в увиденном основное. Компьютеров, разумеется, не было, что вполне объяснимо. Их присутствие выглядело бы по меньшей мере издевательством над органами. Опытный глаз остановился на другом. Телефонный аппарат с автоматическим определителем номера. И соответственно, с памятью на двести — двести пятьдесят поступивших звонков. Классная игрушка. Особенно для заинтересованных лиц. Граждане, которым есть что терять, таких игрушек дома не держат. Умные граждане. Тебе, Юрик, стало быть, терять нечего, либо... Ну, извини.

Андрей быстро набрал нужную комбинацию. Аппарат не отличался особенной сложностью, имея типовое устройство. Высветились время звонка и номер звонившего. Минуточку... Андрей достал авторучку, блокнотик. Переписал номер, щелкнул кнопочкой. Следующий, следующий... На сегодня все... Дальше.

Дальше...

Какого черта?!

Юрий, заметив, чем развлекается опер, бросился в комнату, забыв про наручники (зубами, зубами!), но упал на ковер, споткнувшись о подставленную Грищуком ногу.

— Ты шо?! 'Анрену наживешь. Не дер'ай-ся так.

Лаптев грозно зарычал, отметив, что «хитрые вы, менты, с подходцами вашими, только бормашинок у нас на всех хватит».

Андрей вновь повернулся к телефону.

Дальше...

Музыкальная пауза.

Красные циточки индикатора высвечивали номер его, Андрея, служебного телефона. Время? 20.03! Что за леший?!

Он опустился в кожаное кресло. Вчера, в 20.03, кто-то позвонил сюда из кабинета Андрея. Нет, хорошенькое дельце.

— Тоха, ты во сколько вчера домой слинял?

— Чс'о?

— Во сколько?!

— Да часов в восемь, за тобой следом.

Андрей хлопнул блокнотом по колену. Так ведь и не сменил замок! Ищи теперь бабайку... Может, моряк знает?

— Кто тебе звонил?!

Юрик зло ухмыльнулся и прошипел:

— Согласно статье пятьдесят первой Конституции Российской федерации, я имею полное право не давать показаний против себя и своих родственников. Так что катись таблеткой...

Тоха, стоявший сзади, сверкнул цитатой из Леонида Филатова:

— «Ты, милок, широк в плечах, / А умом совсем зачах, / Вот умишко и поправишь — / На казенных на харчах».

— Пошли, Витька ждет. — Андрей решил оставить все разговоры до отдела. Дома, как известно, и стены помогают.

Юрия посадили в кузов «КамАЗа». Чтобы не спрыгнул, пристегнули к борту. Ему не привыкать, пусть вспомнит морскую романтику. «Я на палубе стою, прямо в океан смотрю...» Кабина рассчитана на троих. В Конституции же насчет провоза подозреваемых в кузове на двадцатиградусном морозе ничего не сказано.

— Давай, Витек, с ветерком.

В отделе подводник продолжал упорно молчать. Может, по причине пятьдесят первой статьи, а может, челюсти свело на ветру. На все вопросы он отрицательно качал головой и молчал. (Да Бога ради! Куда ты денешься, куда ты денешься, когда согрешься в моих руках!)

Андрей прекрасно понимал, что теперь моряку точно терять нечего и стоять в отказе он будет насмерть, как скала в Гибралтарском проливе. Ну и пусть стоит. Постоит, постоит и сядет. Даже без устрашения третьей степени.

Битый час ушел на подготовку к опознанию. Тут лучше не торопиться, мероприятие ответственное и, возможно, единственное, после которого любителя кактусов можно будет отправить в изолятор.

Андрей вызвонил молодого драйвера, договорился с дежурным следователем, нашел подсадных и понятых. Следователь почитал материал, озабоченно-критически посетовал на слабую доказательную базу (маловато, батенька, маловато), но опознание провести согласился, а если его напоят кофе с коньяком, то он, пожалуй, решится и на арест моряка. В случае, конечно, положительного исхода. «Будет исход! Стали бы тебя отрывать, предполагая обратное. Ты, главное, не увиливай».

Водитель ждал в коридоре. Чувствовалось предэкзаменационное волнение парня, поэтому Андрей подбодрил:

— Не дрейфь, старик. Все в ажуре. Ты что, принял?

Водитель виновато опустил голову:

— Да, чуть-чуть.

— Ладно, пустяки. Главное, не стесняйся там, не будь девочкой, первый раз увидевшей... Хм, ну, понял, в общем. Уверенно, спокойно, без мандража. О'кей?

— О'кей.

Минуты две спустя Андрей пригласил драйвера в кабинет. Следователь, выполнив процессуальные формальности, предложил взглянуть на сидящих и напрячь память.

Парень взглянул не сразу, осторожно, вжав голову в плечи, будто ждал оплеухи от занесенной над ним невидимой руки. Скользнув взглядом по сидящей троице, быстро повернулся назад, к следователю:

— Нет, я никого не знаю.

— Да ты чего?! — непроизвольно вырвалось у стоящего у дверей Андрея.

— Товарищ Воронов, вы нарушаете уголовно-процессуальный кодекс, — напомнил бдительный следователь. — Опознание провожу я. Просьба не вмешиваться.

Следак склонился над бумагами, занося в протокол результат опознания. Андрей сверлил глазами драйвера. Тот сверлил затертый линолеумный пол.

На ощупь, говоришь...

Да поздно. Слово не воробей...

Просьба не вмешиваться!

— Итак, вы не опознаете никого из сидящих перед вами? Что ж, распишитесь. Вот здесь. Все, вы свободны. Спасибо, до свиданья.

Андрей не побежал догонять водителя. Просьба не вмешиваться! Кому сказано, Воронов? Не вмешиваться! Ты должен был понять это еще там, в ресторане стратегического назначения. Где тебе тонко намекнули. Сейчас еще разок намекнули.

Еще намеков желаем? Не желаем. Спасибо, до свиданья. Зачем тебе, Воронов, глаза, если они не видят очевидных вещей? Лучше бы ты ослеп.

И оглох. Лучше бы...

Андрей достал сигарету и, не произнеся ни слова, вышел из кабинета. По коридору плыла секретарша Леночка с чайником в руках.

— Андрюша, набери, пожалуйста, водички в мужском туалете. В нашем что-то с краном.

— Давай.

В сортире, благоухающем бодрящим ароматом, одну из стен, грозящую обвалом, подперли рекламным щитом «Дирола». «Оберегает вашу голову с утра и до вечера».

Андрей набрал воды, вернулся в коридор.

— Спасибо, Андрюша. Да, кстати, ты, кажется, разведен?

— Да, а что такое?

— Извини, но я тебя в список включаю.

— В какой еще список?

— Пришел приказ из управления представить в отдел собственной безопасности списки всех разведенных или разводившихся сотрудников.

— На хера?! — забывшись, ругнулся Андрей. Леночка воспитанию не заметила.

— В ходе операции «Чистые зубы» необходимо выявить морально неустойчивых сотрудников.

Андрей начал сползать по стене, словно получил удар ниже пояса. Леночка, пожав плечиками, скрылась в канцелярии. Мимо прошла серая тень отработавшего на совесть следователя, тени ворчащих понятых-подсадных, контур пыщущего счастьем моряка-подводника.

У Андрея не осталось сил. Тот же фанат Херувимов вряд ли успокоился бы. Он бы бился до последнего. Колол бы и расколол драйвера («Говори, курва, кто тебя застращал!»), нашел бы свидетеля-пенсионера, случайно видевшего из окошка налет (нашел бы, нашел!), тряхнул бы поактивней морячка...

Но Андрей не фанат. Он нормальный. Вернее, среднестатистический. Как все. Нет сил.

— Ты чего расселся, как нищий на вокзале? Мы из управления бригаду ждем с минуты на минуту. Обалдел?

Строгий голос замполита поднял Андрея с пола.

— Зубы почистил?

Андрей, как раненый, опираясь на стену, встал на ноги.

— Чего?

— Зубы почистил?

— Да. Еще утром.

Сгорбившись, он пошел в свой кабинет. Грицука не было, умотал по вызову в прокуратуру на собственный допрос.

Андрей упал на диван, уставился в потрескавшийся потолок. За окном смеялись дети, играя в чеченских террористов. «Теперь твоя очередь быть Басаевым! Так нечестно, я тебя первый в заложники взял!»

На подоконнике, спрятавшись за занавеску, стоял маленький глобус. Тоха все-таки раздобыл. Обидно, не пригодился земной шарик. Новый командир с высоких трибун клеймил позором своего предшественника, вызывая восхищение у прессы и населения смелостью и прямотой. Предложение (приказ) расстаться с позорным прошлым поступило (поступил) незамедлительно. Тоха ослушался (все ж платил кровные!) и спрятал школьное пособие за занавеску.

Андрей встал с дивана, подошел к окну и выкинул в форточку смятую, так и не прикуренную сигарету. Опустил глаза на глобус. Рядом лежала маленькая блестящая коробочка. Что еще за безделушка?

Пудреница. Андрей щелкнул замочком, открыл крышку. Зеркальце, тампон, пудра. Из дешевых, ларечных. «В нашем полку завелись „голубые"? Тоха, что ли, нос пудрит? Ленка забыла? Нет, она сюда сама никогда не заходит, к себе приглашает. Да и кроме Франции, ничем морду не мажет, брезгует». Вчера безделушки не было, это точно. Андрей искал свою записную, обшарил весь кабинет, прежде чем нашел ее в кармане. Не было пудреницы! Не было!..

Опять стучит. Ой, как стучит! Андрей сжал ладонями виски. Не стучи! Заткнись, заглохни!

«Демократия залезла ко мне в постель. Насилую вчера любимую женщину...» Женщину. 20.03...

Андрей выскочил из кабинета и столкнулся с Ермаковым.

— Ермак, ты вчера в вечер молотил?

— Ну.

— Фанат в моем кабинете торпеду не шлифовал?

— Опять не прибрался? Понимаю.

— Так что?

— Было дело. Только, Андрюха, я тебе ничего не говорил. У нас ведь образцовый коллектив.

— Ладно.

Фанат — бывший подводник! Ну и дурень же ты, Воронов.

Андрей метнулся к двери херувимовского кабинета, рванул ручку. Фанат разложил на столе несколько упаковок с зубной пастой и составлял из них икебану.

Андрей сжал кулаки.

— А, Андрюха, ну, как дела?

— Фанат, ты же фанат! Ты же наш до гроба! Почему?!

— Что почему? — Голос Херувимова отличался спокойствием и невозмутимостью.

— Зачем ты меня вломил? Бабки? Компра? Чем тебя взяли?

— Никто меня ничем не брал. И вообще, о чем базар-то? Вчерашний материал с кошельком? Так извини, я все, что мог, из терпилы выжал.

— Выключи дурку, Херувим! Где компьютеры?!

— Ты дал! Откуда я знаю?

— Ты звонил вчера из моего кабинета своему корефану Лаптеву! В 20.03! В следующий раз пусть вырубает АОН! Я сам, конечно, еще тот дурик, язык от счастья распустил! Верил потому что. Тебе, фанат, верил!

— Ха-ха... Мало ли кто мог звонить. Тот же Грицук. Или Ермак.

— Нет, голубь. Только ты у нас на диване свою торпеду шлифуешь. И вчера у тебя зачесалось. А между делом звякнул с телефона, что был под рукой! Что, не так?!

Андрей распахнул пиджак, пуговица спрыгнула на пол и спряталась под сейфом.

— Драться собираешься? — убийственно спокойно спросил Херувимов.

— Сволочь ты, — бессильно прошипел Андрей.

— Не гоношись, коллега. «Орбита» хочешь? Как хочешь. Чего ты так разнервничался? Твои, что ли, компьютеры? Или справедливость покоя не дает? Неужели ты не видишь, что происходит? Да сядь, не маячь!

Андрей подцепил ногой стул, выдвинув его в центр кабинета. Сел. Фанат закурил и убрал икебану.

— Неужели тебе нравится наш нынешний мудак? С его «Чистыми зубами» и бредовыми псалмами?

— А при чем...

— Все при том же, милок. При правительстве. Ты думаешь, этого клоуна оставит новый губернатор? Пинком под зад, вместе с кариесом и пародонтозом! С сахаром и без сахара! С музыкой! Дантист ведь не сам по себе у нас объявился, ты ж не дурак, догадываться должен!

— Что с того-то? Ежу понятно — это чудеса нынешней администрации. Но компьютеры-то...

Херувимов развел руками, не дав Андрею закончить.

— Правильно, головушка ты наша мудреная! Правильно! Канун выборов! Кандидаты готовы утопить друг друга в дерьме! Скормить собакам! Облить грязью! А нынешние правители завязли в коррупции, как в гнилом болоте. Где ни копни — выроешь! Так зачем же рыть? Пусть милиция зубы дранг да лыбится на всех углах! Не надо, не надо рыть! Так спокойней. На претендента пока не нароешь —

он еще не успел много наворовать. Усекаешь, Штирлиц? И будет наш дантист командовать еще пять лет, если сейчас губернатора не подвинуть. Поэтому надо подвинуть. Но на это денежки требуются, большие денежки. Понял, где твои компьютеры?.. За «глухарь» не уволят. Сейчас белые зубы в почете, а не раскрываемость, не переживай.

Андрей вытер вспотевший лоб.

— А фанатизм, — продолжил Херувимов, — так он тоже предел имеет.

— Валютный?

— И валютный тоже. Кому мой фанатизм нужен? Министерству, губернатору, дантисту? Можно валютный. Я свое государству отдал, хотелось бы по совести расчет получить. Но не дает государство, не дает, акромя бесплатного проезда...

— Старая песня, Херувим.

— Эта песня никогда не будет старой. Это хит всех времен и народов! Вечный шлягер.

— Где компьютеры?

— Понятия не имею. Честно говоря, я даже не знал, что их спрячут на лодке. Ты молоток, лихо вычислил. С твоими способностями не в ментуре киснуть надо.

— Я не кисну.

— Вот я и говорю. Беги отсюда, пока молодой.

— Подожду бежать. Ты кариес не заговаривай. В курсе ведь...

— В курсе, в курсе, — с милой улыбкой перебил экс-фанат Херувимов. — Компьютеры увел Груздь Александр Алексеевич. Сам у себя.

«Лексеич, — мелькнуло в голове у Андрея. — Совпадение? Кто его знает?»

— Моя роль — пустячок: проследить, чтобы все в ажуре было по милицейской линии. Я перед тобой кривляться не собираюсь, не привык. Виноватым себя тоже не считаю и угрызениями не страдаю. Юрок ко мне обратился по старой памяти, по морской. Так и так, помочь надо кандидату, хороший он мужик, порядок наведет, ментуру из беспросвета вытащит. Поможем.

— За так?

— Ой, только не пой про мораль.

— Какой смысл самому у себя воровать товар? Что-то ты не то грузишь.

— Смысл? — простодушно переспросил Херувимов. — Прямой смысл, старина. Груз застрахован в одной частной компании на миллион долларов...

Андрей сглотнул слюну. Да, Воронов, да. Не вписался ты в тематику. Куда ты суешься со своей дедукцией, со своими замерзшими стеклами, математическими расчетами, психологией преступника? Ничего, кроме снисходительной улыбки, ты не вызываешь. Резвись, юноша, резвись, играй в благородных сыщиков. Покуда. Правильно Херувимов меркует — вечный это шлягер. Золотой!

— Не маловато ли лимона для кандидата?

— Ну, я думаю, что заветных мест много... Поднакопит.

— До выборов неделя. Они не успеют получить страховку.

— Полноте! А для чего существуют банковские кредиты, общественные фонды? Есть где взять в долг. На время. А потом отдать...

— Или не отдать. У власти не отнимешь.

— Не знаю, это их проблемы.

— А если бы я перехватил компьютеры?

— Тебе бы сказали «спасибо». Груздь остался бы при своих. Но разве это последняя сделка Груздя? Не вышло сегодня, выйдет завтра. Зачем задавать глупые вопросы, Андрюша?

Андрей поднялся со стула. Он понял, что оставаться здесь не имеет никакого смысла.

— Не боишься, Херувим?

— Кого?! Иди, застучи! Только телефончик-то в Юркином аппарате твой завис, а не мой. А слова? Так они ж и есть — слова! Мало ли что я по пьяни тут наговорил? Дурачок я по жизни, контуженный. Кессонная болезнь.

Херувим еще раз приветливо сверкнул белоснежными, совершенно здоровыми зубами.

— Гони, Андрюха, тучу-печаль! Политика во всем виновата, политика проклятая...

— Ты, Херувим, политику с блядством не путай.

Андрей шарнул дверью. Единственное, наверное, чем он мог себя успокоить.

Длинный, длинный коридор. С белыми, как голливудские зубы, стенами. Не имеющий поворотов и темных мест. Без изъянов. Идти бы да идти. Шагать без устали. В даль. В светлую.

Ну, Воронов, ты дал...

Спятил. Не иначе...

«Здравствуй, милая моя, жестяная плевательница. Вот и снова мы рядом, лицом к лицу. Надо же, я и не знал, что ты так элегантна. Какие совершенные формы, какой возбуждающий шарм, изводящий слюной и выворачивающий душу. Позволь же скорее от всего сердца после стольких дней разлуки плюнуть в твою серебристую увлажненно-пурпурную плоть, доставив тебе хоть секундное наслаждение, ибо предназначение твое на этом свете — собирать чужие плевки и зубы. Как, тебе не нравится?! Это невозможно! Тебе должно нравиться! Каждый обязан с благодарностью нести свой крест. И радоваться. Верно? Радуйся. Тьфу!!!»

Глава 3. Бандит

— Который час?

— Без десяти.

Палыч кивнул на стеклянную витрину аптеки:

— Успею. Сбегаю, позвоню. Там телефон есть.

— Депонент?

— Да, Витька Шапошников, говорят, получил.

Андрей недовольно покосился на участкового:

— Ошалел? Вдруг раньше приедут? Десять минут роли не сыграют.

— Бухгалтерия до пяти.

— Касса тоже. Все равно не успеешь.

— Эх...

Палыч опустился на рейчатую уличную скамейку.

Андрей поправил надетый под куртку бронежилет. Неудобная штуковина, правда, с другой стороны, тепло.

Палыча с головой выдавали лампасы, и он по-сиротски поджал ноги. Отсвечивать здесь в форме — все равно что сидеть голым в театре. Палыч, в последний момент при-

влеченный к операции, выпросил куртку у дежурного и надел ее поверх милицейского кителя. Лишних гражданских брюк ни у кого не нашлось, пришлось остаться с лампасами. Но, даст Бог, не заметят.

— Какого пса нас сюда дернули, а? Ты помнишь хоть один случай, чтобы ларечники обращались в ментуру с заявами о рэкете? Отродясь такого не бывало. Им в сотню раз спокойней сунуть из ларька в окошко долю, чем потом получить в это окошко гранату. Неужели накатал заяву?

— Да,— утвердительно кивнул Андрей.— Я сам видел. Якобы подкатили трое бритоголовых, на пальцах предложили дружбу и защиту от врагов. Хозяин прибежал в отдел. Материал штампанули.

— А кому он раньше платил?

— Понятия не имею. Может, никому.

— Так не бывает. Каждый по способностям — от каждого по понятиям. Если не платить, наступит хаос.

— Чего ты меня-то пытаешь? Вон хозяин в ларьке, пойди и спроси, кому он платил. Платил, платил, а потом передумал. В конце концов, есть государство, обязанное его охранять. Он налоги отдает за это. Вот и охраняй.

— Его налоги кладутся на наш депонент, который я не могу получить второй год. Имей в виду, если сейчас стрельба начнется, я падаю на землю и прикидываюсь клумбой. У тебя хоть броник есть...

— Можем поменяться, — вяло ответил Андрей и еще раз взглянул на часы. До «стрелки» оставалось десять минут.

Ларек, на который вчера накатили злобные бандиты, стоял в двадцати-тридцати метрах от автобусной остановки, где скрывались под личинами ожидающих пассажиров Андрей и Палыч. Торговая точка была стилизована под резную сказочную избушку с зеленой крышей-колокольчиком, увенчанной золотым петушком. Резные ставенки, перила возле прилавка, народный орнамент. Даже решетки на окошках — прям паутинки с паучком. «То береза, то рябина». Так и хочется спеть песню о Родине.

Новый губернатор начал наводить порядок в городе засучив рукава, по-хозяйски. Город должен иметь свое лицо. Прежде всего это относится к внешнему облику. Ларь-

ки — основная проблема. Переделать! В срок до. К примеру, под старину. Это и патриотично, и культурно. А то не ларьки, а национальный позор.

Впрочем, как ларек ни назови, хоть Гостиным двором, а все равно он ларек. И водка внутри ларьковая, прокукарекать после нее можно что раньше, что теперь. Есть петушок, нет петушка...

В принципе, Палыч рассуждал здраво. Ларечники по вопросам «крыши» в ментовку никогда не совались. Тем более если «крыша» уже имелась. В случае прихода чужаков свои, родные бандиты принимали меры. Вряд ли ларек-избушка был исключением, и по всем правилам-понятиям хозяин должен жаловаться пацанам, но никак не органам внутренних дел.

Андрей заметил Грицука. Ларек располагался на его территории, поэтому задержанием руководил Тоха. Грицук, как и было условлено, изображал разборчивого покупателя, внимательно изучавшего ассортимент. В нужный момент он подаст условный сигнал, и две группы захвата ринутся в бой. В первую группу входили Андрей и Палыч, а во вторую — сам Тоха и Ермаков. Специально натасканных ребят из «Альф», «Бет» и подобных бой-формирований вызванивать не стали. Много чести для ларька. Это ж не село Первомайское, сами разберемся.

Входя в ларек Андрей не видел, ориентировался на Грицука, увлеченного изучением специальных крылышек на рекламе гигиенических средств для критических дней. Рисковый парень, до «стрелки» уже две минуты.

— Кажись, катят, — прицуриваясь, доложил Палыч. — Вон, видишь троицу? Похожи.

Участковый не ошибся. Тоха замахал крылышками, как сигнальщик на мачте. У окошка хлопцы не задержались, значит, прошли в дверь. Лиц Андрей разглядеть не успел, о чем, впрочем, не жалел. Не бабы.

— С Богом!

Он передернул затвор и, не пряча пистолет, побежал к избушке. Кто знает нынешних отморозков? Бывают такие, что сразу начинают поливать, не спросясь разрешения у старших. А пистолетом в руках народ нынче не удивишь.

Палыч, засовывая на ходу в карман пачку сигарет, чертыхаясь, засеменил следом.

У дверей столкнулись с Ермаком.

— Они?!

— А черт его...

— Входим?

— Нет, назад вернемся. В отдел.

Ермак дернул ручку, поднял пистолет.

— Руки в гору, шелудивые!!! Милиция!

Крайний шелудивый, имеющий комплекцию гориллы, нехотя обернулся.

— Ба, никак соседи? Ермак, кто ж так задерживает? Ты уже трижды покойник, га-га-га.

Андрей, стоявший рядом с Ермаковым, опустил пистолет.

— Витька?..

— Он самый, коллега. Вы кого тут ловите? Нас, что ли?

Влетел Палыч.

— Взяли?

Продавец скромно вставил слово:

— Ребята, тут тесно, вы бы шли на улицу, а?

— Сейчас тебя под лавку загоним! Сиди, не вякай!

Оперуполномоченный соседнего отдела милиции Витька Пахомов по кличке Пахом взял с витрины пачку «Кэмела» и, распечатав, выбил пару сигарет.

— Будете?

Ермак не отказался.

— Так в чем проблемы, мужики?

— Да вот, неувязочка, — влез в беседу Грицук. — 'раждани ларечник обижается. Наехали.

— Этот, что ли? — кивнул Пахом на вжавшегося в прилавок продавца.

— Не... Це ж продавец.

Пахом повернулся к своим подельникам:

— Братва, покурите на улице, нам бы тут перетереть.

Два верзилы, которых, несмотря на кожаные пропитки, здорово выдавали лампасы, угрюмо вытолкнулись из ларька.

— Значит, это вы вчера на избушку накатили? — для приличия спросил Грицук.

— Не накатили, а предложили защиту и охрану. Это бандюги-уголовники накатывают. Ты следи за базаром.

Тоха, работавший в отделе не так давно и соседей еще не знавший, чуть растерялся. Инициативу взял на себя опытный Ермак.

— Не мути воду, Пахом. Чего ради вы на чужой земле охрану навязываете?

— Осади, Ермак. Кто это тебе сказал, что земля чужая? Ты карту-то купи. Наш это ларек, без вопросов. — Витька заломил пальцы в замысловатой фигуре.

— Инь ты, обидели юродивого, отняли копеечку. Ты, наверное, с бодуна. Сколько себя помню, этот ларек мы тянули. В том году мужика здесь опустили, кто разбирался? До сих пор «глухарек». Кончай дурку играть.

— Мужика за задней стенкой опустили, верно, там ваша земля. А фасад, извини, наш. Тут граница как раз. Но где голова, там и жопа. Так что подвинься, Ермак. Ваш зам и так внаглую два года отсюда сосет. Пора и совесть знать.

Андрей, севший на коробку со «Сникерсами», глянул на Палыча. Вот она, разгадка великой тайны. Ментовская «крыша» — железная «крыша». Поэтому-то хозяин заяву и настрочил.

Палыч вздохнул и тоже покинул ларек.

— А теперь и вы решили присосаться? И как всегда без башки. Хоть бы хозяину сказали, что из ментуры. Прикинь, если бы мы тут друг друга перехлопали!

— Так мы ж сказали, — первый раз за время переговоров удивился Пахомов.

В дверь скромно и с опаской постучались.

— Можно? Извините, я опоздал. — На пороге возник маленький азербайджанец, хозяин ларька, и натянуто улыбнулся.

— Мамед, ты зачем в ментуру прибегал? Еще сотню сверху за моральный ущерб. Итого шестьсот.

Мамед с надеждой взглянул на Грищука. Вероятно, прежняя «крыша» снимала меньше.

— Не, это 'нилой базар, — почувствовал уверенность Тоха. — С какой стати?

— А с такой, что...

Пахом не успел заломить пальцы. Рычание мощных моторов заглушило голос, черный «джип» прижался хромированными дугами к окошку ларька, четко отдаваемые команды заполнили пространство.

Продавец сполз под прилавок.

Дверь, открывающаяся наружу, вылетела внутрь, снеся с ног маленького Мамеда, получившего как минимум сотрясение мозга.

Андрей, сидевший на «Сникерсе» рядом с выходом, заработал удар чем-то тяжелым и ужасно твердым. То ли приклад, то ли ботинок. Что принципиального значения уже не имело, потому что хватило. Остаток еще не растворившегося в тумане сознания все же расслышал грозный приказ:

— Всем на пол!!! Отряд по борьбе с коррупцией!

«Слава Богу, свои, хоть пушку не отнимут...»

Через минуту сознание частично вернулось. Не исчезал звон из правого уха, но зрение функции выполняло. Оно показало Андрею душевную картинку.

Пахом и Ермак, скованные одними наручниками, ухитрились поместиться на площади в пол квадратного метра и лежали лицами вниз. Над ними, широко расставив ноги, словно пятнистый ягуар над задранными косулями, стоял невысокий человек-кубик с маской на мужественном лице. Мускулистые, накачанные на «Кетлере» руки сжимали автомат, а палец ждал приказа. Продавец и хозяин прилипли к дальней стенке ларька и по-прежнему виновато улыбались.

Второй человек-кубик, разумеется, в маске и с автоматом, контролировал Тоху, еще не вышедшего из оргазма, и Андрея, сидящего на полу и блаженно опершегося на стенку. Тоху и Андрея тоже блокировали наручниками.

В дверном просвете показались горизонтально направленные лампасы Палыча. То, что это были лампасы Палыча, а не соседей-коллег, Андрей понял по красно-коричневым ботинкам участкового инспектора. «Жалко мужика, — почему-то подумал Андрей. — Вот уж совсем не по делу влип».

И наконец, в центре, на вертящемся стуле продавца, заседал прекрасно сложенный молодой человек с ультракороткой стрижкой, одетый в кепочку, черную кожаную куртку и ботинки-«казачки» на пластмассовой подметке. Массивную шею украшала пудовая золотая цепочка, безымянный палец — увесистая блин-печатка. К недостаткам Андрей отнес непроизвольное подергивание глаза, но на природные дефекты обращать внимание неприлично.

На прилавке, рядом с кассовым аппаратом, лежали четыре пистолета Макарова и три красные книжечки. Четвертую ксиву молодой человек держал в руках и вдумчиво изучал.

По легкости в руках Андрей понял, что один из пистолетов, лежащих на прилавке, принадлежал ему.

Тоха слабо пошевелился. Пахомов и Ермаков в себя, кажется, еще не пришли.

Парень в куртке обвел дергающимся глазом всех четверых и остановился на Андрее, как на наиболее сохранившемся члене экипажа.

— Ты Грицук?

— А ты сам-то кто? — злобно переспросил Андрей, с ужасом думая, что творится у него на лице. Ведь товарищ держал Тохину ксиву.

— Борисыч, братишке пояснить, кто ты такой? — Стоящий справа человек-кубик грозно приготовил приклад.

— Успеем, Домкрат. Повторяю, ты Грицук?

Тоха, услышав свою фамилию, ожил.

— Я Грицук.

— Почему ксива не продлена?

— Не успел.

— Может, ты и не Грицук, а?

— Я Демис Руссос, греческий соловей.

— Дай-ка твой телефончик рабочий, проверим, что ты за соловей. Есть кто на месте?

— Не знаю, — ответил Тоха и продиктовал номер.

Постепенно участники «стрелки» возвращались к светской жизни, приводимые в чувство родными голосами. Борисыч достал из сумочки-визитки трубку и набрал номер, не столько горя желанием установить Тохину личность, сколько поднять авторитет навороченным телефоном.

По мере выслушивания ответа на том конце с его лицом стали происходить чудесные метаморфозы. Ультракороткая прическа на затылке приняла перпендикулярную голове стойку, глаз задергался раненой птицей, а челюсть ушла куда-то влево.

— К... К-какой Харькив?..

Он еще раз набрал номер и включил внешний динамик.

Из трубки после третьего гудка раздался вежливый Тохин бас, записанный на автоответчик:

— Здравкуйте. Вы дозвонылысь в виддил внутрешних справ миста Харькива. Оперуповноваженного крыминального розшуку Грыцюка на мисти немае...

— Что за херня?

Тоха пожал плечами.

— Ну, прикололся, подумаешь? Ну, не Харьков... Мой автоответчик — что хочу, то и пишу.

Борисыч швырнул трубку на прилавок и сурово прорычал:

— Ур-р-р-роды! Что, влипли? Ларьки трясем, ксивами прикрываясь?

— Нет, — за всех ответил Андрей. — У нас тут турнир по шашкам на первенство управления.

— Каким еще шашкам?

— Стоклеточным.

— А это кто такой остроумный? Фамилия?

(Моча кобылья!)

— Воронов.

— Как насчет понятий, Воронов? Ты на двух стульях усидеть захотел? Так ведь неудобно, свалишься. Задницей ты не вышел. Ты либо мент, либо не мент. Совмещать нельзя. Западло.

— Я мент.

— А что ж с ларьков сосешь?

— Сосет шлюха. Коктейль через соломинку. Я на заявку сюда приехал. Вон, с мужиками.

Наконец разговорился Пахом.

— Что за дела-то? О-(пи-и-и)-ели?

— Чья территория? — моргнул глазом Борисыч.

Пахом переглянулся с Ермаком.

— Моя, — ответил за них Тоха. — Вон терпила стоит. Заяву накатал.

— Писал? — Боец отряда по борьбе с коррупцией грозно взглянул на Мамеда.

Тот едва заметно кивнул и слился со специальными крылышками прокладки «Кэйрфри», изображенной на рекламном щите.

— Материал зарегистрирован?

— Само собой.

— Кто на тебя наезжал, Мамед?

Азербайджанец в ужасе повернул голову к Пахому. И по испытующему взгляду последнего мгновенно понял, что до ближайшей молитвы не доживет, если утвердительно кивнет своей мусульманской головой.

— Тут... тут их немае.

Тоха гоготнул.

— Земляк.

— А если подумать? Внимательно?

Мамед очень не хотел думать внимательно.

— Нет, никого не знаю. Это из мылыщии ребята. А бандыты не пришлы, испугалысь, значыт.

Борисыч с явным расстройством в душе спрятал трубку в сумочку и приказал Домкрату:

— Отстегни... Картонки свои не оставьте.

Он бросил Тохину ксиву на прилавок и встал со стула.

— Значит, слушаем сюда внимательно. Материал завтра пришлете к нам, в отдел по борьбе с коррупцией. Ты, — он ткнул пальцем в хозяина, — тоже придешь. Адрес найдешь в справочном. Все! И запомните, дознаюсь, что скурвились и «крышу» ставите, — пеняйте на себя. Нам предатели не нужны. Они кончают одним и тем же местом.

«Ты, наверное, кончаешь другим», — подумал Андрей.

Дружной толпой отряд покинул ларек, загрузился в «джип» и помчался выявлять новых отщепенцев и предателей.

— Какая сука застучала? — прикладывая холодную банку «Джин-тоника» к распухшей щеке, спросил у коллег Пахом. — Ваши небось?

— Нашим смысла нет, у нас материал заштампован, — защитил честь отдела Грицук. — Это вы, коррупционеры, на чужую землю залезли.

— На свою...

— Какая теперь разница? — развел спорящих Ермак. — Чужой, свой... Теперь это их ларек, бескорыстных наших. Слышь, Мамед. Прими поздравления. Если штукой в месяц отделаешься, считай, повезло. И не вздумай нас завтра вспомнить, сожгу твой колокольчик к черту.

На улице Андрей ощупал лежащего на снегу Палыча. Кости вроде все целы. Участковый стонал и пытался что-то

сказать оперу. Да, досталось мужику. Он у дверей стоял, первый удар принял. Лицом, вместо которого теперь кровавый студень. Все, что было вылечено при прежнем начальстве, оказалось выбито при нынешнем. Где-то даже политика.

— Ермак, помоги.

Оперы дотащили раненого товарища до скамейки и нежно усадили.

— Ну, волки... А начальнику я фуфло начищу покруче, чем эти — Палычу. Надо ж так подставить. Ларек сам доил, а на разборку нас отправил. Ты тоже хорош, оперуполномоченный внутренних справ. Не мог пробить, кому Мамед платит. Я бы знал, что нашему заму, во бы поехал! — Ермак согнул руку в локте.

Тоха виновато пожал плечами.

— Де, де... — задыхаясь, протянул руки к Андрею бедняга Палыч.

— Что, старик?

— Депонсит получи... Жене отдай.

— Своей?

— Ох, мудаки...

— Бедненький ты мой. Очень больно?

Андрею нравилось, когда его жалели. Особенно женщины.

— Не надо меня жалеть. Пройдет. Пустяки.

Сигарета потухла. Андрей не стал ее оживлять и бросил в пепельницу.

Из приемника фальцетил греческий соловей Демис Руссос.

— Выключи.

— Тебе не нравится?

— Ненавижу.

Марина убавила звук.

— Надо сделать рентген, возможно, у тебя трещина.

— В голове?

— Прекрати.

Марина включила телевизор.

— Посмотри, я с ужином закончу.

Андрей редко смотрел ящик, в основном случайно. Тратить время на заполонившую эфир рекламу, бесчисленные

и такие же безвкусные ток-шоу и сериалы... Новости? Так эти новости и новостями-то назвать смешно. Все наперед известно. Война субъектов и война компроматов, терроризм и коррупция, смена власти — смена и белья... А вот наконец и сенсация! Откопали, пронюхали! Выдали!.. Теперь в суд. Клевета и нанесение морального ущерба. Один вор обозвал другого вора вором. И все, затаив дыхание, следят за процессом века. Ну надо же...

Сейчас шли их городские новости. Местное телевидение занимало два законных часа в сетке и каждую секунду использовало с пользой и выгодой. Новости из ближнего зарубежья спонсирует фирма «Прыг-скок», производящая лучшие в мире китайские теннисные шарики, а прогноз погоды оплачивается конторкой, продающей японские джинсы.

Брюзга ты, Воронов. Привык к халявным прогнозам и новостям из ближнего зарубежья. Забыл, что за все надо платить.

— Сегодня в городском управлении внутренних дел состоялся брифинг нового начальника Главка. Он ознакомил журналистов с обстановкой в ведомстве на сегодняшний день, признав работу милиции неудовлетворительной, и наметил конкретные шаги по стабилизации криминальной обстановки в городе. Увы, обстановка, согласно цифрам, действительно тревожная. Отмечен рост уличной преступности, умышленных убийств, квартирных краж, разгул группировок, контролирующих практически все области хозяйства. Основную причину этого новый начальник видит в низкой эффективности работы правоохранительных органов, в упущениях прежнего руководства. И первое, что он намерен предпринять, — это навести порядок в собственном доме, после чего мощной рукой ударить по бандитизму...

Марина принесла блинчики с мясом.

— У вас опять новый шеф? Я сегодня слушала его выступление по радио. Очень даже убедительно. Наконец-то вам повезло. Обещает очистить город от рэкетиров. А то действительно надоели. Мы каждый месяц платим, а, собственно, за что? За то, чтобы они нас на воздух не подняли? Миленько.

— Повезло, — мучительно подтвердил Андрей. — Об одном помалкивает — откуда он такой героический выискался?

— Кстати, откуда? По городу слухи всякие ползут.

— Какие там слухи?! Нормальный бандюган, даже без особых амбиций. Помог новому губернатору на выборах, за что и получил кресло шефа милиции.

— Но это же... Неужели народ не понимает?

— Народ?! Ты думаешь, у нас сейчас есть народ? У нас до сих пор историческая общность! Мы не рабы — рабы не мы. Нам не нужен немец Штольц, мы предпочитаем прохвоста Чичикова и доброго царя, которому в случае чего можно поплакаться в манжию на этого Чичикова. Народ...

Марина кивнула на блинчики:

— Бери, пока не остыли. Есть сможешь?

— Зубы целы... Ментура, видишь ли, виновата. Нашел крайних. Можно подумать, ментов в инкубаторе выращивают. А на прежнее руководство проще всего валить. Беспроигрышный вариант. А что тут еще придумаешь? Ничего тут больше не придумаешь.

— Надеюсь, вас не заставляют вырывать вылеченные зубы и вставлять старые?

Андрей вспомнил Палыча.

— Как сказать... А что касается красивых речей, то любой, даже самый замечательный человек на девяносто процентов состоит из воды.

Блинчики оказались совсем ничего. По сравнению с магазинными пельменями просто деликатес. Андрей проглотил первую пару, почти не жуя, вытер губы приготовленной салфеткой. Мелочь, а забота чувствуется. Хорошо.

— Еще хочешь?

— Не откажусь.

Андрей мельком взглянул на стенные ходики.

— Торопишься?

— Есть полчасика. Завтра у Пашки контрольная, надо бы задачки порешать.

— Давай я ему парочку заверну. — Марина взяла тарелку с блинчиками.

— Заверни.

Андрей вдруг поймал себя на очень глупой мысли, что им не о чем говорить. В прямом смысле. Повторять когда-то сказанное, словно заученную роль для пьесы? Но они

не в театре. Пересказывать сплетни, бородатые анекдоты? Примитивно, они не бабушки на лавочке. Кривляться, отпуская пошлые намеки? Или строить пылкого любовника? Зачем? Можно просто подойти и взять. И тебе так же просто отдадут. Да, все входит в привычку. А жаль.

— Марин, я вспомнил... В общем, надо еще в одно место заскочить. Обязательно. Я отчаливаю.

— Конечно, Андрюша. — Марина никак не выдала расстройства, потому что расстройства, наверное, и не было.— Дела прежде всего.

Она протянула Андрею завернутые в салфетки и пакет блинчики.

— Подогрей только.

— Да, спасибо.

Она подставила щечку, он чмокнул. Ничего девчонка... Чего тебе, Воронов, еще надо? Любви? До дрожи в коленках, до разрывающих грудь ударов сердца? Так в чем проблемы, пацан? Сделай так, чтобы дрожало, чтобы стучало. Ах, неохота, ах, надоело... Ну, тогда и не разводи плесень, *не порти людям быт. Уматывай отсюда.*

Не получилось любви сегодня. И вряд ли получится завтра. Любовь не блинчики — на сковородке не испечешь. Имеется в виду любовь, а не приложение. Свободен, Воронов. Гуд лак.

А жаль...

Домой он шел через парк, решив сегодня не месить грязь на перекопанной улице. Немного дальше, но зато лишняя порция относительно свежего воздуха. Когда-то парк был красивым и ухоженным, Андрей водил гулять сюда маленького Пашку, читал ему сказки, сидя на уютной скамеечке. Сейчас скамеечек не осталось, разломали и сожгли. Часть деревьев вырубили для отопления старого фонда. С детьми теперь в парке не гуляли, гуляли только с собаками — с бультерьерами, стаффордами, мастифами и прочими кровожадными породами, чье место за решеткой в городском зоопарке. Иногда твари, не слушаясь хозяев, бросались с хриплым лаем друг на друга, рвали толстые шеи, разбрызгивая окровавленные клочки шерсти. Затем друг на друга бросались хозяева, защищая честь своего четвероногого друга от звучавших оскорблений.

Стая ждала его на выходе из парка. Андрей, конечно, не считал собак, но невольно прикинул, что их всяко больше, чем патронов в его «Макарове».

До двора, где он жил, оставалось метров двести. Но на этом промежутке ни одного более или менее пригодного для укрытия места.

Не дрейфь, Воронов. Нужен ты этим собакам, как акваланг парашютисту. Шире шаг. Дышите легче.

Дорожка вела вдоль высокого бетонного забора с одной стороны и вдоль заснеженного пустыря с другой. Андрей миновал мостик через канаву, самым быстрым шагом, почти бегом, протаранил стоявших на тропинке собак и наконец достиг забора. Неожиданно он обнаружил, что правая рука с силой сжимает в кармане рифленую рукоятку пистолета.

Фу... Тихо, тихо. Твари чувствуют страх. Они ждут команды от тебя. Не дашь команды, не нападут. Черт, и никого вокруг...

Андрей мельком, будто нечаянно, обернулся. Собаки бежали сзади, чуть сбоку, прижимая человека к забору.

«Может, блинчиков хотят?»

Он остановился. Псы тоже замерли, пошевеливая хвостами. Вожак — смесь кавказской овчарки с непонятно чем,— стоявший к Андрею ближе всех, поднял голову и внимательно посмотрел прямо в глаза.

— Нет у меня ничего,— прошептал Андрей,— а играть с вами некогда, С кошками играйте.

Он двинулся дальше. За спиной раздалось жуткое дыхание, издаваемое зубастыми пастями.

«Не бойся, не давай повод... Они просто хотят поиграть. Господи, только бы никто не тявкнул. Собаки страшны в стае, стае нужен сигнал к атаке. Тихо, родненькие, тихо...»

Что с тобой, Воронов? Ты ведь никогда не боялся собак. Они друзья человека, они добрые. Предчувствие? Не существует предчувствий. Выдумки проигравших. Успокойся, отпусти пистолет. Не будешь же ты в самом деле стрелять по ним? Что ты имеешь против этих бедных животных, чья вина состоит лишь в том, что они надоели каким-то мудакам? И теперь вынуждены бороться за пра-

во на жизнь. Если скотами являются люди, то при чем здесь собаки?

«Не надо тявкать, я знаю, вы не виноваты, что хотите есть... Не надо. Не имею я ничего против вас».

«Да, но мы-то...»

Вспомнился жуткий репортаж, недавно показанный по местному телеканалу. Пять кавказских овчарок случайно вырвались из вольера, растерзали проходящего мимо работягу. На куски. Ужасные, кровавые кадры. Там рука, там нога... Собак застрелили не всех, две сбежали. Брр. Почему в голову лезет только плохое?

А вдруг за спиной?..

До конца ограды метров пятьдесят. Дальше можно не волноваться — есть куда удрать. «Да, удрать! Видал я смельчаков с драными жопами».

Спокойней, спокой...

Тяв!

Наверное, это была самая маленькая шавка в стае. Не имевшая острых клыков, тонкого нюха, быстрых, выносливых лап. Но зато она тявкала. В нужный момент. И Андрей был уверен, что она никогда не бросится в драку. Кто тявкает, тот питается падалью. У попа была собака...

Сигнал дан! Дальше закон стаи. Разноголосый хор заглушил звук шагов. Какой чудный аккомпанемент! Сейчас бы партию «Иванушек интернешнл» спеть. Еще тридцать метров! Не оборачиваться!

Обернулся, не выдержал.

Вожак прыгнул первым. Он был матерым, закаленным ежедневной схваткой за жизнь. Килограммов пятьдесят.

Если не двигаться, не тронут. Просто загрызут.

Андрей прикрыл горло. Знакомый кинолог рассказывал, как обучают сторожевых псов. Недельку не кормят, а потом привязывают к чучелу человека кусок мяса и кричат «фас».

Вожака не обучали. Зубы скользнули по куртке, но не больше. В чем радости, конечно, мало. Со второй попытки получится. У человечка крыльев нет, на забор не улетит. Не Ариэль.

Андрей отшвырнул в сторону пакет с блинчиками, отвлекая внимание псов. Подействовало, охотники повернули головы, а парочка самых голодных бросилась к подарку.

Паузы хватило, чтобы прыгнуть к забору и достать пистолет — теперь хоть сзади не нападут. Когда смотришь в глаза жертве, теряется уверенность. Впрочем, все это теория.

Черная лайка, когда-то наверняка любимица семьи, метнулась в ноги, норовя цапнуть за голень. Наверное, отработанная тактика. Как с куском мяса на чучеле. Значит, Андрей не первый.

Он выстрелил, не целясь. Наугад, лишь бы зацепить. Башку, спину, брюхо.

Лайка взвизгнула и закрутилась черным волчком на снегу. Грохот выстрела заставил остальных псов присесть. Но не прогнал. К таким хлопкам звери давно привыкли — город.

Вторым был вожак. Дальше Андрей стрелял не соображая. Охваченный естественным чувством спасения собственной жизни. Он жал и жал на спусковой крючок, уже не слыша выстрелов, уши заложило после первых залпов...

Палец продолжал работать, хотя патроны быстро закончились. Наконец Андрей понял, что пистолет на затворной задержке. Вторая обойма осталась в сейфе. Все, отстрелялся.

Он прижался к стене, зажмурил глаза и опустил голову...

Его никто не трогал. Он осторожно, словно опасаясь, что его увидят, поднял веки. Возле ног, в лужах крови, лежало пять хищников. Два смертельно раненных смотрели в небо открытыми, слезящимися глазами. Остальные издохли на месте. Стая, *лишившись вожаков*, разбежалась.

Андрей опустил задержку. Затвор клацнул, становясь на место.

«Это была славная охота».

Пронзила сумасшедшая мысль: «Ты что наделал, Воронов?! Они ж живые!»

Андрей опустился на корточки. Лайка, получившая пулю первой, была еще жива. Андрей протянул руку к ее взлохмаченной, грязной морде. Собака не ощетинилась, не попыталась схватить или укусить. Она приподняла голову и, наверное вспомнив, что все-таки когда-то была другом человека, лизнула пальцы Андрея. Потом уткнулась носом в снег и тихо заскулила.

Андрей по ментовской привычке собрал семь гильз, восьмую не нашел — утонула в сугробе — и не оглядываясь по-

шел к дому. Докладывать о стрельбе, как того требовал приказ, не стал. В ящике лежал запас патронов на непредвиденные случаи. Грицук раз в неделю ходил в тир упражняться — натаскал неучтенных боеприпасов и себе, и Андрею. «Завтра заменю. Местным операм показатели не испорчу, стрельба по бродячим собакам преступлением не является...»

Только в подъезде Андрей почувствовал, как его колотит дрожь. Ничего не поделать. «Летать не умею. Но не ползать же?..»

Утром Андрей опоздал на службу, хотя ужасно не любил опаздывать. Даже после отделенческих ментовских «трам-татушек», когда имел законные основания задвинуть часок-другой, приходил вовремя. Но «трам-та-тушки» — это праздник, который и вспомнить приятно. Вчерашний «праздник» вспоминался с тупой болью в затылке. Часов до четырех Андрей ворочался, пытаясь заснуть, потом не выдержал, выпил оставшиеся с Нового года грамм сто «лезгинки» и провалился в кошмар.

В семь часов проснулся Пашка, съел свою дежурную гречку и, звеня связкой ключей, привязанных цепочкой к ремню, отправился в школу. Андрей закрыл за ним дверь, добрел до всклоченной кушетки и решил еще минут пять полежать. Но нечаянно вырубился, тем более что кошмар исчез, превратившись в довольно романтичное любовное приключение.

В отделе менялась вывеска. Заменой руководил отделенческий завхоз — толстоватый старшина, в чьи обязанности входило благоустройство помещения и создание надлежащих условий для несения службы сотрудниками. Судя по сверкающей бордовой «девятке», купленной старшиной перед Новым годом, условия им создавались просто райские. Работай — не хочу.

— Левее, левее... Чуть ниже. Вот, в самый раз. Закрепляй.

Андрей чуть задержался перед дверью. Изменилось, в общем-то, немного. Фон из ярко-белого превратился в золотистый, а слова «отдел милиции» — в «бригаду милиции».

Андрей не удивился, прикинув, что Михалыч теперь, наверное, станет величаться бригадиром. А оперы? Пацанами?

— Андрей, ваших нет, все на огнестреле, — заметив опера, доложил дежурный.

— Бандюги? Или бытовуха? — Андрей заглянул в дежурку, протягивая руку для пожатия.

— Работяг постреляли на мебельной, — коротко ответил дежурный. — Три трупа, один ранен.

— Когда?!

— Ночью. Ночная смена.

— За что?!

— Ты дал! Я не экстрасенс.

— Ладно, я тоже туда.

Андрей не переспрашивал адрес, фабрика находилась недалеко, на территории Грицука. Фабрикой в прямом смысле предприятие назвать было нельзя. Небольшой цех, размещавшийся в помещении заброшенной кочегарки. Производились в нем недорогие шкафчики для прихожих, тумбочки и всякие домашние мелочи. Директора Андрей пару раз видел у Антона, но какие у них отношения, понятия не имел. Может, никаких, опер должен по возможности знать руководителей всех учреждений на своей территории.

Шухер был большим. Несколько иномарок с синими маячками, автобус экспертной службы, отделенческий уазик, телевидение, пресса, зеваки. Да, для их города это, наверное, крупный скандал.

В нос ударил мягкий запах древесины. Такой уютный, домашний запах, никак не вязавшийся с запахом смерти. Гора стружек и опилок у боковой стены кочегарки. След машины, фиксируемый экспертами с помощью гипса. Вышедший из цеха Тоха с неприкуренной в зубах папиросиной. Очень злой.

— Ты 'де девался?

— Проспал. Что тут?

— Шиза! Полный пи...

Тоха закурил. Андрей тоже.

— В общем, тут ночная смена есть. Пятеро человек. Днем работа шумная, пилят там, стро'ают. Цех мелкий, пилить и собирать сразу — никак. Поэтому сборщики в ночь пашут. Посменно. С десяти вечера до шести утра. Вон пристройка — там типа склада. Днем мебель по ма'азинам, по заказчикам

вывозится. Сегодня часиков в восемь мастер пришел. Он все время первым приходит. Открыл — е-е! 'олливуд! Кровищи по колено! 'ильзы на полу! Шизец, короче. Мужик «скорую», ментовку. Один еще жив, в реанимации, но 'оворят, не жилец, пуля в позвоночнике, а трое наповал! В 'оловы да в спины! Как на бойне валили, суч-ч-чары!

Тоха глубоко затянулся.

— Жалко мужиков. Обычные работя'и. Младшему двадцать три, недавно из армии.

Просто жуткий, потусторонний крик, переходящий в вой, а затем в рыдания, резанул из мастерской.

— Ко-ле-нь-ка-а-а!!!

— Мать, наверное, — мрачно посмотрел в сторону кочегарки Грицук. — Родню вызвали.

— Наши где?

— Дома обходят.

— Наметки есть?

— Одна суматоха пока. Наехало бри'адиров, не мо'ут разобраться, кто старший. Каждому покомандовать хочется. Шли бы лучше дома обходили.

— Директор здесь?

— Да, внутри. Пока охает да стонет. С ним на утишье толковать надо. Обстоятельно. Я е'о вообще-то знаю немно'о, у них как-то станок увели. Вроде ниче'о мужик. Своими руками этот цех построил. Бывший кандидат наук.

— Кандидат не может быть бывшим.

— Ну, я в смысле, что безработный. Спекулировать, 'оворит, душа не дает, вот цех открыл. По предприятиям, по школам товар хорошо расходится, да и дачники охотно берут. Десять рабочих, бух'алтер, водители... Невелик пока доход, но не все сразу.

— Сколько они тут строгают?

— С 'од 'де-то.

Кому платят? В смысле «крыши»?

— 'оворят — никому, 'осударству.

— Конечно. Верю.

Зажимая папочку под мышкой, подгреб Ермаков. Протянул исписанный бланк объяснения Грицуку.

— Держи. Нашел одного. Вон, из желтого дома. Часа в четыре ночи стрельба была. Тачка после этого отъехала.

Ни марки, ни цвета мужик не разглядел, темно. Больше ни фига. Крепко народ спит.

— Они закрывают цех на ночь? — спросил Андрей у Антона.

— Я не спрашивал, но вряд ли. Зачем?

— Да, кстати...

— Пятый рабочий? Три дня 'ришпует. В лежку. Больничный взял. Скорее все'о, так и есть. Сейчас эпидемия, я сам с соплями по колено. — Тоха высморкался в сугроб.

— Побазарить все равно стоит.

— Конечно. И с дневной сменой. Мужиков не 'рабили и хлопнули всяко не за бракованную тумбочку.

— Гильзы какие?

— ТТ-эшные.

— Бандитский стиль?

Тоха скептически скривил рот:

— Тю! «ТТ» по 'ороду 'уляют стадами. А бандиты либо с директором разобрались бы, либо промеж собой, кабы сарай этот не поделили. А работя' валить? Туфта!

— Фиг ли гадать? — Ермак стукнул кулаком по папке. — Надо с главным базарить. Тоха, дерни-ка его.

— Как? Он нарасхват. Хоть брифин' заказывай. Нам фронт определен — обход, обход и еще раз обход. Работа с дураком-свидетелем. По 'орячим следам.

Из цеха, покачиваясь, вышел молодой следователь прокуратуры. Прислонился, закурил. Тут закачаешься. Пока каждого осмотришь...

Метнулся из дверей серый, с черным хвостом кот. «Вот хороший свидетель, — подумал Андрей. — Иди-ка сюда, хвостатый. Ты все видел, все слышал...»

Неразбериха действительно выбивала из колеи, не давала сделать первый шаг, путаясь под ногами, словно шкодливый кот. Там, в сарае, люди. Мертвые люди. Которые были живыми, когда Андрей ложился спать, и, пока он боролся с бессонницей, они умирали. Он уснул.

А потом проснулся. А они нет...

Тихо, Воронов, тихо. Эмоции оставим при себе. Это твоя работа. Сам выбрал. Никто не заставлял.

...Р-р-разорву!

Андрей швырнул на грязный газон окурок. Неразбериха. Ощущение полной беспомощности. Твой номер шестнадцатый, выполняй, что старший велел. Дьявол! Покажись сейчас в конце улицы тачка со скотами этими, рванул бы, бегом рванул бы! Не догнал бы, но хоть душу отвел бы, зная, что цель на мушке, что видишь врага и дело все в быстроте и выносливости.

Не получится, Воронов, не получится. Не рви рубашку на груди. Только исцарапаешься напрасно. Стреляя по галкам, лисицу не убьешь.

— Грицук! — Голос начальника розыска, или, как его теперь называют, звеньевого Поперечного, вывел из лирического настроения. — Иди сюда! Ага, Воронов! Ты где был?!

— По краже адрес пробивал, — соврал Андрей, зная, что все равно проверять не будут.

— Тоже сюда подойди.

Антон с Андреем приблизились к группе начальствующего состава, совещающегося возле черного «форда».

— Значит так, пацаны. Берем директора под мышки — и в отдел. Посадите в «темную», колоть пока не надо. Попозже займемся. Со следаком договорились, он его прикроет на тридцать суток по бандитскому указу.

— Зачем?! — хором спросили оперы.

— Не зачем, а по указу. Больно он взволнован. Я почками чувствую, что в курсах он. Посидит в камере месяцок с урками, все расскажет. Действуйте.

— Так с ним толковали? Может, он и без камеры расколется.

— Слушай, Воронов, — процедил звеньевой, — вот когда будешь бригадиром или авторитетом, тогда и умничай. Взяли под руки — и в камеру! Без самодеятельности, у нас сейчас листопад из погон, вмиг слетят.

Поперечный, поправив черную шляпу, вернулся к «форду».

Андрей переглянулся с Тохой. Тот пожал плечами и отправился в цех за директором.

— Пойду-ка я дальше свидетелей искать. — Ермаков хлопнул по карману, проверяя, на месте ли удостоверение.- А то авторитетам глаза намозолю, заставят еще убитых допрашивать или обыски у них делать. Натурально заставят.

Антон вывел директора, махнул Андрею. Действуй, пацан, тяни службу. Быть тебе авторитетом.

Грицук примерил золотую цепь, изъятую на последнем обыске, глянул в зеркало.

— А ниче'о.

— Златая цепь на дубе том, — согласился Андрей. — Сам придумал?

— Да, в общем... В соавторстве.

Тоха снял цепь, спрятал в сейф.

— Не мой фасон, шею оттягивает.

Заиграл «Панасоник».

— Внимательно. А шо так рано?.. Ну ладно, подъеду.

Аккуратно положил трубку.

— Во дают! Из прокуратурки позвонили. Завтра выдер'ивают на заслушивание по вчерашнему тройнику. Хотят узнать, шо наработано.

— Повезло тебе с территорией.

— Я сам виноват. На последней заслушке по древнему-древнему «'лухарю», 'де бандита 'рохнули, прокурор меня спрашивает: «Шо ж вы, товарищ 'рицук, не работаете ни хрена? Ждете, когда кто-нибудь по „02" позвонит и убийцу назовет?» Шо тут ответить? На такой хитрый вопрос? Я прямо ответил: «Да, жду». Прокурор пеной изошелся, представление на меня настрочил. А прикинь, через два дня звонок в дежурку от анонима. Так и так, ваше'о бандита пришил Петька Кривой, который сейчас сидит в ресторане «Дружок» за последним столиком. С уважением, неизвестный. Ну, ты ж помнишь этот случай! Поехали, сняли дружка с «Дружка», колонули, «мокруху» подняли. Вот увидишь, завтра прокурор первым делом спросит: «Ну что, товарищ 'рицук, вы снова будете ждать звонка по „02"?» Потому и вызывает.

— Ну, тут-то вряд ли позвонят. Во всяком случае на это уповать не стоит.

— Теоретически мо'ут.

— Халява рождает халяву... Арбайтен надо, арбайтен.

Тоха пересел на диван, вытянул ноги на стул.

— Я кемарну с полчасика. Толкни, коли шо.

Грицук через секунду захрапел. Андрей тоже склонил голову на стол. Со вчерашнего утра они еще не ложились.

Вечером Андрей позвонил Пашке, предупредил, чтобы тот его не ждал и исправлял «банан» по математике. «Иначе спрячу „Денди“».

Сон не шел, не давала спать головная боль после тяжелой ночи, да и сидячая поза не располагала к расслаблению. Но не это даже. Пока шла стрельба по галкам. К тому же холостыми. Директора, как и планировалось начальством, отправили в следственный изолятор. Переговорить с ним так и не дали. Дальше сплошная вода в ступе — разговоры с родственниками убитых, с живыми рабочими, с родственниками живых рабочих, протоколы, версии, алиби... Ноль на выходе в итоге.

Мелькнул вроде хвостик — Николай, молодой потерпевший, во вторник подрался в кабаке с черным. У Николая синяк — у черного семь швов. Веская, в принципе, причина по сегодняшним меркам. Ночь грохнули на поиски черного. Через кабак, через больницу... Данные-то нашли, а самого... Покинул койку, не пройдя назначенного курса. Но лечащему врачу шепнуть успел: «Слушай, дарагой, придут меня мусора искать, ты передай им, что рабочих не я пострелял, а сбежал потому, что на меня это дело повесят. Я самая подходящая для них версия. Черный ведь. А мне оно надо?»

Авторитеты, узнав, расстроились. И впрямь перспективная версия. Особенно в свете последней директивы сверху: «Все на борьбу с кавказской мафией!»

В суматохе так и не съездили к заболевшему плотнику. Как это обычно бывает, каждый понадеялся на другого. Правда, все равно бы не успели. Авторитеты, отсветив для прессы на месте происшествия, умчались, включив мигалки, и руководили раскрытием из управления, названивая каждый час Поперечному, требуя отчета и активизации действий. А так как авторитетов было много, а Поперечный один, то телефон под вечер не то что раскалился, а фактически расплавился.

Непосредственно раскрытием убийства занимались, как обычно, территориальные оперы да участковые. Обещанных приданных сил не придали.

Андрей поднял голову и с завистью посмотрел на Антона, беззаботно храпевшего на диване. В здоровом теле — здоровый сон. У парня мощные фильтры, весь негатив остается

снаружи. Андрей тряхнул головой, вылез из-за стола, собрал разбросанные бумаги, убрал в ящик.

В дежурке старшина возился с очередным стендом. Снимался «Порядок приема заявлений от граждан». Вешался новый. Андрей остановился, пробежал глазами. «С такого-то февраля приказом начальника управления введен новый порядок приема заявлений от граждан...»

По мере чтения «порядка» Андрею показалось, что он все-таки уснул у себя в кабинете, а увиденное сейчас — здоровый сон в нездоровом теле.

«Прейскурант на прием заявлений в органы внутренних дел:

1. Кража квартирная — 50 б.
2. Грабеж квартирный — 75 б.
3. Грабеж уличный — 80 б.
4. Угон автомашины:

4а. — отечественного производства — 80 б.

4б. — иномарки — 160 б.».

Самым дешевой в прейскуранте оказалась кража российского паспорта — «10 б.», а самым дорогим — изнасилование («250 б.»). Логично, честь дороже всего.

Под прейскурантом имелось маленькое, почти незаметное невооруженным глазом примечание: «В случае возвращения потерпевшему похищенного имущества удерживается налог в сумме пятнадцати процентов от стоимости данного имущества. Деньги за прием заявления взимаются вне зависимости от результатов расследования. Расчет осуществляется в рублях по курсу Центробанка на текущий день. Все средства пойдут в Фонд развития Министерства внутренних дел нашего города».

И опять крупно: «Спасибо, что обратились в наш отдел».

— Андрей, не мешай, отойди в сторону. Чего застыл, как Ленин на броневике?

— Слы... Слышь, а что такое «б»?

— Дурак, что ли? Баксы, конечно! Не в рублях же цены писать! Курс скачет, как ужаленный, краски не напасешься цифры исправлять!

— А почему за иномарки дороже берем? Не все ли равно, какую машину искать?

— *Нормально берем, в два раза всего. Вон, налог на дороги для иномарок в десять раз больше, чем для наших корыт. А для дороги-то не все ли равно, что за «тачка» по ней бегает? Так что мы еще по совести.*

Возник заспанный и неухоженный Ермаков. Продрав глаза, прочитал текст.

— Это... Это я не понял... Че...

— Того,— на сей раз ответил дежурный.— Обещали же народу покончить с уличной и прочей преступностью. Вот, кончаем. Теперь потерпевший сто раз подумает, писать ему заяву или повременить. А *нет заявления — нет преступления*. Через пару месяцев у нас будет самый безопасный городок в России. Хоть Олимпиаду проводи. Снижение вала по всем параметрам. Ну, кроме, может быть, «мокрух» да торговли подпольной водкой.

— Фантастика!

— Давно пора,— отойдя на пару шагов от «Порядка», сказал старшина.— Вы, урки, небось и так мзду берете, налог в бюджет черта с два платите, а мы зарплату не получаем вовремя. Теперь не забалуете.

— Держи кармашек шире,— усмехнулся Андрей.— Получишь ты что-нибудь вовремя, кроме бесплатных похорон... Много мы мзды набрали. Прям Брынцаловы.

— Все равно нечего к халяве граждан приучать. Как телик ни врубишь, одна тема. Дефицит бюджета вследствие плохой собираемости налогов. А теперь все, кончилась халява. Если гора не идет к Магомету...

— *Я полностью солидарен*,— поддакнул дежурный.— Частные охранники сразу на хозрасчет перешли, там слово не скажешь, не заплатив. И цены не чета нашим по скромности.

— Деньги-то ты получать будешь, скромняга наш? — поинтересовался Андрей.

— Зачем?! Вон Ленке в кабинет кассовый аппарат монтируют, чтобы все по закону.

Пульт затрещал очередным звонком.

— Дежурный по бригаде, майор Вертепов! Так! Понял! Забить «стрелку» и разобраться по понятиям! Базара — ноль, в смысле, есть! Нет, обойдемся без быков, виноват, ОМОНа.

Дежурный положил трубку.

— Ермаков, там пенсионер паспорт просрал где-то, кто-то нашел, теперь лимон вымогает за возврат. Ты дежуришь, шагом марш в адрес, пенсионер дома.

Не спавший ночью Ермак заканючил:

— Что, участкового на это нет? Вон сидит кроссвордирует. Пусть развеется!

Дежурный сделал пальцы рожками.

— Ты чо, пацан, не слышал, что старший сказал?! Ты типа где работаешь? Возьми у Ленки квитанцию об оплате и чеши к пенсионеру! Так, кстати, сейчас прикинем...

Вертепов пощелкал кнопочками калькулятора, вмонтированного в пульт.

— Вот, по прейскуранту получишь с него лимон. Заявка на контроле в управе, резину не тяни. Пенсионеров велено не обижать, тоже старыми будем.

— Я не доживу, у меня запоры. — Недовольный Ермак отправился на заявку.

Андрей тоже не стал задерживаться, вернувшись в кабинет. Там, сев на свободную половинку дивана, вытянул ноги и, почувствовав вдруг необъяснимую легкость, мгновенно заснул. Сейчас ему ничего не снилось. Ни кошмары, ни любовь. Большая черная космическая дыра.

Проснувшись от настойчивого стука в дверь, Андрей гляпул на свою «Ракету». Хорошо на массу подавили. Четырнадцать ноль-ноль. Шея затекла, и голова никак не могла занять правильное положение. Тоха кое-как сгибал занемевшие от неудобной позы ноги.

Стук прекратился, шаги за дверью удалились в сторону шефского кабинета.

— Продольный, наверное, — тихо предположил Андрей. — Никак не уймется со своими версиями. Нирю Вульф...

Сон пропал, захотелось чаю и пожрать. Чая, скорее всего, не было. Андрей по инерции выдвинул ящик, извлек пустую коробку, вытряхнул на стол несколько чаинок. Скомкал коробку, метнул ее в мусорку. Чаинки смахнул на пол.

— У тебя нет?

— Немае. Забыл купить.

— Я тоже. Сходи к фанату, у него всегда есть.

Сходить не дал телефонный звонок. Трубку снял Андрей.

— Алло! Воронов! — звонил сердитый Поперечный. — Вы почему двери не открываете?! Пьете, что ли?!

— Я только зашел, — мгновенно среагировал Андрей.

— Где Грицук? В кабинете?

— Не знаю, сейчас посмотрю.

— Что, что значит посмотрю? У вас там кабинет двухкомнатный?

Андрей понял, что сморозил глупость.

— А вот и он, зашел как раз! С улицы.

— Пригласи его ко мне.

Андрей виновато взглянул на напарника.

— Вас приглашают.

— А-а-а! — Тоха махнул рукой и отправился к Поперечному. Андрей принялся обходить соседние кабинеты в поисках чая.

Когда он вернулся, Грицук уже сидел на прежнем месте с какой-то безразлично-холодной миной на украинском лице.

— Что Продольный хотел?

Тоха лениво повернул голову.

— Предла'ает место искать. Лучше вне милиции.

— Не понял?

— Пришло якобы новое штатное расписание. У нас сокращают единицу в розыске. Мол, непрофилирующая служба. Предложено мне как самому молодому. Да и пошли они... Уеду в Харькив, ворья везде хватает, не пропаду.

— Шизанулись?! Нас и так по пальцам пересчитать! Кто останется?!

— Плевать мне, Андрюха, — равнодушно протянул Грицук. — Без меня большевики обойдутся.

— Сколько сроку дал?!

— Три дня.

— Кр-р-ретины! — ругнулся неизвестно на кого Андрей. — Кто ж у них профилирующий? Геморрой в форме?

Он засыпал в чайник добытую заварку, воткнул кипятильник в банку с водой.

— Ты, Тоха, в башню не бери. Первый раз, что ли, сокращают? Сейчас сократят, после восстановят, когда опять власть сменится.

Грицук не захотел продолжать, резко сменив тему:

— Слышал, на днях в твоем районе собак постреляли? Телетайп пришел. Пять штук из «Макарова». Чудик какой-то. Приказано ориентировать личный состав.

— Зачем? Не люди же? — чуть побледнев, спросил Андрей.

— Большой общественный резонанс, граждане шум подняли, защита животных, цинизм, ну и прочая дребедень... Я думал, ты в курсе, рядом же.

— Нет, не слышал. Чай будешь?

— Да, выпью.

Андрей открыл ящик, незаметно вытащил картонную коробочку из-под патронов. Так ведь и не выкинул! Скомкал и метнул в мусорную корзину, следом за чайной упаковкой. Тоха сидел на диване, прикрыв глаза.

— Да, слушай-ка! — вспомнил Андрей. — Больного так ведь и не проведали. У тебя данные есть?

— Вон список на столе. — Грицук открыл глаза. — Нижний клиент.

Андрей протянул руку к соседнему столу.

— Одышкин?! Пашка?

— Знаком?

— Черт, я и не знал, что он... Надо же. Плотничек...

Грицук взбодрился:

— Кто такой?

Андрей достал из сейфа амбарную книгу.

— Пару лет назад он влетел за «солому». Еще там, на моей бывшей земле, в другом районе. Получил условно на первый раз. Сейчас ему двадцать три. Мамаша все ко мне тогда бегала, плакала, а я успокаивал.

— А «солома» откуда?

— Без протокола рассказал. Зубова знаешь? От него товарчик. Он полрайона снабжал. А ОНОН[1] про него даже и не слыхал, потому что грамотным товарищ был, сам ни на чем не светился.

— Почему был?

— Потому что после того как Паша Одышкин мне про него упомянул, а я в свою очередь поделился информа-

[1] ОНОН — отдел по борьбе с наркотиками.

цией с мужиками из ОНОНа, взяли Зубова в разработку и успешно парня приземлили. А Одышкина я за эту маленькую услугу научил, что на протокольчике написать. «Шел-нашел-взяли», в общем, как обычно.

— Он ширялся?

— Нет, только торговал. Так что есть нам о чем с Пашей потолковать. Вспомним тяжелое время и старые раны.

— Может, с обыском на'рянем? Опять наркоту найдем. Оно то'да как по маслу пойдет!

— Посмотрим. Может, и найдем. Пока так попробуем. Паша мне по гроб жизни обязан, что сейчас на зоне не коптится. Да и перед Зубом я его не вывел... Непонятно только, что он в мебельной делал? Может, завязал после суда? Неужели помогает?

— Ко'да едем?

— Да хоть сейчас. Тем паче что ехать не надо, он в соседнем дворе обитает.

— 'оним! 'де ж ты раньше був?!

Грицук, забыв, что полчаса назад получил предписание очистить органы от своего присутствия, азартно потер руки.

Мать Одышкина узнала Андрея, но, не помня имя-отчество, тихонько буркнула что-то приветственное, пропуская оперов в квартиру.

Паша был дома и, как того следовало ожидать, в лежку не лежал, а сидел на диване и спокойно смотрел «Историю любви». Узнав Андрея, он засуетился, заулыбался и уступил место на диване, пересев на стул.

— Болеем, Паша? Как здоровьице?

— Спасибо, почти. Вы по поводу стрельбы?! Так я вчера все уже рассказал.

— Кому?!! — в голос спросили оперы.

— Так вашим же! Меш... цу, тоже, в общем, из милиции.

— Из нашего отдела? Ермакову? Херувимову?

— Я не помню фамилий. Кажется, они сказали, что приехали из управления по организованному бандитизму. Двое здоровых таких, в «Адидасе» с лампасами и в пропитках.

Ни Ермак, ни Херувимов пропиток не имели, к тому ж они наверняка рассказали бы о визите к Одышкину.

Паша, предчувствуя, что оказался потревоженным напрасно и можно вновь сосредоточиться на «Лав стори», расслабился и закинул ногу на ногу.

— Ну и что, милок, ты им рассказал? — немного расстроившись, спросил Андрей.

— Правду! Я тут приболел, больничный взял. Тридцать девять с полтинником. Думал, загнусь!

— Не скажешь по тебе, — подметил Антон, рассматривая довольно бодрую внешность Одышкина.

— Панадол!!! Никаких таблеток! Мама в театр собралась...

— Понятно. Прикованный тяжелым недугом к постели Паша Одышкин доживал последние дни. Дожил. Вовремя тебя прихватило. Просто, можно сказать, повезло.

— Судьба-а-а, — развел руками Паша.

— Это все, что вчера вспомнил больной?

— Нет, а при чем здесь я?! Ну, повезло, заболел. Какие ко мне претензии? Я что, должен все знать?!

— То есть вчера ты, кроме того, что у тебя тридцать девять, ничего ценного не сообщил.

— Конечно!

— А сегодня? Тебе ж наверняка дали время подумать.

— Ну, дали, — стушевался Паша. — Что из этого? Могли бы и не давать. Время — не деньги.

— Как ты оказался на мебельной?

— Как все люди. По нужде. Сидел на мели, встретил Кольку Тихонова, ну, убили которого, он и предложил.

— Вы были знакомы до мастерской?

— Соседний двор, все детство бок о бок. В комсомол вместе вступали. Зашибали не то чтобы много — лимона по полтора в месяц, но это лучше, чем ноль.

— В комсомоле?

— В мебельной.

— Похвально.

— Еще бы! Женюсь скоро, бабки нужны, а где сейчас, ничего не умея, честно заработаешь? А здесь наловчился шкафы собирать, ума большого не надо.

— Складно звонишь, — хмыкнул Грицук.

— Погоди, Тоха... Ты, значит, все эти дни на диванчике, у телевизора?

— Совершенно справедливо. Чуть пролежни не нажил.

— А вот соседка твоя, Зинаида Петровна, говорит, что бегал ты туда-сюда по лестнице без всяких признаков гриппа на лице. Может, ты ошибся, может, тебя говорейка прихватила?

— Шиздит, кляча старая! — неподдельно встрепенулся Одышкин. — Ей делать не хер, она и сочиняет бредятину подлую! Бегал, бегал! Прямо убегался!

— Чего ты, Паша, так распереживался? Смотри, опять пападол придется жрать. Больничный твой не покажешь?

— Я «неотложку» вызывал. Десять дней прописали, потом к врачу. У него бюллетень и возьму.

— Кто ж ваших так обидел? Не подкинешь мысль?

— Клянусь, не знаю! Я всего два месяца в кочегарке. Колька, я слышал, черному морду намылил из-за бабы в кабаке. Может, черный со своей братвой? Им, чеченам, что Крым, что крематорий — полгорода перережут!

— Про черного слышали, ищем. Ну а еще? Как, например, у директора с «крышкой»? Кому платили?

— Понятия не имею. Может, он и платил, но я-то тут при чем? Что я, бухгалтер? Моя забота стенку с боковиной скрепить, на шипы да шурупы закрутить! Вот ведь...

Андрей немного помолчал, затем обернулся к Антону:

— Старик, с матерью поговори пока. На кухне. И проверь на всякий случай историю Пашиной болезни. А мы проверим историю любви.

Затем кивнул на телик.

— Ну-ка, вырубите тошниловку эту.

Паша щелкнул кнопочкой. Тоха отправился на кухню. Андрей пересел с дивана на второй стул, поближе к Одышкину.

Начали поскребывать кошки. Еще не скребли, только поскребывали, что тоже не здоровско. Нет ничего противнее, чем колоть людей на компромате, который люди сами тебе и рассказали. Даже если человек мурло по жизни, с запахами помойки и гнилья.

Но... От тех, кто вчера ночью стрелял, несет не помойкой, от них несет мертвечиной. Их надо найти и закопать в землю. И вместо креста вбить кол.

— Панадол, значит?

Одышкин заерзал на широком стуле.

— Дыру не протри. Ну что, болезный, биографию будем вспоминать, али как?

— А чего ее вспоминать? Да, было, вляпался впопыхах, нечаянно, так суд это учел.

— А сам ты что учел? Ты учел, что мне накануне суда пришлось судью водкой поить и душевно ему грузить, что некий Паша Одышкин, рискуя шкурой, внедрился в банду наркодельцов по нашему заданию, но мудила участковый, его случайно задержавший, чуть было не завалил операцию. И не стоит Пашу на первый раз сажать, не по злому умыслу он...

Андрей врал внаглую — ни к какому судье он не ходил и водку с ним не пил. Знал заранее, что вряд ли Одышкин получит срок.

— А чем отвечает на заботу о нем Паша Одышкин? Панадол, «История любви», нога на ногу. Какая у Паши короткая память! Как у кандидатов в городское собрание. Может, стоит напомнить про Витю Зубова? Витя до сих пор малявы корешам с зоны шлет с просьбой найти того супостата. Того, того самого. Не постоит Витя за ценой, если что.

— Я не сдавал Зуба!

— Это ты так считаешь. Потому что я свое слово сдержал, не светанул тебя нигде. Но понимаешь ли, я с возрастом таким рассеянным становлюсь. Где бумажку какую забуду, иногда в компании вместо анекдота житейскую историю расскажу. А кто захочет, тот услышит...

— Вы же обещали...

Паша покраснел как помидор и с негодованием смотрел на Андрея.

Андрей, почувствовав слабину соперника, давил на больное место.

— Конечно, конечно. Я даже сейчас своего напарника к маме отправил. Опять-таки для твоего блага, чтобы ни про Зуба он не услышал, ни про то, почему ты в нужный момент на работу не вышел.

— Я же...

— О-о-о! Получается, не хочет Паша искренности, не хочет. Ну что ж, «ура!» тебе за это, Паша.

Андрей поднялся.

— В бюро ритуальных услуг «Реквием» сезонные скидки. Рекомендую побеспокоиться заранее. Адресок дать? За предварительный заказ плата не взимается. Очень удобно. Можно заказать гроб со встроенным радиоприемником или «Тетрисом». Никаких шуток, Паша. Я, Паша, себя уважать перестану, если в твой грипп поверю, так что извини. А гниль, она рано или поздно все равно наружу выйдет, как ни прячь. Пока.

Андрей сделал шаг к двери.

— Подождите...

«Горячо, горячо!»

— Ну?

— Я расскажу, только...

— Хочешь гарантий? Гарантии — дело наживное. Ты сначала расскажи, что знаешь. Пока обещать могу одно — все останется между нами. Впрочем, ты в этом имел возможность убедиться.

— Хорошо. Курить можно?

— Да не первничай так! Ты что, в гостях?

— А, ну да...

Одышкин достал из нагрудного кармана мятый «Аэрофлот», прикурил.

— Так, сегодня вторник? Да. Я с четверга на больняке. Вот еще что, я действительно ни в какие дела Григорича, ну, шефа нашего, не влезал. Тут случайно вышло.

— Ты рассказывай, там посмотрим, что случайно, а что нет.

— Да, хорошо. Значит, в среду утром плохо мне было. Помните, тот кабак, где Колька черного о столик башкой? Я тогда с Колькой гулял. Перебрал, если честно. Утром еле поднялся, просто никакой. На работу вообще идти не хотел, да передумал, Григорич выгнать грозился.

— Ты не на Доске почета?

— Ну, подумаешь, пару раз задвинул! Сразу «уволю, уволю». В общем, приполз кое-как, перед шефом отсветился. Он обычно в самом цехе не сидит. Или в разъездах, или в пристройке, рядом со складом. Я с мужиками договорился, что часик отлежусь. В случае чего — за сигаретами ушел. Ну, мужики: «Понимаем, Паша, ол'райт». Я на

склад, там скамеечка есть для таких делов. Пару шкафов придвинул для прикрытия, фуфаечку под башку — и вперед, за Родину. Не помню, сколько отходил — часа два, не меньше. Всякая дрянь снилась — бабы голые, черти...

— Это можно опустить, — поторопил Андрей. — Невесте потом расскажешь.

— Проснулся от разборки какой-то. Мужики скандалили — громко, от души. С накатиком. Свет на складе врублен. Я из-за шкафа пригляделся, не высвечиваясь. Сейчас время такое — лучше не высвечиваться без нужды, сплошные вирусы... Вот. Шесть человек было. И Григорич. Запуганный, суетливый. Я его никогда таким раньше не видел, он по жизни с принципами, умеет позицию отстоять. А тут как кролик перед удавами...

В комнату вернулся Антон.

— Я все. Ты скоро?

— Пару минут, Антон Михайлович, подожди, если не в падлу. Паша заинтересовал меня как мужчина.

— Я на улице, на скамеечке.

— Да, я скоро.

Антон ушел на лавочку.

— Давай, давай. — Андрею не терпелось заполучить ключик к заветной дверце. — А то он неладное заподозрит.

— Короче, пацаны эти насчет «крыши» базарили. Кому из них Григорич платить должен. Я хотел было встрять, развести ребят, да не стал. Они там к словам не очень-то прислушивались, один аргумент: «Да ты знаешь, козел, кто мы такие?!»

— И кто они такие?

— Троих первый раз видел. Не местные пацаны. В пальтишках, галстучках, прямо салон Славы Зайцева. Они, в основном, и накатывали, фиксами золотыми сверкали...

Паша потер подбородок, создавая видимость сильного душевного волнения и активной работы памяти.

— Не волнуйся так, Одышкин. Где Третьяк — там победа. Говори, кого узнал.

— Петю Канарского знаете?

— Ну еще бы...

Петя Канарский слыл местным бандитским заправилой, контролировавшим пару городских районов. Свое не-

обычное прозвище он приобрел за то, что, отдыхая на Канарах, *забывшись по пьяни, помочился в ресторанный бассейн*, а затем столкнул туда возмутившегося не по делу официанта. Испанские власти затрюмили Петю в местную тюрягу, но через пару дней отдыхавшая братва вытащила авторитета под залог.

Петя очень гордился этим фактом биографии, при каждом удобном случае в розовых красках расписывая, как тянул срок на испанской зоне, будучи пойманным Интерполом на крупной афере с оружием. Все верили, и в конце концов Петя поверил в это сам.

Внешность типичного питекантропа и бычьи повадки немного подмывали Петины воспоминания — подобным товарищем вряд ли заинтересуется Интерпол, но никто открыто сомнения не высказывал, боясь навлечь нечаянный гнев Канарского. Петя по природе был обидчив и мог обидеться.

— Так что, он присутствовал?

— Григорич ему до этого платил.

— Ты не виляй задницей! Был он на разборке или нет?

Паша, чуть не плача, выдавил:

— Да... был.

— А с ним?

— Пацаны его. Нико-один и Нико-два. Близнецы.

— Знаем таких. Ну и чем у братвы раунд закончился? Кто победил?

— Ну, по понятиям эти, в пальто, не правы были. Это Петина территория, даже в газетах пишут. А они откуда взялись? Накатили на Петьку: «Запомни, баклан ресторанный, еще раз здесь засветишься, заставим нассать в ведро, а потом утопим!» Григорича за шиворот и на улицу. Петя обиделся, конечно. По-взрослому так обиделся. Харкнул вслед, пальчик показал. Потом близнецам говорит: «Хера они получат! Найдите Ортопеда, пусть зарядит машинку и разнесет этот сарай к едреной матери!»

— Ортопед? Это Тимохин?

— Да, Серега. Бывший взрывник. Изобретал как-то бомбу, ему ноги-то и оторвало. На протезах ходит, поэтому и Ортопед.

— Отходился.

— Почему?

— На днях шел по улице, нес пакетик, нечаянно выронил, хотел поднять... Говорят, что запчасти от протезов находили в радиусе километра. Хорошо полетал. Погодика! Они в среду в мастерской воевали? Точно! А в четверг Ортопед и взорвался. Часиков в девять вечера! Вот он кому подарочек-то нес, сучье вымя!

Паша пару раз сглотнул слюну. Андрей потопал ногой по полу.

— Ты, значит, после этой «стрелки» на складе решил приболеть?

— Приболеешь тут. Канарский — конкретный малый.

Андрей поднялся со стула. Читать нравоучительную речь о чести и совести он не собирался, проще было заехать в морду, да толку-то. Только руку вывихнешь. Хоть ядерная война, а страус все равно башку в песок зароет. И Одышкина понять можно: лучше гриш, чем гроб. А чего? Другой бы, что ли, не заболел? Кто решился бы панику поднять? Никто. Хорошо рассуждать и упрекать. Все верно, Пашенька, все верно, никто с тобой не спорит. Живя среди страусов, волей-неволей становишься страусом. Даже если очень не хочется.

— Пока, Паша. Живи дальше.

В коридоре Андрей столкнулся с матерью.

— Простите, он что-нибудь натворил? Скажите, пожалуйста.

Андрей не ответил, приоткрыл дверь в комнату и, погрозив Паше кулаком, произнес:

— И запомни, борода многогрешная, ежели что худое за тобой проведаю!.. Хороняка!

Грищук, вытянув ноги, сидел на скамейке и кемарил. Андрей подсел и вытащил из его куртки сигареты. Тоха, не открывая глаз, зевнул.

— Ну шо?

— Очень горячо. — Андрей затянулся. — В среду Петя Канарский, знаешь отморозка этого, со своими быками встречался с какими-то залетными на складе мастерской по поводу «крыши». Одышкин в это время за шкафом после пьянки отходил, весь базар слышал. Залетные, чувствуется, покруче Пети оказались, велели убираться. Странно, после таких предъяв стволы тут же в ход идут. Но обошлось. То ли Петя

струхнул, то ли еще что. Велел своим найти Ортопеда, чтобы тот взорвал мастерскую. А в четверг Ортопед сам взрывается — нечаянно. Царство небесное. Усекаешь? Канарский от затеи не отказался и дело, бляха, доделал! Не так, так этак! А Одышкин от греха подальше решил на больняке отлежаться и никого, морда ослиная, не предупредил, даже своих! Хрен-то, если б в ментуру не настучал, тут все понятно, но своим не сказать!..

— Ой, нашел 'рех! Защита жизни путем невмешательства. Меньше знаешь — дальше едешь. Дру'ое не ясно. Работя'и здесь при чем? Эти пере'рызлись, вот и взрывали бы дру' дру'а сколько влезет.

— Паны дерутся, у крестьян чубы трещат?

— Возможно. Старо, как дерьмо мамонта. На ком-то надо ведь оторваться! Ко'да армия не может разбить армию, она начинает сжи'ать деревни. Кстати, Одышкин остальных не узнал?

— С Петей братья-близнецы были, Нико-один и Нико-два, а тех первый раз видел. В стильных прикидах, в пальтишках, при галстучках. Культурные мальчишки. Боюсь, что, если это Петина работа, искать мы его долго будем. Я бы после таких пакостей из города тут же сдул. На Канары или в ближнее зарубежье.

— То ты... У меня 'де-то Петина трубка записана, попробуем дозвониться, поболтать.

Тоха поднялся со скамейки, одернул куртку.

— Ладно, по'нали по домам, я дрыхнуть хочу, завтра продолжим.

Пожав Андрею руку, он пошел в сторону проспекта.

Бандит Борька Чернов крепил к крыше своего «ниссана» синий маячок. Маячок смотрелся очень изящно. Борька отошел на пару метров, оценил «ниссан», вернулся и, плюнув на ветошь, протер стекло.

— Дюша, братан, глянь-ка, пашет или нет?

Борька сел в машину, повернул ключ. Маячок весело заморгал.

— Ну?

— Работает.

— Ништяк! Садись, погнали. Тебе в отдел?

Слегка ошарашенный, Андрей забрался в «ниссан».

— ГАИ-то не боишься? Отнимут ведь.

Борька довольно загоготал:

— Гы-гы... Теперь не отнимут, теперь, братан, я свой! Ментовский. Так-то, коллега.

— Не понял...

— Гляди! — Борька достал из наручной сумочки милицейское удостоверение и протянул Андрею.— Младший лейтенант милиции, инспектор отдела по изысканию внутренних резервов! Чувствуешь? Вот, форму на склад еду покупать.

— Покупать?

— А ты что, даром получал?

— Да, вообще-то.

— Странно, а нам сказали за бабки.

— Это что ж за отдел? Какие еще внутренние резервы?

— Пока не знаю. Говорят, профилирующая служба, главная! Солидняк!

На перекрестке, где возникла небольшая пробка, Борька включил игрушку-маячок и выехал на встречную полосу. Машины притормаживали, пропуская «джип». Водитель горбатого «запорожца» зазевался и перегородил проезд.

— Куда, козел горбатый, прешь! — Борька опустил боковое стекло и заорал, перекрывая двигатель: — Я тебе, блин, сейчас люк в башке сделаю, чтобы мозги проветрить! Не видишь, милиция на дело едет!!!

«Запорожец» убрался с полосы.

— Ну никто власть не уважает! — сокрушался Борька. — Так и норовят в душу насрать!

— Я не понял, как тебя к нам занесло? — вернулся к разговору Андрей.

— Чего там, Дюша, не понимать? — кисло вздохнул Дядя Бэнс. — Когда ваш, ну, теперь наш, пахан кресло занял, братва обрадовалась. В тюрьме даже городской банкет закатили, надеялись на волю вскорости выбраться. Да не тут-то... Мы-то рассчитывали, что он ментов к ногтю приберет, чтобы пацаны спокойно жить могли, без проблем. А вышло типа иначе... Он созвал авторитетов на сходняк и популярно объяснил — кто не с нами, тот против нас. И поди поспорь! За ним теперь кодла — с дубинками, автоматами да с пушками. С законными пушками! Ты, между прочим, тоже за ним!

— Я сам по себе.

— Он тебе платит. И прикажет стрелять — будешь стрелять. Кое-кто из братвы решил подискутировать, мол, так не по правилам, не по совести... Так на другой день собровцы их прямо на улице мордой в говно положили, наркоты в карманы напихали и по камерам развезли. Теперь на нарах дискутируют. Кто еще хочет поспорить? Никто. Глянь, что творится! Менты все под себя забирают, на «стрелки» приезжают, беспредельничают. Папа, вместо того чтобы ментуру попридержать, такую бригаду из нее сколотил, что никто поперек пикнуть не может. Я репу почесал и в отдел кадров. Прихожу, фамилию называю. Кадровик меня тут же по компьютеру прокинул. Обрадовался. Милости просим. Есть вакантная должность инспектора внутренних резервов или инспектора по разборкам. Пишите биографию, проходите медкомиссию, получайте оружие — и в бой, на борьбу с преступностью.

— Чудеса! — искренне пожал плечами Андрей. — Кому рассказать...

— Небывалое бывает. Так что, коллега, скоро я приеду к вам искать внутренние резервы.

— Нет у нас никаких резервов.

— Вот мы вместе и поищем! Гы-гы-гы...

— А этот ваш где? Как его, Автоген. Мать Тереза.

— Эх, — с отцовской нежностью вздохнул Чернов. — Бедняга Автоген... Он ведь до чего дошел — стал у больных простыни щупать, не сырые ли. Как Ильич блаженный. Мы его в отдел хозобслуги пристроили, не фонтан, конечно, но все ж поближе к одеялам...

— Какая трагедия.

— Зря, коллега. С любым может случиться. Грех смеяться. Ты-то небось при счастье весь, самый крутой теперь. На любой «стрелке» правый. «Новый» мент.

— Да нет, Борь. Я, знаешь ли, на «стрелки» не ездил и ездить не собираюсь. И стрелять буду только тогда, когда сочту нужным, кто бы мне что ни приказал. Так что в разряд «новых» я не шибко попадаю. Ковыряюсь потихоньку в свое удовольствие. Притормози-ка, мне в адресок надо заскочить.

Борька прижал «джип» к обочине.

— Погоди-ка, ты сколько лет в ментуре?

— Восьмерик скоро.

— Не надоело зону топтать? Может, замолвить словечко? Найдем работку поспокойнее.

— Спасибо, Борь, мне и здесь не дует.

— Я тебе по дружбе старой скажу... Есть распоряжение на девяносто процентов заменить личный состав. Так что ты не хорохорься, а слушай ученых людей. Предлагают — переходи, пока места есть.

— Я подожду.

— Знаешь, Дюша, ты, конечно, мент авторитетный...

— Ну?

— Но муда-а-ак...

В отдел завозили стройматериалы. Одна заботливая фирма неожиданно захотела оказать спонсорскую помощь в реконструкции здания. Срывалась старая, грязная облицовка, крушились прогнившие перекрытия, менялись ржавые трубы. Нужен евростандарт? Будет евростандарт! Рабочие в желтых немецких комбинезонах орудовали отечественными ломиками и бошевскими дрелями. Поперечный с Михалычем в пластиковых шлемах ходили между выросшими деревянными лесами и что-то подсказывали рабочим.

Андрей кивнул начальству и по скрипучим, еще не заменешным половицам прошел в свой кабинет.

Тоха искал «место», названивая по знакомым.

Андрей не стал мешать поискам и рассказывать услышанную от Борьки сплетню.

Но Грицук, увидев его, тут же положил трубку.

— Здравкуй.

— Здравкуй.

Помолчали.

— Нашел что-нибудь?

— Н-нет. Занято. Как в ва'онном сортире перед станцией.

— Ничего, найдем. Хочешь в отдел изыскания внутренних резервов?

— Куда?!

— Профилирующая служба, не то что мы.

— Звучит красиво. Но пока воздержусь. Шлюхи тоже красивые.

— У нас, я гляжу, ремонт затеялся?

— Затеялся... Еще бы он не затеялся. Спонсор тоже спокойно жить хочет. А ты шо, против ремонта?

— Да нет, в общем. Сколько в говне-то можно работать?

Помолчали.

Андрей развернул свежекупленную городскую газету, прочел передовицу.

— Ну, черти!

— Шо таке?

— Про наш расстрел! Интервью с шефом. Ты только глянь: «Это вызов преступного мира лично мне, моему делу, моему желанию навести порядок в городе! Но я принимаю вызов, объявляю войну всем бандформированиям, особенно закавказским! В двухдневный срок я предлагаю им покинуть город. В противном случае их ждут серьезные меры! Другого быть не может! Я за базар отвечаю!»

— Так и написано?

— Ну да.

— По крайней мере не кривляется, уже про'гресс.

Помолчали.

— Андрюх, а может, это наши работя' постреляли? Для повода?

— Да, повод неплохой. Возмущенный народ требует возмездия и активных действий, а не красивых слов с трибун. Теперь любой беспредел под это дело спишется. Только, Тоха, он в любом случае спишется. Сомневаюсь, чтобы кто-то из ментов на это паскудство подрядился. Хотя...

Помолчали.

— Улететь бы...

— Куда?!

Утром следующего дня звеньевой Поперечный, как обычно, производил развод, подводя итоги минувшего в историю дня и ставя задачи на день текущий.

— Ермаков, ты договорился с магазином?

— Почти. Маленькие проблемы с оплатой. Скулят.

— Чтобы не скулили, свяжись с братвой из налоговой, пускай тряхнут бухгалтерию. Спекулянты хреновы, тачки и виллы покупают, а на пять костюмов денег пожалели.

— Я еще пальто и шляпы заказал.

— Все равно для них это не убыток. Созвонись с налоговой.

— Много чести. Я им лучше стекло выбью, — сказал Ермак и сделал пометку в дорогом кожаном блокнотике с калькулятором.

Действительно, директора надо бы поставить на место. Пожалел шмоток для опersостава. А у опersостава приказ — на службе выглядеть опрятно и единообразно. А то не опersостав, а сборище шпаны у пивного ларька. Стыдно перед людьми.

— Воронов, — продолжал Поперечный, — что по угону «мерса»?

— Ищу, — коротко ответил Андрей.

— И как?

— Составил план, ориентировал личный состав, произвел обход домов...

— Я тебя не спрашиваю, как ты ищешь. Я спрашиваю — хоть что-то нашел?

— Конечно, вот. — Андрей извлек из кармана металлическую эмблему автомобильного концерна «Мерседес». — На месте происшествия валялась.

— Послушай, умник! — по-жегловски прохрипел Поперечный. — Ты не умничай! Надо знать, когда стоит умничать, а когда попридержать. У нашего коллеги горе, угнали новый «мерседес», он на него копил, ночами, можно сказать, не спал! Надо с душой подойти, по совести. Завтра у тебя, не дай Бог, угонят машину на чужой территории, а тамошние оперы вот так, как ты, умничать будут. Приятно? Ты вот сейчас не о товарищах своих обиженных думаешь, не о долге, не о совести! А о бабах и выпивке!

Последняя фраза была использована звеньевым Поперечным для логической завершенности общей идеи.

— Вечером доложишь о наработках. Машину надо найти и вернуть. Дело принципа.

Андрей, не ответив, согласно кивнул. Найдем — вернем.

Звеньевой перешел к оглашению сводок.

— Так... В девятнадцать двадцать обратился с заявлением профессор университета. Неизвестный вырвал у него сумку с находящейся в ней пенсией. Приметы преступника...

Поперечный снял трубку местного телефона.

— Дежурный! Вчерашний профессор оплату за заявление произвел? Нет? Зачем же заяву зарегистрировали?! Еще раз штампанете, уволю к чертовой матери!!!

Саданув трубкой по рычагу, звеньевой вернулся к сводкам:

— В двадцать два обратился безработный с заявлением о том, что уснул на скамейке, а проснувшись, обнаружил пропажу золотой цепи, двух платиновых печаток, бумажника с пятью тысячами американских долларов и телефонного аппарата «Nokia». Так, Херувимов, это твоя территория, немедленно займись. Профессор себя как-нибудь прокормит, а безработному надо помочь. Это у него, наверное, последнее.

— Да, — коротко ответил фанат. Затем насыпал на ладонь горку белого порошка, наклонил голову и через трубочку вдохнул зелье правой ноздрей.

— Кокаин? — шепотом уточнил Ермак.

— Насморк.

Продольный продолжал знакомить с оперативной обстановкой.

— Теперь ориентировки. Тьфу-тьфу, сегодня всего одна. Значит, вчера в двадцать три ноль-ноль на пустыре возле дома номер три по Кирпичному переулку в машине «джип-чероки» с огнестрельными ранениями обнаружены трупы граждан Задульского Петра Николаевича, тыры-пыры, Николаева Вадима Геннадьевича и Николаева Олега Геннадьевича. Все безработные. Из машины изъято два пистолета «ТТ» и один «Макаров». В целях розыска преступников как обычно предлагается...

Андрей переглянулся с Грицуком.

— Задульский, Задульский, — пробормотал Поперечный. — Знакомая фамилия...

— Это Петя Канарский. И при нем два брата, — ответил Грицук. — Докатались на «джипе». Плохо быть безработным.

— Кстати, о работе. Ты место нашел?

— Нет.

— Смотри, дело хозяйское.

— Буду жить на пособие.

После сходки Андрей получил свежие материалы в дежурке и вернулся в кабинет. Грицук сочинял рапорт на увольнение. Текст излагался литературно и без ошибок. Опыт.

— Кончай писанину! — сказал Андрей. — Звони соседям, узнавай ситуевину по стрельбе. Как нам подфартило! И Канарского, и братьев! А мы вчера плакались, что не поймаем. Во, поймали! Еще, можно сказать, теплепькими. Теперь дело за малым — стволы на экспертизу, и считай, раскрытие по мебельной фабрике в кармане. Сто из ста, что из этих стволов работяг постреляли.

— Наверняка, — согласился Антон.

— Я всегда говорил, что Бог, он правду-то видит.

— Ни черта он не видит! — Тоха скомкал написанный рапорт и бросил в корзину, но не попал. Рапорт приземлился рядом.

— Чего ты такой хмурый сегодня? Бухал? — Андрей вылез из-за стола, чтобы подобрать рапорт, а заодно вынести переполненное ведро. — Подумаешь, в расход уродов пустили, туда им и дорога. Слушай, может, это те, в пальто? За обидку рассчитались?

— Рассчитаются они, как же. — Тоха сузил глаза. — Не их же обидели. Будут они из-за работяг жопу подставлять...

— Ладно, давай звони, а я на помойку. — Андрей подхватил ведро.

Дворники давно бастовали, требуя зарплаты, поэтому уличный контейнер постепенно превратился в зловонную гору пищевых и прочих отходов, возвышающуюся в соседнем дворе. Милицейский же двор, вылизанный и благоустроенный все тем же неугомонным спонсором, напоминал участок перед многозвездочным курортным отелем, разве что без бассейна. Травка с подогревом, лавочки-беседки, столик для написания заявлений... Лепота!

Кучу мусора для придания ей политического статуса местная администрация обнесла веревкой, натянутой на вбитые в землю колышки, и повесила бумажку с традиционной фразой насчет посторонних.

Андрей поискал свободное место за веревочкой, приподнял ведро, взявшись за нижний край... Хе-хе, прелесть какая. Коробочка из-под патронов, выброшенная три дня назад, лежала сверху, прямо на бутылке водки «Державная». Тоха, что ль, усугублял? А потом в ведре рылся?

Андрей пожал плечами и опрокинул ведро. Нагнулся, чтобы отряхнуть запачкавшиеся брюки.

Коробочек было две.

Андрей тряхнул головой (бессонница!), закрыл глаза. Открыл.

Коробочек было две.

Он протянул руку под веревочку и подобрал обе. Типовые картонки из-под патронов. На первый-второй рассчитайсь! Он скомкал их, бросив назад, в кучу, медленно побрел к отделу, забывая обходить лужи от растаявшего льда.

Тоха лежал на диване. После свежего воздуха нос защекотал выхлоп спиртосодержащих продуктов. Андрей закрыл дверь, поставил ведро, сел на стул.

— Я на всякий случай, а то Продольный разорется, — указав на дверь, пояснил Андрей. Грицук не ответил, едва заметно кивнув.

— Пил?

— У'у.

— С кем?

— Так, с бабой одной...

Андрей внимательно посмотрел на напарника, потом, чуть нагнувшись, прошептал:

— Тоха, скажи без балды... Твоя работа?

Грицук приоткрыл один глаз и так же шепотом ответил вопросом на вопрос:

— А те собачки?

Андрей опустил взгляд.

— Я спасался, Тоха. Они напали первыми... Но ты?

— Я?! Почему ты решил, что это я?

— Так, общая оценка обстоятельств. Взгляд со стороны.

— Хороший у тебя вз'ляд.

— Ты не дрейфь, Тоха. Могила.

— Хоть две. Нече'о мне дрейфить.

Помолчали.

— Так что? Зачем?

Грицук вяло повернулся на бок и подложил под руку ладонь.

— Не я это, Андрюх. Зря колешь. Дру'ой кто-то.

Андрей соскочил со стула и толкнул Грицука в плечо.

— Очухайся ты! Одно дело собаки, другое... Мы бы их и так нашли!

Антон протер глаза.

— Нашли б, Андрюха, нашли. И наказали бы по закону. Показательным процессом. Получили бы ребята лет аж по пять. Условно. А может, и не получили бы. Слабовато у нас с доказательной базой, слабовато.

— Брось ты! И похуже варианты случались!

— Ну, шо ты меня достаешь?! Ты пять минут назад орал, как здоровски, шо хлопцев повалили. Стволы на экспертизу — дело в архив.

— Я не знал...

— А ты знал, шо я успел с директором этой фабрики в камере поболтать? Прежде чем е'о на тридцать суток за'нали? Ты знал, что за пижончики в пальто Канарско'о подвинули? Наши это, наши! Менты! Поэтому-то Канарский, сука, и не решился ствол достать! Но зубы показал, волчара! Ты сечешь?! Сечешь, напарник?! Дошло бы дело до суда?! Во оно дошло бы!

Тоха продемонстрировал дулю.

— Кому надо, чтобы Канарский с компанией на суде тайнами делились? Про то, как с ментами фабрику не поделили? Никому не надо! Скандалом воняет! Одно дело — спонсоров под охрану брать, дру'ое, ко'да люди случайные из-за это'о 'ибнут! А директора фабрики, уж поверь, обработают. Язык засунут в прямую кишку.

Тоха сплюнул на пол.

— Какой скандал, Тоха? Ты серьезно, что ли? Кто скандалить будет? Толпа, газеты? Кого сейчас удивишь? Министры не стесняясь мотаются на бандитские «стрелки» со спецназом и танками в придачу. Никаких скандалов! Больший скандал будет, если какой-нибудь бедолага свистнет с прилавка колбасу, чтобы с голоду не подохнуть...

Помолчали.

— Как ты нашел их? — чуть сбавив обороты, спросил Андрей.

— Я нико'о не искал, понял? Я ни в ко'о не стрелял.

— Тоха...

— Мало ли как они на Кирпичном оказались. Тот же Одышкин мо' позвонить Канарскому на трубку и потребовать деньжат за молчание.

— Оды...

— Ну или еще кто. А потом и посчитался за своих мужиков.

Тоха опять положил руки под голову и закрыл глаза. Андрей уставился в белую, выкрашенную при одном из прежних начальников стену.

Ну и что? Ну, перебил, изрешетил бандформирование, словно мишень в тире. Медаль вешать надо. «В связи с особой опасностью вашей шайки руководством дано указание живыми в плен никого не брать».

«А может, он как я? Они достали оружие, они залаяли, они бросились. Как там все вышло? „В ответ Онегин поднял пушку...“ Тоха не начал бы первым — никогда. Я ведь знаю его, он таракана-то на столе, если увидит, газетой смахивает, а не убиваст. И не лежал бы он сейчас спокойно на боку, как тюлень сытый. Как там все вышло?..»

Андрей представил ночной переулок, мрачный, как заброшенное кладбище. «Джип», живописно пробитый пулями, упавшая на руль бритая башка одного из Ник, струйка-ручеек в уголке рта Пети Канарского...

Нет, не успели они достать стволы, не успели даже выйти из своего вездехода. Их как в тире — упражнение номер два... Перещелкали и бросили.

А может, так и надо? Может, хватит разговоров? Доразговаривались уже, дальше некуда. Тоха спал.

— Тоха,— обратился Андрей к белой стене, маячившей перед ним, — ведь это не аргумент. Вернее, это последний аргумент...

— Хрр...

— Мы ведь, мы же не бандиты... Даже если министры, начальники, если все кругом... Мы с тобой не бандиты. Так не должно быть, Тоха. Мы ведь менты, Тоха. Власть уважают не за силу, власть уважают за разум, Тоха. На силу будут отвечать только силой, это очевидно...

Грицук повернулся на другой бок, уткнулся лицом в грязную спинку дивана и то ли во сне, то ли в сознании безразлично пробубнил:

— Мертвы пчелы не гудуть...[1]

---

[1] Мертвые пчелы не жужжат... (*укр.*).

Неделю спустя, обливаясь потом, ежеминутно останавливаясь для передыху, Андрей тащил домой маленькую, но тяжеленную штангу. Снова шел через парк, чтобы не выглядеть полным болваном. Шляпа, черное длинное пальто, шарфик. И тащит на плечах железо. Пижон, под безработного нарядился, а машины нет.

Штангу Андрей тащил вовсе не ради удовольствия испытать крепость позвоночника и не ради желания нарастить мясцо на кости.

Нужно. Старший велел. «В связи со слабой физической подготовкой сотрудников организовать в подразделениях регулярные занятия по тяжелой атлетике. Контроль возложить на руководство отделов. Ежемесячно принимать зачеты. Не укладывающихся в нормативы сотрудников увольнять. Точка».

Андрей в нормативы не укладывался. Ни вдоль, ни поперек. Поперечный вызвал и наклал резолюцию: «Уложиться».

Ермак поехал в спортивный магазин, и тот спонсировал инвентарь. Два дня штанга пылилась в кабинете, Андрей так и не успел к ней подойти. Но срок поджимал, грозя зачетом. Придется дома качаться.

Он выполз из парка, бросил снаряд под ноги, сдвинул шляпу на затылок. От тела шел мутный пар. Еще чуть-чуть... Фу, жалкая клоунада.

И-и-и-и — на пле-е-чо! Кряхтя, Андрей водрузил штангу на горевшие огнем плечи.

— Помогите!!! А-а-а! Помогите кто-нибудь! Господи!

Андрей увидел тень. Тень увидела Андрея.

— Помогите!!!

Тенью оказалась пожилая тетка. Она приблизилась со стороны забора. Окровавленное лицо, сумасшедший взгляд.

— Что такое?!

— Су-у-умку отняли, паскудины! Последнее отбирают, последнее...

— Кто?!

— Не разобрала я! Вон туда побежали! Двое!

Андрей посмотрел в указанном направлении. Два силуэта стремительно растворялись в темноте. Уже там, на другом конце забора. Далеко-о-о...

Андрей грохнул штангу на землю, отдал женщине шляпу и, путаясь в полах длинного пальто, неуклюже и, возможно, абсолютно напрасно побежал за грабителями.

Исход

Наставник закончил чтение и хмуро посмотрел на Ученика.

— Ну и что? В каждой работе должен быть какой-то смысл. Что ты хотел доказать этим Экспериментом? Набор каких-то сводок и цифр. Может, ты не понял начальных условий? Может, следовало пригласить опытного консультанта?

— Нет, нет, — виновато склонил голову Ученик. — Условия были вполне понятны, и я прекрасно видел цель своей работы.

— Секундочку, — перебил Наставник. — Почему ты выбрал именно этот город? Я не нахожу логического обоснования в отчете.

— Здесь и не может быть логического обоснования. Условия эксперимента не ограничивали меня в выборе объекта, тем более что объекты ничем принципиальным друг от друга не отличаются.

— И все-таки почему?

— Крупный город вызвал бы определенные временные затраты да и... Слишком на виду. Выбранный же объект невелик и, главное, сохранил относительно сбалансированную инфраструктуру. Экономика, уровень жизни, культура. В некоторых городах давно парализовано все, что можно.

— А почему органы правопорядка? Почему не структуры власти, например, что было бы гораздо логичнее?

— Может быть, но это подрывало бы чистоту Эксперимента. Невозможно менять тех же губернаторов, как перчатки. Все должно протекать естественно, что наиболее ценно. И второе — результаты выплывают довольно скоро. Преступность влияет практически на все стороны жизни, в том числе и на структуры власти.

— И что же у тебя выплыло?

Ученик робко взглянул в глаза Наставника.

— Я не пойму почему... Я не смог получить ожидаемых результатов. Хотя весь накопленный опыт о влиянии личности на массы говорит...

— Не надо оправданий, я жду выводов.

— Хорошо, извините. Вывод как раз кроется в тех самых цифрах. Уровни преступности и раскрываемых преступлений, как ни странно, остались в пределах доэкспериментальных границ.

— Это официальная статистика?

— Не совсем. Это МОЯ статистика, то есть объективная. Официальную статистику я бы никогда не посмел поместить в отчет.

— Неужели ничего не менялось? Очень сомнительно, даже невероятно!

— Конечно, менялось. Всегда есть люди, которые используют сложившуюся ситуацию в сугубо личных интересах и приспособятся к любым переменам. Плюс объективные причины, созданные мною искусственно, путем постановки на руководящие должности людей некомпетентных и даже откровенно полярных. Я, признаюсь, ожидал быстрого развала системы, но в чем-то просчитался, чего-то не учел. Система не утратила своих функций, она каким-то невероятным образом выполняет свою роль.

— В чем же секрет Красной армии? — ухмыльнувшись, спросил Наставник.— Люди?

— Не понимаю. Честно не понимаю! Я организовал травлю в средствах массовой информации, затруднил финансирование... Любой нормальный человек давно опустил бы руки или протянул ноги. Но эти... Как в том анекдоте про веревку и профсоюз. Ведь голый фанатизм существует только в прыгающих по киноэкрану героях боевиков. А тут? Не боевик.

Наставник на несколько секунд задумался.

— Ты отдаешь себе отчет, что результаты Эксперимента крайне важны для меня? Для поставленной перед нами цели механизм разрушения любой системы самой системой должен быть изучен досконально. Мы не можем приступить к действию, пока не получим конкретных данных.

— Конечно, Наставник, но...

— Я дам тебе еще пару месяцев. Ты упомянул про анекдот. Что ж, крайние меры тоже необходимо использовать. У тебя есть идеи на этот счет?

— По-моему, я и так довел ситуацию до абсурда. Нельзя же совсем...

— Можно. Ради Цели можно. У тебя неограниченные возможности. Я жду конкретных результатов. Через два месяца доложишь.

— Это может вызвать хаос в городе. Условия не допускают...

— К черту условия! Мне важен итог. Ты понял?

— Хорошо, — тихо ответил Ученик. — Я попытаюсь.

Наставник удовлетворенно кивнул и указал рукой на дверь. Выйдя, Ученик вернулся к себе в рабочий кабинет, включил компьютер и вызвал нужный файл.

— Так. Гинеколог, сантехник, отставной полковник, нет, нет, не то... Ага. Парашютист. Пожалуй. Возможны жертвы, очень даже возможны. Они у меня угомонятся, угомонятся, черти. А там поглядим. Понаблюдаем...

«Какая прекрасная смерть! — воскликнул Генерал. — Желаю, солдаты, всем вам дожить до такой прекрасной смерти!»

Ярослав Гашек. «Похождения бравого солдата Швейка».

Через месяц Андрей погиб. Не героически, не в жестокой схватке с озверевшим преступником, как впоследствии сообщила пресс-служба. По-глупому, до обидного просто, на бытовом скандале, куда он выскочил вместе с Палычем. Успокоившийся было пьяный мужичок, только что отлупивший жену, схватил кухонный нож и ударил Андрея в спину...

Пока Палыч неумело пытался остановить хлеставшую из артерии кровь, Андрей почему-то улыбнулся и прошептал три слова, как показалось участковому, абсурдных и лишенных какого-либо смысла:

— Не умею летать...

На следующий день весь отдел выехал на первый прыжок. В кабинете опера Воронова остался лежать неправильно собранный парашют.

МАРИНА ДРОБКОВА, ИГОРЬ МИНАКОВ

Пионер и комета

Это случилось в самый разгар лета. Заслышав на рассвете скрип телеги Снусмумрика, Муми выбрался из чума. Над бормочущей рекой поднимался пар. Тайга на правом берегу стояла темная, не стряхнувшая еще сонной одури. Плоские серые тучи, скопившиеся за ночь, пока раздумывали: остаться на дневку в Мумидоле или отправиться дальше, но замерзшие подземные духи уже разложили под ними солнечный костер, подпалив разлохмаченные края.

Муми потянул носом. Пахло дымком и похлебкой из оленины. Мама встала еще до света, готовила завтрак. Так что Снусмумрик подоспел вовремя.

Впряженная в телегу лохматая приземистая лошадка остановилась, скосив фиолетовый глаз в сторону костра, повела ушами, вслушиваясь в заунывный напев пенгипкэвуна. Позади Снусмумрика, прислонясь друг к другу, сидели два похожих как близнецы субъекта с мышиными личиками. Один из них был в нелепой шапке-ушанке, другой вцепился в огромный чемодан. Они одинаково уставились на Муми круглыми стеклами очков.

«Иностранцы», — отчего-то подумал Муми.

— Салют, — осторожно сказал он, поправляя галстук, повязанный поверх кухлянки.

— С пламенным приветом, пионер! — отозвался, продолжая играть, Снусмумрик.

На круглом плоском личике Муми зардел румянец. Он любил, когда его называли пионером, тем более при посторонних.

— Знакомься, Муми, — сказал Снусмумрик, откладывая инструмент. — Это товарищи-ученые из Ленинграда. Приехали твою комету искать.

Тот, который носил ушанку, спрыгнул с телеги и подошел к Муми.

— А-а, это тот самый мальчик! — пискнул он. — Будем знакомы, доцент Пулковской обсерватории Тофсла.

— Очень приятно, товарищ доцент, — степенно откликнулся Муми. — Муми Тролль, ученик.

— А это мой коллега — инженер Вифсла.

— Дым, сла! — пробормотал Вифсла, кивая на завивающийся кольцами дымок над костром. — Варят что-то, сла.

— Хотите молока? — звякнув амулетами, спросила молчавшая до сих пор Муми-мама.

Вифсла резво соскочил с телеги и засеменил к костру, не выпуская чемодана из рук.

«Точно иностранцы, — заключил Муми. — Поляки. Из Коминтерна...»

— Значит, это ты видел, как комета упала в тайгу? — спросил доцент Тофсла.

Муми кивнул.

— Покажешь?

Муми задумался. Место, куда упала комета, он знал хорошо, но ведь они со Спорк решили, что это будет только их Секретное место и больше ничье. С другой стороны, товарищи из самого Ленинграда приехали. Далеко, однако...

— Ну так покажешь? — нетерпеливо переспросил ученый.

Муми понурил голову. Никуда не денешься, придется показать.

— А зачем она вам? — на всякий случай поинтересовался он.

— Как зачем? — изумился Тофсла. — Для науки! Для изучения междупланетного пространства. Иными словами, космоса.

— Космос черный как уголь, — низким голосом произнесла Муми-мама, снимая котелок с огня. Все вздрогнули, а она добавила обычным тоном: — Однако завтракать надо.

Позавтракав, начали собираться в дорогу. Муми-папа, услыхав, что приезжие собираются «за кометой», повздыхал, поохал, но разрешил взять свой обласок — пусть не очень проворный на стремнине, зато вместительный. Муми-мама поначалу не хотела отпускать сына в дальний путь в компании странных гостей, но Снусмумрик вызвался сопровождать, как он выразился, «кометную экспедицию». А заглянувшая из соседнего становища Снорк заявила, что уж без нее-то Муми точно никуда не поедет. На том и порешили. И после обеда тронулись в путь.

Муми на правах хозяина вызвался грести сам. Ученые из Ленинграда со своим чемоданом расположились на корме. Снорк села напротив Муми, а Снусмумрик с трубкой в зубах развалился на носу. Оставшееся место заняли припасы. Пыхтя и отдуваясь, Муми-папа столкнул потяжелевший обласок с мели. Муми налег на весла, выгребая на стрежень. Сначала суденышко шло ни шатко ни валко, но вскоре течение подхватило его и понесло. Муми оставалось лишь следить, чтобы не сносило к берегу, где пенилась на перекатах ледяная в любое время года водица Подкаменной Тувеянсы.

Спустя час путешественники освоились и занялись каждый чем мог. Снусмумрик загундосил на пенгинкэвуне «На берегу безымянной реки...». Снорк надоело строить глазки раздувшемуся от важности дружку. Вынув из-за пазухи зеркальце, она стала любоваться своей знаменитой на всю волость челкой. Челкой этой Снорк очень гордилась, хотя старейшины тувеяснов не одобряли новомодных веяний. Муми поневоле прислушивался к беседе ленинградских ученых. Он знал, что пионеру не годится подслушивать чужие разговоры, но заткнуть свои маленькие аккуратные ушки просто не мог.

— Морра близко, сла, — тревожился инженер Вифсла. — Я ее чую.

— Ничего-ничего, дружище, — уговаривал его доцент Тофсла. — Мы изрядно от нее оторвались. И потом, она не знает цели нашего... хм... вояжа.

— Не знает, но чует, сла, — бурчал инженер.

— Ты — ее, а она — тебя? — усмехался доцент. — Ты прости меня, друг любезный, но это какой-то антинаучный бред. Мракобесие, поповщина и обскурантизм...

— Вот как прихватит она нас у самой цели, будешь знать, сла, — ворчал Вифсла.

— Зачем только ты взял этот прибор, — вздыхал Тофсла. — Без него бы справились.

— Не справились бы, — возражал инженер. — И потом, имею право — я его придумал и построил, сла.

— Да, но по их заказу! — шептал доцент.

— Тем более, — не унимался Вифсла. — А то ты не знаешь, что прибор мой они направят против таких как ты, лопоухих интеллигентов, сла!

— Ну почему сразу против интеллигентов? — удивлялся Тофсла. — Против иностранных шпионов...

— А ты-то для них кто, сла? — хмыкал инженер.

— Но ведь я же коминтерновец... — терялся доцент.

— Вот ты шпион и есть, сла! — торжествовал Вифсла.

— Спорить с тобой... — с обидой произносил Тофсла. — Ты живешь в каком-то сумеречном мире, право слово.

— Ты тоже в нем живешь, — ворчал инженер. — Только в кометах своих витаешь, сла...

Они долго так препирались, а Муми думал, что инженер ему не нравится. Мрачный какой-то, все время ругается. То ли дело доцент. Вежливый, умный. Настоящий астроном, а не интеллигент какой-нибудь. Муми много читал и знал, что астрономы во все времена боролись с поповщиной и разными суевериями. И правильно! Он, Муми, тоже борется изо всех сил. Правда, получается плохо. Мама с папой все равно верят старому шаману Ондатру. А тот только и знает, что пугать их своими хатифнаттами. Муми в хатифнаттов не верил. Ведь в книжках про них ничего не сказано. Ну что с того, что видел их собственными глазами во время первой вылазки в Секретное место! Мало ли что можно увидеть. Снусмумрик говорит, что у людей бывают... эти, как их... галлюцинации. А Снусмумрик — это не вам Ондатр. Снусмумрик человек городской, начитанный, хоть и ссыльный на поселении...

— Эй, не зевай, тролличья голова! — рявкнул «начитанный ссыльный».

Муми встряхнулся. Он и впрямь зазевался, а может, даже задремал. Пологие берега кончились. Похожие на гнилые зубы скалистые останцы стискивали теперь похудевшее

речное русло. Обласок несло прямо на водяной бугор, вспухающий над подводной скалой.

— А ну-ка милая... — буркнул Снусмумрик.

Поднявшись в опасно раскачивающейся лодке во весь немалый рост, он подхватил взвизгнувшую Снорк под мышки и пересадил на свое место.

— Давай весло! — велел он Муми.

Отчаянно работая веслами, они обогнули опасное препятствие. Путешественников обдало брызгами, но это их лишь развеселило. Даже мрачный инженер Вифсла что-то одобрительно прокричал, но из-за грохота потока Муми расслышал только отозвавшееся в останцах: «ела-сла-сла...»

Путешествие заняло весь день. К вечеру Муми ужасно устал, глаза слипались, по правому борту между сосен мерещились хатифнатты. Причалив к берегу, все попрыгали на песок. Привязав лодку, Муми и Снусмумрик занялись палаткой, утром предстояло совершить пешую прогулку в Секретное место. Снорк тут же выискала под деревьями два цветка, ярко-желтый и ярко-фиолетовый, и, прицепив их к волосам, так что они смешно торчали из-за ушей, отправилась собирать хворост. Поляки бесцельно слонялись по берегу, то и дело перешептываясь. Надвигалась ночь. Молчаливая в светлое время тайга вдруг ожила, заговорив голосами ночных птиц и пробуждающихся хищников.

Впрочем, костер сразу сделал мир маленьким и уютным. Снорк извлекла из расшитых бисером кожаных мешков съестное. Снусмумрик принес воды в котелке. Когда забулькала похлебка и восхитительный аромат оленины, сдобренной особыми травками, которые знала только Снорк, поплыл над стоянкой, даже ленинградцы перестали слоняться и подсели к огню, протягивая озябшие лапки.

Насытившись, Снусмумрик затеплил трубку и, облокотившись на свой вещмешок, стал поглядывать на небо. У зубчатого края леса на другом берегу красноватым угольком мерцала незнакомая Снусмумрику звездочка, словно кто-то невидимый в ночи тоже попыхивал трубкой.

— Это какая звезда, товарищ Тофсла? — спросил он. — Ну, та, красная...

— Марс, — откликнулся доцент.

— Ага, — крякнул Снусмумрик. — А что говорит наука, обитаем ли он?

— Не исключено, — нехотя ответил Тофсла.

— Вот бы взглянуть на них одним глазком, — мечтательно сказал Снусмумрик. — У вас не телескоп, часом, в чемодане?

Тофсла и Вифсла быстро переглянулись.

— Нет, не телескоп, — помедлив, сказал доцент Тофсла. — Да и ни в какой телескоп обитателей Марса не разглядишь.

— Жаль, — вздохнул Снусмумрик. — Я бы не отказался... А еще лучше бы побывать там.

— Побывать, сла, — буркнул инженер. — Пятьдесят с лишним миллионов верст до Марса. В безвоздушном пространстве. На аэроплане не долетишь, сла.

— Вот я и говорю: жаль, — отозвался Снусмумрик. — Там небось свобода. Анархия, мать порядка.

— Скажете тоже, товарищ Мумрик, — негодующе блеснул очками доцент Тофсла. — Если Марс населен высокоразвитыми существами, то никакой анархии там быть не может. Древняя цивилизация — это прежде всего научно обоснованная социальная организация жизни.

— Ну-ну, — хмыкнул Снусмумрик. — Спать надо, — добавил он и, погасив трубку, полез в палатку.

Посреди ночи Снорк проснулась с ужасным ощущением: что-то коснулось ее лица. К тому же — в палатке явно пахло паленым. Натянув оленью шкуру на голову, она негромко пискнула:

— Муми, Муми!

Муми сейчас же проснулся.

— Что стряслось?

— Тут кто-то ходит! И горит что-то! Чувствуешь, да?! — взволнованно затараторила она.

Муми вгляделся в темноту и чуть не вскрикнул: бледные светящиеся фигуры сновали между спящими, словно что-то искали. В ужасе он принялся трясти спящего Снусмумрика.

— Мумрик, вставай! Ужас! Здесь духи! Хатифнатты!

— Нет никаких хатифнаттов, — произнес Снусмумрик, не открывая глаз. — Не будь таким суеверным, пионер. Это болотные огни...

Он перевернулся на другой бок и захрапел. Между тем запах гари усиливался, а странные существа сгрудились в углу, где спал Вифсла.

— Что им от него надо? — прошептал Муми.

Спорк дрожала от страха под шкурой. Внезапно раздался вопль инженера: видимо, на него наступили. Белые фигуры заметались, перебудив людей. Воздух в палатке словно перенасытился электричеством. Начался переполох. Вифсла вскочил, крича от страха, спросонья запутался в полотнище, отчего палатка рухнула. На какое-то время воцарился полный содом и неразбериха: Спорк визжала, Муми тщетно пытался ее успокоить, сердито бурчал Тофсла, и только Снусмумрик молчал, стараясь высвободить всех из-под упавшего брезента.

Когда они наконец вылезли наружу, таинственных незнакомцев и след простыл.

— Жизнь не исполнена мира и покоя! — философски заметил Снусмумрик.

Сообща они вновь поставили палатку. Но что-то было не так, чего-то недоставало.

— Чемода-а-ан, сла! — истошно заорал Вифсла.

Хатифнатты, болотные духи, кто бы они ни были, унесли сокровище инженера с собой.

Утро встретило наползающим с реки туманом — густым, почти непрозрачным. Маленький отряд, взяв только необходимое, гуськом двинулся в тайгу, возглавляемый Муми с компасом наперевес. Спорк шагала следом, стыдливо прикрывая ладошкой обугленные остатки челки — результат ночного происшествия. Тофсла и Вифсла ковыляли за ней, оба невыспавшиеся и злые: один из-за пропажи чемодана, другой из-за неугомонности приятеля. Замыкал шествие невозмутимый Снусмумрик с карабином. Он попытался было вновь завести «На берегу этой тихой реки», но был весьма решительно и зло остановлен учеными. Ничуть не огорчившись, он извлек откуда-то из недр своей видавшей виды телогрейки трубку, щепотки табака и задымил на весь лес.

Тропа петляла между корней, солнечный свет с трудом пробивался сквозь густую хвойную завесу. Все чаще

и чаще попадались поваленные стволы, приходилось перешагивать, перепрыгивать, а иногда и пролезать под ними. Снорк ойкала, Вифсла привычно ругался, остальные больше помалкивали. Наконец замшелые деревья впереди расступились, взору открылась обширная поляна, сплошь заваленная буреломом. И в этот момент откуда-то сверху донесся стрекот, то нарастающий, то идущий на убыль.

Путники задрали головы: юркий, похожий на птицу самолетик с красной звездой на борту наворачивал над ними круги.

— Биплан! — восхищенно вскрикнул Муми.

— Точно, — заметил Мумрик, сжимая зубами трубку. — «По-2». Место посадки ищет. А негде...

В этот момент от самолета отделилась точка и ухнула вниз, стремительно вырастая в человечка. Над ним раскрылся белый купол, и ветер какое-то время мотал его из стороны в сторону. Затем парашютист, чудом не зацепившись за верхушки сосен, опустился на груду поваленных стволов. Пока он отстегивал ремни и слезал на землю, путешественники не двигались с места. Неожиданно повеяло холодом, траву словно припорошило инеем, будто в разгар июля решила вернуться зима. Снорк поежилась, поскорее хватая Муми под ручку и стуча зубами.

Наконец пришелец спустился, и стало ясно, что это женщина в комбинезоне парашютиста, перепоясанном портупеей, и кожаном шлеме — удивительно несимпатичная. Взгляд ее злых-презлых глазищ так и сверлил окружающих, пока не остановился на Тофсле и Вифсле. Инженер, словно не в силах пошевелиться, сдавленным голосом произнес:

— Морра, сла... Морра, сла...

— Всем стоять! Именем советской власти! — рявкнула Морра, откидывая крышку кобуры. — Требую вернуть незаконно присвоенную социалистическую собственность!

Тофсла воздел мышиные лапки, словно они могли защитить его от пули, а Вифсла нервно рассмеялся.

— Ищи-свищи свою соцсобственность, — сказал он хрипло. — Спроси у этих, как их бишь, хатофнатов, сла...

— Ты это брось, Вифсла, — проговорила Морра. — Меня на арапа не возьмешь. Верни чемодан, и можешь рассчитывать на снисхождение.

— Знаю я ваше снисхождение, сла, — усмехнулся инженер. — Десять лет без права переписки.

— Ввиду особой опасности для социалистического отечества имею приказ расстреливать на месте, — сказала Морра почти ласково.

Раздался сухой щелчок взводимого курка.

— Ой, Муми! — пискнула Спорк, прячась за спину друга.

Снусмумрик, до сих пор, казалось, безучастно наблюдавший за происходящим, передернул затвор карабина.

— Остынь, Лаврентьевна, — сказал он. — Не у тебя одной ствол имеется.

Морра резко повернулась к нему. Усмехнулась.

— Ба, и ты здесь, Мумрик-умник! — воскликнула она. — То-то я чую, анархо-синдикалистской гнильцой потянуло... Ну что ж, тем лучше. Одним врагом народа будет меньше...

— Похоже, ты совсем сдурела, Лаврентьевна, — вздохнул Снусмумрик. — Карабина не видишь?

— Нашу правду не задушишь, не убьешь, — ни с того ни с сего ляпнула Морра. — Тебе, как помилованному советской властью, следует помогать исполнению социалистической законности, а не препятствовать.

— Да я и не препятствую, — откликнулся Снусмумрик. — Только ты пушку-то спрячь.

Морра с невнятным бормотанием засунула маузер в кобуру.

— Так-то лучше, — сказал Снусмумрик, опуская карабин. — Теперь давай выкладывай, чего тебе надо от мирной экспедиции. Только человеческим языком, без лозунгов.

Морра обвела леденящим взором «мирную экспедицию» и заговорила.

— Эти субъекты, — она ткнула острым пальцем в притихших Тофслу и Вифслу, — похитили ценный чемодан, принадлежащий инженерному управлению НКВД.

— Этот ценный ПРИБОР я сделал собственными руками, сла, — огрызнулся инженер.

— Спокойно, товарищ, Вифсла, — сказал Снусмумрик. — Пусть выкладывает дальше.

— Это собственность Народного Комиссариата Внутренних Дел, — тпула свое Морра. — И похищение ее есть государственное преступление!

— Понятно, — кивнул Снусмумрик. — Мы бы с радостью вернули ценный чемодан родному государству, — добавил он, — да вот беда, прошлой ночью его умыкнули...

— Хатифнатты! — выпалила Снорк, и огласила притихшую тайгу душераздирающим визгом.

Муми оцепенел. Он тоже увидел их. «Ночные призраки», «болотные духи», «вредные суеверия» как ни в чем не бывало появились между деревьями. Средь бела дня! Раскачиваясь из стороны в сторону, тихо потрескивая разрядами, хатифнатты неспешно окружили поляну. При солнечном свете они оказались белыми глазастыми столбиками с двумя парами коротких щупалец.

Муми мужественно заслонил Снорк. Тофсла и Вифсла придвинулись к вооруженному Снусмумрику. Морра опять вытащила маузер.

Хатифнатты подступали все ближе.

— Вот тебе и болотные огни, — пробормотал Снусмумрик.

— Это всего лишь мои биороботы, — сказал высокий, одетый в черный фрак и цилиндр незнакомец, возникший прямо на поляне.

— Волшебник! — ахнул Муми, однажды видевший такого же господина в книжке.

Неизвестный повернулся к нему, снял цилиндр и отвесил церемонный поклон.

— Если угодно.

— Буржуй, — процедила Морра.

«Господин» поклонился и ей.

— Пожалуй, — произнес он с улыбкой. — Если вам так хочется.

— Мне хочется, чтобы вы немедленно убрали с поляны ваших... ваших... — Морра запнулась. — Ваших буржуйских прихвостней!

— Биороботов? — уточнил Волшебник. — Не беспокойтесь, они не причинят вам зла. Они только машины. Исполнительные, в меру сообразительные, но не опасные.

— Ага, не опасные, — всхлипнула Снорк. — А кто спалил мою чудную челку-у-у-у...

— И спер мой прибор, сла, — вставил Вифсла.

— Какая неприятность, — покачал головой Волшебник. — Но все это нетрудно исправить!

Быстрым изящным движением он накрыл цилиндром Снорк, та и пискнуть не успела. Когда же Волшебник вновь водрузил цилиндр на свои благородные седины, взору присутствующих предстала новая челка Снорк, еще лучше прежней.

— Да ты просто красавица! — с искренним восхищением сказал Муми.

Снорк немедленно достала зеркальце.

— Верните прибор, сла! — потребовал инженер.

Тофсла дернул его за рукав, прошипев:

— С ума сошел, это же марсианин!

Волшебник печально улыбнулся.

— Если только вам угодно, — сказал он. — На четвертой планете я тоже побывал. Но вынужден огорчить вас, уважаемый астроном, на Марсе жизни нет.

— А вы тогда откуда? — вырвалось у Снусмумрика.

— О, из очень далеких краев, — сказал Волшебник. — Признаться, я так давно странствую, что уже забыл, где моя родина.

— Вы путешествуете на комете? — спросил Муми.

— Нет, что вы, — усмехнулся Волшебник. — Это было бы не очень удобно. Кометы капризны и самолюбивы. На днях я пытался приблизиться к одной из них, и вот чем кончилось. — Он обвел руками груду поваленных деревьев. — Мой вам совет, никогда не связывайтесь с кометами, если не хотите попасть в беду.

— Не буду, — пообещал Муми. — Честное пионерское.

— Чемодан! — напомнил угрюмый Вифсла.

— Ах да!

Волшебник снял цилиндр и встряхнул его. На груду кедрового лапника шлепнулся злополучный чемодан. Вифсла кинулся к нему, но Морра его опередила. Сбив несчастного инженера с ног, она подхватила чемодан и отскочила в сторону.

— Отдай, сла! — отчаянно выкрикнул Вифсла.

— Попробуй, отними, — хмыкнула Морра. Маузер смотрел точно в переносицу инженера.

— Красная тварь, сла!

— Ах ты, вражина, - откликнулась Морра. — Только дернись, мигом башку продырявлю... И вы все! — выкрикнула она. — Только шевельнитесь!

Поводя маузером, она отступила к краю поляны. Волшебник сделал едва заметный жест, и хатифнатты расступились. Морра бросилась в чащу.

— Органы отомстят! — выкрикнула она напоследок и скрылась.

Вифсла закрыл лицом грязными лапками и застонал.

— Зачем вы ее отпустили? — накинулся на Волшебника Тофсла. — Морра представительница очень опасной организации! Эта организация обязательно использует прибор в своих гнусных целях!

Волшебник пожал фрачными плечами.

— Да кто сказал, что я отдал ей прибор? Она ведь просила чемодан, а не содержимое.

Вифсла перестал стонать, вскочил.

— А где тогда прибор, сла? — спросил он.

— У меня, уважаемый Вифсла, — сказал Волшебник. — И надо сказать, конструкция его чрезвычайно остроумна. Насколько я знаю, ни на одной планете до такого не додумались. Честь вам и хвала за это. Ведь если бы не ваш прибор, мы просто не могли бы понимать друг дружку.

Тофсла пихнул приятеля локтем.

— Ну, что я тебе говорил! — пискнул доцент.

— Любопытно знать, сла, — пробормотал Вифсла, озираясь, — где вы его держите?

— Это секрет, — отрезал Волшебник.

— Тогда верните! — потребовал инженер. — Он мой, сла.

— Пожалуйста, — сказал Волшебник.

Он снова встряхнул цилиндр, и на поляне появился неизвестный агрегат, мигающий разноцветными лампочками. Из него в большом количестве торчали какие-то проводки, рукоятки... Вифсла бросился к нему, упал на колени. Муми, да и все остальные, кроме безмятежно улыбающегося Волшебника, вытянули шеи.

— Мой, мой, — запричитал инженер. — Собственный!

— Ну вот и еще одно желание исполнено, — проговорил Волшебник. — А чего хотели бы вы, уважаемый Тофсла?

— Я уже получил больше того, о чем смел когда-либо мечтать, — ответил доцент. — Установить контакт с разумным существом из иного мира — что может быть лучше для астронома! Собственно, ради этого я сюда и приехал...

— Ценю вашу скромность, коллега, — отозвался Волшебник. — И все-таки у вас есть одно заветное желание, не так ли?

— Вы правы, — понурился Тофсла.

— Ну же, смелее!

— Мы с моим другом Вифслой, хотели бы навсегда покинуть эту страну.

— Да, да, — подтвердил Вифсла. — Мы хотели бы уехать туда, где ценят гениальных изобретателей, а не сажают их в тюрьму.

Волшебник задумался. Друзья смотрели на него с тревогой и надеждой.

— Сожалею, что не в силах доставить вас лично, — наконец сказал Волшебник, — но зато могу дать полезный совет.

Он поманил Тофслу и Вифслу пальцем, а когда они приблизились, что-то прошептал каждому на ухо. Инженер с доцентом заметно смутились, но согласно кивнули.

— Ну-с, — произнес Волшебник, оглядывая остальных. — Еще у кого какие желания?

Муми растерянно пожал плечами.

— А мне больше ничего и не надо, — пробормотала Снорк, не отрываясь от своего отражения в зеркальце.

Снусмумрик, аккуратно пригасив трубку, выступил вперед.

— Если это вам не покажется слишком дерзким, — сказал он, — то я хотел бы попросить вас взять меня с собой.

Снорк ойкнула и выронила зеркальце. Муми смотрел на друга во все глаза, первно теребя кончики пионерского галстука.

— Что ж, пожалуй, — ответил Волшебник. — Надежный спутник мне не помешает.

— Благодарю вас! — кивнул Снусмумрик.

— Тогда прощайтесь, — сказал Волшебник. — Корабль я починил. И мне не терпится продолжить путешествие.

Снусмумрик подошел к Муми и Снорк.

— Прощайте, друзья! — сказал он. — Не поминайте лихом.

Снорк немедленно заревела. Муми крепился, но и у него глаза были на мокром месте.

— Держи, на добрую память. — Снусмумрик протянул ему карабин. — Я знаю, ты давно о нем мечтал.

Муми машинально взял подарок.

— А как же ты, Мумрик? — спросил он.

— А-а, как-нибудь, — отмахнулся Снусмумрик. — Да и в кого там стрелять? — Он потыкал трубкой в небесную синеву. — Не в кометы же...

— Пора, — напомнил Волшебник.

Снусмумрик обнял друга, чмокнул в щечку мгновенно вспыхнувшую Снорк: «Прощай, красавица!» — кивнул насупившимся Тофсле и Вифсле.

— Прощай, Муми Тролль! — воскликнул Волшебник. — Спасибо тебе!

— За что? — удивился Муми.

— За то, что привел мне спутника, — откликнулся Волшебник. — С ним мне будет не так одиноко среди звезд. И хотя ты не высказал своего заветного желания, уверяю тебя, оно обязательно исполнится, и ты станешь самым известным Муми Троллем из всего славного народа тувеянсов. Прощайте, друзья!

Он взмахнул цилиндром и пропал. А вместе с ним пропали Снусмумрик и хатифнатты.

Когда опечаленные, переполненные впечатлениями путники вернулись к стоянке на берегу, далеко-далеко в тайге со страшной силой загрохотало. Ветер поднялся такой, что верхушки деревьев пригнулись к земле. Снорк вцепилась в Муми, Муми в Вифслу, а Вифсла в Тофслу, но их все равно швырнуло на землю и потащило к реке. К счастью, карабин застрял в корнях старого кедра, и путники вцепились в подарок Снусмумрика изо всех сил. Ослепительный трепещущий свет залил тайгу, алыми бликами заиграл на серебристой шкуре реки, вытянул тени деревьев до самого горизонта. Грохот перешел в протяжный вой, но ветер стих. Почувствовав это, путники вскочили, с ужасом и восторгом таращась на небо.

— Комета! — закричал Муми, тыча пальчиком в подрагивающий сгусток огня, восходящий в зенит.

— Ракета, — поправил его инженер Вифсла.

— Совершенно верно, — поддержал друга доцент Тофсла. — Междупланетная ракета!

Они стояли и смотрели вслед кораблю, на котором улетал Снусмумрик, и думали, что он, возможно, когда-нибудь вернется...

— На берегу безымянной реки, — печально напела Снорк, и слезы алмазными градинками покатились по ее личику, — на-а берегу-у-у-у очень тихой реки...

Генри Лайон Олди

Мы плывем на Запад

Tribute to J. R. R. Tolkien and his continuers[1]

— Ты кто? — в ужасе спросил Элронд.

Владыка Раздола, не знавший страха в битвах тысячелетий, пятился назад, рискуя свалиться в море. Вокруг него ошеломленно молчала Серебристая гавань. Изящные суда в пене белоснежных парусов, друзья по оружию, жены и дети, все, кто пришел проводить уходящих навеки, — казалось, небо и то затаило дыхание.

— Ты кто? — повторил носитель кольца Вилья.

— Эльф! — каркнуло существо. Оно словно минуту назад выбралось из подземелий Барад-Дура, где Черный Властелин, хохоча, веками мучил его. — Ну ты, дядя, даешь! Разуй гляделки! Эльфы мы, потомственные...

Существо приплясывало на полусогнутых ногах, временами зависая в воздухе, как если бы ничего не весило. Минуту назад оно шустро ковыляло по доскам во главе целой толпы незваных гостей. Тело уродца было полупрозрачным. Кончик носа алел спелой малиной. Щеки густо испещрили склеротические жилки.

Вне сомнений, уродец чего-то ждал от владыки. Глазенки, красные и мутные, вперились в Элронда. Под глазами набрякли мешки цвета туч над Мордором. Изо рта на всю гавань несло перегаром.

— А ты кто? — пытаясь сохранять хладнокровие, спросил Элронд у второго визитера.

— Ну, эльф! — с вызовом рявкнул тот. — Мне каюту на троих!

---

[1] Авторы благодарят М. Фрая, А. Пехова, О. Громыко, М. Харитонова, С. Логинова, Ш. Врочека, М. Дубровина, В. Васильева, В. Зыкова, А. Романовского и других коллег за неоценимую помощь в создании этого рассказа.

Пепельно-серые, сплошь в перхоти волосы нахала падали ниже плеч. Он был смугл кожей, походя на уроженца Мустангрима. Черные вывороченные губы лишь усиливали сходство. Из-под верхней торчали клыки, достойные ночного упыря, кровожадного обитателя Могильников. Глаза горели двумя желтыми плошками. В них читалось намерение выпрыгнуть требуемую каюту хоть у самого Балрога, явись демон на причал.

За спиной чернокожего висел кривой меч без ножен.

— Почему на троих?

— Бабы со мной! Любовь! У меня если любовь, одной бабы никак не хватает...

Он выхватил из толпы двух женщин, похожих на него как две капли воды. Разве что клыки у дам были длиннее и острее. С кончиков, напоминающих иглы, капала слюна. Губы первой красавицы, разбитые молодецким ударом кулака, висели оладьями. Под глазом второй виднелся кровоподтек — хорошо различимый, несмотря на цвет кожи.

Запястья обоих украшали многочисленные фенечки — веревочки с узелками.

— Вот! Мелисса и Сарисса!

Малорослые, субтильного сложения, Мелисса с Сариссой хихикнули.

— Змейссы!..— простонал кто-то на ближайшем корабле.— Друзья, смотрите: змейссы и пиявссы!

Руки женщин покрывала сложная татуировка: змеи горели синим пламенем. Совсем как живые, гадины без перерыва шевелились, а от огня тянуло гарью аж до самых доков.

— Болван! — с презрением бросил чернокожий, щелкнув клыками.— У нас, у эльфов, окончание женского имени на «сса» означает высочайший титул. Сса, ссу, ссы... Принцесса, в смысле. Ладно, будем плыть, я научу вас, бездельников, грамоте...

— И ты тоже эльф? — осведомился владыка, переводя взгляд дальше.

Худой и костлявый дылда кивнул. Каждые две минуты он доставал из кармана вышитый кисет, клал на тыльную сторону ладони маленькое колечко — и насыпал внутрь кольца щепотку серой пыли. Затем наклонялся и, трепеща ноздрями, втягивал пыль носом. Длинное породистое лицо

содрогалось, странно заостренные уши, плотно прижатые к черепу, начинали шевелиться.

После очередной понюшки он чихал, становился на колени и со вниманием изучал грязную ступню девицы, торчавшей рядом с ним.

Босявка стоически терпела осмотр.

— Ты нюхни, — предложил дылда Элронду. — Высший сорт! Обостряет интеллект и улучшает память. Перестанешь дурацкие вопросы задавать.

— Может, тебе уже хватит? — деликатно осведомился владыка Раздола.

— Еще колечко, и хватит, — согласился дылда, почесав кончик левого уха. — До начала рейса. Не волнуйся, папаша. Если передоз — тоже полезно. Служит самоочищению класса, и все такое. Это я тебе, как сверхчеловек сверхчеловеку. Короче, начальник! Я тебе — кольцо отборного эльфийского коксу, а ты мне — каюту «Люкс»...

Босявка с одобрением хмыкнула, поставив на причал ведро, доверху полное объедков. От ведра воняло гнилью, как в Мертвецких Болотах. Казалось, чья-то служанка, которую хозяин отправил на помойку, сбежала в гавань — под шумок укатить на Запад без билета.

— Мы, эльфы, мир спасли. — Она стала загибать пальцы, тыча рукой в сторону Элронда. — Значится, так: от нашествия орков — один раз. От извержения вулканов — два раза. От черного мора и белой сыпи — пять раз. На мордорских фронтах — регулярно. Великие одолжения иным расам — несчитано. И теперь на какую-то лохань не пущают? Братья и сестры! За что кровь проливали? За что, я спрашиваю?!

Толпа загудела, соглашаясь.

— К оружию! — не выдержали раздольцы на кораблях. — Это орки!

— Шиш тебе! — хором возразила толпа. — Эльфы!

— Можно вас на минутку?

Кто-то робко потянул Элронда за рукав. Владыка обернулся. Возле него топтался сутулый мужчина в пенсне с круглыми стеклышками.

— Я из Лориэна, — еле слышно сообщил он. — Из резервации. Ну, вы понимаете... У меня вопрос. Как на кораблях с людьми? В смысле, с наличием?

Владыка Раздола задумался.

— Людей нет, — наконец сказал он. — Есть двое хоббитов. И один маг. А что?

— У меня проблема. — Мужчина в пенсне наклонился к уху Элронда. — С эрекцией.

— Сочувствую. А при чем здесь люди?

— Не встает. Если есть хоть один человек на расстоянии дня пешего пути — не встает, хоть тресни! Я уже и Виагру, и «Жезл Дракона», и тайский массаж... А жена ребеночка хочет. Мы, эльфы, вообще детишек любим. Вот и решили: на Запад. Так говорите, хоббиты? Ну, не знаю...

Стеклышки пенсне грустно блеснули.

— А нельзя, чтоб хоббитов с магом — отдельным лайнером? И пусть плывут от меня подальше? Мало ли как сложится! Наш эльфийский организм — дело тонкое. А мы ребеночка Элрондом назовем, в вашу честь! Вы уж не сомневайтесь...

— Пшел вон, штафирка! — сухо приказал широкоплечий блондин, отодвигая будущего отца в сторону. — Сэр, разрешите представиться!

Белокурая бестия носила военную форму: темно-синюю с фиолетовым отливом. На рукаве блестела нашивка: два параллельных зигзага плюща.

— Штандартенфюрер Эледо Риннувиэль, дивизионная политразведка. Спецчасть «Цветущая Слива», подразделение Сотмар э-Бреанель. Последние два года работал среди людей под прикрытием. По легенде — Нед Коллинз из Танесберга, капитан 2-го Разведывательного Управления Его Величества короля Георга. 3-й отдел, группа внедрения. Можете проверить, сэр.

Элронд почувствовал, как пот холодными струйками стекает ему за шиворот.

— Чего вы хотите, штандартенфюрер?

— Взять на борт меня и моих товарищей по оружию. Танковая бригада противника висит у нас на хвосте. К вечеру танки войдут в гавань. Если мы не успеем отплыть, гарантирую всем оставшимся мучительную смерть. Люди пленных не берут, проверено опытом.

— Мы не успеем!

— Должны успеть, сэр. Если вы и оставите кое-кого гибнуть под гусеницами, история вас оправдает. Честь имею!

Блондин смешался с толпой, оставив взамен себя бодрого типчика с лицом игрока и мошенника. На шее типчика отчетливо пульсировали жабры. В руке он держал кварцевый стакан, доверху наполненный сияющей жидкостью.

— Летающий Зомби,— заявил типчик.— Не боись, шеф, это не я — зомби. Это коктейль так называется. Хошь глотнуть?

— Нет, спасибо,— отказался вежливый Элронд.— У меня язва.

— Не хошь, как хошь. А меня зови Кратокрилом. Древнее эльфийское имя, не хрен с бугра!

— Вы тоже эльф?

— Ясен пень, эльф! Коренной, двоякодышащий! Левитирую предметы, пилотирую звездолет, провожу сеансы психоанализа. Воинское звание — майор. Готов руководить погрузкой. Шеф, вы пока отдохните, хлебните горячительного, а я эту шваль налажу по трюмам...

На ближайшей стене дока кто-то из самозванцев, сдвинув каску набекрень, уже рисовал ядовито-желтым аэрозолем стрелу без оперения. Над стрелой красовалась надпись на пиджин-синдарине:

«На Запад!»

Новеньким граффити любовалась компания механиков в комбинезонах, испачканных машинным маслом. Пояса работяг оттягивали наборы гаечных ключей и увесистые монтировки. В руках они держали кто — обрез, кто — помповое ружье.

— Мы, эльфы, поздно взрослеем,— вздыхал их лидер, седой патриарх. Грудь его, тускло блестя, украшала казенная бляха: «Техник Снежинска-4».— Кто, к примеру, эльф-тридцатилетка? Пацан. Хуже пятилетнего ребенка. Залезет наш брат эльф ночью на склад и что возьмет? Банку консервов? Коньяк? Ничуть не бывало! Оловянных солдатиков тащат, грузовички заводные, конфеты, кульки с печеньем. Дивный мы народ, право слово...

— А в мое время эльфы вели себя иначе,— неуверенно бросил старенький хоббит, один из двух, увозимых Элрондом на Запад.

Он почесал лысину и дрожащим голоском затянул:

— О Элберет Гилтониэль!..

Минута, и хоббит был схвачен отрядом дикарей в зеленых штанах и куртках. Лица дикарей покрывала боевая раскраска — изображения орлиных голов, сцепившихся клювами. На шее, в мочках ушей, в носу — везде висели украшения из кости и раковин. Пряди иссиня-черных волос падали на раскосые глаза, тонкие губы кривились в зловещих ухмылках.

Со сноровкой, выдававшей большой опыт, они привязали несчастного старичка к столбу и принялись метать в него томагавки, дротики и отточенные заклинания, стараясь продлить мучения пленника.

— И'еллах! — кричали дикари, и громче мужчин вопили бешеные скво. — Ашхаду ан ля иляха илля И'еллах! О Элберет Гилтониэль! Ва ашхаду анна Мухамаддан расуль И'еллах! Селиврен пенна Мириэль! Илуватар Акбар!

— Я по бабушке эльфийка! — заглушая дикарей, визжала толстая гражданка, потрясая ворохом справок с печатями. — И по дедушке эльфийка! Я на оккупированной территории жила! Мне в Валинор, для воссоединения с родственниками!

Ее многочисленные дети рыдали хором. Муж, эльф в кожаном пиджаке и темных очках с зеркальными стеклами, мрачно ухмылялся. Больше всего он походил на киллера в перерыве между двумя заказами.

— Генофонд расы исчерпал себя, — сказал киллер, тряхнув волосами, стянутыми на затылке в конский хвост. — А все почему? Консерватизм наших лидеров! Им, видите ли, не нравится вмешательство на генетическом уровне...

Он пнул острым носком туфли шину своего «Кентавра-купе». В ответ бортовой компьютер машины включил сигнализацию, выдвинув из башенки стволы тяжелых пулеметов.

За гаванью что-то грохотало и раскалывалось. Столбы дыма стояли над холмами. Грибовидное облако ползло со стороны Шира. Сгущался мрак. Трассирующие пули чертили огненные пунктиры. Два звездолета шли на посадку в дюнах. Сыпал град из мелких артефактов. В небе кружили чудовища, все с заостренными ушами.

Надо было уплывать, пока не поздно.

Высокий, с благородным челом, стоял Элронд, владыка Раздола, сын Эарендиля Благословенного и Эльвинг Спасенной. Корона из серебра блистала в его кудрях. Золотой перстень с сапфиром лучился на пальце — величайшее из трех эльфийских колец. Искры играли в серых, как облака над горами, глазах владыки. Древний властитель, могучий воин, полуэльф по рождению, избравший судьбу и долг Перворожденных, — сдерживая напор толпы в Серебристой гавани, в преддверии финального отплытия на Запад, *он вспоминал своих.*

Витязей конца Второй Эпохи.

Лучников на стенах Хельмовой Пади.

Сыновей на холмах перед Барад-Дуром.

Жену, уплывшую в Валинор раньше мужа.

Дочь на престоле королевства людей.

Эльфов Средиземья.

Вокруг бурлило сонмище незнакомцев. Пьяницы, наркоманы, воры, служанки, наемники, убийцы, колдуньи, импотенты, шпионы, амфибии, космолетчики, офицеры, скандалисты — глаза красные, черные и желтые, клыки и жабры, татуировки, грязные пятки...

Собрав волю в кулак, Элронд набрал в грудь воздуха.

— На кораблях! Слушать меня!

Клич его громом раскатился над Серебристой гаванью, перекрыв шум и гомон. Казалось, само небо застыло, трепеща в ожидании.

— Приказываю...

Он вскинул руку, сверкнув сапфиром кольца.

— Приказываю потесниться!

Те, кто был на кораблях, проглотили языки от изумления.

— Мы заберем отсюда всех! Всех!

Причал онемел.

— Ни один эльф не скажет, что ему было отказано в пути на Запад!

Тишина.

— Да будет так!

Толпа ринулась по сходням, роняя чемоданы, баулы и заплечные мешки, теряя жезлы и справки, обрывая погоны

с мундиров, бросая в воду зонтики... Хрустнул под ногами стакан. Брызжа помоями, покатилось ведро. Сходни трещали, грозя подломиться.

На кораблях спешили разместить гостей.

«Вас вылечат! — беззвучно шептал Элронд, следя за столпотворением. — Всех вылечат! Светлый берег и дальний край, осиянный зарей, — на зеленых холмах Запада вы забудете скорбь и злобу, тщеславие и мстительность! Прежний облик вернется к вам, о братья мои! Не знаю, какой подлый Моргот исказил ваши тела и души, превратив в ватагу орков... Но я не могу оставить вас здесь, на произвол судьбы! Это выше моих сил...»

Ветер метался над Серебристой гаванью, надувая паруса.

— На Запад!

Содержание

От составителя 5

Виктор Точинов. НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ДЕМОНОВ МОРЯ 7

Далия Трускиновская. БЕДНЫЕ РЫЦАРИ 57

Михаил Назаренко. ОСТРОВ ЦЕЙЛОН 103

Тимофей Алёшкин. ЧЕТЫРЕ ДРУГА НАРОДА 160

Ника Батхен. СЛЕПЕЦ 252

Владимир Аренев. БЕЛАЯ ГОСПОЖА 256

Даниэль Клугер. ПОЕДИНОК В ЛОРБРУЛЫГРУДЕ 326

Лев Гурский. ЗА МГНОВЕНИЕ ДО ВЕСНЫ 379

Василий Щепетнёв. ЛЕТО СУХИХ ГРОЗ 387

Ярослав Веров, Игорь Минаков. КЛЮЧ К СВОБОДЕ 433

Вячеслав Рыбаков. ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ С МЕЧТОЙ . . . 475

Андрей Кивинов. МЕНТ ОБРЕЧЕННЫЙ 495

Марина Дробкова, Игорь Минаков. ПИОНЕР И КОМЕТА . . . 613

Генри Лайон Олди. МЫ ПЛЫВЕМ НА ЗАПАД 628

Литературно-художественное издание

ГЕРОИ. НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Руководитель проекта Денис Лобанов
Ответственная за выпуск Светлана Белова
Редактор Василий Владимирский
Художественный редактор Александр Золотухин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректор Нина Тюрина
Верстка Александра Савастени

Подписано в печать 20.11.2009.
Формат издания 84 × 108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Гарнитура «Петербург». Тираж 7000 экз.
Усл. печ. л. 33,6. Заказ №4911030.

Издательская Группа «Азбука-классика».
191014, Санкт-Петербург, ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н.
www.azbooka.ru

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «АЗБУКА-КЛАССИКА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Игорь Пронин
«Черная молния»

ГЛАВНЫЙ ПРОЕКТ НОВОГОДНИХ КАНИКУЛ!

ОТ РЕЖИССЕРА «ДОЗОРОВ» ТИМУРА БЕКМАМБЕТОВА!

Первый русский блокбастер о супергерое!

Наш ответ «Человеку-пауку» и «Бэтмену»!

31 декабря 2009 выходит в прокат новый фильм Тимура Бекмамбетова «ЧЕРНАЯ МОЛНИЯ».

ФИЛЬМ БУДЕТ ПРЕДСТАВЛЕН В КАЖДОМ КИНОТЕАТРЕ СТРАНЫ!

В небе над Москвой появилась летающая «Волга», которая наводит ужас на преступников и спасает попавших в беду. За рулем «Волги» простой московский студент Дмитрий Майков, и не помышлявший следовать по стопам Бэтмена или Человека-Паука. Получив раритетный автомобиль в подарок на день рождения, он планировал немного подработать, развозя цветочные заказы, однако вскоре выяснил, что машина может летать, а у него самого появились могущественные недоброжелатели в лице простого российского миллиардера Купцова.

Информацию о приобретении книг по почте или через Интернет читайте на сайте www.azbooka.ru

Серия

Сборники произведений, посвященных одной теме

Только лучшие авторы!

Только лучшие истории!

В серии вышли:

Апокалипсис
Вампиры
Вампиры: Опасные связи
Волшебники
Оборотни
Ужасы
Юмористическое фэнтези
Герои: Другая реальность
Монстры
Научная фантастика: Ренессанс
Научная фантастика: Возрождение
Нежить
Новая космическая опера
Реально смешное фэнтези
Космическая фантастика: Космос будет нашим

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

Издательская Группа «Азбука-классика»

Санкт-Петербург:
ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н
Почта: 191014, Россия, Санкт-Петербург,
ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н
Тел.: (812) 324-61-49, 388-94-38
факс: (812) 321-66-60
E-mail: office@azbooka.spb.ru

Москва:
тел./факс (495) 951-74-36, 959-55-69
info@azbooka-m.ru

Информация о новинках и планах, а также условия сотрудничества на сайте

www.azbooka.ru

В 2008 году антология «Герои. Другая реальность» была признана лучшим тематическим сборником по версии журнала «Мир фантастики». История продолжается: ведущие писатели России и зарубежья развивают тему на страницах новой книги. Генри Лайон Олди и Андрей Кивинов, Вячеслав Рыбаков и Далия Трускиновская, Виктор Точинов и Лев Гурский — эти имена давно знакомы и заслуженно любимы поклонниками фантастического и детективного жанров. Писатели предлагают свои версии развития событий, знакомых нам по произведениям Толкина и Стругацких, Олеши и Чехова, Конан Дойла и Свифта. Добро пожаловать во вселенную литературной игры, вселенную «альтернативной классики»!

ISBN 978-5-9985-0755-7 01
9 785998 507557
www.azbooka.ru